САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

КОРОНА КОБРЫ

Леон Спрэг де Камп

Лин Картер

Если вы еще не знакомы с варваром Конаном — эта книга подарит вам Героя, которого вы не забудете уже никогда!

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ЗИНГАРА
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
КХИТАЙ
Халога
Галлараи
Танасул
Велитриум
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Аренджун
Тарантия
Шамар
Ианта
Хоршемиш
Кордава
Аграпур
Самарра
Замбула
Шангара
Хорезм
Кутхемес
Асгалун
Эрун
Мессантия
Баракские острова
Птейон
Кеми
Луксур
Сухмет
Аликмон
Кассаль
Кешла
Ксутал
Ксухотл
Черный остров
остров Сиптака
остров Железных Идолов
остров Ксапур
Р. Черная
Р. Горькова
Р. Шарка
Р. Хорот
Р. Тайбор
Р. Красная
Р. Стикс
Р. Зарзеба
Р. Зелёная
Горы Кезанкия
Горы Илбарс
Карпашские горы
С
З
В
Ю

Снова мы вместе!

КОНАН

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

КОРОНА КОБРЫ

Леон Спрэг де Камп
Лин Картер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
С 74

Leon Sprague de Camp, Lin Carter
Conan the Buccaneer.
Copyright © 1971 by Leon Sprague de Camp, Lin Carter.
Conan of the Isles.
Copyright © 1968 by Leon Sprague de Camp, Lin Carter.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Спрэг де Камп Л., Картер Л.
С 74 Корона Кобры: Романы. Рассказы / Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 640 с.
ISBN 5-7684-0134-2

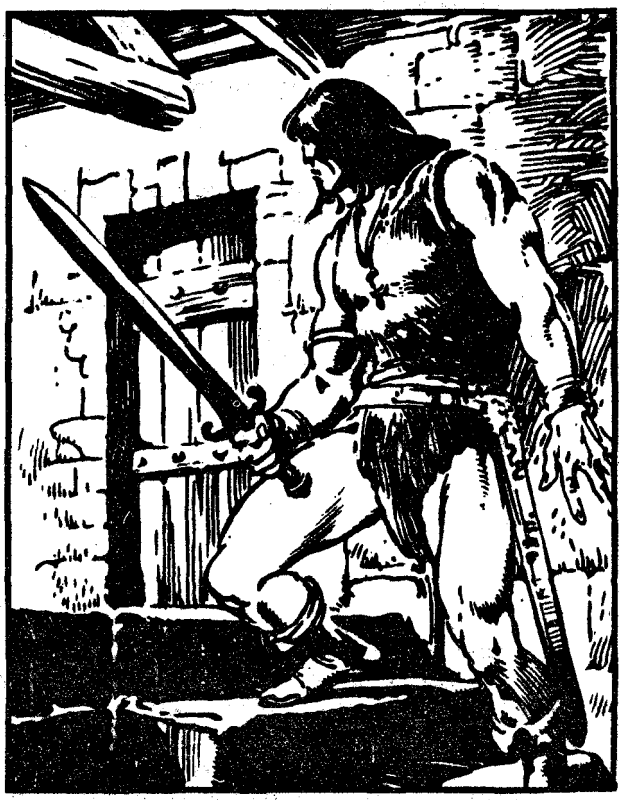
В книгу вошли лучшие произведения признанных мастеров жанра «меча и колдовства» Спрэга де Кампа и Лина Картера.

Читатели познакомятся с самыми захватывающими эпизодами из жизни могучего Конана из Киммерии.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0134-2

Рассказы

ПОЕДИНОК В ГРОБНИЦЕ

1. КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Вот уже два дня волки преследовали его по лесу, и теперь они вновь подошли совсем близко. Юноша бросил взгляд через плечо. Он увидел меж черных стволов неясные, смутные серые тени с глазами, как пылающие угли в наступающих сумерках. На сей раз — и он знал это — ему больше не удастся прогнать их прочь.

Он не мог видеть далеко, поскольку вокруг него стояли, точно молчаливые солдаты зачарованной армии, черные ели — настоящее войско. Снег еще задержался грязно-белыми пятнами на северных склонах гор, но журчание тысячи ручейков тающего снега и льда обещали уже близкую весну. Даже в разгар лета эти земли были темны, безмолвны, мрачны, а теперь, когда слабый свет едва рассеивал сумерки облачного дня, казались еще безотраднее.

Юноша побежал дальше по склону, густо поросшему лесом. Он бежал так, как уже бежал два дня, после того как с боем проложил себе дорогу к свободе из невольничьих загонов гиперборейцев. Хотя по рождению он был чистокровным киммерийцем, он тем не менее примкнул к одной из тех асирских орд, что делали небезопасными границы Гипербореи. Мрачные белокурые воины, под стать своей суровой стране, прогнали и уничтожили большую часть северян. Конан был взят в плен и впервые в своей жизни испытал на себе горечь цепей и ударов плети — обычный жребий раба.

Однако недолго терпел он неволю. Ночью, пока остальные спали, он так долго тер одно звено своей цепи о камень, пока оно не истончилось настолько, что при удобном случае его можно было сломать. И тогда, во время сильной бури, он освободился. Порванную цепь длиной

в четыре фута он превратил в оружие и убил этим обрывком своего надсмотрщика, а также солдата, который пытался преградить ему дорогу. После этого он нырнул в заросли орешника. Дождь, скрывший его от глаз преследователей, сбил со следа и охотничьих собак, и они не смогли отыскать беглеца.

Хотя теперь Конан был свободен, между ним и его родной Киммерией простиралась огромная земля, чужие, враждебные королевства. Так что бежал он на юг, в дикую горную страну, отделявшую южные болота Гипербореи от плодородных британийских равнин и туранских степей. Где-то на юге, слыхал он, находится сказочное королевство Замора, где живут темноволосые женщины и высятся таинственные башни — обители пауков. Там знаменитые города: столица Шадизар, именуемый Проклятым; город воров Аренджун и Йезуд, город Паучьего Бога.

Едва год минул с той поры, как Конан в первый раз попробовал на вкус прелести цивилизации, — когда он с ордой своих кровожадных киммерийских собратьев по клану штурмовал стены Венариума и внес свою лепту в разграбление этого аквилонского форпоста. Эта проба пробудила его аппетит, наполнила рот слюной. У Конана не было ясного представления о том, что он намерен предпринять, только смутные мечты о дерзких приключениях в роскошных странах Юга, видения сверкающего золота, искрящихся самоцветов, яств и пития в избытке и страстные объятия прекрасных женщин благородных кровей — дар за его геройскую отвагу. На юге, думал он, его могучий рост и сила с легкостью помогут ему задавить этих слабаков-горожан и добиться славы и богатства. И потому Конан стремился на юг в поисках своего счастья, имея при себе лишь драную куртку раба и обрывок цепи в руке.

И вот однажды его учуяли волки. В обычной ситуации сильному мужчине можно не слишком страшиться этих животных, но зима, которая близилась уже к концу, была слишком суровой. Волки изголодались, и пустое брюхо заставило их позабыть обычную осторожность.

Когда звери впервые преградили ему путь, Конан с такой дикой яростью раскрутил свою цепь, что один серый волчара с перебитым позвоночником, взвыв, заскребся в снегу, а второй остался лежать с размозженным черепом.

Их кровь окрасила тающий снег. Изголодавшаяся стая отступила от юноши с дикими глазами и страшной цепью и вместо него принялась рвать зубами своих убитых собратьев, а юноша побежал дальше на юг. Но прошло немного времени, и они вновь принялись преследовать его.

Днем раньше, на закате солнца, они выскочили перед Конаном на замерзшей реке у британской границы. На скользком льду он бился с ними, и его окровавленная цепь взлетала как молотильный цеп, пока самый яростный волчара не ухватил за железные звенья, не вцепился в них и не вырвал их из замерзших человеческих рук. И тогда под тяжестью стаи и бешенством драки треснул подтаявший лед. Задыхаясь и хрипя, Конан провалился в ледяную воду. Несколько волков оказались в воде вместе с ним — беглым взглядом он заметил наполовину затянутого под лед волка, отчаянно шарившего передними лапами по краю льда в попытке выбраться, но скольким волкам удалось спастись из воды и сколько их было затянуто течением под ледяной панцирь, этого он никогда не узнал.

Стуча зубами, Конан вылез на лед на противоположном берегу, оставив позади завывающую стаю. Всю ночь и целый день, до теперешней минуты, он бежал в южном направлении по лесистым холмам, полуголый, промерзший. И вот звери вновь настигали его.

Холодный горный воздух разрывал натруженные легкие, и каждый вдох горел в них, точно глоток адского пламени. Онемевшие, налитые свинцом ноги передвигались словно бы без всякого его участия. С каждым шагом сандалии опускались в раскисшую почву и с чавканьем высвобождались.

Конан знал, что с пустыми руками не имеет ни единого шанса уцелеть в борьбе с дюжиной жаждущих крови голодных волков. Несмотря на это, он продолжал бежать. Его мрачная киммерийская натура не позволяла ему сдаваться даже перед лицом верной гибели.

Вновь пошел снег — большие серые хлопья опускались на теплую землю, и звук их падения был слышен, и темная сырая земля и высокие черные ели покрылись мириадами белых пятен. Тут и там сугробы виднелись на ковре опавшей прошлогодней хвои. Местность постепенно становилась скалистой и гористой. И в этом, подумал

Конан, быть может, состоит его шанс остаться в живых. Можно прислониться спиной к скале и душить волков поодиночке. Довольно-таки скудный шанс — слишком хорошо знал он теперь стальные капканы зубов, ловкость этих истощенных тварей, которые навалятся на него весом в сотню фунтов, — однако все же лучше такой шанс, чем вообще никакого.

Лес редел по мере того, как склон становился круче. Конан бежал вверх по мощной скале, которая выступала точно вход в крепость, поглощенную горой. Вот уже волки выскочили из густого леса и теперь жарко дышали Конану в спину. И выли, точно багровые демоны преисподней, когда те уносят проклятую душу.

2. ДВЕРЬ В СКАЛЕ

Сквозь мутную белизну снегопада юноша разглядел зияющий черный провал меж двух гладких могучих скал. Он бросился туда. Волки уже наступали ему на пятки. Он чувствовал их горячее дыхание на своих голых ногах, когда наконец добежал до расселины. Он успел протиснуться туда как раз в то мгновение, когда самый смелый из волков прыгнул. Истекающая слюной пасть схватила пустой воздух. Конан был в безопасности.

Но надолго ли?

Юноша наклонился и пощупал в темноте шершавую скалу в поисках какого-нибудь камня, которым можно было бы отогнать воющую стаю. Он слышал, как звери бродят вокруг в мягком снегу и скребут лапами камень. Так же как и Конан, они хрипло кашляли. Они нюхали воздух и повизгивали, жаждая его крови, но ни один не полез следом за Конаном в расселину, серую щель в черноте скал. И то, что они не пошли за ним туда, было странно.

Конан установил, что он находится в узкой пещере, тьму которой лишь немного рассеивает сумеречный свет, пробивающийся через расселину. Неровный пол был покрыт нечистотами, нанесенными сюда за столетия ветром, птицами и зверьем; тут были перепревшие листья, еловые иглы, ветки, парочка-другая мослов, камешки, острые об-

ломки скальной породы. Но ничего из этого Конан не мог бы использовать в качестве оружия.

Юноша выпрямился во весь рост — он был в свои годы уже на несколько дюймов выше шести футов — и принялся ощупывать стены, вытянув вперед руки. Вскоре он обнаружил вторую расселину. Когда он проник в еще более глубокую черноту второй пещеры, его ищущие руки нащупали странные знаки на стене — загадочные письмена неизвестного языка, неизвестного, по меньшей мере, для мальчишки-неуча из северной варварской страны, который не умел ни читать, ни писать и издевался над грамотой — даром цивилизации — именуя все это «бабскими утехами».

Ему пришлось низко наклониться, чтобы протиснуться в следующую щель, но в помещении, открывшемся перед ним, он снова мог стоять во весь рост. Он замер и настороженно прислушался. Хотя здесь царила абсолютная тишина, что-то подсказывало ему, что он был не один в этом скальном зале. Не было ничего такого, что он мог бы увидеть, услышать или унюхать, однако Конан чувствовал Нечто, и жутковатое ощущение захлестывало его.

Его уши — острый слух лесного охотника — ловили отзвуки эха. Судя по этим звукам, внутренняя пещера была намного больше, чем внешняя — «прихожая» этого скального дворца. Пахло пылью и пометом летучих мышей. Шаркая ногами, Конан натыкался на мусор, рассыпанный по полу. Хотя он не мог ничего видеть, на ощупь это было не похоже на нечистоты, занесенные из леса (как во внешней пещере); скорее это напоминало творения рук человеческих.

Он быстро шагнул вдоль стены и споткнулся в темноте об один из странных предметов. Когда отнюдь не субтильный киммериец налетел на эту вещь, она с треском разлетелась под его тяжестью. Щепка впилась в кожу и добавила еще одну царапину к тем, что оставили кустарники и волки. Ругаясь, Конан наклонился и ощупал предмет, который раздавил. Это был стул из настолько прогнившей древесины, что он разлетелся бы в труху и под менее массивным человеком, чем Конан.

Немного осторожнее он вновь принялся за исследование. Шаря руками, он коснулся предмета побольше, в котором под конец признал бывшую боевую колесницу; колеса упали, поскольку проржавели оси; сама повозка лежала прямо на полу между обломками ободов и спиц.

Затем руки Конана наткнулись на что-то холодное, металлическое — предположительно кусок обшивки колесницы. Это навело его на очередную идею. Он повернулся и на ощупь нашел старую дорогу к внешнему гроту, который был едва различим во всеобъемлющем мраке. С пола передней пещеры Конан собрал горсть сгнивших листьев и несколько камешков. Вернувшись во внутреннюю пещеру, он сложил древесину в кучу и начал стучать камешками по железу. После долгих отчаянных усилий он наконец нашел камешек, выбивавший искры в достаточном количестве.

Вскоре уже горел маленький коптящий костерок, и Конан подкладывал туда обломки стула и деревянных частей колесницы. Теперь напряжение отпустило его. Он мог немного отдохнуть после долгого бега и согреться — он промерз до костей. Ярко пылающий костер будет также удерживать на расстоянии волков, которые все еще выли у расселины. Они не решались преследовать его в темноте пещеры, но не желали тем не менее отказываться от своей добычи.

Пламя распространяло теплый желтый свет, и тени танцевали на грубо высеченных в скале стенах. Конан осмотрелся по сторонам. Помещение было квадратным и еще более просторным, чем он думал. Паутина почти полностью покрывала своды пещеры. Несколько еще целых стульев стояли у стены, кроме того — два трухлявых сундука, полных одежды и оружия. В гигантском скальном склепе все еще пахло смертью — запах давно истлевших и непогребенных тварей.

Внезапно волосы у юноши зашевелились на затылке и весь он покрылся гусиной кожей, когда разглядел на каменном троне у противоположной стены пещеры могучую фигуру обнаженного человека. Меч без ножен лежал на его коленях; череп, с которого давно уже облезло мясо, слепо взирал на Конана сквозь коптящее пламя костра.

Вглядевшись по-пристальнее, Конан понял, что голый великан был мертв, мертв уже давно. Кожа трупа стала коричневой, пальцы высохли и стали как тонкие ветки. Мясо слезло с костей, сморщилось и клочьями висело на открытых ребрах.

Однако это открытие отнюдь не уменьшило Конанова ужаса. Хотя юноша, для своих лет чрезвычайно отважный, не страшился битвы с врагом ни в человеческом обличье, ни в облике дикого зверя, хотя не пугали его ни боль, ни сама смерть, все же он был варваром с северных киммерийских гор, и, как всех варваров, его охватывал ужас перед сверхъестественным, что таится в гробницах и ночной тьме, — со всеми их мороками, колдунами и демонами, с чудовищными созданиями глубокого мрака и хаоса, которые, как верят дикари, делают ночь за пределами светового круга лагерных костров весьма небезопасной. Куда милее было бы Конану иметь дело даже с голодной волчьей стаей, нежели оставаться здесь с покойником, неподвижно глазевшим на него сверху вниз со своего каменного трона. В коптящем пламени его череп, казалось, зримо наполнялся жизнью, и пустые глазницы вспыхивали, точно оживая.

3. ТВАРЬ НА ТРОНЕ

Хотя кровь у Конана заледенела в жилах, а волосы на затылке стояли дыбом, юноша напряг всю свою волю и овладел собой. Он проклинал свой несчастный страх перед сверхъестественным и на еле гнущихся ногах сделал-таки несколько шагов по пещере, чтобы поближе рассмотреть того, кто так давно уже мертв.

Трон представлял собой угловатый каменный блок из блестящей черной породы, грубо высеченное сиденье, взгроможденное на пьедестал высотою в фут. Обнаженный либо так и скончался, сидя на троне, либо был усажен на него сразу после смерти. Одежды, в какие он был некогда облачен, ныне уже давным-давно истлели. Бронзовые пряжки и обрывки кожаных ремней от доспеха еще лежали у его ног. Цепь из необработанных золотых самородков висела на шее; неотшлифованные драгоценные камни

блестели в золотых перстнях на пальцах, скрюченных, как когти, которые все еще цеплялись за подлокотники трона. Рогатый брон зовый шлем, в густой зелени паутины, покрывал череп над жутким иссохшим коричневым ликом.

Железным усилием воли Конан вынудил себя пристальнее рассмотреть эти разрушенные временем черты. Глаза выпали и оставили после себя лишь два черных провала глазниц. С иссохших губ облезла кожа, и теперь рот, казалось, застыл в недружелюбной улыбке, выставив желтые зубы.

Кем был некогда этот мертвец? Воин древних времен, возможно великий вождь, которого так страшились при жизни, что и после кончины не посмели отказать ему в троне? Кто мог бы поведать об этом теперь? Сотни кланов и племен прошли с той поры по этой гористой пограничной земле и владычествовали над ней после того, как восемь тысяч лет назад изумрудно-зеленые воины Западного Океана поглотили Атлантиду. Судя по рогам на шлеме, мертвец мог быть вождем ваниров или асиров прежних времен, но возможно также, что он был примитивным королем забытого хайборийского племени, давным-давно исчезнувшего в тени Времени и погребенного под пылью эпох.

Лишь слегка подняв взор, Конан впервые заметил, ч т о лежало поперек костлявых колен мертвеца. Могучим оружием был он — широкий меч с клинком длиною более трех футов. Он был выкован из синеватой стали — не меди или бронзы, как того было бы естественно ожидать, принимая во внимание явную древность погребения. Быть может, то был один из первых железный мечей, когда-либо изготовленных человеческой рукой. Легенды Конанова народа рассказывали о тех днях, когда люди сражались красноватыми бронзовыми клинками, а ковка стали была им тогда еще неведома. Много битв, должно быть, повидал на своем веку этот меч, ибо его клинок, хоть и острый до сих пор, нес на себе следы не одной дюжины зарубок, оставленных другими клинками и секирами, чьи удары он отразил. Был он, правда, покрыт пятнами и ржавчиной от старости, но это было все еще устрашающее оружие.

Юноша почувствовал бешеное биение пульса в висках. Кровь прирожденного воина вскипала в его жилах.

Кром, вот это меч!

С таким клинком он сможет куда больше, чем отбиться от голодной шайки волков, все еще топтавшихся, скуля, у входа в пещеру. С громко стучащим сердцем Конан потянулся к рукояти, не замечая предостерегающих вспышек в пустых глазницах высохшего трупа.

Он испытующе взвесил оружие в руке. Оно показалось ему тяжелым как свинец — это оружие древнейших эпох. Быть может, знаменитый герой носил его, легендарный полубог, как Кулл из Атлантиды, некогда король Валузии, — задолго до того, как легендарный континент поглотило не знающее покоя море...

Юноша взмахнул мечом. Его мускулы вздулись, сердце забилось еще сильнее от гордости обладания чудесным оружием. Боги мои, что за меч! С таким мечом в руке воин, стремящийся к славе, ни одну цель не назовет чересчур высокой! С оружием, подобным этому, даже полуголый юный дикарь из варварской Киммерии наверняка сумеет проложить себе дорогу через вселенную и завоевать место среди великих королей земли.

Конан отошел от трона на несколько шагов, чтобы лучше испытать меч. Он рассек им воздух, отразил воображаемое нападение, и оружие становилось ему все привычнее и привычнее. Старый острый меч свистел, когда Конан взмахивал им, и широкий клинок отражал коптящий свет пламени, игравший на нем, бросая искры света на грубые стены скалы, точно расцветшие маленькими золотыми метеорами. С таким ярким маяком он сможет поспорить не то что с голодной ордой, караулившей его у пещеры, — с целым миром, полным могучих воинов.

Раздувая грудь, Конан испустил дикий боевой клич своего народа. Отзвуки этого вопля загремели под сводами склепа, разогнали по углам тени, смели древнюю пыль. У юноши и мысли не мелькнуло, что подобный вызов в таком месте, как это, может спугнуть нечто большее, чем просто тени и пыль, быть может, существ, которые по законам природы должны были мирно почивать и дремать в покое, пока на земле сменяется эпоха за эпохой.

Конан замер, точно застыв, когда внезапно уловил звук — непередаваемое сухое шуршание. Оно доносилось с той стороны склепа, где находился трон. Он резко повернулся — и волосы поднялись у него дыбом, и кровь

прекратила движение по жилам. Все его суеверные страхи, весь ужас перед сверхъестественными созданиями ночи ожили и охватили его.

Мертвец проснулся к жизни.

4. КОГДА МЕРТВЕЦ ОЖИВАЕТ

Медленно, судорожно поднялся труп со своего каменного трона и уставился на Конана черными провалами глазниц, где и теперь, казалось, холодным, злым огнем сверкали живые глаза. Каким-то образом — древними чарами, о которых мальчишка-варвар не мог даже подозревать, — жизнь двигала иссохшую мумию вождя, мертвого бесконечно долгие годы. Рот, застывший в вечной ухмылке, хотел заговорить, челюсть открылась и захлопнулась в жуткой пантомиме ужаса, однако единственным звуком, который Конан мог услышать, был тот треск, что он уловил в самом начале. Точно терлись друг о друга истлевшие остатки мышц и высохших жил. Для Конана эта безмолвная имитация речи была еще хуже, чем то обстоятельство, что мертвец вновь жил и двигался.

С треском мумия спустилась с пьедестала трона и повернула череп в сторону Конана. Когда взор пустых глазниц замер на мече в руке Конана, в них засверкали искры. Мумия неуклюже побрела под сводами склепа и приблизилась к Конану чудовищной фигурой из кошмарного сна, приснившегося одержимому безумцу. Она простерла костлявые пальцы-когти, чтобы вырвать меч из молодых сильных рук киммерийца.

Почти парализованный суеверным ужасом Конан шаг за шагом отступал назад. В свете костра черные, жуткие тени, отбрасываемые мертвецом, метались по стене, и эти тени, словно духи, скользили след в след за мумией. Если не считать потрескивания костра, пожиравшего гнилые, древние-предревние обломки мебели, которыми Конан кормил свой огонек, треска и скрипа иссохших мышц, которые шаг за шагом тяжеловесно приближали труп к юноше, и тяжелого дыхания, с хрипом вырывавшегося из глотки перепуганного молодого варвара, — если не считать всех этих звуков, в гробнице было совершенно тихо.

Теперь мертвец притиснул Конана к стене. Коричневатые когти рывками подбирались все ближе и ближе. Реакция юноши была чисто автоматической: инстинктивно он ударил по ним. Клинок просвистел по воздуху и отрубил протянутую руку, хрустнувшую, как сухая ветка. Хватая пустой воздух, отрубленная рука упала на пол. Из тощего обрубка не брызнуло ни капли крови.

Страшное ранение, которое вывело бы из строя любого живого воина, даже не замедлило поступи двигающегося трупа. Он только отдернул обрубок руки, лишенной кисти, назад и протянул другую.

Конан дико отскочил от стены и занес клинок, описав широкую дугу, для мощного удара. Удар обрушился на бок мумии. Ребра треснули, как гнилые ветви, и живой мертвец с шорохом рухнул на пол. Хрипло переводя дыхание, Конан неподвижно застыл в середине пещерного зала, обхватив покрепче рукоять меча рукой, мокрой от пота. Он широко распахнул глаза, когда увидел, что мумия вновь тяжело поднимается и, шаркая и волоча ноги, вновь тянет к нему оставшиеся неповрежденными когти.

5. ПОЕДИНОК

Они кружили друг вокруг друга, медленно-медленно. Конан наносил удары мечом, но шаг за шагом отступал от мумии, неотступно приближающейся к нему.

Один удар по неповрежденной руке пропал втуне, потому что мумия отдернула ее в сторону. Удар был, однако, настолько силен, что Конан совершил резкий полуоборот вокруг своей оси, и движущийся труп его уже почти настиг, прежде чем он обрел равновесие. Пальцы-когти ухватили клочок его куртки и сорвали лохмотья одежды, так что Конан остался в одних сандалиях и набедренной повязке.

Молодой варвар отскочил назад и, широко размахнувшись, ударил мумию по голове. Чудовищное создание пригнулось, и вновь юноше пришлось поспешно отступить. Наконец меч со звоном грянул о шлем и отрубил один из рогов. Второй удар сорвал шлем с головы и вонзился в прогнивший коричневый череп. На миг клинок оставался там — один только миг, но его было достаточно,

чтобы Конана обуял глубинный, потаенный ужас перед сверхъестественным, пока юноша отчаянно пытался освободить свое оружие.

Затем меч ударил мумию по ребрам, и на одно почти смертельное мгновение застрял в позвоночнике, прежде чем Конан успел выдернуть клинок. Но ничто, как казалось, не могло остановить этот оживший ужас, и поскольку тот был уже мертв, не мог быть умерщвлен ничем. Вновь и вновь труп, шатаясь, поднимался и, спотыкаясь, брел вперед, не испытывая ни усталости, ни колебаний, к юноше, хотя на его теле уже остались следы таких ран, которых хватило бы, чтобы оставить извиваться в пыли добрую дюжину столь же умелых бойцов.

Как же убить то, что уже мертво? Этот вопрос гремел в голове Конана, пока ему не стало казаться, что череп у него лопнет. В легких кололо, сердце колотилось, как безумное. Колющие, рубящие удары — ничто не могло остановить оживший труп.

Теперь Конан действовал осмотрительнее. Он думал, если мумия больше не сможет держаться на ногах, она не сможет также и преследовать его. Диким ударом снизу он перебил колени трупа. Хрустнули кости, и мумия рухнула на пол. Но все еще горела жуткая жизнь в иссохшей груди трупа. Он вновь неуклюже поднялся на ноги и заковылял следом за киммерийцем, волоча скорченную ногу.

И снова Конан развернулся и снес нижнюю половину лица мумии. Нижняя челюсть упала на пол и с лязгом пропала в тени. Однако мертвец даже не остановился. Обнаженная верхняя челюсть мерцала белым под чудовищным свечением в глазницах, в то время как мумия неловко, но неустанно преследовала своего противника. Конан почти желал очутиться снаружи и оказаться среди волков вместо того, чтобы забираться в этот проклятый склеп, где влачат свою потустороннюю жизнь всякие твари, которые уже тысячу лет как должны быть погружены в мирный сон смерти.

Вдруг что-то схватило киммерийца за щиколотку. Он потерял равновесие и растянулся во весь рост на грубом скальком полу. Конан яростно дернул ногой, чтобы освободиться. Тут только он увидел, что в нее вцепилось,

и кровь застыла у него в жилах — это была отрубленная кисть мумии. Пальцы с когтями впились в его кожу.

И вот уже отвратительная кошмарная фигура склоняется над ним. Обрубок лица трупа тупо уставился на него сверху вниз, когти сомкнулись на его горле.

Конан реагировал инстинктивно. Со всей силы ударил он обеими ногами навалившееся тело мумии. Оно пролетело по воздуху и с треском приземлилось позади Конана прямо посреди костра.

Теперь юноша схватил отрубленную кисть, которая все еще держала его за щиколотку. Он освободился от костлявых пальцев, вскочил на ноги и бросил отвратительную когтистую лапу мумии вслед за ее владельцем в огонь. Конан поспешно наклонился, схватил меч и повернулся — но битва была уже закончена.

Высохший за бесчисленные столетия, проведенные в дреме склепа, труп горел как сухой кустарник. Неестественная жизнь, теплившаяся в нем, заставляла мертвеца пытаться выбраться на свободу, в то время как пламя охватывало его, превращая мумию в живой факел. Оставалось совсем немного, и труп выбрался бы из огня, но тут подвела обрубленная нога, и он мешком рухнул обратно в разгоревшийся, трещавший огонь. Горящая рука отвалилась, как сломанная ветка. Череп покатился по углям. Несколько мгновений — и ничего не осталось больше от этой древней мумии, кроме россыпи тлевших костей.

6. МЕЧ КОНАНА

Конан испустил вздох облегчения и задержал дыхание. После того как напряжение исчезло, он чувствовал опустошенность в каждой клеточке тела. Он вытер с лица холодный пот ужаса и отбросил назад спутанные черные волосы, проведя по ним пальцами. Мумия мертвого воина была наконец воистину мертва, и могучий меч принадлежал теперь Конану. Он вновь взвесил его в руке и порадовался тому, как ловко он лежит в его ладони.

Одно мгновение он подумывал о том, чтобы провести ночь в этом склепе. Он был смертельно уставшим. Снаружи поджидали его только волки и ледяной холод,

они караулили, чтобы наброситься на него, и даже его врожденное чувство ориентации, обостренное жизнью в диких краях, не много поможет ему в беззвездную ночь в чужой стране.

Но затем Конана охватило отвращение. Под сводами, полными дыма, воняло теперь не только пылью веков, но и паленым человеческим мясом, пусть даже и мертвым, — это был жуткий запах, ничего подобного нос варвара еще не переносил, и желудок у киммерийца завязался узлом. Оставленный трон точно уставился на Конана неподвижно и зло. Неприятное чувство, которое охватило его, когда он только вошел во внутренний пещерный зал, все еще не прошло. Кожу покалывало, и дрожь пробегала у него по спине, когда он думал о том, что придется провести ночь в этой гробнице.

Кроме того, новый меч наполнял его уверенностью. Грудь его вздымалась, и он завертел клинком над головой.

Секундой позже он покинул пещеру, завернувшись в старый мех, найденный в одном из сундуков, с факелом в одной руке и мечом в другой. Волков не было и следа. Он взглянул вверх на небо. Облака разошлись. Конан внимательно посмотрел на те звезды, что были сейчас видны, затем снова пустился в свой путь на юг.

ГОРОД ЧЕРЕПОВ

КРАСНЫЙ СНЕГ

В далеких пустынных степях Гиркании, у отрогов гор Талакмы, на туранский караван набросилась, завывая по-волчьи, орда приземистых смуглых воинов. Нападение произошло на закате солнца. Западный горизонт полыхал полосами алого сияния, а невидимое уже солнце окрашивало в розовый цвет снег на самой высокой горной вершине.

Пятнадцать дней двигался караван из Турана по равнине. Он перешел вброд ледяную речку Запорожку и все дальше и дальше углублялся в бесконечные просторы востока. И тогда, с быстротой лесного пожара, разгорелась битва.

Гормаз склонился в седле с вражеской стрелой в горле, и Конан подхватил на руки тело лейтенанта. Он осторожно опустил убитого на землю, потом с проклятием вырвал из ножен меч и с широким клинком в руке встал против наседающей орды вместе со своими товарищами. Уже больше месяца ходил он по пыльным гирканским степям. Монотонность путешествия давным-давно успела уже наскучить ему, и теперь его варварская душа жаждала боя.

Он отбил мечом удар позолоченной кривой сабли первого же из нападающих с такой яростью, что клинок сабли переломился прямо под рукоятью. Оскалившись как голодная рысь, Конан швырнул обломок прямо в живот кривоногого воина. Тот взвыл, как проклятая небом душа в пламени преисподней, и, содрогаясь, упал в снег, который быстро окрасился алым.

Киммериец повернулся в седле, чтобы встретить щитом удар другого нападающего. Выбив клинок из рук своего

противника, он ударил острием меча прямо между раскосых глаз желтого лица, которое скалило ему зубы — и вдруг залилось кровью и опустилось безжизненно.

И вот нападающие уже набросились на них всей толпой. Десятки невысоких смуглых людей в фантастических плетеных кожаных доспехах, украшенных золотом и блестящими драгоценностями, накинулись на них с яростью демонов. Звенели тетивы, взлетали копья, вращались и звонко гремели мечи.

По другую сторону кольца обступивших его врагов Конан заметил своего товарища Юму, огромного чернокожего парня из Куша, который дрался пешим. Его лошадь пала при первой же атаке, пронзенная стрелой. Кушит потерял свою меховую шапку, и золотое кольцо, висевшее в его ухе, отчетливо блестело в лучах рассеянного света. Пика, к счастью, оставалась при нем. С ее помощью он вышвырнул из седел трех противников, одного за другим.

Позади Юмы, во главе отряда отборных солдат короля Йилдиза, принц Ардашир, командовавший эскортом, выкрикивал приказы, не слезая со своего могучего жеребца. Он все время втискивался на коне между врагами и паланкином, охраняя его от нападения, — в паланкине сидела дочь Йилдиза, принцесса Созара. Отряд должен был доставить принцессу в целости и сохранности Куюле, великому хану кочевых племен куйгаров, которому она предназначалась в жены.

Когда Конан снова бросил взгляд в ту сторону, он увидел, что принц Ардашир прижимает руку к своей меховой куртке. Словно по велению магии — так, во всяком случае, это выглядело — в основании его шеи внезапно появилась черная стрела. Расширенными глазами принц посмотрел на ее оперение, потом упал с коня, прямой, как статуя. Его остроконечный шлем, усыпанный драгоценными камнями, покатился в забрызганный кровью снег.

После этого у Конана уже не было времени заботиться о чем-либо ином, кроме как о завывающих врагах, обступивших его. Несмотря на то что киммериец не так давно вышел из подросткового возраста, он был выше шести футов аж на несколько дюймов. Смуглые противники варвара казались карликами рядом с его рослой

мощной фигурой. Когда они, скаля зубы, окружили его, они напоминали собак, сбившихся в стаю и пытающихся разорвать королевского тигра.

Битва бушевала у отрогов гор, и с их вершин, наверное, казалось, что это всего лишь ветер гоняет по снегу листья, Лошади топтались, ржали, падали. Люди наносили удары, ругались, орали. Тут и там лишенные своих коней всадники продолжали сражаться пешими. Тела людей, трупы коней лежали, втоптанные в разрытую грязь, на залитом кровью снегу.

Красная пелена застилала глаза Конана, и он обрушивал на врагов свой меч с яростью берсерка. Он предпочел бы один из тех широких прямых мечей западного образца, с которыми был так хорошо знаком, но и кривым клинком солдата туранской армии он сеял вокруг себя смерть и разрушение. В его умелой руке стальная сабля сплетала в воздухе сверкающую сеть смерти, и уже не менее девяти маленьких смуглых воинов в сверкающих кожаных доспехах попались в эту сеть и были оттащены прочь дрожащими лошадьми — обезглавленные, с пробитым сердцем. С диким боевым кличем своего горного клана на устах киммериец дрался как одержимый. Однако вскоре он замолчал, потому что каждый вздох теперь нужен был ему для нападения и обороны. Битва, вместо того чтобы идти к завершению, становилась все более яростной с каждой минутой.

Всего лишь семь месяцев прошло с тех пор, как Конан — единственный из всех уцелевший — вернулся из экспедиции, которую несчастья преследовали буквально по пятам. Король Йилдиз отправил ее с целью покарать взбунтовавшегося сатрапа северного Турана Мунтассем-хана. С помощью черной магии сатрап уничтожил королевский отряд, испепелил абсолютно всех, кто был послан его усмирять, от высокородного генерала Бакры из Акифа до последнего пехотинца. Да, он полагал, что погибли все. Но молодой Конан остался в живых. Одна невольница помогла ему добраться до города Яралет, который страдал под игом одержимого черным чародейством сатрапа, и страшный жребий выпал тогда на долю Мунтассем-хана.

По возвращении в роскошную столицу Турана, город Аграпур, Конан получил в награду почетный меч из рук

короля. Поначалу он терпел немало насмешек от товарищей из-за своей неловкости в верховой езде и обращении с луком. Но они быстро утратили чувство юмора, когда Конан с помощью могучего кулака принялся обучать их уважению к владельцу этого метательного снаряда. А вскоре он выучился управляться и с конем, и с луком.

Однако теперь киммериец вовсе не был уверен, что сумеет получить причитающуюся ему за эту экспедицию награду. Легкий кожаный щит в его левой руке разлетелся в щепы, и он отбросил его. Стрела вонзилась в круп его коня. Заржав, конь опустил голову и взбрыкнул задними ногами. Конан перелетел через голову коня, описав в воздухе дугу. Животное перескочило через него и скрылось.

Полуоглушенный киммериец поднялся, шатаясь, и продолжал биться пешим. Кривые сабли врагов исполосовали его плащ и разорвали кольчугу. Они пробили его кожаную куртку, и кровь теперь сочилась из десятка небольших ран.

Он сражался, оскалив зубы в злобной усмешке, с глазами, пылающими от ярости, как вулкан, и грива черных прямых волос падала ему на лицо. Один за другим погибали его товарищи, пока наконец они не остались вдвоем с черным великаном Юмой, спина к спине. Кушит держал, как шест, сломанное копье.

Внезапно Конану показалось, что сквозь туман красной ярости, застилавшей его глаза, опускается молот. Тяжелая булава ударила его по виску. Она раздавила и расколола остроконечный шлем, так что металл сдавил его голову. Колени его подогнулись. Последнее, что он слышал, был пронзительный, отчаянный крик принцессы, когда приземистые кривоногие воины, усмехаясь, вытащили ее из паланкина на окровавленный снег. Потом он упал лицом вниз на землю и потерял сознание.

ЧАША БОГОВ

Тысячи маленьких дьяволов стучали красными пылающими молоточками в голове у Конана. Ему казалось, что при малейшем движении голова начинает гудеть, как целая кузница. Когда его сознание наконец понемногу

прояснилось, он понял, что самым жалким образом болтается на могучих плечах титана Юмы, который ухмыльнулся, заметив, что его товарищ пришел в себя, и осторожно отпустил его. Конан был несказанно рад, что у него еще были силы стоять на собственных ногах. Он удивленно осмотрелся по сторонам.

В живых остались только он, Юма и эта девушка, принцесса Созара. Остальные участники похода, в том числе и служанка Созары, убитая шальной стрелой, служили теперь пищей поджарым волкам гирканских степей. Они находились сейчас у северных склонов Талакмы, на много миль южнее от поля битвы. Невысокие смуглые воины в кожаных доспехах, многие — с кровоточащими ранами, окружали их. Конан заметил, что они успели сковать ему руки тяжелыми цепями. Принцесса в шелковом платье и шелковых шароварах тоже была связана, но ее цепи были намного легче и, кажется, были сделаны из чистого серебра.

Закован был и Юма. На него победители обращали особое внимание. Они толкались возле кушита, трогали его кожу, а после рассматривали свои пальцы, удивляясь, что они не окрасились черным. Один из них даже набрал в лоскут ткани снега и сильно потер им плечо Юмы. Юма широко улыбнулся.

— Они еще никогда не видели таких, как я, — сказал он Конану.

Командир отряда прокричал новую команду. Его люди забрались в седла. Принцессу снова посадили в паланкин. На ломаном гирканийском офицер заговорил с Конаном и Юмой:

— Вы идти ноги!

И они пошли пешком, а копья азвэри, как называли себя эти воины, то и дело покалывали их. Паланкин принцессы качался между двумя лошадьми в середине колонны. Конан заметил, что командир азвэри обращается с Созарой уважительно. Во всяком случае, пока ей не причинили никакого вреда. Офицер, или главарь, или кто он там был, казалось, не питал к Конану и Юме никакой злобы, несмотря на большой урон, который эти двое причинили его отряду.

Один раз он даже произнес с широкой улыбкой:

— Вы оба на проклятье хороший боец!

Но он не стал рисковать и не оставил своим пленникам ни малейшей возможности совершить побег. Он не позволял себе невнимательности и не сбавлял темп марша, позаботившись о том, чтобы с восхода до заката они бежали за лошадьми, идущими рысью, и если они хоть немного начинали отставать, их кололи пиками. Конан сжал зубы и решил быть послушным — до поры до времени.

Два дня шла колонна по горной тропе, где запросто можно было сломать себе шею. Они проходили перевалы, где им приходилось пробираться по глубокому снегу, оставшемуся еще с прошлой зимы. На этой высоте было тяжело дышать, а внезапные резкие порывы ветра рвали их ветхую одежду и хлестали острым снегом их лица. Чернокожему Юме холод причинял куда больше страданий, чем Конану, который вырос на севере.

Наконец они добрались до южных склонов гор Талакмы, и перед ними открылся фантастический пейзаж. Создавалось впечатление, что они стоят на краю огромной чаши. Маленькие облачка пробегали над густыми джунглями, тянувшимися на много миль. В середине этой чаши сверкало огромное озеро, или внутреннее море, отражающее голубизну неба.

По обе стороны этого моря снова начиналась зелень, которая исчезала вдали в розоватой дымке. И из этой дымки поднимались на сотни миль южнее стройные и белые вершины могучих гималейских гор, уходящих в небесную синеву. Эти горы были вторым краем чаши, замкнутой дугами двух горных хребтов.

— Что это за долина? — обратился к офицеру Конан.

— Меру, — ответил тот. — Люди называют ее «Чаша богов».

— Нам нужно туда?

— В великий город Шамбалла.

— А потом?

— Это решит Римпоче — великий царствующий бог.

— Кто он такой?

— Джалунг Тхонгпа, Ужас Смертных, Тень Неба. Идти дальше, собака с белая кожа! Нет время для разговор!

Конан глухо заворчал, когда уколом копья азвэри погнал его дальше. Он безмолвно поклялся сам себе, что в один прекрасный день растолкует этому царствующему богу, Ужасу Смертных, что такое настоящий ужас. Он спрашивал себя, неужели божественность этого владыки простирается настолько, что может защитить его даже от стали... Но эта столь приятная и отрадная картина, увы, терялась в дымке грядущего.

Они спустились в огромную котловину. Воздух стал теплее, растительность гуще. В конце дня они уже тащились по жарким влажным джунглям и болотам, где дорога была заплетена ветвями деревьев, покрытыми пышной зеленью и цветами. Яркие, пестрые птицы свистели и кричали среди ветвей. С крон деревьев глазели на людей любопытные обезьяны. Насекомые назойливо жужжали и больно кусались. С тропы уползали змеи, шмыгали ящерицы.

Для Конана это было первым знакомством с тропическими джунглями. Они совершенно не пришлись ему по вкусу. Насекомые раздражали его не меньше, чем жара. Пот стекал с него ручьями. Зато Юма широко улыбался и дышал полной грудью.

— Здесь прямо как на моей родине, — заявил он.

Конан не ответил. Он лишился дара речи от удивления при виде этого фантастического ландшафта, этих густых джунглей и парящих болот. Ему совсем нетрудно было поверить в то, что эта далекая долина Меру и в самом деле была родиной богов, местом, где они жили в самом начале времен. Он никогда еще не видел таких деревьев, как эти гигантские пальмы и маммеи, кроны которых терялись в мутном небе. Он спрашивал себя, как это такие тропические заросли могут существовать так близко от утопающих в снегу горных вершин?

Один раз на дорогу перед ними вышел могучий тигр. Он был добрых девять футов в длину, и клыки у него были как кинжалы. Принцесса Созара, увидев его из паланкина, испуганно закричала. Азвэри быстро схватились за оружие, но тигр явно посчитал отряд чересчур сильным и исчез между деревьев так же стремительно и бесшумно, как и появился.

Немного спустя земля заколебалась под тяжкой поступью. С громким сопением сквозь рододендроновые заросли прорвался огромный зверь и остановился на дороге перед ними. Он был серым, с округлыми боками, как выветренный валун, и напоминал гигантскую свинью с толстыми складками жира на холке. Из его морды торчал крепкий, немного притупленный и слегка загнутый назад рог длиной около фута. Он тупо смотрел на людей своими маленькими поросячьими глазками, потом снова засопел и исчез в кустах.

— Носорог, — сказал Юма. — У нас в Куше тоже водятся такие твари.

Наконец джунгли расступились перед огромным озером, которое Конан уже видел со склона горы. Некоторое время они шли по берегу этого неизвестного водоема, который азвэри называли Сумеро Тсо. Возле одной из бухт поднимались стены, купола и шпили города, построенного из розоватого камня, который добывали возле лугов и рисовых полей, между озером и джунглями.

— Шамбалла! — крикнул командир азвэри. Его воины тут же слезли с седел, опустились на колени, прижимаясь лбами к влажной земле. Конан и Юма бросали на город удивленные взгляды.

— Здесь жить боги! — сказал командир. — Теперь вам поспешать! Если прийти поздно, вас содрать живьем кожа! Живо! Живо!

ГОРОД ЧЕРЕПОВ

Бронзовые городские ворота, покрытые толстым слоем патины, были сделаны в форме гигантского человеческого черепа с рогами. Квадратные окна, забранные над порталом решетками, занимали место глазниц, а зубцы подъемной решетки скалились словно зубы. Предводитель отряда маленьких воинов поднес к губам изогнутый бронзовый рог, и в ответ на сигнал решетка поднялась. Они вступили в незнакомый город.

Все здесь было построено из розоватого камня. Архитектура казалась вычурной и перегруженной украше-

ниями — скульптурами и фризами, назойливо повторявшимися изображениями демонов, чудовищ и многоруких божеств. Гигантские лица, искаженные гримасами, вырезанные из розового камня, смотрели со стен высоких башен, которые многоступенчатыми уступами поднимались в небо, с каждым уступом становясь все уже и уже.

Куда бы Конан ни бросил взгляд, всюду видел скульптуры и рельефы, выполненные в форме черепов. Они высились над воротами. Они свисали золотой цепью со смуглых шей мерувийцев, единственной одеждой которых — и женщин, и мужчин — были короткие юбки. Они украшали щиты стражников у ворот и их бронзовые шлемы.

Отряд шел по широким улицам этого фантастического города. Полуобнаженные мерувийцы уступали им дорогу и лишь изредка осторожно косились на них, не позволяя себе выказывать откровенного любопытства по отношению к могучим пленникам и паланкину с принцессой. В толпе полуголых горожан, как красные тени, двигались жрецы с выбритыми головами, в просторных одеяниях из полупрозрачного алого шелка.

Среди деревьев, покрытых красными, голубыми и золотыми цветами, возвышался королевскими дворец. Он был построен в форме гигантского конуса или шпиля, который становился все тоньше по мере удаления от низкого круглого фундамента. Сделан был дворец полностью из красного камня. Круглые стены башни поднимались ввысь, закрученные в спираль, так что она напоминала удивительную коническую раковину. На каждом камне, из которого была сложена эта спиралевидная башня, было высечено изображение черепа, так что создавалось впечатление, будто вся эта гигантская конструкция сложена из множества человеческих черепов. Созара не сумела подавить дрожь при виде этого жуткого произведения искусства, а Конан сердито стиснул зубы.

Они прошли еще через одни ворота, сделанные в форме черепов, миновали коридор с массивными стенами и огромные залы, пока не очутились в тронном зале царствующего бога. Азвэри, покрытые дорожной пылью и кровью ран, остались снаружи, а троих пленников

подвели к трону несколько солдат гвардии в позолоченных доспехах. Каждый из них был вооружен богато украшенной алебардой.

Трон, стоящий на пьедестале из черного мрамора, был высечен из цельного куска большого жадеита и сделан так, словно он состоял из цепей и нитей, на которые были нанизаны бесчисленные черепа. На этом зеленоватом троне смерти восседал полубожественный монарх, который и велел доставить троих пленников в этот незнакомый им мир.

Несмотря на всю серьезность своего положения, Конан не смог окончательно подавить ухмылки, потому что Римпоче Джалунг Тхонгпа оказался очень маленьким и очень жирным человечком с тонкими кривыми ножками, которые едва достигали до ступеньки пьедестала. Его мощный живот охватывала широкая лента из золотой ткани, сверкавшей драгоценными камнями. Обнаженные руки, колыхавшиеся от жира, были перетянуты десятками золотых обручей, а золотые кольца с огромными камнями сверкали и переливались на жирных пальцах.

Лысая голова на этом бесформенном теле была невероятно безобразна — с отвисшими щеками, мокрыми губами и узкими желтыми зубами. Остроконечный шлем (или нечто вроде короны) из массивного золота, плотно усаженный светящимися рубинами, вероятно, должен был украшать эту голову, однако символ власти слишком очевидно давил на череп и причинял шлемоносцу дополнительные муки.

Когда Конан поближе рассмотрел царствующего бога, ему бросились в глаза некоторые особенности облика Джалунга Тхонгпа. Половина его лица казалась безвольной, и глаз на этой стороне был пустым и подернутым дымкой, в то время как второй глаз был ясным и в нем таился злобный и острый ум.

Здоровый глаз Римпоче уставился на Созару, будто не заметив даже обоих огромных воинов, сопровождавших ее. Возле трона стоял высокий худощавый человек в багряном одеянии мерувийского жреца. Волосы на его голове были выбриты, а холодные зеленые глаза с ледяным презрением взирали на эту сцену. К нему и обратился царствующий бог, заговорив с ним квакающим голосом. По

обрывкам фраз мерувийского языка, которые Конан успел подхватить по дороге от азвэри, киммериец уловил, что рослый жрец был верховным чародеем короля, Великим Шаманом Танзонгом Тенгри.

Все из тех же отрывков беседы Конан сумел понять, что шаман увидел с помощью своей магии отряд, который сопровождал принцессу Созару к ее куйгарскому жениху, и сообщил об этом царствующему богу. Джалунг Тхонгпа воспылал вожделением к стройной туранской девушке и послал всадников-азвэри, чтобы они доставили ее в его гарем.

Большего Конану знать и не потребовалось. Семь дней плена сделали его угрюмым и злобным. Он стоптал ноги до ран, и его нервы были напряжены до предела.

Оба стража с каждой стороны почтительно повернулись к трону, опустив глаза и обратив все свое внимание на Римпоче, — ведь царствующий бог в любой момент мог отдать им приказ. Конан схватил свою цепь руками. Она была слишком крепкой, чтобы можно было порвать ее простой грубой силой, он это уже пытался делать в первые дни своего плена — и безуспешно.

Он спокойно свел запястья, так что цепь свесилась с них петлей длиной в фут. Затем внезапно повернулся к левому из стражников и замахнулся цепями, целясь ему в голову. Цепь просвистела, как кнут, и ударила гвардейца в лицо так, что он отшатнулся с разбитым носом, залитый кровью.

При первом же резком движении Конана второй солдат быстро повернулся к нему и опустил острие своей алебарды. Но прежде чем он закончил этот маневр, Конан обрушил петлю на острие алебарды и вырвал ее из рук солдата.

Удар тяжелой цепи отбросил назад и второго солдата с окровавленным ртом и выбитыми зубами. Ноги Конана были скованы чересчур плотно, чтобы он мог сделать нормальный шаг. Но это не помешало ему передвигаться, прыгая, как лягушка, обеими ногами одновременно. Два огромных нелепых прыжка — и он стоит возле трона, и его лапищи уже вцепились в жирное горло маленького, пускающего слюни царствующего бога на его троне из черепов. Здоровый глаз Римпоче, полный ужаса, начал

вылезать из орбиты, лицо посинело, когда пальцы Конана сдавили его горло.

Стражи и придворные взволнованно забегали вокруг и начали заикаться, охваченные паникой, или же замерли, окаменев от ужаса перед этим чужеземным гигантом, который осмелился поднять руку на их бога.

— Одно лишнее движение, и я раздавлю эту жирную жабу, — предупредил Конан.

Единственным из всех, кто находился в большом зале, не выказал ни паники, ни удивления только Великий Шаман, когда молодой великан так неожиданно взял ситуацию в свои руки. На безупречном гирканийском он спросил:

— Твои требования, варвар?

— Освободите девушку и этого черного парня, дайте нам лошадей, и мы покинем вашу проклятую долину навсегда. Если вы нам откажете или попытаетесь нас обмануть, я размажу вашего малютку короля, как манную кашу.

Шаман кивнул. Его зеленые глаза на неподвижном, словно маска с шафраново-желтой кожей лице были холодными как лед. Повелительным жестом он поднял свой резной посох из эбенового дерева.

— Освободите принцессу Созару и чернокожего пленника! — распорядился он спокойно. Слуги с бледными лицами и испуганными глазами поспешили выполнить его приказание. Юма заворчал и потер запястья. Принцесса рядом с ним дрожала. Конан, держа перед собой бесформенную тушу короля, приготовился спускаться по ступенькам.

— Конан! — взревел Юма. — Осторожно!

Киммериец резко повернулся, но было уже поздно. Еще в тот момент, когда он подходил к краю пьедестала, Великий Шаман уже начал действовать. Стремительно, как змея пустыни, просвистел по воздуху посох из эбенового дерева и легонько задел плечо Конана — там, где сквозь дыру в его рваной одежде виднелась обнаженная кожа. Конан хотел прыгнуть на своего противника, но не смог этого сделать. Он был оглушен, отравлен, словно ядом змеи; пелена застилала его глаза, голова внезапно стала чересчур тяжелой и свесилась на

грудь. Он бессильно рухнул на пол. Полузадушенный царствующий бог освободился из железной хватки его пальцев.

Последнее, что слышал Конан, был яростный рык черного великана, когда множество смуглых тел навалилось на него и он был брошен на пол.

КРОВАВЫЙ КОРАБЛЬ

Прежде всего было жарко и душно. Спертый воздух вполне можно было резать ножом — так он сгустился, перенасыщенный запахами и испарениями тел, плотно набитых в это подземелье. Двадцать или даже больше обнаженных людей были засунуты в грязную дыру, выложенную со всех сторон каменными блоками весом в тонну. Большинство заключенных были маленькие смуглые мерувийцы, лежавшие бессильно и равнодушно. Кроме того, была здесь горстка приземистых узкоглазых воинов азвэри, которые охраняли священную долину, два горбоносых гирканца, Конан-киммериец и его огромный черный товарищ Юма. Когда Великий Шаман отправил Конана в царство грез и забвения, бросив в него свой посох, а численное преимущество стражников пересилило мощь Юмы, разгневанный до глубины души Римпоче потребовал для обоих высшей меры.

В Шамбалле, однако, высшей мерой наказания была не смерть, которая, по верованиям мерувийцев, означала всего лишь освобождение души для ее последующего воплощения. Рабство — вот что они считали намного более страшным, потому что оно отнимало у человека его достоинство и волю. Так что они были приговорены провести остаток своего земного бытия в неволе.

Когда Конан думал об этом, он глухо рычал, и глаза его горели, как тлеющие угли, на сожженном солнцем лице сквозь спутанную гриву черных волос. Юма, лежавший рядом с ним в цепях, чувствовал бессильную ярость Конана и только усмехался. Варвар злобно смотрел на своего товарища. Иногда непоколебимо хорошее настроение Юмы пробирало его до костей. Для киммерийца, рожденного на свободе, рабство было действительно непереносимой

мукой, в то время как для кушита в этом не было ничего нового. Когда Юма был мальчишкой, охотники за рабами вырвали его из рук матери и пригнали на рынок в Шем сквозь жаркие джунгли. Какое-то время он работал на плантации, но впоследствии, когда он стал сильным, был продан на арены Аргоса уже в качестве гладиатора.

Юма получил свободу за свои многочисленные победы на гладиаторских играх, когда король Мило Аргосский праздновал триумф по поводу сокрушения короля Фердруги Зингарского. Одно время Юма перебивался кражами и случайным заработком в различных хайборийских странах. Потом его занесло в Туран, где могучее сложение и богатый опыт в битвах быстро привели его в ряды наемников короля Йилдиза.

Там он и познакомился с юношей по имени Конан. Они с киммерийцем сразу нашли общий язык. Оба они были выше ростом, чем все остальные, оба были родом из далеких, чужих стран, и оба — единственные из своего народа среди туранцев. Дружба завела их в подвалы Шамбаллы, а скоро выведет на рынок навстречу очередному унижению. Им придется стоять раздетыми под палящим солнцем, любопытствующие покупатели будут их ощупывать, а торговцы — расхваливать их силу.

Дни тянулись так медленно, как искалеченная змея, с трудом волочащая свое тело по раскаленным пескам. Конан, Юма и остальные спали, валялись на камнях, ели рис, который стражники скупо насыпали им в маленькие деревянные миски. Иногда они ругались между собой, но без особого воодушевления.

Конану хотелось бы побольше узнать об этих мерувийцах, потому что, как бы далеко ни заводили его странствия, он никогда еще прежде не встречал людей, подобных им. Они жили в этой необычной долине точно так, как жили здесь их предки еще с начала времен. У них не было никаких сношений с внешним миром, да они и не желали этого.

Конан подружился с одним мерувийцем по имени Ташуданг, от которого и перенял мерувийский язык, как сумел. Когда киммериец стал домогаться, почему они называют своего короля богом, Ташуданг ответил, что ко-

роль живет вот уже десять тысяч лет, и дух его рождается вновь и вновь в темнице смертной оболочки. Конан не стал бы безоглядно верить подобному объяснению, потому что знал — подобную ложь о себе распространяют короли и других держав. Однако счел за лучшее придержать свое мнение при себе.

Когда Ташуданг заговорил о том, как угнетают народ король и его шаманы — скорее с покорностью судьбе, чем возмущенно, — Конан спросил:

— Так чего ж вы не объединитесь и не сбросите эту шайку в Сумеро Тсо, а потом не установите собственное правление на благо людей? В моей стране мы поступили бы именно так, если бы кто-нибудь взялся бы нас тиранить.

Ташуданг посмотрел на него испуганно:

— Ты не ведаешь, что говоришь, чужеземец! Много лет назад — так рассказывают жрецы — эта страна лежала намного выше, чем теперь. Она простиралась от вершин Гималаев к вершинам гор Талакмы — огромная, покрытая снегом равнина, над которой носился ледяной ветер. «Крыша мира» — называли ее. И тогда Яма, Повелитель Драконов, решил создать эту долину для нас, для избранного им народа. Его могучие чары опустили эту страну. Земля заколебалась под ударами громов, раскаленная лава хлынула из трещин земли. Раскалывались горы, и леса выгорали дотла. Но миновало и это — и вот долина лежит между двух горных цепей, там, где ты видишь ее и сегодня. Когда страна опустилась, изменился ее климат. Здесь стало тепло, появились растения и животные тропиков. Тогда Яма сотворил первых мерувийцев и передал им эту долину, чтобы они могли жить здесь вечно и во все времена. И еще он создал шаманов, чтобы они управляли страной и наставляли народ.

Иногда случается так, что шаманы забывают о своем долге. Они угнетают и обирают нас, словно они — не простые смертные, терзаемые грехом алчности. Но мы, как повелел нам Яма, продолжаем повиноваться им и в этом случае, потому что, если мы не будем этого делать, он снова разбудит великие чары, и наша долина вновь будет поднята вверх и превратится в ледяную пустыню.

Так что мы должны терпеть, сносить безропотно все, что с нами происходит. И поэтому мы никогда не отважимся подняться на них.

— Ну, — проворчал Конан, — если эта маленькая грязная жаба воплощает ваши представления о божестве...

— Нет! — отчаянно крикнул Ташуданг. Белки его глаз сверкнули в темноте, и Конан кожей ощутил страх. — Не говори о нем так! Он единокровный сын Ямы! Если он позовет своего отца, тот п р и д е т!

Ташуданг спрятал лицо в ладонях, и в этот день Конану не удалось больше вытянуть из него ни слова.

Мерувийцы были своеобразным народом, наделенным необычайным равнодушием, — усталый фатализм владел ими, он заставлял их терпеливо принимать все удары судьбы как определенные предначертания воли их жестокого бога. Любое неповиновение своему жребию (в этом они были убеждены) будет сурово наказано — если не сразу же, то в последующем рождении.

Было не так-то просто получать от них нужные сведения, но молодой киммериец не опускал рук. Во-первых, это помогало сделать бесконечные дни в неволе более сносными; во-вторых, он не намеревался оставаться в своем теперешнем положении надолго, а все, что он сможет узнать об этом таинственном королевстве и его странном народе, наверняка им очень пригодится, когда они с Юмой попытаются вернуть себе свободу. Кроме того, он знал, как важно владеть языком чужой страны, если ты хочешь там ориентироваться. Несмотря на то что Конан не отличался особой страстью к познаниям, он перенимал чужие языки без особого напряжения. Он знал уже немало их и на некоторых даже умел немного читать.

Наконец пришел тот решающий день, когда надсмотрщики в черных кожаных плащах появились среди рабов и выгнали их наверх свистящими ударами бичей.

— А сейчас, — с издевкой сказал один из них, — мы и поглядим, сколько отвалят князья Священной Земли за твой бесформенный труп, ты, свинья-инородец!

Его бич опустился на спину Конана и оставил кровавую полосу.

Гораздо хуже, чем удары бичей, Конан переносил пылающее солнце, под лучи которого его внезапно выволокли. После долгих дней, проведенных в темноте, его ослепил бы даже обыкновенный дневной свет, и он почти ничего не соображал. Что-то происходило. Кто-то купил его на аукционе и угнал по широкой доске на палубу большой галеры, стоявшей у каменной набережной Шамбаллы. Он жмурился от ослепительно яркого солнца и тихо ругался про себя. Стало быть, вот на что он теперь обречен — сгибаться над веслом пока смерть не принесет ему избавления.

— Вниз, вниз, в брюхо корабля! Живо, псы! — рявкнул надсмотрщик и ударил Конана тыльной стороной ладони под подбородок. — Только дети Ямы имеют право находиться на палубе!

Киммериец действовал инстинктивно, по своему обыкновению долго не раздумывая. Он тут же ударил толстого надсмотрщика в бочкообразный живот своим могучим кулаком. Пока тот глотал воздух, Конан добавил удар в челюсть, так что надсмотрщик растянулся на досках. Юма взвыл от восторга и попытался пробиться вперед, чтобы встать рядом с Конаном.

Офицер охраны корабля уже отдал приказ. Острия дюжины пик в руках маленьких мерувийских моряков уперлись в Конана. Угрожающее рычание вырвалось из глотки киммерийца, окруженного со всех сторон. Немного позже ему все-таки удалось подавить в себе ярость, поскольку варвару стало ясно, что дальнейшее проявление враждебности с его стороны будет означать немедленную смерть.

Ведро воды привело надсмотрщика в чувство. Отфыркиваясь, как морж, он тяжело поднялся. Вода стекала по его разбитому лицу и жидкой бороденке. Полный жгучей ненависти, которая превращалась в ледяную, расчетливую злобу, он уставился на Конана.

Офицер обратился к своим людям:

— Уберите этого...

Но надсмотрщик остановил его.

— Нет, не убивайте его. Смерть — слишком милосердное наказание для этой собаки. Прежде чем я с ним

покончу, он еще поваляется у меня в ногах, умоляя прекратить его мучения.

— Ладно, Гортангпо, — согласился офицер.

Надсмотрщик обвел взглядом гребную палубу и около сотни обнаженных смуглых людей опустили глаза. Они долго голодали и сейчас были похожи на скелеты. Их согнутые спины были исполосованы шрамами. По каждому борту галера имела лишь один ряд весел. На одних веслах сидели по два гребца, на других по три — в зависимости от их состояния. Надсмотрщик указал на весло примерно в середине ряда, к которому были прикованы три седых человека, исхудавших, как смерть.

— Его — на это весло! А три живых трупа уже отработали свое, от них нет никакой пользы. Убрать их! Этому парню из чужой страны нужно много места, чтобы выпрямлять руки, так что освободите ему банку. А если он не будет держать ритм, я поближе познакомлю его со своим бичом!

Пока Конан, сжав зубы, смотрел, моряки сняли железные кандалы с трех стариков, и цепи, которые приковывали их к веслу, упали с лязгом на палубу. Трое гребцов закричали от страха, когда мускулистые руки быстро вышвырнули их за борт. С сильным плеском они упали в воду и исчезли. Только пузыри, поднимавшиеся некоторое время на поверхность воды, еще напоминали о них.

Конан был прикован к веслу — ему предстояло работать за троих. Когда его усаживали на грязную банку, надсмотрщик свирепо сказал:

— А вот теперь поглядим, как тебе понравится это весло, малыш. Будешь грести, грести и грести, пока тебе не покажется, что спина твоя вот-вот треснет — и все-таки ты будешь грести, еще и еще! И каждый раз, когда ты отстанешь или пропустишь удар, я напомню тебе о твоем долге вот чем!

Бич взвился в небо и со свистом опустился на плечи Конана. Боль была так сильна, словно его обожгло раскаленное железо. Но варвар не позволил ни одному мускулу своего лица дрогнуть. Тем, кто не знал киммерийца достаточно хорошо, могло показаться, что Конан вообще ничего не почувствовал, так хорошо он умел владеть собой.

Надсмотрщик заскрежетал зубами от разочарования и снова взмахнул бичом. На этот раз Конан слегка дернул уголком рта, но глаза его по-прежнему смотрели невозмутимо и холодно. Свистнул третий удар, четвертый. Пот выступил на лбу киммерийца, и жгучие капли потекли на глаза, когда кровь заструилась по его спине. Но он по-прежнему не желал показывать мучителям, что ему больно.

Он услышал шепот Юмы:

— Конан, держись!

Капитан приказал отчаливать. Разочарованный надсмотрщик вынужден был отказаться от удовольствия полностью измочалить спину Конана.

Моряки отшвартовались и оттолкнули галеру от набережной длинными шестами. Позади гребных скамей, на возвышении, сидел в тени обнаженный мерувиец с огромным барабаном. Когда корабль отчалил, он поднял деревянную колотушку и принялся стучать. При каждом ударе рабы сгибались над планками весел, поднимали весла и откловялись назад, пока их тяжесть не прижимала их к банкам, затем опускали лопасти в воду — и все повторялось с начала. Конан быстро вошел в ритм, как и Юма, который был прикован к веслу позади него.

Конан никогда еще не бывал на корабле. Пока он греб, он осматривался по сторонам, разглядывал гребцов с их неподвижными глазами и исполосованными спинами, сидевших на скользких банках, вымазанных их собственными испражнениями, среди отвратительного запаха. С гребной палубы галера казалась низкой, борта поднимались над водой всего на несколько футов. Нос, где размещались моряки, как и корма, украшенная позолоченной резьбой, где располагались офицерские каюты, были намного выше над уровнем воды. Посреди палубы находилась одна мачта. Рей и свернутый треугольный парус лежали на планке над гребной палубой.

Когда галера вышла из гавани, матросы, распевая, подняли парус Золотисто-пурпурный, полосатый, он с шумом выпрямился, наполняясь ветром. Вскоре они поймали попутный ветер, и гребцы получили возможность немного отдохнуть.

Конану бросилось в глаза, что галера была построена из дерева, которое не то от природы, не то благодаря обработке имело красный цвет. Он прикрыл глаза, спасаясь от ослепительного света. Корабль выглядел так, словно он был выкрашен кровью. И тут снова просвистел бич над его головой, и надсмотрщик рявкнул:

— Берись за весло, ленивая свинья!

Удар оставил широкую полосу на его спине. «Это и впрямь кровавый корабль», — подумал Конан. Его окрашивала кровь рабов.

ЛУНА АВАНТЮРИСТОВ

Семь дней Конан и Юма истекали потом, склоняясь над веслами красной галеры, пока она обходила побережье Сумеро Тсо, по ночам приставая к каждому из семи священных городов Меру — Шондокару, Тхонгаре, Аузакии, Исседону, Палиане, Троане и, наконец когда круг был завершен, снова к Шамбаяле. Несмотря на то что киммериец и кушит были сильными парнями, немного времени прошло с тех пор, как беспрерывный каторжный труд привел их почти на грань истощения и их мускулы больше не могли выносить напряжения. Но неустанный бой барабана и свистящие удары бича не оставляли их в покое.

Один раз в день матросы доставали ведра с холодной, противно пахнущей водой и выливали их на изможденных рабов, и один раз в день, когда солнце стояло в зените, они получали миску риса и ковшик воды. По ночам они спали прямо на своих веслах. Бесконечная изнурительная работа отнимала у гребцов всякую волю, принижала их до уровня бездушных автоматов.

Это сломало бы мужество любого — но не такого человека, как Конан. Молодой киммериец не поддавался уничтожающему бремени судьбы, как это делали апатичные мерувийцы. Бесконечная каторжная работа, зверское обращение, необходимость удовлетворять все свои потребности прикованным к склизкой скамье — все это не сломило его волю, как то произошло с другими. Наоборот. Это еще ярче разожгло в нем огонь.

Когда корабль вернулся назад, в Шамбаллу, и бросил якорь в ее большой гавани, терпение Конана было уже на исходе. Было темно и тихо. Узкий серп прибывающей луны низко висел на западном небосклоне, отбрасывая слабый, обманчивый свет. Он скоро должен был зайти. Такую луну в западных странах называли «луной авантюристов», «воровским счастьем», потому что именно такие ночи использовали уличные грабители, воры и наемные убийцы для занятий своими темными делишками. Склонившись над веслами, Конан и Юма притворялись спящими, но на самом деле они с несколькими другими рабами замышляли побег.

Рабы на галере не носили ножных кандалов. С железных обручей на запястьях опускались цепи, соединенные с кольцами, свободно бегающими по древку весла. На том конце весла, который вставлялся в отверстие на борту галеры, это кольцо запиралось на замок, а с внутренней стороны — упором или плоским тяжелым свинцовым диском. Этот диск, закрепленный на конце весла железным штырем, служил противовесом лопасти весла. Конан сто раз уже пытался порвать цепи, но даже его сверхчеловеческих сил, которые лишь возросли за семь дней гребли, не хватало на то, чтобы их разорвать. Несмотря на неудачу, он пытался расшевелить остальных рабов громким шепотом.

— Если бы нам удалось заманить Гортангпо к нам поближе, — говорил он, — мы разодрали бы его на куски зубами и ногтями. У него ключи от наших цепей. Конечно, матросы убьют некоторых из нас, пока мы будем освобождаться, но как только мы снимем цепи, у них не останется шансов, ведь нас в пять-шесть раз больше...

— Не говори об этом! — прошептал ближайший к нему мерувиец. — Даже не думай!

— Тебе что, неинтересно? — удивился Конан.

— Нет. От одной только мысли о подобных вещах у меня подгибаются колени.

— И у меня, — добавил второй. — Невзгоды, которые мы принуждены сейчас терпеть, посланы нам богами. Это справедливая кара за грехи, совершенные в прошлой жизни. Бороться с этим — не только бессмыслица, но

и непростительное кощунство. Я прошу тебя, варвар, прекрати свои нечестивые речи и следуй своему жребию с подобающим смирением!

Такой взгляд на вещи был противен самому существу Конана. Да и Юма не был человеком, который безропотно подчинился бы подобной участи. Но мерувийцы не хотели их слушать. Даже Ташуданг, который был для мерувийца необыкновенно разговорчив и дружелюбен, умолял Конана ничего не предпринимать такого, что могло бы ввести в гнев надсмотрщика Гортангпо или навлечь на них еще худшее наказание богов.

Отчаянные попытки варвара переспорить их были прерваны хлопками бича. Привлеченный бормотанием, Гортангпо подобрался в темноте к планке, проложенной над гребной палубой над головами гребцов. Из нескольких слов, произнесенных шепотом, он уловил, что здесь планируется бунт. Его бич со свистом опустился на плечи Конана.

Это было больше, чем варвар мог сейчас вынести. Молниеносным движением он вскочил на ноги, схватился за конец бича и вырвал орудие пытки из рук Гортангпо. Надсмотрщик принялся звать матросов.

Конан все никак не мог сорвать с весла железное кольцо. С отчаяния у киммерийца вдруг появилась одна идея. Конструкция ограничивала движение весла по вертикали на высоту около пяти футов над гребной палубой. Он поднял конец весла так высоко, как только мог, забрался на банку, присел на корточки и подсунул плечи под весло. Потом выпрямился и изо всех сил надавил на весло. Оно сломалось с громким треском. Конан ловко сорвал кольцо со сломанного края. Теперь у него действительно было оружие — огромный шест в девять футов длиной, с десятифунтовым свинцовым диском на конце.

Первый удар Конана пришелся в висок надсмотрщика, у которого глаза вылезли из орбит. Череп Гортангпо треснул, как перезрелая дыня, и кровь брызнула на скамью. Затем Конан выбрался наверх, готовясь встретить бегущих на него матросов. Тощие смуглые мерувийцы испуганно скорчились в трюме и жалобно принялись молиться своим демоническим богам. Юма последовал при-

меру Конана и тоже сломал свое весло, чтобы снять кольцо.

Матросы тоже были мерувийцами, изнеженными, ленивыми и флегматичными. Им никогда еще не приходилось спасать собственные шкуры от восставших рабов — они вообще не считали, что подобное кощунство возможно. И уж меньше всего предполагали они, что им когда-либо придется иметь дело с юным великаном, бугрящимся железными мышцами и вооруженным опасным девятифутовым шестом. И тем не менее они отважно приближались, несмотря на то что ширина планки позволяла им подходить к киммерийцу только по двое.

Конан не стал ждать, пока они подойдут вплотную. Он пошел им навстречу, яростно раскручивая свой шест. Первый удар сбросил с планки в трюм одного из матросов со сломанной правой рукой. Второй раскроил другому матросу череп. Пика уперлась Конану в обнаженную грудь. Он выбил ее из рук воина и следующим ударом шеста смахнул сразу двоих — одному из них он при этом переломал ребра, а второй рухнул, когда первый налетел на него.

И вот уже Юма стоит рядом с киммерийцем. Обнаженная грудь кушита блестела при слабом свете луны, как эбеновое дерево, смазанное маслом. Обломок его весла подкосил наступающих мерувийцев, как косой. Матросы, отнюдь не подготовленные к сражениям с двумя такими великанами, показали пятки и удрали на корму, где капитан, вырванный из сладких объятий сна, давал им противоречивые указания.

Конан наклонился над трупом Гортангпо и обыскал его. Он быстро нашел ключи и открыл сперва свои кандалы, а потом кандалы Юмы.

Занела тетива, и стрела просвистела возле головы Конана и вонзилась в мачту. Оба уже освободившихся гребца не видели теперь никакого смысла в том, чтобы продолжать борьбу. Они спрыгнули с планки и протолкались мимо перепуганных рабов к борту, перелезли через него и окунулись в темную воду гавани Шамбаллы. Моряки послали им вслед несколько стрел, но в сумрачном свете заходящей луны они не видели беглецов и могли стрелять, полагаясь только на удачу.

РОКОВОЙ ТОННЕЛЬ

Мокрые с головы до ног, два обнаженных человека выбрались из воды и начали вглядываться в темноту. Они плыли, как им показалось, несколько часов, чтобы попасть в город незамеченными. В конце концов они нашли решетку одного из сточных каналов. Юма все еще не расстался с древком сломанного весла, в то время как Конан бросил свое на корабле. То и дело слабое мерцание света с улицы попадало в тоннель сквозь решетку, но оно ни в малейшей степени не рассеивало темноту. Так что они брели в абсолютном мраке по грязной воде в поисках выхода из этой сети каналов.

Огромные крысы пищали и разбегались при их приближении. То и дело беглецы видели, как их глазки сверкают в темноте. Одна из самых крупных укусила Конана за ногу, но он успел схватить ее, сломать в своей крепкой лапище и швырнуть тушку в немногих более отважных ее собратьев, которые тут же с писком набросились на нее и принялись драться вокруг изысканного лакомства. Конан и Юма поспешили по каналу, который постепенно поднимался вверх.

Наконец Юма обнаружил потайной ход. В темноте он вел рукой вдоль стены и при этом случайно надавил на спрятанный там механизм. Он изумленно кашлянул, когда массивный квадрат стены скользнул в сторону. Несмотря на то что ни он, ни Конан понятия не имели, конечно, куда приведет их этот новый коридор, они решили идти по нему, тем более что он поднимался наверх, к мостовой.

После длительного восхождения они в конце концов оказались у двери. Они ощупывали ее в абсолютной темноте, пока Конан не обнаружил замок, который тотчас сорвал. Дверь раскрылась со скрежетом проржавевших петель. Оба вошли — и остановились как вкопанные.

Они находились на богато украшенном балконе, среди бесчисленных статуй богов и демонов, в огромном храме. Его стены поднимались ввысь и венчались октагональным куполом. Конан припомнил, что подобный купол он уже видел — тот возвышался над более низкими зданиями

города. Однако за время своего плена Конан так и не выяснил, что же скрывается под этим куполом.

Под ними, у стены восьмиугольного пола, находился постамент из черного мрамора. Статуя, стоявшая на нем, была обращена к алтарю в центре храма. Она была больше, чем все прочие в этом огромном зале. Конан прикинул ее высоту — футов тридцать. Бедра статуи приходились как раз на высоту балкона. Совершенно очевидно, это было изображение божества, изваянное из зеленого камня, который выглядел как жад — однако трудно было предположить, что вообще может существовать кусок жада таких размеров. У статуи было шесть рук. Глаза, мрачно глядящие с зеленого лица, были сделаны из громадных рубинов.

Напротив статуи, за алтарем, стоял трон из резных черепов, похожий на тот, что был во дворце царствующего бога, только поменьше. На нем восседал жабоподобный владыка Меру.

Когда Конан перевел взгляд с головы идола на монарха, ему показалось, что между обоими существует отвратительное сходство. Его пробрала дрожь, когда он подумал о том, какие невероятные тайны вселенной может таить в себе это сходство.

Римпоче был погружен в ритуал. Шаманы в багряных одеждах стояли на коленях вокруг трона и алтаря. Они нараспев читали — вероятно, древние молитвы и заклинания. Вдоль стен рядами сидели мерувийцы, скрестив ноги на мраморных плитах. Судя по дорогим камням и роскошным, хотя и не слишком броским одеждам, это были знатные и богатые люди королевства. Над их головами в настенных держателях коптили и дымили сотни факелов. На полу, в квадрате возле алтаря, стояли четыре чаши, наполненные маслом, которое горело золотистым огнем. Пламя колебалось, как от ветра.

На алтаре между троном и колоссальной статуей лежала стройная белая девушка, прикованная к алтарю золотыми цепями. Это была Созара.

Глухое рычание вырвалось из горла Конана. Его глаза загорелись синим огнем, когда он уставился на ненавистного короля Джалунга Тхонгпа и его Великого Шамана, чародея и жреца Танзона Тенгри.

— Ну что, испортим им бал-маскарад? — прошептал Юма, и его белые зубы сверкнули в темноте. Киммериец пробурчал нечто, означающее согласие.

Это был праздник Новой Луны, и царствующий бог брал себе в жены дочь туранского короля, которая лежала сейчас на алтаре перед многорукой статуей Великого Пса Смерти и Ужаса, божественного демона Ямы. Церемония протекала согласно древним ритуалам, которые были описаны еще в священных текстах бога смерти. Божественный монарх Меру безвольно покоился на своем троне из черепов и, пока шаманы погружались в свои древние молитвы, ждал, довольный, публичного соединения с длинноногой стройной туранской девушкой.

Внезапно ритуал был нарушен самым кощунственным образом. Два голых великана спрыгнули на мраморный пол буквально из воздуха: один — героическая фигура из ожившей бронзы, второй — темная угроза, вырезанная из эбенового дерева. Шаманы прервали на полу-слове молитвы, когда эти два завывающих дьявола приземлились среди них.

Конан схватил одну из огненных чаш и запустил ею в толпу одетых в алое шаманов. Панически визжа и крича от боли, они разбежались во все стороны, в то время как пламя горящего масла охватило их алые одежды и превратило людей в живые факелы. Киммериец поспешно схватил остальные три огненные чаши, суматоха стала еще сильнее и огонь распространился еще дальше.

Юма подскочил к пьедесталу, на котором сидел король и смотрел единственным здоровым глазом, полным страха и смятения. Великий Шаман попытался повергнуть Юму на мраморные ступени своим магическим посохом, но у черного великана все еще было в руках сломанное весло, и он нанес удар с невероятной силой. Эбеновое дерево разлетелось в мелкие щепки. Второй удар пришелся по самому чародею и отшвырнул его, разбитого и умирающего, в хаос мечущихся, кричащих, горящих шаманов.

Король Джалунг Тхонгпа должен был стать следующим. Ухмыляясь, Юма взбежал по ступенькам. Но маленький бог уже не сидел, скорчившись, на троне. Он

стоял на коленях перед статуей и моляще поднимал руки, визжа и выскуливая мольбу.

Почти в тот же миг Конан добрался до алтаря и склонился над дрожащей, растерянной девушкой. Тонких золотых цепей было вполне достаточно, чтобы удерживать ее, но они не были настолько прочными, чтобы устоять против силы варвара. Он уперся ногами в пол и вырвал конец цепочки из кольца в алтаре. Три остальных последовали за первым. Потом Конан взял всхлипывающую принцессу на руки и поднял ее. Он повернулся — и на них упала тень.

Он удивленно взглянул... и вдруг вспомнил, как говорил ему Ташуданг: «Если Он позовет своего отца, тот п р и д е т!»

Теперь ему стал ясен весь ужас, скрывающийся в этих словах. Высоко над ними в коптящем свете факелов на стенах двигались руки гигантского идола, изваянного из зеленого камня. Рубины, изображавшие его глаза, сверкали над людьми ясным, рассудочным огнем.

КОГДА ОЖИВАЕТ ЗЕЛЕНЫЙ БОГ

Волосы встали дыбом у Конана на голове, и кровь застыла в жилах. Вскрикнув, Созара спрятала лицо у него на груди и обхватила руками его шею. На черном пьедестале, возле трона из черепов, застыл Юма. Белки его глаз сверкали. В нем проснулся необъяснимый страх его народа — народа джунглей — перед сверхъестественным. Ибо статуя проснулась к жизни!

Не в силах пошевелиться, они смотрели, как каменный зеленый идол со скрежетом поднял свою огромную ногу. С высоты тридцати футов на них свирепо смотрело мрачное лицо. Шесть рук дергались и выпрямлялись, как лапы огромного паука. Каменная фигура слегка передвинулась в сторону, смещая свой вес. Нога титана наступила на алтарь, на котором прежде лежала Созара. Мраморная глыба треснула и раскололась под многотонным весом ожившего зеленого камня.

— Кром! — выдохнул Конан. — Даже камень живет и двигается в этой стране безумия! Мы можем почитать за счастье, что он не задел нас ногой!

Он попытался вместе с Созарой перебраться в безопасное место, но за ними следом, не останавливаясь, хрустели и ломались камни. Статуя начала двигаться.

— Юма! — взревел Конан и дико посмотрел на кушита. Черный воин неподвижно сидел возле трона, на котором снова восседал маленький царствующий бог, указующий жирной рукой на Конана и девушку.

— Убей их, Яма! Убей их! Убей их! — хрипел он.

Многорукий каменный монстр остановился и начал осматриваться, пока его рубиновые глаза не замерли на Конане. Конана охватил первобытный варварский страх. Но как у многих варваров, как раз этот страх перед сверхъестественным и заставлял его бороться с тем, что его пугало. Он опустил девушку на пол и схватил мраморную скамью. Его мускулы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения, но он сцепил зубы и шагнул к колоссу.

Юма закричал:

— Нет, Конан! Беги! Он видит тебя!

Теперь Конан уже добрался до гигантских ступеней шагающего идола. Каменные ноги поднимались перед ним, как колонны. От напряжения лицо киммерийца стало густо-красным. Он высоко занес над головой скамью и швырнул ее в жадеитовую ногу. Чудовищной силой она ударила в щиколотку каменного бога. Мрамор покрылся сетью трещин от одного конца скамьи до другого. Конан еще ближе подошел к каменной ноге, поднял новую скамью и опять швырнул ее. На этот раз скамья разлетелась на дюжину осколков, но сама нога осталась невредимой, если не считать небольших сколов. Конан отскочил назад, когда статуя сделала к нему еще шаг.

— Конан! Осторожно!

Крик Юмы заставил его оглянуться. Зеленый гигант наклонился. Рубиновые глаза сверкнули, глядя в синие глаза Конана, и странно было ему смотреть в живые глаза бога. Они были бездонными, полными темноты и глубины, в которой взгляд человека терялся и бессильно тонул в красных зонах. И глубоко в этих кристаллических безднах притаилась холодная, нечеловеческая злоба. Взгляд бога поглотил взгляд молодого киммерийца, который почувствовал, как его медленно охватывает оцепенение. Он не мог больше ни двигаться, ни мыслить...

Несмотря на переполнявший его ужас перед необъяснимым, Юма взвыл от ярости. Он видел, как шесть титанических каменных рук опускаются к его другу, который смотрит на них, словно парализованный. Еще один шаг — и Яма доберется до киммерийца. Черный воин был слишком далеко от них обоих, чтобы напасть. В своем гневе он, не думая, схватил царствующего бога, который заверещал и принялся отчаянно отбиваться, и швырнул его в демонического отца мерувийских владык.

Джалунг Тхонгпа перевернулся в воздухе и ударился о мраморный мозаичный пол у ног идола. Дико и растерянно маленький монарх осмотрелся своим единственным глазом. Потом он ужасно закричал, когда одна из титанических ног опустилась на него.

В мраморном храме раздался треск ломающихся костей. Нога бога скользнула по плитам, оставляя за собой широкий кровавый след. Со скрежетом идол снова низко наклонился и потянулся к Конану.

Растопыренные каменные пальцы замерли в нескольких дюймах от киммерийца. Огонь рубиновых глаз потух. Гигантское тело с шестью руками и головой демона, которая еще мгновение назад была полна жизни, застыло и вновь превратилось в неподвижный камень.

Вероятно, смерть короля, который вызвал этого адского духа из темных глубин безымянных измерений, уничтожила чары, которые связывали Яму с этим идолом. А может быть, смерть короля освободила демоническое божество от его обязанностей по отношению к своему земному родичу — кто знает. Однако, что бы ни было причиной, в тот момент, когда Джалунг Тхонгпа испустил дух, статуя вновь стала неподвижным камнем.

Рухнуло и оцепенение, охватившее Конана. Все еще в растерянности молодой киммериец потряс головой. Потом огляделся. Первое, в чем он удостоверился, было то, что принцесса Созара бросилась к нему, истерически всхлипывая. Бронзовые от загара руки варвара схватили принцессу. Он ощущал, как ее шелковистые волосы легонько щекочут ему шею, и новый огонь загорелся в его глазах. Он засмеялся, радуясь тому, что жив.

К нему подбежал Юма:

— Конан! Мы здесь одни. Все остальные либо удрали, либо мертвы. Мы наверняка найдем лошадей в стойле позади храма. Сейчас самое подходящее время исчезнуть из этого проклятого города.

— Клянусь Кромом! Я буду счастлив стряхнуть со своих ног пыль этой чертовой страны, — проворчал киммериец. Он сорвал плащ с мертвого Великого Шамана и завернул в него принцессу. Потом поднял девушку и понес ее из храма, ощущая тепло ее нежного гибкого тела.

Часом позже, когда им уже не нужно было бояться погони, он натянул поводья и внимательно изучил дорогу. Конан поглядел на звезды, подумал немного, потом показал направление:

— Туда!

Юма нахмурил лоб:

— На север?

— Ну да, в Гирканию. — Конан засмеялся. — Ты что, забыл уже, что мы должны доставить принцессу ее жениху?

Юма удивленно поднял брови. Он видел, как прелестные белые ручки Созары сжимались вокруг шеи его друга, с какой радостью она склоняла голову ему на плечо. К ее жениху? Он потряс головой. Ему никогда не понять этого киммерийца. Но он последовал за Конаном, и они направили коней к мощным отрогам гор Талакмы, которые лежали перед несчастной страной Меру, как крепостная стена, и отделяли ее от гирканийских степей, по которым гуляют привольные ветры.

Месяцем позже они прибыли в лагерь Куюлы, Великого Хана куйгарских кочевников. Те, кто видел их во время бегства из Шамбаллы, вероятнее всего, сейчас уже не узнали бы их. В маленьком селении на южных склонах Талакмы они поменяли звенья золотой цепи, которые все еще качались на запястьях и щиколотках Созары, на теплую одежду, защитившую их от холода, царящего на перевалах, и жгучего ветра степей. На них теперь были меховые шапки, шерстяные плащи, просторные шаровары и крепкие сапоги.

Когда же они передали Созару ее чернобородому жениху, хан не поскупился на добрые слова и звонкую монету. И после пиршества в их честь, которое длилось

несколько дней, они, осыпанные с ног до головы золотом, двинулись в обратный путь в Туран.

Оставив лагерь Куюлы далеко позади, Юма наконец заговорил со своим другом:

— Такая чудесная девушка. Я все не могу понять, почему ты не оставил ее себе? Она тоже была бы непрочь — ты пришелся ей по сердцу.

Конан усмехнулся:

— Ты не ошибся. Но я хочу еще многое увидеть и многое пережить, прежде чем обзаведусь семьей. Созара будет намного счастливее среди шелковых подушек и драгоценностей, которыми одарит ее Куюла, чем со мной — вечно в седле, мотаясь по степям и пустыням, то среди палящего зноя, то среди ледяного холода. А в пути вечно кто-нибудь встретится — не волки, так люди, которые мечтают вцепиться тебе в глотку. — Он рассмеялся от души. — Да и, кроме того, законный наследник Великого Хана уже в пути, если можно так выразиться... хотя сам хан об этом еще не подозревает.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Мне Созара призналась незадолго до нашего отъезда.

От удивления Юма прищелкнул языком:

— Нет, никогда, никогда в жизни больше не буду дураком настолько, чтобы недооценить какого-нибудь киммерийца...

НОЧНЫЕ ТЕНИ ЗАМБУЛЫ

1. БАРАБАН НАЧИНАЕТ БИТЬ

— В доме Арама Бакша скрывается опасность!

Каркающий голос предупреждающего сорвался от волнения, а тощие с черными когтями пальцы вцепились в мускулистую руку Конана. Это был жилистый, почерневший от солнца человек с растрепанной темной бородой. Лоскутное одеяние выдавало в нем кочевника. Он выглядел меньше и слабее, чем на самом деле, рядом с широкогрудым чернобровым гигантом киммерийцем с его мощными руками и мускулистыми ногами. Они стояли на углу Базара Оружейников, и с обеих сторон их обтекал многоязычный разноцветный уличный поток — такой экзотичный, разноплеменный, яркий и шумный здесь, в Замбуле.

Конан с трудом оторвал взгляд от прошествовавшей мимо ганарийки с дерзкими глазами и ярко-красными губами, чья вызывающая походка и короткая юбка с разрезом при каждом шаге позволяли видеть коричневое соблазнительное бедро, и недовольно посмотрел вниз на своего назойливого компаньона.

— Что ты имеешь в виду, говоря об опасности? — спросил он.

Кочевник украдкой посмотрел через плечо, прежде чем ответить, и понизил голос:

— Никто не знает этого толком. Известно лишь, что людей пустыни и приезжих, которые останавливались на ночлег в доме Арама Бакша, больше никогда не видели после и ничего о них не слышали. Что с ними сталось? Сам он клялся, что они, встав от сна, продолжали свой путь. Действительно, из его дома никогда не исчезал ни один из постоянных жителей города. Однако путешест-

венников никто не видел снова, и люди говорят, что их вещи и снаряжение позже встречались на базарах. Как бы они попадали туда, если бы это не было делом рук Арама, который прежде должен был избавиться от их владельцев?

— У меня нет вещей, — проворчал киммериец, дотрагиваясь до обтянутой шагренью рукояти палаша, висевшего у его бедра. — Я продал даже коня.

— Но из дома Арама Бакша по ночам исчезают не только богатые странники! — продребезжал зуагир. — Более того, бедные люди пустыни ночевали там — потому что он берет меньшую плату, чем в других тавернах, — и после этого они пропадали навсегда. Однажды вождь зуагиров, сын которого исчез таким образом, пожаловался сатрапу Джангир Хану, и тот приказал солдатам обыскать дом.

— И они нашли подвал, полный трупов? — спросил Конан с добродушной насмешкой.

— Нет! Они не нашли ничего! И выпроводили вождя из города с угрозами и руганью! Но, — он придвинулся к Конану ближе и поежился, — кое-что все же они нашли! На краю пустыни за домом есть пальмовая роща, и в ней яма. И вот в этой яме были обнаружены человеческие кости, обугленные и почерневшие! И видно, что их жгли здесь не один, а много раз!

— И что это доказывает? — промычал киммериец.

— Арам Бакш — демон! Посуди сам, в этом проклятом городе, построенном стигийцами и управляемом гирканийцами, где белые, желтые и черные народы перемешались так, что образовались богомерзкие смеси всех оттенков и племен, — кто может отличить здесь человека от скрытого дьявола в человеческом облике? Арам Бакш и есть такой демон — с личиной человека! Ночами он принимает истинное обличье и уносит своих гостей в пустыню, где устраиваются тайные сборища подобных ему дьяволов.

— Почему он всегда уносит чужестранцев? — спросил Конан скептически.

— Горожане не допустили бы, чтобы он убивал местных, но им дела нет до приезжих, которые попадают в его лапы. Ты с Запада, Конан, и не знаешь тайн этой

древней земли. Но с того времени, как это началось, демоны пустыни стали устраивать ритуальные действа в честь Йога, Владыки Великой Пустоты. Все это связано с культом огня — огня, который пожирает человеческие жертвы.

Прислушайся к моим словам. Ты много лун жил в шатрах зуагиров, ты наш брат, поэтому я предупреждаю тебя. Не ходи в дом Арама Бакша!

— Прячься скорее! — внезапно прервал его Конан. — Вон идет отряд городской стражи. Если они увидят тебя, то могут вспомнить коня, который был украден из конюшен сатрапа.

Зуагир поперхнулся и заметался в поисках укрытия. Он нырнул между палаткой и каменным желобом, где поили лошадей, задержавшись лишь настолько, чтобы продребезжать:

— Будь осторожен, брат! В доме Арама Бакша водятся демоны! — После этого он устремился вниз по узкому проходу между домами и исчез из виду.

Конан поудобнее приладил свой широкий пояс, на котором висел меч, и спокойно встретил пронизывающие взгляды, которыми обшаривали его стражники, проходившие мимо. Они рассматривали его с любопытством и подозрением, так как он выделялся даже в такой пестрой толчее, которая запруживала извилистые улочки Замбулы. Его голубые глаза и необычная для этих мест внешность сразу бросались в глаза в восточной толпе, а прямой меч у бедра был добавочным признаком расового отличия.

Однако стражники не обратились к нему, а, сохраняя построение, прошли, мерно печатая шаг, вниз по улице, среди толпы, расступающейся перед ними. Это были наемники пелистинцы, все, как на подбор, приземистые, крючконосые, с иссиня-черными бородами, прикрывающими грудь, защищенную броней. Их нанимали для работы, которую правящая прослойка туранцев считала ниже своего достоинства. По этой же причине они вызывали ненависть монгрельского населения.

Конан взглянул на солнце, которое начало садиться за дома с плоскими крышами, расположенные на западной стороне базара, и, подтянув снова свой пояс, двинулся по направлению к таверне Арама Бакша.

Цепким шагом жителя предгорий он продвигался по ежеминутно меняющемуся цветистому потоку из улицы в улицу. Оборванные туники попрошаек задевали отделанные горностаем халаты надменных купцов и вышитый жемчугом атлас богатых куртизанок. Черные рабы-исполины брели, расталкивая темнобородых шемитских странников, прибывших из дальних городов, одетых в лохмотья кочевников из ближних пустынь, торговцев и искателей приключений, стекающихся сюда из самых разных стран Востока.

Местное население было не менее разношерстным. Когда-то, несколько веков тому назад, эти земли были завоеваны стигийцами, которые расширили свою империю, захватив восточные пустыни. До их прихода Замбула была всего лишь маленьким торговым поселением — одним из многих в кольце оазисов. Обитателями ее были в основном потомки кочевников. Стигийцы превратили ее в большой город, осев здесь сами и приведя с собой шемитских и кушитских рабов. Многочисленные караваны, пересекавшие пустыню с востока на запад и в обратном направлении, принесли городу богатство и способствовали еще большему смешению рас. Затем страну завоевали туранцы, пришедшие с востока. Их конница отодвинула границы Стигии, и теперь вот уже на протяжении жизни целого поколения Замбула была самым западным аванпостом Турана, которым правил туранский сатрап.

Вавилонское смешение самых разнообразных говоров и наречий, разноязычные крики и галдеж, неустанно меняющиеся картины причудливо переплетающихся улочек Замбулы впечатляли даже видавшего виды киммерийца. То тут, то там раздавался стук копыт и бряцание металла — это группы туранских всадников вклинивались в толпу. Конники были высокими, гибкими воинами с горбоносыми темными лицами и кривыми саблями. Люди разбегались из-под копыт их лошадей, так как они были завоевателями и властителями Замбулы. А высокие угрюмые стигийцы держались в стороне и, стоя в тени, смотрели исподлобья, памятуя о своей былой славе. Разноплеменному же населению было мало дела до того, какой царь вершил их судьбы. Им было все равно, обитал

ли он в мрачной Кеми или в блистательном Аграпуре. Замбулой правил Джангир Хан, и, как передавали люди шепотом, любовница сатрапа Нефертари правила самим Джангир Ханом. Народ же жил своей жизнью, как делал это испокон веку. Пестрая уличная толпа все так же радовала глаз мириадами цветов и оттенков, люди щеголяли нарядами, торговались, спорили, играли в азартные игры, выпивали и любили, как делали это всегда на протяжении веков, с тех пор как башни и минареты Замбулы поднялись над песками Харамуна.

Бронзовые фонари, украшенные хищными драконами, уже зажглись на улицах, когда Конан добрался до дома Арама Бакша. Таверна была последним обитаемым жилищем на улице, ведущей на запад. Обширный сад, е густо разросшимися финиковыми пальмами, был обнесен стеной. Он отделял таверну от домов, расположенных восточнее. К западу от гостиницы также возвышалась пальмовая роща, сквозь которую улица, превращающаяся здесь в дорогу, вела дальше в пустыню. Через дорогу напротив таверны тянулся ряд пустующих хижин, разбросанных в тени беспорядочно растущих деревьев. Их обитателями были только крысы и шакалы. Когда Конан спустился на дорогу, ему показалось странным, почему нищие, столь многочисленные в Замбуле, не приспособили эти пустующие дома для ночлега. Огни остались далеко позади. Здесь фонарей не было, за исключением одного, висящего перед входом в таверну: только звезды, мягкая пыль на дороге, в которой утопали ноги, да шелест пальмовых листьев в легком пустынном бризе.

Вход в заведение Арама располагался не со стороны дороги, а находился в аллее, которая соединяла таверну с садом финиковых пальм. Конан нетерпеливо дернул шнур колокольчика, свисающий за фонарем, и, неудовлетворенный его звяканьем, заколотил рукоятью своего меча в обшитые железом ворота из тикового дерева. Приоткрылась низенькая калитка, и в ней появилось черное лицо.

— Открывай, проклятье на твою голову! — потребовал Конан. — Я гость. Араму заплачено за комнату, и я займу ее, клянусь Кромом!

Черный вытянул шею, чтобы осмотреть освещенную только звездами дорогу за спиной киммерийца, после этого он открыл ворота, не говоря ни слова. Пропустив гостя, он вновь тщательно запер их на замок и задвинул засов. Стена была необычно высокой, но в Замбуле было много воров, а дом на краю пустыни, вероятно, нуждался еще и в защите от ночных набегов кочевников. Крупными шагами Конан прошел через сад, где в свете звезд покачивались крупные бледные соцветия, и вошел в небольшой зал, где за столом сидел стигиец с бритой головой книжника, размышляя о невыразимых тайнах бытия, а в углу пререкались, играя в кости, несколько человек неопределенного вида и рода занятий.

Арам Бакш вышел навстречу, мягко ступая. Это был тучный, осанистый мужчина с черной бородой, спускающейся на грудь, большим крючковатым носом и маленькими черными бегающими глазами.

— Не желаете ли перекусить? — спросил он. — Или подать вина?

— Я уже съел хороший кусок мяса и лепешку в харчевне, — проворчал Конан. — Принеси-ка мне кружку газанского — у меня осталось только-только, чтобы заплатить за нее. — Он швырнул медную монету на залитый вином прилавок.

— Неудачно играли сегодня?

— Ты угадал, мне не повезло. Да и можно ли рассчитывать на выигрыш, если садишься играть, имея лишь пригоршню серебра? Я заплатил тебе за комнату сегодня утром, потому что знал, что могу продуться. Мне надо было обеспечить себе крышу над головой на ночь. Я заметил, что никто не остается ночевать на улицах Замбулы. Даже самые нищие бродяги стараются отыскать какую-нибудь щель или нишу, чтобы забаррикадировать ее до наступления темноты. Должно быть, город полон шайками особо кровожадных разбойников.

Крупными глотками он с удовольствием выпил принесенное дешевое вино и проследовал за Арамом из общей комнаты. Игроки за его спиной прервали свое занятие и проводили его взглядами, в которых

чувствовалось непонятное сожаление. Никто не проронил ни слова. Только стигиец вдруг рассмеялся, и был в этом неприятном смехе оттенок бесчеловечного цинизма и издевки. Остальные опустили глаза, испытывая неловкость и стараясь не смотреть друг на друга. Видимо, премудрость, которую постигал стигийский школяр, не могла научить его разделять нормальные человеческие чувства.

Конан шел за Арамом вниз по коридору, освещенному медными светильниками, и ему не доставляло удовольствия наблюдать бесшумную крадущуюся походку хозяина. Ноги Арама были обуты в мягкие туфли, а коридор был выстлан толстыми туранскими коврами, и все же создавалось неприятное ощущение вороватости и скрытности от того, как продвигался этот замбулиец.

В конце продуваемого коридора Арам остановился у двери, запертой тяжелым металлическим засовом с мощными скобами. Арам поднял засов и ввел киммерийца в хорошо убранную комнату. Конан сразу заметил, что окна в ней маленькие и забраны железными, красиво украшенными решетками. Пол здесь тоже был устлан коврами, тут же стояла тахта, убранная в восточном стиле, и табуреты с резным орнаментом. Комната была обставлена богаче, чем те, которые он мог бы снять за большую цену ближе к центру города. Это и побудило его остановить свой выбор на ней сегодня утром, когда он обнаружил, как похудел его кошелек за последние дни, проведенные в кутежах. А ведь он прискакал в Замбулу только неделю назад.

Арам зажег бронзовую лампу и показал, как закрывается комната. В противоположной стене была еще одна дверь, которая, как и первая, закрывалась на тяжелую задвижку.

— Сегодня ты можешь спать спокойно, киммериец, — подмигнул хозяин, просунув свою густую бороду в дверной проем из коридора.

Конан хмыкнул и бросил свой обнаженный палаш на кушетку.

— Твои задвижки и засовы крепки, но я всегда сплю бок о бок со своим мечом наготове.

Арам ничего не ответил; с минуту он постоял, теребя свою пышную бороду и рассматривая грозное оружие, потом молча удалился, закрыв за собой дверь. Конан задвинул засов, пересек комнату, открыл противоположную дверь и выглянул. Комната была расположена со стороны дороги, ведущей на запад от города. Дверь вела в маленький дворик, отгороженный своей собственной стеной. Внутренние стены, которые отделяли дворик от основной огороженной территории вокруг таверны, были очень высокими, и никакого прохода в них не было видно. Зато стена, тянущаяся вдоль дороги, была низкой, а калитка не запиралась. Конан помедлил в дверях в свете лампы за его спиной, вглядываясь в дорогу в том месте, где она исчезала в пальмовой роще. По-прежнему было слышно только шуршание листьев на легком ветерке. За деревьями лежала голая пустыня. Далеко в противоположном направлении вверх по улице горели огни и смутно доносился шум города. Здесь же было только мерцание звезд, шепот пальмовых листьев, пыльная дорога за низкой стеной и пустые хижины с плоскими крышами, смутно вырисовывающиеся на фоне звездного неба. Где-то за пальмовой рощей вдруг раздался бой барабана.

Обрывки наивных предостережений зуагира всплыли в его памяти. Сейчас они почему-то не казались такими фантастическими, как представлялось на людных, залитых солнечным светом улицах. Он опять подивился заброшенности хижин напротив. Почему бродяги избегают их?

Постояв еще немного, он вернулся в комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Свет начал мигать. Выругавшись, он осмотрел лампу и обнаружил, что пальмовое масло в ней было на исходе. Арам не явился на его зов, и тогда киммериец пожал плечами и задул лампу. В темноте, не раздеваясь, он растянулся на тахте, по привычке ощупав и придвинув поближе рукоять своего палаша. Некоторое время он бездумно смотрел на звезды, окаймленные зарешеченными окнами, и слушал шорох бриза в пальмовых листьях. Потом он погрузился в дремоту, сквозь которую смутно различал раскаты барабана, продолжавшего звучать

снаружи в пустыне, — низкое громыхание и рокот натянутой кожи барабана, по которому мягко и ритмично ударяла черная рука...

2. НОЧНЫЕ ПОХИТИТЕЛИ

Киммерийца разбудило почти беззвучное движение осторожно открывающейся двери. В отличие от цивилизованного человека, который, просыпаясь, некоторое время ничего не соображает, оставаясь сонным и вялым, он пришел в себя сразу. Голова его была совершенно ясной, и он точно определил источник звука, прервавшего его сон. Продолжая лежать в темноте, он весь напрягся для прыжка, в то время как дверь, выходившая во двор, медленно растворялась. На фоне ширящегося просвета, в который было видно звездное небо, он увидел огромный силуэт широкоплечей согнутой фигуры с бесформенной головой.

Конан почувствовал, как мурашки побежали у него между лопаток. Ведь он тщательно задвинул засов. Как же может открываться эта дверь, если не действием колдовских сил? И может ли быть голова человека такой странной формы? Легенды, слышанные им в шатрах зуагиров, о демонах и гоблинах всплыли в его памяти и заставили покрыться холодным потом все его тело. В это время чудовище бесшумно вползло в комнату на полусогнутых ногах, почти припав к земле. Привычный запах ударил в ноздри киммерийца. Его обычность не рассеяла страшной уверенности в его природе, поскольку зуагирские легенды утверждали, что демоны воняют именно так.

Затаив дыхание, Конан подтянул свои длинные ноги и приготовился к броску. В правой руке он держал обнаженный меч. Последовавший затем удар был неожидан и смертоносен, как прыжок тигра из засады. Даже демон не мог бы увернуться от такого выпада. Меч вонзился в тело и рассек его вместе с костями. Что-то тяжело повалилось на пол, захлебнувшись криком. Конан в темноте подобрался к поверженному и склонился над ним, не выпуская из рук меча, с которого капало на пол. Дьявол, животное или человек — что бы это ни было — лежал мертвым на полу. Варвар чуял запах смерти, как дикий зверь. Посмотрев

через полуоткрытую дверь во двор, освещенный звездами, он убедился, что калитка откинута, но двор пуст.

После этого киммериец прикрыл дверь, не потрудившись задвинуть засов. В темноте он нащупал лампу и зажег ее. Масла в ней должно было хватить на одну-две минуты, поэтому, не медля, он склонился над фигурой, которая распростерлась на полу в луже крови.

Это был огромный чернокожий, голый, если не считать набедренной повязки. В руке он сжимал сучковатую дубину. Курчавые космы парня были закручены наподобие рогов, проткнутых прутиками и обмазанных сухой глиной. Эта дикарская прическа, к несчастью для ее обладателя, и придавала такой странный вид его голове в тусклом свете звезд. Для подтверждения страшной догадки, осенившей его, Конан оттянул толстые красные губы лежащего и тихо выругался, увидев сточенные до основания зубы.

Теперь он понял, почему исчезали чужестранцы из дома Арама Бакша. Ясными стали и загадка черного барабана, выбивающего тревожную дробь неподалеку отсюда за пальмовой рощей, и ужасная тайна этой ямы с обгоревшими костями — ямы, где под звездами жарилось человеческое мясо, и черные животные, сидя на корточках вокруг, пожирали его, удовлетворяя свой кощунственный голод. Человек на полу был рабом из Дарфара, в котором сохранялся каннибализм.

Таких людоедов в Замбуле было немало, хотя открыто об этом не говорили. Но теперь Конан знал, почему люди запираются на ночь так крепко и даже нищие избегают ночевок в открытых проходах или развалинах, не имеющих дверей. Он застонал от отвращения, живо представив звероподобные черные тени, рыскающие взад и вперед по ночным улицам в поисках человеческих жертв. Лютая ярость поднималась в нем, когда он думал об Араме Бакше, который открыл им дверь. Хозяин гостиницы не был дьяволом, он был хуже. Рабы из Дарфара пользовались дурной репутацией, всем было известно, что они занимаются воровством. Не было сомнений, что Арам Бакш прибирал к рукам часть украденного, а в ответ он продавал им человечину.

Конан задул свет, шагнул к двери и открыл ее. Он нащупал металлические узоры на ее внешней стороне,

один из них был подвижным, он был связан со специальным устройством, с помощью которого открывался засов. Комната была ловушкой для людей. Несчастные жертвы отлавливались, как кролики. Но на этот раз вместо кролика они будут иметь дело с саблезубым тигром.

Конан вернулся к противоположной двери, отодвинул засов и нажал на нее, пытаясь открыть. Дверь не поддавалась, и он вспомнил о запоре со стороны коридора. Арам обеспечивал себе полную изоляцию, не желая рискованных встреч ни со своими жертвами, ни с теми, с кем он вступал в эту грязную сделку.

Приладив меч к поясу, Конан крупными шагами вышел во двор, закрыв за собой дверь. Он не собирался откладывать свои расчеты с Арамом Бакшем. Тот должен ответить за многих и многих несчастных, которых глушили дубиной во сне, волокли из этой комнаты и дальше по дороге, ведущей через пальмовую рощу к ужасной яме с огнем.

Во дворе он остановился. Барабан еще звучал, и он уловил отблески колеблющегося красного пламени, просвечивающие сквозь деревья. Каннибализм был не только извращенной потребностью в пище для черных людей Дарфара, он был необходимым элементом их колдовских культов. Черные хищники уже приготовились к свершению своих зловещих ритуалов. Однако, кто бы ни попал в их желудки сегодняшней ночью, это будет не он.

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему надо было перелезть через одну из стен, отделяющих маленький дворик от большого. Эти стены были очень высокими, вероятно, для защиты от людоедов — жителей равнин и болот. Однако они не были преградой для Конана, выросшего в горах и привычного к подъемам на крутые склоны. Он стоял у ближайшей стены, готовясь перемахнуть ее, когда до него донесся крик, эхом прокатившийся под деревьями.

В ту же минуту Конан, пригнувшись, подбежал к калитке и выглянул на дорогу. Звуки доносились от хижин, стоявших в тени за дорогой. Это был прерываемый удушьем визг, как будто жертве, делающей отчаянные попытки закричать, сжимали горло — и скорее всего

черными руками. Из тени от хижины появилась тесно сбившаяся группа людей. Они двинулись вниз по дороге — трое громадных чернокожих мужчин, несущих тоненькую вырывающуюся фигурку. Конан разглядел белеющие в свете звезд руки и ноги, судорожно извивающиеся в безуспешных попытках освободиться. Вдруг пленник вырвался из грубых лап и помчался по дороге — это была гибкая молодая женщина, нагая, как в день своего рождения. Конан видел ее совершенно отчетливо перед тем, как она скрылась в тени между хижинами. Чернокожие следовали за ней по пятам и также исчезли в тени. Невыносимый вопль агонии и ужаса достиг ушей Конана. Доведенный до белого каления разгулом вурдалачьих бесчинств, Конан ринулся через дорогу.

Ни жертва, ни преследователи не подозревали о его присутствии, пока облака мягкой пыли из-под его ног не выдали его. Но к этому времени он уже настиг их, налетев как вихрь горного ветра. Он был полон безудержного гнева. Двое чернокожих повернулись, чтобы встретить его, и ожидали с поднятыми дубинками. Но они недооценили скорости, с которой он приближался. Один из них свалился, пронзенный еще до того, как смог опустить свою дубину. Извернувшись, как кошка, Конан избежал удара второй дубины и свистящим ответным ударом отсек черную голову, так что она взлетела в воздух. Безголовое тело, прежде чем рухнуть в пыль, сделало еще три неверных шага, жутко хватая воздух руками и орошая все вокруг хлещущей кровью.

Оставшийся в живых каннибал отпрянул, задохнувшись воплем, и с силой отшвырнул свою жертву. Она споткнулась и покатилась в пыль, а чернокожий в панике пустился наутек к городу. Конан не отставал. Черные пятки мелькали все быстрее, подгоняемые ужасом. Однако прежде, чем преследуемый достиг самой восточной хижины, он почувствовал смерть у себя за спиной и взревел, как бык на бойне.

— Будь проклят, черный пес! — С этим возгласом Конан вонзил свой меч между смуглыми лопатками с такой мстительной яростью, что широкое лезвие вышло из черной груди почти наполовину. Поперхнувшись криком, чернокожий полетел головой вперед, и Конан,

расставив ноги, вытащил меч из распростертого тела своей жертвы.

Только ветерок шевелил листья в наступившей тишине. Конан тряхнул головой, как лев гривой, и зарычал, не удовлетворив своей жажды крови. Но больше ни одна тень не вынырнула из темноты, и освещенная звездами дорога перед хижинами оставалась пустой. Вдруг он услышал шум частых шагов за спиной и живо обернулся, но это была только девушка — почти обезумевшая от пережитого ужаса. Она кинулась ему на грудь в отчаянном порыве благодарности за избавление от отвратительной смерти.

— Спокойно, девочка, — проворчал он. — Теперь уже все хорошо. Как они поймали тебя?

Она прорыдала что-то неразборчивое. Он забыл все, что было связано с Арамом Бакшем, рассматривая ее, насколько это было возможно в темноте. Это была белокожая и при этом очень яркая брюнетка — очевидно, одна из замбулийских помесей — высокая, тонкая и гибкая. Свирепое выражение его глаз сменилось восхищенным. И восхищение все возрастало по мере того, как его взгляд задерживался то на ее цветущей груди, то на мягких, прекрасной формы руках, которые до сих пор дрожали от страха и напряжения. Он обнял ее за гибкую талию и сказал, успокаивая:

— Перестань дрожать, детка. Теперь ты почти в безопасности.

Его прикосновение как будто вернуло ей сознание. Она откинула густые блестящие локоны и бросила боязливый взгляд через плечо, прижимаясь к киммерийцу все теснее, как бы ища защиты в его близости.

— Они поймали меня на улице, — пробормотала она, содрогаясь. — Залегли в засаде под темной аркой — черные мужчины, как большие уродливые обезьяны!

— Что ты делала на улице в такое позднее время? — спросил он, очарованный ее гладкой, как атлас, кожей, которую он ощущал под своими беспокойными пальцами.

Она провела рукой по волосам, отводя их назад, и безучастно посмотрела ему в лицо. Похоже, она еще не совсем пришла в себя и не замечала его нежных поползновений.

— Мой возлюбленный, — сказала она с трудом. — Мой возлюбленный выгнал меня на улицу. Он сошел с ума и пытался убить меня. Как только я вырвалась от него, на меня накинулись эти животные.

— Такая красавица, как ты, может свести любого мужчину с ума, — вымолвил Конан, проводя рукой по ее длинным шелковым прядям в порядке опыта.

Она замотала головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Теперь она уже не дрожала, и ее голос стал твердым:

— Это происки жреца Тотрасмека — верховного жреца Ханумана, который возжелал меня, — собака!

— Не стоит его ругать за это. У старой гиены хороший вкус.

Она не обратила внимания на грубовато-простодушный комплимент. Самообладание быстро возвращалось к ней.

— Мой возлюбленный... он молодой туранский солдат. Чтобы навредить мне, Тотрасмек дал ему снадобье, которое лишило его разума. Сегодня в припадке безумия он примчался ко мне с обнаженным мечом и пытался убить меня, но я выскочила от него на улицу. Негры поймали меня и притащили туда — я не знаю, как это назвать, — что это было?

Конан уже не слушал. Бесшумно, как тень, он увлек ее за ближайшую хижину под беспорядочно стоящие пальмы. Они остановились там в напряженном молчании; пока неясный гул, который теперь слышали оба, не усилился так, что можно было различить отдельные голоса. По дороге от города приближалась группа негров — человек девять или десять. Девушка схватила Конана за руку, и он почувствовал, как ее податливое тело, прижатое к нему, содрогается от ужаса.

До их ушей доносилась гортанная речь чернокожих.

— Наши братья уже собрались у ямы, — произнес один. — Я надеюсь, они были более удачливы, чем мы, и хватит на всех.

— Арам сказал, что даст нам одного мужчину, — пробормотал другой, и Конан мысленно пообещал Араму рассчитаться с ним.

— Арам держит свое слово, — проворчал еще один. — Из его таверны мы получили уже немало людей. Но мы

и платим ему хорошо. Я сам дал ему десять тюков шелка, который я украл у своего хозяина. Это был хороший шелк, клянусь Сетом!

Черные протащились по дороге мимо, вздымая пыль босыми шаркающими ногами, и их голоса затихли.

— Хорошо, что эти трупы лежат за хижинами, а не на дороге, — не то нам было бы туго, — проговорил Конан. — Если они заглянут в комнату Арама, то найдут там еще один. Давай убираться отсюда!

— Да, да, поторопимся! — взмолилась девушка, снова впавшая в почти истеричное состояние. — Мой возлюбленный бродит где-то один по улицам. И негры могут схватить его.

— Черт бы побрал этот обычай! — взорвался Конан, когда они пробирались к городу вдоль дороги, но держась подальше от нее за хижинами и в спасительной тени деревьев. — Почему горожане не избавятся от этих черных собак?

— Они ценные рабы, — тихо отвечала девушка. — Их слишком много, и они могут взбунтоваться, если их лишить мяса, которого они так жаждут. Живущие в Замбуле знают об их ночной охоте на улицах, и поэтому стараются оставаться за запертыми дверями, если не случится что-нибудь непредвиденное, как со мной сегодня. Черные ловят всех, кого придется, но в основном им попадаются чужеземцы, до которых местным нет дела.

— Ну, положим, не все безразличны. Такие люди, как Арам Бакш, например, продают приезжающих черным. Он не осмелился бы на подобные проделки с горожанами.

Конан сплюнул в отвращении и минутой позже вывел свою спутницу на дорогу, которая здесь превратилась в улицу с тихими затемненными домами. Не в его характере было красться и прятаться в тени.

— Куда ты хотела пойти? — спросил он. Девушка, казалось, не возражала против того, чтобы его рука оставалась на ее талии.

— Ко мне домой, чтобы разбудить моих слуг, — ответила она. — Я прикажу им разыскать моего возлюбленного. Я бы не хотела, чтобы город, жрецы — вообще кто-нибудь знал о его безумии. Он — он молодой офицер

с большим будущим. Возможно, нам удастся привести его в нормальное состояние, если мы найдем его.

— Если мы найдем его? — недовольно загремел Конан. — С чего ты взяла, что я хочу проводить ночь, прочесывая улицы в поисках лунатика?

Она бросила быстрый взгляд на его лицо и оценила по достоинству блеск голубых глаз. Как любая женщина на ее месте, она смогла понять, что он последует за ней куда угодно и останется — по крайней мере на некоторое время. Но будучи истинной женщиной, она не выдавала этого своего знания.

— Пожалуйста, — начала она опять со слезами в голосе, — мне некого просить о помощи — ты был так добр...

— Ну хорошо! — согласился он. — Хорошо. Как зовут молодого негодяя?

— Как тебе сказать — ну, Алафдал. А я Забиби, танцовщица. Я часто танцую перед сатрапом Джангир Ханом и его возлюбленной Нефертари, а также перед высокородными господами Замбулы и даже господами королевской крови. Тотрасмек возжелал меня, а так как я отвергла его ухаживания, он сделал меня невольным орудием мести Алафдалу. Я выпросила у Тотрасмека любовный напиток, не подозревая о его коварстве и глубине его ненависти. Он дал мне зелье, которое я должна была подмешать в вино моего возлюбленного, и поклялся, что когда Алафдал выпьет напиток, он полюбит меня еще больше, чем до сих пор, — просто как безумный, — и будет выполнять любое мое желание. Я подмешала снадобье тайком и поднесла его Алафдалу. Но когда он выпил его, то начал неистовствовать как сумасшедший и потом произошло то, о чем я тебе уже рассказывала. Проклятый Тотрасмек, змеиный ублюдок — о-о-о!

Она судорожно ухватилась за его руку, и оба внезапно остановились. К этому времени они добрались уже до района магазинов и лавок — пустынных и темных в такой поздний час. В начале узкого переулка, по которому они пробирались, стоял человек Он стоял безмолвно, не шевелясь, голова его была опущена, но Конан уловил странный блеск мрачных немигающих глаз, уставившихся на них исподлобья. По его коже побежали мурашки, и не из

страха при виде меча в руке незнакомца, а из-за того, о чем его поза и молчаливость говорили сами за себя. Это было безумие в чистейшем виде. Конан оттолкнул девушку в сторону и вытащил свой меч.

— Не убивай его! — молила она. — Во имя Сета, не губи его! Ты сильный — ты справишься с ним!

— Посмотрим, — пробормотал он, беря меч в правую руку и сжав левую в кулак, напоминающий гирю.

Он сделал осторожный шаг в сторону стоящего — и тот с диким воющим смехом сорвался с места навстречу. Подбежав, он взметнул свой меч и, приподнявшись на носки, вложил в удар всю силу своего тела. Голубые искры посыпались от скрестившихся клинков, когда Конан парировал удар, и в следующую секунду сумасшедший распростерся в пыли без сознания от молниеносного хука слева.

Девушка подбежала к лежащему:

— О, он не... он не...

Конан быстро наклонился, перевернул молодого человека и ловкими пальцами ощупал тело.

— Он не очень изувечен, — заверил Конан после осмотра. — Кровь из носа почти всегда идет после хорошей затрещины в челюсть. Немного погодя он придет в себя, и, возможно, после этого голова у него прояснится. А пока я свяжу ему руки его же поясом для меча — вот так. Теперь куда ты хочешь, чтобы я его отнес?

— Подожди! — Она опустилась на колени перед лежащей фигурой, схватила перетянутые руки и стала жадно рассматривать их. После этого она покачала головой, как будто сбитая с толку или разочарованная, и поднялась. Подойдя близко к гиганту киммерийцу, она положила свои тонкие руки на его мощно вздымающуюся грудь. Ее темные глаза, подобные черным драгоценным камням в свете звезд, заглянули ему в лицо.

— Ты настоящий мужчина! Помоги мне! Тотрасмек должен умереть! Убей его ради меня!

— Чтобы сунуть свою шею в туранскую петлю? — хмыкнул он.

— Нет! — Ее тонкие руки, сильные, как гибкая сталь, обвились вокруг его мускулистой шеи, а мягкое податливое тело затрепетало, тесно прижатое к нему. — Хирка-

нийцы не любят Тотрасмека. Жрецы Сета боятся его. Он монгрел, который правил людьми с помощью страха и суеверий. Я почитаю Сета, туранцы поклоняются Эрлику, а Тотрасмек приносит в жертву своему Хануману осужденных! Туранская знать боится его черной магии и его влияния на смешанное население. Они ненавидят его. Даже Джангир Хан и его любовница Нефертари боятся и питают отвращение к нему. Если бы его убили ночью в храме, они не стали бы очень настойчиво разыскивать убийцу.

— А как же его колдовство? — возразил киммериец.

— Ты воин, — отвечала она. — Рисковать жизнью — часть твоей профессии.

— За плату, — согласился он.

— Конечно! — воскликнула она, приподнимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза.

Близость ее трепещущего тела зажгла пламя в его крови. Аромат ее дыхания помрачил его сознание. Но когда его руки сомкнулись в объятии, она гибко увернулась от него со словами:

— Подожди чуть-чуть! Сослужи мне службу сначала. Уладь это дело!

— По рукам, договорились, — с трудом выдавил он, приходя в себя.

— Подними моего возлюбленного, — приказала она, и киммериец подошел и легко взвалил на свои широкие плечи высокое сухощавое тело. В этот момент он чувствовал, что почти с такой же легкостью мог бы опрокинуть дворец самого Джангир Хана. Девушка лепетала нежные слова своему милому, по-прежнему находившемуся без сознания, и чувствовалось, что ее отношение к нему очень искренне. Очевидно, она любила своего Алафдала всем сердцем. Было ясно, что в какие бы деловые отношения она ни вступала с Конаном, ничто не могло повлиять на ее чувства к Алафдалу. Женщины более практичны в таких делах.

— Следуй за мной! — сказала она и торопливо пустилась вдоль по улице. Киммериец не отставал от нее ни на шаг, ни в коей мере не обремененный своей ношей. Он настороженно поглядывал по сторонам, ища глазами черные крадущиеся тени под арками, но не заметил

ничего подозрительного. Несомненно, черные дарфарцы, все как один, собрались вокруг своей ямы для жарки людей. Девушка свернула в узкую боковую улочку, чуть помедлила, а потом осторожно постучала в дверь под аркой. Почти сразу приоткрылось маленькое окошко в верхней части двери, в которое выглянуло черное лицо. Она близко склонилась к открывшему и стала быстро шептать ему что-то. Заскрипел засов, и дверь открылась. В мягком свете медной лампы стоял громадный черный человек. Конану было достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что он не из Дарфара. Его зубы не были подпилены, а курчавые волосы были коротко острижены. Он был из Вадаи. По указанию Забиби Конан передал бесчувственное тело на руки чернокожего, который уложил молодого офицера на бархатный диван. Он по-прежнему был без сознания. Удар, который привел его в такое состояние, мог свалить и быка. Забиби сразу же склонилась над ним, нервно сплетая и ломая свои пальцы. Затем она распрямилась и вышла назад на улицу к киммерийцу.

Дверь за ними мягко закрылась, звякнул замок. Когда захлопнулось и смотровое оконце, они опять остались в темноте. Забиби взяла Конана за руку, ее собственная немного дрожала.

— Ты не подведешь меня?

Он колыхнул своей гривастой головой, огромной на фоне звездного неба.

— Тогда проводи меня в святилище Ханумана, и да смилуются над нами боги!

Как духи древних времен, двигались они по тихим молчаливым улицам. Они не проронили ни слова. Девушка, возможно, думала о своем возлюбленном, лежавшем без сознания на диване, освещенном светом медных ламп, или содрогалась от страха перед тем, что ожидало их в обитаемом демонами святилище Ханумана. Варвар думал только о женщине, следовавшей за ним волнующей походкой. Аромат ее надушенных волос не оставлял его, ему казалось, что его ноздри до сих пор наполнены им. Он ежеминутно ощущал чувственную атмосферу ее присутствия, и это целиком занимало его, не оставляя места для прочих мыслей.

Один раз они услышали звяканье подкованных сандалий и бросились в тень мрачного портала, чтобы пропустить отряд пелистинских стражников. Их было пятнадцать. Они прошагали тесным строем с пиками наизготове, у шедших сзади спины были прикрыты широкими бронзовыми щитами для защиты от ножевых ударов. Угроза нападения черных людоедов была страшна даже для вооруженных людей.

Как только утих звук их шагов, Конан и девушка вынырнули из своего убежища и торопливо продолжили путь. Немного погодя перед ними стало смутно вырисовываться приземистое сооружение с плоской крышей, которое они и искали.

Храм Ханумана стоял отдельно от других зданий в середине обширной, совершенно пустой площади. Мраморная стена окружала святилище. Широкий проход в ней располагался прямо перед входом в храм. Ничто не преграждало его — не было даже ворот.

— Почему черные не хотят творить свои молитвы здесь? — тихо проговорил Конан. — Кажется, ничто не мешает им делать это в храме.

Он вновь почувствовал, как Забиби дрожит всем телом, потому что она тесно прижалась к нему.

— Они боятся Тотрасмека, как и вся остальная Замбула, даже Джангир Хан и Нефертари. Входи! Пойдем, не теряя времени, пока решимость не оставила меня. Я чувствую, что она тает во мне с каждой минутой!

Страх девушки был очевиден, но она не колебалась. Конан вытащил свой меч и зашагал впереди нее через открытый проход. Он знал отвратительные обычаи восточных жрецов и понимал, что посягающего на святилище Ханумана могут встретить здесь самые ужасные неожиданности, каких не вообразишь даже в ночных кошмарах. Он отдавал себе полный отчет, что оба они с девушкой могут не выйти из храма живыми, но слишком много раз до этого он рисковал своей жизнью, чтобы всерьез обращать внимание на такие вещи.

Они вошли во двор, вымощенный мрамором, который белел в свете звезд. Несколько широких мраморных ступеней вели к обрамленному колоннами портику. Огромные бронзовые двери стояли широко открытыми, они не

закрывались никогда — вот уже несколько веков. В дневное время мужчины и женщины еще могли робко входить в святилище, чтобы оставить пожертвования перед черным алтарем обезьяноподобного божества. Ночью люди старались обходить храм Ханумана, как зайцы избегают змеиного гнезда.

Зажженные курильницы наполняли храм изнутри полупрозрачными, причудливо светящимися клубами дыма, что создавало иллюзию нереальности. У задней стены, за алтарем из черного камня, сидел бог, навсегда вперивший свой взгляд на открытую дверь, через которую век за веком входили его жертвы, влекомые цепями из роз. Неглубокий желоб тянулся от входа к алтарю, и Конан, попав в него ногой, отпрыгнул так, будто наступил на змею. Этот желоб был протоптан неисчислимым множеством слабеющих неверных ног тех, кто умер, заходясь от крика на этом мрачном алтаре.

В неопределенном, меняющемся освещении лицо Ханумана казалось живым. В его злобном вожделеющем взгляде была скотская чувственность. Он сидел со скрещенными ногами в позе человека, а не обезьяны, но от этого его вид был ничуть не менее обезьяньим. Идол был высечен из черного мрамора, глаза, сделанные из рубинов, горели красным похотливым огнем, как угли самых глубоких преисподних. Его огромные руки лежали на коленях, ладони были приподняты, и хищно скрюченные когтистые пальцы торчали в разные стороны. В непристойной выразительности атрибутов фигуры, в плотоядном взгляде его сатироподобного лица отражался отвратительный цинизм дегенеративного культа, который обожествлял его.

Девушка направилась к задней стене, для этого надо было обогнуть изваяние. Когда случайно ее гладкое бедро коснулось каменного колена, она отпрянула в сторону, и ее передернуло, как от прикосновения рептилии. Между широкой спиной идола и мраморной стеной с фризом из золотых листьев было пространство в несколько футов. По обе стороны от сидящего божества в стене располагались двери из слоновой кости под золотыми арками.

— Эти двери с двух сторон ведут в один и тот же изогнутый коридор, — торопливо проговорила она. — Однажды я была внутри святилища — только однажды! —

Она затрепетала, и ее хрупкие плечи содрогнулись от ужасающего и непристойного воспоминания.

— Коридор изогнут, как подкова, и оба его кольца выходят в это помещение. Покои Тотрасмека находятся внутри дуги коридора и открываются в него. Но где-то здесь, в этой стене, есть секретная дверь, которая ведет непосредственно во внутренние комнаты.

Она начала шарить по гладкой поверхности, где не было и следа шва или щели. Конан стоял за ней с мечом в руке, беспокойно, с опаской оглядываясь. Тишина и пустота святилища вместе с картинами возможных ужасов за стеной, которые рисовало воображение, настораживали его, подобно дикому зверю, чующему ловушку.

— О! — Девушка нашла наконец скрытую пружину. Квадратное отверстие открылось черным провалом в стене. И вдруг: — Сет! — взвизгнула она, и Конан, метнувшийся к ней, увидел только, как громадная уродливая рука вцепилась в ее волосы. Ее сбили с ног и втянули головой вперед в отверстие. Конан безуспешно пытался удержать ее, но его пальцы лишь скользнули по обнаженной ноге, и в ту же секунду она исчезла, а стена опять стала гладкой, как в начале. Только теперь из-за нее доносился заглушенный шум борьбы, слабо слышные вопли и грубый смех, который леденил кровь в жилах.

3. ОБЪЯТИЯ ЧЕРНЫХ РУК

С проклятиями Конан крушил стену рукоятью своего меча, мрамор трескался и обламывался от ударов колоссальной силы. Но потаенная дверь не поддавалась, и разум подсказал Конану, что, несомненно, она была заперта засовом изнутри. Тогда он кинулся к одной из дверей из слоновой кости.

Он уже поднял меч, чтобы расщепить створки, но вначале решил попробовать и толкнул ее левой рукой. Она легко приоткрылась, и он заглянул в длинный коридор, который изгибался вдали в сумерках такого же неверного света курильниц, как и в главном зале храма. Тяжелый золотой засов на косяке двери привлек его внимание. Он слегка коснулся его кончиками пальцев. Металл был чуть

тепловатым, только человек, чья чувствительность далеко превосходила волчью, мог ощутить это. Дальше вступала в свои права логика: засова касались — для того чтобы отодвинуть его — всего лишь несколько секунд назад. Он мог бы предположить заранее, что Тотрасмек, конечно, должен быть осведомлен о проникновении в храм кого бы то ни было.

Войти в коридор означало, без сомнения, ступить в ловушку, устроенную для него жрецами. Но Конан не колебался. Где-то там в сумеречных внутренних покоях находилась плененная Забиби, и по тому, что он знал о жрецах Ханумана, было ясно, что она очень нуждается в его помощи. Конан, крадучись как пантера, проник в коридор, готовый отражать возможные нападения слева и справа.

Слева от него в коридор открывались двери из слоновой кости, обрамленные арками, и он попытался открыть их одну за другой. Все они были заперты. Он прошел около 75 футов, когда коридор резко отвернул в сторону, описывая кривую, о которой упоминала девушка. Дверь, расположенная на этом участке коридора, вдруг поддалась под его рукой.

Он заглянул в обширную квадратную комнату, освещенную немного ярче, чем коридор. Стены были облицованы белым мрамором, пол — из слоновой кости, потолок покрыт потемневшим серебром. Он увидел диваны, обитые богатым атласом, украшенные золотыми узорами скамеечки из слоновой кости, круглый стол из какого-то массивного материала, напоминающего металл. На одном из диванов развалился человек, глядящий прямо на дверь. Он рассмеялся, встретив испуганный взгляд киммерийца.

На этом человеке не было ничего, кроме набедренной повязки и высоко зашнурованных сандалий. Кожа его была коричневой, черные волосы коротко подстрижены, а выпуклые глаза беспокойно бегали на его широком самодовольном лице. Он был непомерно широк и объемист, с громадными конечностями, на которых при малейшем движении взбухали и перекатывались мощные мускулы. Таких больших рук Конан никогда не видывал. Уверенность в своих колоссальных физи-

ческих силах сказывалась в каждом его движении и интонации.

— Почему не входишь, варвар? — насмешливо позвал он, сопровождая свои слова издевательским жестом, означающим подчеркнуто вежливое приглашение.

Взор Конана начал зловеще разгораться, и он настороженно ступил в комнату с мечом наготове.

— Кто ты такой, черт тебя подери? — зарычал он.

— Я Ваал-птеор, — отвечал человек. — Когда-то много лет тому назад и в другой стране меня называли иначе. Но это хорошее имя, а почему Тотрасмек дал его мне, об этом тебе расскажет любая храмовая девка.

— Значит, ты его пес! — загремел Конан. — Ну так будь проклята твоя коричневая шкура, Ваал-птеор! Где девушка, которую ты втащил сюда только что?

— Мой хозяин принимает ее у себя! — рассмеялся Ваал-птеор. — Слышишь?

За дверью, расположенной напротив той, в которую вошел Конан, слышались слабые женские крики, приглушенные расстоянием.

— Дьявол унеси твою душу! — Конан сделал было шаг по направлению к двери, но повернул назад, кожа его горела. Ваал-птеор продолжал смеяться над ним, и этот смех граничил с угрозой. Волосы на затылке у Конана поднялись дыбом, красная пелена кровожадной ярости застлала глаза.

Он кинулся к Ваал-птеору, суставы на его руке, держащей меч, побелели. Быстрым движением смуглый великан бросил что-то навстречу. Это была светящаяся кристаллическая сфера, мерцающая в колеблющемся свете.

Конан инстинктивно попытался уклониться, но каким-то чудом шар задержался в воздухе, в нескольких футах от его лица. Он не упал на пол, но повис, как будто подвешенный на невидимых нитях, в пяти футах от пола. И пока Конан в изумлении смотрел на него, он начал вращаться со все нарастающей скоростью. С каждым оборотом его размеры увеличивались, он раздувался, контуры становились неясными, туманными. Он заполнил уже всю комнату. Конан оказался внутри вихря, который поглотил мебель, стены, улыбающуюся физиономию Ваал-птеора. Осталась только слепящая

голубоватая туманность, вращающаяся с непостижимой скоростью. Ужасный ветер свистел в ушах Конана, он трепал его и валил с ног. Казалось, вот-вот он будет вовлечен в сумасшедшее кружение.

Давясь своим криком, Конан откинулся назад, его перевернуло несколько раз, и тут он почувствовал за спиной твердую стену. Иллюзия кружения сразу пропала. Вращающаяся необъятная сфера исчезла, как лопнувший мыльный пузырь. Конан опять оказался в комнате с серебряным потолком, и только серый туман клубился у его ног. Ваал-птеор по-прежнему сидел развалясь на диване, сотрясаясь от беззвучного смеха.

— Сукин сын! — заорал Конан и ринулся к нему.

Но туман, поднявшийся от двери, накрыл коричневого гиганта. Ничего не видя в накатившем облаке, пытаясь ощупью добраться до своего врага, Конан ощутил вдруг какое-то головокружительное смещение в пространстве — комната, туман и смуглокожий сошлись в одну точку. Он обнаружил себя стоящим в одиночестве на каком-то топком болоте, среди зарослей высокого тростника. Низко опустив тяжелую голову, на него стремительно несся буйвол. Он отскочил в сторону, стараясь увернуться от наставленных на него изогнутых, как сабли, рогов, и вогнал свой меч под лопатку животного, точным ударом проткнув его сердце. И в следующий момент он увидел вместо буйвола, умирающего в грязи, Ваал-птеора. С проклятием Конан отсек ему голову, та взлетела высоко над землей и — вцепилась звериными клыками прямо в его горло. Изо всех своих немалых сил он старался оторвать ее от себя — и не мог. Он задыхался... давился... Потом был толчок, стремительный полет сквозь неизмеримое пространство, сопровождаемый ревом и хохотом, удар, шок — и вновь он очнулся в комнате с Ваал-птеором, голова которого крепко сидела на его плечах, а сам он беззвучно смеялся, как ни в чем не бывало развалясь на своем диване.

— Гипнотизм! — невнятно прорычал Конан, изо всех сил в неистовой досаде буквально роя мрамор, за неимением земли под ногами.

Его глаза полыхали ярким пламенем. Коричневый пес разыгрывал его, делая из него посмешище! Но в этих

маскарадных представлениях и детских играх с туманами и воображаемыми тенями невозможно расправиться с ним. Надо просто рвануть и всадить в него меч, так чтобы коричневый прислужник распластался под ногами искалеченным трупом. На этот раз он не позволит морочить себя всякими иллюзорными тенями — но он опять был одурачен.

Леденящее кровь рычание послышалось за его спиной, он живо обернулся и в ту же секунду рубанул с плеча по пантере, приготовившейся к прыжку на него с металлически поблескивающего стола. Еще до того как удар достиг цели, видение исчезло, и меч оглушительно лязгнул по несокрушимо твердой поверхности. Он сразу почувствовал что-то ненормальное. Меч прилип к столу! Он дергал и тянул его изо всех сил, но тот не поддавался. Это уже был не гипнотический трюк. Стол был гигантским магнитом. Конан схватился за рукоять обеими руками, когда голос сзади заставил его оглянуться. На него шел человек, который наконец поднялся с дивана.

Лишь слегка более высокий, чем Конан, но намного массивнее, Ваал-птеор неясно вырисовывался перед ним махиной угрожающих размеров. Он представлял собой устрашающий образец исполинской мускульной силы. Его огромные руки были неестественной длины, а уродливо большие лапы судорожно сжимались и разжимались, как в конвульсии. Конан отпустил рукоять своего намертво прижатого к столу меча и стоял, ничего не говоря, наблюдая за своим врагом сквозь прищуренные веки.

— Пропала твоя голова, киммериец! — издевательски проговорил Ваал-птеор. — Я откручу ее с твоих плеч, как голову цыпленка, голыми руками! Сыны Косалы приносят жертву Яджару именно таким образом. Варвар, ты видишь перед собой душителя Йота-понга. Жрецы Яджара выбрали меня еще в раннем детстве и тренировали с тех пор вплоть до того, как я вошел в зрелые годы. Они учили меня искусству убивать голыми руками — потому что только такие жертвы предписаны нашим законом. Яджар любит кровь, и мы не проливаем впустую ни единой капли из жил наших жертв. Когда я был совсем мал, они давали мне душить младенцев, мальчиком я имел дело с молодыми девушками, в юношеском возрасте мне доставались

женщины, старики и подростки. И только достигнув полного расцвета сил, я получил возможность убивать на алтаре Йота-понга сильных мужчин.

Долгие годы я приносил жертвы Яджару. Сотни шей ломались с хрустом и треском между этими пальцами... — Он пошевелил ими перед пылающими гневом глазами киммерийца. — Тебя не касается, почему я сбежал из Йота-понга и стал слугой Тотрасмека. Через минуту ты вообще потеряешь способность любопытничать. Жрецы Косалы, душители жертв для Яджара, намного сильнее, чем могут представить люди. А я самый сильный из них. Сейчас я сверну тебе шею своими руками, варвар!

И подобно двум кобрам, громадные длани сомкнулись на горле Конана. Киммериец не предпринимал никаких попыток увернуться или отбиться от них. Вместо этого его собственные руки быстрым, как молния, движением метнулись к бычьей шее косаланца. Черные глаза Ваал-птеора расширились, когда он почувствовал жгуты мощных мускулов, защищающих горло варвара. С рычанием, рвущимся из глотки, он напряг все свои нечеловеческие силы. Узлы, горы и канаты мускулов вздулись и перекатывались на его массивных руках. И вдруг приступ удушья перехватил его дыхание, когда пальцы Конана сцепились на его горле. На миг они застыли как статуи, их лица с побагровевшими, вздувшимися жилами на висках были воплощением напряжения. Тонкие губы Конана расползлись в невольном оскале, сквозь крепко сжатые губы прорывалось рычание. Глаза Ваал-птеора почти вылезли из орбит, в них все больше нарастало выражение ужасного удивления и слабые проблески страха. Оба стояли неподвижно как изваяния, только мускулы вздувались на их напрягшихся руках и упирающихся в пол переплетенных ногах. Силы, превышающие все обычные человеческие представления, сошлись в этой схватке — силы, способные вырывать с корнем деревья и крушить воловьи лбы.

Воздух внезапно вырвался со свистом сквозь разжатые зубы Ваал-птеора. Его лицо побагровело, страх затопил глаза. Мускулы на руках и плечах гиганта, казалось, были готовы лопнуть, однако мощная шея киммерийца не поддавалась теряющему уверенность напору.

Она напоминала переплетение железных канатов. Одновременно плоть самого Ваал-птеора начинала расползаться под железными пальцами киммерийца, которые погружались все глубже и глубже в слабеющие мускулы, расплющивая их вместе с яремной веной и вдавливая в дыхательное горло.

Скульптурная неподвижность группы внезапно сменилась неистовыми рывками, так как косаланец, одолеваемый рвотными судорогами, начал дергаться и вырываться, стараясь откинуться назад. Он выпустил горло Конана и ухватил его за запястья, чтобы оторвать эти неумолимые пальцы.

Стремительным выпадом Конан оттолкнул его назад, так что тот ударился копчиком о стол. Конан продолжал перегибать его через край, все дальше и дальше, пока спина врага не начала хрустеть, готовая переломиться.

Низкий смех Конана был безжалостен, как звон стали.

— Ты глупец! — прошипел он. — Наверно, ты никогда до сих пор не встречал уроженца запада. Неужели ты считаешь себя сильным только потому, что был способен откручивать головы цивилизованным людям, бедным слабакам с мускулами, похожими на гнилые веревки? Будь ты проклят! Попробуй свернуть шею дикому киммерийскому быку, перед тем как хвастаться своей силой! Я делал это еще до того, как стал взрослым мужчиной, — вот так!

И с этими словами он молниеносным беспощадным движением крутанул голову Ваал-птеора и поворачивал ее до тех пор, пока искаженное гримасой боли лицо не оказалось за левым плечом, а позвоночник треснул, как подгнившая ветка.

Конан отшвырнул осевший труп на пол и снова вернулся к своему мечу. Он ухватился за рукоять обеими руками и изо всей силы уперся ногами в пол. Кровь текла по его широкой груди из ран на шее от когтистых пальцев Ваал-птеора. Его черные волосы были мокры, пот стекал по лицу, а грудь тяжело вздымалась. Потому что, хотя на словах он и облил презрением силы Ваал-птеора, на самом деле надо было признать, что в звероподобном косаланце он встретил почти равного себе по мощи. Но медлить было некогда, и, не давая себе передышки, чтобы выровнять

дыхание, он вложил все оставшиеся силы в мощный рывок и наконец оторвал меч от удерживавшего его магнита.

В следующий момент он распахнул дверь, за которой слышались вопли, и оглядел длинный прямой коридор с рядом дверей из слоновой кости. Дальний конец был закрыт богатым бархатным занавесом, из-за которого и доносились ужасные звуки такой адской музыки, которую Конану не доводилось слышать даже в ночных кошмарах. Его волосы зашевелились, и мороз побежал по коже. В музыку вплетались женские рыдания, к которым примешивались звуки хриплого, затрудненного дыхания. Крепко ухватив меч, Конан стал крадучись продвигаться вдоль по коридору.

4. ТАНЦУЙ, ДЕВОЧКА, ТАНЦУЙ!

Когда Забиби была вдернута головой вперед в отверстие, которое открылось в стене за идолом, ее первой мыслью, если можно так назвать бессвязные обрывки, мелькавшие в голове в миг крайнего ошеломления, было то, что ей пришел конец. Она инстинктивно зажмурила глаза и ожидала разящего удара. Вместо этого ее бесцеремонно швырнули на мраморный пол, так что она сильно расшибла колени и бедро. Открыв глаза, она озиралась со страхом, за стеной в это время раздавались глухие удары. Она увидела гиганта с коричневой кожей, в одной набедренной повязке стоявшего над ней, а в помещении, в которое ее втащили, на диване сидел человек, спиной к богатому черному бархатному занавесу. Мужчина был кряжистый, полный, с жирными белыми руками и коварными глазами. По телу Забиби пробежали мурашки, потому что этот человек был Тотрасмеком, жрецом Ханумана, который уже многие годы плел липкую паутину своей власти над всей Замбулой.

— Варвар старается пробить себе путь через стену, — произнес сардонически Тотрасмек, — но засов крепок.

Девушка увидела тяжелый золотой засов, задвинутый поперек секретной двери, которая с этой стороны стены была ясно различима. Такой засов и скобы могли выдержать натиск слона.

— Иди открой ему одну из дверей, Ваал-птеор, — приказал Тотрасмек. — Убей его в квадратной комнате на другом конце коридора.

Косаланец поклонился, приложив руки ко лбу по восточному обычаю, и удалился через боковую дверь в стене комнаты. Забиби поднялась, глядя с испугом на жреца, глаза которого жадно обшаривали ее изящную фигуру. Она не обращала внимания на подобные взгляды, так как, будучи танцовщицей Замбулы, привыкла выходить обнаженной. Но жестокое выражение его глаз вогнало ее в дрожь.

— Ты снова посетила мое убежище, красавица, — промурлыкал он с циничным лицемерием. — Это неожиданная честь. Кажется, тебе так мало понравился твой прежний визит, что я и не надеялся на его повторение. Хотя я приложил все силы, чтобы развлечь тебя и обогатить интересным опытом.

Вогнать в краску танцовщицу из Замбулы — безнадежное дело, но тут пламя гнева опалило лицо Забиби и зажглось в ее расширившихся глазах, в которых до этого был только страх.

— *Жирная свинья! Ты знаешь, что я пришла сюда не* для любовных утех с тобой.

— Нет, конечно, — рассмеялся Тотрасмек, — ты пришла сюда как дура, прокравшись ночью с глупым варваром, чтобы перерезать мне горло. Зачем тебе моя жизнь?

— Ты знаешь зачем! — вскричала она, зная тщетность попыток притворяться или скрывать.

— Ты думаешь о своем любовнике, — засмеялся он. — Тот факт, что ты здесь и жаждешь моей смерти, показывает, что он выпил снадобье, которое я дал тебе. Но разве не ты сама просила меня об этом? И не послал ли я то, что ты просила, из любви к тебе?

— Я просила тебя о лекарстве, которое усыпило бы его на несколько часов, не причиняя никакого вреда, — сказала она с горечью. — Ты же прислал слугу с зельем, вогнавшим его в безумие! Я была глупа, доверившись тебе. Можно было бы знать, что твои заверения в дружбе не что иное, как ложь для маскировки ненависти и злобы.

— Почему ты хотела усыпить своего любовника? — начал он в ответ. — Потому что только таким образом ты

могла украсть у него единственную вещь, которую он не давал тебе никогда, — кольцо с драгоценным камнем, называемым Звездой Хорала. Камень был украден у королевы Офира, и она отдала бы всю свою казну, чтобы вернуть его. Он намеренно не позволял тебе брать его, так как знал, что камень обладает магической силой. Умея применять его должным образом, можно приворожить сердце любого человека противоположного пола. Ты хотела украсть у него этот камень, потому что боялась, что его чародеи найдут ключ к волшебным чарам и он забудет тебя, покоряя цариц мира. Ты послала бы драгоценность королеве Офира, которая понимает ее силу, и хотела бы использовать ее, чтобы приворожить меня, как она уже пыталась делать до того, как камень был украден.

— Но зачем он нужен т е б е? — мрачно вопросила Забиби.

— Я понимаю его силу. Он сделал бы мои чары еще более могущественными.

Она фыркнула:

— Так он же у тебя сейчас!

— У меня Звезда Хорала? Да нет же, ты ошибаешься.

— Зачем ты утруждаешь себя ложью? — резко запротестовала она. — Камень был у него на пальце, когда он вытащил меня на улицу. И его уже не было там, когда я вновь нашла своего возлюбленного. Должно быть, твой слуга следил за домом и снял кольцо, когда я убежала. Ну и черт с ним! Я хочу, чтобы мой любимый снова был здоров и невредим. Почему ты не вернешь ему разум? Ты можешь это сделать?

— Я мог бы, — уверил он ее, откровенно наслаждаясь ее отчаянием. Он порылся в своих одеждах и вытащил склянку. — Здесь сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, он снова станет разумным. Да, я буду великодушным. Ты была несговорчива и пренебрегала мной, и не один, а много раз. Он постоянно идет поперек моим желаниям. Но я буду великодушным. Подойди и возьми фиал из моих рук.

Она впилась глазами в Тотрасмека, трепеща от желания схватить склянку и в то же время опасаясь подвоха. Первое пересилило, и она стала робко приближаться с протянутой рукой. Он злорадно рассмеялся и по-

дался от нее назад. Девушка открыла было рот, чтобы выругать его, но тут же, инстинктивно почуяв опасность, вскинула глаза вверх. С золоченого потолка падали четыре сосуда желтовато-зеленого цвета. Она сумела увернуться, так что они ее не задели, а разбившись об пол, превратились в груды осколков, обозначивших квадрат, в центре которого она находилась. Девушка вскрикнула от испуга, и тут же ее крик перешел в пронзительные вопли, которые повторялись вновь и вновь, потому что из-под осколков каждого сосуда поднималась, раскачиваясь, голова кобры с характерным капюшоном. Одна из них уже добралась до ее обнаженной ноги. Конвульсивно отпрянув, девушка попала в пределы досягаемости другой змеи с противоположной стороны, и снова она метнулась с быстротой молнии, чтобы избежать атаки отвратительно блестящей головы.

Она оказалась загнанной в ужасную ловушку. Все четыре змеи раскачивались и пытались обвить ее ступни, лодыжки, икры, колени, бедра, бока — любую часть ее роскошного, возбуждающего чувственные желания тела, которая оказывалась вблизи. При этом она не могла ни перепрыгнуть, ни пробраться между ними без риска для жизни. Ей оставалось только вертеться вихрем, отскакивать, извиваться всем телом, чтобы избежать ядовитых гадов. И каждый раз, уворачиваясь от одной змеи, она попадала туда, где до нее дотягивалась другая, так что ей надо было двигаться со скоростью света, не останавливаясь. В любом направлении она могла перемещаться только в очень ограниченном пространстве, и жуткие зубастые пасти над капюшонами угрожали ей ежесекундно. Только танцовщица из Замбулы могла еще оставаться живой в этом смертоносном окружении.

Ее уже было не разглядеть — вся она превратилась в одно размытое пятно беспорядочного движения. Змеиные головы лишь на волос не доставали до нее, но тем не менее не доставали. Ее оружием против молниеносных бросков пятнистых дьяволов, которых ее враг вызвал своими заклинаниями из ничего, были ее быстрые ноги, гибкие члены и прекрасное зрение.

Где-то тонко и жалобно зазвучала музыка, похожая на завывания. Ей вторило шипение змей. Все вместе

напоминало лютый ночной ветер, свистящий в пустые глазницы черепа. Даже в вихревом кружении во спасение жизни она стала замечать, что стремительные броски змей больше не были беспорядочными. Они подчинялись жуткой, писклявой, вызывающей суеверный страх музыке. В них был ужасный ритм, и волей-неволей ее тело стало извиваться, корчиться и кружиться в согласии с ним. Неистовые движения приобрели характер танца, по сравнению с которым самый непристойный танец живота в Заморе показался бы невинным и сдержанным. Страдая от стыда и ужаса, Забиби слышала, как злобно веселится ее мучитель.

— Это Танец Кобры, моя милая! — смеялся Тотрасмек. — Так танцевали девушки, приносимые в жертву Хануману много столетий назад, но никогда у них это не получалось так красиво. Им не хватало твоей гибкости. Танцуй, девочка, танцуй! Сколько времени ты сможешь продержаться, увертываясь от укусов ядовитых тварей? Минуты? Часы? Когда-нибудь ты наконец устанешь. Твои быстрые, надежные ноги начнут спотыкаться и дрожать, а бедра станут вращаться медленнее. И тогда ядовитые зубы глубоко пронзят прекрасное тело цвета слоновой кости.

Занавес за ним заходил ходуном, словно под порывом сильного ветра, и Тотрасмек пронзительно вскрикнул. Его глаза расширились, а руки судорожно вцепились в блестящее стальное лезвие, внезапно появившееся из его груди.

Музыка оборвалась. Девушка еще продолжала свой головокружительный танец, крича от смертельного отвращения к колыхающимся ядовитым пастям, но все уже изменилось — только четыре легких струйки голубоватого дыма поднялись вверх вокруг нее, в то время как Тотрасмек сполз с дивана и растянулся на полу во весь рост.

Конан вышел из-за занавеса, вытирая свой палаш. Глядя сквозь драпировку, он видел отчаянный танец девушки между четырьмя раскачивающимися спиралями дыма и догадался, что для нее они выглядели совсем иначе. Но это уже не имело значения — он знал, что убил Тотрасмека. Забиби, задыхаясь, рухнула на пол, но стоило Конану двинуться по направлению к ней, как

она вновь поднялась, пошатываясь, хотя ее ноги дрожали от изнеможения.

— Фиал! — еле выдохнула она. — Фиал!

Тотрасмек еще сжимал его в своей холодеющей руке. Без всякого сострадания к мертвому она вырвала склянку из его сомкнутых пальцев и тут же в страшном нетерпении начала шарить в его одеждах.

— Какого дьявола ты ищешь? — поинтересовался Конан.

— Кольцо — он украл кольцо у Алафдала. Оно должно быть у него. Его взяли, когда мой возлюбленный бродил в беспамятстве по улицам. О! Будь проклят, вор!

Убедившись в отсутствии кольца на теле Тотрасмека, она начала метаться по комнате, сдирая обивку с дивана, ощупывая драпировки и опрокидывая вазы.

На какой-то момент она остановилась в раздумье и откинула с глаз влажную прядь волос.

— Я забыла о Ваал-птеоре!

— Он в аду со сломанной шеей, — заверил ее Конан.

Она выразила мстительную радость по поводу этой новости и тут же разразилась проклятиями:

— Мы не можем задерживаться здесь, скоро рассветет. Жрецы менее высоких рангов заходят в храм в любой час ночи, и, если они обнаружат нас с этим трупом, народ разорвет нас на куски. Туранцы не смогут нас спасти.

Она подняла засов на секретной двери, и несколькими минутами позже они уже были на улице и спешили прочь от безлюдной площади, над которой громоздилось старинное святилище Ханумана.

Немного погодя на продуваемом ветрами перекрестке Конан приостановился и задержал свою спутницу, положив свою тяжелую руку на ее обнаженное плечо.

— Не забывай о назначенной цене...

— Я помню! — сказала она, высвобождаясь. — Но мы должны торопиться — первым делом мы должны помочь Алафдалу!

Еще через несколько минут черный слуга открыл им дверь со смотровым оконцем. Молодой туранец по-прежнему лежал на диване со связанными руками и ногами, только теперь на месте пояса, которым стянул его киммериец, были богатые бархатные шнуры. Глаза лежавшего

были открыты, но напоминали глаза бешеной собаки, губы были покрыты толстым слоем пены. Забиби содрогнулась.

— Разомкни ему челюсти! — скомандовала она, и Конан тут же исполнил приказание. Для этого ему не понадобилось ничего, кроме собственных железных пальцев.

Забиби вылила содержимое пузырька в глотку сумасшедшего. Как по волшебству, он сразу стих. Свирепый блеск в его глазах исчез, он поглядел на девушку с недоумением, но взгляд был осознанный, и он ее явно узнал. Потом он задремал.

— Когда он проснется, то будет совершенно нормальным, — прошептала она, делая знак молчаливому слуге.

С глубоким поклоном он передал ей в руки небольшую кожаную сумку и накинул ей на плечи шелковый плащ. Ее манера держаться неуловимо изменилась, когда она кивнула Конану, чтобы он следовал за ней, и вышла из комнаты.

В нише, которая вела к двери на улицу, она повернулась к нему. Ее осанка стала царственной.

— Теперь я должна сказать тебе правду, — проговорила она с большим достоинством. — Я не Забиби, я Нефертари. А он не Алафдал, бедный капитан стражи. Он Джангир Хан — сатрап Замбулы.

Конан никак не отреагировал на это. Его покрытое шрамами загорелое лицо оставалось неподвижным.

— Я лгала тебе, потому что не смела разглашать правду никому, — продолжала она. — Мы были одни, когда Джангир Хан потерял рассудок. Никто, кроме меня, не знал об этом. Если бы стало известно, что сатрап Замбулы сумасшедший, сразу бы вспыхнул бунт и начался бы страшный разбой. Именно на это надеялся Тотрасмек, который подготавливал наше свержение.

Ты видишь теперь, как невозможна та награда, на которую ты рассчитывал. Любовница самого сатрапа не... не может быть твоей. Но ты не уйдешь без вознаграждения. Здесь золото для тебя.

Она подала ему сумку, которую получила от слуги.

— Уходи сейчас, а когда взойдет солнце, будь во дворце. Я сделаю так, чтобы Джангир Хан произвел тебя в капитаны своей охраны. Но ты будешь исполнять мои секретные поручения. Вот тебе первый приказ — бери

отряд стражников и отправляйся к святилищу Ханумана с официальной целью — найти улики для поимки того, кто убил жреца. На самом деле постарайся отыскать Звезду Хорала. Кольцо с камнем должно быть где-то там. Когда ты найдешь его, принеси мне. А теперь я разрешаю тебе идти.

Он кивнул, все так же молча, и зашагал прочь. Девушка, смотревшая на спокойно покачивающиеся широкие плечи, была задета отсутствием каких-либо признаков огорчения или смущения в своем недавнем защитнике.

Завернув за угол, он оглянулся назад и ускорил шаги, но — в другом направлении. Через несколько минут он был в квартале Конного Базара. Здесь он начал колотить в одну из дверей, пока из окна наверху не показалась бородатая голова. Обладатель ее потребовал объяснений, по какому поводу устроен такой шум.

— Коня, — приказал Конан. — Самого быстрого, какой у тебя есть.

— Я не открываю в ночное время, — недовольно проворчал торговец лошадьми.

Конан тряхнул своими монетами:

— Сучий мошенник! Ты что, не видишь, что я белый и один? Спускайся вниз, не то я разнесу твою дверь в щепы!

Вскоре Конан уже скакал на гнедом жеребце к дому Арама Бакша.

Он свернул с дороги на аллею, что тянулась от двора таверны к саду финиковых пальм, но не стал задерживаться у ворот. Он проехал дальше к северо-восточному углу ограды, затем завернул и поскакал вдаль северной стены. В нескольких шагах от северо-западного угла он остановился. Здесь деревья отступили от стены, но зато росло несколько низких кустов. К одному из них он привязал своего коня и собрался вновь влезть на него, когда услышал невнятный говор за углом.

Вынув ногу из стремени, он подкрался к углу и заглянул за него. Трое мужчин двигались по дороге по направлению к пальмовой роще. По шаркающей походке он признал негров. Они остановились на его тихий зов и стояли, сбившись в кучу, пока он шагал по направлению к ним с мечом в руках. Их белки поблескивали в свете

звезд, звериное вожделение проступало на эбонитовых лицах, но они знали так же хорошо, как он, что их три дубины не стоили одного его меча.

— Куда вы идете? — вызывающе спросил он.

— Сказать нашим братьям, чтобы они тушили огонь в яме за рощей, — последовал мрачный гортанный ответ. — Арам Бакш обещал нам человека, но соврал. Мы нашли только одного из наших братьев мертвым в комнате-ловушке. Нам придется голодать в эту ночь.

— Я думаю, что нет, — улыбнулся Конан. — Арам Бакш даст вам человека. Видите эту дверь? — Он указал на маленькую обитую железом дверцу в середине западной стены. — Подождите здесь. Арам Бакш выдаст вам человека.

Осторожно пятясь, он отступил до места, где его уже не мог настигнуть внезапный удар дубины, повернулся и исчез за северо-западным углом ограды. Добравшись до своей лошади, он выждал, чтобы убедиться, что черные не преследуют его, затем вскочил в седло и встал на него ногами, успокаивая тихими словами беспокойного жеребца. Ему пришлось вытянуться изо всех сил, чтобы ухватиться руками за гребень стены. Подтянуться и перемахнуть ее было делом секунды. Распрямившись, он быстро осмотрелся. Таверна была построена в юго-западном углу огороженного участка, остальное место было занято рощей и садом. Вокруг никого не было. Дом стоял темный и молчаливый, а окна и двери, как он знал, были укреплены решетками и засовами.

Конан помнил, что Арам Бакш спит в комнате, которая выходит на окаймленную кипарисами дорожку, ведущую к двери в западной стене. Он проскользнул между деревьев как тень и спустя несколько минут осторожно постучал в дверь комнаты.

— Что случилось? — спросил изнутри недовольный сонный голос.

— Арам Бакш! — свистящим шепотом позвал Конан. — Черные лезут через стену!

В двери, открывшейся почти мгновенно, стоял трактирщик, в одной рубахе, но с кинжалом.

Он вытянул шею, чтобы заглянуть в лицо киммерийца:

— Что за чертовщина — ты!

Мстительные пальцы Конана сдавили его горло так, что он захлебнулся своим криком. Они покатились по полу, и Конан вырвал у своего врага кинжал.

Лезвие сверкнуло в свете звезд, и брызнула кровь. Арам Бакш стал издавать отвратительные звуки, задыхаясь, ловя воздух ртом, давясь и булькая кровью. Конан поставил его на ноги, и снова блеснул кинжал. На этот раз большая часть курчавой бороды упала на пол.

Все еще сжимая горло своего пленника — так как тот мог бессвязно закричать, несмотря на разрезанный язык, — Конан потащил его из темной комнаты и дальше по обсаженной кипарисами дорожке к обитой железом двери во внешней стене. Одной рукой он поднял засов и толкнул дверь. Она открылась, и за ней замаячили три размытые фигуры, которые, подобно черным грифам, ожидали снаружи. В их жадные руки Конан и швырнул хозяина гостиницы.

Ужасный, прерываемый бульканьем крик рвался из горла замбулийца, но никто не отозвался из молчаливой таверны. Люди внутри давно привыкли к воплям за стеной. Арам Бакш сопротивлялся, как дикарь, его выкатившиеся глаза были обращены к киммерийцу. Но жалости он не нашел. Конан думал о множестве несчастных, которые благодаря жадности этого человека приняли страшную смерть.

Негры в ликовании потащили свою жертву по дороге, передразнивая его неистовые невнятные крики. Как они могли узнать Арама Бакша в этом полуобнаженном, залитом кровью существе с нелепо остриженной бородой и нечленораздельной речью. Звуки борьбы доносились до Конана, стоящего у калитки, даже когда тесно сбитая группа исчезла среди пальм.

Закрыв за собой дверь, Конан вернулся к лошади, вскочил в седло и поскакал на запад в открытую пустыню, объезжая как можно дальше зловещую пальмовую рощу. На скаку он вытащил из-за пояса кольцо, в котором мерцал и переливался, подобно еще одной звезде, огромный драгоценный камень. Он поднял его вверх, любуясь и поворачивая так и этак. Сумка, туго набитая золотыми, приятно позвякивала на седельной луке как обещание всевозможных грядущих благ.

«Интересно, как бы она повела себя, скажи я ей, что узнал в ней Нефертари, а в нем Джангир Хана сразу же, как увидел их, — размышлял он. — И Звезду Хорала я тоже признал. Хорошенькая будет сцена, если она когда-нибудь догадается, что это я снял кольцо с пальца Хана, когда связывал его. Но они никогда не поймают меня — я вовремя удрал».

Он оглянулся назад на затененную пальмовую рощу. Среди деревьев мерцали красные отблески. Ночь огласилась многоголосым торжествующим пением, в котором слышалось свирепое первобытное ликование. К дикому хору примешивались и другие звуки. Это были безумный оглушительный визг и нечленораздельные вопли, в которых нельзя было различить ни единого слова. Еще долго этот шум преследовал Конана, пока он скакал на запад под бледнеющими звездами.

1. КЛЫКИ КАПКАНА

Полуденное солнце сверкало на раскаленном небосклоне. Жесткие сухие пески Шан-и-Сорха — Красной Пустыни — разогрелись в безжалостном пламени, как в гигантской духовке. Все застыло в неподвижном воздухе, ни шороха в редком колючем кустарнике, кое-где взбирающемся на песчаные холмы, которые вставали стеной по краю пустыни.

Не шевелились и солдаты, которые залегли за кустами, вглядываясь в тропу.

Какое-то доисторическое противоборство природных сил образовало эту расселину в крутом откосе. Вековая эрозия расширила ее, но она все еще оставалась узким проходом между крутыми склонами — прекрасное место для засады.

Отряд туранских солдат находился в укрытиях наверху, они лежали все эти жаркие утренние часы, изнемогая от зноя в своих кольчугах и пластинчатых доспехах. Руки и ноги затекли в неудобных позах, а колени ныли от боли. Проклиная про себя все на свете, их предводитель эмир Богра Хан терпел все неудобства затянувшейся засады вместе с ними. Его горло пересохло, как заскорузлая на солнце кожа, а тело пеклось в кольчуге. В проклятом обиталище пылающего солнца и смерти человеку невозможно было даже пропотеть как следует. Испепеляющий воздух пустыни жадно всасывал каждую каплю влаги, оставляя тебя сухим, как иссушенный язык стигийской мумии.

Эмир закрыл глаза и протер их, чтобы вновь напряженно вглядываться, щурясь против ослепительного солнца, в еле заметную вспышку зеркального сигнала,

который посылал своему начальнику на вершину холма высланный вперед разведчик, укрывшийся за дюной красного песка.

Теперь уже и самому ему было видно облако пыли. Тучный чернобородый туранский вельможа ухмыльнулся, позабыв о своих неудобствах. Воистину этот вероломный осведомитель стоил той взятки, которую ему пришлось дать, чтобы купить его информацию!

Вскоре Богра Хан мог разглядеть длинный ряд зуагирских всадников в белых халатах. Под ними были поджарые кони, привычные к пустыне. По мере того как банда пустынных разбойников выступала из облака пыли, поднятой копытами их лошадей, туранский вельможа начинал различать даже темные ястребиные лица своих жертв, склоненные вниз и обрамленные развевающимися волосами, — так ясен был воздух пустыни и ярко солнце. Подобно красному вину Аграпура из личных подвалов молодого царя Ездигерда, в его жилах закипало удовлетворение.

Уже в течение нескольких лет эта разбойная шайка грабила и разоряла города, торговые поселения и караван-сараи вдоль границ Турана. Вначале набеги делались под предводительством жестокосердного запорожского негодяя Ольгерда Владислава, а теперь вот уже больше года тому назад его место занял этот Конан. Наконец туранские шпионы, рыскавшие по селениям, в которых находили приют грабители, обнаружили продажного члена этой банды. Его имя было Варданес, он был не зуагиром, а заморанцем. Варданес был кровным братом Ольгерда, которого сверг Конан, поэтому он жаждал мести чужаку, захватившему власть атамана.

Богра в задумчивости теребил свою бороду. Заморанский предатель был забавным смешливым плутом. Он был по сердцу туранцу. Маленький, худой, гибкий и красивый, как молодой бог, но хвастливо развязный и дерзкий, Варданес был хорош в компании, собравшейся для возлияний. Однако он был ужасный забияка и драчун, и его бессердечие и хладнокровие в бою были сродни свойствам гадюки. Это ощущение еще усиливалось благодаря его ненадежности.

Сейчас зуагиры проходили через теснину. Во главе передового отряда на черной кобыле гарцевал Варданес. Богра Хан поднял руку, чтобы предупредить своих людей о необходимости быть наготове. Он хотел пропустить как можно больше зуагиров в проход, прежде чем захлопнуть ловушку. Только Варданесу было суждено выйти из нее. В тот момент, когда он проехал песчаные отвесы, Богра резко рубанул рукой вниз.

— Прикончить собак! — загремел он, поднимаясь.

Туча свистящих стрел заслонила солнце, подобно смертоносному дождю. Через секунду отряд зуагиров превратился в месиво кричащих людей и брыкающихся, вскидывающихся на дыбы лошадей. Убийственный дождь накрывал их шквал за шквалом. Люди валились, хватаясь за оперенные концы стрел, которые, как по волшебству, вдруг облепили их тела. Лошади пронзительно ржали, когда острые наконечники раздирали их запыленные бока.

Пыль поднималась удушливым облаком, закрывая проход внизу. Облако стало таким непроницаемым, что Богра Хан чуть не приостановил своих лучников на минуту, чтобы они поберегли стрелы и не тратили их впустую, посылая наугад в наступивший мрак. Но этой мимолетной вспышке бережливости не суждено было осуществиться, так как из хаоса звуков возник сильный рев, перекрывший все остальные шумы:

— Вверх по склонам и на них!

Это был голос Конана. И сразу после этого возникла гигантская махина самого киммерийца, атакующего крутой опасный склон на громадном огненном жеребце. Казалось, только глупец или сумасшедший отважится нападать прямо вверх по крутому склону ползущего песка и обваливающихся камней, прямо в зубы своего противника, но Конан не был ни тем ни другим. Воистину он был дик в своей свирепой жажде мести, но его непреклонное, темное от загара лицо, освещаемое время от времени голубыми вспышками глаз из-под нахмуренных черных бровей, взгляд которых был подобен языкам пламени, пробивающимся из-под тлеющих углей, свидетельствовало о смекалке

закаленного воина. Он знал, что часто только дорога через засаду является спасительной своей неожиданностью.

Действительно, пораженные туранские воины опустили луки. Карабкаясь по крутым склонам вверх из пыльного облака, стелющегося по низу теснины, прямо на них накатывалась воющая лавина взбешенных пеших и конных зуагиров. В один миг пустынные разбойники, гораздо более многочисленные, чем ожидал эмир, с ревом перевалили гребень холма, размахивая кривыми саблями и изрыгая проклятия. Их пронзительные боевые кличи леденили кровь.

Впереди всех маячила громада Конана. Стрелы порвали его белый халат, обнажив поблескивающую черную кольчугу, что облекала его львиноподобный торс. Его дикая нестриженая грива разметалась из-под стального шлема, подобно разодранному знамени. Случайная стрела сорвала с него струящуюся каффию. Он был подобен демону из мифа на своем дико храпящем жеребце. При нем была не кривая сабля, как у остальных обитателей пустыни, а длинный широкий палаш с крестообразной рукоятью, какими пользуются воины Запада. Это было его любимое оружие, хотя остальным он владел не хуже. Длинная, блестящая, как зеркало, полоса стали крутилась в его покрытой шрамами руке, прокладывая алую просеку сквозь ряды туранцев. Палаш поднимался и падал, разбрызгивая красные капли в сухом воздухе пустыни. С каждым ударом он крушил оружие и разрубал плоть, дробил кости и мозжил черепа, здесь обрубая конечности, там отшвыривая искалеченную жертву со сломанными ребрами.

Этот бурный натиск был очень краток. Все было закончено уже к концу какого-нибудь получаса. Не много туранцев осталось в живых после бешеной атаки — всего несколько бежавших в самом начале и их предводитель. С окровавленным лицом и в разодранном одеянии, растрепанный и взъерошенный, припадая на одну ногу, эмир предстал перед Конаном, который сидел на своем запаленном коне, вытирая лезвие палаша халатом одного из убитых.

Конан смерил поникшее величество (павшего духом вельможу) презрительным взглядом с примесью насмешки.

— Ну вот, Богра, мы и встретились снова! — пророкотал он.

Эмир открыл рот от изумления, не веря своим глазам.

— Ты! — задохнулся он.

Конан усмехнулся. Десять лет тому назад еще совсем молодым бездельником киммериец попал в Туран, где служил наемником. Он покинул штандарты короля Йилдиза довольно поспешно из-за небольшой неприятности с пассией одного офицера, при этом ему пришлось так спешить, что он не успел оплатить карточный долг тому самому эмиру, который стоял сейчас перед ним в остолбенении. Тогда, как это и было принято среди богатых молодых людей, веселый отпрыск знатного рода Богра Хан, подружившись с Конаном, участвовал во многих эскападах и азартных играх в питейных заведениях и публичных домах. Сейчас, по прошествии стольких лет, тот же Богра, разбитый в битве своим старым товарищем, чье имя он никогда не связывал с вожаком кочевников, перед которым все трепетали, в изумлении уставился на него.

Конан окинул его взглядом из-под прищуренных век.

— Ты подкарауливал нас здесь, не так ли? — прорычал он.

Эмир сник. Он не хотел давать информацию вожаку, находящемуся вне закона, даже если они были старыми собутыльниками. Однако он наслышался мрачных историй о кровавых методах допроса пленных у зуагиров, которые помогали добывать сведения довольно быстро. Жирный и рыхлый после многих лет привольного житья, туранский офицер боялся, что не сможет долго молчать под таким давлением.

Как это ни удивительно, в его соучастии не было нужды. Конан сам видел, как Варданес, который до странности настойчиво напрашивался этим утром в отряд передовой разведки, успел, во весь опор пришпоривая коня, проскочить дальний конец прохода как раз перед тем, как захлопнулась ловушка.

— Сколько ты заплатил Варданесу? — резко спросил он.

— Двести серебряных шекелей... — пробормотал туранец и тут же оборвал себя, пораженный своей неосторожностью.

Конан рассмеялся:

— Царская плата, а? Этот улыбающийся ублюдок — вероломный до глубины его тухлого черного сердца, как и все заморанцы! Он не простил мне того, что я сместил Ольгерда!

Конан прервал себя, смерив эмира, повесившего голову, насмешливым взглядом. Он ухмыльнулся почти беззлобно:

— Ну, Богра, не кляни себя. Ты не выдал свои военные секреты. Я выпытал их у тебя хитростью. Ты можешь возвращаться в Аграпур со своей незапятнанной солдатской честью в целости и сохранности.

Богра поднял голову в удивлении.

— Ты оставляешь мне жизнь? — прохрипел он.

Конан кивнул:

— Почему бы и нет? Я все еще должен тебе мешок золота за тот старый проигрыш, так что позволь отдать тебе долг таким образом. Но в следующий раз, Богра, смотри в оба, когда ставишь ловушку для волков. Иногда в нее может попасться тигр!

2. ЗЕМЛЯ ЗЛЫХ ДУХОВ

Два дня тяжкой погони по красным пескам Шан-и-Сорха все еще не дали желаемого результата — пустынные разбойники так и не изловили предателя. Жажда крови Варданеса побуждала Конана безжалостно гнать своих людей. Жестокий закон пустыни требовал Смерти на Пяти Колах для того, кто предал своих товарищей, и Конан был полон решимости заставить заморанца заплатить по счету в полной мере.

Вечером второго дня они встали лагерем в укрытии скалы выжженного песчаника, которая вздымалась среди ржаво-красных песков, подобно остову какой-то полуразрушенной древней башни. На суровом лице Конана, за-

горелом почти до черноты под солнцем пустыни, пролегли морщины усталости. Его жеребец часто и тяжело дышал на грани изнеможения, вязкая пена засохла на его губах, когда Конан наконец поднес к его морде кожаное ведро с водой. Люди за спиной Конана устраивались на отдых, разминая затекшие ноги и ноющие руки. Они поили лошадей и разжигали костер, чтобы отпугнуть диких пустынных собак. Слышался скрип веревок — это снимали седельные вышки с палатками и кухонной утварью.

Песок захрустел под обутыми в сандалии ногами за спиной Конана. Он обернулся и увидел морщинистое, окаймленное бородой лицо одного из своих приближенных. Это был Гомер-шемит, с глазами цвета терновой ягоды и крючковатым носом. Отливавшие синевой черные кольца его волос выбивались из-под складок накинутого на голову покрывала.

— Ну что? — выдавил Конан, не переставая скрести усталого жеребца медленными взмахами жесткой щетки.

Шемит пожал плечами:

— Он все еще держит путь прямо на юго-запад. Проклятый дьявол, должно быть, сделан из железа.

Конан хрипло рассмеялся:

— Его кобыла, возможно, и железная, но Варданес-то из плоти и крови, и ты сам убедишься в этом, когда мы растянем его между колами и выпустим его кишки, чтобы угостить стервятников.

Печальные глаза Гомера были полны смутного страха.

— Конан, не оставишь ли ты эти поиски? С каждым днем мы все глубже забираемся в эту пустыню, где только солнце и песок и выживают лишь гадюки и скорпионы. Клянусь хвостом Дагона, если мы не повернем назад, то оставим свои кости белеть здесь навеки.

— Ты говоришь не то, — проворчал киммериец. — Если чьим-то костям и суждено белеть здесь, так это будут кости заморанца. Не беспокойся, Гомер. Мы еще поймаем предателя. Возможно, завтра. Он не сможет сохранять такой темп и дальше.

— Но и мы не сможем! — запротестовал было Гомер, но смолк, чувствуя неловкость под испытующим взглядом вспыхивающих синим пламенем глаз Конана.

— Но это не все, что гложет твое сердце, не так ли? — потребовал Конан. — Давай говори, старина. Выкладывай!

Крупный шемит выразительно повел плечами.

— Да... просто я чувствую... — Его голос сник.

— Говори, парень, или я выколочу это из тебя!

— Это ... это ведь Макан-и-Мордан! — выпалил Гомер.

— Я знаю. Слышал раньше об этом Месте Злых Духов. Ну и что? Неужели ты веришь тому, что наплели старые ведьмы?

Гомер выглядел очень несчастным:

— Это не просто выдумки, Конан. Ты не зуагир и не знаешь этой земли и ее ужасов, как мы, долго жившие в пустыне. Тысячи лет эти места были проклятыми, так как их населяли духи умерших, и с каждым часом мы углубляемся все дальше в эту обитель зла. Люди боятся сказать тебе, но они почти потеряли рассудок от страха.

— От детского суеверия, ты имеешь в виду, — сердито прервал его Конан. — Я знаю, что они дрожат с головы до пят от россказней о духах и гоблинах. Я тоже слышал разные истории об этой стране, Гомер. Но это же всего лишь сказки, чтобы пугать малолетних, но не воинов! Скажи своим товарищам, чтобы они поостереглись. Мой гнев сильнее, чем все духи, привидения, призраки и тени когда-либо умерших, вместе взятые!

— Но, Конан, послушай!

Конан оборвал его грубым ругательством:

— Достаточно твоих сопливых ночных страхов, шемит! Я поклялся Кромом и Митрой, что умру, но пущу кровь этому заморийскому предателю. И если я должен окропить кровью маленького зуагира весь этот путь, я не отступлю ни на йоту от этого намерения. А теперь кончай нытье и давай разопьем бутылку. Моя глотка суха, как эта проклятая пустыня, и от всех этих разговоров она просыхает еще больше.

Похлопав Гомера по плечу, Конан большими шагами направился к костру, где его люди распаковывали запасы копченого мяса, сухих фиг и фиников, круги козьего сыра и кожаные бутыли с вином.

Но шемит не сразу присоединился к киммерийцу. Он долго стоял, глядя вслед самоуверенному атаману, за ко-

торым он шел в огонь и в воду на протяжении почти двух лет, с той поры как они нашли его распятым у стен Хаурана. Конан был капитаном стражи на службе у королевы Хаурана Тарамис, до тех пор пока ее трон не был захвачен ведьмой Саломе, находившейся в союзе с Константиусом Фалконом, кофитским воеводой Свободных Отрядов.

Когда Конан понял, куда клонится дело, он встал на сторону Тарамис и был побежден. Константиус распял его на кресте за городом. Случайно Ольгерд Владислав — предводитель местной банды зуагирских разбойников, наткнулся на Конана и снял его с креста, пообещав взять его в свой отряд в случае выздоровления. Конан не только оправился от своих ран, но оказался также таким способным лидером, что через некоторое время занял место Ольгерда в банде, которой и руководил с тех пор по сегодняшний день.

Но сейчас, по всей видимости, наступал конец его лидерства. Гомер из Акхарии глубоко вздохнул. Конан скакал впереди всех последние два дня, ничего не замечая, обуреваемый мрачной жаждой мести. Он не осознавал глубины чувств в сердцах зуагиров. Гомер знал, что, хотя они любили Конана, их суеверные страхи дошли до предела, за которым начинается мятеж и убийство. Они могли следовать за киммерийцем до входа в ад, но не дальше в глубь Земли Духов.

Шемит был готов молиться на своего атамана. Но, зная, что никакие угрозы не свернут киммерийца с пути мести, он не мог не думать о единственном способе спасти Конана от ножей его собственных людей. Из кармана своего белого халата он вынул маленькую заткнутую пробкой склянку с зеленым порошком. Пряча ее в ладони, он присоединился к Конану, чтобы распить с ним бутылку вина.

3. НЕВИДИМАЯ СМЕРТЬ

Когда Конан проснулся, солнце было уже высоко. Волны горячего воздуха колыхались над бесплодными песками. Воздух был раскаленный, сухой, без малейших

признаков ветра, как будто небеса были опрокинутой бронзовой чашей, нагреваемой до белого каления.

Конан, пошатываясь, привстал на колени и сжал пульсирующие болью виски. Его череп раскалывался, как будто по нему били дубиной.

Он с трудом поднялся на ноги и стоял некоторое время, покачиваясь. Затуманенным взором, мучительно щурясь от яркого света, он медленно огляделся вокруг. Он был один в этой проклятой безводной пустыне.

Он разразился проклятиями на головы суеверных зуагиров. Весь отряд покинул лагерь, захватив с собой утварь, лошадей и провизию. Около него лежали только два мешка из козьих шкур, наполненные водой. Эти мешки, его кольчуга и халат, а также палаш — вот и все, что его прежние товарищи оставили ему.

Он вновь упал на колени и вытащил затычку из одного из мешков с водой. Жадно ловя тепловатую жидкость, он прополоскал рот, стараясь избавиться от отвратительного привкуса, и, экономя на каждом глотке, немного выпил. С трудом заставив себя оторваться, он заткнул отверстие вновь, не утолив и наполовину своей жгучей жажды. Хотя ему страстно хотелось вылить всю воду из мешка на свою раскалывающуюся от боли голову, рассудок взял верх. Раз его оставили в этой песчаной пустыне, надо беречь каждую каплю, чтобы выжить.

Несмотря на слепящую головную боль и неспособность собрать мысли, он старался понять, что произошло. Его зуагиры были гораздо больше напуганы этими сомнительными фантазиями, чем он предполагал... Правда, Гомер предупреждал его... Он сделал очень серьезную — возможно, роковую ошибку. Он недооценил власть суеверий над его пустынным воинством и переоценил свои способности контролировать и подавлять их. В монотонных стонах Конан проклял свою тупоголовую самонадеянность. Если он не усвоит урок как следует, рано или поздно это может быть причиной его гибели...

И возможно, этот день уже наступил. Через силу, как будто ворочая камни, он стал подсчитывать свои шансы выжить. Они оказались ненадежными. У него была вода на два — в крайнем случае на три дня, если он еще больше ограничит ее потребление, рискуя сойти

с ума. Ни пищи, ни коня, а это значит, что он должен тащиться пешком.

Ну ладно, допустим, он пойдет, но куда? Первое, что приходило в голову: назад по пути, которым он прошел. Но тут же возникали аргументы против этого варианта. И наиболее веским из них было расстояние. Они скакали верхом два дня после того, как оставили последний колодец с водой. Пешком, в лучшем случае, можно было идти со скоростью в два раза меньшей, чем скорость лошади. Таким образом, для него возвращаться тем же путем, которым они добирались сюда, значило идти по крайней мере два дня совсем без воды.

Конан задумчиво тер подбородок, стараясь забыть про пульсирующую боль в черепе и заставить работать свое затуманенное сознание. Возвращаться по своим следам — пожалуй, не лучшая идея, так как он знал, что воды ближе, чем в четырех днях пешего пути отсюда, не будет.

Он взглянул вперед, где след спасающегося бегством Варданеса простирался прямо от его ног до горизонта.

Возможно, ему надо продолжать преследование заморанца. Поскольку этот путь ведет в неизведанную страну, в сложившейся ситуации сам факт неизвестности того, что его ожидает там, уже говорит в его пользу. А что, если сразу за ближайшими барханами лежит оазис? Очень трудно прийти к разумному решению в подобных условиях, но Конан остановился на том, что ему казалось более благоразумным. Подпоясав халат, накинутый на кольчугу, и повесив свой палаш через плечо, он зашагал вдоль следа, оставленного Варданесом, с мешками воды, хлопающими по спине.

Солнце, казалось, навсегда повисло в небе из расплавленной бронзы. Оно сверкало подобно огненному глазу во лбу гигантского циклопа, глядящего вниз на крошечную, медленно передвигающуюся фигуру, которая устало тащилась по раскаленной поверхности темно-красных песков. Целая вечность прошла, пока полуденное светило не завершило свой путь по необъятной пустоте небесного свода, с тем чтобы умереть на пламенеющем погребальном костре запада. Затем пурпурный вечер незаметно подкрался на крыльях теней, постепенно

накрывая, как пологом, небесный купол, и благословенная, еле ощутимая прохлада стала расползаться по дюнам с легким бризом. Размытые тени придали очертания песчаным волнам.

К тому времени Конан уже не ощущал боли в своих ногах. От усталости они онемели настолько, что он потерял способность чувствовать их вообще и тащился вперед, спотыкаясь и пошатываясь, как будто переставлял каким-то чудом ожившие каменные колонны. Его крупная голова свисала на широкую грудь. Он брел машинально, без отдыха, ведомый только одной мыслью, что сейчас, в вечерней прохладе, он может одолеть большее расстояние с наименьшей потерей сил.

Рот и горло у него были забиты песком и пылью, как будто припудренное смуглое лицо выглядело кирпично-красной маской. Он сделал глоток воды час тому назад и удерживался от желания выпить еще, пока не станет так темно, что след Варданеса, по которому он тащился, станет неразличимым.

Его сны в ту ночь были тяжелыми и путаными, наполненные косматыми кошмарными чудовищами с одним горящим глазом во лбу — низком и волосатом лбу полуживотного. Эти существа терзали его обнаженного, избивая раскаленной докрасна цепью.

Когда, проснувшись наконец, он с трудом разлепил веки, солнце уже было высоко. Его ожидал следующий жаркий день. Подняться было мукой. Каждый мускул пульсировал болью, как будто ему под кожу загнали множество тонких игл. Но он все же встал, выпил немного воды и двинулся вперед.

Вскоре он потерял счет времени, и только воля, не знающая усталости, толкала его шаг за шагом — пусть спотыкающимся и неуверенным, но все же вперед. Его разум, казалось, отделился от него, блуждая где-то на призрачных дорогах галлюцинаций. Но он все еще держал в уме три вещи: необходимость идти по копытному следу, строго экономить воду и стоять на ногах. Он знал, что если он упадет, то ему уже не подняться вновь. А если это случится, пока тянется убийственно знойный день, его кости вечно будут сохнуть и белеть среди этой ярко-красной пустыни.

4. БЕССМЕРТНАЯ КОРОЛЕВА

Варданес из Заморы добрался до самой верхней точки холмистой гряды и остановился, осматриваясь. Вид, открывшийся перед ним, был настолько неожиданным, что он застыл в оцепенении. На протяжении пяти дней, с тех пор как неудачная засада, устроенная для зуагиров, обернулась против туранцев, он скакал во весь опор как сумасшедший, едва прихватывая час-другой для отдыха, и не столько для себя, сколько для своей кобылы. Безграничный ужас, обуявший его и почти лишивший рассудка, гнал его вперед и вперед.

Он хорошо знал, как мстят пустынные разбойники. Его воображение рисовало тошнотворные сцены расправы над его телом, которая будет расплатой, уготованной ему беспощадными мстителями, если он когда-нибудь попадет к ним в руки. Когда он увидел, что засада не удалась, он пустился вскачь прямо в глубь пустыни, ни о чем не раздумывая. Он знал, что этот дьявол Конан вырвет у Богры Хана имя предателя и потом кинется с ревом по его пятам с кровожадной шайкой зуагиров. И никто из них так просто не отступится от поисков бывшего товарища, вероломно предавшего их.

Слабым шансом выжить было для него направиться в безлюдные пространства Шан-и-Сорха, где нет ни дорог, ни троп. Хотя замориец Варданес по культуре и воспитанию был достаточно утонченным горожанином, судьба в свое время свела его с отщепенцами пустынь, и он хорошо знал их обычаи и верования. Ему было известно, что они опасаются самого названия «Красная Пустыня», так как воображение этих дикарей населяло ее чудовищами и злыми духами всех мастей, каких только они могли себе представить. Почему кочевники так отчаянно боялись Красной Пустыни, он не знал и не хотел вникать. Его устраивало уже то, что этот страх поможет ему уйти от преследователей, которые не посмеют углубляться в безжизненную пустыню слишком далеко.

Но они не повернули назад. Он опережал их совсем немного, так что каждый день мог видеть за собой вздымающиеся облака пыли, поднятой зуагирскими всадниками. Он рвался вперед, не теряя ни минуты на остановки,

ел и пил в седле, доводя свою лошадь до последней степени изнеможения, чтобы увеличить разрыв между преследователями и собой. По прошествии пяти дней он уже не знал, идут ли они еще по его следу, но вскоре для него это стало почти безразлично. Он исчерпал запасы воды и пищи для себя и своей кобылы и продолжал спешить только в слабой надежде найти источник воды в этой бескрайней пустыне.

Его лошадь, покрытая коркой сухой грязи, образовавшейся там, где пыль и песок налипли на взмыленные бока, тащилась вперед, пошатываясь, как неживая, ведомая какой-то колдовской силой. Теперь она была близка к смерти. За день она падала семь раз, и только удары плети вынуждали ее подняться на ноги снова. Поскольку она уже была не способна нести его, Варданес шел пешком, ведя ее на поводу.

Красная Пустыня взяла ужасную дань и с самого Варданеса. Еще недавно красивый, как смеющийся молодой бог, он стал изможденным скелетом, обожженным солнцем до черноты. Налитые кровью глаза жутко поблескивали сквозь потускневшие, слипшиеся пучками волосы. Его потрескавшиеся, распухшие губы бессознательно бормотали молитвы Иштар, Сету, Митре и еще десяткам двум других божеств. Когда он и его дрожащая от слабости коняга вползли на вершину еще одного ряда дюн, он посмотрел вниз и увидел буйно зеленую долину с пятнами изумрудно-зеленых рощ финиковых пальм.

Среди этой плодородной долины лежал небольшой, обнесенный каменной стеной город. Высоко вознесшиеся купола и приземистые сторожевые башни возвышались над стеной с громадными воротами, полированные створы которых отражали красноватое солнце.

Город в этом пекле, уничтожающем все живое? Зеленая цветущая долина, полная буйно разросшихся прохладных деревьев, мягких лужаек и прозрачных бассейнов с лотосом, в самом сердце этой лишенной растительности пустыни? Невероятно!

Варданеса пробрала дрожь, он протер глаза и облизал пересохшие губы. Должно быть, это мираж или порождение расстроенного воображения! Одновременно какие-то обрывки полузабытых знаний времен его детства, ког-

да он обучался разным наукам, стали возвращаться к нему, постепенно воссоздавая некое целостное представление. Это были фрагменты легенд об Ахлате Проклятом.

Он старался изо всех сил восстановить эту нить в памяти. Легенда была записана в старой стигийской книге, которую его наставник шемит держал запертой в сундуке из сандалового дерева. Даже будучи ясноглазым парнишкой, Варданес был наделен, или скорее отмечен как проклятием, жадностью, нездоровым любопытством и ловкими пальцами воришки. Однажды темной ночью он подобрал отмычку к замку и погрузился со смешанным чувством благоговейного страха и отвращения в изучение необыкновенного текста, полного темных зловещих описаний и смутных предсказаний древней черной магии. Написанный паучьим почерком на пергаменте, выделанном из драконовой кожи, текст представлял перечень странных обрядов и церемоний. Он был испещрен загадочными иероглифами древних царств, таких как Ахерон и Лемурия, которые процветали и пали в незапамятные времена и были известны своими таинственными колдовскими ритуалами.

Среди страниц, заполненных паукообразными письменами, встречались обрывки какой-то непонятной литургии, предназначенной для привлечения демонических субстанций из зазвездных темных сфер, из хаоса, который, по свидетельству древней черной магии, царит за пределами космоса. Одна из этих литургий содержала таинственные упоминания о «проклятом дьяволом и одержимом демоном Ахлате в Красной Пустыне, где могущественные безумные чародеи давным-давно, к своей бесконечной скорби и сожалению, вызвали в эту земную сферу Демона из Потустороннего Мира... Ахлат, где Нечто Бессмертное и Ужасное правит суд и расправу вплоть до сегодняшнего дня... обреченный, проклятый Ахлат, от которого отреклись истинные боги, превратив все вокруг него в обжигающую пустыню».

Варданес все еще сидел на песке возле своей часто и тяжело дышавшей запаленной кобылы, когда внезапно появившиеся воины со свирепыми физиономиями напали на него, скрутили и потащили вниз с каменистых возвышенностей, кольцом окружавших город, вниз и вниз

в цветущую долину с финиковыми пальмами и полными лотоса прудами — вниз и еще ниже к воротам Ахлата Проклятого.

5. РУКА ЗИЛЛАХ

Проснувшись, Конан медленно приходил в себя, но на этот раз все было совсем иначе. До сих пор его пробуждения означали возвращение к боли и мучениям. Он с трудом раздирал слипшиеся веки, чтобы тут же зажмуриться и потом на протяжении целого долгого дня щуриться от невыносимо сверкающего солнца. Он через силу заставлял себя подняться на ноги, чтобы брести, пошатываясь, вперед через раскаленные, как в жаровне, пески.

На этот раз он проснулся очень легко, с блаженным чувством довольства и комфорта. Его голова покоилась на шелковых подушках. Плотный тент со свешивающейся по краям длинной бахромой защищал от солнца его тело, чистое и обнаженное, если не считать свежей набедренной повязки из белого полотна.

Он вскочил на ноги, не медля ни секунды, подобно дикому животному, жизнь которого зависит от быстроты реакции. Оглядываясь вокруг, он не верил собственным глазам. Первой его мыслью было, что наконец смерть прибрала его и его дух перенесся ввысь в незатейливый старомодный рай, каким представляли его предки, где Кром — верховное божество его народа — восседает на престоле среди других богов и тысячных толп героев.

Рядом с его шелковым ложем стоял серебряный кувшин, наполненный прозрачной свежей водой.

Минутой позже, когда Конан оторвал мокрое лицо от кувшина, он знал, что, какой бы рай это ни был, природа его реальна и вполне материальна. Он пил не отрываясь, хотя по состоянию своей глотки и рта понимал, что та жгучая жажда, от которой он страдал в своем переходе по пустыне, больше не терзает его. Должно быть, какой-то караван нашел его и доставил в это укрытие, где ему оказали помощь и подлечили. Продолжая осматриваться, Конан заметил, что все его тело тщательно отмыто от песка и пыли и умащено смягчающими кожу целебными

мазями. Кто бы ни были его спасители, они кормили и ухаживали за ним, пока он бредил и лежал в забытьи.

В ходе размышлений на эту тему он обшаривал шатер взглядом. Его большой палаш лежал поперек эбонитового сундука. Бесшумно крадучись, он двинулся по направлению к нему, как осторожный дикий кот, — и тут же замер, так как услышал звяканье воинских доспехов у себя за спиной.

Мелодичный звук исходил, однако, не от воина, а от стройной хрупкой девушки с глазами оленя Она только что вошла в палатку и стояла, глядя на него в удивлении Темные блестящие волосы до пояса были ничем не скреплены, и крошечные серебряные колокольчики, нанизанные на свободно падающие пряди, издавали слабое позвякивание.

Конан оценил девушку с первого беглого взгляда. молодая, почти ребенок, тоненькая и привлекательная. Ее бледное, не тронутое загаром тело соблазнительно мерцало сквозь тонкое просвечивающее покрывало. Драгоценные камни искрились на ее тонких белых руках. По золотым украшениям на лбу и взгляду ее больших темных глаз Конан предположил, что она принадлежит к народу, родственному шемитам.

— О! — вскричала она.— Ты слишком слаб, чтобы вставать. Ты должен еще лежать, чтобы восстановить свои силы. — Она произнесла это на одном из диалектов шемитского языка, полном архаичных форм, но достаточно близком к тому шемитскому, который Конан знал настолько, чтобы понимать.

— Чепуха, девочка, я в достаточно хорошей форме, — ответил он на том же языке. — Это ты ухаживала здесь за мной? Сколько времени прошло с тех пор, как ты нашла меня?

— Нет, чужеземный господин, это сделал мой отец. Я — Зиллах, дочь Еноша, властителя Ахлата Проклятого Мы обнаружили твое тело среди бескрайних песков вечной пустыни. С тех пор миновало три дня, — отвечала она, прикрыв шелковыми ресницами свои прекрасные глаза.

«Боги! — подумал он. — Однако какая чистая, скромная девушка!» Конан не видел ни одной женщины уже несколько недель, поэтому он откровенно изучал округлые

контуры ее гибкого тела, едва прикрытого прозрачными одеждами. Ее щеки слегка зарделись.

— Итак, это твои прелестные ручки ухаживали за мной, а, Зиллах? — сказал он. — Благодарю тебя и того, кто произвел тебя на свет, за помощь. Думаю, я был близок к смерти. Как вам удалось найти меня?

Он пытался припомнить город с названием Ахлат Проклятый, но безуспешно, а ведь он считал, что знает все поселения в южных пустынях хотя бы понаслышке, если не видел их воочию.

— Это не было случайностью, на самом деле мы вышли на поиски тебя, — сказала Зиллах.

Глаза Конана сузились, и весь он напрягся от предчувствия опасности. Внезапно окаменевшее выражение этого мрачного бесстрастного лица подсказало девушке, что перед ней мужчина с необузданной животной страстью — опасный человек, не похожий на мягких и чувствительных горожан, которых она знала до сих пор.

— Мы не хотели причинить тебе вреда! — протестующе вскричала она, вскидывая свою тонкую руку, как бы защищаясь. — Однако следуй за мной, господин, и мой отец объяснит тебе все.

На минуту Конан застыл, размышляя, не навел ли Варданес этих людей на его след. Серебра, которое он получил от туранцев, хватило бы с избытком, чтобы купить с потрохами по крайней мере полсотни шемитов.

Затем он расслабился, постепенно подавляя вспыхнувший было кровожадный порыв, взял свой меч и перекинул перевязь через плечо.

— Тогда веди меня к своему Еношу, милая, — уже спокойным тоном произнес он. — Я хочу послушать, что он мне наплетет.

Она повела его из помещения. Конан расправил плечи и, мягко ступая, двинулся за ней.

6. НЕЧТО ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Енош сидел в кресле из черного дерева с высокой спинкой, углубившись в изучение измятого, ветхого от времени свитка, когда Зиллах ввела к нему Конана. Эта

часть шатра была убрана темно-красными тканями, толстые ковры смягчали шум шагов. На витой бронзовой подставке в виде блестящих переплетенных змей было укреплено зеркало странной формы. Жуткие, сверхъестественные отблески блуждали в его эбонитовой глубине.

Енош поднялся и приветствовал Конана изысканными фразами. Это был высокий немолодой человек, сухой и, несмотря на возраст, стройный. На нем был головной убор из белоснежного полотна, прожитые годы и размышления испещрили его лицо морщинами, в темных глазах была усталость и вековая печаль, накопленная еще предками.

Он предложил своему гостю сесть и приказал Зиллах принести вина. Когда с формальностями было покончено, Конан спросил прямо:

— Как вам удалось обнаружить меня, о шейх?

Енош взглянул на черное зеркало:

— Пока я не утратил волшебной силы, сын мой, я могу использовать некоторые не совсем естественные средства.

— И все же как *это получилось*, что вы искали меня?

Енош поднял тонкую, в голубых жилах руку, чтобы успокоить подозрения воина.

— Будь терпелив, мой друг, и я все объясню, — проговорил он тихим низким голосом. Оставив свой свиток, он пересел на низкий табурет и взял серебряную чашу с вином.

После достаточно обильного возлияния старик начал свой рассказ.

— Давным-давно, много веков тому назад, волшебник из этой страны, называемой Ахлат, задумал заговор против древней династии, которая правила в этих местах со времен падения Атлантиды, — медленно повествовал он. — Коварными словами он заставил народ считать, что их монарх — слабый, предававшийся изнеженным удовольствиям человек был их недоброжелателем или даже врагом, и народ восстал и втоптал в грязь незадачливого царя. Возвеличив себя как жреца и пророка Неведомых богов, чародей претендовал на божественное, пророческое влияние. Он возвещал, что один из богов вскоре спустится

на землю, чтобы самолично править Ахлатом Святым — как он тогда назывался.

Конан фыркнул:

— Вы, люди Ахлата, кажется, не менее легковерны, чем другие народы, которые я повидал.

Старик улыбнулся устало:

— Всегда легко верить в то, что хочется считать истиной. Но даже в кошмарах не могло привидеться, насколько ужасным был план этого черного колдуна. С помощью отвратительных тайных ритуалов и заклятий он вызвал демонессу из Потустороннего Мира, чтобы она выступала в роли богини, необходимой народу. Удерживая ее здесь своим колдовством, он взял на себя роль проводника ее божественной вали. Пораженный благоговейным страхом, народ Ахлата вскоре застонал под гнетом тирании, гораздо более тяжкой, чем та, от которой он страдал при правлении прежней династии.

Конан оскалился:

— Я был свидетелем тому, что революции часто возносят худшие правительства, чем те, которые смещают.

— Возможно. Во всяком случае, здесь так оно и было. И со временем все стало еще хуже, так как колдун потерял контроль над демоническим Нечто, которое он вызвал из Запредела, и оно уничтожило его и захватило его место. И оно властвует по сей день, — заключил он почти беззвучно.

Конан вскинулся:

— Значит, это создание бессмертно? Как давно все произошло?

— С тех пор прошло больше лет, чем песчинок в этой пустыне, — ответил Енош. — А божество все еще господствует в несчастном Ахлате. Секрет ее вечной власти в том, что она питается энергией живых созданий. Когда-то вся эта земля была зеленой и благодатной, вдоль прохладных ручьев росли финиковые пальмы, и тучные стада паслись на цветущих лугах по окрестным холмам. Ее кровожадная жажда жизни иссушила землю вокруг, сохранив только долину, в которой расположен Ахлат, потому что эта безжизненная оболочка, питающаяся чужими жизненными соками, не может удержаться в мире сущего без его обитателей.

— Кром! — прошептал Конан, оторвавшись от своей чаши с вином.

— За прошедшие века эта земля превратилась в мертвую безжизненную пустыню, — продолжал Енош. — Наша молодежь, так же как и домашний скот, идут на утоление жуткой жажды богини. Она кормится ежедневно. Она выбирает жертвы каждый день, и каждый день сокращается их число, и все вокруг вырождается. Когда она атакует неизвестного избранника непрестанно день за днем, тот может выдержать это не больше нескольких суток, в крайнем случае — протянуть с полмесяца. Самые сильные и храбрые выносили и целый месяц, пока она не истощала весь запас их жизненных сил и не принималась за очередную жертву.

Конан любовно погладил рукоять своего меча:

— Кром и Митра, старик, почему вы до сих пор не убили это чудовище?

В ответ тот слабо покачал головой.

— Она неуязвима и бессмертна, — с грустью сказал он. — Ее тело состоит из вещества, созданного и удерживаемого неизменным непобедимой волей богини. Стрела или меч бессильны и могут только поранить эту плоть, а для нее сущие пустяки устранить повреждение. Жизненная сила, которую она пьет из других, оставляя от них только сухую оболочку, является жутким источником внутренней энергии, с помощью которой она может сформировать свое тело заново сколько угодно раз.

— Спалите ее, — прорычал Конан. — Сожгите дворец, чтобы он рухнул ей на голову, или разрубите ее на мелкие куски и бросьте в пламя костра, чтобы он пожрал ее, не оставив и следа!

— Нет, невозможно. Она оберегает себя, используя темные силы дьявольской магии. Один ее взгляд пронзает и парализует. Около сотни воинов прокрались однажды в Черный Храм, решившись положить конец ужасной тирании. От них ничего не осталось, кроме живого леса неподвижных мужских фигур, которые сами послужили угощением на этом леденящем кровь пиршестве ненасытного чудовища.

Конана била дрожь.

— Удивляюсь, что кто-то вообще выжил на этой проклятой земле! — воскликнул он. — И как это мерзкая

кровопийца не высосала жизнь из каждого человеческого существа в вашей долине за такое долгое время? И почему вы не сложили пожитки и не подались из этих мест, ставших обиталищем дьявола?

— На самом деле нас осталось совсем немного. Она пожирает нас и наших животных быстрее, чем естественный прирост может восполнить потери. В течение веков демонесса удовлетворяла свое вожделение, довольствуясь жизненной энергией растений. Людей она щадила до поры до времени. Когда земля опустела, она вначале питалась скотом, потом нашими рабами и наконец добралась до самих ахлатцев. Скоро и нам придет конец, и Ахлат будет одним обширным могильником. Оставить это место мы также не можем из-за того, что богиня удерживает нас своей колдовской силой в довольно узких пределах. Выйти за границу ее влияния невозможно.

Конан замотал головой так, что его нестриженая грива разметалась по бронзовым плечам.

— То, что ты рассказал мне, старик, трагично, но почему ты выкладываешь это мне?

— Из-за древнего пророчества, — тихо произнес Енош, приподняв потертый, измятый свиток с табурета.

— Какого еще пророчества?

Енош развернул часть свитка и ткнул в рукописные строки. Письмена были столь древними, что Конан не мог прочесть их, хотя шемитское письмо его времени ему было знакомо.

— «В свое время, — прочел Енош, — когда приблизится наш конец, Неизвестные боги, от которых наши предки отреклись, чтобы поклоняться демонессе, смягчат свой гнев и пошлют освободителя, и тот свергнет богиню и разрушит ее злые чары». Ты, Конан из Киммерии, и есть этот спаситель.

7. ЗАЛ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Дни и ночи лежал Варданес в промозглой подземной темнице под Черным Храмом Ахлата. Он вопил и молил, рыдал, проклинал и молился, но стражи в медных шлемах, с каменными лицами и тусклыми, ничего не

выражающими глазами, не обращали на него внимания, хотя на удивление хорошо заботились о его телесном благополучии, безупречно удовлетворяя его физические потребности. При этом они не отвечали на вопросы. Так же глухи они были, когда он пытался предлагать им деньги, что привело его в полное изумление. Как типичный заморнец, Варданес не мог себе представить, что существуют люди, равнодушные к ценностям. Это было не менее удивительно, чем их архаичная речь и старомодное вооружение. Эти странные существа были до такой степени равнодушны к серебру, которое он сумел вытрясти из туранцев в оплату за свое предательство, что даже не тронули набитые монетами седельные сумы, так и оставив их лежать в углу его камеры.

Опять же он не мог понять, почему они так ухаживали за ним, обмывая его изможденное тело и даже смазывая волдыри целебными мазями. Питание же было просто роскошным. Его кормили прекрасно зажаренной дичью, великолепными фруктами и сладостями. Они давали ему даже вино. Варданес, знавший в своей жизни и другие тюрьмы, в полной мере осознавал всю необычность своего настоящего положения. Ему неоднократно приходила пугающая мысль, не откармливают ли они его на убой.

Однажды стражники вошли в его камеру и повели его наружу. Он ожидал, что наконец попадет куда-нибудь вроде судилища, где ему должны предъявить обвинения, на которые он постарается ответить, какими бы абсурдными они ни оказались. Он воспрял духом, его самоуверенность вернулась к нему. На своем веку он не встречал судьи, чья милость не могла бы быть куплена. Вряд ли и эти останутся безучастными к серебру, да еще в таких количествах, как в этих набитых доверху седельных сумах.

Но вместо судьи его привели темными ходами, где гуляли сквозняки, к громадной двери из позеленевшей бронзы, которая вздымалась перед ним, подобно вратам ада. Дверь была замкнута на три замка и засов. Все вместе представлялось настолько мощным укреплением, что, казалось, было способно выдержать натиск целой

армии. Торопливо и явно нервничая, что было заметно по трясущимся рукам и напряженным лицам, воины отомкнули запоры и втолкнули Варданеса внутрь.

Когда дверь за ним с лязгом захлопнулась, замориец очутился в великолепном зале, отделанном полированным мрамором. Все было погружено в багровый полумрак и покрыто толстым слоем пыли. На всем лежала печать запустения и разрушения. Он двинулся вперед, с любопытством оглядываясь.

Был ли это торжественный тронный зал или неф какого-то колоссального храма? Трудно было сказать. Самым поразительным было даже не запустение, по всей видимости царившее здесь веками, а скульптуры, которые стояли группами прямо на полу. Обрывки вопросов, от которых стыла кровь, возникали в цепенеющем от ужаса мозгу Варданеса.

Первое, что бросалось в глаза и казалось особенно загадочным, был необычный материал статуй. По контрасту с гладкими мраморными стенами статуи были выполнены из какого-то тусклого, серого, безжизненного пористого камня, никогда ранее им не виданного. Каков бы ни был этот материал, он производил исключительно отталкивающее впечатление и был похож на пепел сгоревшего дерева, хотя на ощупь был сухим и твердым как камень.

Вторая тайна заключалась в поразительном мастерстве неизвестного скульптора. Трудно было представить, что человеческие руки, какими бы талантливыми они ни были, могли отделать с такой тщательностью эти необычные образцы искусства. Они были совершенно подобны живым за счет удивительно реального воспроизведения мельчайших деталей. Каждая складка одеяния или покрывала свисала, как настоящая одежда, любая самая тонкая прядь волос была видна. С той же поразительной точностью воспроизводились и позы фигур. Никаких героических группировок или монументальной величавости не было и в помине в расположении идолов из однообразно серого, напоминающего гипс материала. Они стояли в очень жизненных позах, десятками и сотнями, расставленные как попало — без какого бы то ни было порядка. Это были изваяния воинов и

вельмож молодых людей и девушек, согбенных старцев и дряхлых ведьм, цветущих детей и грудных младенцев на руках матерей.

Одна вызывающая тревогу черта была общей для всех фигур: это было выражение невыносимого ужаса на их лицах.

Уже давно Варданес слышал непонятный слабый шум, исходящий откуда-то из глубины этого затемненного помещения. Он был похож на звучание множества голосов, настолько слабых, что слов было не разобрать. Похоже, что таинственный шепот исходил от леса статуй. Приблизившись, Варданес действительно смог различить отдельные звуки: тихие душераздирающие рыдания, слабые мучительные стоны, неясный лепет молитв, даже скрипучий смех и монотонные проклятия. Эти звуки, казалось, исходили из полусотни глоток, но замориец не мог понять, где находится их источник. Как он ни вглядывался, ему не удалось увидеть никого в этом зале, где был только он сам и тысячи статуй.

Пот стекал по его лбу и впалым щекам. Неизъяснимый страх поднимался в нем. Всеми фибрами своей вероломной души он желал бы очутиться за тысячу верст от этого проклятого храма, где стонали, рыдали, бормотали и истерично смеялись голоса невидимых существ.

Вдруг он увидел золотой трон, который стоял в середине зала, возвышаясь над головами статуй. Алчные глаза Варданеса жадно впились в любезный его сердцу блеск. Не помня себя, он стал пробираться по направлению к трону сквозь каменный лес.

Только сейчас он обратил внимание на что-то непонятное, громоздившееся там. Похоже, это была усохшая сморщенная мумия какого-то давно умершего царя. Плети рук были сложены на впалой груди. От горла до пят тощее тело окутывал пыльный саван. На месте головы была тонкая маска из кованого золота.Она изображала женское лицо неземной красоты.

От жадности у Варданеса перехватило дыхание. Он забыл про свои страхи, потому что между бровей золотой маски, подобно третьему глазу, сверкал огромный черный сапфир. Это было поразительное сокровище, достойное быть украшением царской персоны.

Стоя у подножия трона, Варданес не мог оторвать жадного взгляда от золотой маски. Ее глаза были прикрыты, красивые полные губы чудесного рисунка сложены, как во сне. Все дышало покоем в этом прекрасном золотом лице. Громадный черный сапфир вспыхнул знойным пламенем, когда он дотронулся до него.

Дрожащими пальцами Варданес стащил маску. Под ней было бурое ссохшееся лицо с запавшими щеками, твердое, сухое и жесткое. Его передернуло от злобного злорадного выражения в чертах этой мертвой головы — головы самой смерти.

И вдруг она открыла глаза и посмотрела на него. Он отшатнулся с воплем, маска выпала из его помертвевших пальцев и со звоном ударилась о мраморные плиты. Мертвые глаза с похожего на череп лица впились в его собственные. И тут это Нечто открыло свой третий глаз...

8. ЛИЦО ГОРГОНЫ

Конан двигался через зал серых статуй босиком, крадучись через пыльное убежище теней, как большой дикий кот. Тусклый свет скользил вдоль острого лезвия его палаша, который он сжимал в сокрушительно огромном кулаке. Он рыскал глазами из стороны в сторону, и грива у него на затылке поднималась дыбом. Это место смердело смертью. Тяжелый запах страха был настоен в затхлом воздухе.

Как он позволил старому Еношу заморочить себе голову настолько, чтобы ввязаться в эту дурацкую авантюру? Он не был ни спасителем, ни предназначенным роком освободителем, ни святым посланцем богов для избавления Ахлата от власти бессмертной демонессы. Единственной его целью была кровавая месть.

Но старый мудрый шейх говорил так много и складно, что своим красноречием убедил Конана взяться за выполнение этой рискованной миссии. Енош указал на два обстоятельства, которые убедили даже видавшего виды варвара. Первое заключалось в том, что, попав сюда, Конан уже был во власти черной магии и не смог бы покинуть

этого места, пока богиня не была бы уничтожена. Второе относилось к предателю заморийцу, который был заточен в подземельях Черного Храма богини. Вскоре он должен был умереть, что, если не изменить хода событий, сулило им всем верную гибель.

Поэтому Конан пробрался сюда секретными подземными ходами, которые Енош указал ему. Он вовремя появился из скрытого прохода в стене этого огромного мрачного зала, так как Енош знал, когда Варданес должен был предстать перед богиней.

Как и замориец, Конан отметил поразительный реализм серых статуй, но, в отличие от Варданеса, он знал ответ на эту загадку. Он старался не смотреть на ужасные выражения этих каменных лиц вокруг себя.

Он также слышал стоны, причитания и плач. Когда он продвинулся ближе к центру огромного зала, рыдающие голоса стали явственнее. Он увидел золотой трон и высохшее Нечто на нем и стал бесшумно подкрадываться к сверкающему креслу.

Пока он пробирался туда, одна из статуй вдруг заговорила с ним, он почти остолбенел от шока. Мурашки побежали по телу, и пот покатил градом со лба.

В этот момент он увидел источник криков, и его сердце замерло. Потому что все эти фигуры у трона не были еще мертвыми. Они окаменели до шеи, но головы еще жили. Полные страдания глаза двигались на искаженных гримасами отчаяния лицах, а сухие губы молили, чтобы он вонзил свой меч в их еще живой мозг и прекратил муку полусуществования.

Затем он внезапно услышал вопль и узнал хорошо знакомый голос Варданеса. Что, если богиня убьет его врага до того, как он осуществит свою месть? Он рванулся вперед к трону.

Ужасное зрелище открылось его взгляду. Варданес стоял перед троном с выкатившимися глазами и конвульсивно дергающимися губами. Скрежещущий звук трения камня о камень достиг слуха Конана, он взглянул на ноги Варданеса. Там, где ступни заморийца касались пола, вверх от них медленно распространялась мертвенная бледность. На глазах изумленного Конана теплая плоть выцветала. Серая волна достигла колен Варданеса.

Пока Конан наблюдал это, уже и верхняя часть ног превратилась в пепельно-серый камень. Варданес пытался сделать шаг, но не мог. Его голос взвился до визга, когда его глаза уперлись в Конана с выражением беспредельного ужаса, как у животного, попавшего в западню.

То, что было на троне, стало издавать низкие каркающие звуки, все больше напоминающие резкий смех. Конан видел, как мертвая, усохшая плоть ее скелетообразных рук и морщинистая шея расправлялись и разглаживались. Бурая сухая кожа приобретала тона теплого живого тела. С каждым глотком живой энергии, которую кровожадная Горгона высасывала из тела Варданеса, ее собственное наполнялось жизнью.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан.

Поглощенная каждой клеткой своего естества полуокаменевшим заморийцем, Горгона не обращала внимания на Конана. Сейчас ее тело расправилось. Она расцвела, мягкие округлости боков и бедер разгладили саванообразное одеяние. Ее бюст наполнился, натянув тонкую ткань и придав ей черты женственности. Она вытянула упругие помолодевшие руки. Ее влажный алый рот открылся в новом взрыве смеха, но на этот раз это был музыкальный, чувственный смех привлекательной женщины.

Волна окаменения добралась до поясницы Варданеса. Конан не знал, сохранит ли она Варданеса на будущее полуживым подобно тем, кто стоял у трона, или выпьет до конца. Тот был молод и полон сил, его жизнь, должно быть, стала благотворным вливанием для восстановления богини-вампира.

Когда окаменение доползло до тяжело вздымающейся груди заморийца, он издал другой вопль — самый жуткий звук, сорвавшийся с человеческих губ, когда-либо слышанный Конаном. Реакция Конана была инстинктивной. Как разъяренная пантера, он выпрыгнул из своего укрытия за троном. Свет блеснул на лезвии его меча, когда он взмахнул им. Голова Варданеса свалилась с плеч и тяжело шлепнулась на мраморный пол. Содрогнувшееся от толчка тело опрокинулось. Оно ударилось о пол, и Конан увидел, как треснули и раскололись

окаменевшие ноги. Осколки бывшей плоти рассыпались, но еще кровоточили.

Так умер Варданес-предатель. Даже Конан не мог бы сказать, нанес ли он удар из жажды мести или это был импульс милосердия, продиктованный желанием положить конец мучениям обреченной жертвы.

Конан повернулся к богине. Не осознавая последствий, инстинктивно он поднял глаза и встретил ее взгляд.

9. ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Ее лицо было маской нечеловеческой красоты; мягкие влажные губы стали полными и алыми, как спелый плод. Блестящие черные волосы ниспадали на отливающие перламутром плечи и шелковый пеньюар, под которым вздымались округлости лунообразных грудей. Она была бы воплощением красоты, если бы не огромное черное око между бровей.

Третий глаз встретил взгляд Конана и сразу приковал его. Овальная орбита была больше, чем любой орган зрения человеческого существа. В нем нельзя было различить зрачок, радужную оболочку и белок — все оно было черным. Казалось, что взгляд Конана тонет в нем и теряется в бездонном море тьмы. Поглощенный этим, он не мог оторвать глаз, забыв, что держит в руке меч. Глаз был черен, как лишенные света пространства космоса между звездами.

Теперь ему представлялось, что он стоит на краю черного бездонного колодца. Он склонялся в него все дальше, пока не опрокинулся и не полетел. Он падал вниз, вниз сквозь черный туман, через безграничную, холодную бездну абсолютного мрака. Он знал, что если он сию же секунду не отведет свои глаза, то будет навеки потерян для мира.

Он собрал всю свою волю. Пот выступил у него на лице, мускулы под бронзовой кожей напряглись, как змеи перед броском, грудь учащенно вздымалась и опускалась.

Горгона засмеялась — низкий мелодичный звук с холодной жесткой издевкой. Кровь прилила к лицу Конана, ярость поднялась в нем.

Колоссальным усилием воли он оторвал свои глаза от черной орбиты и обнаружил, что упирается взглядом в пол. Он стоял, пошатываясь, ослабевший, с кружащейся головой. Поскольку ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы стоять прямо, первым делом он осмотрел свои ноги. Слава Крому, они были еще из теплой плоти, а не из холодного пепельного камня! То долгое, как ему представлялось, время, что он стоял завороженный взглядом Горгоны, оказалось только мигом, слишком коротким, чтобы волна окаменения поднялась по его телу.

Горгона засмеялась снова. Отвернувшись и набычившись, Конан чувствовал силовой поток, исходящий от нее, который выворачивал и приподнимал его лохматую голову, вынуждая опять заглянуть в ее глаза. Мускулы на его жилистой шее взбухли от усилия противостоять этому.

Пока ему все еще удавалось смотреть вниз. Перед ним на мраморном полу лежала тонкая золотая маска с огромным драгоценным сапфиром, вделанным на месте третьего глаза. И внезапно Конана осенило.

На этот раз он вскинул глаза одновременно с мечом. Сверкающее лезвие взметнулось в пыльном воздухе и пало на издевательски ухмыляющееся лицо богини, разрубив третий глаз пополам.

Некоторое время она не двигалась, молча глядя на разъяренного воина двумя нормальными глазами невыразимой красоты. Лицо ее было мертвенно-бледным. Затем что-то стало меняться в ней.

Из остатков третьего глаза Горгоны по нечеловечески прекрасному лицу текла темная жидкость. Она напоминала черные слезы, медленно ползущие вниз.

Затем она начала стареть на глазах. По мере того как черная жидкость вытекала из разрушенной орбиты, жизненная сила, отнятая у других в течение многих веков, уходила из ее тела. Кожа потемнела и покрылась множеством морщин. Дряблые складки появились на шее. Блестящие глаза стали тусклыми и мутными.

Роскошная грудь опала и повисла. Обольстительные гладкие руки стали костлявыми. Медленно-медленно

сократившиеся до карликовых размеров формы крошечной женщины на троне, неправдоподобно одряхлевшей в несколько минут, стали разрушаться. Плоть распадалась на обрывки, похожие на бумагу, обнажая рассыпающиеся кости. Тело рухнуло на пол, образовав кучу сухого мусора, который тут же превращался в бесцветную пеплоподобную пыль.

Долгий вздох пронесся по залу. На короткое время потемнело, как будто полупрозрачные крылья закрыли тусклый свет. Потом все успокоилось, и вместе с тем ушло ощущение угрозы, настоянное в этом воздухе веками. Осталось просто пыльное, давно запущенное помещение, от сверхъестественного ужаса не сохранилось и следа.

Статуи уснули теперь навсегда, остались лишь вечные каменные надгробья. Так как Горгона исчезла из этого мира, ее чары распались, в том числе и те, что удерживали живых мертвецов в состоянии ужасного подобия жизни. Конан повернулся, чтобы уйти, оставив пустой трон с кучкой пыли и разбитую безголовую статую — все, что осталось от самоуверенного и веселого заморанского воина.

— Оставайся с нами, Конан! — просила Зиллах своим низким тихим голосом. — Ты, освободивший Ахлат от проклятия, будешь занимать высокие посты, и тебе будут воздаваться достойные почести.

Он слегка усмехнулся, чувствуя в ее интонациях оттенок личной заинтересованности, помимо простого желания хорошей гражданки включить достойного пришельца в дела возрождения города. Под испытующим взглядом горячих мужских глаз она залилась краской смущения.

Господин Енош присоединил свой мягкий голос к просьбам дочери. Победа Конана придала этому пожилому человеку живости, он помолодел в последние дни, став даже выше и стройнее. В его походке появилась твердость, а в голосе — властная уверенность. Он предложил киммерийцу богатство, почет и положение, обеспечивающее ему право на власть в возрожденном городе. Енош даже дал понять, что не прочь был бы видеть Конана своим зятем.

Но Конан, зная, что спокойная респектабельная жизнь без треволнений, в которую они его втягивали, совершенно не для него, отказался от всех предложений. Язык того, кто провел годы в битвах, винных лавках и домах иных развлечений почти всех городов мира, не был приспособлен к изысканным речам. Однако со всем тактом, на который была способна его прямая варварская натура, он отклонил просьбы своих хозяев.

— Нет уж, друзья, — сказал он. — Мирная жизнь не для Конана из Киммерии. Слишком скоро это мне прискучит, а когда наваливается скука, я не знаю других лекарств, кроме как напиться, затеять драку или украсть девчонку. Хорошим же гражданином был бы я для города, который жаждет мира и покоя, чтобы восстановить свою силу!

— Куда же ты хочешь идти теперь, о Конан, когда колдовской барьер разрушен? — спросил Енош.

Конан пожал плечами, запустил руку в свою черную гриву и рассмеялся:

— Кром, благослови нас, мой дорогой господин, я не знаю! Удачно, что слуги богини кормили и поили коня Варданеса. В Ахлате, я вижу, нет лошадей, только ослы. Дурацкий же был бы вид у такого верзилы, как я, если бы я трясся на маленьком сонном ослике, волоча ноги в пыли!

Я думаю двинуться на юго-восток. Где-то там лежит город Замбула, в котором я никогда не бывал. Говорят, это богатый город, который славится злачными местами и пирушками, где вино течет почти рекой. Я хочу отведать развлечений Замбулы и убедиться самому, какие радости они могут предоставить.

— Но ты не должен покидать нас, как бродяга! — запротестовал Енош. — Слишком многим мы тебе обязаны. Позволь отдать тебе за твои труды то немногое золото и серебро, которое у нас есть.

Конан отрицательно покачал головой:

— Придержи свои сокровища, шейх. Ахлат не богатая метрополия, и вам понадобятся ваши деньги, когда купеческие караваны снова начнут добираться до вас через Красную Пустыню. А теперь, когда мои бурдюки полны водой и вы щедро снабдили меня провизией, я должен

отправляться. На этот раз мое путешествие через Шан-и-Сорх будет более комфортабельным.

Кратко попрощавшись напоследок, он вскочил в седло и легким галопом поскакал из долины. Они стояли, смотря ему вслед, — Енош с гордо поднятой головой, а Зиллах со слезами на щеках. Вскоре он исчез из виду.

Достигнув вершины холма, Конан придержал черную кобылу, чтобы бросить последний взгляд на Ахлат. Затем он направил лошадь в пустыню. Возможно, он и сыграл дурака, не приняв их скромных ценностей. Но за ним бились о седло набитые сумы Варданеса. Конан ухмыльнулся с лукавством. Только жалкий торгаш сожалеет о нескольких шекелях. Иногда можно себе позволить быть добродетельным! Это приятно даже киммерийцу!

КИНЖАЛЫ ДЖЕЗМА

1. КЛИНКИ ВО ТЬМЕ

Гигант киммериец насторожился: из затененного дверного проема послышались быстрые осторожные шаги. Конан повернулся и в темноте арки увидел неясную высокую фигуру. Человек рванулся вперед. В неверном свете киммериец успел разглядеть бородатое, искаженное яростью лицо. В занесенной руке блеснула сталь. Конан увернулся, и нож, распоров плащ, скользнул по легкой кольчуге. Прежде чем убийца вновь обрел равновесие, Конан перехватил его за руку, вывернул ее за спину и железным кулаком нанес сокрушительный удар по шее врага. Без единого звука человек рухнул на землю.

Какое-то время Конан стоял над распростертым телом, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. За углом впереди он уловил легкий стук сандалий, едва различимое позвякивание стали. Эти звуки ясно дали понять, что ночные улицы Аншана — прямая дорога к смерти. В нерешительности он до половины вытащил меч из ножен, но, пожав плечами, заспешил обратно, держась подальше от черных арочных провалов, глядящих на него пустыми глазницами по обеим сторонам улицы.

Он свернул на улицу пошире и несколько мгновений спустя уже стучался в дверь, над которой горел розовый фонарь. Дверь тут же отворилась. Конан шагнул внутрь, отрывисто бросив:

— Закрой, быстро!

Огромный шемит, встретивший киммерийца, навесил тяжелый засов и, не переставая накручивать на пальцы колечки иссиня-черной бороды, пристально посмотрел на своего начальника.

— У тебя рубашка в крови! — пробурчал он.

— Меня чуть не зарезали, — ответил Конан. — С убийцей я разделался, но в засаде поджидали его дружки.

Глаза шемита сверкнули, мускулистая волосатая рука легла на рукоятку трехфутового ильбарского кинжала.

— Может быть, сделаем вылазку и перережем этих собак? — дрожащим от ярости голосом предложил шемит.

Конан покачал головой. Это был огромного роста воин, настоящий гигант, но, несмотря на мощь, движения его были легки, как у кошки. Широкая грудь, бычья шея и квадратные плечи говорили о силе и выносливости варвара-дикаря.

— Есть дела поважнее, — сказал он. — Это враги Балаша. Они уже знают, что этим вечером я поцапался с царем.

— Да ну! — воскликнул шемит. — Вот уже действительно черная весть. И что же сказал тебе царь?

Конан взял флягу с вином и в несколько глотков осушил ее чуть ли не наполовину.

— А, Кобад-шах помешался на подозрительности, — презрительно бросил он. — Так вот сейчас очередь нашего друга Балаша. Недруги вождя настроили против него царя, да только Балаш заупрямился. Он не спешит с повинной, потому что, говорит, Кобад замыслил насадить его голову на пику. Так что Кобад приказал мне с козаками отправиться в Ильбарские горы и доставить ему Балаша — по возможности целиком, и в любом случае — голову.

— Ну?

— Я отказался.

— Отказался?! — У шемита перехватило дух.

— Конечно! За кого ты меня принимаешь? Я рассказал Кобад-шаху, как Балаш со своим племенем уберег нас от верной гибели, когда мы плутали в разгар зимы в Ильбарских горах. Мы тогда шли к югу от моря Вилайет, помнишь? И если бы не Балаш, нас наверняка перебили бы племена горцев. Но этот кретин Кобад даже не дослушал. Он принялся орать о своем божественном праве, об оскорблении его царского величия презренным варваром и много там еще чего. Клянусь, еще минута — и я запихнул бы его императорский тюрбан ему в глотку!

— Надеюсь, у тебя хватило ума не трогать царя?

— Хватило, не трясись ты. Хотя я и сгорал от желания проучить его. Великий Кром! Убей не пойму: как это вы, цивилизованные люди, можете ползать на брюхе перед меднолобым ослом, который волей слепого случая нацепил на голову золотую побрякушку и, взгромоздившись на стул с бриллиантами, мнит из себя невесть что!

— Да потому что этот осел, как ты изволил выразиться, одним движением пальца может содрать с нас кожу или посадить на кол. И сейчас, чтобы избежать царского гнева, нам придется бежать из Иранистана.

Конан допил из фляги вино и облизнул губы:

— Я думаю, это лишнее. Кобад-шах перебесится и угомонится. Должен ведь он понимать, что сейчас его армия уже не та, что была во времена расцвета империи. Сейчас его ударная сила — легкая кавалерия, то есть мы. Но все равно опала с Балаша не снята. Меня так и подмывает бросить все и умчаться на север — предупредить его об опасности.

— Неужто поедешь один?

— Почему бы и нет? Ты пустишь слух, будто я отсыпаюсь после очередного запоя. На все хватит нескольких дней, а потом...

Легкий стук в дверь оборвал Конана на полуслове. Киммериец бросил быстрый взгляд на шемита и, шагнув к двери, прорычал:

— Кто там еще?

— Это я, Нанайя, — ответил женский голос.

Конан посмотрел на своего товарища:

— Что за Нанайя? Ты не знаешь, Тубал?

— Нет. А вдруг это их уловка?

— Впустите меня! — вновь послышался жалобный голос.

— Сейчас увидим, — тихо, но решительно сказал Конан, и глаза его блеснули. Он вытащил из ножен меч и положил руку на засов. Тубал, вооружившись кинжалом, встал по другую сторону двери.

Резким движением Конан выдернул засов и распахнул дверь. Через порог шагнула женщина в наброшенной

вуали, но тут же, слабо вскрикнув при виде сверкающих в мускулистых руках клинков, подалась назад.

В быстром, как молния, выпаде Конан повернул оружие — и острие меча коснулось спины неожиданной гостьи.

— Входите, госпожа, — пробурчал Конан на гирканском с ужасным варварским акцентом.

Женщина шагнула вперед. Конан захлопнул дверь и наложил засов.

— Ты одна?

— Д-да. Совсем одна...

Конан стремительно выбросил вперед руку и сорвал с лица вошедшей вуаль. Перед ним стояла девушка — высокая, гибкая, смуглая. Черные волосы и изящные, точеные черты завораживали глаз.

— Итак, Нанайя, что все это значит?

— Я наложница из царского сераля... — начала она.

Тубал присвистнул:

— Только этого нам не хватало!

— Дальше, — приказал Конан.

Девушка вновь заговорила:

— Я часто наблюдала за тобой сквозь узорную решетку, что за царским троном, когда вы с Кобад-шахом совещались наедине. Царю доставляет удовольствие, когда его женщины видят своего повелителя, занятого государственными делами. Обычно при решении важных вопросов нас в галерею не пускают, но этим вечером евнух Хатрита напился пьян и забыл запереть дверь, ведущую из женской половины на галерею. Я прокралась туда и подслушала ваш разговор с шахом. Ты говорил очень резко.

Когда ты ушел, Кобад прямо кипел от ярости. Он вызвал Хакамани, начальника тайной службы, и приказал тому, не поднимая шума, тебя прикончить. Хакамани должен был проследить, чтобы все выглядело как обыкновенный несчастный случай.

— Вот я доберусь до Хакамани, тоже устрою ему какой-нибудь несчастный случай. — Конан скрипнул зубами. — Но к чему все эти церемонии? Кобад проявляет не больше щепетильности, чем прочие монархи, когда тем приходит охота укоротить на голову неугодного подданного.

— Да потому что он хочет оставить у себя твоих козаков, а если те прознают об убийстве, то непременно взбунтуются и уйдут.

— Ну допустим. А почему ты решила меня предупредить?

Большие темные глаза окинули его томным взглядом.

— В гареме я погибаю от скуки. Там сотни женщин, и у царя до сих пор не нашлось для меня времени. С самого первого дня, едва увидев тебя сквозь решетку, я восхищаюсь тобой. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой, — нет ничего хуже бесконечной, однообразной жизни сераля с его вечными интригами и сплетнями. Я дочь Куджала, правителя Гвадира. Мужчины нашего племени — рыбаки и мореходы. Наш народ живет далеко к югу отсюда, на Жемчужных островах. На родине у меня был свой корабль. Я водила его сквозь ураганы и ликовала, победив стихию, а здешняя праздная жизнь в золотой клетке сводит меня с ума.

— Как ты очутилась на свободе?

— Обычное дело: веревка и неохраняемое окно с выставленной решеткой. Но это не важно. Ты... ты возьмешь меня с собой?

— Скажи ей — пусть возвращается в сераль, — тихо посоветовал Тубал на смеси запорожского и гирканского с примесью еще полудюжины языков. — А еще лучше — полоснуть ей по горлу и закопать в саду. Так царь нас, может, и не станет преследовать, но ни за что не отступится, если прихватим трофей из его гарема. Как только до него дойдет, что ты удрал с наложницей, он перевернет в Иранистане каждый камень и не успокоится, пока тебя не отыщет.

Как видно, девушка не знала этого наречия, но зловещий, угрожающий тон не оставлял сомнений. Она задрожала.

Конан оскалил зубы в волчьей усмешке.

— Как раз наоборот, — сказал он. — У меня аж кишки разболелись от мысли, что придется удирать из страны, поджав хвост. Но с таким заманчивым трофеем — это же меняет дело! И раз уж бегства не избежать... — Он повернулся к Нанайе: — Надеюсь, ты понимаешь, что ехать придется быстро, не по мощеной

улице и не в том благопристойном обществе, которое тебя окружало.

— Понимаю.

— А кроме того... — он сузил глаза, — я буду требовать беспрекословного повиновения.

— Конечно.

— Хорошо. Тубал, поднимай наших псов. Выступаем сразу, как соберем вещи и оседлаем лошадей.

Неясно бормоча что-то насчет недоброго предчувствия, шемит направился во внутреннюю комнату. Там он, потряс за плечо человека, спавшего на груде ковров.

— Просыпайся, воровское семя! — ворчал он. — Мы едем на север.

Гаттус, гибкий темнокожий замориец, с трудом разлепил веки и, широко зевая, сел:

— Куда опять?

— В Кушаф, что в Ильбарских горах, где мы провели зиму и где волки Балаша наверняка перережут нам глотки!

Гаттус, ухмыляясь, поднялся:

— Ты не питаешь нежных чувств к кушафи, зато Конан с ними прекрасно ладит.

Тубал сдвинул брови и, ничего не ответив, с гордо поднятой головой вышел через дверь, ведущую в пристройку. Скоро оттуда послышались проклятия и пофыркивание разбуженных людей.

Минуло два часа. Внезапно неясные фигуры, наблюдавшие за постоялым двором снаружи, подались глубже в тень, ворота распахнулись, и три сотни Вольных Братьев верхами, по двое в ряд, выехали на улицу — каждый вел в поводу вьючного мула и запасную лошадь. Люди всевозможных племен, они были остатками той разгульной вольницы, что промышляла разбоем среди степей у моря Вилайет. После того как царь Турана Ездигерд, собрав мощный кулак, в тяжелой битве, длившейся от восхода до заката, одолел сообщество изгоев, они во главе с Конаном ушли на юг. В лохмотьях, умирающие с голоду, воины сумели добраться до Аншана. Но сейчас, облаченные в шелковые, ярких красок шаровары, в заостренных шлемах искуснейших мастеров Иранистана, увешанные с головы до пят оружием, люди Конана являли собой весьма пеструю

картину, говорившую скорее об отсутствии чувства меры, чем о богатстве.

А тем временем во дворце царь Иранистана, сидя на троне, размышлял о серьезных вещах. Подозрительность до того источила его душу, что ему повсюду мерещился заговор. До вчерашнего дня он возлагал надежды на поддержку Конана с его отрядом безжалостных наемников. Дикарю с севера заметно не хватало придворной учтивости и манер, но он, несомненно, оставался верен своему варварскому кодексу чести. И вот этот варвар открыто отказывается выполнить приказ Кобад-шаха — схватить изменника Балаша и...

Царь бросил случайный взгляд на гобелен, скрывающий альков, и рассеянно подумал, что вот, должно быть, опять поднимается сквозняк, потому что занавес слегка колыхнулся. Затем посмотрел на забранное позолоченной решеткой окно — и весь похолодел! Легкие шторы на нем висели неподвижно. Но он же ясно видел, как шевельнулся занавес!

Несмотря на невысокий рост и склонность к полноте, Кобад-шаху нельзя было отказать в мужестве. Не медля ни секунды, он подскочил к алькову и, вцепившись в гобелен обеими руками, откинул в стороны занавес. В черной руке блеснуло лезвие, и убийца ударил кинжалом в грудь царя. Дикий вопль прокатился по покоям дворца. Царь повалился на пол, увлекая за собой убийцу. Человек закричал, подобно дикому зверю, в его расширенных зрачках сверкнул огонь: лезвие только скользнуло по груди, открыв спрятанную под одеждой кольчугу.

Громкий крик ответил на призывы повелителя о помощи. В коридоре послышались быстро приближающиеся шаги. Одной рукой царь схватил убийцу за руку, другой — за горло. Но напрягшиеся мускулы нападавшего были тверже узлов стального троса. Пока убийца и его жертва, крепко сцепившись, катались по полу, кинжал, вторично отскочив от кольчуги, поразил правителя в ладонь, в бедро и в руку. Под столь свирепым натиском отпор Кобад-шаха начал ослабевать. Тогда убийца, схва-

тив царя за горло, занес кинжал для последнего удара, но в этот миг, подобно разряду молнии, что-то блеснуло в свете ламп, железные пальцы на горле разжались, и огромный чернокожий, с раскроенным до зубов черепом, рухнул на мозаичный пол.

— Ваше величество! — Над Кобад-шахом высилась массивная фигура Готарзы, капитана королевской гвардии, его лицо под длинной черной бородой было смертельно-бледным. Пока повелитель располагался на диване, Готарза рвал на полосы занавески, чтобы перевязать раны Кобад-шаха.

— Смотри! — вдруг еле слышно произнес царь, вытянув вперед дрожащую руку. — Кинжал! Великий Асура! Что это?!

Кинжал лежал возле руки мертвеца, клинок блестел, точно в лучах солнца, — необычное оружие, с волнистым лезвием, по форме напоминавшим огненный язык. Готарза всмотрелся — и выругался, пораженный.

— Огненный кинжал! — выдохнул Кобад-шах. — Такими же убили владык Турана и Вендии!

— Знак Невидимых! — прошептал Готарза, с тревогой вглядываясь в зловещий символ древнего культа.

Дворец быстро наполнялся шумом. По коридору бежали рабы и слуги, громко спрашивая друг у друга, что случилось.

— Закрой дверь! — приказал царь. — Пошли за дворцовым управляющим, больше никого не впускай!

— Но, ваше величество, вам нужен лекарь, — попробовал возразить капитан. — Раны неопасны, но, возможно, кинжал отравлен.

— Не сейчас — после. Интересно... Кем бы он ни был, ясно одно: его подослали мои враги. Великий Асура! Значит, джезмиты приговорили меня к смерти! — Ужасное открытие поколебало мужество властителя. — Кто охранит меня от змеи в постели, ножа предателя или яда в кубке вина? Правда, есть еще этот варвар Конан, но даже ему, после того как он посмел перечить, даже ему я не могу доверить свою жизнь... Готарза, пришел управляющий? Пусть войдет. — Показался тучный человечек. — Ну, Бардийя, — обратился к нему царь. — Какие новости?

— О ваше величество, что здесь случилось? Смею надеяться...

— Сейчас не важно, что случилось со мной, Бардийя. По глазам вижу — ты что-то знаешь. Итак?

— Козаки во главе с Конаном покинули город. Страже Северных ворот Конан сказал, что отряд выступает по вашему приказу, чтобы схватить изменника Балаша.

— Хорошо. Как видно, варвар раскаялся в своей наглости и хочет загладить вину. Дальше.

— Хакамани хотел схватить Конана на улице, по пути к дому, но тот, убив его человека, бежал.

— Тоже неплохо. Отзови Хакамани до тех пор, пока все окончательно не прояснится. Еще что-нибудь?

— Одна из женщин сераля — Нанайя, дочь Куджала, сегодня ночью бежала из дворца. Найдена веревка, по которой она спустилась из окна.

Кобад-шах исторг из груди дикое рычание:

— Наверняка она сбежала с этим подонком Конаном! Слишком много совпадений! И, должно быть, он как-то связан с Невидимыми. Иначе почему мне подослали джезмита сразу после ссоры с киммерийцем? Скорее всего, он же и подослал. Готарза, подними королевскую гвардию и скачи за козаками. Принеси мне голову Конана, иначе поплатишься своей! Возьми по меньшей мере пятьсот воинов. С наскока варваров не одолеть: в бою они свирепы и отлично владеют любым оружием.

Готарза поспешил исполнить приказание, а царь, повернувшись к управляющему, сказал:

— А сейчас, Бардийя, принеси пиявок. Готарза прав: похоже, клинок был отравлен.

После бегства из Аншана прошло три дня. Скрестив ноги, Конан сидел на земле в том месте, где тропа, замысловатой петлей перевалив через горный кряж, выходила к склону, у подножия которого раскинулось селение Кушаф.

— Я встану между тобой и смертью, — говорил варвар человеку, сидящему напротив, — так же, как это сделал ты, когда твои горные волки едва нас не перерезали.

Его собеседник в раздумье подергал бороду в бурых пятнах. В его могучих плечах и мощной груди угадывалась исполинская сила, волосы, местами тронутые сединой, говорили о жизненном опыте. Общую картину дополнял широкий пояс, ощетинившийся рукоятками кинжалов и коротких мечей. Это был сам Балаш, вождь местного племени и правитель Кушафа, а также прилегающих к нему деревень. Несмотря на столь высокое положение, его речь звучала просто и сдержанно:

— Боги покровительствуют тебе! И все же никто не избегнет поворота, за которым ему уготована смерть.

— За свою жизнь надо или драться, или спасаться бегством. Человек не яблоко, чтобы спокойно ждать, пока кто-то не сорвет его и не съест. Если думаешь, что еще можно поладить с царем, отправляйся в Аншан.

— У меня слишком много врагов при дворе. Они вылили в уши повелителя бочки лжи, и тот не станет меня слушать. Меня просто повесят в железной клетке на съедение коршунам. Нет, я не пойду в Аншан.

— Тогда ищи для племени другие земли. В здешних горах хватает закоулков, куда не добраться даже царю.

Балаш бросил взгляд вниз, на селение, окруженное стеной из камня и глины, с башнями через равные промежутки. Его тонкие ноздри расширились, глаза зажглись темным пламенем, как у орла над гнездом с орленком.

— Клянусь Асурой, нет! Мой народ живет здесь со времен Барама. Пусть царь правит у себя в Аншане, здесь повелитель — я!

— Кобад-шах с таким же успехом может править и Кушафом, — проворчал сидящий на корточках за спиной Конана Тубал. Гаттус сидел слева.

Балаш перевел взгляд на восток, где уходящая тропа терялась между скал. На их вершинах ветер рвал куски белой ткани — одежду лучников, день и ночь стерегущих проход в горах.

— Пусть приходит, — сказал Балаш. — Мы перекроем горные тропы.

— Он приведет с собой десять тысяч тяжеловооруженных воинов с катапультами и осадными машинами, —

возразил Конан. — Он дотла сожжет Кушаф и увезет в Аншан твою голову.

— Пусть будет что будет, — ответил Балаш.

Конан с трудом подавил волну гнева, вызванную тупым фатализмом этого человека. Все инстинкты деятельной натуры киммерийца восставали против философии пассивного ожидания. Но поскольку он с отрядом оказался в западне, пришлось смолчать. Он лишь не мигая смотрел на запад, где над пиками висело солнце — огненный шар на ярко-синем небе.

Указав на селение, Балаш перевел разговор на другую тему:

— Конан, я хочу тебе кое-что показать. В той полуразвалившейся хижине снаружи стены лежит мертвец. Таких людей в Кушафе никогда прежде не видели. Даже после смерти в этом теле есть что-то таинственное, злое. Мне даже кажется, что это не человек вовсе, а демон. Идем.

Он зашагал вниз по тропе, рассказывая на ходу:

— Мои воины наткнулись на него, лежащего у подножия скалы. Было похоже, что он или упал с вершины, или его оттуда сбросили. Я приказал перенести его в селение, но по пути он умер. В забытьи все пытался что-то сказать, но его наречие нам незнакомо. Воины решили, что это демон, и, полагаю, тому есть причины.

На расстоянии дневного перехода к югу в горах, таких бесплодных и неприступных, что в них не прижился и горный козел, лежит страна, которую мы зовем Друджистан.

— Друджистан! — эхом отозвался Конан. — Страна демонов!

— Да. Там, среди скал и ущелий, таится Зло. Осторожный обходит эти горы стороной. Местность кажется безжизненной, но кто-то там все-таки обитает — люди или духи, не знаю. Иногда на тропах находят тела убитых путников, случается, во время переходов пропадают женщины и дети — это все работа демонов. Не однажды, заметив неясную тень, мы бросались в погоню, но каждый раз путь преграждали отвесные гладкие скалы, сквозь которые под силу пройти только порожденьям ада. Иногда эхо доносит до нас бой ба-

рабанов или громоподобное рычание. От этих звуков сердца храбрейших из мужчин обращаются в лед. В моем народе живет старая легенда, которая гласит, что тысячи лет назад повелитель упырей Урра построил в тех горах волшебный город под названием Джанайдар и что призраки Урры и его подданных до сих пор обитают среди городских развалин. По другой же легенде, тысячу лет назад вождь ильбарских горцев повелел отстроить город заново, чтобы превратить его в свою крепость. Работы шли уже полным ходом, но в одну ночь и вождь, и его подданные исчезли, и с тех пор никто их больше не видел...

Тем временем они подошли к хижине. Балаш распахнул покосившуюся дверь, и через минуту все четверо, наклонившись, разглядывали распростертое на грязном полу тело.

Внешность покойного и впрямь была необычной, а потому настораживающей, — внешность чужака. Коренастая фигура с широким плоским лицом и узкими раскосыми глазами, кожа цвета темной меди — все указывало на выходца из Кхитая.

Жесткие, в запекшейся крови черные волосы на затылке и неестественно вывернутые конечности указывали на множество переломов.

— Ну, разве он не похож на порождение Зла? — спросил Балаш.

— Это не демон, — ответил Конан, — хотя при жизни в нем, может быть, и было что-нибудь такое. Он кхитаец — выходец из страны, расположенной далеко на востоке от Гиркании, за горами, пустынями и джунглями, такими обширными, что в них затеряется и дюжина Иранистанов. Я проезжал по тем землям, когда служил у короля Турана. Но каким ветром этого парня занесло к нам? Трудно сказать...

Внезапно его глаза сверкнули, и он сорвал с мертвеца запачканную кровью накидку. Их глазам открылась шерстяная рубашка, и Тубал, заглядывающий Конану через плечо, не смог сдержать возгласа удивления: на рубашке, вышитый пурпуровыми нитками, виднелся необычный знак — человеческая рука, сжимавшая рукоять кинжала с волнистым лезвием. Рисунок был такого

насыщенного цвета, что на первый взгляд казался кровавым пятном.

— Кинжал Джезма! — прошептал Балаш, отпрянув от этого символа смерти и разрушения.

Все посмотрели на Конана, который пристально разглядывал зловещую эмблему. Необычное зрелище пробудило в нем смутные воспоминания, и сейчас, напрягая память, он пытался по отдельным штрихам восстановить целостную картину древнего культа поклонения Злу. Наконец, повернувшись к Гаттусу, он сказал:

— Когда я промышлял в Заморе воровством, то, помню, слышал краем уха о каком-то культе джезмитов, пользующихся таким символом. Ты заморанец, может быть, знаешь о нем?

Гаттус пожал плечами:

— Есть много культов, которые своими корнями уходят в далекое прошлое, к временам до Великого потрясения. Правители немало потрудились, чтобы выкорчевать их, но каждый раз те прорастали вновь. Знаю, что Невидимые, или как их еще называют, сыны Джезма, исповедуют один из таких культов, но больше мне нечего сказать. Я всегда предпочитал держаться от таких дел подальше.

Тогда Конан обратился к Балашу:

— Твои люди могут проводить меня к месту, где нашли его?

— Конечно. Но это дурное место, в ущелье Призраков, на границе Друджистана, и я бы...

— Хорошо. Сейчас всем спать. Выступаем на рассвете.

— В Кешан? — Балаш вскинул брови.

— Нет. В Друджистан.

— Неужели ты всерьез считаешь, что...

— Я ничего не считаю... пока.

— Отряд идет с нами? — спросил Тубал. — Лошади сильно измотаны.

— Нет. Лошади пусть отдыхают. Со мной пойдут лишь Гаттус и ты. В проводники возьмем одного из воинов Балаша. За начальника остается Кодрус. И передай ему, что, если в мое отсутствие наши псы начнут лапать женщин Кушафа, я разрешаю снести пару-другую голов.

2. СТРАНА ЧЕРНЫХ ГОР

Неровный в горных вершинах горизонт уже укрыли сумерки, когда проводник натянул поводья. Скалистая земля перед путниками была разорвана глубоким каньоном. По ту сторону громоздились мрачные вершины, черные пики остриями вонзались в небо, повсюду изломы и провалы — невообразимый хаос черного камня.

— Отсюда начинается Друджистан, — сказал проводник. — Это ущелье Призраков. За ним лежит страна Смерти и Ужаса. Дальше я не пойду.

Конан кивнул. Его глаза пытались отыскать в изрезанном склоне тропу, ведущую на дно каньона. Вот уже много миль они шли по заброшенной древней дороге, но местами казалось, что в последнее время ею пользовались.

Конан огляделся. Рядом с ним стояли Тубал, Гаттус, проводник и Нанайя — бывшая наложница гарема Кобад-шаха. Девушка упросила взять ее с собой, потому что, как она заявила, ей страшно оставаться одной, вдали от киммерийца, среди племени дикарей, чьего наречия она не понимает. За время бегства из Аншана, несмотря на все тяготы пути, Конан не услышал от нее ни слова жалобы и потому согласился с ее доводами.

— Сами видите, — снова заговорил проводник, — по дороге снова ходят демоны. Этим путем они выбираются из своей Черной страны, им же возвращаются обратно. Но люди, ушедшие за ущелье, не возвращаются уже никогда.

Тубал презрительно усмехнулся:

— На что демонам тропа? У них же крылья, они летают, как летучие мыши!

— Когда демоны принимают человеческий облик, то ходят, как люди, — ответил проводник. Он указал на крутую скалистую гряду, за которой терялась тропа. — У подножия этой гряды мы и нашли человека, которого ты назвал кхитайцем. Я думай, его братья-демоны что-то с ним не поделили и сбросили со скалы.

— А может быть, он карабкался вверх и сорвался, — проворчал Конан. — Кхитайцы — жители пустынь, они

не привыкли лазить по горам. От вечной жизни в седле их ноги стали кривыми и ослабели. Такой легко может и оборваться.

— Конечно, если он — человек, — ответил проводник. — Но... Великий Асура!

Спутники Конана так и подскочили на месте, а проводник, с расширенными от ужаса глазами, схватился за лук. Откуда-то с юга, со стороны черных пиков, до них донесся ни на что не похожий звук — резкое, злобное рычание, эхом прокатившееся по горам.

— Голоса демонов! — в страхе воскликнул проводник, так резко дернув повод, что его лошадь с пронзительным ржанием подалась назад. — Заклинаю именем Асуры — уйдем отсюда! Оставаться здесь — безумие!

— Если трусишь, отправляйся обратно в свою деревню! — сказал Конан. — Я еду дальше. — На самом же деле от этих проявлений сверхъестественных сил по спине киммерийца пробежали мурашки, но он не хотел показывать вида перед своими спутниками.

— Один, без отряда? Ты сумасшедший! Пошли хотя бы за своими людьми!

Глаза Конана сузились, как у волка при виде добычи.

— Не сейчас. Для разведки чем меньше людей, тем лучше. Я полагаю, на эту страну демонов стоит взглянуть поближе. Кто знает, вдруг она потом пригодится как опорный пункт. — Он повернулся к Нанайе: — Тебе лучше вернуться в селение.

На глаза девушки навернулись слезы.

— Не прогоняй меня, Конан! — дрожащим голосом вымолвила она. — Эти дикари, эти горцы... они надругаются надо мной!

Конан окинул взглядом ее крепкое гибкое тело с развитой мускулатурой.

— Пожалуй, если кто и решится на это, ему прежде придется изрядно потрудиться, — сказал он. — Ладно, будь по-твоему, и не говори потом, что я тебя не отговаривал.

Проводник повернул низкорослую лошадку и крикнул через плечо:

— Балаш прольет немало слез! В Кушафе все взвоют от горя! Ай-а! Ай-а!

Он ударил пятками в бока лошади, и его насмешливые причитания потонули в стуке копыт о каменистую тропу. Еще мгновение — и всадник пропал за скалой.

— Беги, трусливый шакал! — завопил ему вслед Тубал. — Мы повяжем твоих демонов и за хвосты притащим в Кушаф! — Но только всадник скрылся, он замолчал.

— Ты прежде слышал что-нибудь подобное? — спросил Конан Гаттуса.

Заморанец кивнул:

— Да. В горах, где до сих пор поклоняются Злу.

Не говоря ни слова, Конан тронул поводья. В неприступной Патении ему тоже доводилось слышать рычание, которое жрецы Эрлика выдували из десятифутовых бронзовых труб.

Тубал фыркнул, как носорог. Он никогда не слышал этих труб, а потому, прежде чем спускаться по крутому склону прямо в сумерки на дно каньона, втиснул свою лошадь между лошадьми товарищей. Потом резко сказал:

— Итак, Конан, эти двуличные собаки из Кушафа, способные во сне перерезать гостю горло, добились чего хотели: заманили нас в свою проклятую страну демонов. Что думаешь делать?

Все это смахивало на ворчание старого пса при виде того, как его хозяин ласкает другую собаку — порезвей и помоложе. Конан наклонил голову, чтобы скрыть усмешку:

— На ночь остановимся в ущелье. Лошади слишком устали, чтобы идти по камням, да еще ночью. К делу приступим завтра.

Я думаю, где-то в горах, за ущельем, у Невидимых должен быть лагерь. Вряд ли в соседних с Черной страной горах найдется селение, расположенное ближе Кушафа, а от него сюда целый день нелегкого пути. Кочующие племена, опасаясь воинственных соплеменников Балаша, обходят эти места стороной, а те слишком суеверны, чтобы самим обследовать горы за ущельем Призраков. Так что Невидимые могут уходить и возвращаться без особого риска быть замеченными. Я пока не решил,

что мы предпримем дальше. Но уверен в одном: отныне наша судьба на кончиках пальцев богов.

Спустившись в каньон, они увидели, что тропа, петляя среди каменных завалов, ведет дальше по ложу и сворачивает в глубокую расселину, выходившую в каньон с юга. Южная стена была гораздо выше и круче северной. Она, словно застывший вал, черной громадой взметнулась вверх, местами прерываясь узкой расселиной — входом в ущелье.

Конан свернул вслед за тропой и, доехав до первого поворота, заглянул за каменный выступ. Зажатое между отвесными стенами, ущелье хранило настороженное молчание. Извиваясь подобно змеиному следу, оно уходило дальше — во мрак.

— Это наша дорога на завтра, — сказал Конан. Его спутники молча кивнули, и все четверо выехали из ущелья в главный каньон, где еще держался свет. В гнетущей тишине цоканье лошадиных копыт казалось непривычно громким.

В нескольких десятках шагов от ущелья, откуда путники только что выехали, находилось другое, поуже. На его каменистом ложе не было признаков тропы, и оно сужалось так резко, что наверняка кончалось тупиком.

Где-то посередине, у северной стены, в выщербленной временем скале образовалось естественное углубление, в котором бил крошечный родничок. За ним, в скалистой нише, наминавшей пещеру, росла скудная жесткая трава. Там Конан и решил привязать уставших лошадей, а лагерь разбить у ключа. Поужинали вяленым мясом — огонь не разводили, чтобы не привлекать враждебных глаз.

Конан выставил посты в двух местах: Тубал должен был вести наблюдение к западу от лагеря, у входа в узкое ущелье, а Гаттус получил пост у восточного, куда сворачивала тропа. Если бы враг проходил по каньону или крался ущельем, он неминуемо наткнулся бы на бдительных стражей.

Каньон быстро заполняла тьма. Казалось она стремительными потоками стекает с горных вершин, выползает из узких ущелий. Звезды — равнодушные, холодные —

замерцали в ночном небе. Над незваными гостями нависли хмурые вершины изломанных гор. Засыпая, Конан вяло подумал, свидетелями каких ужасных человеческих драм могли оказаться эти вершины за тысячи тысяч лет.

Несмотря на долгое общение с цивилизацией, Конан не растерял природных инстинктов дикаря. Заслышав во сне крадущиеся шаги, он открыл глаза и, припав к земле, сжав в руке меч, приготовился к бою. Но тревога оказалась ложной — над ним, едва различимая во мраке, возвышалась массивная фигура шемита.

— В чем дело? — недовольным голосом пробормотал Конан.

Тубал опустился на колени. За его спиной, невидимые в тени скал, беспокойно переступали лошади. И прежде чем Тубал открыл рот, киммериец кожей почувствовал разлитую в воздухе угрозу.

Тубал зашептал ему в ухо:

— Гаттус убит, женщина пропала! По ущелью крадется Смерть!

— Что?

— Гаттус лежит у расселины с перерезанной глоткой. Я услышал со стороны восточного ущелья хруст камешков, но решил тебя не будить, а тихонько подкрался туда и увидел Гаттуса — на камнях, в крови. Похоже, он умер внезапно, не успев поднять тревоги. Я ничего не заметил, а из расселины не донеслось ни звука. Тогда я поспешил обратно и не нашел Нанайи. Демоны Черных гор, ничем не выдав себя, убили одного из нас и унесли другого! Я чувствую затаившуюся Смерть! Великий Асура! Это и вправду ущелье Призраков!

Конан бесшумно поднялся на колено: чувства предельно обострены, все тело — комок нервов и мускулов. Внезапная смерть всегда бдительного заморанца и таинственное похищение женщины отдавали чем-то жутким.

— Разве можно бороться с демонами? — снова зашептал шемит. — Давай-ка лучше к лошадям и...

— Тихо! Слушай!

Откуда-то донеслись едва слышные шаги. Конан поднялся, вглядываясь в темноту. Вот от стены отделились

неясные тени и, крадучись, стали приближаться. Левой рукой Конан вытащил нож. Тубал, сжав рукоятку длинного ильбарского кинжала, застыл рядом — безмолвный, напрягшийся, как волк в западне.

Все ближе, ближе цепочка теней. Вот она растянулась, охватывая с обеих сторон. Конан и шемит сделали несколько шагов назад, пока не уперлись спинами в каменную стену — мера против возможного окружения.

Атака была стремительна: мягкое быстрое шлепанье босых ног, тусклый блеск стали в неверном свете звезд. Конан едва различал нападавших — лишь смутные силуэты да мерцание стали. Нанося удары, увертываясь, он больше полагался на природное чутье, чем на слух и зрение.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости его меча, Конан убил одним ударом. Увидев, что таинственные тени — всего лишь люди, Тубал исторг из груди низкое рычание и со всей яростью обрушился на врага. Взмахи его тяжелого трехфутового кинжала производили среди врагов опустошительное действие. Бок о бок, спиной к отвесной скале, приятели могли не опасаться нападения с тыла или флангов.

Сталь звенела о сталь, высекая искры. То и дело раздавался звук, как в мясной лавке, когда секач в руках мясника разрубает мясо и кости. Люди пронзительно вскрикивали, в перерезанных глотках булькала кровь, под ногами хрипели раненые и умирающие. Несколько мгновений людской клубок колыхался, как бы перемалывая сам себя. Однако постепенно чаша весов стала склоняться на сторону двоих, у стены. Во тьме оба видели не хуже нападавших, в единоборстве неизменно брали верх, к тому же знали, что их клинки поражают только врагов. Последним мешала собственная многочисленность: опасения, что в пылу схватки они могут задеть своего, сковывали их движения.

Конан наклонил голову раньше, чем заметил взмах меча. Его ответный удар пришелся по стальной полосе. Не пытаясь прорубить броню, он полоснул по открытому бедру, и враг упал. На его место тут же заступил другой, и пока Конан разделывался с этим, упавший на локтях пополз вперед и, привстав на здоровое колено, ударил

ножом. Киммерийца спасла кольчуга. Нож в левой руке Конана отыскал горло врага, и на ноги киммерийца пролилась струя горячей крови. И вдруг натиск иссяк. Отхлынув, нападавшие, как призраки, растаяли во тьме.

Стало чуть светлее. Над восточным краем каньона серебряной полоской лежал слабый свет — всходила луна.

Тубал, точно волк вывалив язык, погнался за отступавшими тенями, его борода была забрызгана кровью, в уголках рта выступила пена. Он споткнулся о труп и, прежде чем сообразил, что перед ним мертвец, с дикой яростью вонзил в него клинок. Конан настиг шемита и схватил за руку. В бешенстве Тубал едва не сбил варвара с ног.

— Угомонись ты! — зарычал на него Конан. — Или хочешь угодить в западню?

От этих слов к Тубалу вернулась его волчья осторожность. Оба бесшумно заскользили за неясными тенями, одна за другой исчезавшими в пасти восточной расселины. Добежав до нее, преследователи остановились, пристально всматриваясь в черный провал. Где-то далеко впереди слышался удаляющийся хруст камешков под чьими-то ногами. Конан весь подобрался, точно пантера при виде дичи.

— Псы удирают, — тихо сказал Тубал. — Погонимся дальше?

Конан покачал головой. Нанайя в плену, и он не может позволить себе сломя голову броситься в погоню по этому темному, извилистому коридору, где за каждым поворотом их может подстеречь засада, а значит, почти неминуемая смерть.

Они вернулись в лагерь, к лошадям, совершенно обезумевшим от густого запаха свежепролитой крови.

— Когда луна поднимется высоко и зальет каньон своим светом, они нашпигуют нас стрелами, не выходя из расселины.

— Придется рискнуть, — проворчал Конан. — Будем надеяться, что стрелки из них неважные.

В полном молчании они опустились на корточки в тени скал. По мере того как каньон заливал призрачный лунный свет, проступали очертания валунов, уступов, стен.

Ни один звук не нарушал царящей вокруг тишины. Затем при бледном свете Конан осмотрел тела четырех мертвецов, брошенных врагом во время бегства. Тубал вгляделся в застывшие бородатые лица...

— Шабатийцы! — тихо воскликнул он. — Почитатели Зла!

— Неудивительно, что они подкрались неслышно, как кошки, — пробормотал Конан. Проезжая как-то по Шему, ему доводилось слышать рассказы о сверхъестественной способности сторонников этого древнего отвратительного культа подбираться к жертвам без малейшего шороха. В своих мрачных храмах, выстроенных в честь проклятого богами и людьми Шабата, эти люди поклонялись своему идолу — золотому Павлину. — Интересно, что им здесь понадобилось? Ведь их родина Шем. Что ж, поглядим... Ого!

Конан распахнул на одном из трупов накидку. На полотняной куртке на широкой груди шабатийца кровавым цветом полыхала эмблема — рука, сжимавшая кинжал с лезвием в форме языка пламени. Тубал откинул туники с остальных — у всех на рубашках были вышиты кулак и нож. Шемит спросил:

— Что это за культ Невидимых, если он притягивает людей из ближнего Шема и из Кхитая, за тысячи миль отсюда?

— Вот это я и хочу выяснить, — ответил Конан.

Они помолчали. Затем Тубал поднялся и сказал:

— Теперь куда?

Конан указал на цепочки следов, алевших на голых камнях.

— Вот наша путеводная нить.

Пока Тубал вытирал с клинка кровь и вкладывал его в ножны, Конан обмотал вокруг пояса длинную прочную бечевку с тремя спаянными крюками на конце. В свою бытность вором он частенько пускал в ход это орудие. Тем временем луна поднялась еще выше и высветила узкую серебряную полосу посередине каньона.

Избегая прямого света, они приблизились к устью ущелья. Ни звона спущенной тетивы, ни свиста дротика, ни таинственных теней за скалами, — тихо. На камнях отчетливо виднелась дорожка из кровавых пятен:

должно быть, шабатийцы уносили тяжелораненых с собой.

Лошадей оставили в лагере. Конан полагал, что враги также уходили пешими, а кроме того, проход был настолько узок и загромождён камнями, что в случае внезапной схватки всадник оказался бы в невыгодном положении.

У каждого поворота они ожидали засады, но цепочка кровавых следов не прерывалась, и никто не заступал дорогу. Пятна крови заметно поредели, но и этих было довольно, чтобы не сбиться с пути.

Конан прибавил шагу: он очень надеялся, что раненые и пленница замедлят бегство врага. Скорее всего, Нанайя все еще жива, иначе они наткнулись бы на ее труп.

Ущелье стало подниматься, сузилось, снова расширилось, пошло вниз, сделало поворот и вышло в другой каньон, протянувшийся с востока на запад. Этот оказался шириной в несколько сотен футов. След, напрямую пересекая открытое пространство, вел к монолитной южной стене и там обрывался.

— Кажется, эти трусливые псы из Кушафа не соврали: след обрывается у скалы, а через нее перелетит разве что птица.

Конан остановился, озадаченный. Приметы древней дороги потерялись давно — еще в ущелье Призраков. Но шабатийцы наверняка прошли этим путем. Киммериец окинул стену внимательным взглядом — каменная глыба взметнулась в небо на сотни футов. Прямо над ним, на высоте футов пятнадцати, в результате выветривания породы в стене образовался небольшой выступ шириной три и длиной шесть-семь шагов. На первый взгляд это мало что значило, но где-то посередине, между землей и выступом, острый глаз варвара различил на камне темное пятно.

Конан размотал с пояса веревку. Затем, раскрутив, послал тяжелый конец вверх. Крюк впился в камень на краю выступа. С проворством, с каким обычный человек взбирается по лестнице, Конан полез по тонкой гладкой нити. Добравшись до пятна, он довольно хмыкнул — вне всяких сомнений, это была кровь Должно быть, ее оставил раненый, когда его поднимали в петле к выступу.

Внизу Тубал, переминаясь с ноги на ногу, пытался разглядеть получше выступ, словно опасаясь затаившихся убийц. Но когда Конан показался над краем, площадка оказалась пуста.

Он поднялся на выступ, и сразу в глаза ему бросилось тяжелое, невидимое снизу бронзовое кольцо в стене. От частого употребления металл блестел. Край выступа, площадка — все было густо измазано кровью. Здесь стена уже не казалась монолитной. Но варвар заметил еще кое-что: едва различимые кровавые отпечатки пальцев на скале. Он тщательно исследовал все щели, затем приложил свою ладонь к кровавому отпечатку, нажал. Часть стены бесшумно ушла в сторону. Перед Конаном открылся узкий проход, в дальнем конце которого мерцал лунный свет.

Весь подобравшись, готовый к любым неожиданностям, Конан шагнул в проем. И тут же услышал удивленный вопль шемита, который, глядя вверх, решил, что его товарища проглотила скала. Чтобы успокоить Тубала, Конан показался над краем, а затем вновь обратился к своему открытию.

Ход был короткий и другим концом выходил в расселину. Прямой, как ножевая рана, туннель прорезал скалу на сотню футов и дальше резко сворачивал вправо. Дверь представляла собой плиту неправильной формы, навешенную на массивные, тщательно смазанные бронзовые шарниры. Плита идеально совпадала с проемом, а благодаря изломанному краю узкие щели по периметру казались обычными щербинами в камне.

Прямо у входа лежала бухта веревочной лестницы из прочной сыромятной кожи. Закрепив конец в кольце снаружи, Конан сбросил лестницу вниз. И пока Тубал, горя нетерпением, быстро карабкался к выступу, киммериец втянул свою веревку и снова обмотал ее вокруг пояса.

Уразумев тайну исчезновения следов, шемит даже выругался по-своему.

— Но почему они не закрыли дверь изнутри? — спросил он, угомонившись.

— Возможно, этим ходом постоянно пользуются. К тому же когда на хвосте погоня, то громкими призыва-

ми к страже можно обнаружить себя и выдать секрет. Неудивительно, что дверь до сих пор не нашли, — если бы не следы крови, я тоже топтался бы сейчас внизу.

Тубал рвался вперед, но киммериец медлил. Он не видел признаков стражи, но резонно полагал, что мастера, с такой выдумкой замаскировавшие вход в свою страну, вряд ли оставят его без охраны.

Конан поднял лестницу, смотал в бухту и уложил на место. Потом закрыл плитой проем, и туннель погрузился во тьму. Приказав недовольно ворчавшему шемиту оставаться у двери, он осторожно двинулся вперед.

Выйдя в расселину, Конан огляделся. Над головой, на высоте сотен футов, сквозь узкую изломанную щель виднелось звездное небо. Кошачьим глазам варвара с избытком хватало скудного света, падавшего на пол.

С не меньшей осторожностью, но уже более уверенно, он сделал еще несколько шагов и замер: впереди, за поворотом, послышался хруст камешков. Киммериец едва успел втиснуть свое массивное тело в нишу, вырубленную в боковой стене, как показался стражник. Уверенный в собственной безопасности, тот шел вразвалочку, едва поднимая ноги, как бы показывая всем своим видом, что занят привычным, нудным делом. Это был коренастый, приземистый кхитаец с неподвижным лицом цвета меди. В руке он держал короткое копье.

Вот стражник поравнялся с нишей, где укрылся Конан. Вдруг, повинуясь внезапно проснувшемуся инстинкту, он резко повернул голову — зубы обнажены в оскале, копье наизготовку. Схватка заняла мгновение. Стражник еще поворачивал голову, а Конан был уже рядом. Взмах меча — и кхитаец рухнул на каменный пол с разрубленным черепом.

Застыв как изваяние, Конан вглядывался в проход. Никаких подозрительных звуков — как видно, стражник был один. Тогда киммериец тихонько свистнул. Истомившийся ожиданием Тубал не заставил себя долго ждать. При виде мертвеца шемит скрипнул зубами.

Конан наклонился над тем, что еще недавно было стражником, и отогнул верхнюю губу мертвеца. Клыки были спилены.

— Еще один сын Эрлика, желтого бога Смерти. И неизвестно, сколько их еще скрывается в этих горах... Спрячем его вон под теми камнями.

За поворотом глубокая расселина снова шла прямо, пока не упиралась в очередной излом. И чем дальше приятели продвигались, тем больше успокаивался Конан: было ясно, что в проходе нет другой стражи.

Когда друзья наконец вышли из расселины, небо на востоке уже начинало бледнеть. В этом месте царил настоящий каменный хаос. Вместо одного ущелья — не меньше дюжины. Подобно реке, разделенной в дельте на десятки рукавов, они стремились вдаль, огибая утесы и огромные обломки стен. Острые шпили и башни из черного камня мрачными призраками вытянулись к розовеющему небу.

С трудом пробираясь между этими угрюмыми стражами, двое искателей приключений вышли к огромной скале. У ее подножия лежала очищенная от камней ровная площадка шагов триста в ширину. Тропинка, выщербленная в камне тысячами ног, пересекала открытое место и поднималась по вырубленному в скале карнизу. И никаких намеков на то, что может подстерегать там, наверху. Выставив слева и справа по часовому — изрезанному непогодой черному шпилю, — монолитная стена отступала назад.

— Куда теперь? — В призрачном свете шемит походил на волосатого гоблина, который, замешкавшись, не успел до восхода солнца спрятаться в пещере.

— Похоже, мы недалеко от... Великий Кром! Что это?!

Над горами прокатился жуткий рев, который друзья слышали прошлой ночью, только на этот раз гораздо громче и отчетливее. Последние сомнения исчезли — это был резкий звук гигантской трубы.

— Нас обнаружили? — Тубал сжал эфес кинжала...

Конан пожал плечами:

— Не думаю. В любом случае сначала надо оглядеться — нечего лезть на рожон... Туда!

Он указал на источенную временем высокую скалу, что высилась неподалеку в окружении шпилей пониже. Друзья быстро вскарабкались по склону, обращенному к стене и невидимому с другой стороны. С вершины открывался вид на окрестности. Устроившись за выступом, оба осторожно высунули головы.

— Великий Асура! — Тубал даже присвистнул от восторга.

С их наблюдательного пункта, схваченные одним взглядом сквозь утреннюю дымку, скалы напротив приобрели иные очертания — гигантского плато, приподнятого над ущельем на высоту не менее пятисот футов. На плато вел единственный путь — по вырубленной в камне тропе. С востока, севера и запада к плато подступали скалы, отрезанные от него провалом каньона. На юге плато упиралось в огромную черную гору, чьи острые пики господствовали над остальными вершинами.

Но друзья едва обратили внимание на красоты природы. Конан полагал, что кровавый след приведет их к поселку — чему-нибудь вроде пещеры или стойбища с шатрами из лошадиных шкур, на худой конец — к простеньким глинобитным хижинам, лепящимся по склону горы. Вместо этого взору открылась панорама прекрасного города с куполами и башнями, поблескивающими в утреннем свете, — казалось, какие-то чародеи перенесли его из своей сказочной страны в каменную пустыню.

— Город демонов! — Тубал разинул рот. — Это все злые чары! Нас околдовали! — Думая, что спит, он укусил себя за руку.

Плато имело форму овала: около полутора миль с севера на юг и чуть меньше мили с востока на запад. Город расположился в его южной части и был прекрасно виден на фоне мрачной горы. В центре его, гордо возвышаясь над кронами деревьев и плоскими крышами домов, стояло величественное сооружение, увенчанное пурпурным куполом с золотым орнаментом. В лучах восходящего солнца он полыхал кровавым пламенем.

Кровь в жилах Конана заструилась быстрее. Немыслимый контраст угрюмых черных гор с яркими красками

города нашел отклик в варварской душе киммерийца. Сияние пурпурного в золоте купола отдавало чем-то зловещим, а взметнувшиеся к небу черные шпили вокруг плато служили ему достойным обрамлением. Сам город, как бы возведенный среди руин и запустения могущественными силами Зла, будил предчувствие дурного.

— Так вот какое оно — логово Невидимых, — прошептал Конан. — Кто мог подумать, что в этакой глухомани скрывается целый город.

— Все равно нам с ними не совладать, — пробурчал Тубал.

Ничего не ответив, Конан вновь занялся наблюдениями. Чуть меньше, чем на первый взгляд, плотной, правильной застройки, город не был обнесен наружной стеной — невысокий бруствер вдоль края плато надежно защищал его от возможных врагов. Двух-трехэтажные дома утопали в чудесных садах и рощицах — еще более сказочных оттого, что все плато казалось сплошной каменной глыбой, где не нашлось бы места и травинке.

Наконец Конан принял решение:

— Тубал, возвращайся в наш лагерь в ущелье Призраков. Возьми лошадей и скачи в Кушаф. Передай Балашу, что мне нужны все его воины. Потом проведи их вместе с нашими головорезами по тропе через расселину. Укройтесь где-нибудь поблизости и не высовывайтесь пока не дам знак. Если меня убьют — действуйте по обстановке.

— Что ты задумал?

— Я иду в город.

— Совсем рехнулся!

— Не хорони меня раньше времени. Пойми, это единственный способ вызволить Нанайю. А потом уже будем думать, как лучше напасть на город. Если останусь жив и на свободе, то встретимся здесь же, если нет — решайте с Балашем сами.

— Чума на твоего Балаша! Зачем тебе соваться в этот рассадник зла?!

Глаза Конана сузились:

— Я хочу основать свою империю. В Иранистане для меня нет места. В Туране — тоже. Ты меня знаешь: со своей крепостью за спиной я горы сворочу. Только поторопись.

— Балаш на меня косо смотрит. Он просто плюнет мне в бороду; мне, понятное дело, придется его убить, после чего собаки из Кушафа прирежут и меня.

— Он этого не сделает.

— А вдруг откажется?

— Если позову его, пойдет за мной хоть в преисподнюю!

— Зато его люди не пойдут. Они дрожат перед демонами.

— Ничего, как только скажешь им, что их демоны — всего лишь люди, они перестанут дрожать.

Тубал еще потеребил свою бороду и, глубоко вздохнув, выдал свой главный довод:

— Тебя раскусят и сдерут с живого кожу.

— Пусть попробуют. Такого наплету — уши развесят. Прикинусь опальным воином, сбежавшим от царского гнева, и попрошу убежища.

Тубал сдался. Бормоча что-то себе в бороду, грузный шемит заскользил вниз по скале и скоро пропал среди камней. В воздухе по-прежнему стояла тишина. Немного погодя Конан спустился вслед за другом и направился в противоположную сторону — к тропинке, вьющейся по склону обрыва.

3. ГОРОД НЕВИДИМЫХ

Подойдя к подножию скалы, Конан начал взбираться по крутому склону. Вокруг не было ни души. Тропа непрерывно петляла, огибая огромные скальные выступы. С наружного края ее прикрывала низкая массивная стена. Скорее всего, ее возвели еще до появления в этих краях ильбарских горцев: на вид она была очень старой, но прочной, как сама скала.

Последние тридцать футов Конан поднимался по крутым ступеням, вырубленным в камне. Его так никто и не окликнул. Он бесшумно миновал полосу невысоких укреплений, возведенных по краю плато, и вышел прямо на группу сидящих на корточках стражников, азартно резавшихся в кости.

Заслышав хруст камешков под ногами варвара, семерка вскочила на ноги, выпучив глаза от удивления. Это были зуагиры — шемиты-пустынники, поджарые, с крючковатыми носами. Головы воинов прикрывали уборы из белой ткани, над поясами торчали рукояти кинжалов и ятаганов. Мгновенно придя в себя, они схватили брошенные рядом копья и изготовились к нападению.

Ни один мускул не дрогнул на лице киммерийца. Он остановился, невозмутимо глядя на стражников. Зуагиры, наоборот, не уверенные, как им лучше поступить, пребывали в явном замешательстве. Словно дикие кошки, угодившие в западню, они не спускали затравленных глаз с нежданного гостя.

— Конан! — воскликнул вдруг самый рослый из зуагиров, в его голосе сквозили подозрительность и страх. — Ты здесь откуда?

Конан окинул взглядом поочередно всю семерку и сказал:

— Я хочу видеть вашего хозяина.

Однако это не произвело должного впечатления. По-прежнему настороже, они вполголоса переговаривались между собой, по очереди отводя назад правую руку, как бы примериваясь для броска. Наконец неясное бормотание прервал голос рослого зуагира:

— Что вы раскаркались! И так все ясно: мы занялись игрой и не заметили его. Мы нарушили свой долг, и, если об этом узнают, нам не поздоровится. А потому считаю, что его надо убить и сбросить вниз.

— Ага, — с готовностью согласился Конан, — валяйте убивайте. А когда хозяин спросит вас: «А где мой Конан с важным донесением?» — вы ему ответите: «А ты нас не предупредил, и мы его убили, чтобы преподать тебе урок на будущее». Вот смеху будет.

Те поморщились, а один пробурчал:

— Да проткнуть его — и делу конец! Никто и не узнает!

— Не так все просто, — возразил на это рослый. — Такого если не убьешь издали, он погуляет среди нас, как волк в овчарне.

— Да что там — схватить и перерезать глотку! — сунулся было другой, самый молодой в компании, но прочие так яростно зашипели на него, что тот отступил, посрамленный.

— Ага, режьте мне глотку, — скривился в усмешке варвар. Миг — и, выхватив меч из ножен, он молниеносным движением вычертил в воздухе восьмерку. — Один, пожалуй, уцелеет, — задумчиво заметил он. — Как раз хватит, чтобы доложить начальству о великой победе.

— Мертвые не болтают, — гнул свое молодой, за что и получил в живот тупым концом древка. Хватая ртом воздух, воин переломился надвое.

Сорвав часть накопившейся злобы на своем невоспитанном товарище, зуагиры немного оттаяли. Старший спросил у Конана:

— Так тебя ждут?

— Иначе я бы не пришел. Разве ягненок по собственной воле пойдет в пасть ко льву?

— Хорош ягненок! — Зуагир хмыкнул. — Скорее уж матерый волчище с кровью на клыках.

— Если где-то недавно пролилась кровь, так в том повинны дураки, которые плохо слушают своего хозяина. Этой ночью в ущелье Призраков...

— Клянусь Хануман! Уж не с тобой ли схватились тупоголовые шабатийцы? Они всем раструбили, будто прикончили в ущелье заезжего купца со слугами.

Так вот почему охрана вела себя так беспечно! Как видно, по каким-то своим соображениям шабатийцы соврали насчет действительного исхода драки, и потому стражи тропы не ждали преследователей.

— Кто-нибудь из вас был там? — спросил Конан.

— Мы разве хромаем? Или в крови? Или воем от бессилия и боли? Нет, мы с Конаном не сражались.

— Тогда напрягите мозги и не повторяйте чужих ошибок. Итак: или вы проведете меня к тому, кто ждет не дождется нашей встречи, или швырнете ему в бороду навозом, объявив, что пренебрегли его распоряжением!

— Да сохранят нас боги! — воскликнул в страхе зуагир. — Мы не получали насчет тебя никаких указаний, и, если ты соврал, наш хозяин сам выберет для

тебя смерть помучительнее, а если нет... тогда, может быть, нам удастся избежать наказания. Сдай оружие и идем.

Конан протянул меч и кинжал. При других обстоятельствах он скорее расстался бы с жизнью, чем с оружием, но сейчас игра шла по-крупному. Пинком в зад начальник стражи распрямил согнувшегося молодого воина и приказал тому наблюдать за лестницей, добавив, что от его усердия зависит, встретит ли тот свою старость. Затем прорычал приказание другим, и пятеро стражников взяли за кольцо безоружного киммерийца.

Конан кожей чувствовал, как у стоящего сзади руки чешутся от желания вонзить в его спину нож, но от слов варвара в их толстых черепах зашевелились сомнения, и потому он оставался спокоен.

По знаку начальника отряд выступил в путь.

От лестницы к городу вела широкая дорога. Через некоторое время Конан как бы между прочим спросил:

— Когда шабатийцы прошли в город — не на рассвете?

— Ага, — был краткий ответ.

— Тогда они вряд ли опередили нас намного, — словно рассуждая вслух, продолжал Конан. — Несколько раненых, да еще пленница...

— Ну, что до девчонки, так она... — начал было один, но осекся, получив тычок в зубы. Высокий бросил на Конана недобрый взгляд.

— Ни слова больше! — приказал начальник. — Будет задевать — не отвечайте. Змея не так изворотлива, как этот. Стоит только поддаться — и он вытянет из вас все, прежде чем вступим в Джанайдар!

Конан отметил про себя, что название города совпадает с тем, о котором упоминалось в древней легенде, услышанной от Балаша.

— Чего вы все коситесь? — разыгрывая обиду, спросил он. — Разве я пришел к вам не с открытой душой?

— Ну да! — Зуагир невесело усмехнулся. — Я видел, как ты явился однажды в Хорасан, что в Гиркании, и тоже с открытой душой. Только когда тамошние власти погладили тебя против шерсти, ты мигом запер свою душу на огромный замок и по улицам города забурлили потоки

крови. Нет уж. Я давно тебя знаю — еще со времен, когда ты водил своих бандитов по степям Турана. По части мозгов мне тебя не переплюнуть, но по крайней мере я могу держать язык за зубами. Я на твою удочку не попадусь, а если кто из моих людей раскроет рот, то я раскрою тому череп.

— Сдается мне, я тебя знаю, — сказал Конан. — Ты Антар, сын Ади. Помнится, ты проявил себя отважным воином.

От похвалы лицо зуагира смягчилось; но тут же он опомнился, сдвинул брови и, обругав первого подвернувшегося под руку, решительно зашагал впереди отряда.

Конан вышагивал с таким видом, будто его сопровождал почетный эскорт, а не стража, и мало-помалу его беспечность передавалась воинам, так что, когда отряд подошел к городу, их копья уже не смотрели в спину пленника, а мирно покоились на смуглых плечах.

С ближнего расстояния загадка пышной растительности объяснялась довольно просто. Земля, принесенная трудолюбивыми руками из долин, расположенных за десятки миль от плато, заполнила углубления и впадины в скальной поверхности. Сады пронизывали глубокие, узкие канавки тщательно продуманной оросительной системы. Все они брали начало у естественного источника где-то в центре города. Благодаря кольцу высоких пиков климат на плато был гораздо мягче, чем в окружавших его горах.

Отряд прошел между большими фруктовыми садами, росшими по обеим сторонам дороги, и наконец вступил на главную улицу города — два ряда каменных домов, вставших по краям широкой мостовой, с непременной зеленью на задних двориках. Другим концом улица выходила к равнине шириной в полмили, отделявшей город от нависшей над ним черной горы, такой огромной, что само плато походило скорее на уступ, выдолбленный в гигантском склоне, чем на отдельное горное образование.

Люди, работавшие в садах и на улице, с удивлением взирали на зуагиров и их пленника. Среди них Конан узнал иранистанцев, гирканийцев, шемитов и даже

нескольких вендийцев и чернокожих кушитов. Но ильбарских горцев не было ни одного: очевидно, население города не поддерживало с ними связи. Внезапно улица расширилась, образовав небольшую площадь. С южной стороны на нее выходила высокая стена, возведенная вокруг роскошного здания с величественным куполом.

Тяжелые ворота, инкрустированные золотом и обшитые бронзовыми полосами, никем не охранялись, если не считать чернокожего, облаченного в пестрые одеяния. Открыв ворота, тот согнулся в почтительном поклоне. В сопровождении стражи Конан прошел под аркой и очутился в обширном, вымощенном мраморными плитами дворе. В центре его журчал фонтан, в воздухе порхали голуби. С запада и с востока двор ограничивали внутренние стены пониже, над которыми виднелась зелень садов. В глаза варвару бросилась взметнувшаяся вверх черная башня высотой не меньше купола; ее каменное кружево слабо мерцало на солнце.

Зуагиры прошли через двор и были остановлены у дворцового портика стражей из тридцати гирканийцев — все в сверкающих посеребренных шлемах, увенчанных плюмажем, в позолоченных латах, со щитами из шкуры носорога и ятаганами с золотой насечкой. Начальник стражи с непроницаемым лицом перебросился парой отрывистых фраз с Антаром, сыном Ади. По холодному тону Конан понял, что между обоими тлеет скрытая вражда.

Затем начальник, имя которого, как выяснилось, было Захак, сделал знак своей тонкой изящной рукой, и Конана обступила дюжина ослепительных гирканцев. Под их конвоем он поднялся по широким каменным ступеням и прошел под аркой между распахнутыми створками дверей. Зуагиры, как побитые собаки, плелись в хвосте отряда.

Они проходили широкими, тускло освещенными залами, где со сводчатых лепных потолков свисали бронзовые курильницы, а задернутые тяжелыми бархатными гардинами ниши намекали на некие страшные тайны. Казалось, в этих мрачных, отделанных с варварской пышностью залах затаилась необъяснимая, едва осязаемая угроза.

Наконец они вступили в широкий коридор, прошли его и остановились у двустворчатой бронзовой двери с двумя охранниками по сторонам. Оба стояли неподвижно как статуи и были разодеты еще пышнее, чем стража Конана. Гирканийцы вместе со своим пленником — или гостем — прошли мимо них и оказались в полукруглой комнате. Гобелены с изображениями драконов увешивали стены, скрывая возможные дверные проемы. Со сводчатого потолка свисали лампы, украшенные резьбой по эбеновому дереву и золотой насечкой.

Напротив главного входа помещалось мраморное возвышение. На нем стояло массивное, покрытое изящной резьбой кресло с балдахином. Подлокотники, точно свитки папируса, завивались вниз. На вышитых бархатных подушках сидел небольшого роста человек хрупкого сложения, облаченный в расшитую жемчугом мантию. На розовом тюрбане поблескивала золотая брошь в форме руки, сжимавшей кинжал с волнистым лезвием. Худое и вытянутое, с легким загаром лицо оканчивалось внизу черной заостренной бородкой. «Не иначе как выходец с Востока — из Вендии или из Козалы», — решил про себя Конан. Темные глаза незнакомца пристально вглядывались в полированный кристалл на подставке перед троном. Размером не меньше кулака киммерийца, кристалл имел неправильную сферическую форму. От него исходил свет слишком яркий для полумрака тронного зала — словно в глубинах кристалла горел магический огонь.

Трон охраняли огромного роста кушиты — по одному с каждой стороны. Оба казались изваяниями, высеченными из черного базальта, — обнаженные, в одних сандалиях и шелковых набедренных повязках. В руках они держали кривые сабли с расширенными у острия клинками.

— Кто это? — нехотя произнес на гирканском языке человек под балдахином.

— Конан-киммериец, мой повелитель! — торжественно ответил Захак.

Темные глаза оживились, и тут же в них промелькнула подозрительность.

— Как он проник в Джанайдар?

— Он заявил зуагирским псам, охранявшим Лестницу, что исполнял поручение магистра, повелителя сынов Джезма.

Услышав титул, Конан весь напрягся, точно пантера; его глаза не мигая смотрели прямо в худое лицо. Но он не проронил ни звука. Он знал, что молчание порой имеет больший вес, чем дерзкая речь. Сейчас его дальнейшее поведение целиком зависело от того, что скажет магистр Невидимых. Если в нем разгадают самозванца, его участь решена. Оставалось надеяться, что этот правитель, прежде чем отдать роковой приказ, захочет, по крайней мере, узнать причину появления непрошеного гостя; а кроме того, есть правители — таких, правда, немного, — которые полностью доверяют своим сподвижникам.

Прошла томительная минута, прежде чем человек на троне вновь заговорил:

— Закон Джанайдара гласит: по Лестнице имеет право подняться только тот, кто прежде сделал Знак стражам Лестницы. Если же Знак ему неизвестен, следует вызвать охрану Ворот, чтобы те вступили в переговоры. В этом случае пришелец обязан дожидаться внизу. Конан явился незваным. Охрану Ворот не вызвали. Значит, прежде чем подняться, Конан сделал Знак?

По спине Антара пробежал потный ручеек. Он бросил быстрый взгляд на киммерийца и заговорил хриплым, с еле заметной дрожью голосом:

— Стража в расселине не подняла тревоги. Конан появился над краем плато совершенно неожиданно, хотя мы были бдительны, как орлы. Я слышал, он колдун и может, если захочет, становиться невидимым. Мы поверили его словам, будто это ты послал за ним, иначе откуда он узнал секретный путь?

Капельки влаги усеяли узкий лоб зуагира. Человек на троне будто ничего не слышал. Размахнувшись, Захак с силой ударил Антара ладонью по губам.

— Пес! — процедил он сквозь зубы. — Не смей разевать свою смердящую пасть, пока магистр сам не соблаговолит тебя выслушать!

Антар пошатнулся, по его бороде побежала кровь. Он метнул на гирканийца взгляд, полный смертельной ненависти, но сдержался и промолчал.

Сделав вялый жест рукой, магистр заговорил:

— Зуагиров увести. До особых распоряжений содержать под стражей. Ждем мы посланцев или нет — стража не вправе преступать закон. Знак неизвестен, и все-таки он поднялся по Лестнице. Если бы они несли службу исправно, как говорят, этого не случилось бы. Варвар не колдун. Оставьте нас наедине. Я сам поговорю с ним.

Захак кивнул, и его ослепительные воины, гоня зуагиров, точно стадо, перед собой, направились к бронзовой двери. Проходя мимо, зуагиры награждали Конана горящими ненавистью взглядами.

Перейдя на язык Иранистана, магистр обратился к киммерийцу:

— Говори свободно. Черные этого языка не знают.

Прежде чем ответить, Конан пинком пододвинул к возвышению кушетку и, расположившись на ней поудобнее, положил ноги на обшитую бархатом скамеечку. Если магистр и удивился бесцеремонности гостя, он никак не проявил этого. С первых же слов киммериец понял, что правитель Джанайдара тесно связан с единоверцами в западных землях и, очевидно преследуя свои цели, предпочитает не замечать развязности их посланца.

— Я за тобой не посылал, — наконец прервал молчание магистр.

— Ну разумеется, — свободно ответил Конан. — Однако надо же было сказать что-нибудь этим дурням — иначе пришлось бы их всех перерезать.

— Что тебе здесь нужно?

— А что нужно тому, кто добровольно заявляется в логово людей, объявленных вне закона?

— Он может оказаться лазутчиком.

У Конана вырвался грубый смешок:

— Чьим это, интересно знать?

Недолгое молчание.

— Как ты узнал про Секретный Путь?

— Я наблюдаю за грифами — они и выводят меня на цель.

— Еще бы. Ты их нередко подкармливаешь человечинкой. Что с кхитайцем, который наблюдал за расселиной?

— Мертв. Он не захотел прислушаться к голосу разума.

— Пожалуй, это не ты следишь за грифами, а они за тобой — всегда есть пожива, — с легкой улыбкой заметил магистр. — Почему не дал знать, что прибудешь?

— Не с кем было передать известие. Прошлой ночью твои бандиты напали на мой отряд; одного прирезали, другую взяли в плен. Оставался последний, но тот перепугался и удрал, так что, когда взошла луна, мне пришлось продолжать путь одному.

— То были шабатийцы. Они исполняли свой долг — охраняли от чужаков ущелье Призраков. Они не знали, что ты идешь ко мне. Они притащились в город на рассвете: большинство раненые, один — при смерти. По их словам, этой ночью они убили в ущелье богатого купца-вендийца. Похоже, побоялись признаться, что так и не одолели тебя. Они дорого заплатят за ложь... но не сейчас. Главного я так и не услышал: зачем ты сюда явился?

— За спасением. Мы с царем Иранистана не сошлись характерами.

Магистр пожал плечами:

— Я знаю. Вряд ли Кобад-шаху придет охота снова брать тебя на службу. Наш посланец Смерти едва не убил его. В любом случае отправленный за тобой отряд идет по следу.

От этих слов в затылке Конана неприятно закололо, как с ним бывало всегда при соприкосновении с чем-то таинственным и страшным.

— Великий Кром! — выдохнул он. — От тебя не скроешься!

Магистр едва заметно кивнул на кристалл:

— Игрушка, но весьма полезная. Но продолжим. До сегодняшнего дня чужие о нас не знали. Выходит, если ты нашел дорогу в Джанайдар, тебе рассказал о ней кто-то из нашего братства. Может быть, Тигр?

Однако Конан вовремя почуял западню.

— Я не знаю никакого Тигра, — ответил он. — Я не жду, пока мне откроют чужие тайны, — я узнаю их сам. Я пришел сюда, потому что вынужден скрываться. В Аншане ко мне уже не благоволят, и, если поймают, туранцы с радостью посадят меня на кол.

Магистр сказал несколько слов на стигийском. Понимая, что тот не станет без нужды менять язык беседы, Конан притворился, будто не знает этого наречия.

Магистр обратился к одному из черных воинов. Тот достал из-за пояса серебряный молоток и ударил в гонг. Не успели замереть последние отголоски, как приоткрывшись, бронзовая дверь пропустила человека слабого сложения в шелковой одежде — судя по бритой голове, это был стигиец. Войдя, он прежде всего почтительно склонил голову перед мраморным возвышением. При обращении магистр назвал его Хазан и говорил с ним на том же языке, который, как он полагал, Конану был незнаком.

— Ты знаешь его? — спросил магистр.

— Да, мой господин.

— Есть о нем что-нибудь в донесении наших лазутчиков?

— Да, мой господин. В последнем донесении из Аншана. В ночь покушения на царя, примерно за час до того, этот человек имел с ним тайную беседу. После беседы он быстро вышел из дворца и в ту же ночь вместе с тремя сотнями всадников, покинул город. В последний раз его видели на дороге в Кушаф. Его преследовали воины из Аншана, но, отказались они от погони или продолжают ее, пока не известно.

— Можешь идти.

Хазан поклонился и вышел. Некоторое время магистр сидел молча, с отрешенным взглядом. Затем, подняв голову, сказал:

— Хорошо. Я верю тебе. Из Аншана ты направился в Кушаф, где друзей царя не жалуют. Твоя вражда с туранцами мне известна. Нам нужен такой человек. Но без поручительства Тигра я не могу принять тебя в братство. Сейчас его нет в Джанайдаре, но он прибудет завтра на рассвете. А пока я хотел бы услышать, от кого ты узнал о нашем городе и братстве.

Конан пожал плечами:

— Все тайны мне нашептывает ветер, когда проносится среди ветвей сухого тамариска; а еще я вслушиваюсь в небывальщину, которую передают друг другу погонщики верблюдов, усевшись вкруг огня на отдых в караван-сарае.

— Тогда ты должен знать, к чему мы стремимся, нашу великую цель.

— Я знаю, как вы себя величаете. — Стараясь выведать побольше, Конан намеренно придал голосу оттенок двусмысленности.

— Тогда что означает мой титул?

— Магистр, повелитель сынов Джезма, верховный чародей джезмитов. В Туране говорят, что джезмиты — народ, живший по берегам моря Вилайет во времена до Великого потрясения, что они свершали странные обряды с примесью колдовства и приносили человеческие жертвы, которые потом сами съедали. Но потом вроде бы пришли гирканцы и уничтожили остатки их племен.

— Ах вот как. — Магистр усмехнулся. — Все верно, да только их потомки до наших дней обитают в горах Шема.

— Я подозревал нечто подобное, — ответил Конан. — О них ходит немало слухов, но прежде я считал все это пустой болтовней.

— Да, люди слагают о них легенды, и отчасти они правы. Но жестокие гонения не смогли загасить огонь Джезма, хотя за столетия его яркое пламя обратилось в тлеющие угольки. Из всех обществ братство Невидимых — самое древнее. Оно не разделяет людей ни по расам, ни по культам. Не столь уж важно, какому богу люди поклоняются — Митре, Иштар или Асуре. В далеком прошлом мы имели сторонников по всей земле — от Грондара до Валузии. В братство Невидимых вступали и продолжают вступать многие тысячи, всех стран и народов. Но только один народ поклонялся Джезму с незапамятных времен — из него мы и набираем жрецов.

После Великого потрясения культ возродился. В Стигии, Кофе, Ахероне и Заморе появились наши секты. Окутанные тайной, они скрывались от людей, так что те зачастую и не подозревали об их существовании. Но

за тысячелетия связи между сектами сильно ослабли, и, предоставленные сами себе, они утеряли былое могущество.

— Были дни, когда Невидимые направляли ход развития целых империй. Они не командовали армиями — их оружием был яд, пламя и кинжал с лезвием, как огненный язык. По воле магистра сынов Джезма одетые в алое посланцы Смерти отправлялись во все концы света — и умирали цари в Луксуре, в Пуантене, в Кухемесе и в Дагоне. А я — наследник Великого магистра сынов Джезма Тутамона. Того, чье имя заставляло трепетать сердца повсюду! — Глаза говорившего сверкнули в полумраке фанатичным огнем. — Всю свою молодость я мечтал о возрождении величия братства, в тайну которого был посвящен еще ребенком. И вот благодаря золоту моих приисков мечта осуществилась. Я, Вирата из Козалы, стал магистром сынов Джезма — первым Великим магистром за последние пять веков!

Убеждения Невидимых тверже гранита. Одну за другой я прибирал к рукам разрозненные секты зугитов, джилитов, эрликитов и джезудитов, кропотливо сплетая из тонких нитей стальной канат. Мои посланники проникали в самые отдаленные уголки земли и везде находили приверженцев братства — в битком набитых городах и в дремучих лесах, в бесплодных горах и в мертвом молчании пустынь. Не сразу, постепенно, община росла, и не только благодаря объединению сподвижников, но и за счет тех отчаявшихся, кто, разуверившись в других учениях, вступал в ряды сынов Джезма. Перед его священным огнем все равны. Среди моих сторонников есть почитатели Гуллы и Сета, Митры и Дэркето, Иштар и Юна.

Десять лет назад вместе со своими сподвижниками я пришел в этот город: вместо домов — груды камней, каналы забиты камнями, на месте садов — колючие заросли. Горцы обходили плато стороной — они боялись потусторонних сил, которые, по их словам, обитали в городских развалинах. Понадобилось шесть лет, чтобы отстроить город заново. Это был нелегкий труд, и на него ушла большая часть моих сокровищ — ведь работать приходилось

втайне, и все материалы завозили издалека, что было нелегким, а подчас и опасным делом. Грузы доставляли из Иранистана: сначала по старому караванному пути на юге страны, в горах сворачивали в скрытую расселину и, наконец, по древней тропе, прорезавшей западный склон, поднимали на плато. Затем по моему приказу тропу уничтожили. И вот, после долгих лет, я смог увидеть Джанайдар в его былом великолепии... Смотри!

Магистр поднялся с трона и кивнул, приглашая следовать за собой, — черные гиганты не отставали от него ни на шаг. Они прошли в альков, скрытый за тяжелым гобеленом, и очутились перед выходом на небольшой, в узорной решетке балкон. С балкона открывался вид на чудесный сад, обнесенный стеной высотой футов пятнадцать, почти невидимой за сплетением ползучих растений. Необычный, пьянящий аромат поднимался от деревьев, кустов, цветов и фонтанов с серебряными журчащими струями. Конан увидел женщин, гуляющих меж деревьев, — легкие, полупрозрачные одежды из шелка и бархата едва скрывали наготу их стройных гибких тел. Судя по тонким чертам, большей частью они были из Вендии, Иранистана и Шема. Мужчины, словно опьяненные наркотиком, лежали на подушках под деревьями. Откуда-то доносилась негромкая, томная музыка.

— Это Райский сад, каким он был еще во времена до Потрясения. — Вирата, закрыв балконную дверь, вернулся в тронный зал. — За преданную службу воину дают выпить сока красного лотоса. Проснувшись в этом саду и увидев подле себя прекраснейших в мире женщин — покорных, готовых утолить его желания, — он начинает думать, что и в самом деле угодил живым на Небеса, куда, как внушают жрецы, попадают все, кто отдал жизнь за своего повелителя. — Козаланец чуть растянул губы в усмешке. — Я знаю, что такой «рай» тебе пришелся бы не по вкусу, потому и показал его. Немного правды тебе не повредит. Если Тигр за тебя не поручится, правда умрет вместе с тобой, в противном случае ты узнаешь не больше, чем любой сын Великой Горы.

В моей империи ты можешь подняться высоко. Дай время — и я стану могущественным, как мой великий

предок. Шесть лет я копил силы и лишь потом начал борьбу. Последние четыре года, как и в далеком прошлом, мои посланники вновь обращаются к отравленным кинжалам; непобедимые и неподкупные, не знающие иного закона, кроме моей воли, они скорее умрут, но выполнят приказ.

— Чего же ты добиваешься?

— Неужели еще не понял? — Голос магистра упал до шепота, глаза расширились, в них засветились огоньки безумия.

— Пожалуй, — проворчал Конан. — Но предпочел бы услышать от тебя самого.

— Я хочу править миром! Отсюда, из Джанайдара, я буду вершить его судьбу! Цари на своих тронах превратятся в жалких марионеток, подвешенных на ниточках. Ослушники умрут. И наступит день, когда никто не осмелится пойти против моей воли. Мне будет принадлежать власть! Власть! Это — высшая цель!

Конан мысленно сравнил хвастливые притязания магистра на абсолютную власть с положением в братстве таинственного Тигра, с мнением которого тот вынужден был считаться. Похоже, влияние магистра было далеко не безгранично..

— Где девушка — Нанайя? — спросил Конан. — Твои шабатийцы, убив Гаттуса, схватили ее и увели с собой.

Вирата чуть переиграл, изображая удивление.

— Не понимаю, о ком ты, — ответил он. — Они не приводили пленников.

Магистр, конечно же, солгал, но настаивать было бессмысленно. Конан насторожился: непонятно, почему джезмит не хочет признать, что знает о девушке?

Магистр вторично сделал знак, негр вновь ударил в гонг, и вновь вошел согнувшийся в поклоне Хазан.

— Хазан проводит тебя, — сказал Вирата. — Туда же, в комнату, принесут еду и питье. Ты не арестован — стражи не будет. Но я просил бы тебя не покидать своих покоев без охраны. Мои люди относятся к чужакам с недоверием, а поскольку ты пока не состоишь в братстве, то... — Магистр вдруг замолчал и многозначительно посмотрел на киммерийца.

4. ЗВОН МЕЧЕЙ

Вслед за невозмутимым стигийцем Конан покинул тронный зал, прошел между двумя рядами сверкавших золотом и серебром стражников и из широкого парадного коридора свернул в боковой, поуже. Вскоре слуга ввел его в комнату со сводчатым потолком в украшениях из слоновой кости и сандалового дерева. Единственная тяжелая дверь была сколочена из тиковых досок, обшитых листами меди. Окон в комнате не было, свет и воздух проникали в нее через отверстия в потолке. На стенах во множестве висели гобелены с замысловатыми рисунками, шаги скрадывали богатые ковры, в которых нога утопала по щиколотку.

Не издав ни звука, Хазан поклонился и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Конан сел на бархатную кушетку. За всю свою жизнь, до предела насыщенную самыми невероятными и опасными приключениями, он не попадал в ситуацию более сложную, чем эта. Поразмыслив с минуту над возможной участью Нанайи, он принялся обдумывать план действий.

Из коридора послышался легкий стук сандаловых подошв. В сопровождении Хазана вошел огромный негр, в руках он держал широкий поднос с яствами в позолоченных блюдах и с изящным кувшином вина в центре. Прежде чем Хазан закрыл дверь, Конан успел заметить острие шлема, высунувшееся из-за ковра на противоположной стене коридора: в потайной нише прятались воины. Значит, Вирата солгал, сказав, что стражи не будет. Впрочем, иного он от магистра и не ждал.

— Господин, вот вино с Кироса и пища, — сказал стигиец. — А позже я пришлю девушку, прекрасную и свежую, как утро, чтоб вы могли с нею развлечься.

— Ладно, — проворчал Конан.

Послушный жесту Хазана, раб поставил поднос. Тот сам отведал каждого блюда, отхлебнул глоток вина и только потом с поклоном удалился. Обостренным, как у волка в западне, зрением Конан отметил, что последним из принесенного стигиец попробовал вина, а в дверях чуть качнулся. Едва закрылась дверь, Конан осторожно поню-

хал вино. На фоне благоухающего букета, такой слабый, что уловить его могли лишь чуткие ноздри варвара, угадывался знакомый запах — запах красного лотоса из зловещих топей южной Стигии. Отведавший его сока засыпал мертвым сном, надолго или нет — зависело от количества выпитого.

Хазану следовало чуть поторопиться. А что, если Вирата задумал и его, Конана, пропустить через свой Райский сад?

Тщательно исследовав пищу, киммериец убедился, что в нее ничего не подмешано. Тогда он с аппетитом приступил к еде.

Быстро покончив с немногочисленными яствами, он воззрился голодными глазами на поднос, словно в надежде отыскать на нем хотя бы еще кусочек. Вдруг дверь снова приоткрылась, и в комнату скользнула гибкая фигурка — девушка с золотым амулетом на груди, с поясом в драгоценных каменьях, стянувшим тонкую талию, и в полупрозрачных шелковых шароварах.

— Ты кто? — рыкнул на нее Конан.

Девушка подалась назад, смуглая кожа на ее лице чуть побледнела.

— Не бей меня, господин! Я не сделала ничего дурного! — От страха и волнения темные зрачки округлились, речь прервалась, пальцы задрожали, как у ребенка.

— Да я и не думал — просто спросил, кто ты такая.

— Я... меня зовут Паристта.

— Как ты сюда попала?

— Меня похитили Невидимые, мой господин. Однажды ночью, когда я гуляла в саду моего отца в Айдохья. Тайными тропами они привели меня в свой ненавистный город демонов, где я, как многие другие девушки Вендии, Иранистана и других стран, стала рабыней. — Она говорила быстро и шепотом, точно боясь, что ее прервут или подслушают. — Я зд-десь уже несколько месяцев. Однажды меня высекли — я думала, что помру от стыда! А еще я здесь видела, как девушки умирали под пытками! О, какой позор для моего отца: вдруг он узнает, что его дочь — игрушка в лапах демонопоклонников!

Конан смолчал, но его горящий взгляд был достаточно красноречив. Пусть его собственная судьба

замешена на крови, пусть ему не однажды приходилось убивать и грабить, но в отношениях с женщинами он неизменно следовал своему грубоватому кодексу чести варвара. До этой минуты он еще сомневался, вступать ли ему в братство Вираты, чтобы потом, укрепив положение, так или иначе устранить всех, занимавших в нем высшие посты. Но сейчас главная цель определилась: надо во что бы то ни стало раздавить этот змеиный клубок и обратить их логово себе на пользу... Между тем Парисита продолжала:

— Начальник над девушками получил задание отобрать кого-нибудь для тебя, но главное — надо было узнать, не спрятал ли ты на теле оружия. Чтобы обыскивать без помех, подмешали в вино зелья. А после, когда очнешься, усыпив лаской бдительность, девушка должна была выведать, лазутчик ты или на самом деле тот, за кого себя выдаешь. Указали на меня. Я и так отчаянно трусила, а когда увидела, что ты не спишь, то чуть было вовсе не померла со страху... Скажи, ты ведь не убьешь меня?

Конан усмехнулся. Он не тронул бы и волоса на ее голове, но предпочел пока не говорить об этом. Страх девушки еще может сослужить ему добрую службу.

— Парисита, — обратился он к ней, — ты знаешь что-нибудь о женщине, которую накануне привела с собой банда шабатийцев?

— Да, господин. Они привели с собой пленницу и, скорее всего, хотели поступить с нею так же, как в свое время поступили со всеми нами — сделать ее наложницей. Но та оказалась с характером. Уже в городе, после того как ее передали страже гирканийцев, она вдруг вырвалась и, выхватив кинжал, всадила его в грудь брата Захака. Теперь Захак требует ее смерти, и, думаю, ради какой-то пленницы Вирата не захочет портить отношения с гирканцами.

— Так вот почему магистр солгал мне насчет Нанайи, — прошептал Конан.

— Да, господин. Сейчас Нанайя в дворцовом подземелье, а завтра на рассвете ее подвергнут пыткам и казнят.

Смуглое лицо Конана приняло зловещее выражение.

— Сегодня, ближе к полуночи, ты проведешь меня в спальню Захака. — Его полыхающие, с прищуром глаза выдавали дальнейший план.

Девушка покачала головой:

— Ничего не выйдет. Он спит вместе со своими степными псами, с головой преданными своему вожаку. Их слишком много даже для такого сильного воина, как ты. Но я могу провести тебя к Нанайе.

— А как насчет стражника в коридоре?

— Мы выберемся незаметно, а до тех пор, пока я не выйду из комнаты у него на глазах, он сюда никого не впустит.

— Ну что же... — Варвар поднялся с кушетки и потянулся — совсем как тигр перед охотой.

Парисита замялась:

— Господин... если я правильно тебя поняла... ты ведь не думаешь служить демонопоклонникам, ты хочешь их уничтожить?

Конан осклабился в волчьей усмешке:

— Сказать по правде, с моими недругами частенько случаются всякие неприятности.

— А ты... не причинишь мне зла? Или даже... поможешь выбраться отсюда?

— Если смогу. А сейчас — довольно болтать. Вперед.

Парисита откинула гобелен, висевший напротив двери, и нажала на фрагмент причудливого орнамента. Часть стены бесшумно ушла внутрь, и их глазам открылась узкая лестница, ведущая вниз, во мрак.

— Господа почему-то считают, что рабы не могут знать их секретов, — с легкой улыбкой сказала девушка. — Идем.

Как только они вступили на лестницу, плита вернулась на прежнее место. Конан очутился в кромешной тьме, лишь дырочки в плите давали слабый свет. Оба спускались, пока, по расчетам Конана, не оказались значительно ниже дворца, и дальше зашагали по узкому ровному ходу, убегающему вдаль от подножия лестницы.

— Этот ход показал мне один шатриец, решившийся бежать из Джанайдара, — сказала девушка. — Я хотела бежать вместе с ним. Мы прятали здесь оружие и запасы

еды. Но наши планы раскрыли. Шатрийца схватили и подвергли изуверским пыткам, но он умер, так и не выдав меня... Здесь должен быть меч, который он припрятал. — Она пошарила в нише и, достав клинок, протянула его киммерийцу.

Они прошли еще несколько ярдов и остановились у двери, обшитой железом. Приложив палец к губам, Парисита указала на крошечные отверстия, служившие для тайного наблюдения. Заглянув в одно, Конан увидел широкий коридор: в монолитной стене была одна-единственная дверь из брусьев черного эбенового дерева, скрепленных для надежности стальными полосами; правая стена прерывалась через равные промежутки большими, в рост человека, решетками, за которыми находились вырубленные в скале ниши — камеры для узников. Дальний конец коридора отстоял ярдов на сто и тоже был перегорожен крепкой дверью. Бронзовые лампы под потолком отбрасывали слабый свет.

Перед одной из камер с ятаганом в руке застыл ослепительный гирканец в великолепных латах и в шлеме с перьями. Кончиками пальцев Парисита коснулась руки Конана.

— Нанайя в той камере, — прошептала она. — Ты справишься? Учти, этот гирканец — сильный воин.

Варвар с мрачной усмешкой взмахнул мечом — длинный клинок вендийской стали, легкий и вместе с тем очень прочный. Конан не стал распространяться, что в совершенстве владеет прямым клинком воинов Запада и с не меньшим мастерством — кривым клинком Востока; что в бою ильбарский кинжал с двойным изгибом и широкий меч шемитов словно врастают ему в руку... Не теряя времени, Конан открыл дверь.

Киммериец рванулся вперед, клинки встретились. Миг — и лезвия замелькали с такой яростью, что от их пляски зажглась бы кровь и у дряхлого старца, не говоря уже о двух молодых женщинах — невольных свидетельницах поединка. Тишину нарушали лишь шарканье и шлепанье босых ног, звон и скрежет стали да хриплое дыхание воинов. Длинные смертоносные лезвия сверкали в призрачном свете как живые, словно вдруг стали частью живой плоти людей.

Но вот чаша весов дрогнула. Лицо гирканийца исказило предчувствие смерти, и в последнем отчаянном усилии он попытался утянуть за собой в небытие и своего врага. Меч взмыл над его головой, но вспыхнула сталь — и клинок Конана легко, точно лаская, прошелся по шее стражника. Не проронив ни звука, гирканец рухнул на пол: из перерезанного горла била кровь.

Секунду Конан стоял над распростертым телом, на острие меча стыла темно-красная полоса. Разорванная одежда открывала легко вздымавшуюся мощную грудь. И только потный ручеек на лбу выдавал еще не схлынувшее напряжение. Наклонившись, Конан сорвал с пояса стражника связку ключей. Послышался скрежет стали в замке, и Нанайя будто очнулась от чар.

— Конан! — воскликнула она. — Ты все-таки пришел! А я уж потеряла всякую надежду! Но что за бой! Жаль, я не могла добавить ему еще и от себя! — Быстро подойдя к трупу, девушка выдернула из коченеющих пальцев меч. — Что дальше?

— Если станем выбираться отсюда до темноты, наверняка пропадем, — ответил Конан. — Нанайя, когда должен прийти стражник на смену этому?

— Они сменяются каждые четыре часа. Этот заступил совсем недавно.

Варвар повернулся к Парисите:

— Какое сейчас время суток? Я не видел солнца с раннего утра.

— Давно за полдень. Заход часа через четыре.

Выходит, он пробыл в Джанайдаре гораздо дольше, чем ему казалось.

— Выбираться будем, когда стемнеет. Сейчас вернемся в комнату. Нанайя, ты останешься на потайной лестнице, а Парисита выйдет через дверь и вернется в покои к невольницам.

— Но когда придут сменять этого, — чуть заметный кивок на распростертое тело, — то сразу обнаружат, что я сбежала. Думаю, будет лучше оставить меня здесь, пока не наступит подходящее время.

— Я не могу так рисковать. Что, если мне помешают спуститься за тобой? Когда побег откроется, то наверняка

во дворце подымется суматоха, а это нам на руку. А сейчас давайте-ка спрячем труп.

Он бросил взгляд на черную дверь, но Парисита, вдруг став бледнее полотна, воскликнула:

— О господин, только не туда! Не открывайте ее! За этой дверью — Смерть!

— Что ты несешь? Говори толком, что там?

— Не знаю. Туда швыряют тела казненных, а еще тех несчастных, кого не замучили до смерти. Что с ними там происходит, я не знаю, но я слышала их вопли — вопли ужаса, страшнее, чем под пытками. Девушки шептались, что за этой дверью живет демон-людоед.

— Похоже на правду, — сказала Нанайя. — Несколько часов назад здесь побывал раб со страшной ношей. Он отпер дверь и выбросил ее наружу, но, судя по росту, тело не могло принадлежать ни мужчине, ни женщине.

— Значит, это был ребенок, — непослушными губами прошептала Парисита и вздрогнула, точно в ознобе.

— Ладно вам, — проворчал варвар. — Сделаем так: переоденем стражника в одежду Нанайи, втащим в камеру и уложим лицом к стене. Ты девушка рослая, и замену обнаружат не сразу. Может быть, сменщик примет его за тебя и решит, что ты спишь или вообще со страху померла, — это неважно. В любом случае он первым делом кинется разыскивать товарища, и чем дольше они провозятся, тем больше у нас будет времени на то, чтобы отсюда выбраться.

Не колеблясь ни секунды, Нанайя сбросила куртку, стянула через голову рубашку и быстрым движением выскользнула из коротких штанов; Конан тем временем раздевал гирканца. Зардевшись, Парисита издала тихий возглас изумления.

— Что такое? — буркнул Конан. — Ты что, никогда не видела голых? Помолчала бы лучше, чем без дела разевать рот.

Через минуту Нанайя была уже в одежде гирканца — натянула на себя все, кроме шлема и доспехов. Пока девушка без особого успеха пыталась соскрести ногтями кровавое пятно с плеча накидки, Конан втащил мертвеца

в камеру и уложил его у дальней стены, отворотив лицо так, чтобы скрыть усы и клок бороды. Затем, натянув рубашку Нанайи ему на шею, прикрыл ею страшную рану. Закончив с трупом, киммериец закрыл камеру на замок и протянул ключи Нанайе:

— Кровь с пола нам не стереть. У меня пока нет плана, как выбраться из города. Если ничего не выйдет, я просто убью Вирату, а дальше — да свершится воля Крома! Если же выберетесь без меня, уходите той же тропой, какой сюда попали, и, затаившись где-нибудь, дождитесь воинов из Кушафа. Тубала я послал на рассвете, к сумеркам он должен добраться до Кушафа, значит, козаки будут в каньоне у плато завтра утром.

Они вернулись к потайной двери — закрытая, та полностью сливалась со стеной. Пройдя узким коридором, все трое поднялись по лестнице.

— До времени останешься здесь, — сказал Конан Нанайе. — Сиди тихо и не высовывайся — все равно не поможешь. Если со мной что случится, попробуй дождаться Париситу и уходите вдвоем.

— Как скажешь, Конан. — Скрестив ноги, Нанайя уселась на верхнюю ступеньку.

Парисита и Конан вошли в комнату. Чтобы как-то приободрить девушку, киммериец легонько сжал ей запястье.

— Сейчас уходи: если еще задержишься, то могут почуять неладное. Постарайся вернуться сразу, как совсем стемнеет. Страже скажешь, что, мол, так велел магистр. Думаю, я пробуду здесь до возвращения этого парня — Тигра. А вот когда все созреет для побега, я наведаюсь к Вирате и поговорю с ним по душам. Да, тебя будут расспрашивать, так ты скажи им, что вино я пил, что ты меня обыскала, но никакого оружия не нашла.

— Слушаюсь, господин! Я вернусь, как стемнеет. — От возбуждения и страха голос девушки дрожал.

Парисита ушла. Конан взял кувшин с вином и смазал им губы, чтобы чувствовался характерный запах. Потом вылил остатки в угол за гобелен и, растянувшись на кушетке, притворился спящим.

Минуту спустя дверь снова приоткрылась и кто-то вошел. Конан не шелохнулся: судя по легкому шороху босых ног и аромату, это девушка, но, по некоторым признакам, не Парисита. Очевидно, полностью магистр не доверяет никому, и меньше всего — женщинам. Навряд ли она послана с целью убить его — вполне хватило бы подмешать в вино яду, — а потому будет лучше не рисковать и не пытаться заглянуть сквозь ресницы.

Частое, прерывистое дыхание выдавало ее страх. Ноздри девушки едва не касались губ киммерийца, пока она, склонившись над ним, старалась уловить в его размеренном дыхании запах подмешанного в вино зелья. Кончики нежных пальцев пробежали по его телу в поисках оружия. Затем, со вздохом облегчения девушка выскользнула из комнаты.

Воин тихонько рассмеялся. Пройдет еще немало часов, прежде чем настанет время действовать, а потому, пока есть такая возможность, стоит поспать. Теперь жизнь Конана, а также жизни двух девушек зависели от того, насколько удачно ему удастся нащупать способ, как улизнуть из города демонопоклонников. А между тем он спал крепко, без сновидений, точно возлежал на мягком ложе в доме лучшего друга.

5. МАСКА СОРВАНА

Чья-то рука чуть коснулась двери, и Конан уже на ногах — с ясными глазами, готовый в любую секунду дать отпор: в комнату с поклоном входил Хазан. Торжественным тоном стигиец объявил:

— О господин, Великий магистр сынов Джезма желает тебя видеть. Тигр вернулся.

Так, значит, этот Тигр вернулся раньше, чем его ждали. Следуя за стигийцем, Конан чувствовал, как растет напряжение в мускулах, как обостряется восприятие, быстрее бежит в жилах кровь.

Хазан прошел не в тронный зал — место первой встречи с магистром, а извилистым коридором вывел к двери в бронзовых пластинках, перед которой стоял гирканиец

с обнаженным мечом в руке. Страж открыл дверь, и Хазан, шагнув первым, жестом пригласил Конана войти. Едва киммериец переступил порог, как дверь захлопнулась.

Конан огляделся. Он находился в просторной комнате без окон, в которую выходило несколько дверей. Против него у дальней стены помещалась кушетка, на которой развалился магистр, — оба черных раба по бокам. Тут же, рядом, толпились не меньше дюжины вооруженных людей: зуагиры, гирканийцы, иранистанцы, шемиты, и, к своему большому удивлению, Конан увидел среди них и злодейского вида гиперборея — первого за все время, что он пробыл в Джанайдаре.

Чтобы оценить силы врага, варвару хватило мимолетного взгляда. И тут же его внимание приковал человек в центре комнаты. Тот стоял между ним и магистром, широко — на манер всадника — расставив ноги, ростом почти с Конана, хотя и не такой плотный. Широкие плечи, стальные мускулы и гибкое, как китовый ус, тело выдавало в нем сильного воина. Короткая черная борода не могла скрыть воинственно выпяченной нижней челюсти, а серые глаза под высокой меховой шапкой смотрели холодно и пронзительно. Облегающие штаны не скрывали мускулистых ног. Пальцы правой руки поглаживали усыпанный каменья эфес сабли, пальцы левой теребили жидкие усы.

Итак, игра окончена. Перед Конаном стоял Ольгерд Владислав, искатель приключений из Запорожья, который знал варвара слишком хорошо, чтобы в нем обмануться. И разумеется, он не забыл, как три года назад Конан вытеснил его в борьбе за лидерство в банде зуагиров, оставив на память об их споре сломанную руку.

— Наш гость желает присоединиться к нам, — нарушил молчание Вирата.

Человек по прозвищу Тигр усмехнулся:

— Лучше уж лечь в постель с леопардом, чем с этим. Я знаю Конана уже порядочно.. Он ужом проползет в твои ряды, настроит против тебя всех людей, а потом, когда меньше всего будешь этого ждать, всадит в спину нож.

Десятки обращенных на киммерийца глаз заполыхали жаждой смерти. Для воинов Тигра слово их начальника было решающим.

Конан расхохотался. Ну что ж, он сделал все возможное и дурачиться дальше не имеет смысла. Наконец-то он может сорвать с дикой души варвара ненавистную маску светского хлыща, чтобы без глупых сожалений с головой отдаться кровавым игрищам!

Магистр пожал плечами:

— Ты знаешь, Тигр, в подобных вещах я полностью полагаюсь на твое мнение. Поступай как знаешь, он безоружный.

При мысли о беспомощности своей жертвы лицо воинов исказил волчий оскал. В воздухе засверкала обнаженная сталь. Ольгерд жестоко усмехнулся.

— Мы придумаем тебе конец позабавней, — сказал он. — Интересно, будешь ли сохранять то же спокойствие, с каким развешивал на крестах людей в Хауране... Связать его!

Не прерывая речи, Ольгерд потянулся за саблей, но так медленно и неохотно, словно забыл, какую опасность таит в себе этот черноволосый варвар, какая дикая необузданная сила заключена в этих вздувшихся буграми мускулах.

Не успел Ольгерд вытащить клинок, как Конан, вдруг прыгнув вперед, нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Мощь огромного кулака могла бы сравниться разве что с мощью молота в руках кузнеца. Ольгерд рухнул на каменный пол, изо рта его хлынула кровь.

Конан схватился за эфес сабли, но над ним уже навис гиперборей с огромным ильбарским кинжалом. Он один разгадал под маской нарочитого спокойствия смертоносную ярость варвара, но все-таки не смог уберечь своего начальника. Однако он не дал Конану завладеть саблей: тот выпустил эфес и круто повернулся, чтобы встретить врага. Гиперборей ударил, но варвар успел перехватить в запястье руку, и острие клинка, подрагивая, остановилось в дюйме от его груди. Нечеловеческим усилием удерживая смерть левой рукой, Конан правой выхватил из-за пояса гиперборея кинжал и всадил тому по самую рукоятку меж ребер. Враг повалился с предсмертным хрипом, а Конан, вырвав из ослабевших пальцев страшный клинок, легко, как пантера, вскочил на ноги.

Все произошло с ошеломляющей быстротой — в мгновение ока. Прежде чем кто-либо очухался, Ольгерд уже лежал недвижим, а над ним хрипел гиперборей. Когда подоспели остальные, их встретил трехфутовый ильбарский клинок в руке искуснейшего воина хайборийских земель.

Внезапный выпад в развороте — и опередивший прочих зуагир с отчаянным воплем отступил назад; из рассеченной сонной артерии с хлеставшей кровью быстро уходила жизнь. Глухо застонал гирканиец, зажимая ладонями вспоротый живот. Стигиец, до которого дотянулся клинок, вдруг споткнулся, схватившись за кровавую культышку вместо правой руки: запястье с ятаганом упало ему под ноги.

Конан не отступил к стене, чтобы обезопасить тыл. Наоборот, бешено размахивая окровавленным кинжалом, он прыгнул прямо в гущу врагов. Киммериец очутился как бы в центре урагана: вокруг него, сверкая, взлетали и опускались сабли, из ран потоками струилась кровь, слышались хрип, проклятия и стоны, но каким-то чудом все удары врагов попадали мимо цели — варвар двигался так стремительно, так быстро менял стойки, что враги никак не могли за ним уследить. Их многочисленность только мешала делу: сбитые с толку его увертливостью, ошеломленные неожиданным нападением и кровавой резней, они лишь попусту размахивали оружием, зачастую раня и убивая друг друга.

В яростной схватке длинный ильбарский кинжал оказался несравненно удобнее ятаганов и сабель, и Конан успешно пользовался его преимуществами: ударами сверху разрубал черепа, отсекал конечности, с размаху вспарывал животы.

Это была работа мясника — тяжелая и кропотливая, но Конан не сделал ни одного лишнего движения. Он уверенно перемещался среди напряженных тел и стальных клинков, оставляя за собой кровавый след.

Схватка длилась не больше минуты. Наконец уцелевшие, устрашенные огромными потерями, отступили в замешательстве. Тогда, окинув быстрым взглядом комнату, Конан нашел магистра, по-прежнему лежавшего на кушетке между бесстрастными кушитами. Но едва мускулы

ног напряглись для прыжка, как громкий шум заставил Конана оглянуться.

В дверях, выходящих в коридор, появились стражники гирканийцы с тяжелыми луками, и люди в комнате, не мешкая, подались по сторонам. На раздумье — секунда, пока руки воинов с напряженными, узловатыми мышцами вкладывают стрелы и, прицеливаясь, натягивают тетивы луков. Главное — просчитать, успеет ли он убить магистра, прежде чем убьют его самого. Нет, ничего не выйдет: еще в прыжке его тело пронзят с полдюжины стрел, пущенных из тугих луков гирканийских кочевников. Они поражают и за пятьсот шагов и легко пробьют его кольчугу. Да от одних ударов стрел его тело, не долетев до цели, рухнет на пол.

И вот в тот миг, когда начальник лучников открыл рот, чтобы крикнуть «Бей!», Конан плашмя бросился на пол. Стрелки спустили тетивы. С тонким свистом, сталкиваясь на лету, с полдюжины стрел пролетели в нескольких дюймах над его головой.

Пока лучники доставали из колчанов новые стрелы, киммериец, не выпуская кинжала, с такой силой оттолкнулся кулаками от пола, что тело его подбросило в воздух. Миг — и он снова на ногах. Но прежде чем гирканцы вновь изготовились к стрельбе, Конан был уже среди них. Звериным натиском и неустанной работой клинка он проложил тропу из окровавленных, корчащихся тел. Разметав какой-то сброд за дверью, Конан помчался по коридору. Он несся, наугад захлопывая за собой двери комнат, в слабый надежде сбить погоню со следа, а суматоха во дворце все набирала силу. Вот Конан свернул в узкий ход и вдруг очутился в тупике с зарешеченным окном.

Из ниши с дротиком в руке выскочил горец-химелиец. Конан обрушился на него подобно горному обвалу. Устрашенный видом невесть откуда взявшегося перепачканного кровью чужака, химелиец дико закричал и вслепую ткнул своим оружием, промахнулся, потянул было на себя, но еще раз ударить не успел: варвар, потеряв разум от обилия крови, яростно взмахнул кинжалом. Брызнула алая струя, и голова горца, соскочив с плеч, глухо брякнула о камень.

Конан метнулся к окну. Размахнувшись, он ударил тяжелой рукоятью по прутьям — бесполезно! Тогда, вцепившись в решетку обеими руками, он уперся подошвами в стены по обе стороны окна и что было сил потянул решетку на себя. Мышцы вздулись, глаза залил пот, последний бешеный рывок — и решетка вместе с каменной крошкой вылетела из окна! Киммериец с трудом протиснулся в образовавшуюся брешь и оказался на балконе в ажурной оплетке из тонких медных прутьев. Внизу благоухал сад, а за его спиной слышался громовой топот ног по коридору. Рядом с ухом пропела стрела. Выставив перед собой руку с кинжалом, наклонив голову, Конан прыгнул вперед и, прорвавшись сквозь легкое ограждение, полетел боком вниз, однако приземлился на ноги мягко, по-кошачьи.

Сад был пуст, если не считать с полдюжины наложниц, которые, завидев варвара, с визгом разбежались в разные стороны. Не теряя времени, киммериец помчался к стене напротив, петляя меж деревьев, чтобы спастись от града стрел. Бросив взгляд через плечо, Конан увидел на балконе десяток разъяренных воинов с перекошенными злобой лицами. Резкий крик подсказал ему: впереди опасность!

По стене, размахивая саблей, бежал человек.

Этот парень — смуглый толстый вендиец — точно рассчитал место, к которому должен был выбежать варвар, но сам туда немного опоздал. Высотой стена была в рост человека, не больше. На бегу ухватившись за край, Конан оттолкнулся от земли и легко взлетел на гребень. Через секунду, увернувшись от удара сабли, он погрузил ужасный клинок в выпирающий живот вендийца.

Тот, заревев как бык, в последнем усилии обхватил своего убийцу и, не разжимая рук, стал заваливаться через парапет. Конан едва успел заметить уходящую вниз отвесную гладкую стену. Небольшой выступ задержал падение, но ненадолго — оба рухнули с высоты пятнадцати футов прямо на камни! Однако Конан изловчился и в падении поменялся с вендийцем местами, так что жирное тело смягчило удар. И все-таки киммерийца тряхнуло так, что душа едва не отлетела от тела.

6. ПРИЗРАК УЩЕЛИЙ

Конан, пошатываясь, поднялся на ноги. Руки его были пусты. Подняв голову, он увидел над краем парапета ряд голов в тюрбанах и шлемах. Но вот появились луки и стрелы.

Конан затравленно огляделся — укрыться негде. Вновь броситься плашмя? Нет, бесполезно: с высокой стены он послужит для лучников отличной мишенью.

Зазвенела спущенная тетива, и, ударившись о камень, стрела разлетелась в щепки. Конан кинулся на землю — за тело убитого вендийца. Просунув под него руку, он перевалил окровавленное, все еще теплое тело на себя. Едва он это сделал, как целый град стрел обрушился на труп. Конан почувствовал себя точно под наковальней, по которой вдруг дружно замолотила компания кузнецов. К счастью, этот вендиец оказался настолько толстым, что все острия застревали в мертвой плоти, не причиняя вреда варвару.

— Кром! — выругался Конан — стрела задела ему икру.

Наконец джезмиты убедились, что только разукрашивают труп перьями, и дробный стук прекратился. Конан нащупал пухлые волосатые запястья. Затем, повернувшись на бок, вскочил и забросил мертвеца себе за спину. Руки варвара задрожали от напряжения — вендиец весил не меньше самого Конана.

Прикрываясь трупом как щитом, Конан стал удаляться от стены. Увидев, что жертва ускользает от мести, джезмиты разом завопили и послали вдогонку целую тучу стрел, но те также не достигли цели.

Еще несколько шагов — и киммериец укрылся за торчащим каменным зубом. Конан сбросил мертвеца, — грудь и лицо трупа украшали не меньше дюжины стрел.

— Будь у меня лук, я бы научил этих псов койчему, — процедил варвар сквозь зубы, выглядывая из-за камня.

Над стеной повсюду торчали головы, но луки бездействовали. Среди тюрбанов и шлемов Конан узнал высокую меховую шапку Ольгерда Владислава. Ольгерд закричал со стены:

— Ты думаешь — удрал? Давай беги! Ты еще пожалеешь, что не остался в Джанайдаре в компании моих головорезов! Прощай, покойничек!

Ольгерд отрывисто кивнул, и его люди вместе со своим начальником скрылись с глаз. Конан остался один, не считая трупа у его ног.

Нахмурившись, варвар неторопливо огляделся: помнится, южный край плато, у города, обрывался во множество узких расселин, и, похоже, он находится как раз в этой впадине. Прямое, шириной в десять шагов ущелье походило на огромную ножевую рану. Оно выходило из лабиринта и другим концом упиралось в отвесную гладкую скалу, служившую основанием для дворца и дворцового сада. Высотой футов в двадцать, скала в этом месте была слишком гладкой для творения природы.

Боковые стены здесь также были отвесными и носили следы инструментов. В тупике на высоте пятнадцати футов их опоясывал железный карниз, утыканный короткими, остриями вниз, лезвиями. Карниз выручил Конана, задержав падение, но любой, кто захотел бы выбраться из ущелья, напоролся бы на эти стальные жала. Ложе ущелья представляло собой пологий склон, так что за пределами железного пояса стены высились уже на двадцать и более футов. Это была западня: частью — творение природы, частью — созданная руками человека.

Конан посмотрел вдоль ущелья. На другом конце оно расширялось, разделяясь на расселины поуже с монолитными каменными грядами вместо стен; а над всем этим темнели очертания огромной горы. Ход в лабиринт был свободен, но вряд ли преследователи, обезопасив себя в одном конце ущелья, оставили лазейку в другом.

Однако в любом случае он не намерен сидеть сложа руки, покорно ожидая уготованной участи. Они, как видно, решили, что с ним уже все кончено, но разве не было других, кто думал точно так же, — и где они сейчас?

Конан вытащил из тела вендийца ильбарский кинжал, вытер с лезвия кровь и зашагал вниз по ущелью.

Через сотни ярдов он достиг места, куда выходили узкие расселины, выбрал первую попавшуюся — и сразу потерялся в кошмарной путанице лабиринта. Ходы беспорядочно петляли среди дикого нагромождения камня. Почти все они, то сливаясь, то вновь разделяясь, протянулись с севера на юг, и каждый заканчивался тупиком; а если, пытаясь выбраться, Конан перелезал через стену, то попадал точно в такой же ход. Раз, спускаясь с гряды, Конан вдруг услышал, как под его пяткой что-то сухо треснуло. Поглядев под ноги, он увидел высохший человеческий скелет. Раздробленный на куски череп лежал неподалеку. С этой минуты страшные останки стали попадаться все чаще. И у каждого скелета — сломанные, неестественно вывернутые кости, расчлененные позвоночники, расколотые черепа. Было ясно одно: силы природы здесь ни при чем.

Настороже, ощупывая взглядом каждый выступ, каждую затененную нишу, Конан медленно продолжал путь. В одном месте он почувствовал слабый запах гниющих отбросов и вскоре наткнулся на раскиданные по земле дынные корки и плоды папайи. Его ноги почти все время ступали по камню, и вдруг он вышел на следы! Почти занесенные песком, они, однако, читались довольно отчетливо. Их не могла оставить лапа леопарда, медведя или тигра, что было бы вполне естественно в горах с такими условиями. Нет, больше всего они походили на отпечатки босой, неправильной формы человеческой ступни!

Через некоторое время Конан вышел к полого выступающей скале, к которой пристали клочья жестких пепельных волос, будто о камень кто-то недавно терся спиной или брюхом. Вместе с запахом гнили воздух здесь был насыщен отвратительной, резкой вонью, особенно нестерпимой в неглубоких пещерах, где этот зверь, человек или демон, похоже, проводил ночи.

Отчаявшись отыскать выход из каменной западни, Конан решил подняться на изъеденную непогодой гряду, которая снизу казалась несколько выше других.

С ее острого гребня киммериец внимательно оглядел местность. Повсюду — на востоке, юге и на западе — взгляд натыкался на преграды. Крутые скалы и гряды,

шпили и пики окружали лабиринт неприступной стеной. И лишь с севера это кольцо было разорвано ущельем, протянувшимся от дворцового сада.

Природа загадочного явления прояснилась. Как видно, давным-давно часть плато между горой и местом, где сейчас стоял город, просела, в результате чего образовалась огромная в виде чаши впадина. С течением времени под воздействием солнца, воды и ветра ровная поверхность впадины разрушилась, и образовался этот чудовищный каменный хаос.

Итак, по ущельям бродить бесполезно. Сейчас главное — добраться до края лабиринта, чтобы отыскать в изломанной стене какую-нибудь скалу, источенную непогодой, по которой можно было бы подняться, или же щель у основания, в которую должна вытекать дождевая влага. Кажется, одна из расселин, ведущих на юг, длиннее прочих и как будто не такая извилистая. Быть может, по ней он скорее попадет к подножию горы, нависшей над впадиной? И вовсе ни к чему ломиться напрямик и карабкаться с гряды на гряду, рискуя пораниться об острые выступы. Будет гораздо легче и быстрее сначала вернуться к развилке у скалы с железным козырьком, а потом уже узкими расселинами выйти к цели.

Быстро спустившись, Конан зашагал обратно. Солнце клонилось к закату, когда он вышел к большому ущелью. Определив нужный ему ход, он направился к устью, на ходу оглянулся, чтобы взглянуть напоследок на труп у дальней скалы... и застыл пораженный.

Тело вендийца исчезло, хотя его сабля по-прежнему лежала у подножия стены. Рядом валялись несколько стрел — похоже, они выпали из трупа, когда того волокли по камням. Внимание варвара привлекло слабое мерцание футов за пять от него. Приблизившись, Конан обнаружил, что оно исходит от пары серебряных монет, валявшихся в пыли.

Конан подобрал монеты и какое-то время в задумчивости их разглядывал. Затем, прищурившись, тщательно обшарил взглядом каждый излом, каждый закоулок вокруг. Проще всего было бы предположить, что тело унесли сами джезмиты, каким-то образом проникшие

в ущелье. Но в этом случае они наверняка подобрали бы неповрежденные стрелы, не говоря уже о деньгах.

Но если это не джезмиты, то кто? Опять же эти изломанные скелеты и раздробленные черепа... Помнится, Парисита говорила что-то о двери в преисподнюю или о чем-то в этом роде... Да, дело ясное: здесь, в лабиринте, обитает неведомая, враждебная человеку сила. Кром всемогущий! А что, если та причудливо изукрашенная дверь в темнице выходит не куда-нибудь, а в это самое ущелье?!

Осмотрев дюйм за дюймом гладкую стену, Конан обнаружил то, то искал: узкие трещинки, незаметные для случайного взгляда, выдавали знакомые очертания. Замаскированная под скалу со стороны ущелья дверь была пригнана почти идеально. Мускулы варвара напряглись — и все силы его тела ушли в мощный удар!.. Дверь даже не шелохнулась. Конан вспомнил о тяжелых засовах и стальных полосах. Пожалуй, такую дверь разобьет только таран. Неприступная дверь, лезвия железного карниза, гладкие стены — они сделали все возможное, чтобы таинственный обитатель каменных джунглей не смог попасть в город. Но, с другой стороны, вряд ли пики и двери способны остановить демона, а значит, тварь, против которой приняты все эти меры, должна быть создана из плоти и крови. Это несколько успокаивало.

Конан посмотрел вниз — туда, где в большое ущелье выходили десятки узких расселин. Интересно, какое чудовище скрывает в себе лабиринт? Солнце еще не село, не успело скрыться за краем стены, и его лучи не достигали дна. По-прежнему было светло, но уже отовсюду наползали тени.

Вдруг до ушей варвара донесся шум: приглушенные удары — тум-тум-тум, — как будто два барабана отбивали ритм марширующим воинам. И вместе с тем в этих звуках было что-то необычное. Конану был знаком сухой треск деревянных колод — барабанов Куша, гром медных литавр гирканцев, рассыпчатая дробь походных барабанов гипербореев, но эти удары отличались ото всех. Конан оглянулся на Джанайдар, но шум доносился не со стороны

города. Казалось, он исходит сразу отовсюду: из воздуха, от стен вокруг, из-под земли.

Затем наступила тишина.

Когда Конан снова вступил в лабиринт, впадина уже погрузилась в голубоватый сумрак. С полчаса он пробирался извилистыми ходами, пока наконец не очутился в широком месте, откуда, как он заметил с гребня гряды, можно было почти напрямую добраться до южной стены впадины. Но не прошел Конан и пятидесяти ярдов, как расселина разделилась под острым углом на два хода. С гряды он развилку не заметил и сейчас, озадаченный, медлил, не зная, какой следует выбрать путь.

Конан пристально вглядывался в оба хода и вдруг замер. В правой расселине ярдов за сорок от развилки виднелся сгусток фиолетовой тени — ниша в скале. И в этом сгустке что-то шевелилось! Внезапно мускулы под кожей вздулись буграми, стальными струнами зазвенели нервы: перед человеком в неверном лунном свете стояло огромное волосатое существо!

Чудовищная обезьяна на кривых, узловатых ногах, ростом не ниже гориллы, высилась в полумраке подобно наводящему ужас призраку из древней легенды, облаченному в живую плоть и кровь. Существо чем-то напоминало человекообразных обезьян — Конан прежде встречал таких в горах по берегам моря Вилайет, — но эта была значительно крупнее, а спутанные клочья пепельно-серой, едва не белой шерсти — густой, как у животных Севера, — свисали почти до земли.

Судя по отпечаткам ступней и расположению больших пальцев, по своему развитию тварь стояла ближе к человеку, чем к животным. Она не лазила по деревьям — местами ее обитания были скорее горные отроги и степи. В целом с чертами обезьяны, лицо, однако, имело и отличия: более выраженная переносица и не такая массивная нижняя челюсть. Но отдаленное сходство с человеком только усиливало отвращение при виде твари, а огоньки в маленьких красных глазках мерцали лютой злобой и жестокостью.

И тут Конан вспомнил: перед ним чудовище, о котором упоминалось в мифах и легендах Севера, — снежная обезьяна из жутких пустынь Патении. О существовании зверя ходили самые невероятные слухи, и все они зарождались на унылых плато бесплодной земли Лоулана. Жители горных племен клялись всеми богами, что все рассказанное ими — чистая правда, что в их стране и вправду обитает человекоподобный зверь, который пришел к ним еще в незапамятные времена и сумел приспособиться к скудной пище и суровым морозам северных гор.

Все это пронеслось в мозгу варвара, точно вспышка молнии, пока оба — человек и зверь, — не двигаясь, с напряженным вниманием оглядывали друг друга. Но вот обезьяна оскалила желтые клыки, с ее зубов сорвались клочья пены, и, раскрыв пасть, зверь издал высокий, леденящий душу крик, многократно отраженный от стен ущелья.

Конан ждал: ноги словно вросли в камень, острие клинка направлено в мощную грудь обезьяны.

До этого дня чудовищу попадались или мертвецы, или измученные пыткой узники. Его разум, отличавшийся от разума зверя лишь крохотной живой искоркой, находил жестокое удовольствие в предсмертных страданиях своих жертв. А этот двуногий перед ним — такое же слабое создание; и пусть у него в руке что-то блестит, зверь, как и с теми, сначала натешится его муками, а потом разорвет на части и размозжит голову, чтобы добраться до лакомства — нежного, жирного мозга.

Размахивая длинными руками, обезьяна шагнула вперед. Конан понял, что он уцелеет только в одном случае: если сумеет избежать смертельных объятий этих огромных рук.

Чудовище оказалось проворнее, чем можно было ожидать. Между противниками оставалось еще несколько футов, когда чудовище вдруг оторвалось от земли в мощном прыжке. Но еще не накрыла варвара уродливая тень, еще не сомкнулись страшные руки, как Конан сделал легкое движение; и будь на его месте леопард, тот был бы посрамлен изяществом, с каким человек уклонился от удара.

Толстые черные ногти лишь зацепили рваную тунику. Тут же блеснул клинок — и сдавленный вопль прокатился по лабиринту: правое запястье обезьяны было разрублено до половины! Плотный волосатый покров не позволил клинку довершить дело. Из раны хлынула кровь. Два-три мгновения — и зверь вновь бросился вперед, на этот раз с такой яростью, что человек не успел отскочить в сторону.

Конан успел лишь увернуться от узловатых пальцев, едва не вспоровших живот острыми ногтями, но литое, точно каменная глыба, плечо ударило его в грудь, и, путаясь ногами, киммериец отлетел к стене. Зверь медленно приблизился. Волосатая рука схватила варвара и потащила по камням. Полуживой, едва не ослепший от пыли, пота и крови, варвар в последнем отчаянном усилии всадил кинжал по самую рукоятку в огромное брюхо зверя.

В следующий миг оба со страшной силой ударились о каменную гряду. Уродливая рука обхватила торс человека. Визг животного оглушил его, страшные зубы, роняя клочья пены, искали его плоть. Но вот челюсти клацнули в последний раз, обезьяна запрокинула голову, и по всему телу твари пробежала предсмертная судорога.

Конан высвободился из мощных объятий и, с трудом встав на ноги, протер глаза: его враг в агонии бил ногами. С ужасной обезьяной было покончено. Клинок киммерийца, пройдя сквозь мускулы и внутренности, вонзился прямо в свирепое сердце антропоида!

От долгого напряжения мускулы Конана дрожали. Его тело — крепкое, как железо, — сумело выдержать яростный натиск чудовища, которое порвало бы на куски любого, будь тот хоть на ничтожную малость слабее варвара. Но в эту схватку Конан вложил всего себя до самой последней клеточки. Одежда едва держалась на плечах, несколько звеньев кольчуги были разорваны. Пальцы с острыми ногтями оставили на спине кровавые борозды. Человек стоял, тяжело дыша, как после долгого бега, с головы до ног перепачканный кровью — своей и животного.

Шло время. Показалось красное солнце, перечерченное надвое дальним каменным пиком. Конан усиленно

размышлял над происшедшим, и постепенно неясная прежде картина обретала четкость. Наверняка измученных пыткой узников вышвыривают обезьяне через дверь в скале. Подобно тварям, обитавшим у моря Вилайет, она питалась и растительной, и животной пищей. Но только узники навряд ли могут насытить такого огромного и подвижного зверя. Значит, джезмиты должны постоянно его подкармливать — отсюда и объедки дыни, папайи и других плодов.

Конан сглотнул и почувствовал жажду. Он избавил расселины от их жуткого обитателя, но неизбежно погибнет от голода и жажды, если не найдет способа, как выбраться из провала. В этой каменной пустыне где-то должен быть ключ и должна быть лужа с дождевой водой, откуда пила обезьяна, но на их поиски мог уйти целый месяц.

Лабиринт быстро заполняли сумерки, когда Конан, постояв у развилки, направился в правую расселину. Шагов через тридцать обе расселины встретились, и дальше ход был просторнее. С каждым шагом гряды по сторонам становились круче и выше, а в стенах все чаще встречались пещерки и ниши с тошнотворным запахом обезьяны. Конану вдруг пришло в голову, что тварь, возможно, не одна, что могут быть и другие, но он тут же отбросил эту мысль: будь это так, на крик одного зверя немедленно явились бы сородичи.

Наконец над головой нависла громада черной горы. Каменное ложе изгибалось вверх все круче, и вскоре Конан уже карабкался по склону — все выше и выше, пока не очутился на узком козырьке. Перед ним по ту сторону провала лежал город джезмитов Джанайдар. Отдыхая, киммериец прислонился спиной к гладкой отвесной скале — ни единой трещинки, муха и та не зацепится!

— Кром и Митра! — негромко выругался он.

Вверх пути не было. Конан начал пробираться вправо по склону, пока не достиг края плато. Здесь стены круто обрывались вниз.

Сгустившиеся сумерки мешали определить глубину. Конан прикинул: пожалуй, его бечевы не хватит и до половины. Тем не менее он размотал с талии веревку и

опустил ее на всю длину. Крюк повис, свободно покачиваясь в воздухе.

Тогда Конан возвратился на козырек и стал пробираться по другую сторону, не теряя надежды так или иначе нащупать спуск с горы. Здесь склон был не такой крутой. Он снова размотал веревку и повторил опыт — на этот раз удачно. Где-то на глубине тридцати футов находился выступ. Конан наклонился над пропастью — выступ едва заметной тропинкой вел дальше по склону и терялся среди нагромождения скал. Чтобы спуститься с плато этим путем, пришлось бы пробираться по каменным торосам, десятки раз рискуя сломать себе шею. Малейшая оплошность — и вниз, с высоты сотен футов прямо на торчащие клыки скал! Путь не из легких, однако Нанайя сильная девушка, и она его одолеет!

Но главное сейчас — как-то попасть в Джанайдар. Там, на потайной лестнице во дворце Вираты, его дожидается Нанайя... если, конечно, ее до сих пор не обнаружили. И самый верный способ — это подождать, пока не придет джезмит с кормом для обезьяны и не откроет эту дверь в преисподнюю. К тому же, судя по времени, Тубал вместе с воинами из Кушафа должен быть уже на пути к Джанайдару.

В любом случае у него есть чем заняться в этом городе. И, слегка пожав плечами, киммериец повернул обратно.

7. СМЕРТЬ В ДВОРЦОВЫХ ПОКОЯХ

С трудом отыскивая путь в наступившей темноте, Конан пробирался расселинами лабиринта. Наконец он вышел в широкое ущелье, на другом его конце высилась отвесная стена с поясом из стальных лезвий. Огни Джанайдара отбрасывали в небо слабый свет, увенчивая скалу призрачным, мертвенным ореолом; в воздухе слышались тягучие, заунывные звуки ситара. Высокий женский голос вторил им жалобной песней. Стоя посреди разбросанных скелетов, Конан мрачно усмехнулся в темноту.

Еды перед дверью не было — ни плодов, ни трупов. Оставалось лишь гадать, как часто кормили этого зверя и будут ли вообще его кормить этой ночью.

Делать нечего — ему не привыкать ставить на кон свою шкуру. Киммериец стоял, вжавшись в скалу сбоку от двери, неподвижный как статуя, а между тем мысль о Нанайе, о том, где она сейчас, что с ней, буквально сводила его с ума.

Так минул час. Конан готов был потерять последнее терпение, как вдруг послышался лязг засовов, и дверь чуть приоткрылась.

Кто-то смотрел в узенькую щелку, желая, как видно, удостовериться, что ужасного стража лабиринта нет поблизости. Секунды тянулись мучительно медленно. Вновь заскрипели шарниры, дверь открылась, и из нее появился человек; в руке он держал большую медную чашу с овощами и фруктами. Джезмит наклонился, чтобы поставить чашу, и, вдруг заметив тень у стены, удивленно вскрикнул. Но поздно: варвар взмахнул кинжалом, и человек повалился на камни — вниз по ущелью катилась голова.

Заглянув в открытую дверь, Конан увидел пустой коридор и пустые камеры-клетки. Тогда он подхватил обезглавленное тело под мышки и, оттащив от стены, спрятал среди обломков скал.

Затем он вернулся, вошел в коридор и, закрыв за собой дверь, аккуратно наложил засовы. С кинжалом в руке, весь настороже, Конан пошел к потайной двери, ведущей в туннель и дальше — к лестнице. Там он укроется. Правда, его с Нанайей могут обнаружить, но в таком случае они забаррикадируются в коридоре с камерами и до подхода друзей будут держать оборону здесь... если, конечно, друзья вообще когда-нибудь подойдут.

Но не успел киммериец приблизиться к потайной двери, как услышал у себя за спиной скрип шарниров. Конан круто развернулся — дверь на другом конце коридора медленно приоткрывалась. Варвар стремительно бросился к проему, в котором уже показался стражник.

Как и убитый, этот был гирканийцем. При виде мчащегося на него варвара из груди воина вырвался сдавленный крик, его рука метнулась к ятагану.

Последний мощный прыжок — и острие ильбарского кинжала уперлось в грудь стражника. Тот в страхе отшатнулся к закрывшейся двери.

— Тихо! — прошипел Конан.

Гирканиец застыл, его желтоватое лицо стало белее снега, мускулы подрагивали. Он осторожно выпустил рукоятку ятагана и протянул к варвару руки, моля о пощаде.

— Ты один? — Глаза Конана сверкнули.

— Один, клянусь Таримом! Больше никого!

— Где иранистанская девушка — Нанайя? — В душе Конан надеялся, что знает это, но, с другой стороны... вдруг бегство обнаружили и ее вновь схватили?

— То ведомо одним богам! — ответил гирканец. — Мы с отрядом стражи привели в темницу собак зуагиров и тут, в камере, нашли своего товарища с полуотрубленной головой, а девчонки там не было. От всего этого во дворце такой переполох поднялся, такая беготня — куда там! Но мне приказали увести зуагиров, так что больше я ничего не знаю.

— Каких зуагиров? — *удивился Конан.*

— Да тех ротозеев, что не заметили тебя на Лестнице. За свою оплошность они должны завтра утром умереть.

— Где они?

— В других камерах, за этой дверью. Я только что вышел от них.

— Тогда живо — поворачивайся и шагай обратно. И без фокусов у меня!

Гирканиец открыл дверь и шагнул за порог, но с такой опаской, будто ступал по обнаженным лезвиям. Оба вошли в новый коридор с таким же рядом камер. При появлении Конана по камерам прокатился изумленный шепот. Бородатые лица сгрудились у решеток, жилистые руки обхватили железные прутья. Семеро заключенных молча, не отрываясь, смотрели на киммерийца, в их глазах пылала ненависть. Конан легонько подтолкнул стражника в спину, и тот встал перед камерой с зуагирами.

— Вы с таким рвением служили своему господину, — с усмешкой сказал варвар, — за что же он вас запер?

Антар, сын Ади, в ярости плюнул под ноги киммерийца.

— Все из-за тебя, пришлый пес! Ты сумел взобраться по Лестнице, за это магистр и приговорил нас всех к смерти еще до того, как тебя раскусили. Он сказал: или мы продались, или нас облапошили, но в любом случае мы нарушили долг, а потому утром нас, как баранов, прирежут потрошители Захака, покарай Хануман вас обоих!

— По крайней мере, вы угодите в царствие небесное! — насмешливо напомнил им Конан. — Так что ваша преданность магистру сынов Джезма будет вознаграждена.

— Да чтоб собаки сгрызли этого магистра! — воскликнул с горечью один, а другой добавил:

— Чтоб вас с магистром в преисподней сковали одной цепью! Плевать мне на их рай! Все брехня! Опоят зельем, шлюх напустят, а ты верь!

Конан отметил про себя, что, пожалуй, Вирата напрасно приписывал своим людям беззаветную преданность своей особе: судя по всему, времена предков магистра, когда по воле господина люди с готовностью шли на смерть, безвозвратно ушли в прошлое.

Конан снял с пояса стража связку ключей и как бы в раздумье покачал ею. Зуагиры уставились на связку глазами людей, привязанных к столбам для сожжения и вдруг увидевших близкую грозу.

— Антар, сын Ади, — заговорил варвар, обращаясь к начальнику зуагиров. — Твои руки обагрены кровью многих, но, насколько я помню, ты никогда не нарушал данной клятвы. Магистр приговорил тебя к смерти и, значит, сам отказался от твоих услуг. Зуагиры, вы ему больше не нужны. И вы ничем ему не обязаны.

Глаза Антара загорелись волчьим огнем:

— Если бы я смог отправить его в царство Тьмы, то с легким сердцем сошел бы следом.

Воины застыли в напряженном ожидании.

— Клянетесь ли вы честью своего народа, что будете следовать за мной и служить мне до тех пор, пока не свершится месть или смерть не освободит вас от этой клятвы? — Конан отвел руку с ключами за спину, чтобы не смущать их видом отчаявшихся людей. — Вирата не даст вам ничего, кроме собачьей смерти. Я

предлагаю мщение или, по меньшей мере, достойную смерть.

Глаза Антара сверкнули, его мускулистые руки, сжимавшие прутья решетки, задрожали от нетерпения.

— Верь нам! — выдохнул он.

— Клянемся! Клянемся! — зашумели зуагиры за его спиной. — Клянемся честью нашего народа!

Еще не стихли слова клятвы, а Конан уже поворачивал в замке ключ. Дикие, двуличные, жестокие — так отозвался бы о них какой-нибудь вельможа, но Конан знал этих пустынников: у них были свои понятия о чести, во многом схожие с теми, что были приняты в далекой Киммерии.

Они гурьбой вывалились из камеры и тут же вцепились в гирканийца, вопя:

— Убить его! Он пес Захака!

Но Конан вырвал стражника из их лап, а самому упрямому добавил кулаком, отчего тот растянулся на полу, что, впрочем, не вызвало особого недовольства.

— А ну, тихо! — прикрикнул он. — Этот человек — мой, и я сам решу, как мне с ним поступить.

Подталкивая перед собой перепуганного стражника, Конан вернулся в темницу, в которой прежде была Нанайя. Поклявшись в верности, зуагиры слепо, ни о чем не спрашивая, шли за новым вожаком. Там варвар приказал гирканийцу раздеться. Дрожа от страха перед пыткой, тот поспешно исполнил приказ.

— Поменяйся с ним одеждой! — отрывисто бросил он Антару. Повторять не пришлось, и Конан обратился к другому: — Ты выйдешь через черную дверь и...

— Но там свирепая обезьяна! — в ужасе воскликнул тот. — Она разорвет меня на куски!

— Обезьяна мертва. Я угостил ее вот этим. — Конан коснулся ильбарского кинжала. — Так вот. По ту сторону двери за ближней скалой ты найдешь труп. Возьми кинжал и подбери меч — он где-то там, неподалеку.

Пустынник бросил на Конана благоговейный взгляд и молча удалился. Свой кинжал киммериец отдал другому зуагиру, а кинжалом гирканийца — с волнистым лезвием — вооружил еще одного. Тем временем остальные связали стражника, заткнули ему кляпом рот и

втолкнули в открытый варваром потайной туннель. Антар уже стоял в остроконечном шлеме, куртке и шелковых штанах стражника. Его скуластое лицо обмануло бы любого, не подозревавшего о подмене. Сам Конан, чтобы скрыть лицо, надел на голову убор Антара из белой ткани.

— И все-таки двое безоружны, — вполголоса сказал он, окинув зуагиров задумчивым взглядом. — Ну да ладно, за мной!

Переступив через связанного стражника, он зашагал по коридору в темноту, мимо глазков, просверленных в боковых стенах. У нижней ступеньки варвар остановился.

— Нанайя! — тихо позвал он. Ответа не было.

Нахмурившись, Конан начал ощупью подниматься по лестнице. Вот и последняя ступенька — девушки нет. Однако два меча, спрятанные наверху, оказались на месте. Итак, теперь каждый из семи зуагиров худобедно, но вооружен.

Киммериец заглянул сквозь маленькое отверстие в двери: комната, в которой он спал, была пуста. Чуть сдвинув плиту, он осмотрел помещение через узкую щель, затем полностью открыл дверь.

— Похоже, ее все-таки нашли, — прошептал он Антару. — Куда еще, кроме подземелья, они могли ее спрятать?

— Магистр обычно наказывает провинившихся девушек в тронном зале, где принимал тебя утром.

— Тогда вперед!.. Эй, что это?

Конан насторожился: в воздухе вновь слышались те низкие удары барабана, которые озадачили его в ущелье. Как и в тот раз, звуки точно шли из-под земли. Зуагиры в страхе переглядывались, их смуглые лица покрыла смертельная бледность. Антар зябко поежился.

— Не знаю, — сказал он. — Никто не знает. Это началось несколько месяцев назад, и с тех пор удары раздаются все чаще и все сильнее. В первый раз магистр перевернул город вверх дном — хотел докопаться, откуда идет этот бой. Так ничего и не обнаружив, он бросил поиски и приказал, чтобы никто даже и думать не смел об этих барабанах, не то что упоминать о них. Ходят

слухи, что с того дня он едва ли не все ночи напролет пропадает в своей молельне, читая заклинания и дымя благовониями, — хочет дознаться у всякой нечисти, кто не дает ему покоя, — да только все впустую.

Пока Антар говорил, таинственные звуки смолкли.

— Ладно, — сказал Конан. — Отведите меня к этой комнате для порки. Остальным сомкнуть ряды и идти как ни в чем не бывало, но без лишнего шума. Может быть, так нам удастся одурачить дворцовых псов.

— Лучше пройти Райским садом, — посоветовал Антар. — На ночь перед входом в тронный зал ставят усиленную стражу из стигийцев.

Конан кивнул.

Коридор за дверью оказался пуст. Зуагиры зашагали впереди. С наступлением ночи от тишины и загадочности событий воздух во дворце Великого магистра словно сгустился. Огни потускнели, тени выросли, тяжелые, мерцающие золотыми узорами гобелены висели, не шелохнувшись.

Зуагиры хорошо знали дорогу. Потерявшие прежний лоск, с горящими глазами, крадучись, они шайкой полуночных воров неслышно скользили по темным, богато украшенным переходам. Держась подальше от оживленных мест, они выбирали коридоры, где по ночам никто не бывал. Маленький отряд так никого и не встретил, пока совершенно неожиданно дорогу им не преградила дверь, укрепленная позолоченными железными полосами, которую охраняли два огромного роста черных кушита с обнаженными саблями в руках.

При виде подозрительных вооруженных людей оба молча подняли сабли. Ослепленные жаждой мести, зуагиры всем скопом бросились на чернокожих, и пока двое с мечами нападали в открытую, остальные, пробравшись понизу, вцепились им в ноги, повалили на пол и принялись остервенело добивать. В клубке напряженных, потных тел слышался только предсмертный хрип да блестели кинжали. Бойня была ужасна, но неизбежна.

— Останешься здесь на часах, — приказал Конан одному из зуагиров. Он распахнул дверь и ступил в сад: пустой, под звездным небом, тот сумрачно светился приглушенными красками цветов, густая зелень покрывала

дорожки. Зуагиры, воодушевленные победой, энергично шагали следом.

Конан направился прямо к скрытому ветвями деревьев балкону, выходившему в сад. Трое воинов нагнулись, подставляя спины. Через секунду Конан нашел окно, через которое они с Виратой смотрели в сад. Еще миг — и варвар бесшумно, как кошка, проскользнул между тонких прутьев решетки во дворец.

Из-за гардин, прикрывавших нишу с балконом, доносились два голоса: Вираты и женские всхлипывания.

Слегка отогнув занавеску, киммериец заглянул в зал и первым делом увидел магистра, развалившегося на троне под расшитым жемчугом балдахином. Стражники уже не стояли рядом эбеновыми истуканами. Вместо этого они сидели на корточках перед возвышением и точили длинные, узкие кинжалы; чуть в стороне, в полыхающей жаровне, наливались белым железные шипы и клещи. Нанайя — обнаженная, распятая на полу между неграми — глазами, полными слез, следила за страшными приготовлениями. Ее запястья и лодыжки были туго привязаны к колышкам, вбитым в отверстия в полу. Больше в зале никого не было, на парадных бронзовых дверях — засов.

— Скажи, кто помог тебе бежать из камеры? — послышался тягучий голос Вираты.

— Нет! Никогда! — Пытаясь овладеть собой, девушка до крови закусила губу.

— Конан, не правда ли? — Глаза магистра сверкнули.

— Ты звал меня? — Варвар шагнул из ниши — на его мрачном, с давним шрамом лице играла недобрая улыбка.

Изумленно вскрикнув, Вирата вскочил с трона. Кушиты с рычанием потянулись за оружием.

Конан прыгнул вперед и не успел стражник вытащить меч, как упал с рассеченным горлом. Другой с поднятым ятаганом метнулся к распростертому телу девушки, чтобы раньше собственной смерти успеть зарезать жертву. Но ильбарский клинок вовремя отразил удар, и в молниеносном выпаде Конан по рукоятку вонзил клинок в грудь кушита. Тот всей своей тушей повалился на киммерийца, но варвар пригнулся и, упершись свободной рукой в живот

чернокожего, напрягая силы, поднял хрипящее тело над головой. Враг застонал и слабо шевельнулся, но Конан с размаху швырнул кшита на пол. С глухим стуком тот рухнул на каменные плиты и испустил дух.

Конан вновь повернулся к магистру, который, вместо того чтобы, воспользовавшись случаем, бежать, наоборот — подходил все ближе, не сводя с варвара темных, широко раскрытых глаз. Зрачки магистра излучали сумрачный свет, они, словно магнитом, притягивали к себе взгляд варвара.

Конан рванулся вперед, еще миг — и его меч вопьется в тело колдуна! Но вдруг Конана точно опутали цепями, движения давались с неимоверным трудом — казалось, он пробирается по вязкой трясине стигийских болот, поросших черными лотосами. Мышцы вздулись железными буграми. От страшного напряжения на коже выступили капли пота.

Вирата медленно приближался — руки вытянуты вперед скрюченные пальцы еле заметно дрожат, зловещий взгляд устремлен прямо в глаза киммерийца. Вот пальцы чуть распрямились, нацелились на горло. Мозг обожгла мысль: прибегнув к колдовству, этот внешне тщедушный человечек сломает жилистую бычью шею воина, как тростинку!

Все ближе, ближе крючковатые пальцы. Напряжение в мускулах достигло предела, но с каждым шагом магистра чары словно усиливались.

И вдруг отчаянно закричала Нанайя — протяжный, на высшей ноте вопль женщины, с которой живьем сдирают кожу, ворвался в тронный зал.

Вирата обернулся и на какой-то миг отвел глаза. Будто каменная глыба упала с плеч Конана, и когда магистр снова впился в него взглядом, варвар был готов к отпору. Глядя на грудь Вираты сквозь прищуренные веки, он резко взмахнул кинжалом. Клинок со свистом рассек воздух — с непостижимым проворством козаланец отпрянул прочь и, повернувшись, побежал к парадному входу, крича во все горло:

— На помощь! Стража! Ко мне!

Снаружи послышались вопли, и дверь заходила от мощных ударов. Конан выжидал. Вот пальцы магистра

вцепились в засов, но в этот миг Конан, размахнувшись, метнул клинок, и тот, пронзив спину Вираты между лопаток, пригвоздил, как насекомое, Великого магистра к двери!

8. ВОЛЧЬЯ ТРАВЯ

Неторопливо подойдя к двери, Конан выдернул кинжал, и труп магистра соскользнул на пол. В коридоре нарастал шум, а из сада слышались крики зуагиров, которым не терпелось поскорее присоединиться к Конану и узнать, как обстоят дела. Киммериец крикнул, чтобы они обождали. Потом, торопливо освободив девушку, оторвал от дивана полосу шелковой обивки и обернул вокруг ее бедер и талии. И только сейчас, когда опасность миновала, Нанайя дала наконец волю чувствам. Крепко обхватив шею Конана руками, прильнув к нему всем телом, она, захлебываясь в плаче, без конца повторяла одно и то же:

— О Конан, Конан! Я знала, верила, что ты придешь! Они сказали, что ты мертв, но ведь тебя убить нельзя! О Конан!.. — И опять.

— Прибереги-ка свои нежности на потом, — грубовато оборвал он девушку, легонько похлопав ее чуть пониже спины.

Прихватив оружие кушитов, Конан прошел к балкону и передал Нанайю в руки поджидавших внизу зуагиров. Затем спрыгнул сам.

— Куда теперь, господин? — Воинов охватило нетерпение, они так и рвались в бой.

— Тем же путем, что пришли, — через потайной ход обратно в подземелье и в лабиринт.

Быстрым шагом они направились через сад. Конан держал Нанайю за руку. Не успели они сделать и дюжины шагов, как впереди раздался звон мечей, и тут же — грохот во дворце у них за спиной. Послышалась крепкая брань, скрип петель, и вдруг будто ударил гром — дворцовая дверь в сад захлопнулась! На дорожке, ковыляя, показался зуагир, оставленный на страже. Страшно ругаясь, он на ходу пытался остановить кровь, сочащуюся из раны в предплечье.

— У двери псы-гирканийцы! — издали крикнул он. — Кто-то видел нашу схватку с кушитами и доложил Захаку. Одного я пырнул в живот, дверь захлопнул, но долго она не выдержит!

Конан повернулся к Антару:

— Можно выйти из сада, минуя дворец?

— Сюда! — Зуагир побежал к северной стене, скрытой за густой зеленью. Даже на другом конце сада было слышно, как под бешеным натиском степных кочевников разлетается в щепки дверь, ведущая из дворца в сад. Антар рубил по сплетенью ветвей и веток до тех пор, пока взору не предстала маленькая, искусно спрятанная в стене дверца. Конан вставил рукоять кинжала в дужку старинного замка и, осторожно взявшись за клинок, начал медленно поворачивать массивное оружие. Зуагиры наблюдали, затаив дыхание, а грохот и треск со стороны дворца — все громче, все ужаснее! Но вот наконец последний рывок — и дужка разорвана!

Нагибаясь, они друг за другом проскользнули в дверцу и очутились в другом саду, поменьше, залитом светом от висячих фонарей. Едва они успели перевести дыхание, как дворцовая дверь рухнула и поток вооруженных людей хлынул в Райский сад. В центре садика, в который попали беглецы, высилась стройная башня, привлекшая внимание Конана, когда его привели на дворцовый двор. На уровне второго этажа на несколько футов от стены выдавался балкон в узорной деревянной решетке. Над балконом квадратная башня уходила в небо на высоту свыше ста ярдов, у вершины она расширялась и заканчивалась крытой смотровой площадкой.

— Есть отсюда другой выход? — крикнул Конан.

Антар указал рукой:

— Та дверь ведет во дворец к лестнице в темницу!

— Туда, живо! — Захлопнув дверцу в садик, Конан мощным ударом всадил в косяк кинжал. — Надеюсь, выдержит хоть полминуты.

Они помчались к указанной двери, но та оказалась запертой изнутри. Конан ударил плечом — дверь дрогнула, но выдержала удар.

Яростные вопли за их спинами слились в дикий рев, когда одна из досок разлетелась в щепки и в проеме

показались искаженные злобой лица. Замелькали мечи и кинжалы, каждый норовил протиснуться вперед.

— В башню! — отрывисто бросил Конан. — Если туда попадем...

— Магистр занимался в ней колдовством! — выпалил зуагир, бегущий за варваром. — Кроме Тигра, верхнюю комнату никто не видел. По слухам, в башне оружие. И стража внизу...

— Ходу! — рявкнул Конан, мчась впереди; Нанайя едва успевала отрывать ноги от земли — казалось, девушка парит в воздухе вслед за киммерийцем.

Наконец дверца не выдержала, и плотный клубок воинов-гирканцев ввалился в сад. Судя по крикам за другими стенами, окружавшими сад с башней, подкрепление должно было подоспеть с минуты на минуту.

Конан был почти у башни, как вдруг дверь в ее основании открылась и, привлеченные шумом, из нее выбежали пятеро обескураженных стражников. При виде несущихся прямо на них людей — глаза горят, зубы оскалены — они разом завопили и схватились за оружие. Но поздно! Конан был уже рядом. Двое пали от его клинка, на остальных налетели зуагиры — кололи, резали и рвали, пока три тела в блестящих латах не рухнули, истекая кровью, на землю.

Но гирканцы из Райского сада, гремя доспехами, уже бежали к башне. Зуагиры ураганом влетели в нижнее помещение. Конан захлопнул бронзовую дверь и наложил засов — такой тяжелый, что с легкостью устоял бы под натиском слона. Воины Захака, сгрудившись снаружи, в бессилии изливали потоки брани.

Конан впереди, зуагиры — следом ринулись вверх по лестнице. На половине лестницы один из них, споткнувшись, упал — он потерял много крови. Киммериец подхватил его и остаток пролета нес на себе. Наверху, опустив на пол, приказал Нанайе перевязать ужасную рану, оставленную мечом стражника, а после сидеть в комнате и не высовываться. Затем огляделся. Они находились в комнате второго этажа с маленькими окошками и дверью, ведущей на балкон. Отблески света от фонарей внизу падали в окна, поигрывая на стеллажах с оружием: шлемы, кирасы, щиты, копья, мечи, топоры,

булавы, луки и колчаны, полные стрел, бесстрастно ожидали своих хозяев. Оружия было столько, что хватило бы для большого отряда, и, несомненно, в верхних комнатах его тоже было немало. Вирата превратил башню в свой арсенал, а заодно использовал для занятий магией.

Зуагиры радостно загудели и схватились за луки с колчанами. Все, включая легкораненых, высыпали на балкон и, устроившись за решеткой ограды, принялись пускать стрелы в скопление воинов у подножия башни.

В ответ на балкон обрушился настоящий ливень стрел: часть впивалась в деревянную решетку, и лишь немногие пролетали сквозь узкие отверстия. Враги стреляли наугад, не видя зуагиров, укрытых густой тенью. К башне со всех сторон бежали вооруженные люди. Самого Захака не было видно, зато можно было различить не меньше сотни его гирканцев и множество воинов еще десятка рас. Они плотно набились в сад и вопили не хуже демонов.

Тонкие деревца трещали под напором тел, фонари на ветках бешено раскачивались, и прыгающий огонь освещал толпу с задранными вверх лицами, отмеченными одной печатью — печатью ненависти. Повсюду, точно молнии, вспыхивала сталь. Беспрерывно пели тетивы луков. Цветы, кусты, дорожки — все было разорвано в клочья яростным вихрем сотен ног. Вдруг раздалось глухое «тумп!» — воины притащили откуда-то деревянный брус и, пользуясь им как тараном, пытались взломать дверь.

— Цельтесь в людей у тарана! — рявкнул Конан, натягивая лук — самый тугой, какой сумел отыскать.

Сильно выступая вперед, балкон мешал осажденным целиться в тех, кто держал брус впереди, зато они легко перебили другую половину воинов, вынудив оставшихся бросить тяжелый таран. Случайно оглянувшись, Конан с удивлением увидел Нанайю в юбке из полосы шелка. Она азартно пускала стрелы вместе со всеми.

— Я, кажется, сказал тебе... — начал он, но девушка нетерпеливо махнула рукой:

— Брось! У тебя нет какой-нибудь рукавицы? Я себе все пальцы о тетиву изрезала.

В ответ Конан озадаченно хмыкнул и снова взялся за лук. Но лишь когда над шумом схватки взметнулся резкий голос Ольгерда Владислава, киммериец понял, что надежды почти не осталось. Как видно, тот уже через считанные минуты знал о смерти магистра и немедленно принял командование на себя.

— Лестницы! — вдруг воскликнул Антар.

Конан прищуренным взглядом впился в полумрак. В свете качающихся фонарей он увидел три лестницы — каждую несли на плечах по несколько человек. Варвар метнулся в комнату и через секунду вернулся с копьем в руке.

Два воина установили в упоре лестницы, еще двое, вцепившись в боковые брусья, прошли мимо них — к башне. С глухим стуком верхние концы брусьев легли на ограждение.

— Толкай вбок! Спихивай! — закричали зуагиры, а один просунул меч в отверстие решетки.

— Назад! — рявкнул Конан. — Я сам!

Он подождал, пока на лестнице не окажется несколько воинов. Первым карабкался плотный иранистанец, вооруженный топором. Вот он отвел руку за спину, готовясь ударить по деревянной решетке, но в этот миг Конан, просунув в отверстие копье, уперся в перекладину и что было сил нажал. Лестница нехотя отошла от балкона, качнулась назад. С воплями выпустив оружие, враги вцепились в перекладины. Но еще немного — и лестница вместе с людьми рухнула вниз, прямо на головы осаждающих!

— Эй, здесь еще одна! — крикнул зуагир на другом конце балкона, и Конан поспешил на зов. Последнюю не успели поднять и до половины, а стрелы уже сразили обоих воинов у брусьев, и она упала вслед за прочими.

— Стреляйте! — прорычал Конан, кидая копье и поднимая свой огромный лук.

Смертоносный дождь стрел, на который невозможно было толком ответить, поостудил тыл нападавших. Людская масса внизу дрогнула, разбилась на отдельные группы, и скоро каждый думал только о своем спасении. При виде разбегавшихся врагов зуагиры неистово заво-

пили от радости, не забывая, однако, посылать им вдогонку стрелы.

Через минуту сад опустел, лишь повсюду на земле валялись трупы и умирающие. Но вдоль садовых стен и на крышах ближних домов наблюдалась усиленная возня.

Конан решил подняться выше. Он миновал еще несколько комнат, также до отказа набитых оружием, и наконец очутился в лаборатории магистра. Одним взглядом киммериец окинул запыленные свитки рукописей, непонятного назначения инструменты, чертежи и, не задерживаясь, одолел последний пролет и вылез на смотровую площадку.

Отсюда Конан мог спокойно оценить обстановку. Зелень окружала дворец со всех сторон, кроме фасада — там расположился обширный двор. Сады и двор окружала высокая наружная стена. Внутренние стены, пониже, подобно спицам в колесе, разделяли зелень на секторы.

Сад с башней, куда их загнали, находился к северо-западу от дворца. К нему примыкал двор, отделенный от сада стеной. За другой стеной, на западе, зеленел такой же сад а к юго-востоку, особнячком, раскинулся великолепный Райский сад, примыкавший к дворцовой стене.

За наружной стеной, замыкавшей дворцовую территорию, Конан разглядел крыши городских домов. Ближайший отстоял от стены не более чем на тридцать шагов. И повсюду — во дворце, в садах, в домах — мелькали огни.

Постепенно крики, проклятия, стоны и бряцанье оружия стихли до неясного шума. И тогда со стороны двора из-за стены донесся мощный голос Ольгерда Владислава:

— Сдавайся, Конан! У тебя нет выбора!

В ответ киммериец издевательски расхохотался:

— Приди и возьми!

— Я возьму! — пообещал козак. — На рассвете. Считай, что ты уже труп!

— Примерно то же ты говорил, загнав меня в лабиринт, но, как видишь, я жив, а обезьяна мертва. — Конан

говорил на гирканийском языке. От его слов по рядам воинов прокатился ропот недоверия и гнева. А варвар между тем продолжал: — Ольгерд, ты объявил джезмитам, что их магистр мертв?

— Они прекрасно знают, что истинным властителем Джанайдара всегда был Ольгерд Владислав! Не знаю, как ты разделался с обезьяной, как вытащил из тюрьмы зуагирских псов, но не пройдет и часа, как твоя кожа будет сушиться на стене башни!

Откуда-то из глубины дворцового двора беспрерывно доносился стук молотков, визг пил, отрывистые выкрики команд.

— Ты слышишь, киммерийская свинья? — крикнул Ольгерд. — Мои люди строят осадную машину на колесах; в ней укроются пятьдесят воинов, и ты уже не достанешь их своими стрелами. К рассвету она будет стоять рядом с башней, и тогда тебе придет конец, грязный пес!

— Спускай своих собак. В укрытии, снаружи — я все равно их прикончу!

В ответ раздался демонический хохот, и на этом переговоры закончились. Конан обдумал возможность внезапного прорыва, но отказался от этой затеи: повсюду за стенами толпились воины, и подобная попытка означала бы верную смерть. Их крепость превратилась в тюрьму.

Итак, вся надежда на Тубала: если тот вместе с кушафи не подоспеет вовремя, то, несмотря на всю ярость, силу и искусство киммерийца, долго им не продержаться.

Стук молотков между тем не стихал ни на минуту. Даже если Тубал придет к восходу солнца, и тогда может быть слишком поздно. Правда, чтобы втащить машину в сад, джезмитам придется сначала разрушить стену, но это не займет много времени. Поэтому, когда Конан спустился к товарищам, лицо его омрачала тревога.

Зуагиры не разделяли настроения своего предводителя. Они только что одержали блестящую победу, у них была сильная позиция, начальник, которого они боготворили, и неисчерпаемый запас стрел. Чего же еще желать воину?

Тяжелораненый скончался, когда предрассветные сумерки притушили фонари в саду. Конан внимательно оглядел свое потрепанное воинство. Зуагиры, согнувшись, перебегали по балкону, поминутно заглядывая в отверстия решетки. Нанайя, завернувшись в обрывок шелка, как убитая спала на полу.

Вдруг постукивание прекратилось. И в наступившей тишине раздался скрип огромных колес. Молох войны, сотворенный джезмитами, оставался по-прежнему невидим, но острым зрением варвар разглядел темные фигуры, толпившиеся на крышах домов за наружной стеной. Оторвав взгляд от крыш и крон деревьев, он некоторое время с тайной надеждой всматривался в северный край плато. Никакого движения: в свете пробуждающегося дня оборонительные сооружения по краю плато производили впечатление вымерших. Быть может, часовые, на которых не подействовала печальная участь отряда Антара, при первых звуках схватки сорвались с мест и покинули пост? Но проблеск надежды тут же угас — по дороге к Лестнице пылил отряд в дюжину стражников. Все верно: Ольгерд — опытный воин и никогда не оставил бы такой важный пост без прикрытия.

Конан повернулся к оставшимся шести зуагирам — бородатые, с налитыми кровью глазами, они молча смотрели на него.

— Кушафи не пришли, — глухо сказал он. — Очень скоро Ольгерд нашлет на нас своих головорезов. Они укроются в осадной машине, и там их не достать. Под ее защитой они взберутся по лестницам и ворвутся в башню. Скольких-то мы убьем, остальные убьют нас.

— На все воля Хануман! — ответили воины. — Джезмиты надолго запомнят этот день! — В утреннем свете лица зуагиров оскалились, точно морды голодных волков, руки крепче сжали оружие.

Голоса во дворе усилились. Заглянув в окно, Конан увидел осадную машину: с ужасным скрежетом и скрипом она медленно приближалась к стене. Это было тяжелое, неуклюжее сооружение из деревянных брусьев, бронзы и железа, установленное на тележку с несколькими парами

колес высотой в рост человека, снятых с колесниц. За таким щитом могли бы укрыться от стрел не меньше полусотни человек. Машина приблизилась к стене и там остановилась. Забили кувалды.

Шум разбудил Нанайю. Она села, протирая глаза, и вдруг с воплем кинулась к Конану.

— Да уймись ты! — резко одернул ее варвар. — Выкарабкаемся как-нибудь! — Однако в душе он вовсе не был в том уверен. Для девушки киммериец мог сделать очень немного: быть рядом, чтобы во время штурма последним ударом меча избавить ее от пыток, наверняка уготованных всем пленным.

— Пошла трещинами. Похоже, скоро рухнет, — пристально глядя на стену, сказал самый остроглазый из зуагиров. — Ишь, как напылили кувалдами. Сейчас сами покажутся.

Из стены начали вываливаться камни, потом вдруг рухнул целый кусок. В брешь высыпали люди — схватив обломки, они потащили их в стороны. Конан согнул тугой гирканийский лук и пустил стрелу. В проломе дико закричал человек — стрела пронзила его грудь. Двое оттащили раненого, остальные продолжали расчищать площадку. Поодаль темнела осадная башня; спрятавшиеся в ней воины нетерпеливыми криками погоняли тех, кто расчищал дорогу. Конан пускал стрелу за стрелой. Некоторые отскакивали от камней, но большинство впивались в человеческие тела. Была минута, когда джезмиты дрогнули и подались за стену, но тут же над их головами хлыстом взвился голос Ольгерда, и все немедленно вернулись к работе.

И когда первые лучи солнца проложили по земле длинные тени, все препятствия на пути осадной машины были убраны. С ужасным треском башня двинулась вперед. Зуагиры пускали стрелы, но те застревали в дубленой коже, натянутой меж брусьев. Конан прикинул: в высоту башня доходила до второго этажа, лестницы в таких сооружениях приколачивают изнутри к стенам; выходит, как только эта махина окажется у балкона, джезмиты вылезут на верхнюю площадку, в щепки разнесут ажурную решетку и, всей массой ринувшись на балкон, сметут и его и горстку зуагиров!

Киммериец повернулся к своим воинам.

— Вы храбро сражались, — сказал он. — Давайте же умрем достойно и постараемся захватить с собой в царство Теней побольше псов-джезмитов. Не будем ждать, пока они навалятся на нас, — их слишком много. Сами разрубим решетку и, когда они полезут по лестницам, встретим их на верхней площадке. Пусть попробуют выбраться!

— Их лучники изрешетят нас из кустов, — возразил Антар.

Конан пожал плечами, его губы скривились в горестной усмешке;

— Пусть так. А мы тем временем славно позабавимся. Скажи своим, чтоб принесли из оружейной копья, — в такого рода схватке лучше фаланги ничего не придумаешь. Я еще видел там большие щиты — поставим несколько по краям, чтоб прикрывали от стрел.

Секундами позже варвар уже стоял впереди линии затаивших дыхание с копьями наперевес зуагиров; сам он держал тяжелый боевой топор, готовый в нужную минуту напрочь снести деревянную решетку и увлечь за собой товарищей.

Все ближе, ближе башня, и все громче победный рев джезмитов!

Внезапно, на длину копья от балкона, машина замерла. Раздалось призывное пение труб, поднялся шум, переполох, и воины, выскочив из башни, помчались обратно к пролому. Минута — и сад опустел.

9. ЗЛОЙ РОК ДЖАНАЙДАРА

— Кром, Митра и Асура — в кучу! — прорычал варвар, бросив топор. — Псы удирают, а я их и не приласкал!

Он бегал по балкону, пытаясь разглядеть причину неожиданного бегства, однако громоздкая осадная машина загораживала собой весь обзор. Тогда киммериец метнулся в оружейную и помчался вверх по лестнице на смотровую площадку.

И первый взгляд поверх крыш Джанайдара — туда, на север, где вилась лента дороги, ведущей из города. По

ней что было сил бежали с полдюжины воинов. А дальше, издали похожие на муравьев, через оборонительные сооружения по краю плато лезли и лезли какие-то люди. Мощный вопль ярости долетел до внезапно притихшего Джанайдара. И в наступившей затем тишине Конан отчетливо услышал тот загадочный барабанный бой, который и прежде не давал ему покоя. Но сейчас ему было все равно — пусть хоть все демоны преисподней разом забарабанят под проклятым городом.

— Балаш! — загремел его голос.

Вот уже во второй раз его выручила беспечность стражей Лестницы. Горцы дождались минуты, когда сменялся караул, и, взобравшись незамеченными, в молниеносной схватке перерезали вновь прибывших. Воинов, хлынувших на плато из-за бруствера, было больше, чем набралось бы мужчин в Кушафе, и, несмотря на расстояние, Конан сразу узнал красные шелковые шаровары своих козаков.

В Джанайдаре минута оцепенения сменилась лихорадочной суетой. По улицам забегали рабы и воины, на крышах вопили женщины. От дома к дому подобно шквалу пронеслась весть о неожиданном вторжении. Но вот над общей сумятицей, словно удар бича — жгучий, но отрезвляющий, — раздался голос Ольгерда.

Из садов, дворцового двора, ближних домов на площадь стал стекаться народ. В дальнем конце улицы, в окружении гирканийцев в сверкающих доспехах, Конан разглядел самого Ольгерда, там же блестел шлем Захака с роскошным плюмажем. За их спинами, в боевом порядке племен, развернулось несколько сот воинов-джезмитов. Как видно, Ольгерд успел обучить их некоторым приемам ведения боя.

Организованным строем они прошли десятка два шагов, словно намереваясь выйти из города и встретить варваров в открытом поле, но у кромки города вдруг рассеялись, скрывшись в домах и садах по обеим сторонам улицы.

Варвары находились слишком далеко и не могли видеть маневра. Когда они подошли к Джанайдару, город казался вымершим.

Но из своего орлиного гнезда Конан прекрасно видел и сады, кишащие воинами, и крыши, где за балюстрадой

притаились лучники. Друзья шли прямо в западню, а он не может их предупредить! Из груди варвара вырвалось сдавленное рычание.

На площадку, тяжело дыша, вылез один из зуагиров. Он как раз кончил заматывать раненое запястье. Затягивая зубами узел, воин невнятно произнес:

— Твои друзья? Эти простачки бегут прямо в пасть смерти.

— Вижу! — прорычал Конан.

— Догадываешься, что сейчас будет? — продолжал зуагир. — Еще в бытность дворцовым стражником я раз слышал, как Тигр объяснял командирам отрядов свой план на случай внезапного вторжения. Видишь в конце улицы на восточной окраине фруктовые деревья? Там сейчас спрятаны пятьдесят тяжелых пехотинцев. По другую сторону дороги раскинулся густой сад — мы называем его садом Стигийцев. Там в засаде не меньше полусотни. Одинокий дом неподалеку битком набит воинами, те, что по другую сторону улицы, — тоже.

— Зачем ты мне все это говоришь? Я сам вижу затаившихся псов — и в саду, и на крышах.

— Ага. Те, что в саду, не шелохнутся, пока варвары не пройдут по дороге мимо и не окажутся между домами. Тут же лучники выпустят по ним тучи стрел, а тяжелые воины, как две стены, перекроют улицу. Ни один не уйдет.

— Если бы можно было их предостеречь!.. — пробормотал Конан. — За мной — вниз!

Он скатился по лестнице в оружейную. Крикнув Антара и зуагиров, киммериец отрывисто бросил им:

— Мы выступаем!

— Семеро против семисот?! — Антар разинул рот. — Я не трус, ко...

В нескольких словах Конан передал все, что видел со смотровой площадки.

— Как только Ольгерд захлопнет свою мышеловку, атакуем джезмитов с тыла, и, может быть, нам улыбнется удача. Терять все равно нечего: если Ольгерд разделается с моими друзьями, он вернется к башне, и тогда нам конец.

— Но как нас отличат от Ольгердовых псов? — все еще сомневался зуагир. — Твои дикари сначала разрубят

нас вместе с джезмитами на куски, а уж потом будут разбираться, что к чему.

— Смотрите! — Конан указал на посеребренные кольчуги и бронзовые шлемы древней работы — их заостренные макушки украшали хвосты из конского волоса. — Одевайте! Таких доспехов здесь ни у кого нет! Главное — держаться рядом. Вместо боевого клича кричите: «Конан!» И, будем надеяться, все обойдется. — И с этими словами он натянул себе на голову шлем.

Непривычные к тяжелому вооружению, зуагиры недовольно заворчали: мало им этого железа, так тут еще эти нащечные пластинки так ограничивают видимость, что впору тыкаться, точно слепые щенки.

— Одевайте, живо! — загремел по комнате голос Конана. — Это вам не пустыня — подкрался шакалом, убил, ограбил и удрал; это открытый бой! Приготовьтесь и ждите меня. Я скоро.

Он снова поднялся наверх. Вольные Братья и горцы сомкнутым строем, бок о бок быстро шли по дороге. Ярдов за двести от окраины они остановились. Наученный жизнью, Балаш был опытным вожаком и не решался вслепую бросить свою стаю на совершенно незнакомый город. От общей массы отделились несколько человек и побежали к окраине — разведчики. Вот они скрылись за домами, но скоро появились вновь и очертя голову помчались к своим. Следом за ними, забыв про порядок, неслись не меньше сотни джанайдарцев.

Мгновение — и варвары стояли боевым строем. Пространство, разделявшее врагов, прочертили стрелы, и несколько джезмитов упали. Но остальные, благополучно добежав, врубились в строй козаков и кушафи. С минуту все скрывало облако пыли, сквозь которую пробивался лишь блеск мечей и ятаганов, игравших на солнце. Но вот джезмиты дрогнули и обратились в бегство. А дальше случилось то, чего так опасался Конан: забыв об осторожности, вопя, словно выводок кровожадных демонов, варвары устремились в погоню.

Киммериец знал, что эта сотня — не более чем приманка, чтобы с ее помощью заманить в ловушку основные силы. Ольгерд никогда не послал бы на серьезное дело столь малочисленный отряд.

Преследуя отступавшего врага, варвары подтянули фланги к дороге. Хотя Балаш так и не смог пресечь их неудержимый порыв, ему удалось — где проклятиями, где тычками — сбить воинов в довольно плотную стаю! И вовремя! Наступая на пятки джезмитам, первая волна уже докатилась до окраины.

Их не накрыла еще тень деревьев, а Конан уже мчался вниз по лестнице.

— Вперед! — крикнул он. — Нанайя, остаешься здесь! Запри за нами дверь!

Лавиной по ступеням — вниз на первый этаж, наружу, мимо брошенной осадной башни, дальше — сквозь брешь в стене!

Никто не преградил им путь, — похоже, Ольгерд собрал вокруг себя всех, способных носить оружие.

Антар провел их во дворец, по лабиринту коридоров, комнат — к парадному входу. И только они выбежали из полумрака покоев, как их едва не оглушил рев дюжины длинных труб в руках гирканцев Ольгерда — сигнал к атаке! В тот миг, когда отряд выскочил на улицу, мышеловка захлопнулась! В дальнем конце улицы — глухая стена из бронированных спин, десятки лучников на крышах, пускающих тучи стрел, проклятья, вопли, стоны варваров!

Стремительным шагом, без единого звука вел Конан свой отряд в тыл джезмитам. Последние оставались в полном неведении до тех пор, пока копья зуагиров не начали вонзаться им промеж лопаток. Жертвы не успевали падать, а зуагиры, освободив оружие, поражали новых и новых врагов. Тем временем в центре Конан орудовал страшным боевым топором: стальное лезвие раскалывало черепа, от тел отлетали обрубленные по плечо руки, гнулась броня. По мере того как копья ломались или застревали в телах, зуагиры брались за мечи.

Натиск оказался столь мощным, столь стремительным, что, прежде чем джезмиты поняли, что атакованы с тыла, горстка смельчаков успела перебить две дюжины врагов. Но наконец те догадались оглянуться и при виде результатов бойни, учиненной какими-то людьми в странных доспехах, с криками отчаяния подались в

стороны. В их воображении семерка атакующих с мечами, копьями и топором мгновенно превратилась в целую армию.

— Конан! Конан! — дико завопили зуагиры.

От этого крика зажатые в западне воспряли духом. Между ними и их начальником оставалось всего двое. Одного проткнул мечом козак, другому киммериец обрушил на голову топор. Удар был настолько силен, что острие не только разрубило шлем и голову, но треснуло само топорище.

В минуту замешательства, когда зуагиры с Конаном и варвары вдруг очутились лицом к лицу, с недоверием глядя друг на друга, Конан сбил на затылок шлем и козаки увидели знакомое лицо.

— Ко мне! — прокатился над шумом битвы его мощный голос. — Режь глотки, братья-волки!

— С нами Конан! — радостно завопили ближние соратники, их клич тут же был подхвачен остальными.

— Десять тысяч золотых за голову киммерийца! — раздался резкий голос Ольгерда Владислава.

Схватка возобновилась с удвоенной яростью. Вновь зазвучал жуткий хор битвы: хрипы, проклятия, вопли, угрозы и стоны. Постепенно поле боя раскололось на сотни поединков между парами воинов и небольшими отрядами. Топча раненых и мертвых, варвары вихрем мчались по улицам, врывались в дома, крушили дорогую мебель, громыхали по ступеням лестниц и, добравшись до крыш, в короткой кровавой сече резали лучников.

Никто и не помышлял сохранить в этой свалке хотя бы видимость порядка или строя — не было ни времени отдавать команды, ни охотников их исполнять. Все предались работе мясников: как обезумевшие, тяжело дыша, в поту, люди кололи, резали, душили, скользя босыми ногами в лужах еще теплой крови. Словно огромная живая волна, масса сражающихся то прокатывалась по главной улице Джанайдара, то отступала, то, перехлестывая через стены, разливалась по аллеям и садам. Силы были примерно равными, и исход битвы могла определить любая случайность. Никто не знал, как идет сражение, все только убивали или старались

избежать смерти, и это занятие поглощало воинов без остатка.

Конан не рвал голосовых связок попусту — ослепленная жаждой крови, толпа не признавала авторитетов. Время стратегии, искусства боя кончилось: сейчас все будут решать выносливость, владение мечом и ярость — простое ремесло убийц. Окруженному орущими, хрипящими людьми, ему не оставалось ничего иного, как только подчиниться общему безумию: разрубать головы, вспарывать животы, рассекать надвое тела, а в остальном довериться богам.

Но вот под порывами ветерка утренний туман стал понемногу рассеиваться, а вместе с ним начала ослабевать и битва: сплетенные клубки распались на отряды, отряды — на отдельных воинов. Все чаще мелькали спины; еще немного — и одна из сторон дрогнет...

Не выдержали джезмиты: отвага, вызванная принятым накануне зельем, стала улетучиваться из них вместе с наркотиком.

И вдруг Конан увидел Ольгерда Владислава. Шлем козака, кираса — все во вмятинах и брызгах крови, одежда изодрана в клочья, стальные мускулы, подчиняясь игре сабли, то опадали, то вздувались буграми. В серых глазах — холод, на губах застыла жестокая улыбка. Три трупа, три кушафи лежали у его ног, и еще четверо варваров тщетно пытались пробиться за черту, очерченную острием клинка. Справа и слева от него гирканцы в блестящих латах и узкоглазые кхитайцы в доспехах из дубленой кожи мечами и врукопашную сдерживали бешеный натиск варваров.

Конан увидел и Тубала — впервые с тех пор, как они расстались у Лестницы. Словно гигантский чернобородый буйвол, тот вспахивал борозду прямо по обломкам битвы, вкладывая в смертоносные удары всю свою мощь дикого зверя. На секунду взгляд киммерийца выхватил из толпы фигуру Балаша — окровавленный, пошатываясь, вождь кушафи пробирался к краю битвы. Кинжалом и мечом Конан начал прокладывать себе путь к Ольгерду.

Заметив приближающегося киммерийца, Ольгерд засмеялся, в его глазах вспыхнули огоньки безумия. По

кольчуге варвара сочилась кровь; сливаясь в ручейки, она стекала с мускулистых, загорелых ног. Кинжал был по рукоятку в крови.

— Смерть Конану! — зарычал Ольгерд.

Варвар напал, как нападают козаки, — в крутом развороте, описывая полукруг мечом. Ольгерд прыгнул навстречу — и оба сшиблись в смертельном бою, яростно кидаясь друг на друга, нанося удары так быстро, что глаз не поспевал за клинком противника.

Их окружили воины. Тяжело дыша, перепачканные кровью, люди на время оставили тяжелый труд убийц и жадно следили за поединком своих предводителей, в котором решалась судьба Джанайдара.

Ольгерд удачно увернулся — клинок Конана встретил пустоту, и киммериец едва удержался на ногах.

— Ай-и-и! — завопила сотня глоток.

Козак издал победный крик и замахнулся. Но прежде чем он опустил меч, прежде чем понял, как глупо он попался на уловку, длинный кинжал в железных руках Конана, пробив нагрудник, вонзился в его сердце. Ольгерд умер мгновенно. На землю рухнул труп, и клинок выскользнул из раны.

Выпрямившись киммериец обвел толпу помутненным взором. Победа!

И вдруг воздух разорвался кличем — не тем, который можно было бы ожидать от торжествующих, но уставших варваров, а более дружным и бодрым. Конан поднял голову и увидел новое соединение: вооруженные люди монолитной фалангой шли по улице, сокрушая и расшвыривая в стороны последние оказавшиеся у них на пути группы сражающихся.

Когда строй приблизился, Конан различил позолоченные кольчуги и качающиеся в такт шагу плюмажи на шлемах — гвардия Иранистана! Ее вел неудержимый Готарза; своим огромным ятаганом он рубил всех подряд — и варваров, и джезмитов.

В мгновение ока обстановка переменилась. Часть джезмитов позорно ретировалась, Конан крикнул: «Ко мне, козаки!» — и уже через минуту его окружали Вольные Братья, кушафи и даже остатки армии джезмитов. Последние, признав в киммерийце достойного

вожака, сплотились вокруг варвара, чтобы в одной спайке с недавними смертельными врагами противостоять невесть откуда взявшемуся неприятелю. Мечи с новой силой заиграли на солнце, и Смерть начала собирать новую жатву.

Неожиданно Конан очутился лицом к лицу с Готарзой — мощными ударами, под которыми легли бы и молодые дубки, тот, словно траву в поле, выкашивал врагов. Ильбарский, в зазубринах, клинок Конана пел и мелькал, едва видимый глазу, однако иранистанец не уступал ни в чем. Кровь из пореза на лбу заливала лицо Готарзы, кровь из рваной раны на плече окрасила кольчугу варвара алым, но клинки вращались и сшибались с не меньшей яростью, бессильные отыскать брешь в обороне противника.

Внезапно низкий шум битвы перерос в пронзительный вопль неподдельного ужаса. Сражение остановилось; забыв обо всем, люди со всех ног мчались к дороге, ведущей к подъему на плато. Поток бегущих прижал Готарзу и Конана друг к другу. Бросив оружие, схватившись так, что затрещали груди, они продолжали биться врукопашную. Конан открыл рот, желая выяснить, что случилось, но его тут же забили черные волосы из бороды Готарзы. Выплюнув их, киммериец прорычал:

— Ты, придворный шаркун! Что тут стряслось?!

— То возвращаются истинные хозяева Джанайдара! Полюбуйся, свинья!

Подозревая подвох, Конан все-таки оглянулся. Со всех сторон по земле стлались полчища серых теней. Взгляд выхватил безжизненные, немигающие глаза, оскал уродливых собачьих пастей, впивавшихся клыками и в живых, и в мертвых, в то время как когтистые, похожие на руки лапы рвали на части плоть. Объятые ужасом, воины рубили и кололи тварей, но пергаментная, трупного цвета кожа монстров была практически неуязвима. И там, где удавалось расчленить одну тварь, на ее место тут же появлялось трое новых. Воздух наполнился отчаянными криками, хрустом костей и отвратительным чавканьем.

— Проклятие Джанайдара — упыри! — Готарза задохнулся от ужаса. — Бежим! Дай слово, что, пока не

выпутаемся, ты не ударишь в спину, — тогда разожму руки. Продолжим после!

Плотная масса беглецов сбила их с ног. Варвара чуть не затоптали. В нечеловеческом усилии Конан приподнялся на колени, схватил свой кинжал, встал, выпрямился, побежал, вовсю орудуя кулаками и локтями, высвобождая в обезумевшей толпе вокруг себя чуток пространства — посвободнее вздохнуть.

Людской поток до краев затопил дорогу к Лестнице: джезмиты, козаки, иранистанские воины — все вместе, забыв о ненависти, напрягая силы, они спасались от не знающих жалости выходцев преисподней. По краям отступавшей толпы кишели зловещие тени. Словно гигантские серые вши, упыри в секунду накрывали с головой всякого, кто отстал или шагнул в сторону от общей массы. Конан протиснулся к краю и вдруг увидел Готарзу — тот едва держался на ногах, отбиваясь от четырех упырей. Свой меч он потерял, но, не растерявшись, будто клещами, сдавил пальцами шеи двум убийцам, пока третий повис у него на ногах, а четвертый кружил, стараясь дотянуться до горла.

Взмах ильбарского клинка — и тварь развалилась надвое, еще взмах — и от второй отлетела голова. Готарза сбросил с себя остальных, и те вместе с подоспевшими полезли на Конана, вонзая в его тело зубы, когти, разрывая плоть.

Казалось, еще миг — и киммериец рухнет! Дальше — все как в тумане: вот Готарза, отодрав упыря, швыряет его оземь и топчет ногами, слышится звук, будто трещит сухой валежник, — то хрустят ребра твари; вот сам Конан ломает кинжал о панцирь; вот пробивает череп упыря эфесом...

И снова сумасшедшее бегство от Смерти! Прорвавшись сквозь ворота в стене, люди лавиной стекали по Лестнице и, гонимые животным ужасом, мчались дальше по каньону. Выгрызая из толпы все новые жертвы, упыри гнали людей до самых ворот. Но как только последний из оставшихся в живых скатился по Лестнице, чудовища сразу повернули обратно в город — туда, где над сотнями человеческих трупов уже возились, дрались, клацали челюстями их мерзкие собратья.

А в каньоне люди, попадав с ног от усталости, лежали вповалку, не задаваясь вопросом, кто рядом с ними — свой или враг. Некоторые сидели, прислонившись спиной к большим валунам или скалам. Большинство воинов были ранены. На коже, обрывках одежды у всех — пятна крови, волосы всклокочены, доспехи разрублены или помяты, в глазах застыл ужас. Оружие многие потеряли. Из тех нескольких сотен воинов, что участвовали на рассвете в битве, уцелело не больше половины. Долгое время отовсюду слышалось лишь тяжелое дыхание, стоны раненых, треск разрываемой на лоскуты материи да изредка звяканье железа о камни, когда лежащий воин менял положение.

Несмотря на то что со вчерашнего дня он только и делал, что сражался, удирал и с быстротой молнии носился вверх-вниз, Конан пришел в себя одним из первых. Киммериец широко зевнул, потянулся и поморщился — раны напомнили о себе острой болью.

Затем, поднявшись, он начал разгуливать среди раскинувшихся тел, высматривая своих людей, поддерживая нуждающихся в помощи и собирая всех в плотную группу. Он набрел на зуагиров и из шести воинов увидел лишь троих, включая Антара. Нашел он и Тубала, однако Кодруса нигде не было.

У другой стены каньона Балаш тоже не терял времени даром: привалившись спиной к скале, с ногами, на которых от повязок не было живого места, он слабым голосом отдавал приказания своим кушафи.

Готарза также собирал свою гвардию. Джезмиты, которые понесли наиболее ощутимые потери, словно отбившиеся от стада овцы, потерянно бродили по каньону, со страхом отмечая признаки быстро набирающего силу противостояния.

— Я своими руками убил Захака, — сказал Антар Конану. — Теперь некому вести их в бой.

Киммериец не спеша подошел к Балашу:

— Ну как ты, старый волчище?

— Неплохо. Вот жаль, что сам бегать не могу. Выходит, древние легенды не солгали! Значит, и в самом деле упыри время от времени вылезают из своих подземных пещер, чтобы пожрать всякого, кто осмелится поселиться

в их городе. — Он содрогнулся. — Думаю, теперь не скоро отыщется охотник отстраивать город заново.

— Конан! — Голос Готарзы. — Нам надо закончить разговор.

— Не возражаю! — прорычал варвар, а на ухо Тубалу шепнул: — Построй людей в боевой порядок; тех, кто меньше изранен и лучше вооружен, поставь по флангам. — Затем прошел среди нагромождения камня и остановился на сравнительно ровной площадке как раз посередине между варварами и гвардейцами Готарзы.

Тот также вышел вперед, говоря:

— Я все же обязан выполнить приказ: доставить тебя и Балаша в Аншан, живых или мертвых.

— Валяй! — бросил на это Конан.

Балаш тоже счел нужным подать голос:

— Я ранен, но, если возмешь меня силой, мои воины будут преследовать вас в горах, пока не перебьют всех до последнего.

— Храбрая речь, но еще одна битва — и у тебя не останется воинов, — ответил горцу Готарза. — Ты не хуже меня знаешь, что соседние племена не упустят случая воспользоваться твоей слабостью: они немедленно нападут на деревни и уведут ваших женщин. Наш царь владеет горами Ильбарс только потому, что у горцев никогда не хватало ума объединиться и выступить против него сообща. Так было и так будет!

Балаш помолчал немного. Потом спросил:

— Скажи мне, Готарза, как вы узнали дорогу в Джанайдар?

— Мы прибыли в Кушаф прошлой ночью и там, прибегнув к помощи ножа для свежевания туш, убедили одного малого рассказать нам все. Тот и выложил, что вы подались в Друджистан, и даже согласился — опять же не без нашей помощи — стать проводником. Незадолго до рассвета мы подошли к стене с козырьком, с которого свисала веревочная лестница, — дурни кушафи так торопились на выручку, что даже не удосужились втащить ее за собой. Мы связали воинов, оставленных при лошадях, а сами двинулись дальше.

А сейчас — о деле. Лично я против вас обоих ничего не имею, но я поклялся именем Асуры, пока жив, испол-

нять волю Кобад-шаха, и я ее исполню. С другой стороны, было бы недостойно втягивать в новую резню наших людей: они и так до предела измотаны, к тому же сегодня полегло уже немало храбрецов.

— Что ты задумал? — проворчал Конан.

— Полагаю, мы с тобой могли бы уладить дело в личном поединке. Если паду я, ты сможешь отправиться на все четыре стороны, и никто не посмеет тебя остановить. Если выйдет наоборот, я захвачу Балаша с собой в Аншан. — Готарза нашел глазами горца. — Кто знает, вдруг ты докажешь, что не причастен к заговору? Я расскажу повелителю, как ты помог покончить с Невидимыми, — это будет веским доводом в твою пользу.

— Я довольно наслышан о подозрительности Кобада; не думаю, чтобы он внял голосу разума, — ответил на это Балаш. — Но все равно я согласен, потому как знаю, что ни один городской неженка, воспитанный на мягких перинах, никогда не одолеет в поединке Конана-варвара.

— Решено! — коротко бросил Конан и повернулся к своим воинам: — У кого есть большой меч?

Испробовав на вес несколько штук, он выбрал длинный и прямой меч работы хайборийского кузнеца. Затем — лицом к Готарзе:

— Ты готов?

— Готов! — ответил тот и ринулся в бой.

Два меча сшиблись и зазвенели, высекая искры. Круги, очерченные сталью, сверкнув как молния, сменялись новыми, и глаз не различал, где чей клинок. Противники подпрыгивали, разворачивались, наступали, отступали, нагибались, уклоняясь от смертоносных лезвий, а их мечи, не останавливаясь ни на миг, как будто сами по себе все продолжали свою страшную работу. Удар! — вправо — кровь! — вниз — искры! — влево — и так без конца! Впервые за тысячи лет существования Джанайдара черные пики были свидетелями подлинного искусства владения мечом.

И вдруг:

— Остановитесь! — И так как бой продолжался, тот же голос: — Я сказал — хватит!

Готарза и Конан, с подозрением глядя друг на друга, отступили в стороны и вместе повернулись на голос.

— Бардийя! — удивленно воскликнул Готарза. И точно: у входа в расселину, ведущую к козырьку в отвесной скале, виднелась тучная фигура дворцового управляющего. — Ты здесь откуда?

— Прекратить бой! — снова крикнул иранистанец. — Я загнал трех коней, пытаясь вас настигнуть. Кобад-шах умер от яда — кинжал Джезма был отравлен. Страной правит его сын Аршак. Он снял все обвинения против Конана и Балаша и желает, чтобы Балаш по-прежнему охранял северные рубежи, а Конан вернулся на службу в столицу. Иранистану нужны такие храбрые воины, потому что король Турана Ездигерд, покончив с бандами козаков, наверняка скоро опять захочет силой подчинить себе соседей.

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, — ухмыльнулся Конан, — то в туранских степях скоро можно будет славно поживиться. Честно сказать, я по горло сыт интрижками придворных шаркунов. — Он повернулся к своим воинам: — Кто хочет вернуться в Аншан, пусть уходит. Завтра я выступаю на север.

— А как же мы? — хором взвыли гирканские гвардейцы в шлемах с перьями. — Иранистанцы нас перережут. Наш город захвачен упырями, семьи растерзаны, начальники убиты. Что будет с нами?

— Кто хочет, пусть идет со мной, — безразличным тоном сказал Конан. — Прочие могут попросить убежища у Балаша. В его племени сейчас найдется немало женщин, кому потребуются новые мужья... Кром всемогущий!!!

— Что с тобой! — встревожился Тубал.

Глаза Конана жадно шарили по жалкой кучке спасшихся женщин.

Вот он увидел Париситу, но той, что он искал, среди них не было!

— Да что случилось?

— Наложница, Нанайя! Совсем о ней забыл! Она все еще в башне. Проклятье! Как я мог? Ну и скотина!

— Зачем же так? — раздался рядом нежный голосок, и Конан круто обернулся, как ужаленный. Один из уцелевших зуагиров стащил с головы бронзовый шлем, и

глазам варвара открылись прекрасные черты Нанайи. Девушка встряхнула головой, и по ее точеным плечам рассыпались черные волосы.

От удивления киммериец разинул было рот, но, скоро очнувшись, оглушительно расхохотался:

— Я вроде приказал тебе остаться, но... так тоже неплохо!

Варвар бесцеремонно привлек к себе девушку, громко чмокнул ее в щеку... и тут же дал звонкого шлепка по мягкому месту!

— Одно тебе за доблесть и находчивость, — пояснил он, — другое — за непослушание. Как, сама разберешься? Идем!.. Вставайте, песьи души! Вы что, так и будете сидеть на камнях толстыми задницами, пока не передохнете с голоду?

И, взяв гибкую, смуглую девушку за руку, Конан повел ее туда, где в скале зияла пасть расселины — выход в ущелье Призраков, откуда брала начало дорога на Кушаф.

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КОЛДУНЬЯ

1. БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ...

День близился к концу. Тяжелые тучи нависали над поляной измятым грязным одеялом, покрывшим собой все небо. Облачка тумана бродили между темными от сырости стволами деревьев подобно бесплотным призракам. Капли, то и дело срывавшиеся с крон, тяжело падали на землю, укрытую цветастым ковром опавшей листвы.

Раздался глухой стук копыт и поскрипывание кожи — на окутанную сумерками поляну выехал огромный вороной жеребец. В седле сидел широкоплечий великан. Человек этот был уже немолод. Время украсило сединами его темную шевелюру и пышные грозные усы. Годы наложили отпечаток и на его лицо, изрезанное глубокими морщинами. Смуглое скуластое лицо и мускулистые руки всадника были покрыты бесчисленными шрамами, свидетельствовавшими о том, что жизнь его была не легкой, однако можно было с уверенностью сказать, что годы его не сломили — он уверенно держался в седле, движения же его были точны и легки.

Всадник остановил своего взмыленного жеребца. Он стал оглядывать залитую туманом поляну — его живые глаза поблескивали из-под широких полей видавшей виды фетровой шляпы. Едва слышно он выругался.

Этого смуглолицего великана легко можно было принять за лесного разбойника, однако на головке рукояти его огромного меча красовался такой бриллиант, который мог принадлежать разве что знатному вельможе, рогу же, висевшему у него за спиной, и вовсе не было цены — он был вырезан из слоновой кости и украшен затейливой золотой филигранью. Всадником этим был сам король

Аквилонии — державы, равной которой не было на всем Западе. Звали его — Конан.

Он пристально разглядывал следы конских копыт, что шли к центру поляны. Свет быстро мерк, и читать их становилось все труднее.

Конан потянул за перевязь и, взяв в руки рог, хотел уже было затрубить в него, но тут вдруг услышал стук копыт. Из-за кустов, росших на опушке леса; выехала серая кобыла. Ее седоком был темноглазый человек средних лет с черными как смоль волосами. Судя по тому, как всадник поприветствовал короля, можно было понять, что они хорошо знакомы.

Что же касается Конана, то он, едва заслышав стук копыт, тут же схватился за меч, — хотя он и понимал, что в этом огромном мрачном лесу, лежавшем к северо-востоку от Танасула, ему бояться нечего, бдительности он не терял. Увидев перед собой одного из старейших своих товарищей, Конан позволил себе слегка расслабиться. Подъехавший к нему человек заговорил:

— Сэр, я осмотрел всю тропу — похоже, принц назад не возвращался. Но разве возможно, чтобы этот парень так и шел по следу белого оленя?

— Боюсь, что так оно и есть, — проворчал Конан. — Чего-чего, а упрямства этому мальчишке не занимать — у него характер в отца. Ох и не сладко ему ночью придется — того и гляди снова этот проклятый дождь пойдет!

Просперо, пуантенский генерал армии Конана, изобразил на лице некое подобие улыбки. Этот огромный киммериец то ли случайно, то ли благодаря воле судьбы или прихоти своего северного бога смог взойти на престол Аквилонии, величайшего королевства Запада; однако оставался он все тем же варваром — примитивным и своенравным. Сын его — пропавший принц Конн — рос таким же, как и отец. Мальчик походил на него не только внешне — как и у отца единственной его страстью были приключения.

— Может быть, созвать людей, сэр? — спросил Просперо. — Негоже оставлять наследника трона в лесу. Мы рассредоточимся и затрубим в рога.

Конан стал покусывать ус. Пред ними расстилались темные леса восточного Гандерланда. Мрачная эта чащоба

мало кому была ведома. Король посмотрел на небо — судя по всему, дождь вот-вот должен был пойти вновь.

— Этого делать как раз не стоит. Будем считать, что это будет для него хорошим уроком. Подумаешь, раз он не поспит! В его возрасте я не одну ночь провел под открытым небом на киммерийских пустошах. Возвращаемся в лагерь! Олень от нас ушел, но, думаю, нам хватит и медведя. Ну а жаркое мы запьем добрым старым пуантенским. Ух, как я проголодался!

Насытившись и изрядно захмелев, Конан решил прилечь у костра. Рядом храпел верзила Гийом, барон Имира, закутавшийся в шкуры. Загонщики и придворные, утомившись за день, спали мертвецким сном. У костра сидело лишь несколько человек.

Облака стали расходиться, на небе показался холодный лунный диск. Тут же подул пронизывающий ветер, срывавший с деревьев последние листья.

Вино развязало королю язык, весь вечер он сыпал невероятными историями и анекдотами из своей богатой приключениями жизни. И все же Просперо заметил, что время от времени Конан замолкает, всматриваясь во мглистую даль и напряженно прислушиваясь. Несмотря на кажущуюся его веселость, король был чрезвычайно встревожен. Говорить киммериец мог что угодно, но не волноваться он, конечно, не мог, еще бы — ведь его сыну принцу Конну исполнилось всего двенадцать лет.

Просперо показалось, что короля мучают угрызения совести, — такое с этим диким, по-варварски примитивным киммерийцем случалось нечасто. Идея путешествия в северный Гандерланд принадлежала Конану. Его супруга королева Зенобия тяжело болела — рождение третьего ребенка далось ей с трудом. Вот уже несколько месяцев Конан ухаживал за ней, боясь покинуть больную хотя бы на минуту. Сын же его, чувствуя себя покинутым всеми, становился все угрюмее и замкнутее. Теперь, когда к Зенобии стали возвращаться прежние силы, а Смерть отступилась от дворца, Конан решил провести пару недель вместе с сыном, надеясь восстановить так прежние отношения.

Сейчас этот упрямый мальчишка, для которого эта охота была первой, скачет по мрачной дикой чащобе, преследуя неуловимого белоснежного оленя...

Небо совершенно очистилось. Ветер, завывая, раскачивал темные ветви деревьев и шелестел листвою. Конан вновь прервал свой рассказ о колдунах и пиратах и стал прислушиваться. Грозный Гандерланд даже в ту беспокойную эпоху считался местом далеко не безопасным. Бизоны и зубры, кабаны, медведи и волки бродили по его тропам. Были здесь и иные враги, — враги куда более коварные и опасные, — люди. В лесных чащах скрывались от закона разбойники, воры и изменники.

Выбранившись, король поднялся на ноги и швырнул черную мантию, наброшенную ему на плечи, на свое ложе.

— Можете считать меня кем угодно, — проревел Конан, — но больше так сидеть я не могу. Зовите меня стигийцем, если я собьюсь со следа! Фулк! Седлай гнедого Имира — вороного я загнал. Теперь вы, хлебните вина напоследок и седлайте своих коней. Сэр Валенс! В третьем фургоне лежат факела. Возьмите по факелу и отправляйтесь за мною вслед! Пока я не удостоверюсь в том, что мой сын в безопасности, спать я не лягу!

Покачиваясь в седле, Конан ворчал: «Этот глупый мальчишка погнался за таким оленем, за которым никакой скакун не угонится! Ну ничего, я еще научу его уму-разуму!»

На мгновение лик луны затмился — по небу беззвучно проплыла огромная белоснежная сова. Конан вздрогнул и зло выругался. Его душа терзалась мрачными предчувствиями. Люди, ехавшие вслед за ним, рассказывали друг другу странные истории о белоснежном олене-оборотне, что был стремителен, словно ветер с севера. Конан молил Крома о том, чтобы это животное было обычным оленем, а не каким-то таинственным существом, явившимся сюда из других пространств и времен...

2. ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ...

Юный Конн промок насквозь и продрог. На внутренней стороне бедер, там, где они касались жесткого седла, появились кровавые волдыри. Принц чувствовал, как им

овладевают голод и усталость. Самым же ужасным было то, что он совершенно сбился с пути.

Белый олень парил перед ним призрачной птицей. Уже не раз животное подпускало его к себе на расстояние полета стрелы. Порой Конном овладевала рассудительность, и тогда он был готов повернуть обратно, однако тут же ему начинало казаться, что олень уже выбился из сил, что еще немного, и он, Конн, нагонит его.

Мальчик потянул за поводья, и взмыленный пони послушно остановился посреди густых зарослей кустарника. Над головой его поскрипывали ветви и шепталась все еще густая листва, совершенно скрывавшая от него и луну, и звезды. Теперь он не понимал ни того, где он находится, ни того, в каком направлении ведет его белый олень. Мальчик поежился. Он хорошо знал характер своего отца и понимал, что его ждет порка. Смягчить гнев Конана можно было, лишь бросив к его ногам шкуру оленя.

Забыв об усталости и голоде, Конн вновь исполнился решимостью. В эту минуту он удивительно походил на своего отца — тот же пронзительный взгляд голубых глаз, та же копна черных волос, те же мощь и отвага. Конну было всего двенадцать, но он был уже выше многих взрослых аквилонцев.

— Вперед, Мардук! — воскликнул он, ударив пятками в бока своему черному пони. С трудом продравшись сквозь густые заросли, конь и всадник оказались на длинной поляне, поросшей высокими травами. Стоило им выехать на открытое место, как Конн вновь увидел вдали светлое пятно. Огромный белый олень грациозно, словно паря, пересекал прогалину. Сердце мальчика забилось чаще, им вновь овладел охотничий азарт. Кованые копыта забарабанили по земле, покрытой шуршащими травами. Олень, легко перемахивая через стволы поваленных деревьев, понесся к краю поляны.

Пригнувшись в седле, Конн сжал в руке легкое копье. Деревья стояли за поляной сплошной стеной: олень должен был либо замедлить шаг, либо запутаться в густых зарослях.

В следующее мгновение, когда мальчик уже был готов метнуть копье, это и произошло. Олень замер и обратился в туманное облако, тут же превратившееся в высокую

человеческую фигуру, закутанную в белые одеяния. Это была женщина; серо-стальные волосы обрамляли ее худое, бесстрастное лицо.

Конна охватил ужас. Пони, храпя и бешено вращая глазами, попятился назад. Конн испуганно смотрел в холодные зеленые глаза стоявшей перед ним женщины.

Все звуки смолкли. Конн стал слышать удары собственного сердца; руки его задрожали, во рту пересохло. Почему он так испугался? Как этот призрак мог испугать его, сына Конана Завоевателя?

Собрав волю в кулак, мальчик крепко сжал древко копья. Сын Конана не боится этой женщины, кем бы она ни была — ведьмой, призраком или оборотнем!

В зеленых глазах, пристально глядевших на него, засверкали холодные искорки, — женщина смотрела на него с явной иронией. Она медленно подняла свою худую руку. Тут же в кустах раздался треск.

Мальчик обернулся и увидел, что на поляну со всех сторон выходят люди.

Все они были необычайно высоки и страшно худы, — худы настолько, что походили скорее не на живых людей, а на ожившие мумии. Они были едва ли выше великана Конана, — рост некоторых превышал семь футов. С головы до пят эти люди были закутаны в черные одеянья, плотно, словно перчатки, облегавшие их тела. Черной тканью были прикрыты и их головы. Своими тонкими длинными пальцами они сжимали странные орудия, походившие на жезлы длиною фута в два, выточенные из черного дерева. На конце каждого жезла поблескивала небольшая — с куриное яйцо — сфера, изготовленная из какого-то непонятного серебристого металла.

Конн попытался рассмотреть их лица и ужаснулся. У этих людей лиц не было! Под черными накидками светились пустые белые овалы.

Убеги мальчик с поляны, его вряд ли стали бы упрекать в трусости. Однако он и не думал бежать. Ему было всего двенадцать, но он происходил из рода могучих воинов и отважных жен, — ни один из его предков не дрогнул пред лицом опасности, и потому не имел на

это права и он. Предкам его доводилось встречаться лицом к лицу с гигантскими медведями, ужасными снежными драконами Фиглофийских гор и саблезубыми пещерными тиграми. Утопая по колено в снегу, они сражались с этими адскими созданьями под темными небесами севера. В час опасности в мальчике проснулась память рода.

Женщина обратилась к нему по-аквилонски. Говорила она с сильным акцентом.

— Сдавайся, мальчик!

— Ни за что! — прокричал ей в ответ Конн. Издав боевой клич киммерийцев, он взял копье наперевес и, пришпорив своего коня, понесся на одну из безликих черных фигур.

Старое лицо женщины в белом оставалось бесстрастным. Не успел еще пони как следует набрать скорость, как острая боль пронзила руку Конна. Он охнул, согнувшись от боли. Копье выпало из его онемевших пальцев и исчезло средь высоких трав.

Один из черных великанов тут же приблизился к нему. Одной рукой он схватил пони за поводья, другой — завел над Конном жезл. Металлический шар легко коснулся локтя мальчика, попав точно в нервный узел. Конн едва не закричал от боли.

Черный человек занес жезл для нового удара, но тут женщина прокричала ему что-то на неведомом языке. У нее был резкий металлический голос. Безликий человек в черном опустил руку.

Но Конн и не думал сдаваться. Громко закричав, он схватился левой рукой за рукоять висевшего у него на поясе меча. Неловким движением он вынул меч из ножен и перевернул его клинком вверх. Люди в черных плащах окружали его со всех сторон; к нему тянулись их тонкие руки.

Сделав обманное движение, Конн нанес удар человеку, стоявшему к нему ближе других. Клинок вонзился прямо ему в горло. Захлебываясь кровью, человек упал на колени и повалился наземь.

Конн вонзил шпоры в бока пони. Тот, громко заржав, попятился было назад, испугавшись вида надвигавшихся на него безлицых людей, но уже через миг, справившись

со страхом, рванулся вперед. Люди в черном легко уходили от его подкованных сталью копыт. Один из них поднял свой жезл. Металлический шар с немыслимой точностью поразил кисть Конна. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и исчез в траве. Другой металлический шар легко коснулся затылка мальчика. Тело его онемело, и он свалился с седла прямо в тонкие иссохшие руки одного из безлицых людей. Прочие принялись усмирять его коня.

Зеленоглазая женщина склонилась над впавшим в забытье мальчиком.

— Конн, наследный принц Аквилонии, — скрипучим голосом пробормотала она и усмехнулась. — Представляю, как будет радоваться Тот-Амон.

3. КРОВАВЫЕ РУНЫ

Ссутулившись в седле, Конан угрюмо утолял голод куском холодной медвежатины. К нему подъехал Эрик, его главный загонщик.

Король выпрямил спину, выплюнул кость и, отерев губы тыльной стороной руки, мрачно спросил: «Что-нибудь нашел?» Старый загонщик молча кивнул и протянул Конану странный предмет.

— Вот это, — сказал он.

Нахмурив брови, Конан стал рассматривать диковинную вещицу. Это была вырезанная из слоновой кости маска, принадлежавшая человеку с вытянутым узким лицом. Странным было то, что эта маска была совершенно гладкой, — ровный пустой овал с двумя вырезами для глаз. Вид ее Конану не понравился.

— Гиперборейские штучки, — сплюнул он. — Еще что-нибудь есть?

Старый охотник кивнул:

— Кровь на измятой траве, следы копыт молодого пони и — и это.

Огоньки, блиставшие в глазах Конана, померкли; лицо посерьезнело и осунулось. Это был меч, подаренный им Конну в день его двенадцатилетия. На серебряной рукояти была выгравирована корона принца Аквилонии.

— Это все?

— Собаки ищут след, ваше величество, — ответил Эрик.

— Как только они нападут на него, труби в рог и собирай людей! — проревел Конан.

Солнце стояло уже высоко; от сырой земли поднимался пар. Король Аквилонии поежился, почувствовав вдруг хладное дыхание смерти.

Прошел целый час, прежде чем они смогли отыскать труп. Тело было захоронено на дне овражка — оно было присыпано сырой землей и опавшей листвой так искусно, что отыскать могилу могли разве что собаки.

Конан съехал на дно овражка и стал разглядывать труп. С тела были сняты все одеяния; кожа погибшего была бела, словно пергамент, волосы его тоже были поразительно светлыми. Рост этого тощего изможденного человека с перерезанным горлом был чуть меньше семи футов.

Эрик склонился над перепачканным грязью телом и стал принюхиваться. Сняв с раны кусочек запекшейся крови, он принялся растирать ее между пальцами. Конан угрюмо ждал. Наконец старик тяжело поднялся на ноги и вытер кончики пальцев о полу плаща.

— Его убили прошлой ночью, мой господин, — сказал он.

Конан еще раз взглянул на лицо убитого — узкий подбородок, высокие скулы, тонкие черты. Вне всяких сомнений, перед ним лежал гиперборец — об этом говорили и его неестественная бледность, и хрупкое телосложение при чудовищном росте, и бесцветные шелковистые волосы. На Конана смотрели мертвые зеленые, словно у кошки, глаза.

— Отпускай собак, Эрик. Просперо! Предупреди людей о том, что враги могут появиться в любую минуту! Нас, похоже, ведут.

Пуантенский генерал и король поскакали бок о бок. Вежливо откашлявшись, генерал спросил:

— Вы считаете, что маска и меч были оставлены для нас, мой повелитель?

— Я в этом уверен, — буркнул Конан. — Я это нутром чую. Где-то там скрывается целая банда этих белых демонов, похитивших моего мальчика. Они ведут нас, словно скот, разрази их гром!

— Они хотят устроить нам засаду? — спросил Просперо. Конан на мгновение задумался и отрицательно покачал головой.

— Не думаю. В течение последнего часа мы миновали три таких места, лучше которых для засады не придумать. Нет, они явно хотят чего-то другого. Возможно, где-то впереди нас ждет их послание.

Просперо не стал спорить с этим.

— Возможно, они хотят получить выкуп?

— Может статься, они захотят использовать принца как приманку, — ответил Конан, блеснув глазами, словно лютый зверь. — Как-то раз я попал в плен к гиперборейцам. Там я такого натерпелся, что до сих пор к этим костлявым демонам особой любви не питаю. Когда же их гостеприимство меня вконец утомило, я ответил им тем же, — так что, думаю, и у них ко мне особой приязни нет!

— А что означает эта маска из слоновой кости?

Конан сплюнул и приложился к фляге с вином:

— Гиперборея — место темное. Этой мертвой, голой, объятой туманами землей правит страх. Страною управляют служители тайного культа — черные колдуны-убийцы. Их единственное оружие — деревянные прутья, на конце которых закреплены шары, выточенные из необычного металла, называемого платиной. Старуха, которую колдуны считают воплощением богини смерти, правит всеми их землями, она же является и их главной жрицей. Ее слуги-убийцы заняты постоянным самоистязанием — они умерщвляют свое тело, разум и волю. Маски, подобные той, которую ты видел, — одно из проявлений их фанатизма. Нет в мире воинов страшнее этих: слепая вера в демонов делает их бесстрашными и нечувствительными к боли.

Дальше они ехали молча. И тому и другому представилась страшная картина — беззащитный мальчик, окруженный фанатичными служителями смерти, люто ненавидящими Конана.

Лес становился все реже — на смену мрачным чащам восточного Гандерланда пришли меловые пустоши, поросшие вереском и папоротником. Они приближались к границе владений Конана. Где-то здесь сходились земли Аквилонии, Киммерии, Пограничного Королевства и Немедии.

Похолодало. Небо стало затягиваться тучами. Багряный вереск волновался и шумел на ветру. Издалека слышался хриплый крик болотных птиц. Земля эта была пустынна и уныла.

Конан скакал впереди. Внезапно он остановил своего коня и знаком приказал остановиться другим. Не сходя с коня, он угрюмо смотрел на предмет, лежавший на тропе. Воины спешились и подошли к своему королю.

Перед ними лежало легкое, сделанное из ивняка копье, которое могло принадлежать разве что ребенку. На древко был одет белый пергаментный свиток.

Эрик снял пергамент с древка и подал его своему королю, что так и сидел в седле. Конан развернул тугой скрипучий свиток.

Послание было написано по-аквилонски; писавший его, судя по всему, торопился — руны были написаны небрежно и разобрать их было весьма непросто. Нахмурив брови, Конан молча прочел послание и передал его Просперо, зачитавшему его вслух:

— КОРОЛЬ ДОЛЖЕН В ОДИНОЧКУ НАПРАВИТЬСЯ В ПОХИОЛУ. ЕСЛИ ОН ВЫПОЛНИТ ЭТО УСЛОВИЕ, С СЫНОМ ЕГО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. ЕСЛИ ОН ПОСТУПИТ ИНАЧЕ, РЕБЕНОК ЕГО УМРЕТ СТРАШНОЙ СМЕРТЬЮ. КОРОЛЬ ДОЛЖЕН ИДТИ ПО ТРОПЕ, ПОМЕЧЕННОЙ БЕЛОЙ РУКОЙ.

Просперо поморщился — послание было написано кровью.

4. БЕЛАЯ РУКА

Конан в одиночку направился к пустынным землям, лежавшим за пределами Аквилонии. Если бы он вернулся в Танасул и, собрав войско, повел его на туманную Гиперборею, он потерял бы сына. Ему не оставалось

ничего другого, как только выполнять поставленные ему условия.

Король передал Просперо огромный золотой перстень с печатью, который он носил на большом пальце правой руки. Тем самым на время своего отсутствия он передавал куантенскому генералу всю полноту власти в Аквилонии. В случае смерти Конана королем аквилонцев должен был стать второй его сын, регентами которого были бы королева Зенобия и генерал Просперо.

Конан объяснил все это Просперо, глядя ему в глаза, — он не сомневался в том, что этот доблестный воин в точности выполнит все сказанное. Но сказал он ему не только это. Собрав в Танасуле армию из рекрутов, Просперо должен был повести ее на столицу Гипербореи Похиолу.

Конану просто-напросто хотелось как-то занять Просперо. Он прекрасно понимал, что никакая армия не сможет ни нагнать его, ни пройти там, где пройдет он, Конан. Он окажется в сверкающих стенах Похиолы много раньше Просперо.

Эти земли назывались Пограничным Королевством. Пустынные безжизненные пустоши тянулись до самого горизонта. То тут, то там росли чахлые кривые деревца. Время от времени из заросших болот вылетали напуганные внезапным шумом птицы. Холодный, пронизывающий до костей ветер пел свою заунывную песнь.

Конан спешил, однако оставался внимательным и осторожным. Своего чалого жеребца Имира он загнал прошедшей ночью; теперь под ним был крупный серый жеребец барона Гийома Имирского. Барон был так толст, что весом почти не уступал Конану. Скакун его был могуч и широк в кости. Киммериец не стал брать с собой громоздкую охотничью амуницию, он одел на себя простой кожаный камзол и промасленную кольчугу. Меч он повесил за спину, так чтобы он не сковывал его в движениях, на передней луке седла он закрепил тугой гирканский лук и колчан со стрелами с черным опереньем.

Вначале почва была мягкой, и потому следы коней гиперборейцев были видны на ней ясно. Конан пустил коня галопом, надеясь хоть как-то выиграть время. Кто знает, быть может, его суровый бог Кром смилостивится над ним и позволит ему догнать бледнолицых похитителей

еще до того, как они вступят в Похиолу. Впрочем, Конан на это почти не надеялся...

Теперь под копытами коня были уже камни, но и здесь он вряд ли мог сбиться со следа — похитители оставили для него меты: отпечатки ладони, белевшие среди темных деревьев. Порою знак ставился на вершинах, покрытых сухими травами холмиков, и тогда он казался морозным узором невесть откуда налетевшей стужи.

Колдовство! Волосы на затылке киммерийца поднялись дыбом. На его родине, в Киммерии, что лежала к северо-западу отсюда, люди слышали о Белой Руке, страшном символе колдунов Гипербореи. От одной мысли о том, что его сын попал в руки гиперборейцев, Конану становилось страшно.

Он все скакал и скакал вперед по унылой пустоши, мимо темных холодных болот, чахлых папоротников и жалких деревьев, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни коню. Пустошь стала погружаться во тьму. На небе появились звезды, — их было немного, и свет их был тускл, ибо все небо было затянуто дымкой. Луна на минуту вышла из-за облаков, но тут же скрылась вновь. Мир погрузился во тьму.

Теперь Конан должен был ждать рассвета. Кряхтя, киммериец спешился, все члены его ныли. Накормив овсом скакуна, он развел небольшой костер из сухих папоротников и, положив под голову седло, забылся тяжелым сном.

Вот уже три дня он скакал по этим неприютным землям. Путь шел по самому краю Большой Соленой Топи. Это огромное болото вполне могло быть останками внутреннего моря, некогда — еще на заре цивилизации — заливавшего все окрестные земли. Почва под ногами становилась все более зыбкой, — чем глубже в земли Пограничного Королевства продвигался Конан, тем ненадежнее становился его путь. Тяжелый серый жеребец шел теперь шагом, боязливо переходя с кочки на кочку. Луж становилось все больше, деревья же совершенно исчезли.

Над болотом повисли сумерки. Жеребец нервно шарахался из стороны в сторону, то и дело увязая копытами в болотной жиже. Над головой слышался писк летучих

мышей. Огромная змея, толщиной в человеческую руку, бесшумно переползла через гнилое, покрытое плесенью бревно и скрылась в темноте. Тьма становилась все гуще и гуще, но Конан и не думал останавливаться, — он вновь хотел провести всю ночь в пути, сделав краткий привал лишь в полдень.

Тропинка раздваивалась. Не сходя с коня, Конан стал искать мету. На темном, отполированном непрестанными дождями камне он вновь увидел странный светящийся отпечаток руки. Он потянул за поводья и направил коня нужной дорогой.

Внезапно невесть откуда появились люди. На их грязных изможденных телах не было никаких одежд, кроме набедренных повязок. Лица их были искажены злобой.

Конан грозно заревел и, пустив коня вскачь, вынул меч из ножен.

Дикари обступали его уже со всех сторон, они цеплялись за стремена и за ноги, хватали его за кольчугу, дергали коня за гриву, пытаясь свалить его с ног. Конь поднялся на дыбы и замахал своими огромными копытами. Одному из дикарей он проломил череп, другому размозжил плечо.

Клинок Конана со свистом опустился на головы нападавших. В одно мгновение он обезглавил пятерых, в черепе же шестого его меч застрял. Тело дикаря, падая, увлекло за собой и клинок. Конан спрыгнул с коня и тут же оказался окруженный дикарями. Их безумные глаза горели ненавистью, их пальцы хищно впивались в его руки. Дикая толпа погребла его под собою, и в тот же миг на голову Конана опустилась тяжелая дубина. Конан рухнул как подкошенный.

5. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Теперь они шли по мощенной камнем дороге. Впереди замаячил объятый туманной дымкой холм. Утомленный долгой дорогой Конн видел его смутно.

Вершину холма венчал огромный замок, сложенный из гигантских каменных плит; в тусклом свете звезд он казался призрачным. По углам замка стояли массивные

башни. К его мрачному порталу отряд и направлялся. Тяжелая решетка, закрывавшая вход в замок, стала медленно подниматься. Мальчик едва смог скрыть свой испуг — заканчивавшаяся страшными зубьями ржавая решетка и тьма, разверзшаяся за ней, делали врата похожими на осклабленную пасть огромного чудища.

Они въехали в гигантский зал, слабо освещенный развешанными по стенам факелами. Решетка, зловеще лязгнув, опустилась, — пасть захлопнулась.

Холодные белые руки сняли мальчика с коня и бросили его в угол. Чувствуя спиной сырую стену, Конн стал осматриваться. Вскоре глаза его привыкли к полумраку, и он смог рассмотреть этот огромный гулкий зал. Похоже, других покоев в замке не было. Своды зала терялись где-то высоко вверху. Возле стены стояли — длинный стол, пара грубых скамеек и несколько стульев. На столе было пять или шесть деревянных тарелок, наполненных объедками, и пара ломтей непропеченного черного хлеба. Только теперь мальчик почувствовал, как он голоден. Словно услышав его мысли, старуха что-то приказала своим людям. Один из них взял тарелку со стола и поставил ее перед Конном.

Руки его занемели, ибо все это время были привязаны к луке седла. Человек в черном снял ремни с запястий мальчика и тут же стянул его шею цепью, привязанной к ржавому кольцу, закрепленному на стене. Человек безмолвно наблюдал за тем, как Конн давится объедками.

Колдун снял свою белую маску, открыв мальчику свое лицо. Бледное изможденное лицо несло на себе печать нечеловеческой безмятежности. Конну не понравились ни его тонкие бесцветные губы, ни его холодные зеленые глаза. Впрочем, сейчас ему было не до похитителей — слишком уж велики были его усталость и голод. К нему подошел еще один человек, державший в руках грязную дерюгу. Он бросил дерюгу на пол, после чего оба колдуна удалились. Конн подгреб под себя грязную солому, которой были застелены полы зала, и, завернувшись в тряпье, тут же уснул.

Его разбудил звук колокола. Свет солнца не проникал в это чудовищное сооружение, и потому о времени суток можно было лишь гадать.

Конн протер глаза и стал смотреть по сторонам. В центре зала на невысоком каменном возвышении, скрестив ноги, сидела ведьма. Перед ней стояла огромная медная чаша, наполненная раскаленными угольями, отсвечивающими на ее лице кроваво-красными отблесками.

Конн принялся рассматривать ее. Ведьма была старой. Седые пряди падали на ее изрезанное густой сеткой морщин лицо, что казалось не только бесчувственным, но и безжизненным. Однако изумрудные глаза ее были исполнены удивительной силы; огненный их взгляд был устремлен в никуда.

Сидевший рядом с возвышением человек в черном ударял обшитой войлоком колотушкой по небольшому колоколу, имевшему форму черепа. Глухому его звону вторило мрачное эхо.

Один за другим в зал стали входить Колдуны. Лица их были скрыты масками из слоновой кости, головы прикрыты черными капюшонами мантий. Один из Колдунов вел перед собой наглого лохматого человека. Конн вспомнил, что человек этот был пленен слугами смерти несколькими днями раньше, — его поймали на болоте. Ему на шею набросили петлю, и он то бежал, боясь отстать от коня, то падал, — и тогда конь тащил его за собой. Изуродованное тело пленника было покрыто грязью. Широко раскрыв рот, он испуганно озирался по сторонам.

Началось ужасное действо. Два Колдуна, став на колени, обвязали ноги пленника ремнем, спускавшимся с балки. Они потянули за свободный конец ремня, и вскоре человек уже висел вниз головой над чашей с угольями. Зал наполнился истошным криком.

И тогда они перерезали своей жертве горло.

Пленник забился в агонии, но уже через несколько мгновений испустил дух. Глаза Конна округлились от ужаса. Кровь стекала прямо на уголья, от которых поднимался неимоверный зловонный чад.

Все это время ведьма оставалась совершенно недвижной. Присмотревшись получше, Конн увидел, что она слегка покачивается в такт какой-то слышной лишь ей одной мелодии. Люди в черном застыли вкруг возвышения. Угли шипели и потрескивали. Кровь текла в чашу нескончаемым потоком. Теперь ведьма пела уже вслух

под монотонные удары колокола. Конн потрясенно наблюдал за происходящим.

Облако дыма, повисшее над каменным кругом, стало странно подергиваться, казалось, что его касается некая незримая рука. И тут лицо мальчика стало бледным как смерть.

— Кром! — прошептал он дрожащими губами.

Облако дыма приняло форму человека — статного широкоплечего человека, одетого по-восточному; капюшон его мантии был откинут на спину. Голова человека была обрита наголо, лицо было мрачным и хищным.

Видение это было страшно. Ведьма же продолжала свою монотонную песнь, походившую на завыванье холодного ветра.

Туманный образ стал уплотняться: мантия стала темно-зеленой, лицо — красновато-коричневым, как у стигийцев и жителей Шема. Застыв от ужаса, мальчик вгляделся в лицо призрака. Ему казалось, что он когда-то уже видел его или, по крайней мере, слышал о нем — эти хищные черты, этот безгубый рот, эти горящие изумрудным светом глаза...

Тонкие губы задвигались, и раздался странный, словно слетавший откуда-то издалека голос.

— Приветствую тебя, о Лахи! — сказал призрак.

В ответ ему ведьма сказала:

— Приветствую тебя, Тот-Амон!

Конн окаменел — теперь он знал, что пленили его не обычные похитители. Он попал в лапы к самому страшному и коварному врагу своего рода, — в лапы предводителя черных магов мира, стигийского колдуна, некогда поклявшегося именем своих страшных богов погубить Конана киммерийца и стереть с лица земли Аквилонию.

6. ЗА ВРАТАМИ СМЕРТИ

Конан пришел в себя перед рассветом. Голова его раскалывалась от боли, лицо было покрыто коркой запекшейся крови. И все же он был жив.

Болотных дикарей рядом с ним не было. Они исчезли в ночи, прихватив с собой и награбленное, и трупы своих

людей. Постанывая, Конан сел и обхватил голову руками. Его обобрали донага, оставив на нем лишь башмаки да изорванные в клочья одежды. Теперь у него не было ни коня, ни оружия, ни провизии. Неужели болотные люди решили, что он мертв? Судя по всему, так оно и было, — такими ударами можно было свалить и быка, — если бы не толстая кость, Конан отправился бы к праотцам.

В народе ходили легенды о том, что эти дикари были выродившимися потомками беглых рабов и преступников, искавших прибежища на болоте. Кровосмесительные браки низвели их до уровня диких зверей. Удивительным было то, что дикари не сожрали его, — люди, дошедшие до животного состояния, как правило, питают особенную приязнь к человеческой плоти. Конан поднялся на ноги и только тогда понял, что же отпугнуло дикарей.

На измятой грязной траве отчетливо виднелся знак Белой Руки.

Ему не оставалось ничего другого, как только идти пешком. Обратив одну из ветвей росшего неподалеку дерева в увесистую дубину, Конан продолжил свой путь на северо-восток, следуя по тропе, отмеченной знаками.

Он вырос в суровом краю и потому к подобным походам ему было не привыкать. Много воды утекло с той поры; много лет ему, королю гордой Аквилонии, не приходилось ни ходить по следу, ни скитаться в диких землях, где каждый шаг сопряжен с опасностью. Теперь он был только рад тому, что старые привычки нисколько не забылись. Отодрав от прикрывавших его тело лохмотьев узкую полоску, он сделал из нее пращу и несколькими меткими бросками подбил пару уток. При всем желании он не мог развести на болоте огня и потому ему пришлось есть их сырыми. Ему пришлось отбиваться и от свирепой своры диких псов, и дубина его для этой цели пришлась весьма кстати. Порой ему приходилось довольствоваться лягушками и раками, которых он нанизывал на заостренную палочку. Тропа же шла все дальше и дальше на северо-восток.

Ему казалось, что прошла уже целая вечность, когда наконец он достиг пределов Пограничного Королевства. Граница Гипербореи была помечена странным изваяньем, призванным вселять страх в сердца людей. Гряды мрачных

холмов поднимались все выше и выше. Извилистая тропинка привела киммерийца к узкому перевалу, по обеим сторонам которого, словно угрюмые стражи, стояли округлые вершины. Склон одной из них был отмечен диковинным знаком грязно-белого цвета, что тут же бросался в глаза. Конан подошел к нему поближе и, скрестив на груди свои могучие руки, стал рассматривать его.

Это был череп, формою своей схожий с человеческим черепом, но только куда больших размеров. Конану стало не по себе — ему вспомнились сказанья о великанах и троллях. Прищурив глаза, киммериец присмотрелся получше, и тут же губы его искривились в улыбке. За долгие годы странствий ему многое довелось повидать, видел он и подобные черепа. Они принадлежали древним мамонтам, видом походившим на слонов. Если бы не бивни, то черепа эти действительно можно было бы принять за останки великанов. У этого же черепа бивни были простонапросто отпилены. Конан сплюнул. Как ни странно, но увиденное приободрило его, — тот, кто прибегает к уловкам, не может быть всесильным.

На лбу мамонта была сделана надпись — уродливые руны явно имели гиперборейское происхождение. Волею судеб Конану пришлось освоить множество языков, пусть при этом познания его и были поверхностными. Нахмурив чело и собравшись с мыслями, он прочел: «Врата Гипербореи — Врата Смерти для незваного гостя».

Презрительно хмыкнув, Конан спустился с перевала. Теперь он шел по вражьим землям.

Стоило Конану миновать Ворота Смерти, как он оказался на пустынной, полого уходящей вниз равнине, по сторонам которой высилось несколько голых холмов. Теперь под ногами его было каменное крошево. Ничуть не сбавляя шага, Конан вступил в холодное царство тумана, стараясь постоянно быть настороже. Однако земля эта казалась совершенно необитаемой.

Немногие жили в этой студеной стране, где солнце не греет, а сердцами владеет страх. Правители Гипербореи селились в огромных замках, сложенных из гигантских каменных плит, слуги же — в жалких лачугах, тесно обступавших скудные поля.

Конан знал о том, что огромные серые волки Севера бродят по этим землям, что в пещерах здешних живут свирепые пещерные медведи, а по залитым туманом равнинам бродят редкие мамонты, северные олени и овцебыки. Земли эти были негостеприимны и суровы.

Вскоре Конан оказался у первой из каменных цитаделей, что называлась именем Сигтона. В Асгарде он не раз слышал рассказы о свирепой властительнице Сигтоны, что питалась, по слухам, только человеческой кровью. Стараясь не подходить к замку, он направился дальше, к цитадели, носившей имя Похиола.

Путь ему предстоял неблизкий. Много дней и ночей прошло, прежде чем Конан увидел в свете звезд холм, вершина которого была увенчана мрачным замком с массивными приземистыми башнями. Полуголый, голодный, грязный и безоружный, упрямый киммериец смотрел на Твердыню Колдунов с огнем во взоре. Где-то здесь находится его старший сын. Кто знает, быть может, именно здесь ему, Конану, суждено сложить свою голову. Но бороться со Смертью ему было не впервой, и пока, хвала Крому, ему удавалось выходить победителем.

Гордо подняв голову, Конан подошел к мрачным вратам Похиолы.

7. ВЕДЬМА

Железные зубья решетки застыли высоко вверху. Сколоченные из черного дерева массивные ворота поблескивали шляпками железных гвоздей, что сливались в некую магическую руну, неведомую Конану. Ворота были распахнуты настежь.

Конан вошел внутрь, мрачно отметив про себя, что толщина здешних стен никак не меньше двадцати шагов. Он оказался в главном зале огромного замка. Кроме старухи с гладкими седыми волосами, здесь никого не было. Она сидела на круглом каменном возвышении, созерцая чашу с горящими угольями. Киммериец знал, что это Лахи, королева и главная жрица Колдунов, считавших ее живым воплощением их богини смерти. Громко ступая по каменным плитам пола, Конан достиг центра

зала и, скрестив на груди руки, остановился рядом с возвышением.

Ведьма продолжала созерцать тлеющие уголья. Лишь через минуту она перевела взгляд своих зеленых кошачьих глаз на Конана. Киммериец тут же почувствовал силу этого взгляда. Лахи казалась дряхлой немощной старухой, но за этой жалкой маской чувствовалось присутствие чего-то необычайно сильного.

— Тот-Амон приказал мне убить тебя на месте или сковать тебя самыми тяжелыми цепями, — заговорила ведьма. Голос ее был хриплым.

Конан и бровью не повел.

— Я хочу увидеть своего сына, — твердо сказал он.

— Тот-Амон сказал, что ты — самый опасный человек во всем мире, — невозмутимо продолжила Лахи. — Я же считала самым опасным человеком его самого. И потому его слова кажутся мне странными. Ты действительно так опасен?

— Я хочу увидеть своего сына, — повторил Конан.

— Может быть, я ошибаюсь, но я не чувствую опасности, — спокойно продолжала колдунья. — Ты силен, это верно, ты силен и вынослив. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты достаточно отважен. И все же ты — просто человек. Не понимаю, почему Тот-Амон так боится тебя?

— Он знает, что во мне его погибель, — ответил Конан. — То же будет и с тобой, если ты не отведешь меня к сыну.

Морщинистое лицо ведьмы застыло, глаза засверкали холодным изумрудным светом. Конан продолжал смотреть ей в глаза. Взгляд Лахи исполнился еще большего холода, но и тогда киммериец не отвел своих горящих глаз. Не выдержав его взгляда, ведьма отвернулась.

Немыслимо высокие и худые мужчины в черных, плотно облегавших тело одеяниях тут же появились за спиной Конана. Казалось, они явились по беззвучному зову своей владычицы. Не поднимая глаз, голосом, лишенным былой силы, она приказала:

— Отведите его к сыну.

Принц Конн содержался в глубокой яме, напоминавшей пересохший колодец, стены которой были выложены темным камнем. Конана спустили вниз на веревке, после чего веревка тут же была извлечена из ямы.

Мальчик лежал у стены на куче сырого тряпья. Он тут же признал в полуголом великане своего отца и, вскочив на ноги, бросился в его объятья. Конан прижал мальчика к себе и стал сыпать проклятьями, желая хоть как-то скрыть обуревавшие им нежные чувства. Наконец он похлопал мальчика по плечу и взял с него обещание, что тот не станет впредь вести себя так глупо. Слова его были грубы и звучали грозно, но по лицу его ручьем катились слезы.

Взяв сына за руку, Конан принялся осматривать его. Одежда Конна превратилась в лохмотья, он побледнел и осунулся, было непонятно и то, что он цел и невредим. Пережитое им могло свести с ума кого угодно, тем более ребенка, но он, судя по всему, держался молодцом. Конан усмехнулся и потрепал его по плечу.

— Отец, здесь не обошлось без Тот-Амона, — возбужденно прошептал Конн.

— Я знаю, — буркнул Конан.

— Прошлой ночью старая карга вызывала его дух, — так же истово продолжал мальчик. — Они повесили дикаря за ноги и перерезали ему горло, так что кровь его стекала в чашу с горящими угольями! Поднялся страшный дым, и она превратила его в Тот-Амона!

— О чем же они говорили?

— Когда Тот-Амон услышал о том, что ты идешь по Пограничному Королевству в одиночку, он стал просить, чтобы она убила тебя своими чарами! Она спросила, зачем ей тебя убивать, и он ответил ей, что ты, мол, слишком опасен. Они стали спорить, и спор у них вышел долгий.

Конан задумчиво почесал бороду:

— Ну а ты-то сам понимаешь, почему колдунья не стала убивать меня?

— Я думаю, она хочет оставить нас в живых и тем самым как-то подчинить себе Тот-Амона, — ответил мальчик. — Все колдуны и маги мира связаны между собой. Тот-Амон куда сильнее и важнее этой старой ведьмы, но

нока ты находишься в ее руках, он не сможет властвовать над нею.

— Как знать, может, ты и прав, сынок, — поразился Конан. — А что это за связь между магами, о которой ты говорил? Ради чего они объединились?

— Они объединились с тем, чтобы уничтожить королевства Запада, — ответил Конн. — Тот-Амон — глава всех черных магов Юга — Кема, Стигии, Куша, Зимбабве и тропических стран. У магов этих существует что-то вроде гильдии, которую сами они называют Черным Кольцом...

Конан неожиданно вздрогнул:

— Так-так, и что же это за Черное Кольцо?

Возбуждение мальчика достигло предела.

— Тот-Амон властвует над Черным Кольцом, но этого ему мало. Он хочет, чтобы Черное Кольцо слилось с Белой Рукой на севере и Алым Кругом где-то на Дальнем Востоке!

Конан застонал. Он знал о Черном Кольце, этом древнем братстве служителей зла. Он знал и о тех мерзостях, которые творили члены Кольца, схоронившиеся до времени где-то в Стигии. Когда-то Тот-Амон был главой этого ордена, затем место стигийца занял некто Тутотмес, которому удалось свергнуть его. Тутотмеса уже не было в живых, и Тот-Амон, похоже, вновь обрел прежнюю власть над магами. Молодым королевствам Запада это не сулило ничего хорошего.

Они говорили до тех пор, пока Конн не рассказал отцу всего ведомого ему. Едва закончив рассказ, мальчик заснул крепким сном, положив голову на грудь отцу. Конан нежно обнял сына и задумался. Он смотрел во тьму, думая о том, что же может принести им будущее.

8. ПОСВЯЩЕННЫЕ ЧЕРНОГО КОЛЬЦА

На круглом каменном возвышении, находившемся в самом центре зала, стояло четыре трона черного дерева. Троны эти стояли полукругом возле огромной медной

чаши с раскаленными угольями. В них сидели трое мужчин и женщина.

За стенами замка ярилась буря. Небо то и дело озарялось вспышками молний, походивших на огненные клинки. Дождь неистово хлестал по громаде замка. Земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома.

В зале же гром скорее походил на шорох. Своды его были объяты непроницаемой тьмой, с которой, казалось, не могла совладать никакая стихия. Люди сидели совершенно безмолвно, однако чувствовалось, что тишина эта исполнена крайнего напряжения, что росло с каждой минутой. То и дело они искоса поглядывали друг на друга.

Из гулкой тьмы появились одетые в черное служители Белой Руки, что шли парами. Они вели с собой Конана. Смуглое его лицо казалось спокойным, отблески пламени играли на его обнаженной груди. Рядом с ним, высоко подняв голову, шел его сын. Колдуны подвели их к возвышению.

Конан поднял глаза и встретился взглядом с человеком могучего телосложения, одетым в темно-зеленую мантию. Голова этого человека была обрита наголо.

— Вот мы и свиделись, пес киммерийский, — процедил сквозь зубы Тот-Амон. Он говорил по-аквилонски с едва заметным акцентом.

Конан что-то проворчал и сплюнул. Отвечать стигийцу он не собирался, считая, что так он может разве что унизить себя, и потому он принялся рассматривать людей, сидевших на тронах. Гиперборейская колдунья была ему знакома, двух других он видел впервые. Первый был крошечным женоподобным человечком с кожей янтарного цвета и холодными бездушными глазами змеи. Его немыслимое одеянье поблескивало драгоценными каменьями, на коротких толстых пальчиках мерцали золотые перстни.

— Это божественный Пра-Юн, Владыка Алого Круга, бог и вершитель судеб Ангкора, восточной столицы мира, — торжественно возгласил Тот-Амон. Конан не сказал в ответ ни слова, маленький же пузатый камбуджиец вежливо заулыбался.

— Великий король Аквилонии и я — старые друзья, хотя он меня и не знает. Некогда он сослужил мне такую

службу, что я благодарен ему и по сей день, — произнес коротышка писклявым голосом.

— Как-то мне не доводилось об этом слышать, — насторожился Тот-Амон. Пра-Юн широко улыбнулся:

— Ну как же! Некогда он смог уничтожить знаменитого Ян-Шаня, — вероятно, сам он помнит об этом? Так вот, этот самый Ян-Шань был самым могущественным из всех магов Кхитая. Он был моим соперником и превосходил меня в силе, и потому был владыкой Алого Круга. Не убей его этот отважный аквилонский царь, и я не стал бы верховным магом нашего ордена!

Пра-Юн вновь широко улыбнулся, однако Конан заметил, что глаза его при этом остаются холодными — недвижными и ледяными, словно у гадюки.

Рядом с крошечным восточным божком сидела одетая в белую мантию Лахи, за Лахи — огромный черный дикарь. Его натертое маслом тело поблескивало, на кудрявой голове покачивались страусиные перья. Он был одет в шкуру леопарда, на запястьях и предплечьях поблескивали массивные золотые браслеты. Огромный мускулистый дикарь сидел совершенно недвижно. Живые его глаза горели адским пламенем.

— А это великий б о к к о р, или шаман Ненаунир, пророк и верховный жрец Дамбаллы, — так жители далекой Замбабве величают Отца Сета, — представил дикаря Тот-Амон. — Одно слово Ненаунира — и три миллиона черных воинов сметут все и вся.

Конан продолжал хранить молчание. Черный великан проревел:

— Стигиец, он не кажется мне опасным. Почему ты его так боишься?

Тень легла на лицо Тот-Амона. Не успел он вымолвить и слова, как Лахи рассмеялась хриплым смехом.

— Я присоединяюсь к Владыке Замбабве! — проскрипела она. — А теперь мне хотелось бы немного развлечь моих гостей. К а м о и н е н! — Ведьма хлопнула в ладоши.

Круг Колдунов расступился и к возвышению подошел один из них. На бледном его лице поблескивали водянистые голубоватые глаза. В руках Колдун держал тонкую черную палочку не больше локтя длиной. На каждом ее

конце было по небольшому — размером с куриное яйцо — металлическому шару.

Он поклонился своей королеве.

— Приказывай же, Богиня, — бесстрастно произнес он. Бледная морщинистая маска озарилась изумрудным блеском кошачьих глаз. Ведьма смотрела на Конана.

— Пусть киммериец опустится перед нами на колени, — сказала она. — Тогда мои братья поймут, что бояться его нечего!

Человек в черном низко поклонился Лахи и тут же метнулся к Конану, взмахнув своей палочкой. Бдительный киммериец отпрыгнул назад, ибо не понимал того, что же держит в руках Колдун. Магический жезл просвистел мимо его лица, коснувшись седых прядей.

Противники принялись кружить по залу. Конан то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи. Ему хотелось броситься на тощего гиперборейца и повергнуть его одним смертельным ударом, но он удерживал себя, понимая, что тонкая палочка, поблескивающая в руке противника, таит в себе какую-то неведомую ему опасность.

Юный Конн так и стоял в окружении Колдунов. Внезапно он поднял руку и прокричал что-то по-киммерийски. Язык этот, резкий и гортанный, ни на что не походил, — кроме отца, здесь его никто не знал.

Конан сузил глаза. Мальчик сказал ему, что Колдуны бьют своими жезлами по болевым точкам. Словно тигр Конан ринулся на своего противника и занес правую руку для удара. Колдун взмахнул своей палочкой, метя киммерийцу в локоть.

Конан подставил под удар левую руку, которую тут же пронзила страшная боль, правою же рукой он изо всех сил ударил Колдуна в лицо.

Не успело тело Колдуна рухнуть наземь, как Конан подхватил его и швырнул в центр зала.

Тело угодило прямо в чашу, до краев наполненную раскаленными угольями. Четверку изумленных магов окатил огненный ливень.

Белые одеянья Лахи вспыхнули, и она пронзительно завизжала. Тот-Амон, прикрывая лицо руками, отшатнулся назад. Маленький камбуджиец споткнулся о ножку трона и рухнул прямо в огненное месиво.

Зал наполнился шумом. Стражи в черных одеждах задвигались, но было уже поздно. Конан метался между ними, сшибая их словно кегли. Страшные удары его огромных кулаков крушили черепа и дробили кости врагов.

Юный Конн тоже не стоял на месте. Отец не зря учил его искусству рукопашного боя. Стоило отцу сойтись с первым противником, как Конн ударил стоявшего рядом с ним Колдуна под коленную чашечку. Колдун охнул и упал на пол. Конн ударил его по голове деревянным табуретом и тут же набросился на другого гиперборейца. Не прошло и десяти секунд, как он сразил этим странным оружием четверых врагов.

На каменном возвышении бился в агонии царь Ангкора. Грозно заревев, огромный черный шаман поднял над головой трон и швырнул его в Конана.

Конан прыгнул на пол, и тяжелый трон, просвистев у него над головой, сокрушил добрую дюжину его противников. Не мешкая ни минуты, киммериец взбежал на возвышение и схватил Тот-Амона за горло.

И тут ему помешала старая ведьма. Обезумев от боли, она металась по каменному кругу, полыхая словно факел. Конан отшатнулся от нее, и в тот же миг Тот-Амон прибег к последнему своему средству.

Зал озарился ослепительной вспышкой изумрудного света. Конан схватил в руки трон Лахи, но было уже поздно — Тот-Амон бесследно исчез.

Конан посмотрел в зал. Повсюду царили сумятица и хаос. Разбросанная по полу солома местами горела. Пол был усеян изуродованными трупами гиперборейцев. Он увидел своего сына, бешено вращавшего над головой тяжелый табурет. Полдюжины Колдунов уже лежали на полу, однако круг гиперборейцев, размахивавших своими страшными жезлами, становился все теснее. С десяток Колдунов взбежало по ступеням каменного круга; лица их были исполнены решимости.

9. КРОВЬ И ПЛАМЯ

Конан оторвал от земли тяжелую медную чашу, обжигавшую ему пальцы, и метнул ее в Колдунов. Чаша смела их с круга. В тот же миг зал вновь наполнился изумрудным огнем. Конан обернулся и увидел, что исчез и черный шаман. Похоже, это колдовство позволяло магам легко преодолевать любые расстояния. Сюда они прибыли тем же способом, в этом можно было не сомневаться.

— Киммериец!

Голос этот заставил Конана вздрогнуть. Он обернулся.

Камбуджиец являл собою нечто жалкое. Его усыпанная каменьями мантия обратилась в перепачканную сажей тряпку. Инкрустированная самоцветами корона свалилась с его головы, открыв бритый череп. Лицо было покрыто ссадинами и волдырями. Однако глаза его смотрели на Конана пристальнее, чем прежде, взгляд Пра-Юна исполнился страшной силы.

Маг протянул к Конану свою дрожащую руку и из пальцев его внезапно выплеснулись снопы пламени.

Киммериец охнул. Тело больше не подчинялось ему, — казалось, что его погрузили в ледяную воду. Холод сковал его члены.

Скрипя зубами, он попытался силою перебороть внезапную напасть. Лицо его потемнело от напряжения, глаза едва не вышли из орбит. Но все его попытки были тщетными — тело его обратилось в ледяную глыбу, неподвластную человеческим воле и силе.

Лежащий средь угольев камбуджиец заулыбался. Нечестивый огонь вспыхнул в его холодных змеиных глазах.

Не опуская руки, маг стал бормотать слова заклинания.

Сердце Конана пронзила боль. Над ним стала сходиться тьма...

И тут невесть откуда взявшаяся стрела угодила прямо в висок Пра-Юну. Холодные черные глаза погасли.

Тело мага забилось в конвульсиях и наконец замерло. Чары распались, Конан вновь был свободен.

Его окатила волна тепла и силы — тело его вновь вернулось к жизни.

Он поднял глаза и посмотрел в зал. Старый Эрик стоял у стены, в руках он держал тяжелый арбалет.

Никогда еще он не стрелял так метко. В зал вбежала дюжина одетых в броню рыцарей и добрая сотня гвардейцев Танасула. Просперо поспел вовремя.

Близился восход. Конан набросил на плечи сына теплую шерстяную накидку. Руки, обожженные медным котлом, ныли, однако, переборов боль, он посадил сына на коня. Долгая страшная ночь, исполненная крови и пламени, подходила к концу, и конец этот был счастливым. Воины Просперо разгромили вражье воинство, убив всех Колдунов до единого. Культ смерти был развенчан, страшной Белой Руки, властвовавшей над Севером, больше не существовало.

Конан обернулся. Из узких оконец Похиолы вырывались язычки пламени. Крыша замка уже обрушилась. Под обломками каменных сводов лежали тела Пра-Юна и Лахи. Разве он не предупреждал Лахи о том, что он, Конан, может стать причиной ее гибели?

Вернувшись в Танасул, верный Просперо за пару часов поднял воинство и, не мешкая ни минуты, повел его по тропам Гандерланда и Пограничного Королевства. Они передвигались так быстро, что, казалось, за ними гонится сотня демонов.

Войско не останавливалось ни днем, ни ночью, все понимали, что малейшее промедление может обернуться для их короля гибелью. И они поспели вовремя. На стенах замка не было ни души — все Колдуны были собраны в зале, где происходила встреча величайших магов мира.

Решетка была поднята, а обитые железом створки ворот распахнулись от легкого прикосновения. Слуги Белой Руки слишком презирали людей для того, чтобы запирать врата своего замка. Им была ведома лишь одна реальная сила, и принадлежала она их владычице, великой волшебнице Лахи.

Земля сотряслась от грома; пламя взмыло до небес. Рухнули последние своды страшного замка. Похиолы больше не существовало; зло, заключенное в ней, отошло в мир сказаний и легенд.

Донельзя усталый, но счастливый Просперо подошел к Конану, стоявшему рядом с жеребцом, на спине у которого спал его сын. В глазах Конана поблескивали озорные искорки.

— *Ты не забыл и о* Черном Вотане! — улыбаясь, сказал киммериец и потрепал жеребца по холке. Конь шумно задышал.

— Я полагаю, господин, настало время возвращаться домой? — спросил Просперо.

— Разумеется! Скорее домой, в Тарантию! Охотою я сыт по горло! То ты кого-то ловишь, то тебя ловят! Черт бы побрал эти гиперборейские туманы! У меня от этой сырости в горле першит. — Конан внезапно замолчал и принялся копаться в подсумках.

— Что случилось, мой повелитель?

— Слушай, Просперо, а у тебя случаем не осталось того красного пуантенского вина? Если память мне не изменяет, тогда мы не все выпили...

Конан вновь замолчал и удивленно уставился на своего генерала. Тот хохотал так, что по щекам его текли слезы.

ЧЕРНЫЙ СФИНКС НЕПТХУ

1. ПОЛЕ ЧЕРЕПОВ

Над истерзанной, залитой кровью землей Зингары эбеновым покровом нависла ночь. Бледный, скалящийся лик луны смотрел сквозь рваные облака, несущиеся по небу, на объятую смертью землю. Равнина, полого спускавшаяся к устью мелководной Алеманы, была усеяна трупами людей и коней. Здесь лежали сотни и сотни рыцарей и иоменов. Лица одних были погружены в лужи застывшей крови, другие — те, что лежали на спине, — бесстрастно взирали своими окостеневшими глазами на хищно щерящийся месяц. С радостным омерзительным повизгиванием гиены справляли свой пир — отовсюду слышался хруст костей и чавканье. В этом неприютном северо-восточном уделе Зингары людей всегда было мало; долгие века войн с пуантенцами, жившими по другую сторону реки, сделали эти места почти необитаемыми. Люди здесь встречались едва ли не реже, чем волки и леопарды. В народе поговаривали, что с недавних пор здесь поселились и упыри, обитавшие прежде на холмах в центральной части Зингары. Сегодня праздник справляли и они.

Зингарцы называли это мрачное место Полем Черепов. Никогда прежде край этот не оправдывал так своего названия, никогда прежде земли его не пили столько человеческой крови, никогда прежде подобное воинство не полегало на ратном поле.

Здесь захлебнулись в крови тщеславные мечтанья Панто, герцога Гварралидского, исполнившегося решимости занять пустующий королевский трон. На эту карту Панто поставил все. Вместе со своей бандой он завладел западными провинциями Аргоса и стал их владыкой.

В битве с ним погибли и старый король Аргоса Мило, и его старший сын, который должен был взойти на королевский престол вслед за отцом.

Разгромив аргоссцев, герцог Панто неожиданно перешел Алиману и напал на солнечный Пуантен. Считалось, что так он хотел укрепить свой тыл перед атакой на зингарскую столицу Кордаву. Впрочем, об этом можно было лишь гадать, ибо аквилонский меч навсегда лишил герцога дара речи.

В тавернах поговаривали о том, что в герцога вселился демон, — некий колдун, завладев душою Панто, сделал его своим послушным орудием. Впрочем, предприятие это заранее было обречено на провал, — все понимали, что леопардам Пуантена никогда не удастся совладать с аквилонским львом. Король Конан, правивший самым могущественным королевством Запада, повел свои железные легионы на борьбу с вероломным Панто, угрожавшим его южным границам.

Первое сражение состоялось на зеленых лугах Пуантена. Неистовая атака зингарцев была остановлена хладнокровными воинами из Гандерланда, боссонские же лучники заставили рыцарей Панто повернуть назад. Не успел Панто начать вторую атаку, как Конан поднял свою кавалерию. Возглавили ее гвардейцы аквилонского короля — Черные Драконы. Во главе воинства скакал сам Конан, ратная слава которого защищала его лучше всякой кольчуги.

Зингарцы пустились в бегство, они отходили в Зингару по Пуантенским Топям. Разгневанный Конан направил свое воинство по другой дороге. На Поле Черепов, что лежало к югу от Алиманы, армии снова сошлись. Конан наголову разгромил противника, в живых осталось всего несколько зингарцев. Мечтанья Панто утонули в море крови.

На холме, возвышавшемся над усыпанным трупами полем, стоял огромный шатер. Над ним развевалось черное знамя с золотым львом — знамя короля Конана. У подножия холма стояли шатры рыцарей, в одном из которых расположился пуантенский дворянин.

Старый граф Троцеро Пуантенский пытался умерить боль вином, в то время как врачи перебинтовывали его раны.

Солдатские палатки стояли на поле. Утомленные воины грелись у костров; многие уже спали. Кое-где солдаты разыгрывали в кости свои боевые трофеи — позолоченные щиты, островерхие шлемы и мечи с богато убранными рукоятями. На рассвете они должны были направиться в глубь Зингары с тем, чтобы положить конец раздиравшим ее распрям и возвести на пустующий престол своего наместника.

Перед королевским шатром с мечами наголо стояли Черные Драконы, охранявшие покой своего повелителя. Однако Конану в эту ночь спать не пришлось. В шатре были зажжены все фонари. Вкруг складного походного стола, инкрустированного слоновой костью из далекой Вендии, сидели походные командиры. На столе были разложены карты. Король готовил своих офицеров к походу.

Ратного опыта ему было не занимать, — вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как он впервые вышел на поле брани. Время посеребрило его некогда черные волосы; изуродованное шрамами лицо было изрезано глубокими морщинами. Годы скитаний в дальних странах не прошли для него бесследно, однако былой силы он еще не утратил, да и синие глаза его горели все так же ярко.

Не отрывая взгляда от карты, Конан приказал принести вина. На полученные в бою раны он не обращал никакого внимания, хотя другого они надолго вывели бы из строя. Пока Конан беседовал с офицерами, оруженосцы подносили ему блюдо за блюдом, а врач осторожно промывал и перебинтовывал его раны.

— Этот рубец придется зашивать, мой господин, — тихо сказал хирург.

— Валяй! Если буду ругаться, не обращай на меня внимания. Паллантид, скажи-ка, каким путем лучше всего идти в Стигию?

— Этим, мой господин, — ответил генерал, ткнув пальцем в карту.

— Эге... Я здесь уже бывал. Этой самой дорогой я ушел от колдуна Ксальтотуна...

Конан надолго замолчал. Подперев кулаком голову, он предался воспоминаниям. С той поры, как он сразился со страшным колдуном из Ахерона, прошло уже пятнадцать лет. И тут Конана посетила странная мысль. Герцог Панто считался коварным и умелым воином, однако в последнее время он вел себя как безумец. Лишь последний глупец или человек, окончательно сошедший с ума, мог напасть на одну из самых верных и сильных провинций Конана. Конан, сошедшийся с Панто в бою и страшным ударом раскроивший ему череп, не назвал бы его ни глупцом, ни сумасшедшим.

Ему вдруг подумалось, что за Панто кто-то стоит, чья-то незримая рука управляет действиями зингарца. Киммериец чувствовал, что дела обстоят не так просто, как ему представлялось в начале. Похоже, и здесь не обошлось без колдовства.

2. ВЕСТНИК СУДЬБЫ

Капитаном Королевской гвардии в эту ночь был уроженец Кофа Амрик; в златостенную Тарантию его привели легенды о силе и отваге короля Конана. Черные Драконы величали Амрика Быком, ибо он был силен, отважен и неистов в бою. Амрик был широк в плечах и говорил басом. Как и большинство обитателей Кофа он был смугл. Вьющаяся черная борода говорила о том, что в нем была частичка шемской крови.

К королевскому шатру поднимался маленький человечек в грязных белых одеждах. Его смог узнать только Амрик.

— Клянусь пламенем Молоха! — воскликнул капитан. — Если это не друид из страны пиктов, можете считать меня евнухом! — Переложив меч в левую руку, Амрик поднял правую руку в предупредительном жесте.

Человечек засмеялся, продолжая идти вперед как ни в чем не бывало. Его слегка пошатывало. Амрик решил, что друид пьян.

— Твой грех раскрыт, Амрик из Хоршемиша! — внезапно услышал он.

Амрик грязно выругался, помянув имена всех восточных божков. Он заметно побледнел, на лбу выступили капельки пота. Гвардейцы изумленно посмотрели на него, ибо знали о его мужестве и честности, и перевели глаза на странного незнакомца.

Этот пожилой человечек выглядел совершенно безобидно. Он был почти лыс; с бледного дряблого лица на них взирали водянистые голубые глаза. Ноги его были тонкими, как у птицы. Откуда здесь мог появиться этот человечек, было совершенно непонятно, — на воина он явно не походил.

— Бык, да он знает тебя! — проревел светловолосый Ванр. — Дедуля, о каких это грехах ты говоришь, — у него что, ребенок где-то на стороне, или, может быть, он задолжал в питейной лавке столько, что и герцогу за него не расплатиться?

Стражники захохотали, но Амрик тут же прикрикнул на них:

— Попридержите свои языки, выродки!

Повернувшись к человечку, что с ангельской улыбкой стоял опершись на посох, капитан поклонился ему и снял с головы свой шлем.

— Чем я могу быть вам полезен, Святой Отец? — неожиданно вежливо обратился он к старичку, хотя на языке у него были совсем другие слова.

Амрик не забыл урока, полученного им в те времена, когда он служил в Боссонских Пределах. Там он не единожды убеждался в том, что тщедушные людишки в белых одеяниях, таких же как у этого старичка, обладают чудовищной силой. На головах эти люди носили золотые обручи, свидетельствовавшие об их сане, в руках же их всегда был дубовый посох. Это были друиды, жрецы лигурийцев. Светлокожие лигурийцы жили небольшими кланами в стране пиктов вместе с ее коренными жителями, что были ниже их ростом и смуглее. Лигурийцы и сами были варварами, пикты же рядом с ними казались настоящими дикарями. Дикари эти не боялись ни бога, ни черта, однако к друидам относились крайне уважительно.

— Я должен переговорить с вашим королем, прежде чем он ляжет спать, — ответил друид и тут же добавил: — Я — Дивиатрикс, верховный друид страны пиктов. Передай своему королю, что я пришел к нему из Великой Рощи и принес с собой послание. Владыки Света повелели мне принять участие в судьбе их слуги Конана.

Бык Амрик поежился, помянул про себя имя Митры и покорно отправился в шатер.

Конан отправил офицеров по шатрам, приказал принести горячего вина и сел за стол. Раны его ныли, но это не мешало ему слушать маленького посланника страны пиктов.

Король Аквилонии не придавал особого значения монахам и жрецам, какому бы богу они ни служили. Его собственный киммерийский бог Кром не обращал на людей никакого внимания: его не заботили ни горести их, ни их страдания. Кром был одним из Древних Богов; однажды он играючи слепил из комка глины Землю и заставил ее кружиться среди звезд. Дальнейшая судьба Земли его нисколько не волновала, возможно, он даже и забыл о ней. Но Конану, так же как и Амрику, приходилось сталкиваться с пиктами, и его не могла не потрясти их поразительная отвага. Натиск пиктов не могли сдержать даже могучие воители Севера. Союзники пиктов лигурийцы в бою мало чем отличались от этих свирепых дикарей.

За свою богатую приключениями жизнь Конан успел навидаться всякого; монахов и жрецов разного рода он тоже насмотрелся. Лигурийские волшебники друиды всегда казались ему чем-то особым, — наверное, никто не приближался так близко к слепящему свету истины, как эти спокойные улыбчивые люди в белых одеяниях, которым дубовый венец заменял корону.

Разговор вышел долгим — не одну чашу вина выпили Конан и Дивиатрикс. Конан слышал это имя и раньше, ибо среди друидов Дивиатрикс был первейшим из первых. Не единожды боги говорили с людьми устами этого человека, известного своим пристрастием к хмельным

напиткам. О, это был великий друид, — даже сам Деканаватха Кровавый Топор, предводитель воинства пиктов, что не склонялся ни пред кем и ни пред чем, целовал землю, обагренную кровью тысяч врагов, когда Дивиатрикс прошел мимо его жилища.

Верховный друид пришел из Великой Нуадвиддонской Рощи, повинуясь приказу Владыки Бездны Нуаденса Аргатлама Серебряной Руки. Дивиатрикс принес мрачному гиганту послание Повелителей Творения, некогда вынудивших Конана покинуть родную Киммерию и отправивших его на борьбу со злом в западной части мира. Помимо прочего, в послании этом говорилось и о некой пластинке, выточенной из неведомого камня, что был тяжел как жадеит, но цветом походил на пурпурные башни древней Валузии. Конан понял, что это за камень, хотя даже составители «Книги Скелоса» не посмели сказать о нем ни слова.

Захмелевший Белый Друид говорил с Конаном целый час. Начинало светать. У шатра появились наследница зингарского трона дочь покойного короля Фердруго Хабела вместе со своим супругом, что хотели просить Конана о помощи в изгнании самозванцев и восстановлении в Зингаре законной власти. Принцесса Хабела, ее супруг Оливеро и их пышная свита стояли у шатра до самого рассвета. Конан слушал рассказ хмельного человечка, одетого в лохмотья.

Солнце еще не взошло, когда запели трубы. Шатры тут же были свернуты, и уже через полчаса аквилонские рыцари были готовы к походу.

Разговор с принцессой занял у Конана десять минут. С той поры как он видел Хабелу, прошло уже лет двадцать. Тогда она была совсем юной, Конан же в ту пору служил капитаном зингарского капера. Он смог спасти от посягательств коварного стигийского мага Тот-Амона трон Зингары, которой до самой своей смерти правил старый король Фердруго.

За эти годы Хабела заметно располнела. Она все еще была привлекательной, но уже начинала походить на матрону. Седовласый король Аквилонии поцеловал ее в щеку

и справился о здоровье одиннадцати детей, но тут же прервал ее и подозвал к себе ее супруга. Приказав Оливеро встать на колени, Конан возложил на его плечи свой тяжелый меч и взял с него клятву в верности и послушании. После этого Конан во всеуслышание объявил Оливеро и Хабелу законными королем и королевой Зингары, сюзереном же их, естественно, становился правитель Аквилонии. Он тут же направил их в Кордаву, приказав небольшому отряду рыцарей следовать за ними в качестве охраны.

Конан потряс головой, пытаясь избавиться от сонливости, и взобрался на своего вороного жеребца. Над воинством, в котором было шесть тысяч воинов, считая всадников и пеших, взвился черный стяг с золотым львом. Войско направилось на юго-восток, к границе Аргоса. Конан шел войной на Стигию.

3. ПОХОД К СТИКСУ

Каждый переход длился не менее десяти часов. Армия могучих аквилонских иоменов двигалась так стремительно, что достигла пределов Аргоса прежде, чем до него долетела весть о том, что армия герцога Панто разбита наголову. Конан отправил послание второму сыну короля Мило юному Ариостро, который находился где-то на юге страны, собирая новое воинство. Конан извещал юного принца о том, что Зингара более не угрожает его стране и восшествию Ариостро на престол теперь не помешает ничто. В то же самое время король Конан испрашивал милостивого разрешения Ариостро на переход подвластных ему земель аквилонской армией, направляющейся в Стигию.

Король направил гонцов к своим вассалам Людовику Офирскому и Балардусу Кофитскому. Он просил их передать в его распоряжение армии числом не меньше двух тысяч человек, считая конников и пеших. Армии должны были встретиться на берегу Стикса у Бубастейского брода.

Войско аквилонцев продвигалось все дальше и дальше на юго-восток. Вместе со всеми в скрипучей повозке,

запряженной мулами, ехал и маленький друид. Главного своего глашатая герольдмейстера Черного Виверна Конан отослал в свою столицу Тарантию. Ни Просперо, ни Троцеро не понимали того, что же замыслил король, спрашивать же его об этом они не осмеливались, ибо прекрасно знали характер Конана.

Конан пронесся по Шему словно ураган. Страну зеленых пажитей войско прошло за неполных пятнадцать дней. Время от времени на их пути попадались города, обитатели которых тут же запирали все ворота и выходили на крепостные стены с оружием в руках.

Конану приходилось посылать вперед Троцеро, командовавшего отрядом герольдов, — старый граф был велеречив и хитер и потому легко справлялся со своей непростой задачей. Каждому князю он сообщал о том, что войско аквилонцев не собирается воевать с жителями Шема, одновременно он испрашивал княжеского соизволения пройти по его землям и тут же предлагал им деньги. Серебра он не жалел, и потому князьки тут же великодушно соглашались с ним и даже благословляли Конана.

Разумеется, войску аквилонцев ничего не стоило смести эти города с лица земли, но Конан предпочитал не затевать лишних свар и старался решать все вопросы миром. Мародеров он жестоко наказывал, — стоило кому-то из солдат утащить в кусты темноглазую уроженку Шема или разжиться где-то свежим мясом, как его брали под арест, с тем чтобы повесить на виду у всех. В молодости Конан и сам был повинен в подобных грехах, но сейчас иного выхода у него попросту не было — закон есть закон. Конан вел свое воинство на Стигию и потому старался сохранять тылы безопасными. Обычно города-государства Шема соседей своих не тревожили, ибо были заняты внутренними распрями и теологическими спорами. Объединиться они могли лишь пред лицом иноземного вторжения. Конану приходилось воевать с жителями Шема — как за них, так и против них. Крючконосые чернобородые а ш у р ы не уступали воинам других стран ни в силе, ни в доблести.

В полдень побелевшее от дорожной пыли войско Конана вышло на берег Стикса. Лагерь был разбит в ивовой рощице неподалеку от Бубастейской переправы. Здесь воины провели полтора дня. За это время они успели отдохнуть и привести в порядок себя и свое оружие. В середине второго дня на берегу появились легионы, прибывшие из Кофа и Офира.

Утром в лагере появился и принц Конн, старший сын короля. С собою он привел табун лошадей. Мальчику было всего тринадцать, но он уже ничем не отличался от своего отца, почти не уступая ему ни ростом, ни силой.

Принц проехал земли Шема за десять дней, но, казалось, что он вернулся с утренней прогулки. Синие глаза его радостно поблескивали, на щеках играл румянец. Стоило принцу появиться в лагере, как поляна огласилась радостными криками. Воины любили его не меньше, чем короля, и отправились бы за ним хоть в ад.

Конн остановил коня перед королевским шатром и, спешившись, направился к своему отцу. Лицо Конана оставалось суровым, хотя сердце его ликовало. Он сухо ответил на приветствие сына и пригласил его в шатер. Стоило им скрыться от посторонних глаз, как Конан обнял сына так, что у того затрещали ребра.

— Как поживает твоя матушка? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил Конн, улыбаясь. — Когда она услышала о том, что я буду участвовать в сражении, она стала реветь как корова. Больше всего она боится того, что я промочу ноги.

— Что ты хочешь — мать есть мать, — проворчал Конан. — Ты бы знал мою матушку... Но послушай меня, сын, — никогда не называй свою мать коровой! Это нехорошо!

Мальчик согласно кивнул, и глаза его засверкали вновь.

— Отец, мы что, действительно переправимся через Стикс? И я действительно буду сражаться рядом с тобой?

— Клянусь Кромом, как же ты еще глуп! Разве иначе я смогу научить тебя воинскому искусству? Когда ты

унаследуешь трон, тебе придется защищать его от врагов внешних и внутренних. Гимнастический зал сам по себе неплох, но будущему королю следует упражняться и на бранном поле. Но смотри, ты должен делать только то, что я прикажу тебе, — ни в коем случае не бросайся на врага очертя голову, слава богу, я тебя уже знаю! Ну да ладно, скажи мне лучше, как поживают твои брат и сестра?

Конн стал рассказывать отцу о своем младшем брате семилетнем Таурусе и о маленькой сестричке Радогунде.

— Я рад это слышать! — сказал Конан, выслушав рассказ сына. — А жрецов ты с собой привел?

— Да. Они привезли маленький ларец, разрисованный странными знаками; что в нем — я не знаю...

Конан кивнул:

— Можешь считать, что в нем спрятано наше тайное оружие. Ну а теперь отправляйся спать. Мы должны оказаться в Стигии еще до рассвета.

4. ЗА РЕКОЙ СМЕРТИ

Темные воды Стикса разделяли земли Шема и Стигии. Кое-кто называл Стикс Рекой Смерти, ибо считалось, что от его вод поднимаются ядовитые испарения, а в глубинах его не может выжить ни одно живое существо. Последнее явно не соответствовало действительности, — всю ночь со стороны реки слышались рев крокодилов и тяжелое сопение бегемотов. На людей же река действительно оказывала губительное воздействие: тот, кто хотя бы единожды окунался в воды реки Стикс, заболевал мучительной неизлечимой болезнью.

Никто не знал, откуда берет начало эта река. Она терялась где-то за стигийскими пустынями, в джунглях Кешана и Пунта. Поговаривали, что на землю она вытекает прямиком из преисподни, дабы устрашать и губить людское племя.

Войско пришло в движение еще до рассвета. Первым на камни Бубастейской переправы ступил вороной жеребец Конана. На противоположном берегу видне-

лись развалины древней крепости, некогда охранявшей брод. Восстанавливать ее стигийцы и не думали; границы Стигии теперь охранялись конными дозорами.

Справа и слева от крепости тянулись поля пшеницы. Справа виднелась и крошечная деревушка, стоявшая на самом берегу. Сразу же за узкой полоской пальм и возделанных земель начиналась пустыня, поросшая зарослями верблюжьей колючки.

Бок о бок с Конаном ехали Троцеро, командовавший Черными Драконами, и Паллантид, помощник главнокомандующего. Отъехав подальше от берега, Конан развернул коня и стал наблюдать за тем, как проходит переправа. Аквилонцы шли по броду двумя колоннами. Стоило легионам выйти на берег, как командиры отдали воинам команду разуться. Приказ этот исходил от самого короля. Люди недовольно ворчали, не видя в этой странной процедуре ни малейшего смысла, однако Конан не обращал на это никакого внимания, — ему уже доводилось бывать в этих местах, и он знал, что означало промочить здесь ноги.

Король отправил в разведку взвод всадников. Покусывая ус, граф Троцеро подъехал к своему господину и обратился к нему с вопросом:

— Мой повелитель, может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями?

Конан угрюмо кивнул:

— Хорошо, друг мой, я и так слишком долго держал вас в безвестности.

— Зачем мы приехали в эту чертову Стигию? — спросил Паллантид.

— В Стигии живет наш главный враг — колдун Тот-Амон.

Конн, сидевший неподалеку, тут же навострил уши.

— Тот-Амон? — изумленно воскликнул он. — Тот самый Тот-Амон, по приказу которого в прошлом году меня похитила похиольская ведьма?

— Разумеется. Есть только один Тот-Амон, — мрачно ответил Конан. — Клянусь Кромом, как хороша была бы земля, если бы на ней не было этого мерзавца! Белый Друид поведал мне о планах стигийца.

— Вы говорите об этом тщедушном пьянчужке Дивиатриксе?

— Этот тщедушный пьянчужка — величайший белый маг нашего времени!

Троцеро испуганно замолк, вспомнив о том, как груб он был со старым друидом.

Конан продолжил:

— Оракул Великой Рощи пиктов поведал мне о том, что действиями Панто руководил стигийский колдун. Тот-Амон либо подкупил Панто, либо смог завладеть его сознанием.

— Но зачем? — изумился Троцеро. Паллантид, съехав со склона, направился к воинству, — пора было двигаться дальше.

— Он хотел, чтобы я покинул Тарантию, — ответил старому графу Конан. — Стигиец знал, что я выступлю против зингарцев вместе с вами. Он надеялся на то, что на игры с Панто у нас уйдет никак не меньше пары недель, в течение которых о Тарантии мы и не вспомним...

— Тарантия! Неужели речь идет о королеве?

— Успокойся, дружище. Зенобии и ее детям ничто не угрожает. В Тарантии хранится то, чего Тот-Амон страждет сильнее всего на свете. Он надеялся завладеть этой вещицей в мое отсутствие. Для этой работы он нанял лучших воров мира — Гильдию Ариньона.

Но Тот-Амон сильно просчитался. Он не предполагал, что я разобью армию Панто так быстро, и не знал о том, что ко мне направлен Белый Друид, посланец самого Нуадвиддона. Он забыл и о том, что весенний разлив сделает перевалы Заморы недоступными, и ворам придется идти в Тарантию кружным путем.

Тот-Амон считает, что я все еще нахожусь на севере и охочусь за Панто в горах Пуантена. Он ни о чем не подозревает, ибо не знает того, что мне ведомы его планы. Белый Друид сделал все возможное, чтобы наш поход остался незамеченным стигийцем. Если нам повезет, мы окажемся у стен его дворца прежде, чем он узнает о том, что наше воинство пересекло границу Стигии.

— Что же это за вещица, которой он так страждет? — спросил Троцеро.

— Я знаю, граф! — воскликнул мальчик. — Это...

Конна перебил внезапно подъехавший генерал Паллантид:

— Король, все снаряжение уже здесь! Люди готовы к походу!

Конан кивнул:

— Генерал, отдавай приказ к выступлению! Веди армию на восток; милях в трех отсюда находится Бахр, там ты повернешь на юг и пройдешь вверх по течению еще полмили. Я догоню вас.

Повернувшись спиной к Стиксу, Конан обратил свой взор к мглистым далям пустынной Стигии.

— Вот уже второй раз он посягает на мой трон, — еле слышно пробормотал он. — Ну что ж, теперь мы сразимся на его земле. Быть может, здесь он сможет поразить нас своими чарами, но теперь и они не страшны нам — ведь Боги Света на нашей стороне. Смерти я не боюсь, а против клинка моего, думаю, будут бессильны и бесовские чары!

Затрубили рога. Спустившись к реке, всадники поскакали вслед за удалявшейся армией.

5. ГОРОД МЕРТВЫХ

Казалось, что над Стигией довлеет какое-то страшное проклятие. Чем дальше в глубь этой пустынной страны продвигались аквилонские воины, тем тревожнее становилось у них на душе. В завываниях ветра им чудился чей-то шепот; то и дело откуда-то из-под земли звучали тихие голоса, от которых стыла кровь в жилах. Людей не оставляло ощущение, что за ними следят. Солнце нещадно палило, словно желая изгнать непрошеных гостей. Никакой воды не хватило бы для того, чтобы утолить мучившую воинов жажду.

Они подошли к деревушке, состоявшей из крошечных домишек, что были сложены из необожженной глины. Смуглые ее обитатели при виде грозного воинства тут же пустились в бегство. Бахр оказался мутной илистой речушкой, на берегах которой лежало множество гигантских крокодилов, тяжело плюхавшихся в воду при виде людей.

Войско повернуло на юг и пошло в глубь стигийских земель, стараясь не терять речку из виду. То и дело людям приходилось продираться через густые заросли колючего кустарника. Воины сжимали в руках амулеты, ежеминутно поминая богов и читая мантры. Они направлялись к сердцу этой зловещей, объятой потусторонним мраком земли.

Принц Конн взглянул на солнце и, пришпорив коня, догнал своего отца.

— Отец, мы ведь идем прямо на юг!

Конан пробурчал что-то невнятное.

— Но, — не унимался мальчик, — я всегда считал, что Тот-Амон живет в Оазисе Хаджар, который находится куда западнее!

Конан пожал плечами:

— Я рад тому, что тебя научили читать карты. Дело в том, что Тот-Амон покинул это страшное грязное место. Он избрал своей новой обителью Нептху.

— Нептху?

— Это древний полуразрушенный город на самом юге страны. Мы скоро подъедем к нему. Несколько лет тому назад Тот-Амон смог завладеть всей этой страной. Тогда же он стал верховным магом Черного Кольца, всемирного братства черных магов, тайный центр которого находится именно в этом городе. Он переехал сюда из Хаджара с тем, чтобы постоянно держать это нечестивое братство под своим контролем.

Однажды он уже терял свою власть. Его соперники, такие же колдуны, как и он сам, продали его в рабство. Именно тогда он и появился в Аквилонии...

— Так это он насылал на тебя демона, который не растерзал тебя лишь потому, что на твоем мече был знак феникса?

— Кто же еще? Так уж случилось, что Тот-Амон вновь обрел свое кольцо власти и вернулся в Хаджар. В это время братством Черного Кольца командовал его соперник — маг Тутотмес, избравший своей резиденцией Кеми. Сила Тутотмеса была заключена в талисмане, называемом Сердцем Ахримана.

На какое-то время Черное Кольцо распалось надвое — одни приняли сторону Тутотмеса, другие — Тот-Амона.

Но не успели маги сразиться между собой, как на Тутотмеса напал отряд колдунов из Кхитая. Они убили его и, завладев его талисманом, стали охотиться за мной. Но смерть ждала и их. Сердце Аримана попало ко мне, и я вернул его в Тарантию.

Теперь, как я уже сказал, Тот-Амон единолично правит Черным Кольцом, пытаясь вовлечь в него всех черных магов мира. Оракул поведал мне о том, что сейчас он находится в Нептху.

Конан закончил свой рассказ и задумчиво покачал головой. Внимательно слушавший его граф Троцеро спросил:

— Как охраняется этот город?

Конан пожал плечами:

— Об этом может знать только Митра. Я слышал о том, что этот давно покинутый жителями город превратился в руины. Быть может, маги отстроили его заново и залатали прорехи в его стенах. Но для нас, я думаю, это не имеет особого значения: под моим началом десять тысяч воинов, — мы сможем взять город штурмом.

— Всяк может быть, — неожиданно раздался тонкий голосок друида, ехавшего вслед за ними на своей повозке.

Троцеро повернулся в седле и увидел, что друид снова пьян. Заставив себя улыбнуться, граф пробормотал:

— Ох и не нравится мне эта земля!

В ответ Конан не сказал ни слова; дальше они ехали молча.

Солнце уже клонилось к западу, когда разведчики вернулись в лагерь. Город Нептху был мертв.

Армия двинулась дальше, и вскоре воины увидели пред собой развалины древнего города. От огромной стены, некогда окружавшей город, осталось лишь несколько надвратных арок, покрытых резными изображениями щерящихся чудовищ.

Город был совершенно мертв, лишь несколько пташек летало над развалинами. Крыши домов были провалены, стены превратились в груды камня. Нигде не было видно ни огней, ни дыма очагов.

Жеребец Конана задел копытом круглый белый камень, что лежал на дороге. Неожиданно легко камень

откатился в сторону, обратившись к людям провалами пустых глазниц. Это был человеческий череп, лежавший здесь с незапамятных времен. Все здесь было мертво. Единственными жителями этого города были скорпионы и песчаные гадюки.

— Что будем делать? — пробормотал граф.

— Разбиваем здесь лагерь. Воду можно брать в Бахре, — распорядился Конан. — О дальнейшем пока думать не стоит.

Скалящийся череп наблюдал за людьми. Казалось, что он усмехается.

6. КАМЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Они разбили лагерь за стенами разрушенного города. Конан прекрасно понимал, что на засыпанных песком и булыжником улицах древней стигийской столицы воины будут чувствовать себя не в своей тарелке. Древние руины — особое место, они населены незримыми тварями и силами, что терпеливо ждут своего часа и околдовывают каждого, кто только посмеет приблизиться к пепелищу, некогда кипевшему жизнью. Стигия и так кишела всевозможной нечистью, это же место даже для нее было особым.

Пока солдаты ломали камыш на берегу Бахра, разведчики объехали окрестные земли. Вернувшись, они доложили своим командирам о том, что места эти совершенно пустынны и необитаемы, — здесь не было ни дорог, ни поселений, единственным примечательным предметом на много миль вокруг была гигантская фигура каменного идола. Солнце уже клонилось к западу, когда Конан повел свой отряд к истукану. Стоило всадникам подъехать к каменному чудищу, как огромный вороной жеребец короля громко заржал и испуганно завращал глазами.

— Кром, Митра и Варуна! — воскликнул Конан, изумленно разглядывая каменного колосса. Тросеро вслух выругался; Белый Друид же, помянув Нуаденса, Дану и Эпону, тут же приложился к фляге с вином.

Каменное чудище сидело, припав к земле; казалось, что оно готовится напасть на неведомую жертву. Оно было

вырезано из блестящего черного камня похожего на базальт или гагат. Оно походило на сфинкса, но голова его была не львиной и не человечьей, скорее она была похожа на голову собаки или шакала.

— Признаться, я считал, что черные маги этой страны поклоняются только Древнему Змею Сету, — сказал Трочеро. — Никак не возьму в толк — что же это за чудище?

Дивиатрикс зажмурился.

— Клянусь рогами Кернунноса, это дьявольская гиена Хаоса, — пропищал он. — Вот уж не думал, что люди когда-нибудь изваяют ее в камне!

Конан разглядывал фигуру гиеноподобного сфинкса, изумляясь все больше и больше, — скульптор, изваявший ее, был гениален, — она выглядела настолько правдоподобно, что казалось живой. Пасть чудища была слегка приоткрыта, так что видны были ее мощные острые клыки. Казалось, что гиена вот-вот зарычит и бросится на незваных гостей. От одной только мысли об этом у Конана по спине пошли мурашки.

— Я думаю, нам пора ехать назад, — сказал король, — иначе это чудище явится нам во сне.

Закатные огни погасли; стигийские пустыни погрузились во тьму. Узкий серп луны на миг показался из-за горизонта, но тут же зашел вновь. Все небо было усыпано яркими мерцающими звездами. Многие созвездья были совершенно неизвестны аквилонцам.

Палаточный городок расположился в полумиле от стен древнего Нептху. Костры ярко горели, озаряя своим пламенем окрестные земли. Завернувшись в одеяла поплотнее, люди пытались уснуть. Стражи — на этот раз их было вдвое больше, чем обычно, — вышли в ночной дозор. Стояла мертвая тишина, однако в воздухе чувствовалось странное напряжение.

Утомленный многодневным походом Конан так и не смог уснуть. Было уже за полночь, когда он поднялся со своего ложа и приказал оруженосцу зажечь лампу. Он плеснул в кружку вина и сел на легкий походный стульчик. Спать совершенно не хотелось, напротив, он чувствовал необычное возбуждение, которое обычно посещало его в минуты опасности.

Ругнувшись, Конан стал одеваться.

— Доспехи! — распорядился он. — Нет, нет — к черту латы, — неси кольчугу! Мы пойдем пешком.

Король отказался надевать всю амуницию, ибо, с одной стороны, это заняло бы слишком много времени, с другой — он стал бы слишком неповоротливым. Сапоги, шлем и перевязь — вот и все, что он надел на себя. Конан открыл обитый железом сундук и достал из него маленькую шкатулку, привезенную жрецами Митры из Тарантии.

Киммериец зашел в соседние шатры и разбудил Конна и Троцеро. Затем он отправился в палатку Белого Друида. Тот не спал, — завернувшись в одеяло, друид сидел возле жаровни. Казалось, что Дивиатрикс был погружен в глубокий транс, — он едва заметно покачивался, глаза же его были слегка прикрыты. Друид напомнил Конану кхитайца, накурившегося мака.

— Вставай, друид! — громко сказал король. — Я чувствую опасность.

Лицо лигурийского жреца было бледным как смерть, глаза его смотрели куда-то в пустоту.

— Глаза, — прошептал друид, — зрячие тени... Где-то поблизости силы зла...

Конан потряс лигурийца за плечо:

— Вставай, жрец! Ты что, снова пьян?

Дивиатрикс едва заметно улыбнулся:

— Пьян? Клянусь грудью Матери Дану, король, — выпитого мною вина хватило бы на то, чтобы свалить с ног все войско, я же трезв как стеклышко!

Конан вздрогнул и, распахнув полог палатки, выглянул наружу. Там никого не было.

7. ЗРЯЧИЕ ТЕНИ

Не мешкая больше ни минуты, Конан вышел под открытое небо. Удивленный друид, прихватив свой дубовый посох, поспешил за ним. Рядом с палаткой Дивиатрикса стояли Троцеро, блиставший полной выкладкой, и позевывающий Конн. В следующее мгновение к ним присоединился Паллантид.

— Что случилось, мой господин? — недоуменно спросил генерал.

— Не знаю что, но что-то точно случилось, — проворчал король. — Разрази их Кром, этих колдунов!

— Может быть, стоит поднять войско?

— Пока не надо. Пусть люди поспят хоть немного. Лучше усильте дозор. Я предлагаю переговорить с караульными, возможно, они что-нибудь заметили. Паллантид, пришли-ка мне парочку ребят покрепче, что не побоятся ни человека, ни бога, ни самого дьявола!

Через несколько минут из темноты появилось два гандерских воина, позвякивавших оружием и непрестанно зевавших. Это были рослые кряжистые парни с безмятежными, словно у детей, лицами. Взглянув на них, Конан одобрительно кивнул головой:

— Идем!

Они прошли меж рядами солдатских палаток и подошли к караульным. Тем не удалось заметить ничего подозрительного, однако Амрик, командовавший дозором, сказал:

— Все спокойно, ваше величество. Тишина полнейшая, вот только шакалы где-то воют. Правда, некоторые наши люди жалуются на — как бы это вам сказать, да — жалуются на тени!

— Какие такие тени? — грозно спросил Конан.

Кофитский воин почесал бороду:

— Да глупость это какая-то, ваше величество! Они говорят, что видят тени там, где их быть не должно, — в том смысле, что без предмета тени не бывает. Эти идиоты говорят, что тени наблюдают за ними!

— Зрячие тени! — воскликнул Дивиатрикс. — Выходит, я не ошибся!

Конан стал нервно покусывать ус:

— Значит, говоришь, тени? Похоже, они скоро и мышей станут бояться! Ну что ж, сейчас мы посмотрим — так ли это.

Ослабив ножны, Конан повел свой небольшой отряд вокруг лагеря. Вместе с ним в дозор вышли Троцеро, Конн, старый друид и два воина-гандерца. Сухой песок тихо поскрипывал под их сапогами. Факелы в руках

солдат шипели и потрескивали. В свете пламени хорошо просматривалась вся округа.

Юный Конн внезапно замер и, схватив отца за руку, указал на что-то пальцем. Посмотрев в этом направлении, Конан ахнул от неожиданности:

— Следы! Выходит, за нами действительно следят! А они говорят мне о каких-то тенях! Чего-чего, а следов тень не оставляет...

Троцеро взял в руку рукоять своего меча:

— Мой господин, не пора ли нам поднимать армию?

— Из-за одного шпиона поднимать целое войско? Да это же смешно! Нет, мы пойдем по этому следу и придем в их логово! Прежде чем мы их не выследим, будить людей не стоит. — Конан подозвал к себе одного из гандерландцев: — Отправляйся в лагерь и расскажи Паллантиду о том, что мы здесь увидели. Мы пошли по следу. Пусть он пошлет вслед за нами отряд отборных воинов. Если нам понадобится помощь, мы подадим им знак. Я хочу застать врага врасплох, от них же шума будет столько, что впору оглохнуть.

Киммериец поспешил по таинственному следу. Долгий переход истомил его настолько, что он и думать забыл об осторожности. Спутники едва поспевали за ним. Вскоре лагерь совершенно исчез из виду.

— Смотрите, ваше величество! — прошептал Троцеро, указывая рукою вперед.

Присмотревшись получше, Конан увидел далеко впереди человека в черной мантии, на голову которого был наброшен капюшон. Человек этот направлялся к Черному Сфинксу. Образ тут же померк. Конан протер глаза и вновь стал всматриваться во тьму.

— Вперед! — прошептал он и прибавил шагу.

8. НОЧНОЙ ПРИЗРАК

Звезды медленно кружили над головой. Конан и его спутники крались по следу таинственной тени. Как они ни спешили, ни догнать, ни хорошенько рассмотреть эту темную фигуру они не могли, — словно призрак она маячила где-то впереди.

Через какое-то время они оказались у подножия гигантского монумента. Огромная каменная гиена смотрела на них своим немигающим взглядом. Фигура в плаще вошла в узкий проход меж лапами чудовища, поднялась к его груди и — исчезла.

— Кром! — прошептал пораженный Конан. Он был варваром и потому смертельно боялся всего сверхъестественного.

Однако вскоре загадка эта была разрешена. Стоило им подойти к каменной груди чудовища, как они заметили трещинку, что становилась все тоньше. Они стояли пред огромной, в два человеческих роста дверью, что захлопывалась буквально у них перед носом.

Конан метнулся вперед и вставил в щель свой клинок. Гигантская дверь замерла. Напрягшись изо всех сил, так что пот выступил на его лбу, Конан попытался потянуть дверь на себя. Щель стала пошире, и он смог просунуть в нее пальцы.

Дверь со скрипом открылась. Конан поднял свой меч и, ни минуты не раздумывая, вошел внутрь. Остальным не оставалось ничего иного, как только следовать за ним. Последним в дверь вошел друид, видно было, что делает он это нехотя.

Воина-гандерца Конан отослал назад, напутствовав его такими словами:

— Торус, слушай! Подопри дверь пикой и беги в лагерь. Пусть Паллантид ведет сюда все наше войско. Да смотри — нигде не задерживайся! Мы отправимся вперед — ждать вас мы не будем.

Они оказались в просторном коридоре с высокими сводами. Пламя факела тревожно затрепетало. Конан и его спутники осторожно двинулись вперед, боясь попасть в западню или засаду. По широкой каменной лестнице, которой заканчивался коридор, они спустились вниз и оказались под землей.

— Клянусь Митрой, именно поэтому мы никого не встретили! — прошептал Троцеро. — Все колдуны спрятались здесь — в этом подземном лабиринте!

Это действительно был лабиринт. Подземные коридоры то и дело разветвлялись, образовывая запутанную сеть. Чтобы не заблудиться, Конан при каждом повороте делал смолистым факелом отметку на стене. Они шли все дальше и дальше вперед, но коридоры оставались все так же пусты. «Где же скрываются эти проклятые колдуны?» — подумал Конан и сказал вслух:

— Мы все идем и идем, а этим коридорам и конца не видно! Если правы те, кто утверждает, что земля круглая, мы скоро окажемся на другой ее стороне!

Они вновь подошли к лестнице. Стоило им спуститься по ней, как Троцеро испуганно прошептал:

— Мой господин, может быть, нам все-таки стоит дождаться других?

— Может быть, и стоит, — угрюмо ответил ему Конан. — Но прежде я хочу хорошенько осмотреть это место. Воины скоро подойдут, нам же пока, как видишь, опасаться некого. Идем!

Они стояли в огромном круглом зале, схожем с амфитеатром. Повсюду виднелись каменные скамьи. Конан поднял факел высоко вверх, но так и не смог рассмотреть центра зала. Ему вдруг вспомнился огромный ипподром в его столице Тарантии.

— Интересно, для чего им эта штука? — озадаченно пробормотал он.

Троцеро хотел было что-то ответить ему, но тут вдруг раздался совсем иной голос. Это был низкий, полный силы голос, в котором звучали торжествующие нотки.

— С помощью этой штуки, Конан Аквилонский, мы избавляемся от наших врагов!

Конан вздрогнул. Прежде чем он успел двинуться, вспыхнул холодный искусственный свет, который был едва ли не столь же ярок, как свет солнца, хотя и не имел видимого источника. Киммериец увидел, что на скамьях, стоявших по другую сторону зала, сидят сотни и сотни одетых в черное людей. Справа от них зияла огромная арка, что была ничуть не меньше той двери, через которую они проникли в подземелье.

Прямо перед ними на огромном троне, вырезанном из черного камня, восседал крупный человек, одетый в простую зеленую рясу. Видно было, что это чистокровный

стигиец, — хищное лицо его казалось вырезанным из бронзы, темные глаза смотрели на людей едва ли не брезгливо.

— Добро пожаловать в мою империю, — усмехнувшись, сказал Тот-Амон.

Если бы Конан знал, что Торус, которого он послал за подкреплением, лежит, истекая кровью, в сотне метров от Черного Сфинкса, пронзенный стигийской стрелой...

9. ОРУЖИЕ СТИГИЙЦЕВ

Паллантид не успевал отдавать команды. Со всех сторон звучали трубы и гремели копыта.

Стоило Конану и его спутникам исчезнуть за каменной дверью, как дела приняли дурной оборот. Все началось с предательства кофитского и офирского легионов. Палатки их стояли на самом краю лагеря. Дозорные один за другим подбегали к генералу, докладывая ему о том, что все кофиты и офирцы внезапно покинули лагерь, то ли поддавшись панике, то ли заранее решив покинуть аквилонское воинство.

Паллантид принялся ругаться на чем свет стоит. Он отдал приказ поднять взвод кавалерии и нагнать предателей, но тут вдруг оказалось, что аквилонцы остались без коней, — на них бежали пешие легионеры Кофа и Офира.

В это время в лагере появился один из гандеров, который передал генералу приказ Конана о снаряжении отряда, что должен был направиться вслед за своим королем. Не успел Паллантид отправить людей, как к нему подбежал еще один запыхавшийся дозорный:

— К оружию, мой господин! Мы окружены! Стигийцы идут на нас со всех сторон!

Из-за барханов, окружавших лагерь, на поле выехало множество вражеских лучников. Понять, сколько их было, невозможно. Они с диким воем носились вокруг лагеря, засыпая его стрелами. Стигийцы стреляли наудачу, однако стрелы их унесли с десяток жизней. Лагерь наполнился криками и стонами.

На вершине одного из барханов появился взвод лучников, стрелявших огненными стрелами. Подобно кометам, прорезали они ночную темень. Одна за другой стали вспыхивать палатки.

Аквилонские воины по большей части уже не спали, — их разбудила суета, возникшая при известии об измене. Задыхаясь от дыма, они выходили из своих палаток, на ходу надевая шлемы и перевязи.

— Тушите огонь! — закричал Паллантид. — Сворачивайте палатки! Сенвульф! Где ты, черт бы тебя побрал?!

— Я здесь, — ответил стоявший рядом с ним капитан боссонских лучников. — Где король?

— Бог его знает! Он отправился по следу шпиона! Расставь своих людей вокруг лагеря и заставь их поупражняться в стрельбе. Пусть обратят особое внимание на тех, что стреляют огненными стрелами. Амрик!

— Я здесь, мой генерал!

— Пусть твои люди, вооружившись пиками, окружат боссонцев. Надеюсь, брустверы они и без моей помощи выроют.

Тот-Амон зловеще улыбнулся.

— Слишком уж часто ты переходил мне дорогу, киммериец, — сказал самый страшный колдун земли. — Впервые ты ступил на эти земли сорок лет назад. Я должен был раздавить тебя еще тогда, когда ты был немощен и мал. Знай я тогда, с кем я имею дело, и я уничтожил бы тебя одним движением мизинца. Я мог это сделать в доме Кальяна Публико или в столице Зингары Кордаве, когда ты помешал мне стать ее правителем. Я мог убить тебя в крепости графа Валенсо, что стояла на самом берегу Западного Моря, где я увидел тебя впервые. Мог я тебя уничтожить и в бытность свою рабом Аскаланта из Тарантии, — тогда ты только начинал править Аквилонией, верно? Как видишь, просчетов я допустил немало, но ничего — это дело поправимое.

Конан отдал факел Троцеро и сложил на груди свои могучие руки. Лицо его оставалось бесстрастным, глаза же сверкали синим пламенем.

— Ты можешь говорить что угодно, стигиец. В конце концов, каждый имеет право на свое мнение, — спокойно заговорил Конан. — И все же для того, чтобы заманить меня сюда, ты истратил едва ли не все свои силы, — верно?

Со скамей послышались шипение и полные возмущения крики. Тот-Амон сардонически рассмеялся:

— Ну ты и пес! Твое спокойствие восхищает меня так же, как моих собратьев возмущает твоя дерзость! Но поверь мне: теперь тебе уже никто не поможет. Ты заслужил наказание — слишком уж часто ты мешал мне. Будем считать, что наша комедия подошла к концу. В ловушку попал не только ты, в ловушке оказалась и твоя армия. Пока мы любезничаем, мои воины сражаются с твоими людьми. Аквилонским рыцарям не устоять против наших сабель. Сегодня погибнет не только король — вместе с ним исчезнет с лица земли и его воинство.

Конан пожал плечами:

— Как знать. Боюсь, мои рыцари изрубят твоих людей как капусту. В этом я нисколько не сомневаюсь.

— Ты забываешь о том, что мы вооружены не только саблями...

Тот-Амон улыбнулся и щелкнул пальцами. Из пальцев его вырвалась изумрудная молния, пронзившая меч Троцеро. Сталь мгновенно раскалилась докрасна. Троцеро, вскрикнув, выронил меч из рук и сунул обожженные пальцы в рот.

— На нашей стороне и магия, — закончил Тот-Амон.

Конан смотрел на Тот-Амона так же бесстрастно.

— С магией возможно бороться магией, — тихо сказал он.

Крошечный человечек, стоявший рядом с Конаном, сбросил со своих плеч темный плащ, прикрывавший его белую мантию и дубовый посох. На трибунах поднялся переполох.

— Это Белый Друид из страны пиктов! — громко сказал кто-то.

— Верно, — мрачно кивнул Тот-Амон. — Если мне не изменяет память, то это не кто иной, как Дивиатрикс.

— Дивиатрикс! — испуганно вскричали с трибун. Верховный маг жестом руки успокоил своих собратьев. На Конана и его товарищей устремились взгляды сотен глаз. Установилось напряженное молчание.

Конан почувствовал, как по спине его поползли мурашки. Сердце его стало наполняться смертельным хладом. Мускулы его онемели, зрение стало слабнуть, сердце билось все реже и реже. Юный Конн охнул и зашатался.

— Колдовство... — почти беззвучно прошептал Конан. Все вокруг него поплыло, еще минута — и он должен был грохнуться наземь...

10. БЕЛЫЙ ДРУИД И ЧЕРНЫЙ МАГ

И тут друид рассеял колдовские чары. Он развел руки в стороны и взмахнул своим дубовым посохом. К изумлению Конана, посох вдруг покрылся нежной листвой. Дивиатрикс стоял в центре пульсирующей золотой сферы. В воздухе запахло молодой зеленью. Золотистый свет и благоуханье заполнили собою весь зал.

Маги Черного Кольца в страхе отвернулись. Иные из них вытирали с лица пот. Дивиатрикса стало пошатывать, — похоже, хмель все же ударил ему в голову. Однако, невзирая ни на что, этот маленький тщедушный человечек продолжал держать зал под своим контролем.

Тот-Амон уже не смеялся, — сведя брови, он пытался сконцентрироваться. Неожиданно он поднялся во весь свой рост и послал в сторону Белого Друида изумрудную молнию. Дивиатрикс отразил ее своим посохом, и она превратилась в сноп шипящих искр, которые тут же погасли.

Однако Тот-Амон не унимался — он метал в друида все новые и новые молнии. Воодушевленные примером своего предводителя, маги один за другим подымались на ноги, и вскоре на друида посыпался настоящий изумрудный ливень. Какое-то время золотой пульсирующий щит ауры защищал друзей, но чувствовалось, что Дивиатрикс

уже начинает ослабевать. Все чаще и чаще изумрудные молнии впивались в песок у самых ног Конана и его товарищей.

— Белой магии недостает силы, киммериец! — радостно воскликнул Тот-Амон.

— Значит, настало время прибавить ей сил!

Конан вынул из-за пояса маленькую шкатулку и достал из нее кроваво-красный кристалл, тут же наполнивший зал ослепительным сиянием. Конан передал камень Дивиатриксу, и тот схватил его так, как утопающий хватается за руку спасателя.

Стоило друиду взять камень, как золотая аура вспыхнула с невиданной силой, ослепив своим блеском колдунов. Крики ужаса раздались с трибун: кто-то пытался бежать, кто-то, заслонив от света глаза, падал замертво. Белый Друид исполнился нечеловеческой силы, теперь он казался огромным. Визг не затихал. Маги теснились в узких проходах, пытаясь поскорее покинуть зал.

— Сердце! — воскликнул Тот-Амон, смертельно побелев. В одно мгновение он превратился в дряхлого старика. — Сердце Аримана! — вновь горестно возопил он.

Конан рассмеялся:

— Ты думал, что я приду в твое логово без этого талисмана? Наверное, ты считаешь меня все тем же глупым юнцом, который сорок лет назад покинул Север и отправился скитаться по свету!

Все эти годы Сердце хранилось под сводами Митраэума. Когда друид поведал мне о твоих коварных замыслах, я послал гонцов за ним и за старшим своим сыном. С этим амулетом старый Дивиатрикс сможет одолеть и тысячу твоих магов.

Я знаю, почему ты так жаждал заполучить его, — ты боялся, что кто-нибудь сможет использовать его против тебя. Именно для этого Боги Запада послали этого друида в пустынные стигийские земли. Никто, кроме него, не сможет устоять перед соблазном, исходящим от этого камня, — еще бы! Владеющий им подобен богу! Лишь Дивиатрикс, этот маленький пьянчужка, способен исполнить волю богов!

Лицо Тот-Амона искривилось гримасой боли, руки его безвольно повисли. Многие маги были уже мертвы, прочие носились по залу в поисках выхода, а золотое сияние становилось все сильнее и сильнее...

Однако Тот-Амон и не думал сдаваться. Конан, ужаснувшись, увидел, что мага стала заволакивать тьма, обнимавшая его огромными змеиными кольцами. Неужто сам Сет решил прийти на помощь своему верному слуге? Тяжело дыша, Тот-Амон пробормотал:

— Ты заставляешь меня прибегнуть к силе, киммериец...

Темные кольца вокруг него стали сгущаться; теперь были видны только его горящие глаза. Конана бросило в дрожь, когда он услышал страшное заклинание, слетевшее с уст мага. Странные и страшные эти словеса отразились эхом от каменных сводов.

Теперь все взгляды были устремлены на черный провал в дальнем конце зала. Тьма неожиданно пришла в движение. Тот-Амон радостно засмеялся.

11. ИСЧАДИЕ ТЬМЫ

Из провала медленно выходило что-то темное. Понять, что это, Конан не мог, ибо движущееся темное пятно казалось ему продолжением тьмы провала. Однако пятно это не было и тенью, ибо земля под ногами неведомого чудовища тяжело содрогалась.

— Кром! — прошептал потрясенный Конан. Товарищи его при виде этого чудовищного зрелища испуганно отступили назад.

— Да помогут нам боги! — простонал Дивиатрикс. — Это и есть существо, которое люди изваяли в камне! Адские твари, подобные этой, слишком тяжелы для нашей земли. Подумать страшно — сколько столетий оно ждало этой минуты! Теперь мы можем надеяться только на Владык Света, — даже Сердце Аримана не позволит мне совладать с этим Исчадием Тьмы, порождением самого Хаоса!

Конан обвел взглядом усеянные трупами скамьи. Все маги, включая самого Тот-Амона, покинули зал, убоявшись зверя, пробудившегося от многовекового сна.

— Скорее наверх! — прокричал Конан. — Троцеро, дай мне факел! Бежим! Бежим!

Они понеслись вверх по лестнице и вскоре уже бежали по разветвленным запутанным коридорам. Конан то и дело посматривал по сторонам, надеясь обнаружить какой-нибудь узкий проход, в который не смогло бы протиснуться черное чудовище. Однако все коридоры были одинаково широки, похоже, лабиринт строился именно для чудища.

Надеяться им было почти не на что. Громыхая сапогами, Конан несся по бесконечным коридорам, призывая на помощь бесстрастных богов своей холодной родины.

Вскоре вокруг лагеря выросли укрепления из песка и всевозможного скарба, которые хоть как-то защищали вооруженных острыми пиками гандеров, рыцарей Аквилонии и Пуантена и метких боссонских лучников. Стоило стигийской армаде приблизиться к лагерю, как лучники, поднимаясь во весь рост, осыпали их таким морем стрел, что стигийцы немедленно отходили назад. Тяжелые аквилонские стрелы легко пронзали тонкие кольчуги врага, и вскоре возле укреплений лежали уже целые горы вражеских трупов.

Паллантид был настроен крайне мрачно. На востоке уже занимались сумерки, но грядущий день не сулил его армии ничего хорошего. Оставшиеся без конницы аквилонцы не могли нанести превосходящему их числом противнику ответного удара, — стигийская кавалерия тут же разгромила бы пехотинцев.

Свои позиции им пока удавалось отстоять, но с рассветом у стигийцев должен был появиться могущественный союзник — раскаленное солнце пустыни. Запасы воды подходили к концу, о том же, чтобы прорваться к берегам Бахра, не могло идти и речи.

Запаса стрел должно было хватить еще на час-другой. Даже при самом удачном стечении обстоятельств аквилонцы могли продержаться разве что до вечера.

И тут генерал увидел нечто странное. Стигийская армада, неистово круживша вокруг лагеря, неожиданно

стала отходить, всадники поскакали в направлении Черного Сфинкса. Не прошло и получаса, как стигийское воинство скрылось за барханами.

Паллантид тут же послал вслед за ними известного своей проворностью воина. Тот взобрался на высокий бархан, стоявший поодаль, и вскоре уже был в лагере.

— Нет, генерал, возвращаться они пока не думают. Все их воинство собралось у этой отвратительной статуи. Они слушают своих полководцев. Но, похоже, долго отдыхать нам не придется, — если я не ошибся, среди них появились всадники, одетые в черную броню.

Паллантид обернулся на свое воинство. Люди завтракали как ни в чем не бывало.

— Возможно, мы и отобьем первую их атаку, — тихо сказал Паллантид Сенвульфу и Амрику. — Но я нисколько не сомневаюсь в том, что за первой атакой последует и вторая. На передний край обороны мы должны выставить рыцарей, одетых в латы...

Генерал вдруг почувствовал всю безнадежность их теперешнего положения. Спасти их могло разве что чудо...

И куда же запропастился Конан?

12. ПИРШЕСТВО ЧЕРНОГО ЗВЕРЯ

Каменная дверь со скрипом отворилась. На пороге показался огромный Конан, державший в руках факел. За ним стояли принц Конн, граф Троцеро и друид Дивиатрикс, сжимавший в кулаке Сердце Аримана.

Свет звезд начинал меркнуть. Люди стояли в узком проходе меж лапами каменного чудища, каждая из которых была высотой в два человеческих роста. Перед ними расстилалась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустиками верблюжьей колючки.

Впереди не было видно никого и ничего, однако с другой стороны — откуда-то из-за каменной лапы — слышались поскрипывание седел, бряцание оружия, пофыркивание верблюдов и человеческие голоса. Громче всех звучал голос стигийского генерала, призывавшего своих воинов не щадить врага, осквернившего своим появлением

святые земли Стигии. Голос его отражался эхом от каменной громады.

Приложив ладонь к уху, Конан прислушался: из подземелья послышались тяжелые шаги гиеноголового чудовища.

— Оно идет за нами, — прошептал он. — Вперед нам тоже идти нельзя, — похоже, Тот-Амон собрал здесь всю свою армию. Если мы попытаемся бежать, они тут же заметят нас...

Земля стала подрагивать. Где-то за Черным Сфинксом запели трубы и забили барабаны. Стигийское воинство пришло в движение.

Конан затушил факел и жестом пригласил спутников следовать за ним. Едва люди вышли из каменного коридора, как в темном проеме появилась чудовищная гиена. Остановившись на пороге, зверь стал принюхиваться.

— Смотрите — там овражек! — прошептал Конан, указывая вперед. — Бежим!

Они метнулись в сторону и, скатившись на дно неглубокого овражка, залегли, боясь пошевелиться. Чудовище медленно пошло вслед за ними. И в тот же миг из-за левой лапы каменного истукана выехали передовые колонны стигийцев. Чудище стояло в нескольких метрах от них.

Ночь наполнилась криками, полными ужаса. Град стрел и копий полетел в черного зверя.

Чудовище заревело и бросилось на стигийцев. Оно давило людей своими страшными лапами и рвало в клочья их коней и верблюдов, справляя свой ужасный пир. Кони, обезумев, сбрасывали с себя седоков, которые тут же оказывались в пасти черного зверя. Генерал попытался было остановить своих объятых паникой людей, но те уже не слышали его, — армия стигийцев пустилась в бегство...

Черный зверь носился по полю, давя людей сотнями. Он все убивал, и убивал, и убивал...

Едва над горизонтом показалось солнце, чудище поспешило в свое подземное логово. Каменная дверь с глухим стуком закрылась.

Конан и его спутники, все это время лежавшие на дне овражка, направились к лагерю. Аквилонцы, приготовившиеся к последнему бою, встретили их радостными криками.

Часть имущества сгорела во время ночного пожара. От стрел стигийцев погибло несколько десятков воинов. Раненых же было куда больше.

Конан и Паллантид приказали своим воинам изловить коней и верблюдов, бродивших вокруг лагеря, и собрать брошенный стигийцами скарб. Армия готовилась к новому походу.

Белый Друид, так и не выпускавший из рук Сердце Аримана, занялся исследованием духовного плана. Очнувшись от транса, он сообщил Конану, что Тот-Амон покинул Нептху и направился на юго-восток, в таинственное царство Зимбабве.

Армия была готова к выступлению. Рыцарские латы были заменены на легкие кольчуги, не обременявшие низкорослых стигийских лошадок своим весом. Части воинов пришлось пересесть на верблюдов.

Конан тоже сел на верблюда, обхватив его передний горб ногами.

— Еще бы я не знал, как это делается! — довольно посмеивался он. — Кто как не я командовал кочевниками-зуагирами! Если с верблюдом обходиться по-доброму, он и коня переплюнет.

Прищурившись, он посмотрел на затянутый белесой дымкой горизонт. Сидевший в своей повозке Дивиатрикс блаженно улыбался. Он вновь был пьян.

— И все же Владыки Света нас не оставили, король! — громко воскликнул друид и, повернувшись к Конну, ехавшему на стигийском пони, попросил у него меч.

Конн передал Дивиатриксу свой клинок, и тот указательным пальцем правой руки начертал на нем несколько рун, чудесным образом запечатлевшихся на его булатной стали.

— Что это? — изумился Конн, взяв меч в свои руки.

Дивиатрикс хитро заулыбался:

— Ничего не спрашивай, мальчик. С тебя достаточно будет и того, что прошлой ночью мне посоветовали это сделать. Мне было сказано, что руны эти тебе помогут. Ну а теперь, позвольте мне откланяться!

К Конану подъехал его боевой генерал Паллантид.

— Армия готова к маршу, ваше величество! — доложил он.

— Чего же ты ждешь? Давай команду к выступлению!

— Позвольте узнать — куда же мы теперь направляемся? — ехидно осведомился Троцеро.

Конан широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами:

— В Зимбабве, куда же еще?! Если понадобится, то мы отправимся и на край света!

Над пустыней запели трубы.

АЛАЯ ЛУНА ЗИМБАБВЕ

1. ЗЕЛЕНЫЙ АД

Пуантенский граф Троцеро едва не вывалился из седла, когда его коренастая лошадка поскользнулась в очередной луже. Одной рукой он держал поводья, другой — отмахивался от назойливых москитов, вьющихся роем над его головой. Граф еле слышно чертыхнулся. Позади раздалась отборная ругань, — конь Паллантида, командующего аквилонской армией, ехавший следом, поскользнулся в той же самой луже.

Троцеро с тоской во взоре посмотрел на низкие мрачные тучи. На небе не было ни просвета. С обеих сторон тропы стеною вставали заросли высокого — в два человеческих роста — тростника. Кони уныло месили грязь, то и дело увязая в зловонной луже. В сезон дождей равнины Зимбабве превращались в сплошное непроходимое болото.

Дожди должны были прекратиться только через две недели. За пару дней солнце высушило бы болото, превратив его в выжженную пустошь, а грязь обратилась бы в плотную, как камень, корку. Однако все это должно было произойти только через две недели...

— Похоже, скоро дождь пойдет, — сказал Троцеро.

Генерал хмуро взглянул на небо.

— Ну у тебя и шутки, граф! — буркнул в ответ генерал. — Он идет уже десять дней кряду. У меня от него уже кольчуга заржавела! Интересно, сколько же мы будем так идти?

Троцеро улыбнулся:

— Спроси у Конана. Осторожно, змея!

Через тропу беззвучно ползла огромная, толщиной в ногу, болотная гадюка. Едва она скрылась в зарослях, кони тронулись с места.

— Это треклятое болото у меня вот где уже стоит! — проворчал генерал. — Жаль, нет с нами этого старикашки друида! Он бы нас в Старое Зимбабве по воздуху перенес, и мы не месили бы эту грязь своими ногами! Половина коней и верблюдов уже издохла, болотной лихорадкой заболел едва ли не каждый второй. Одного не могу взять в толк: если мы даже и дойдем до Заповедного Города, то как же мы будем, черт его подери, сражаться?!

Троцеро пожал плечами. Поход длился уже больше месяца. Вначале войско шло вдоль восточных границ Стигии, следуя вверх по Стиксу. Затем река резко повернула на юг, и они оказались на равнинах, населенных шемитскими кочевниками-зуагирами, перегонявшими с места на место огромные стада овец и верблюдов.

Покинув пределы Стигии, войско оказалось меж землями Кешана и Пунта. Пустыня сменилась поросшими буйными травами саваннами; стали появляться и деревья. На юге Пунта берега Стикса обратились в непроходимые топи, и войску пришлось забирать далеко влево, чтобы обойти их. Теперь же они приближались к границам таинственного Зимбабве.

Тросеро то и дело поминал Белого Друида Дивиатрикса, хотя был человеком образованным и в чудеса не верил. Там, в древней стигийской столице, этот старый пропойца смог справиться с доброй сотней магов. Если бы не он, песенка аквилонцев уже была бы спета. Черного Кольца больше не существовало, хотя Тот-Амону и удалось бежать в покрытое непроходимыми джунглями Зимбабве. Граф никак не мог взять в толк, чего ради Конан с таким остервенением преследует стигийца, — маг есть маг и совладать с ним могут только маги...

И все же Конан решил положиться на собственные силы, словно забыв о том, что там, в Нептху, его спасли от смерти Белый Друид и Сердце Аримана. Впрочем, Троцеро знал и о том, почему Конан отпустил Дивиатрикса.

Деканаватха, вождь суровых пиктов, погиб в сражении. Преемник же его Сагояга был полон честолюбивых

замыслов: он решил собрать племена пиктов и лигурийцев, дабы захватить западные провинции Аквилонии. Единственным человеком, способным остановить Сагоягу, был Белый Друид.

Дивиатрикс покинул аквилонское воинство еще в Стигии. С собою он захватил и Сердце Аримана, с тем чтобы отвезти его в Тарантию и вернуть жрецам великого Митраэума. Конан волшебником не был, и потому талисман этот вряд ли смог бы помочь ему.

Прежде чем покинуть аквилонцев, друид с помощью волшебства смог узнать, где же скрывается Тот-Амон. Северные союзники мага — гиперборейское братство Белой Руки — были уничтожены аквилонцами за год до этого. Восточный Алый Круг со смертью своего правителя Пра-Юна, царствовавшего в легендарном Ангкоре, также распался.

Заповедный Град Зимбабве был единственным местом на земле, куда мог отправиться Тот-Амон. Городом этим правил страшный Ненаунир, жрец Дамбаллы, под началом которого было три миллиона черных варваров. Туда-то и бежал Тот-Амон. Туда же направлялся и Конан.

2. ЧЕРНЫЕ КРЫЛА СМЕРТИ

Как и предполагал Троцеро, Конан объявил о привале лишь с наступлением сумерек. К счастью, неподалеку от тропы высился зеленый холм, и воинам не пришлось вновь ночевать на болоте. Лагерь решено было разбить на его вершине.

Вскоре на склонах холма уже весело потрескивали костры. Усталые, опухшие от укусов москитов аквилонские воины, чертыхаясь, чистили своих лошадей и пытались высушить у костров раскисшие сапоги. У подножия холма расхаживали дозорные. Отовсюду слышался скрежет и лязг оружия, люди пытались очистить его от ржавчины.

Черный шатер короля стоял на самой вершине. Королевский штандарт свисал с шеста темной сырой тряпкой.

Внутри шатра над чашей с горячей водой стоял Конан, пытавшийся смыть с себя пот и въевшуюся в поры грязь.

Владыке Аквилонии было уже под шестьдесят, однако возраст и известная праздность его нынешней жизни почти не сказались на нем. Время смогло разве что посеребрить его темные волосы и усы, да покрыть морщинами его загорелое обветренное лицо, мышцы же его при этом ничуть не утратили своей былой силы. Пока король вытирал досуха свое тело, пажи накрыли на стол ужин, предназначавшийся для него и принца Конна. Ужин этот состоял из вареного мяса и черствого хлеба. Запасы вина давно уже вышли, — воины и король утоляли жажду водой из болота. Конан, памятуя о совете старого мудреца Алхемида, заставлял своих воинов пить только кипяченую воду. Воины недовольно ворчали, однако не смели ослушаться своего короля.

Набросив на плечи просторную мантию, Конан отпустил пажей и приступил к трапезе. Бесконечное путешествие по знойным пустыням, непролазным джунглям и бескрайним болотам уже начинало утомлять и его. Впрочем, усталость эта никоим образом не влияла на его решимость раз и навсегда покончить с заклятым своим врагом.

Помимо прочего, в путешествии этом Конан, как ни странно, отдыхал душой — он оставался все тем же бродягой, пиратом, искателем приключений, которого тяготили и утомляли жизнь во дворце и дворцовые увеселения.

В шатер вошел принц Конн. Конан промычал что-то невразумительное и жестом пригласил мальчика к столу.

— Как наши скакуны? — взявшись за следующий кусок мяса, спросил Конан.

— Я их уже почистил, отец. Твой верблюд едва не укусил меня.

— Значит, ты чем-то его обидел.

Принц Конн вздохнул:

— Как жаль, что с нами нет вороного Имира.

— Конечно жаль. Но ничего, когда мы вернемся назад, я его непременно отыщу, пусть даже для этого мне придется прочесать и Коф, и Офир.

Аквилонцы потеряли своих коней у стен Нептху — дезертиры из кофитского и офирского легионов увели их с собой. Воинам Конана пришлось пересесть на стигийских лошадок и верблюдов; кроме того, несколько десятков верблюдов было куплено у зуагиров.

Конан любовно смотрел на сына — мальчик походил на него буквально во всем. Он был не только похож на него, но и перенял все его манеры. Конн был уже выше большинства взрослых аквилонцев, хотя отцу своему все еще был по плечо.

Во время зингарской кампании мальчик оставался со своей матерью в Тарантии. Когда же Конан понял, что ему придется идти войной на Стигию, он послал в свою столицу гонцов, что вернулись назад с магическим талисманом, носившим имя «Сердце Аримана», и с его старшим сыном, принцем Конном.

С тех самых пор Конан не отпускал от себя мальчика ни на шаг, хотя советники и корили его за это, говоря, что тем самым король подвергает неоправданному риску своего наследника. Конан не придавал их словам никакого значения, ибо считал, что будущий король Аквилонии должен вырасти настоящим мужчиной, но никак не изнеженным слюнтяем, способным разве что помыкать другими. Воинскому же искусству следовало учиться именно на поле боя, а не в стенах дворца.

Покончив с трапезой, Конан предложил сыну пройтись. Король хотел увериться в том, что воинству его ничто не угрожает. Он сбросил с себя мантию и надел промасленную кольчугу прямо на голое тело. Надев начищенные до блеска сапоги и кожаную перевязь, Конан вслед за сыном вышел из шатра. Не успели они сделать и пары шагов, как в лагере поднялся невообразимый шум.

Запели трубы, заржали кони, послышался топот сотен ног. Но заглушало все эти звуки странное гудение, доносившееся невесть откуда. Так гудели паруса галеона, когда они наполнялись настоящим ветром, — звук этот был знаком Конану со времени его морских походов с барахскими флибустьерами и зингарскими пиратами.

Над горизонтом, объятым туманной дымкой, уже стоял месяц. На небосводе одна за другой загорались звезды. Прямо же над их головами кружили огромные крылатые тени, похожие на гигантских летучих мышей.

3. ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

Конан замер от изумления. Лучники, стоявшие рядом с ним, целились в небо. Прямо на них неслось черное чудовище с телом большим, как у льва, изогнутой длинной шеей и змеиной головой. Чудище раскрыло пасть, усеянную острыми как иглы зубами; глаза его полыхали адским пламенем.

Сложив крылья и выпустив когти, чудище падало прямо на людей. Боссонцы выпустили в него свои стрелы, и крылатая тварь, хрипло закричав, вновь взмыла в небо. Человек, сидевший на ней, упал у самых ног Конана. Это был высокий мускулистый негр. Его набедренная повязка была сделана из обезьяньей шкуры, на плечи был наброшен плащ, сшитый из шкур леопардов. Из груди негра торчала пара боссонских стрел.

— Клянусь кровью Крома, они смогли приручить этих тварей! — воскликнул пораженный Конан. — Метьте в седоков!

На них летело сразу несколько монстров, и на спине у каждого было по черному седоку. Черные наездники стали метать в аквилонцев копья. Одна из тварей схватила в свои когти насмерть перепуганного коня, но тут же в нее вонзился десяток стрел, и она, выпустив из лап добычу, полетела, тяжело махая крылами, куда-то в сторону.

Паллантид едва успевал раздавать команды. Часть людей обороняло лагерь, прочие же пытались успокоить обезумевших от страха коней и верблюдов.

Конан неотрывно смотрел на небо. Об этих крылатых тварях ему доводилось слышать и раньше. Они жили еще в ту эпоху, когда землей правили ящеры. Об этих же тварях говорилось и в древних мифах, — там они назывались драконами.

На них, широко расставив свои страшные лапы, неслась еще одна крылатая тварь. Издав боевой крик, Конан неожиданно сбил с ног своего сына и, взявшись за рукоять меча обеими руками, взмахнул им с такой силой, что едва не перерубил шею гнусной твари. Зловонная кровь хлынула из раны рекой. Сбив Конана своим огромным крылом, монстр пролетел еще несколько десятков метров и камнем рухнул прямо в костер, разметав горящие уголья по всему лагерю. Животное забилось в предсмертной агонии, седок же его, едва успев соскочить со змеиной спины, тут же упал наземь, пронзенный десятком стрел.

Поднявшись на ноги, Конан наблюдал за агонией дракона. Так вот откуда берет начало легенда о крылатых воинах Зимбабве! Путники, побывавшие в этом краю, рассказывали ему и о высоченных башнях заповедного города, что не имели ни дверей, ни окон, с которых воины и слетали, словно птицы.

Жителям Зимбабве как-то удалось приручить этих тварей, что заменили им коней. Черные воины были почти неуязвимы, — разве могли сравниться с ними те, кто был прикован к земле?

Крылатые чудовища одно за другим слетали к земле и тут же вновь взмывали в небо, унося в своих лапах людей и животных. Луна скрылась за горизонтом, и в наступившей тьме драконов не могли поразить даже боссонские лучники.

С именем киммерийского бога на устах король Аквилонии принял командование на себя. Но не успел он отдать и пары команд, как что-то налетело на него сзади. Драконьи лапы сомкнулись у него на спине и оторвали его от земли.

Удар был столь сильным и неожиданным, что Конан выронил меч из рук. Он попробовал нащупать рукой кинжал, обычно висевший у него на поясе, но тут же вспомнил о том, что тот так и остался на столе в его шатре. В спешке он и не вспомнил о нем.

Конан посмотрел вниз и тут же понял, что теперь ему не помог бы и меч. Он был уже высоко над землей. Оставалось благодарить Крома хотя бы за то, что он не забыл надеть кольчугу.

Снизу раздался хриплый голос Амрика:

— Не стрелять! Не стрелять!

Конан вновь посмотрел вниз, и тут же голова его пошла кругом. Под ним парил дракон, сжимавший в когтях его сына, принца Конна.

— Король! — раздался снизу крик сотен воинов.

Лагерь остался позади, теперь они летели над объятыми тьмой землями. Второй дракон поравнялся с первым, и теперь они летели бок о бок. На спине у крылатого чудовища сидел черный воин в головном уборе из страусиных перьев. Одной рукой он держал поводья, в другой сжимал огромное копье.

Конан перевел взгляд на сына. Заметив это, тот помахал ему рукой. Конан помахал ему в ответ.

Драконы летели все дальше и дальше. Похоже, чудовище, сжимавшее в своих когтях Конана, стало выбиваться из сил: несколько раз оно пыталось спланировать на землю. Но каждый раз раздавался громкий окрик его седока, и дракон вновь послушно взмывал ввысь.

Конана стало клонить в сон. Разумеется, драконьи лапы были не лучшим местом для отдыха, однако нельзя было сказать и того, что они уж слишком досаждали киммерийцу. Годы скитаний приучили Конана к тому, что при любых обстоятельствах следует довольствоваться тем, что есть, а не страждать того, что могло бы быть, — подобные терзания приводили бы лишь к ненужной потере сил. Силы еще могли ему пригодиться, судьбу же свою он доверил богам.

4. БАШНИ ЗАПОВЕДНОГО ГОРОДА

Конан проснулся от того, что ритм, в котором размахивал своими широкими крылами дракон, как-то изменился. На востоке уже занималась заря.

Саванны сменились густым тропическим лесом, окутанным лиловыми сумерками. Прямо под ними петляла небольшая речка, поблескивавшая узкой темной ленточкой. За ней виднелись возделанные земли, за ними же вставала громада сказочного города.

Город был обнесен высокой каменной стеной, над которой поднималось с десяток высоких башен странного вида, походивших на огромные печные трубы. Присмотревшись внимательнее, Конан заметил, что у башен этих действительно не было ни окон, ни дверей. Более того, у них не было и крыш — на их месте зияли черные провалы.

Конану стало как-то не по себе. Когда в руках его был меч, он не боялся никого и ничего. Сверхъестественное же во всех его проявлениях наполняло его душу страхом, ибо противник этот был неуязвим и неизъясним.

За долгие годы скитаний по миру, он прошел его и вдоль, и поперек. Он бывал и в покрытом вечными снегами Асгарде и в черных королевствах, лежавших к югу от Куша, он смотрел на великое Западное Море с пиктских берегов и бродил по просторам легендарного Кхитая, лежавшего далеко на востоке. Лет двадцать тому назад он побывал и в Зимбабве. Тогда он пришел в северную столицу королей-близнецов, чтобы отправиться на север вместе с караваном торговцев. Однако в Заповедном Городе, или Древнем Зимбабве, ему так и не удалось побывать — иноземцев туда не пускали.

Ни единожды он слышал о Заповедном Городе, затерянном в джунглях где-то на юге страны. Поговаривали, что тамошние жители поклоняются Древнему Змею Сету, именуемому ими Дамбаллой. Черные алтари Дамбаллы были залиты человеческой кровью. Слышал он и о том, что в ночь жертвоприношения луна тоже становилась алой, напитываясь кровью тех, кого приносили в жертву Древнему Змею.

Дракон стал медленно снижаться, описывая широкие круги над городом. Ни один из людей Запада не смог бы сказать, когда же был построен этот город. Вне всяких сомнений строился он много тысяч лет назад, в ту пору, когда, возможно, на земле еще не было людей. Легенды говорили о том, что краеугольный камень Древнего Зимбабве был заложен жителями Валузии, полулюдьми-полузмеями, что были детьми Сета, Йага, чернокожего Хана и змеебородого Биатиса, пра-

вившего лесами и болотами древнего мира. Великий герой Кулл, положивший начало роду Конана, сокрушил змеиный народ, который вымер окончательно в эпоху Атлантиды и Валузии. С той поры уже минула целая вечность.

Впрочем, сейчас Конана это нисколько не заботило. Он думал о другом, — о том, что он вновь попал в тенета магов. Лучшего обиталища Тот-Амон не мог и придумать, не случайно он пришел зализывать раны именно сюда.

«Похоже, — подумал Конан, — пришел час решающей битвы».

5. ТРОН ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧЕРЕПОВ

Они стали приближаться к вершине холма, на которой располагались разделенные вымощенной камнем площадью королевский дворец и храм Дамбаллы.

Площадь была взята в кольцо дюжими черными стражами, вооруженными щитами, обтянутыми кожей носорога, и копьями со стальными наконечниками. На их головах покачивались перья страусов, ибисов и фламинго. Поднятый драконовыми крылами ветер грозил сорвать с их голов эти пышные уборы, взвихривая клубы желтоватой пыли.

Крылатые ящеры опустили своих пленников наземь и, повинуясь командам своих седоков, тут же взмыли в небо. Долетев до верхушек двух башен, они скрылись из виду. Не сводя глаз с драконов, Конан поднялся на ноги и помог встать своему сыну. Только теперь он понял, что странные эти башни были стойлами крылатых коней Зимбабве.

Король и принц стояли посреди площади, разглядывая стоявших плотным кольцом черных стражей с бесстрастными лицами, походившими на маски, вырезанные из эбенового дерева.

— Ну что, пес киммерийский, — услышали они насмешливый голос. — Вот мы и снова свиделись.

На Конана смотрели темные, горящие ненавистью глаза его заклятого врага.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал, — мрачно ответил киммериец.

Тот-Амон стоял возле огромного трона из человеческих черепов, слепленных между собой темной смолой. Стигийский маг выглядел так же грозно, как и прежде, однако пытливые глаза Конана заметили в нем явные признаки старения. Лицо его покрылось густой сетью морщин; складки в уголках рта свидетельствовали не просто об усталости, но о крайнем изнурении. Некогда недвижные кошачьи глаза его теперь лихорадочно поблескивали. Могучее тело мага, скрытое изумрудной мантией, стало дряхлеть, — он стал горбиться, на животе же у него появилось небольшое брюшко.

Неужели силы Тот-Амона стали иссякать? Неужели он лишился той чудовищной энергии, что питала его вот уже много десятилетий? Казалось, что сатанинские силы, которым поклонялся колдун, оставили его после того, как Белый Друид с помощью Сердца Аримана расправился с Черным Кольцом. Впрочем, все это можно было объяснить и иначе: похоже, срок, отпущенный Тот-Амону, уже подходил к концу, ему пора было расставаться со своею бренной земной оболочкой. Во всяком случае казался он теперь стариком.

— Последняя, говоришь? — вновь раздался зловещий голос стигийца, вещавшего по-аквилонски с едва заметным акцентом. — Ну что ж, я не стану с тобой спорить. После этой встречи в живых останется только один из нас. В том же, что умереть суждено тебе, я нисколько не сомневаюсь. Сказать нам друг другу уже нечего. Я убью тебя и твоего детеныша прямо на этом месте. Армию же твою, лишившуюся командующего, разгромят наши доблестные черные воины. Как видишь, Западу все же суждено пасть. Когда я сяду на аквилонский трон, миром станет править один владыка. И имя этого владыки — Сет! Ну а теперь готовься к смерти.

И тут раздался хриплый, полный возмущения голос.

— Клянусь Дамбаллой, стигиец, — похоже, ты забыл, кто здесь правит!

Конан перевел взгляд на трон и только теперь заметил, что на нем сидит человек. Это был Ненаунир, верховный колдун Зимбабве, последний союзник Тот-Амона. Мускулистая намащенная маслом черная грудь Ненаунира поблескивала в лучах рассветного солнца. Глаза его холодно смотрели на людей.

Стигиец заметно смутился и — как показалось Конану, — слегка побледнел. Конан почувствовал, что маги меж собой не слишком-то ладят. Теперь, когда черного братства Тот-Амона уже не существовало, коварный стигиец не мог рассчитывать ни на прежнюю роль, ни на былое влияние.

Стигиец смущенно забормотал:

— Конечно, конечно, брат! Главный здесь ты. Но — но планы-то у нас общие! Когда мы захватим мир, ты станешь править Югом, а я — Западом. Мы разделим мир и поднесем его к ногам отца нашего Сета...

— К ногам Владыки Дамбаллы, чьим пророком и наместником я являюсь! — проревел черный колдун. — Помни о своем месте, стигиец. Боги уже отступились от тебя. Твое время ушло, и делить с тобою власть я не намерен. Если ты будешь вести себя хорошо, ты вправе будешь рассчитывать на место управляющего в одной из моих провинций. И помни — ты должен подчиняться мне во всем! Ну а с этим белым демоном я разберусь и сам.

Ненаунир говорил на одном из диалектов шемского языка, принятом у торговцев Юга. Стоило ему замолчать, как черные воины дружно ударили оземь древками своих копий.

Верховный колдун Зимбабве перевел взгляд на Конана. Аквилонский король стоял, сложив на груди свои могучие руки; рядом с ним, гордо подняв голову, стоял его старший сын.

— Белый пес, — прохрипел черный колдун, — как ты посмел ступить на мою землю? Мы уже встречались с тобой в замке Лахи. Тогда ты смог спастись лишь потому, что Лахи хотела одолеть с твоей помощью стигийца и тем самым захватить черный престол. Она просчиталась и погибла от твоей руки. Затем ты лишил

сил стигийца, уничтожив его великое братство. Если ты думаешь, что я буду повторять их ошибки, то ты заблуждаешься. Тот-Амон мне не страшен, более того — он мне даже не нужен. Здесь все решаю я. Бежать же отсюда тебе не удастся.

Конан молча смотрел в ледяные глаза черного мага.

— Последняя наша встреча состоится в Ночь Алой Луны, — продолжил Ненаунир. — Когда твоя кровь потечет к подножию алтаря Великого Змея, она напитает собою луну, душа же твоя исчезнет в пасти великого Дамбаллы!

— И когда же это произойдет? — спокойно спросил Конан.

Ненаунир отвернулся от него и громко позвал:

— Римуш!

— Слушаю вас, ваше величество!

Из-за трона выскочил маленький человечек в одеждах астролога. Судя по всему, он был уроженцем Шема.

— Когда наступит Ночь Алой Луны?

— Согласно моим вычислениям она наступит через двенадцать ночей, ваше величество!

— Ты все понял, белый пес? Ну а теперь бросьте их в темницу!

6. ЗАСТЕНКИ ЗИМБАБВЕ

Темницы Древнего Зимбабве находились глубоко под землей. Отряд черных воинов вел Конана и мальчика бесконечными коридорами, тускло освещенными чадящими промасленными факелами. Глядя на странную форму сводов и диковинные пропорции подземных переходов, Конан лишний раз убеждался в том, что старые сказания были правдивы: Древний Зимбабве возводился не людьми, его могло создать только змеиное племя. Подобные строения он видел только дважды: первый раз на зеленых равнинах Куша, второй — на Безымянном Острове, лежавшем в стороне от морских путей, в южной части великого Моря Запада, где не бывали ни купцы, ни пираты.

Камера, предназначавшаяся для них, была сырой и узкой. По черным, разъеденным временем каменьям стекали капли воды. Пол был устелен грязной гнилой соломой. Из-за решетки с громким писком выскочила огромная крыса.

Пленников бросили в камеру, и тут же тяжелая бронзовая решетка захлопнулась, зловеще залязгав запорами. Офицер запер дверь огромным ключом, и вскоре бесшумно ступавшие босые воины исчезли в полумраке.

Стоило стражам удалиться, как Конан принялся ощупывать стены и пробовать на крепость позеленевшие от времени прутья решетки. Окон здесь не было, единственным источником света был факел, горевший в самом конце коридора.

Юный Конн, выбрав местечко посуше, сел на пол. Жажда и голод мучили его, но он старался держаться достойно, пытаясь во всем походить на своего отца. Тринадцатилетний принц больше всего на свете боялся того, что отец заподозрит его в малодушии.

Осмотрев всю камеру и убедившись в том, что бежать отсюда невозможно, Конан сгреб солому в угол и, позевывая, разлегся рядом с сыном, положив руку ему на плечо.

Помолчав с минуту, Конн спросил:

— Отец, что они с нами сделают?

Конан пожал плечами:

— Я знаю лишь о том, что они собираются с нами сделать, — о том же, что произойдет на деле, ведают разве что боги. Не забывай о том, что добрая половина аквилонского войска сейчас направляется сюда. Представляю, как Паллантид их гонит! Пройдет целых двенадцать дней, прежде чем наступит Ночь Алой Луны. За это время произойти может многое.

Конн прошептал:

— Они хотят принести нас в жертву Сету?

— Да, им этого очень уж хочется, — ответил Конан. — Но эти черные скоты забывают, что это не в их власти, — подобные дела решаются богами или, как утверждают некоторые философы, всемогущей Судьбой, равно повелевающей и богами, и людьми. Что касается меня...

— Что ты хотел сказать, отец?

— Что касается меня, то сейчас я хочу спать, что-то я прошлой ночью не выспался. — Конан зевнул и улегся поудобнее.

Мальчик вздохнул и улыбнулся. Пока отец был рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Отца его вряд ли можно было назвать оптимистом — просто он привык не терзаться без надобности. Если обстоятельства складывались так, что он не мог ничего с ними поделать, он как-то приноравливался к ним, дожидаясь более благоприятного их стечения. Не прошло и минуты, как Конан уже мирно похрапывал.

Конн лег рядом с отцом, положив голову ему на плечо. Вскоре заснул и он.

Киммерийца разбудили тяжелые стоны, доносившиеся откуда-то из-за решетки. Он тут же пришел в себя и напрягся, словно лесной зверь, внезапно почуявший добычу.

Осторожно убрав голову мальчика со своего плеча, он поднялся и бесшумно подошел к двери. Вновь раздались полные отчаяния стоны. На этот раз от их звука проснулся и Конн. Мальчик лежал, боясь шелохнуться, — он понимал, что вести себя следует тихо.

Прямо напротив них находилась камера, к дальней стене которой был прикован огромный негр. Нагое тело его было покрыто глубокими рубцами, оставленными плетью; широко раскинутые в стороны руки пленника придавали ему вид распятого на кресте.

Негр вновь тяжело застонал, мотая головой из стороны в сторону. В свете факела мелькнули белки его глаз. Насколько мог понять Конан, человек этот был близок к смерти.

— Почему они с тобой это сделали? — тихо спросил киммериец по-шемски и тут же повторил свой вопрос на языке страны Куш.

— Кто это? — раздался в ответ еле слышный голос.

— Такой же пленник, как ты. Я — Конан, король Аквилонии, — ответил киммериец, не видя в обмане никакого смысла.

— Я — Мбега, король Зимбабве, — прозвучало в ответ.

7. ИСТОРИЯ ДВУХ КОРОЛЕЙ

Негр был замучен до полусмерти, однако Конану каким-то чудом удалось разговорить его, и тогда тот поведал ему свою историю.

Черные воины Зимбабве, судя по всему, были потомками народа кчака, изгнанного со своих земель соседями и рассеявшегося впоследствии по всему черному континенту. Зимбабвийская ветвь кчака, отправившаяся на Восток, обнаружила в джунглях развалины древнего города. Поселение решено было устроить именно здесь. Племена, жившие по соседству, считали эти места проклятыми и потому избегали их. Поселенцы чувствовали себя здесь в полной безопасности и вскоре выстроили на древних развалинах новый город, получивший название Зимбабве.

Единственными их врагами были драконы, прилетавшие сюда с гор, лежавших на Востоке. Отважный вождь народа Зимбабве смог выкрасть из гнездовья этих крылатых ящеров несколько огромных яиц. Оказалось, что драконы легко приручаются, и вскоре они уже заменили зимбабвийцам лошадей. Эти крылатые ящеры позволили племени существенно расширить границы своих владений, — именно тогда и возникло королевство Зимбабве.

У вождя, носившего имя Лубемба, был брат-близнец; отличить братьев друг от друга было совершенно невозможно. Лубемба сподобился откровения, в котором услышал о том, что отныне зимбабвийцами должны править близнецы. Он не мог нарушить волю богов и с той поры правил страной вместе с братом.

Закон это соблюдался и впоследствии. Если один из пары правителей умирал, второй кончал с собой или навсегда покидал страну. Преемниками их становилась новая пара близнецов, выбиравшаяся жрецами и обычно не связанная кровными узами со своими предшественниками.

Все шло хорошо, пока на трон не взошли Ненаунир и Мбега. Ненаунир сошелся с колдунами, черное братство

которых существовало вот уже три тысячи лет. Демон Сет, или Дамбалла, как его называли негры, соблазнил Ненаунира, обещав ему все богатства мира за то, что он, Ненаунир, покончив с культом племенных богов, заставит зимбабвийцев поклоняться Скользящему Богу — Великому Змею Сету.

Страна и народ раскололись надвое: одни сохраняли верность Мбеге и старым богам, другие же приняли сторону Великого Сета и его земного наместника Ненаунира. Большая часть вождей и воинов приняла новую веру. Вот-вот должна была начаться страшная братоубийственная война. Не желая раздела страны и кровопролития, Мбега отказался от трона в пользу своего брата Ненаунира. Сторонники его стали подвергаться жесточайшим преследованиям — Ненаунир не щадил никого.

И тогда Мбега с горсткой верных ему людей взбунтовался. Бунт этот был слишком уж запоздалым, — к этому времени силы были явно неравными. Войско Мбеги было разбито наголову, сам же он попал в плен.

Перед Ненауниром встала неразрешимая проблема. Казнить своего брата ему ничего не стоило, но тогда в соответствии с законом ему пришлось бы лишить жизни и себя самого или навеки оставить свои владения. Ненаунир знал о том, что многие зимбабвийцы сочувственно относятся к его брату и свято чтут древние законы, — отступи он от них, они тут же низвергли бы его с трона. Он и так еле держал их в узде, ибо Дамбалла требовал все новых и новых жертв, что вызывало всеобщее недовольство.

Он решил пожизненно заточить Мбегу в темницу и выставлял его на всеобщее обозрение лишь во время дворцовых церемоний. Решение это было мудрым, ибо, сделав Мбегу заложником, Ненаунир покончил и с мятежниками.

Брата своего он люто ненавидел. Во время последнего королевского выхода Мбега должен был публично покаяться и призвать к тому же своих людей. Однако вместо этого он на виду у всех плюнул в лицо Ненауниру. Теперь же его денно и нощно истязали.

Пока жизни Мбеги ничто не угрожало, — Ненаунир был не настолько силен, чтобы нарушить идущие от века

законы предков. Искалечить его тоже не могли, ибо, в согласии с теми же законами, короли могли появляться пред своим народом лишь вместе и скрыть это было бы невозможно.

Негр закончил свой рассказ. Глаза его пылали гневом. Теперь он походил на могучего бесстрашного гладиатора.

— Скажи мне, Мбега, много ли у тебя осталось сторонников? — спросил киммериец.

Черный король кивнул:

— Мои люди остались верны мне. От Ненаунира же многие отвернулись, он слишком жесток, он нарушает законы наших предков, он умерщвляет наших людей на своем поганом капище. Если бы я смог бежать отсюда, за один час я собрал бы такую армию, пред которой не устояли бы и воины Ненаунира. Но что толку болтать языком? Бежать отсюда невозможно...

— Поживем — увидим, — сказал в ответ Конан и загадочно улыбнулся.

8. КЛОАКА

Паллантид полз по заросшему высокими травами берегу реки. От земли исходило отвратительное зловоние. Извиваясь словно змея, аквилонский генерал пробирался к деревьям, под которыми укрылся граф Троцеро. Услышав шум, пуантенец обернулся. Лицо и седая борода его были перепачканы грязью. По лицу ручьями тек пот.

— На стенах стоят дозорные, — прошептал Троцеро. — У каждой башни по взводу солдат. Так просто их не возьмешь.

Задумчиво покусывая ус, Паллантид стал рассматривать крепостные стены. Осада такой крепости могла занять не один месяц. Нужны были и тараны, и лестницы, и катапульты...

Свет солнца внезапно затмился огромной тенью. Генерал замер. Над головой его проплыла одна из тех крылатых тварей, что атаковали их на болоте. С той поры минуло уже десять дней. Дракон стал кружить над городом. На спине его сидел чернокожий воин. Паллантида едва не вытошнило от омерзения.

— Клянусь кровью Дагона! — проворчал он. — Если он с тварями этими смог совладать, то с людьми-то уж как-нибудь справится!

Подлетев к одной из высоких башен, дракон присел на ее край и тут же скрылся из виду.

— Так вот оно в чем дело! — отозвался Паллантид. — Мы должны думать не о них, а о наших короле и принце!

— А ты уверен, что они здесь?

— Клянусь когтями Нергала, — это так же точно, как то, что у меня есть задница! — сердито прошипел генерал. — Ненаунир — единственный союзник Тот-Амона. Ты думаешь, почему эти твари утащили именно короля и принца? А-а... Вот то-то и оно!

— Как ты думаешь — живы ли они?

— Пока мы не окажемся за этой стеной, этого мы не узнаем.

Троцеро вздохнул:

— Не знаю, как тебе, а мне эти стены кажутся неприступными.

— Для войска — да, но для человека — нет.

Троцеро удивленно посмотрел на генерала:

— У тебя что, есть какой-то план?

Генерал почесал бороду:

— Ты помнишь этого зингарского вельможу Мурзио?

— Этого тщедушного прохиндея? Еще бы мне его не помнить!

— Так-то оно так — прохиндей он, конечно, изрядный, — но не забывай и о том, что королю нашему он служит верой и правдой, да и фехтовальщик он отменный! Я и сам понимаю, что никакой он не дворянин, но это дела не меняет. Конан помнит о том, что сделал для него отец Мурзио в ту пору, когда наш король еще был пиратом, и потому он благоволит к нему. Помнишь, года три назад Конан принимал во дворце своего старинного приятеля Нинуса?

— Ты говоришь о монашке? Конечно, помню! У короля нашего друзья, право слово, странные! Этот же будет похлеще всех прочих!

Паллантид усмехнулся.

— Что верно, то верно! Днем он ходил по дворцу важный как патриарх, ночами же таскался по борделям

и питейным лавкам! Так знай же, Нинус и Мурзио — воры, каких поискать. Конан решил сделать из Мурзио шпиона и попросил Нинуса о том, чтобы тот научил своего сына всяким там воровским штучкам. В науке этой Мурзио преуспел настолько, что едва ли не превзошел своего учителя. Когда Конан отослал его в Шем, Мурзио как-то смог проведать о заговоре, готовившемся офирским королем и несколькими шемскими царьками. Более того, он смог похитить документы, изобличавшие заговорщиков!

За это Конан даровал ему рыцарское звание. Так что Мурзио благодарен ему теперь по гроб жизни и ради короля своего пойдет на что угодно.

— Ну а теперь объясни мне — какое отношение имеет Мурзио к Старому Зимбабве?

Сощурив брови, Паллантид прошептал:

— Одни из ворот этой крепости не охраняются, — я говорю о сточных трубах.

— Сточных трубах?! Да ты никак рехнулся! На кой черт сточные трубы этим варварам?

— Им-то они, конечно, ни к чему. Но ты забываешь о том, что крепость строилась не ими. Видишь решетку на южной стене? А видишь, что оттуда течет?

— Ты, похоже, прав...

— Думаю, сюда стекают нечистоты со всего Зимбабве. Скорее всего, сеть подобных труб проходит подо всем городом. Негры вряд ли додумались бы до этого, — похоже, над системой этой трудились прежние обитатели города. Теперь скажи мне, кто, кроме Мурзио, сможет пролезть между этими прутьями? Правильно, никто. Он же сделает это в два счета.

Троцеро почесал свою позеленевшую от ила бородку и задумчиво произнес:

— Кажется, я начинаю тебя понимать. Он эдаким червем заберется внутрь, перережет охрану и откроет пред нами городские ворота. Я тебя правильно понял?

— Ну конечно, граф! Что мне особенно здесь нравится, так это сточные трубы! При одной мысли о том, что этот разборчивый длинноносый зингарец перепачкается в дерьме с ног до головы, у меня голова кругом

начинает идти! Уж кого не люблю, так это зингарцев, особенно с той поры, как застал свою жену в объятиях зингарского трубадура! Вернее, бывшую жену...

Троцеро ухмыльнулся:

— Ну что ж, тогда вернемся в лагерь и известим благородного Мурзио о том, что волею судеб ему суждено стать спасителем короля!

— Только смотри, об этом я скажу ему сам!

Через несколько часов, когда стены и башни Зимбабве уже объяли вечерние сумерки, из леса вышел человек. Бесшумно переплыв через реку, он пошел вверх по зловонному ручейку, вытекавшему из трубы. Добравшись до решетки, он на миг замер, но тут же скрылся из виду, исчезнув в трубе.

Трудно было сказать, благородная ли кровь текла в жилах Мурзио, но, единожды присягнув на верность королю, он готов был служить ему до самого конца.

9. АЛАЯ ЛУНА

Улицы Древнего Зимбабве осветились призрачным лунным светом. Город не спал, ибо настала Ночь Алой Луны. Дождавшись зловещего преображения ночного светила, король Ненаунир должен был приступить к призыванию своего страшного бога, алтарь которого был обагрен кровью сотен жертв.

Факельная процессия шествовала по узким улочкам старого города. Гремели барабаны. Звучали странные песнопения.

Опустил голову, Конан мерил камеру шагами. Принц Конн задумчиво смотрел на своего отца. Он тоже вел счет дням и ночам, проведенным ими в застенке. Стигийское воинство погибло в ночь новолуния. С той поры прошло почти полтора месяца, или, если быть точным, сорок один день. Настала ночь полнолуния. Рассчитывать фазы луны Конна научили его наставники, хорошо понимавшие, что будущему королю знать такие вещи просто

необходимо. Отец же говорил ему о том, что лунные затмения могут происходить лишь в такие ночи.

Этой ночью их должны были принести в жертву Дамбалле.

Гром барабанов был слышен даже в камере. Где-то над головами пленников тысячи последователей Ненаунира распаляли себя, готовясь к кровавому действу.

Конан то и дело подходил к решетке, пытаясь разогнуть ее прутья. От напряжения руки его стали дрожать, глаза налились кровью. Эти толстые, дюймовые прутья не смог бы разогнуть и сказочный великан, — строители темницы потрудились на славу.

И тут Конан увидел какую-то тень. Он замер и стал вглядываться во тьму. Прямо перед ним появилось лицо — знакомое лицо.

— Мурзио, неужели это ты? — прошептал Конан.

— Конечно я, мой господин, — ответил ему зингарец.

— Именем Крома, скажи, откуда ты взялся? Что с нашими людьми? Где они? И почему от тебя так скверно пахнет?

Зингарец устало улыбнулся и рассказал о том, как он попал в подземелье.

— Трубы оказались столь узкими, — печально добавил он, — что мне пришлось ползти по ним. В нескольких местах они заканчивались колодцами, выходящими на городские улицы. Однако оказалось, что все эти колодцы охраняются. Я нашел вас, но не сумел выполнить приказа. Открыть городские ворота я так и не смог...

Конан на миг задумался.

— Может быть, не все еще потеряно, — наконец сказал он. — У тебя есть отмычка? Сейчас для нас главное — выйти из этой чертовой камеры.

Мурзио вынул из кармана кусок проволоки и принялся возиться с замком. На лбу у него выступили капельки пота. Слышно было только хриплое его дыхание и тихое поскрипывание замка.

Минута проходила за минутой, но замок никак не поддавался. Мурзио растерянно посмотрел на Конана:

— Мой господин! Его не смог бы открыть и сам Нинус! Похоже, он заговорен!

— Наверное, это действительно так, — согласился Конан. — Этот стигийский шакал обычным замкам не доверяет. Слушай, попробуй-ка открыть соседнюю камеру! Там наш друг.

Мурзио стал колдовать над замком соседней камеры. Прикованный к стене негр бесстрастно наблюдал за происходящим. Неожиданно замок с лязгом открылся. Конан вздохнул с облегчением.

Мурзио вошел в камеру Мбеги и вскоре освободил черного короля от оков. Пошатываясь, Мбега вышел из камеры и стал растирать онемевшие члены.

Мурзио вновь стал биться над замком камеры Конана. Сам же Конан еще раз приложился к решетке; на этот раз ему помогали Мбега и Конн. Решетка не поддалась и на этот раз.

— Ну у вас и камеры, — вытирая со лба пот, сказал киммериец. — Ну что ж, не можешь исправить — терпи.

— Но ведь тебя ждет смерть, — прохрипел Мбега.

Конан усмехнулся:

— Со мной такое не впервой.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Мурзио.

— Дай-ка мне свой кинжал. Эти варвары раздели меня почти донага, а вот сапоги зачем-то оставили. — Конан опустил длинный клинок в правый сапог.

— Ну а теперь помоги выбраться отсюда Мбеге. Впрочем, может он и сам знает, где здесь выход... Мбега, это твой последний шанс. Твои друзья должны открыть южные ворота до начала жертвоприношения.

Мурзио, я не знаю, чем для меня закончится эта ночь, но я благодарю тебя. Ты отважный и преданный воин. Если мы доживем до утра, ты станешь бароном Кастрии. Удачи тебе! Пусть Митра и Кром всегда будут рядом с тобой!

Мурзио и Мбега скрылись во тьме. Конан хлопнул Конна по плечу.

— Не вешай носа, сын, — громко сказал он. — Такие, как Мбега, друзей не предают.

Послышалось шарканье босых ног. Наступал решающий час, что мог стать для них последним. Либо свершится месть Тот-Амона, либо падет царство Ненаунира, — третьего не дано.

10. ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ

Стражники связали пленникам руки и повели их по бесконечным подземным коридорам. Они вышли прямо на городскую площадь, по одну сторону от которой стоял королевский дворец, а по другую — храм Дамбаллы. Серебристый диск полной луны сиял высоко в небе.

Вокруг площади стояли высокие каменные столбы, на которых были начертаны непонятные, неведомые Конану символы. Сказать, кому они принадлежали — зимбабвийским колдунам или их предшественникам, — было невозможно.

Перед храмом Дамбаллы высилась мрачная фигура каменного идола. Он был вырезан из черного базальта и высотою своей не уступал каменным столбам. Огромный черный конус в три человеческих роста высотой изображал свившегося кольцами змея. С вершины его на Конана смотрели красные змеиные глаза, выточенные из огромных рубинов, что поблескивали и переливались в свете факелов.

Конан едва заметно вздрогнул. Сет, или Дамбалла, с незапамятных времен был олицетворением зла и мрака. Киммериец стал бормотать молитву. Равнодушный киммерийский бог Кром редко вмешивался в дела людей и не требовал от них поклоненья; но теперь, когда на Конана взирали налитые кровью глаза демона Адской Бездны, надеяться ему было больше не на кого.

Алтарь Дамбаллы походил на огромную чашу черного мрамора, стоявшую перед идолом. К чаше этой были прикреплены бронзовые кольца. Конана и Конна завели на ее дно и приковали их так, что они не могли отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Конан оценивающе посмотрел на наручники и цепи, — судя по всему, сделаны они были совсем недавно, — разорвать их было невозможно. Кольцам же, торчавшим из чаши, была уже не одна сотня лет, — они были проедены насквозь.

Заковав пленников, черные жрецы Сета покинули чашу. Установилась полная тишина; лишь ветерок посвистывал меж каменьев. Рубиновые глаза, холодно взиравшие на них, казались живыми.

На противоположной стороне площади стояли король Ненаунир и стигийский маг Тот-Амон. Черный владыка был одет в длинную пурпурную мантию. На лице его была маска змеи. В правой руке, поблескивавшей золотыми браслетами, он сжимал ритуальный посох со змеиной головой на верхушке.

Тысячи глаз взирали на небо, ни на мгновение не отрывая глаз от лунного диска. Толпа вдруг дружно ахнула. Взглянув на небо, Конан увидел, что на луну стала ложиться красноватая тень.

Неожиданно забили барабаны. Казалось, что это бьется огромное сердце страшного исполина. Глаза Великого Змея вспыхивали и гасли в такт его ударам. Красноватая тень становилась все больше. Церемония началась.

Конан потянул на себя правую руку. Тысячи чернокожих воинов бесстрастно наблюдали за ним. Мышцы его напряглись, однако кольцо никак не поддавалось. Он на мгновение расслабил руку и тут же резко дернул цепь на себя. Кольцо со звоном лопнуло.

За вторую цепь он схватился уже обеими руками. Собравшись с силами, он резко рванул ее, и второе кольцо покатилось по мраморной чаше. Теперь он был свободен.

Он стал озираться, ожидая, что черные воины нападут на него. Однако они смотрели на него все так же бесстрастно. Конан повернулся к своему сыну. Тень ползла все дальше, теперь ею был объят едва ли не весь лунный диск. Барабаны забили чаще. Забормотали тысячи голосов. Началось заклинание.

Конн вслед за отцом попытался освободить себя от оков, но сил его для этого было явно маловато. Конан бросился помогать сыну и в тот же миг почувствовал ледяное дуновение. Пот на его спине мгновенно заледенел.

Глазам киммерийца предстала странная картина. Часть лунного диска все еще была свободна от тени. Над площадью же происходило что-то немыслимое. С небес на него неслись клубы морозного тумана, сплетавшегося в кольца, уплотнявшиеся с каждым мгновением, — на него летел огромный извивающийся змей.

Ужас охватил Конана. Теперь он понимал и то, почему алтарь имел форму чаши, и то, почему жертвы должны

были стоять прямо. Его тела коснулось ледяное кольцо вихря.

На землю снизошел сам Дамбалла.

11. ЛУНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Не обращая внимания на смертельный холод, киммериец вырвал из мраморной чаши последнее кольцо, приковывавшее к алтарю его сына.

Кольца сходились вокруг него все плотнее. Они обволакивали его члены зыбкой густой пеленою; они сдавливали ему грудь, не давая дышать. Отчаянным усилием Конан заставил себя достать из сапога кинжал и тут же погрузил его в полупризрачное тело змея.

— Отец! — вскричал Конн, увидевший вдруг демона, вызванного Ненауниром из бездн, лежащих по ту сторону мира.

— Беги, сынок! — едва смог выговорить Конан. — Попытайся открыть ворота!

Вновь и вновь киммериец погружал свой клинок в сгущавшееся тело. Демон же словно не замечал его ударов. Конан зашатался, на плечи его легла чудовищная тяжесть. Над ним покачивалась огромная голова змея; алые холодные глаза пристально смотрели на него. Во взгляде их было что-то чудовищное, — пред Конаном раскрылись хладные бесконечные пространства, безмерная тоска и ненасытный вселенский голод. Конан содрогнулся. Вот уже миллион лет демон этот боролся с его расой, пытаясь вернуть ее в подвластную ему пучину.

Тело киммерийца начало стынуть. Теперь кольца были уже плотными, и тяжесть их была непомерной даже для него. Онемев, рука его разжалась, и кинжал со звоном упал в мраморную чашу.

Конан не сдавался; но теперь уже не плоть сражалась с плотью, а воля боролась с волей. Мир неожиданно преобразился — Конану стало казаться, что его воля, душа и разум стали продолжением его тела. Клинком воли он пытался поразить объявшее его тело тьмы.

Собственного тела он уже не чувствовал, хотя и понимал, что продолжает стоять на ногах. Сердце его билось все реже и реже, кровь в его жилах стыла, однако где-то внутри он был так же силен, как и прежде. Жизнь горела в нем непогасимым пламенем, затушить которое не мог и этот всесильный демон.

Но силен и коварен был Великий Змей. Страх и сомнение были его оружием. Этим оружием Дамбалла уничтожал целые народы, обращая героев в изменников, а праведников в подлецов.

Этот ненасытный демон знал о том, что со временем он погубит землю и погасит солнце. Пока же он боролся с человеком. Пред ним, Пожирателем Миров, не могла устоять ни одна тварь.

Сознание Конана помрачилось, лишь воля к жизни заставляла его бороться с мороком, затягивавшим его все глубже и глубже в пучину, исполненную пустоты. Послышался громкий смех Ненаунира. Конан вздрогнул и ухнул в темную бездну.

12. СМЕРТЬ В НОЧИ

Внезапно смертельный холод, сжимавший в своих объятиях его тело, отступил. Исчезло и ощущение тяжести. Конан медленно приходил в себя. Он лежал в мраморной чаше, глядя на небо. Площадь была залита серебристым светом луны.

Киммериец попробовал подняться на ноги, но тут же упал. Он был еще слишком слаб. Он поднял голову, и глазам его предстала удивительная картина. В нескольких десятках метров от мраморной чаши лежало тело поверженного Ненаунира. Рядом с ним лежал кинжал Мурзио, которым Конан пытался поразить демона. Здесь же стоял и убийца колдуна, насмерть перепуганные негры держали его за руки.

Это был принц Конн, растрепанный и взъерошенный. Мальчик смотрел на своих стражей зверем. Он не послушался своего отца и не покинул площади, — вместо этого, схватив выроненный отцом кинжал, он понесся к торжествующему Ненауниру. Все присутствующие бы-

ли слишком увлечены борьбой, происходившей в чаше, для того чтобы обращать внимание на мальчишку. Лишь Тот-Амон смотрел на него во все глаза.

Благоразумие боролось в нем с гордыней. Этого мгновенного замешательства стигийского мага было достаточно для того, чтобы Конн вонзил свой кинжал в черное сердце Ненаунира, земного наместника Дамбаллы. Истекая кровью, колдун рухнул наземь. Чары, удерживавшие на земле Дамбаллу, мгновенно распались, и Великий Змей вновь превратился в облачко тумана, выпустив Конана из своих объятий.

Схватившие Конна негры еще не успели решить, что же они должны сделать с убийцей их короля, когда вдруг на площади появилось грозно ревущее огромное воинство, окружившее послушников Дамбаллы со всех сторон. Люди Ненаунира пытались скрыться бегством, но бежать им было уже некуда; они не могли и смешаться с рядами нападавших, ибо их выдавали головные уборы из перьев.

Над площадью запели трубы, Конан заулыбался, — в город вошли аквилонцы. Вскоре белые воины были уже на площади.

С крыши соседнего здания спускался отряд, состоявший из сотни отборных черных воинов. Командовал им сам Мбега. Люди Ненаунира, побросав оружие, пали наземь, моля короля о пощаде. Мбега носился по площади, пытаясь остановить ненужное кровопролитие.

К Конану подбежал его сын, тут же заключивший отца в объятия. Киммериец ласково потрепал его по плечу и, буркнув что-то невразумительное, стал искать взглядом Тот-Амона.

Стигийского мага нигде не было. И тут киммериец услышал хлопанье крыльев. С одной из башен Древнего Зимбабве слетел дракон, на спине которого сидел человек в зеленой мантии. Сделав круг над городом, крылатая тварь полетела на юг. Видел ее один только Конан. Король недоуменно нахмурил брови. Дальше к югу начинались непроходимые тропические леса, за которыми лежало море. Южный берег считался крайней оконечностью мира —

за ним ничего не было. Тот-Амон потерял своего последнего союзника и утратил расположение своего бога. Бежать ему теперь было некуда.

Прежде Конан считал, что последняя его битва с магом состоится именно здесь, в стенах Древнего Зимбабве. Теперь же он понимал, что в последний раз они сойдутся на краю света.

Прижав к себе сына, разразившегося вдруг слезами, Конан выбрался из каменной чаши и, улыбаясь, стал ждать, когда к нему подойдут Паллантид и Троцеро.

Бои закончились еще до рассвета. Конан собственноручно одел на голову Мбеги королевскую корону и объявил его единственным законным правителем Зимбабве. Армии предстоял недолгий отдых — она должна была собраться с силами для нового похода.

Конан широко улыбнулся, чувствуя, как к нему возвращаются былые силы. Видит Кром, лучше жизни на свете ничего нет!

ТЕНИ КАМЕННОГО ЧЕРЕПА

1. СМЕРТЬ АСТРОЛОГА

Римуш, придворный предсказатель Зимбабве, бросил в тлеющие уголья сердце ибиса, запекшуюся бычью кровь и раздвоенное жало змеи. Комната стала наполняться зеленоватым дымом.

В тусклом свете угольев лицо аквилонского короля походило на бронзовую маску, Мбега же казался древним истуканом, вырезанным из эбенового дерева.

Стояла почти полная тишина, слышалось лишь шипение и потрескивание угольев да бормотание сухопарого шемского чародея. Римуш был одет в выцветшую мантию астролога, расшитую таинственными знаками. Его недвижное лицо с седой бородкой казалось мертвым, однако глаза его лихорадочно поблескивали и бегали из стороны в сторону.

Конан зашевелился. Магия и колдовство вызывали у него неприязнь. Вера его была проста, ибо суровый киммерийский бог Кром требовал от своих послушников только одного — бороться со злом и его слугами, полагаясь не на богов, но лишь на собственные силы.

— Пора кончать этот маскарад! — прорычал киммериец, обратившись к Мбеге. — Дай мне своих воинов, и я найду Тот-Амона сам!

Огромный негр легко коснулся плеча Конана и кивком головы указал на старика астролога. Тело предсказателя стало подергиваться, глаза его остекленели, уставившись в одну точку. От угольев повалили густые клубы зеленоватого дыма, сплетавшегося в прихотливые формы.

— Уже скоро, — прошептал Мбега.

Бессвязное бормотание сменилось внятным шепотом:

— На юг... На юг... Крылья в ночи... над огромным водопадом... теперь на восток, в страну, из которой не возвращаются... к горам великим... к Черепу Каменному...

Лицо прорицателя искривилось гримасой боли; на миг он замолк, но тут же заговорил вновь:

— Вы найдете его на краю света, в тех землях, которыми прежде правили змеи. — Астролог неожиданно дернулся и повалился на пол.

— Кром! — прошептал Конан, внутренне напрягшись. Мбега склонился над бездыханным стариком. Брови его нахмурились.

— Что случилось? — шепотом спросил Конан.

— Он мертв, — тихо ответил Мбега. — Его словно змея укусила.

Паллантид не желал и слушать своего господина, — впрочем, такое бывало с ним уже не раз. Отчаянно ругаясь, старый генерал поднялся со своего ложа. Левая его нога была перебинтована.

— Клянусь головой Нергала, мой господи, я не отпущу вас в джунгли без взвода аквилонских солдат! Как вы можете доверять этим черным варварам? Они же вас живьем съедят, едва провиант закончится! Если уж я не смогу идти, то ехать-то верхом я в состоянии!

Положив свою тяжелую руку на плечо генералу, Конан силой усадил его обратно.

— Клянусь кровью Крома, дружище! Мне и самому все это не очень-то нравится, — проревел он. — Но что есть, то есть и чему быть, того не миновать! Мои аквилонцы и так уже вымотались вконец. Каждый второй ранен, прочие же мучаются лихорадкой. Я же ждать не могу. Король Мбега пообещал дать мне взвод своих воинов. С ними я и отправлюсь. Если я потеряю время, Тот-Амон сбежит в свою Стигию, если не отправится еще дальше — в Вендию или Кхитай. Ты и сам знаешь о том, что у этого старого колдуна сил еще хватает.

— Но послушайте меня, мой господин, эти черные варвары...

— Они прекрасные воины, Паллантид! Кому как не тебе знать это! — раздраженно перебил своего генера-

ла Конан. — Я жил среди них, я сражался против них и с ними, пока они не назвали меня «черным королем с белой кожей». Отважнее их нет никого. Мой старый товарищ Юма играючи справился бы с тремя нашими лучшими воинами! Ты вспомни хотя бы об амазонках!

Паллантид что-то буркнул себе под нос, понимая, что с королем спорить бесполезно. За две недели до этого к стенам древнего Зимбабве подошли послы королевы Нзинги, пришедшие сюда для того, чтобы выразить новому королю свое почтение. Возглавляла отряд амазонок их принцесса — двадцатилетняя дочь королевы Нзинги. Эта огромная смуглая дева была хороша собой и изящна, словно пантера. Она была на полголовы выше самого высокого аквилонца.

Паллантид знал о том, что лет двадцать тому назад, в бытность свою пиратом, Конан побывал в стране амазонок и сподобился ласк черной королевы. Судя по всему, принцессу он считал своей дочерью (кстати говоря, ее, так же как и мать, звали Нзингой).

Услышав о планах Конана, собиравшегося достигнуть южной оконечности мира, юная Нзинга вонзила к его ногам свое копье и предложила себя в союзники. Конан тут же согласился.

Паллантид решил зайти с иной стороны:

— Мой господин, вы, похоже, забываете о том, что в этих краях никто не бывал. Может статься, что идти вам придется дольше, чем вы предполагаете. Даже сам Мбега понятия не имеет, где это.

Конан ухмыльнулся:

— Может быть, ты и прав, да вот только идти мы не собираемся! Мы полетим на драконах — я, Конн и воины Мбеги. Остальные же — я говорю об амазонках Нзинги и гвардейцах Мбеги, которыми будет командовать Троцеро, — отправятся вслед за нами пешком. Мы разведаем пути и найдем тот Каменный Череп, о котором говорил астролог; затем мы вернемся назад и уже вместе с войском нападем на эту последнюю твердыню мага — мы с воздуха, а войско — с земли!

Паллантид стал нервно покусывать бороду:

— Но ведь вы не умеете управлять драконом!

Конан вновь улыбнулся:

— Ничего, Паллантид, я научусь. Мне доводилось ездить и на слонах, так что, думаю, и с драконом мне совладать удастся!

2. ПОЛЕТ ДРАКОНОВ

Вскоре Конан смог убедиться в правоте слов Паллантида. Огромные птеродактили, выдрессированные черными воинами, оказались куда более норовистыми, чем он предполагал. Они были непослушны, злобны и вдобавок ко всему глупы. Едва завидев на земле что-нибудь живое, они тут же забывали о своем седоке и начинали преследовать жертву. Помимо прочего, драконы ужасно смердили.

Конан презрительно фыркнул, когда улыбающиеся негры стали привязывать его к седлу и крепить над его головой бамбуковую раму, стянутую кожаными ремнями. Однако именно это и позволило ему остаться в живых, когда во время первого же полета, дракон неожиданно спикировал вниз, устремившись за газелью.

К седлам зимбабвийцы привязывали тяжелые дубинки, сделанные из тикового дерева, с помощью которых они и понукали своевольными тварями, заставляя их слушаться своего хозяина. Колотить дракона приходилось так часто, что у Конана даже разнылась рука. Куда проще ходить по земле, думал киммериец, ни на минуту не выпускавший дубину из рук.

Впрочем, все эти неудобства сполна возмещались, драконы передвигались с такой скоростью, что за ними не смогло бы угнаться ни одно существо. Пока черные воины прокладывали путь по непролазным джунглям, летающие всадники разведывали для них путь. Однажды они заметили на земле отряд черных воинов, явно поджидавших пеших соратников Конана. Стоило драконам атаковать их с воздуха, как они в ужасе бежали.

Через какое-то время джунгли сменились саваннами, и пеший отряд стал передвигаться куда быстрее. Однако даже теперь ему было далеко до драконов, что летали много быстрее самого лучшего скакуна. Конану доводи-

лось слышать о том, что в этом краю лошади так и не смогли прижиться, — они тут же заболевали какой-то болезнью и быстро издыхали.

Каждый новый день начинался с того, что Конан улетал далеко вперед, разведывая пути для своего войска; затем же он возвращался к амазонкам Нзинги и воинам Мбеги, что казались ему черными муравьями, медленно ползущими по земле. Троцеро не мог угнаться за своими воинами, и потому большую часть времени его несли на носилках дюжие зимбабвийцы.

Конан сгорал от нетерпения и то и дело разражался громкой бранью, глядя на то, как медленно ползет по земле цепочка людей. Впрочем, он прекрасно понимал, что за людьми этими не смогли бы угнаться и его доблестные аквилонцы.

Тиран Ненаунир был свергнут в ночь полнолуния. Конан отправился вслед за Тот-Амоном далеко не сразу, — луна к этому времени уже превратилась в узкий серебристый серп.

С той поры миновало уже два новолуния. Луна была в первой четверти, когда Конан увидел на западе цепи высоких гор, заслонявших собой горизонт.

Под ним земля была изрезана множеством оврагов и балок. Среди сухих трав кое-где стояли одинокие мертвые деревца, покрывавшиеся листвой лишь в сезон дождей. Равнина сменилась холмами. Судя по тому, что сказал погибший таинственной смертью Римуш, скоро они должны были достигнуть огромного водопада.

Сердце киммерийца радостно забилось, когда наконец он увидел перед собой объятую туманом гору. Он подлетел поближе, и взору его предстал водопад. Бурная горная река падала с высоты лишь вдвое меньшей, чем та, на которой находился он сам.

Отряд Конана остался далеко позади, но он решил не возвращаться к нему, не осмотрев земель, лежавших к востоку, — именно о них говорил шемский астролог. Он должен был вернуться назад еще засветло.

Конан натянул поводья, и дракон послушно повернул налево. Принц Конн и люди Мбеги летели вслед за ним.

Конан обернулся и посмотрел на сына. Лицо мальчика светилось радостью, на губах его играла лучезарная улыбка. Конан довольно ухмыльнулся.

Нет, он не зря взял его с собой. Сначала эта война в стигийской пустыне, затем переход через джунгли, застенки Зимбабве и, наконец, это путешествие на спинах крылатых драконов. Вряд ли всему этому его смогли бы научить книги и ученые наставники. Достойного преемника можно было воспитать только так.

Вскоре холмы сменились широкими плато, над которыми возвышались островерхие вершины. Видимо, это и была та Страна, Откуда Нет Возврата, о которой говорил старый Римуш. Конан решил перелететь через ближайшую горную цепь и найти перевал, который был бы доступен его пешим воинам, и только затем вернуться назад. Солнце уже клонилось к горизонту; времени у них оставалось немного.

Слева от него зашумели крылья. Конан повернулся и увидел, что теперь Кони летит вровень с ним. Лицо мальчика горело от возбуждения, он указывал рукой на запад.

Конан перевел свой взгляд туда же и увидел вдали белоснежную гору, на одном из склонов которой было вырезано нечто, отдаленно напоминавшее человеческий череп.

Конану тут же стало не по себе: варварская его душа страшилась подобных зрелищ, предпочитая им реальность самую что ни на есть обыденную. Это и был тот Каменный Череп, о котором говорил Римуш!

Конан, прищурившись, стал разглядывать это чудовищное изваяние. Земля пред ним была мертва и пустынна. Над черной пастью портала были вырезаны зубы. Еще выше пустыми глазницами чернели два огромных круглых проема. Выглядело это изваяние жутко.

И тут стало происходить что-то ужасное!

Тело Конана неожиданно обмякло. Чувства его притупились, а сердце сковало странной тяжестью. Казалось, что он вдруг попал в гибельное облако, напитанное смертельным ядом.

Та же странная сила овладела и его драконом, — слегка покачиваясь, он стал стремительно терять высоту, не в силах воспротивиться неведомой воле...

3. СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ

Конан дернул поводья так, что едва не вывернул дракону челюсть. Тот ответил вялым движением крыльев, однако и этого было достаточно для того, чтобы падение сменилось плавным спуском.

Сонная рептилия шумно уселась на землю. Конан торопливо распустил ремни, пристегивавшие его к седлу, и, спрыгнув наземь, затряс головой, пытаясь разогнать невесть откуда взявшуюся сонливость. «Да, — подумал он. — Похоже, мы действительно попали в ядовитое облако».

Он задрал голову вверх. Со спутниками его происходило то же самое. Один за другим они стали быстро спускаться вниз. Первым летел дракон Конна. Мальчик безвольно болтался в седле, лицо его заливала смертельная бледность.

Теперь киммериец испугался уже не на шутку. Обливаясь холодным потом, он промычал что-то нечленораздельное и зачем-то погрозил кулаком небу.

И тут мальчик пришел в себя. Он приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на стремительно приближающуюся землю. Изо всех сил он потянул за поводья, и задремавший было дракон проснулся и, развернув крылья, неловко, но достаточно мягко приземлился рядом со своим собратом.

Конан облегченно вздохнул. Подбежав к сыну, он помог расстегнуть ему ремни, вынул мальчика из седла и тут же заключил его в объятья.

Удача сопутствовала далеко не всем. Двум воинам Мбеги так и не суждено было проснуться — драконы их, словно камни, рухнули на голую землю. К счастью, всем остальным все же удалось благополучно посадить своих крылатых ящеров.

Конану неожиданно стало казаться, что с ними происходит что-то донельзя странное. Конн, тоже чувствовавший

себя не в своей тарелке, изумленно ахнул и стал протирать глаза.

Сверху равнина перед Каменным Черепом казалась совершенно мертвой. Теперь же они стояли средь пышных трав, доходивших им до колена. На лугу, пестревшем яркими цветами, безмятежно паслось стадо длиннорогих антилоп. Поодаль, там же, где и прежде, белела каменная громада. Однако теперь и камень этот казался другим, — на месте огромного черепа стоял великолепный белоснежный дворец. Тонкие пилястры поддерживали широкий архитрав, покрытый лепными изображениями нимф, сатиров и многоголовых богов. Выступавший вперед тенистый портик заканчивался высоким порталом, ведущим во дворец.

Конана стали мучить сомнения, он никак не мог понять, что же было иллюзией — каменный череп, который они видели сверху, или этот блистательный дворец, у стен которого они теперь стояли. Быть может, иллюзия эта тоже была вызвана гибельным газом?

За его спиной воины Мбеги один за другим покидали свои седла и спускались на землю.

Конан недоверчиво коснулся рукой травы и глубоко вздохнул. Воздух был наполнен ароматом цветов и запахом свежей травы.

Он вновь посмотрел на дворец. В лучах заходящего солнца беломраморный фасад порозовел. Каждая деталь была видна четко, то здесь, то там поблескивали кварцевые прожилки.

Он пожал плечами. Либо на них действительно влияют ядовитые испарения, порождающие все то, что они видят вокруг, либо видение их только сейчас прояснилось, и они смогли узреть то, что существует реально... Впрочем, ломать себе над этим голову можно было до бесконечности. Конан же привык разрешать все проблемы практически.

Едва он шагнул вперед, как позади раздалось: «Ангалиа!» Это кричал Мквава, командовавший черными гвардейцами. Воины взяли копья наизготовку.

От дворца к ним направлялось несколько женщин. Это были юные смуглые девы, в длинные косы которых были вплетены крохотные хрустальные колокольчики, источав-

шие нежнейшие звоны. Легкие накидки, сшитые из тончайшей ткани, не могли скрыть прелести их молодых упругих тел.

Мквава вопросительно посмотрел на Конана. Король нахмурился и пожал плечами.

— Наши бедные звери в себя еще не пришли, — наконец, сказал он. — Пусть они хоть немного отдохнут. Мы же тем временем попробуем узнать что-нибудь у этих дев, которых, я полагаю, бояться нечего. Половина людей пойдет вместе со мной, остальные же пусть охраняют наших драконов. Пошли кого-нибудь и назад, иначе, боюсь, наши люди нас потеряют.

Черный командир стал отдавать приказы. Конан, Конн и дюжина гвардейцев направились ко дворцу, стоявшему на склоне горы. Конан задумчиво крутил ус. Лицо его казалось совершенно безмятежным, однако сомнения его так и не покидали. Кто знает — быть может, все это — вражьи происки? Конан никогда не страдал излишней подозрительностью, но он не привык и к тому, чтобы мир менялся в мгновение ока.

4. ЗОЛОТИСТОЕ ВИНО

Настал вечер. Вот уже третий день Конан и его спутники жили во дворце, который скорее был целым городком, вырубленным в скалах. Городок этот назывался Ян-Йога. Все это время королева Лилит готовилась к пиру, устраивавшемуся в честь почетных гостей. Пир должен был состояться этим вечером.

Празднество проходило в большом зале, стены и полы которого были выложены белыми мраморными плитами. Конана усадили на почетное место рядом с королевскими министрами и прочей придворной знатью. Сидевший на высоких, обшитых шелком подушках киммериец то и дело наполнял золотистым медовым вином свой кубок. Варвар чувствовал себя на удивление спокойно. Насытив себя изысканнейшими яствами, он услаждался холодным, слегка терпковатым вином, наполнявшим его сладкой истомой. В другом конце зала пировали его спутники.

Юный Конн в гордом одиночестве возлежал на мягких подушках, глядя на танцующих для него юных дев, чью наготу прикрывали лишь узкие полоски жемчужных ожерелий, надетых на чресла. Снисходительно улыбаясь, Конан наблюдал за сыном. Уже не за горами было то время, когда мальчик должен был стать мужчиной. Конан и сам был немногим старше его, когда он впервые познал женщину. Едва это произошло, от его киммерийского пуританства и следа не осталось. Именно тогда он и отправился в скитания...

Королева пещерного дворца Лилит сидела отдельно от всех. Ее трон стоял на помосте, вырезанном из оникса. За эти три дня Конан не единожды беседовал с нею, но, похоже, она действительно не знала о том, что дворец ее может походить на череп. Слова Конана несказанно рассмешили ее. Подобные иллюзии, говорила она, в ее стране не редкость, — они вызываются ядовитым газом, выходящим из-под земли вместе с паром гейзеров.

Объяснение это Конана вполне удовлетворило, хотя сомнения его так и не рассеялись.

Услышал он от Лилит и рассказ о том, как она и ее подданные оказались в этом месте. Несколько веков тому назад могущественный царь Вендии, снарядив караван купеческих судов, отправил его в Иранистан. Поднявшаяся внезапно буря отнесла корабли далеко на юг и выбросила их на берег неподалеку от того места, в котором они сейчас находились. На берегу этом жило племя желтокожих людей. Вендийцам удалось покорить этот народец, и с той поры они распоряжались аборигенами как рабами. Купцы взяли в жены привезенных ими вендийских рабынь и решили остаться в этих землях навсегда. Именно они и их потомки вырезали в податливых известковых скалах прекрасную Ян-Йогу.

Конану дворец этот представлялся слишком уж роскошным, пышности киммериец предпочитал строгость и простоту. Даже огромный тарантийский дворец, построенный его предшественником Нумедидесом, казался ему слишком вычурным. Едва став королем, Конан приказал убрать из своих покоев все ковры и гобелены и застелить полы тростником, как это было принято в Киммерии.

Ян-Йога походила на дворцы, виденные им в молодости в восточных землях — в Аграпуре, где тогда царствовал Йилдиз Туранский, в Шамбалле, лежавшей за дикими гирканийскими степями, в столице далекого Кхитая. Так же как и там, стены, двери и своды были покрыты затейливой резьбой. Конан вспомнил о том, как его пленили в таинственной Шамбалле, Городе Черепов. Он предался внезапно нахлынувшим на него воспоминаниям, что уносили его все дальше и дальше...

Киммериец задремал. Заметив, что отец стал клевать носом, Конн поднялся со своего ложа и беззвучно покинул зал.

Ни он, ни его отец не заметили высокого человека в зеленой мантии, что наблюдал за происходящим, стоя за колонной. Человек этот постарел так, что узнать его было почти невозможно, однако Конан тут же признал бы в нем своего заклятого врага Тот-Амона.

Конн был молод и горяч, кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести глаз от одной из танцовщиц, что была немногим старше его. Мальчика очаровали и ее нежное тело, и ее грациозные движения, и ее глаза, полные неги...

Едва закончился танец, она отбежала к дальней стенке и, встав спиной к колонне, стала смотреть в его сторону. Заметив, что Конн не сводит с нее глаз, она томно облизнулась и погладила себя по чреслам.

Сердце Конна готово было выскочить из груди. Теперь или никогда, решил принц и, поднявшись со своего ложа, отправился вслед за юной девой.

Нельзя было сказать, что никогда прежде женщины не трогали его. Служанки принца то и дело пытались завладеть его вниманием, и, надо сказать, им это обычно удавалось. Мальчик отвечал на их поцелуи, чувствуя, что от него хотят чего-то большего, он неуклюже пытался ласкать их, но они выскальзывали из его объятий и, смеясь, убегали... «Но должен же я когда-то стать мужчиной!» — думал Конн, пересекая зал.

Дева так и стояла у колонны. Руки его обвили ее нежную талию, но она вдруг засмеялась и отстранила его от себя.

— Не здесь, — зашептала она. — Ты забываешь о королеве...

— Но где же? — прошептал принц.

— Идем...

Взяв Конна за руку, дева вывела его из зала и повела по сумеречным коридорам, направляясь к дальним покоям дворца. Мальчик, забыв обо всем на свете, покорно шел за ней.

Один за другим пирующие покидали зал. Вскоре в нем остался лишь Конан, мирно дремавший на своем мягком ложе. Белый мраморный пол был залит золотистым вином, здесь же валяся выскользнувший из руки киммерийца огромный рог буйвола.

Зал наполнился смуглыми слугами. Они бесшумно скользили по полу, подбирая оставленные черными воинами копья, топоры и дубины. Подойдя к спящему киммерийцу, они вынули из ножен его огромный меч и острый как бритва кинжал.

Королева Лилит, улыбаясь, наблюдала за своими слугами. Время от времени она отдавала им приказы, но говорила она теперь совсем на другом языке, походившем скорее не на человеческую речь, а на змеиное шипение.

Лилит спустилась с помоста и, легко ступая, подошла к мирно похрапывающему Конану. Она взяла у слуги острый аквилонский кинжал и, посмотрев на киммерийца, усмехнулась, лишний раз поразившись его доверчивости.

Взяв кинжал поудобнее, Лилит занесла руку для удара, метя Конану в сердце.

5. ДЕТИ ЗМЕЯ

В комнате стоял полумрак. Конн прикрыл дверь и стал осыпать горячими поцелуями шею и плечи красавицы. Дева легла на широкий диван, покрытый шелковым покрывалом, и рукой поманила его к себе.

Принц сбросил с себя перевязь и принялся расстегивать ремни своей кирасы. Латы его были отполированы до зеркального блеска. Они были малы ему и слегка давили в боках, но это было не удивительно, — королевские ору-

жейники ковали их год назад, и за это время он уже успел подрасти. Это были его первые настоящие доспехи. Мальчик гордился ими и едва ли не ежедневно начищал их до блеска.

Нагая дева стала тихонько постанывать. Конн наконец-таки покончил с ремнями и снял кирасу с груди. Осторожно, боясь поцарапать или помять ее блестящую серебристую поверхность, он опустил ее на пол.

И тут на полированной поверхности своих доспехов он увидел отражение девы. Лишь теперь ему предстал ее подлинный облик.

Тело ее было человеческим, хотя оно и сильно отличалось от того прекрасного девичьего тела, которое предстало ему до этого. Голова же у этого тела была змеиной! Он ясно видел холодные змеиные глаза, щерящуюся пасть, усыпанную острыми как иглы зубами, и трепещущее раздвоенное жало.

Конн не раздумывал ни секунды. Одного взгляда на эти бездушные глаза было достаточно для того, чтобы в нем проснулся идущий от века инстинкт.

Мальчик прыгнул к кушетке, на которой лежала его перевязь, и выхватил из ножен стальной клинок. Побелевший от ужаса Конн вонзил его в змеиную грудь.

Из раны хлынула темная кровь, мальчик же все рубил и рубил бьющееся в агонии тело.

Змееголовую деву убить было не просто. Она стала метаться по дивану, пытаясь уйти от смертельных ударов. На человека она походила все меньше и меньше — теперь уже не теплая человеческая кожа, но хладная блестящая кожа змеи покрывала ее. Конн отвел глаза в сторону и нанес последний удар. Тяжело дыша, он бросил клинок на пол и, пошатываясь, подошел к стене. Его стало тошнить.

Ему тут же стало легче. Сознание его прояснилось. Только теперь он понял, что же происходило с ними все это время. Зачаровав людей, девы-змеи развели их по разным углам, чтобы покончить с ними. Стоило людям попасть в их объятья, как змеи впивались в них своими острыми, напитанными ядом зубами. Люди же умирали, так ничего и не поняв.

Быть может, лишь ему одному удалось спастись от их чар, что были не властны над отраженьями. Призраки могли скрывать реальность, лишь наложившись на нее обманчивым покровом, что не мог отразиться поверхностью зеркала.

От ужаса у него закружилась голова. В древних мифах о змеином племени было сказано немало. Богом аквилонцев был Светоносный Митра, сумевший сразить Древнего Змея Сета. Однако реальность, соответствовавшая этой легенде, представилась Конну куда более страшной.

Не мечом всесильного бога, но мечами обычных людей был повержен Змей Вечной Ночи. Они воевали с шипящими ордами Сета вот уже миллион лет. Появившись на земле, люди тут же оказались во власти змей, но уже на заре истории первые герои стали поднимать свой народ на борьбу с адскими тварями. Долгой и трудной была эта борьба, страшной ценой доставались победы. И все же людям удалось победить.

Древние сказания говорили о том, что змеиное племя было вновь послано на землю всесильным Сетом, омрачившим сознание людей настолько, что те перестали отличать змей от себя. Остановить новый натиск Змея смог только великий Кулл, правивший древним Валузийским царством, — увидев, что змеи живут в городах рядом с людьми, смешиваются с ними и порождают себе подобных, он повел прóтив них решительную борьбу, которая закончилась его победой.

С той поры прошло уже столько времени, что даже легенды о змеином народе стали забываться. И тут вдруг оказалось, что змеиное племя еще живо. Оно затаилось в высоких горах на самом краю света.

Мальчик часто замигал. Из всех людей земли об этом знал только он.

6. ЧЕЛОВЕК С ЛИЦОМ МЕРТВЕЦА

— Стой! — прогремело в зале.

Кинжал застыл в паре дюймов от груди Конана.

Королева Лилит обернулась и увидела перед собой сгорбленного старика, одетого в выцветшую зеленую ман-

тию. Губы ее искривились злобой, обнажив белоснежные зубы и подрагивающий, словно змеиное жало, розовый язык.

— Кто здесь командует, стигиец? Ты или я?

Тот-Амон не мигая смотрел в темные глаза королевы. Он стал стремительно стареть еще в Нептху, когда Конан уничтожил братство Черного Кольца. Тогда стигийцу едва удалось бежать, прибежищем он избрал Древний Зимбабве, которым правил последний его союзник — боккор Ненаунир. Но недолгим был отдых Тот-Амона — киммериец, шедший за ним по пятам, уничтожил черного тирана, и ему, великому магу, вновь пришлось скрываться бегством. На земле Тот-Амон прожил уже не одну сотню лет, но лишь теперь годы стали брать свое, — каждое поражение все больше и больше отдаляло его от Великого Змея, лишая стигийца божественной поддержки. Тело его стало слабым и дряхлым, лицо посерело и покрылось густой сетью морщин. Взор его, однако, был исполнен прежней силы, да и голос не утратил своей мощи, что опиралась на незыблемую, твердую как камень волю стигийца.

Древние змеи, в логовище которых он теперь жил, были его последними союзниками. В течение нескольких веков он удерживал змей в Ян-Йоге, то подкупая, то околдовывая их. Они, так же как и он, поклонялись Великому Сету, но он не хотел делить с ними власть над миром, — землей должен был повелевать только он. Среди людей союзников у него уже не было, и потому ему оставалось одно — искать помощи у змей. Не сострадание и не дружеские чувства двигали ими, когда они позволили ему остаться в их дворце, — подобные чувства им были неведомы, — с его помощью змеи надеялись восстановить свою власть над миром людей.

Над слугами Сета Тот-Амон был уже не властен, но упускать из своих рук Конана Аквилонского он не хотел.

— Он мой, Лилит, — угрюмо произнес стигиец. — Распоряжаться жизнью киммерийца могу только я.

Женщина-змея косо посмотрела на него и прошипела:

— Тебя, стигийский шакал, я вижу насквозь. Ты хочешь принести в жертву Отцу Сету сильнейшего из слуг

Митры, чтобы вновь расположить к себе Великого Змея. Но и у меня есть виды на киммерийца...

Договорить она не смогла.

От сильнейшего удара в спину королева зашаталась. Из груди ее показался окровавленный бронзовый наконечник копья. Зашипев, Лилит рухнула на пол и забилась в предсмертной агонии. Подняв глаза, Тот-Амон увидел, что в зале появилось несколько огромных амазонок.

— Клянусь дубиной Мамаджамбо! — воскликнула принцесса Нзинга, пытаясь выдернуть свое копье из корчащегося тела. — Мы пришли сюда вовремя!

В зал вбежали седобородый Троцеро и его черные воины. Едва завидев генерала, Нзинга закричала:

— Это место заколдованное! Издали скала эта казалась черепом, стоящим посреди мертвого поля, когда же мы подошли поближе, то оказалось, что идем мы не по камням, а по зеленому лугу, и не каменный череп перед нами, а прекрасный дворец! Я как увидела, что эта тварь хочет убить белого короля, тут же ее и прикончила. Теперь же я стою и думаю: может быть, все это тоже неправда? Может быть, нам все это только кажется? Тут еще и старик какой-то...

— Да это же сам Тот-Амон! — изумленно воскликнул Тросеро.

— Вот уж никогда бы не подумала, — удивленно пробормотала амазонка и перевела взгляд на извивавшееся у ее ног тело со змеиной головой. — А это что еще за чертовщина?

— Змея, которая умеет говорить, — еле слышно ответил ей внезапно побледневший Троцеро.

Схватившись за рукоять меча, принцесса сделала шаг назад.

— Как у тебя только язык повернулся, старик! Ты хочешь сказать, что они существуют на самом деле?

— Посмотри на нее повнимательнее, — тихо ответил аквилонец. — Смотри! Она меняется прямо на глазах!

Амазонка перевела взгляд на пол, но тут же зажмурилась. Ничего более омерзительного она еще не видела.

И тут из-за колонн раздалось шипение. В зал вползали десятки змей. Теперь внимание аквилонского генерала и амазонки было приковано только к ним.

Бой обещал быть жестоким и долгим. Сразив очередную змею, генерал окинул взглядом зал и остолбенел. Ни Конана, ни Тот-Амона в зале не было, они как сквозь землю провалились.

7. НА КРАЮ СВЕТА

Конан неожиданно проснулся. Он пробуждался легко, словно кошка, почувствовавшая приближение врага. Эту способность он унаследовал от предков, и выручала она его уже не единожды.

Он лежал совершенно недвижно, пытаясь понять, где же он находится. Воздух пах морем, где-то совсем рядом шумели волны.

Он слегка приоткрыл глаза. Небо было усыпано мириадами звезд. Ярко сияла луна, и в свете ее хорошо были видны темные скалы и бесконечная ширь неведомого края. Казалось, что он лежит на самом краю света и созерцает океан вечности...

Конан резко вскочил на ноги и стал озираться. На скале, возвышавшейся над ним, стоял человек. В свете луны мантия его казалась серой. К своей костлявой груди он прижимал неведомый талисман, поблескивавший изумрудным светом.

— Мы снова встретились, киммерийский пес! — раздался голос Тот-Амона.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал! — проревел в ответ Конан.

Он не спешил нападать на стигийца, понимая, что голыми руками одолеть всесильного мага он не сможет. Конан был озадачен: пока он спал, Тот-Амон мог убить его, но вместо этого маг почему-то приказал своим демонам перенести его на этот дикий берег.

Словно услышав его мысли, Тот-Амон тихо заговорил. Он говорил долго; голос его постепенно креп и в нем начинали звучать знакомые Конану властные нотки. Киммериец безмолвно внимал ему, сложив на груди свои могучие руки.

— Богам было угодно, чтобы ты стал ловцом, а я твоей добычей. Ты охотился за мной по всему миру. Ты лишил меня союзников. Вместе с пьяным друидом ты уничтожил великое братство Черного Кольца. За год до этого ты смог повергнуть всесильную Белую Руку. В Зимбабве боги вновь были на твоей стороне. После этого идти мне было уже некуда.

Конан безмолвствовал. Маг вздохнул и продолжил:

— Здесь, на краю света, живут те, кто до прихода человека правил этим миром. Именно здесь находится последняя цитадель древнего змеиного племени. Появившись на земле, люди тут же стали воевать со змеями и истребили бы их, если бы те не прибегли к магии, позволившей змеям скрыть от людей свой истинный облик. Твой предок Кулл Завоеватель проведал об этом, и тогда змеиный народ был истреблен окончательно. И все же нескольким змеям удалось уцелеть.

Я давно знал о том, что они скрываются именно здесь, на краю света. Я знал и о том, что они все еще хранят надежду отвоевать у людей то, что, как они считают, должно принадлежать им по праву. Именно они даровали мне знание, позволившее мне стать наместником Сета на Западе. Я должен был низвергнуть всех ваших богов и вернуть в мир истинную веру. Место Митры, Иштар и Асуры должен был занять Великий Сет. Произойди это, и я стал бы правителем всего этого мира, мои учителя змеи этому уже не смогли бы помешать.

Все шло как нельзя лучше, пока не появился ты. Я до сих пор не понимаю того, как тебе удалось сорвать мои планы. Ты не жрец, не пророк и не волшебник. Ты всего-навсего грубый невежественный варвар, каким-то чудом оказавшийся на самом гребне судьбы. Впрочем, возможно, твои западные боги и не столь примитивны... Я не знаю, что за сила стоит за тобой, но тебе удалось не только лишить меня власти над миром, но и обратить меня, величайшего мага земли, в жалкого беглеца...

Но не все еще потеряно! Я принесу твою бессмертную душу в жертву Великому Сету. Ты не представляешь себе, сколь грандиозна эта жертва! Великий Змей тут же вспомнит о своем преданном слуге и вернет ему свое располо-

жение! И тогда я соберу змеиное воинство и пойду войной на презренное царство людей!

Конан взревел и, в два прыжка достигнув вершины скалы, схватил мага за горло. Они упали вниз, на плотный влажный песок.

Странной и страшной была эта битва воина Света и воина Тьмы. В эту минуту на краю света решалась судьба мира.

8. РЕКВИЕМ ПО ЧАРОДЕЮ

Бросок Конана застал стигийца врасплох. Тело его было старым и дряхлым, ответить силой на силу он уже не мог. Но у него было оружие совсем иного рода. Едва пальцы киммерийца легли на его шею, маг легко коснулся лба Конана сверкающим камнем.

Лба киммерийца коснулось легкое прохладное дуновение, и тут же ледяная игла впилась ему в сердце. Он стал терять сознание, чувствуя, как коченеет его тело. Холодные волны тьмы увлекали его за собой. Эти черные беспросветные воды поглотили его тело и теперь боролись с его душой, кружившей во мгле таинственным вихрем.

Однако Конан так и не разжал своих рук, сошедшихся на шее его заклятого врага в мертвой хватке. Душа стигийца тоже покинула тело и погрузилась во тьму. Но борьба продолжалась и здесь, пусть у противников уже и не было тел. Мир погрузился в серую дымку; где-то вверху кружили черные звезды, источавшие хладные флюиды.

Стигиец представлялся Конану туманным вихрем. Сам же он выглядел точно так же. У противников не было даже определенной формы и все же они как-то боролись друг с другом.

Здесь все решала некая неизъяснимая сила, которая лежала в самом основании человека и была его сутью, придававшей ему в проявленном мире ту или иную форму, делавшей его тем или иным.

Тот-Амон все наступал и наступал, разя хладом огненный вихрь киммерийца. Чем слабее становился

Конан, тем сильнее становился он сам. Отчаянным усилием киммериец удерживал себя от полного развоплощенья, ни на миг не выпуская мага из своих бесплотных объятий, — они все кружили и кружили по серому миру.

Конан вдруг почувствовал, что вражий вихрь распадается. Тот-Амон беззвучно закричал. Крик этот был исполнен отчаяния и муки. Вихрь его бесследно растаял, смешавшись с холодной серой дымкой.

Конан скользил по серому миру, с каждой минутой становясь все сильнее и сильнее. Он знал, что жизненной силы Тот-Амона больше не существует.

Через какое-то время он пришел в себя.

Он лежал на песчаном берегу у самой кромки безымянного моря. Рядом сидел его сын. Мальчик горько плакал. Обеими руками Конан сжимал шею мертвого стигийца. Поодаль лежал меч, по рукоять испачканный черной кровью. Этот меч он подарил Конну в день его тринадцатилетия. Именно на нем Белый Друид Дивиатрикс начертал Охранный Знак Владыки Света Митры — К р е с т Ж и з н и!

Так закончилась Последняя Битва. Сорок лет Конан Киммерийский и Тот-Амон Стигийский преследовали друг друга по миру. Дуэль их наконец была закончена.

— Он тебя у б и л, отец! Я ударил его и вдруг смотрю — ты лежишь тихо-тихо и даже не дышишь, как будто ты умер! — всхлипывая, говорил ему мальчик.

Конан обнял его:

— Ты не ошибся, мой мальчик, я стоял пред самыми Вратами Смерти. Но не мне, а другому суждено было войти в них! Смотри!

Он кивнул на мертвое тело стигийца. Оно на глазах у них превращалось в прах. Вскоре от него остался лишь голый череп, однако через пару минут и он превратился в мельчайшую пыль. На песке осталась лишь выцветшая зеленая мантия.

Конан поднял с песка талисман мага и зашвырнул его далеко в море.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь эту штуку вряд ли кто-нибудь найдет!

9. МЕЧИ ПРОТИВ ТЕНЕЙ

— И тут эта дева превратилась в змееголовое чудовище. Если бы не моя кираса, я бы с тобой уже не разговаривал, — рассказывал Конану сын. — Я зарубил ее и побежал в зал, чтобы рассказать об этом тебе. Ты спал, а над тобой стояли Тот-Амон и королева. В этот же миг в зал вбежали амазонки, и принцесса тут же пронзила Лилит копьем. Я же продолжал стоять за колонной. Тот-Амон подозвал к себе слугу и вместе с ним потащил тебя к стене. Ох и странный это был слуга! Голова у него была рогатая, а здоров он был словно бык! Самым странным было то, что никто, кроме меня, их не видел — стигиец людей словно околдовал!

В стене была потайная дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий к берегу моря. Я видел, что в зал стали вползать змеи, но решил, что амазонки и воины Троцеро справятся с ними и без меня, и поспешил вслед за магом. Я вышел на берег, но сразу найти тебя не смог, ты ведь помнишь — там кругом скалы. Потом я увидел, что ты и маг лежите на песке. Мне даже показалось, что вы заснули...

Конан то и дело кивал, понимая, что мальчику надо выговориться. Они возвращались в Ян-Йогу. Мальчик быстро нашел вход в подземелье. Из-под земли доносились шум и лязг оружия — сражение все еще продолжалось.

Конан заулыбался. После потусторонних битв в мире, где и звезды черны, звон клинков казался ему сладчайшей музыкой.

Где-то там Нзинга и Троцеро сражались со змеиным племенем. Воинов под их началом было немного, но зато это были настоящие воины! Змеи же, проведшие в этих землях не одну сотню лет, должны были уже позабыть ратное дело, к тому же они лишились и своих предводителей, — вряд ли кто-либо из них мог сравниться с королевой или Тот-Амоном. Бой предстоял трудный и упорный, в этом сомнений не было, но Конан был даже счастлив сразиться с этими старыми как мир врагами человека. «С главным своим врагом я покончил, — подумал вдруг Конан. — Боюсь, теперь мне будет его не хватать...»

— Слушай, а где же твой меч? — спросил он у сына.

— Я оставил его там, на берегу.

— Дай мне свой кинжал и беги назад, я тебя здесь подожду.

Конан стал шарить рукой по земле и нащупал округлый булыжник размером с человеческую голову. Он поднял его с земли и, оценив на вес, остался им доволен. Им он будет проламывать этой нечисти головы.

Конан знал, что змей убивать непросто, — они живучи на удивление. Но и они смертны.

Через несколько минут к нему подошел Конн. В руке его поблескивал меч. Отец и сын вошли в темный тоннель и поспешили на помощь своим друзьям, что вели последний бой с древнейшими врагами человека.

Корона кобры

РОМАН

Пролог

КРОВАВОЕ ВИДЕНИЕ

За два часа до полуночи дочь зингарского короля Фердруго принцесса Хабела проснулась. Прикрытое тончайшей тканью ее тело дрожало, как в лихорадке. Взгляд принцессы был устремлен в ночную мглу, сердце терзалось мрачными предчувствиями. За окном по крышам дворца барабанил дождь.

О чем же был этот сон, из страшных объятий которого душа принцессы едва смогла вырваться?

Теперь, когда это мрачное видение оставило ее, она с трудом могла припомнить его детали. Отчетливо помнился только мрак, в котором вдруг засверкали полные злобы глаза и заблистали клинки, и тут — тут все обагрилось кровью. Кровь была повсюду — на простынях, на каменных плитах пола, она ползла из-под двери — темная, липкая, густая кровь!

Хабела вздрогнула и стала озираться по сторонам. Ее внимание привлекла свеча, горевшая на невысоком, богато украшенном домашнем алтаре, что стоял у противоположной стены. Пламя освещало изображение Митры, Владыки Света, главного божества кордавского пантеона. Принцесса замерла — божественный промысел, вот что ей нужно. Закутав свое пышное смуглое тело в кружевное покрывало, она направилась к алтарю. Черные как смоль волосы падали на ее плечи полуночным водопадом.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с благовониями. Раскрыв сосуд, принцесса извлекла из него несколько смолистых крупинок и бросила их в пламя. В комнате запахло миррой и нардом.

Хабела воздела руки и склонилась так, словно собиралась молиться, однако с уст ее не слетело ни слова.

Душа ее была охвачена смятеньем столь сильным, что — как ни пыталась принцесса — молиться она не могла.

Она вдруг поняла, что мрак и ужас поселились во дворце не сегодня и не вчера. Старый король неожиданно стал черствым и странным, его занимали только ему одному ведомые мысли. Он стал стареть так быстро, словно им завладел некий призрачный вампир, сосущий сок жизни. Иные из королевских указов, казалось, были написаны под чужую диктовку — они противоречили всему тому, что делалось королем прежде. Кто-то другой смотрел его выцветшими глазами, говорил его хриплым голосом, скреплял подписью указы. Мысль эта при всей ее дикости то и дело приходила принцессе на ум.

Призрак, что внимательно следил за происходящим, казалось, стал уплотняться, стал обретать реальность — и вот дело дошло до видений.

И тут сознание ее проснулось, морок, наполнявший его, внезапно развеялся. Принцесса вдруг поняла, что же так мучало и ужасало ее. Она ясно увидела, что темная сила, обступавшая ее со всех сторон, теперь пыталась завладеть ее душой.

Ужас овладел ею, она содрогнулась от отвращения. Принцесса пала ниц пред алтарем; по каменным плитам разметались ее черные блестящие локоны.

— О Митра, защитник дома Рамиро, милосердный и справедливый, враг зла и порока, молю тебя, помоги мне! Заклинаю тебя, о Владыка Света, скажи — что мне делать?

Поднявшись, она открыла золотой ларец, что стоял рядом с сосудом для благовоний, и вынула из него горсть тонких прутиков сандалового дерева. Одни прутики были длиннее, другие — короче; одни были изогнутыми и разветвленными, другие — прямыми.

Она бросила их перед алтарем. Раздался неожиданно громкий стук. Принцесса склонилась над разбросанными прутиками. Глаза ее округлились от изумления.

Перед собой она увидела ясное ТОВАРРО.

— Товарро, — произнесла принцесса вслух, — я должна отправиться к Товарро. — Глаза ее загорелись решимостью. — Клянусь, что я отправлюсь туда сегодня же ночью. Я разбужу капитана Капеллеса.

Бушевала гроза; покои, по которым шла принцесса, то и дело озарялись вспышками молний. В спешке одевшись, она прикрепила к поясу шпагу и накинула на плечи теплый плащ. Движения ее были грациозны и стремительны.

Митра смотрел на нее своими бесстрастными глазами. Но так ли бесстрастен был его взор? Не вплетал ли Митра и свой голос в раскаты грома? Кто знает...

Не прошло и часа, как дочь Фердруго покинула дворец. И это послужило началом целой цепи фантастических событий, в которых странным образом сплелись судьбы могучего воина, страшного колдуна, гордой принцессы и древних богов, что сошлись в смертельной схватке на краю мира.

Глава 1
НОЧНЫЕ ГОСТИ

Дождь лил как из ведра. На мощенных булыжником улочках, что вели к гавани, завывал ветер; он раскачивал вывески гостиниц и таверн. Тощие псы жались к дверным проемам, пытаясь укрыться от дождя и ветра.

Город был погружен во тьму. Лишь несколько окон горело в домах зингарской столицы Кордавы, стоявшей на берегу Западного моря. Луна скрылась за тяжелыми тучами, по небу неслись призрачные рваные облака. То был самый темный час, — час, когда говорят об измене и разбое, когда убийцы в масках и черных перчатках крадутся по темным комнатам, сжимая отравленные ножи. То было время убийств и заговоров.

Сквозь шум дождя и завыванье ветра слышались звуки шагов и бряцанье оружия. На темных улицах несла дозор ночная стража — шестеро вооруженных пиками и алебардами мужчин в плащах и низко надвинутых шляпах. Они старались идти тихо, лишь изредка тишину нарушала певучая зингарская речь. Дозорные внимательно всматривались и вслушивались, однако мысленно они были уже дома, за бутылкой вина...

Стоило дозорным миновать заброшенное стойло с проваленной крышей, как две темные фигуры, таившиеся

внутри, ожили. Движения этих людей были бесшумны; один из них вытащил из-под плаща маленький фонарь и осветил им пол конюшни.

Человек с фонарем нагнулся и стал разметать сор. К одной из каменных плит была прикреплена короткая цепочка, заканчивавшаяся бронзовым кольцом. Взявшись за кольцо, неизвестные потянули цепочку на себя. Раздался скрип ржавых петель — каменная дверца открылась. Неизвестные скрылись в подземелье, и плита с глухим ударом вернулась на старое место.

Узкая винтовая лестница круто уходила вниз, в кромешную мглу. Древние истертые ступени были покрыты плесенью, все дышало гниением и упадком.

Люди в черных плащах не спешили — шаги их были бесшумны и осторожны. Лица были скрыты шелковыми масками. Казалось, что по лестнице крадутся привидения; тайные тоннели соединяли подземный ход с морем, свежий морской ветерок, гулявший по подземелью, развевал плащи незнакомцев, делая их похожими на огромных летучих мышей.

Над уснувшим городом возвышались башни замка Вилагро, герцога Кордавского. Свет горел только в нескольких узких оконцах — почти все обитатели замка спали.

В нижнем этаже замка горел высокий золотой светильник, напоминавший перевившихся змей; здесь сидел человек, изучавший пергаменты.

Владелец замка не поскупился на украшение каменных сводов. Сырые стены были завешены яркими гобеленами. На холодном каменном полу лежал толстый мягкий ковер, узорчатый и многоцветный; его ткали в далекой Вендии.

На низком столике, украшенном искуснейшей резьбой, стоял большой серебряный поднос с вином из Кироса, фруктами и сластями.

И стол, за которым читал человек, был тоже привезен издалека — резьба на нем ясно указывала на школу мастеров Аквилона, страны, лежавшей к северо-востоку от Зингары. Письменный прибор с павлиньим пером был выполнен из хрусталя и золота. Прессом для бумаг служил тонкий клинок.

За столом сидел человек лет пятидесяти, худощавый и изящный. Одет он был необычайно изысканно: бирю-

зовый вельветовый камзол не скрывал белья тончайшего полотна нежно-абрикосового цвета, пена кружев на запястьях оттеняла громадные бриллианты, сверкавшие на каждом из холеных, длинных пальцев. На ногах, обтянутых черным шелковым трико, красовались искусно отделанные драгоценными камнями мягкие сапожки из кордавской кожи.

Его возраст выдавали обвислые щеки и темные мешки под быстрыми холодными глазами. Поэтому ни окрашенные волосы, ни слой пудры на лице никак не молодили его.

Его рука, сверкавшая изумрудами, небрежно играла с пергаментами, испещренными тонкими письменами и скрепленными алыми печатями. Он нетерпеливо постукивал носком правой ноги и беспрестанно взглядывал на клепсидру — старинные водяные часы, украшавшие стол. Время от времени он оглядывался на тяжелую шпалеру, прикрывавшую угол комнаты.

Здесь же, у стола, неподвижно застыл чернокожий раб со сложенными на груди мускулистыми руками. Огни светильника поблескивали, отражаясь на выпуклых мышцах черного тела и тяжелых золотых серьгах, украшавших вытянутые мочки ушей. Раб был вооружен кривой саблей, выглядывавшей из-под его алого кушака.

Часы пробили два часа пополуночи.

Со сдавленным проклятием человек отбросил от себя хрустящий пергамент. И в тот же миг гобелен был откинут в сторону невидимой рукой; за ним открылся потайной ход. Из темноты появились два человека в черных масках и черных плащах. Один из них держал в руке небольшой фонарь. С промокших насквозь одежд вошедших стекала вода.

Человек, сидевший за столом, положил ладонь на рукоять кинжала, лежавшего на столе: раб, уроженец страны Куш, схватился за саблю. Однако когда гости вошли в комнату и сняли маски, хозяин комнаты успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот, сложив руки на груди, вновь замер.

Сбросив плащи на пол, гости низко поклонились. Голова первого была гладко выбрита. Молитвенно сложив руки, он поклонился вторично.

Второй отвесил изысканный придворный поклон и внятно прошептал:

— О мой герцог!

Выпрямившись, он небрежно положил руку на драгоценный эфес своего длинного меча. Это был высокий темноволосый человек; хищное лицо его имело болезненный цвет. Его тонкие черные усики казались нарисованными. В движениях чувствовались манерность и вычурность — он походил скорее на пирата, чем на придворного вельможу.

Вилагро, герцог Кордавы, смерил высокого зингарца ледяным взглядом.

— Мастер Зароно, я не привык ждать, — процедил он сквозь зубы.

Вновь последовал вычурный поклон.

— Тысяча извинений, Ваша Милость! Поверьте, я ни за что не стал бы вас тревожить!

— Тогда почему же ты опоздал на целых полчаса, сударь?

— Пустяк, абсолютная глупость.

Человек с выбритым по-монашески черепом вставил:

— У нас вышел скандал в таверне, мой герцог.

— Что? Скандал в питейной лавке?! Бездельники, вы что, с ума посходили? Как это вышло?

Щеки Зароно порозовели, он метнул на монашка взгляд, полный ненависти, тот же смотрел на него совершенно невозмутимо.

— Сущие пустяки, Ваша Светлость! Дело таково, что совершенно не стоит вашего внимания.

— Мне это решать, Зароно, — ответил герцог. — Не исключено, что наш план раскрыт. Ты уверен в том, что эта — эта неприятность — не была подстроена? — Герцог нервно сжал руки, костяшки его пальцев побелели.

Зароно хмыкнул.

— Ну что вы, мой герцог. Вы, наверное, слышали об этом болване по имени Конан — он командует зингарским капером, похоже, забыв о том, что его родила киммерийская шлюха.

— Никогда не слышал об этом мошеннике. Продолжай.

— Я же сказал вам — все это пустяки. Я пришел в гостиницу «Девять Обнаженных Мечей» для того, чтобы встретиться с праведным Менкарой. Заметив отменный

кусок мяса, жарившийся на вертеле, я решил убить сразу двух зайцев. Как вы, наверное, знаете, я не привык попусту тратить время и потому тут же подозвал к себе Сабрала, хозяина таверны, и приказал ему подать мне жаркое. И тут этот гнусный киммериец посмел заявить, что это, мол, его ужин. Если в человеке есть хоть капля благородства, он не станет терпеть...

— Говори короче! Что у вас там случилось?

— Сначала мы спорили, ну а затем от слов мы перешли к делу. — Зароно пощупал синяк, вздувшийся под глазом, и довольно хмыкнул: — Этот парень здоров как бык, но, думаю, и ему от меня перепало. Только я хотел преподать этому деревенщине урок фехтования, как хозяин вместе с посетителями разняли нас и растащили по сторонам — каждого из нас держало человек пять. И тут в таверне появился святой отец Менкара — он-то нас и успокоил. Так что, как видите...

— Я все понял. Похоже, это действительно случайность. И все же на твоем месте я бы избегал запаха жареного. Подобного я больше не потерплю! Ну да ладно, теперь к делу. Насколько я понимаю, рядом с тобой...

Зингарец стал теребить усы.

— Простите мне мои дурные манеры, Ваша Светлость. Позвольте представить вам праведного Менкару, жреца Сета, ставшего нашим активным сторонником, — и это, позвольте заметить, всецело моя заслуга.

Человек с выбритой головой вновь поклонился. Вилагро ответил ему легким кивком головы.

— Почему вы так настаивали на личной встрече, святой отец? — спросил герцог. — Я предпочитаю работать через моих агентов, таких как Зароно. Может быть, вас что-то не устраивает? Вы хотите большего вознаграждения?

Взгляд лысого стигийца оставался недвижным.

— Золото — ничто, хотя в этом низменном плане бытия оно и потребно для поддержания бренной человеческой оболочки. В согласии с нашей верой этот мир является иллюзией — маской, скрывающей лик хаоса... Впрочем, я зря говорю все это, мой герцог. Теологическими штудиями я мог бы заниматься у себя на родине, здесь же я не для этого, не так ли? — Стигиец изобразил на лице некое подобие улыбки.

Герцог Вилагро испытующе посмотрел на него.

Менкара продолжал:

— Я говорю о вашем намерении склонить старого короля Фердруго к тому, чтобы он отдал свою дочь, принцессу Хабелу, за Вашу Светлость. И в этой связи мне на ум приходит речение: «Заговор и предательство в крови у зингарцев».

Шутка эта не показалась Вилагро уместной.

— Да, да, все это я уже слышал. Лучше скажи — как идут наши дела? Как настроены наши жертвы?

Стигиец пожал плечами.

— Хвастаться мне особенно нечем. Управлять Фердруго несложно, ибо он стар и дряхл. Я столкнулся с препятствием совсем иного рода.

— Хотелось бы узнать, каким именно?

— Король полностью подвластен моей воле — стоит мне захотеть, и он отдаст свою дочь за вас; но вот только принцесса, — видимо, памятуя о том, что вы много старше ее, — отказывается от этого.

— Так возьми же под свой контроль и ее разум, скотина лысая! — заорал Вилагро, явно задетый тем, что был упомянут его возраст.

Холодные искры вспыхнули в тусклых глазах стигийца, но он тут же отвел взгляд в сторону.

— Сегодня ночью именно этим я и занимался, — пробормотал он. — Когда принцесса заснула, я вошел в ее сны. Она молода и сильна. Взять ее мозг под контроль было очень непросто. Когда же я наконец смог обратиться к ее спящей душе, неожиданно для самого себя я стал терять контроль над разумом короля. Я тут же оставил девушку и вернулся к ее отцу. Она проснулась в ужасе и — хотя она ничего не помнит — в тревоге.

В этом-то и состоит названное препятствие. Я не могу управлять и королем, и принцессой одновременно.

Жрец внезапно замолчал, заметив гневный взгляд герцога.

— Так это был ты, паршивый пес! — закричал Вилагро.

Глаза стигийца наполнились удивлением и тревогой.

— Что вы хотите этим сказать, Ваша Светлость? — пробормотал он. Зароно был удивлен не меньше жреца.

Герцог еле слышно выругался.

— Как могло случиться, что мой коварный агент и мой велемудрый маг не знают того, о чем говорит уже весь город? — Герцог вновь перешел на крик: — Идиоты, неужели вы не знаете о том, что принцесса исчезла?

План Вилагро был прост. Король Фердруго был уже слишком стар и немощен для того, чтобы править страной: преемником его должен был стать супруг принцессы Хабелы. Кто же, как не Вилагро, должен был стать им — во всей Зингаре не было равных ему в богатстве и влиянии.

Своим подручным Вилагро сделал капитана капера Зароно, человека благородного происхождения, репутация которого была подпорчена темным прошлым. Он поручил Зароно отыскать колдуна, который смог бы управлять мыслями и поступками стареющего монарха. Коварный Зароно остановил свой выбор на Менкаре, последователе запрещенного законом стигийского культа Сета. Однако побег Хабелы сорвал все планы герцога. Какой толк управлять королем, если дочери его, с которой Вилагро должен был обручиться, нет?

Собрав всю свою волю, Менкара обратился к герцогу:

— Если Вашей Светлости будет так угодно, я, используя свои скромные познания в оккультных науках, смогу узнать, где сейчас находится принцесса.

— Чего же ты ждешь, действуй, — угрюмо буркнул герцог.

Повинуясь жрецу, Гомани принес из камеры пыток бронзовую треногу и уголь. Ковер был убран. Из-под своей мантии стигиец извлек большую сумку, в которой было множество отделений. Из нее он достал светящийся зеленоватый мелок и стремительными движениями нарисовал на полу змея, кусающего собственный хвост. В это же время раб развел на треноге огонь. Через несколько минут угли, лежавшие на ней, раскалились докрасна.

Жрец достал из сумки хрустальный фиал с ароматной зеленой жидкостью и облил ей раскаленные угли. Угли зашипели, подобно змеям, и резкий пряный запах наполнил комнату. Бледно-зеленые струйки дыма, извиваясь, поползли к потолку.

Скрестив ноги, жрец сел внутрь зеленого круга. Раб загасил светильник, и комната погрузилась в полумрак. Видны были только раскаленные угли, светящийся круг и желтые глаза колдуна, походившие на глаза ночного зверя.

Стигиец заговорил, сначала тихо, затем — все громче и громче.

— Яо, Сетеш... Сетеш, Яо! Абратакс кураим мизраэт, Сетеш!

Резкие шипящие звуки потонули в неясном бормотании, и наконец все звуки смолкли. Слышно было только дыхание стигийца. Жрец впал в транс, его желтые глаза медленно закрылись.

— Митра! — воскликнул Зароно и тут же замолчал, почувствовав, что герцог схватил его за руку.

Дым висел над комнатой светящимся зеленоватым облаком. Он стал менять яркость — то тут, то там появлялись и гасли светлые и темные пятна. И тут Вилагро и Зароно увидели прямо перед собой ночное море, по которому плыло небольшое суденышко. На палубе корабля стояла юная дева. Ветер развевал ее длинный плащ...

— Хабела! — воскликнул Вилагро.

Возглас его, похоже, разрушил чары — картина тут же стала блекнуть. Угольки зашипели и погасли. Жрец рухнул на пол.

Глоток вина вернул Менкаре силы.

— Куда же она направляется? — спросил Вилагро.

Стигиец задумался.

— Она думала об Асгалуне. Может быть, вы, Ваша Светлость, понимаете, в чем тут дело?

— Это земля, которой ныне правит брат короля Товарро. Некогда он был королевским посланником и мотался по всему Шему, ну а затем... — Герцог на миг задумался, но тут же продолжил: — Кажется, я понимаю, в чем дело. Она убедит Товарро в том, что ему необходимо вернуться в Кордаву. Если же этот выскочка окажется здесь, всем нашим планам придет конец... Послушай меня, святой отец, — контролировать короля и принцессу ты не в силах, верно? Тогда скажи мне, что же нам делать?

Зароно протянул руку к серебряному подносу.

— Ваша Светлость позволит?

Вилагро кивнул. Взяв с подноса яблоко, Зароно усмехнулся и сказал:

— Я думаю, нам следует найти другого мага.

— Похоже, ты прав, — согласился герцог. — Ты можешь кого-нибудь порекомендовать, жрец?

Стигиец надолго погрузился в молчание. Наконец он поднял глаза и заговорил:

— Глава моего ордена, величайший из всех воплощенных в мире магов, великий Тот-Амон сможет помочь вам.

— Где он находится сейчас?

— Он живет у себя на родине в Стигии, в маленьком местечке, называемом Оазис Хаджар. Но должен предупредить вас, Ваша Светлость, таланты Тот-Амона столь велики, что обычная плата ему не подходит. — Жрец криво улыбнулся. — Людишки, подобные мне, страждут золота, он же куда выше всех нас — Тот-Амон владеет и своими страстями, и всеми тайнами мира. Тому, кто повелевает духами Земли, богатство ни к чему.

— Что же может соблазнить его?

— Одна-единственная мечта владеет сердцем Тот-Амона, — продолжил жрец вкрадчивым голосом. — Несколько столетий тому назад на этих землях сошлись последователи двух культов — культа презренного Митры и культа великого Сета. Так уж было угодно судьбе, чтобы наш культ пал, — митраиты восторжествовали над нами. Поклонение Змею было объявлено противозаконным, а людям нашего ордена пришлось отправиться в изгнание...

Если Ваша Светлость поклянется в том, что он повергнет все храмы Митры и выстроит на их месте храмы Сета, так что Сет будет назван величайшим из богов, Тот-Амон станет вашим союзником.

Герцог стал покусывать губы. Боги, храмы и жрецы существовали для него постольку, поскольку храмовые власти должны были платить ему дань.

— Да будет так, — наконец сказал он. — Я могу поклясться в этом именем любых богов и демонов, ведомых твоему хозяину. Теперь слушайте меня внимательно.

На рассвете вы отправитесь в плавание. Ваш корабль возьмет курс на юго-восток и догонит корабль принцессы. Ее вы должны будете схватить, корабль же должен быть

потоплен вместе с командой — свидетели нам не нужны. Твой «Петрель», Зароно, легко нагонит «Королеву Морей». Захватив принцессу, вы отправитесь в Стигию. Ты, Менкара, отведешь людей в твердыню Тот-Амона и выступишь в роли моего посланника. Посвятив его в наши планы, ты вернешься в Кордаву вместе с ним и принцессой. Вам все понятно? Тогда — за дело!

Глава 2
КЛИНОК ВО ТЬМЕ

Уже начинало светать. Дождь прекратился. По небу неслись рваные облака. Звездочки, еще видневшиеся на западе, отражались в грязных лужах.

Зароно, капитан капера «Петрель» и тайный агент герцога Кордавы, угрюмо брел по темной улочке. Драка с могучим киммерийским пиратом, помимо прочего, лишила Зароно и ужина. Не улучшила ему настроения и беседа с хозяином, чертыхавшимся через каждое слово. И, наконец, ему просто хотелось спать. Капли, срывавшиеся с крыш, то и дело падали за шиворот. Подняв полы плаща, Зароно обходил бесчисленные лужи, думая о том, на ком бы сорвать свою ярость. Рядом с ним брел безмолвный Менкара.

Тощий человечек, из-под обтрепанной рясы которого виднелись голые ноги, бежал по бесконечным улицам, едва удерживая равновесие на мокрых булыжниках мостовой. Его сандалии громко шлепали по лужам. Одной рукой он прижимал к тощей груди заплатанный платок, в другой держал горящую просмоленную веревку, заменявшую ему фонарь.

На ходу он читал утреннюю молитву, обращенную к Митре. О смысле ее он не думал — голова его была занята чем-то иным. Нинус, младший служитель храма Митры, спешил по темным улицам навстречу своей судьбе.

Он проснулся задолго до рассвета и, проскользнув мимо наставника, сбежал из храма. Нинус спешил к

кордавской гавани, где его ждал иноземный корсар Конан-киммериец.

Нинус выглядел весьма неприятно: ноги были тонкими как спички, нос — непомерно велик. Обтрепанная митраитская мантия, похоже, никогда не стиралась, помимо прочего, она была залита и вином, пить которое монахам строго-настрого запрещалось. Когда-то — еще до того, как Нинус узрел свет Митры, — он был одним из самых искусных воров Хайборийских земель, именно тогда он и познакомился с Конаном. Этот гигант, никогда не отличавшийся особенной набожностью, в свое время тоже был вором, и потому Нинус прекрасно ладил с ним. Нинус добровольно принял монашеский сан, однако совладать со своей плотью ему было сложно — уж слишком весела была прежняя жизнь.

Монашек прижимал к груди свиток, который должен был сделать его богатым. Корсар искал сокровища, Нинусу же нужны были деньги. Картой этой Нинус владел издавна. Когда-то, глядя на нее, он мечтал о том, что проследует указанным на карте путем и станет сказочно богатым; однако с той поры много воды утекло, и сам он стал не таким, как прежде, — не к лицу монаху гоняться за сокровищами...

Картины, одна соблазнительней другой, представлялись его сознанию — вино, пиры, женщины, — и все это в обмен на клочок истлевшего пергамента; с этими мыслями он свернул за угол и столкнулся с двумя незнакомцами в черных плащах. Он смущенно извинился перед высоким сухопарым человеком, плащ которого оказался втоптанным в грязь, и перевел глаза на его спутника.

— Менкара, слуга Сета, — изумленно воскликнул Нинус, — как посмел ты, змеиное отродье, прийти в этот город?! — Исполнившись праведного гнева, монашек принялся звать стражников.

Зароно выругался и хотел было ускорить шаг, но стигиец остановился как вкопанный.

— Этот выродок узнал меня! — зашипел Менкара. — Убей его, иначе не миновать беды!

Зароно на мгновенье замешкался, но тут же вынул кинжал. Служку ему жалко не было, отвечать же на вопросы стражей как-то не хотелось.

Клинок блеснул в занимавшемся свете утра. Нинус охнул и повалился на мостовую. Изо рта его сочилась кровь.

Стигиец сплюнул.

— Скоро мы с вашим проклятым племенем разделаемся!

Дрожащими руками Зароно вытер клинок о мантию монашка.

— Бежим! — прохрипел он.

Но тут стигиец заметил, что ряса монашка странно топорщится. Склонившись над неподвижным телом, он достал из-под рясы пергаментный свиток и развернул его.

— Какая-то карта, — изумился маг. — Похоже, я смог бы разгадать...

— Потом, потом! — зашипел Зароно. — Того и гляди, стражники припрутся!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Через минуту их уже и след простыл. Небо начинало розоветь.

Конан чувствовал себя не в своей тарелке — вино было дрянным, драка с Зароно ничем не закончилась, теперь еще и Нинус куда-то запропастился. Он мерил шагами продымленную гостиничную комнатку с низкими потолками. С вечера в «Девяти Обнаженных Мечах» было людно, теперь же здесь оставалось всего несколько посетителей. В углу сидело трое пьяных матросов — один из них спал, двое же других распевали на удивление нескладную песню.

Свеча догорала. Нинус опаздывал уже на несколько часов. Похоже, с монашком стряслось что-то неладное — к чему к чему, а к деньгам он никогда не опаздывал. Конан разыскал хозяина и проревел ему на ухо:

— Сабрал! Подышу-ка я свежим воздухом. Если меня будут спрашивать, скажи, что я скоро буду.

Дождь закончился, время от времени с крыш срывались крупные капли. Облачный покров, что совсем недавно казался сплошным, уже рассеивался. Показалась луна; лунный диск был уже бледен — начинался рассвет. Над лужами висели облачка пара.

Гневно ругаясь, Конан зашагал по мостовой — он решил обойти квартал, примыкающий к гостинице. Конан

честил Нинуса на чем свет стоит. Из-за этого обормота он пропустил утренний бриз, с которым намеревался покинуть на своем «Вастреле» кордавскую бухту. Теперь придется выводить корабль на веслах.

Внезапно Конан замер. На мокрой от дождя мостовой он увидел распластанное тело.

Он огляделся по сторонам в надежде увидеть преступников, но улицы были пустынны. Конан раздвинул полы плаща и расстегнул ножны. В этой части старого города убийства были привычным делом. Полуразрушенные лачуги узких улочек были населены ворами, убийцами и прочим сбродом. Если ты видишь труп, значит, рядом может быть и убийца — этому Конана научила жизнь, и потому в подобных случаях он был особенно осторожным.

Крадучись, подобно леопарду, Конан приблизился к неподвижному телу и опустился на колени. Осторожно взяв человека за плечо, киммериец перевернул его на спину. Одежды человека были залиты кровью. Капюшон рясы открылся, и Конан увидел лицо монаха.

— Кром! — воскликнул киммериец.

Да, это был ставший монахом уроженец Мессантии Нинус.

Быстрыми движениями киммериец обыскал распластанное перед ним тело. Карта, которую Нинус собирался продать ему, бесследно исчезла.

Конан сел на корточки и задумался; чело его напряглось. Кому помешал этот жалкий монашек, у которого и взять-то нечего? Вряд ли у него могло быть что-либо, кроме карты. Поскольку карта исчезла, неведомый убийца мог совершить свое преступление именно для того, чтобы овладеть ею.

Солнце вышло из-за горизонта, осветив башни древней Кордавы. Глаза Конана загорелись синевою. Крепко сжав покрытый шрамами кулак, огромный киммериец поклялся отомстить неведомому убийце.

Бережно подняв крохотное тело Нинуса, киммериец взвалил его себе на плечи и огромными скачками понесся к гостинице. Ворвавшись в залу, Конан заорал:

— Сабрал! Комнату и врача! И быстро!!!

Хозяин гостиницы знал, что киммериец ждать не любит. Без лишних слов хозяин поспешил вверх по шаткой лестнице, пригласив Конана следовать за ним.

Сидевшие в зале проводили киммерийца изумленными взглядами. Он был настолько огромен, что походил на великана. Длинная грива черных грубых волос оттеняла смуглое, покрытое шрамами лицо. Щеки были гладко выбриты. Из-под видавшей виды матросской шапки глядели пронзительно-синие глаза. Пират нес тело взрослого человека с такой легкостью, словно тот был младенец.

В таверне не было ни одного матроса с корабля киммерийца. Об этом Конан позаботился заранее — еще тогда, когда договаривался с Нинусом о встрече. Киммерийцу не хотелось, чтобы команда до срока узнала о существовании карты.

Сабрал отвел Конана в комнату, предназначавшуюся для приема знатных гостей. Конан хотел было положить тело Нинуса на кровать, но тут хозяин ойкнул и, извинившись, снял с постели покрывало.

— Никчему пачкать кровью мое лучшее покрывало! — сказал он.

— К черту покрывало! — проревел Конан и бережно положил тело на кровать.

Сабрал стал складывать покрывало, киммериец же занялся Нинусом. Монашек едва заметно дышал, сердце его билось неровно.

— Уф, он все-таки жив, — с облегчением вздохнул Конан. — Слушай, хозяин, слетал бы ты за пиявками! Ну чего ты пялишься на меня, как идиот, — тебе еще раз все объяснить?

Сабрала как ветром сдуло. Конан раздел Нинуса до пояса и, как мог, перевязал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Сабрал появился в комнате в сопровождении позевывающего врача, одетого в ночную рубашку; из-под его ночного колпака выбивались вихры седых волос.

— Преискуснейший доктор Кратос! — представил врача Сабрал.

Доктор снял повязку, наложенную Конаном, прочистил рану и вновь перевязал ее чистой тканью.

— К счастью, нож прошел мимо сердца и не задел артерии, повреждено только легкое. При надлежащем уходе больной быстро встанет на ноги, — сказал доктор. — Кто мне заплатит за него, капитан, — я полагаю, вы?

Конан утвердительно хмыкнул. Несколько глотков вина вернули Нинуса в сознание. Он был очень слаб и потому говорил еле слышно:

— Я бежал — и наткнулся на них. Один из них — Менкара — служитель бога Сета. Я стал звать стражников, и тогда Менкара сказал тому, другому: убей его, убей...

— Скажи мне, кто был с Менкарой? — спросил Конан.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это был капитан Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Это тот самый наглец, с которым пару часов назад они едва не сцепились. Может быть, Зароно знал о его встрече с Нинусом и о том, что монашек принесет с собою карту? Все указывало на коварный заговор, имевший целью выведать тайну клада.

Конан встал, лицо его пылало гневом.

— Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет! — проревел он. Киммериец достал из кошелька полную горсть монет и высыпал ее в ладони доктору. Другая горсть досталась Сабралу.

— А теперь послушайте меня! — сказал Конан. — Ему нужен настоящий уход, и ухаживать за ним я попрошу именно вас. Все ваши расходы я оплачу по возвращении; если же я узнаю, что вы относились к нему без должного внимания, то пеняйте на себя! Да, если вдруг Нинус умрет, похороните его как подобает — со всеми церемониями и обрядами. Ну а теперь я покидаю вас.

Он бесшумно выскользнул из комнаты, сбежал по лесенке вниз и, легко распахнув тяжелую входную дверь гостиницы «Девять Обнаженных Мечей», вышел на улицу. Шаг его был стремителен; тяжелый черный плащ хлопал на ветру.

Когда солнце позолотило мачты и реи кораблей, гавань уже не спала. Матросы карабкались по такелажу, офицеры орали в свои пергаментные рупоры, скрипучие

деревянные подъемники, приводимые в действие мускулистыми руками портовых рабочих, сгрудившихся у ворот, переносили грузы с пирса на палубы.

Конан вышел на берег. В ответ на его вопрос капитан портовой охраны сообщил ему, что корабль Зароно «Петрель» покинул гавань еще до того, как солнце вышло из-за горизонта, — «Петрель» обогнул восточный рог бухты и исчез из виду. Киммериец достаточно неучтиво поблагодарил стражника, резко развернулся и понесся к трапу своего галеона, носившего имя «Вастрель».

— Зельтран! — заорал киммериец.

— Слушаюсь, капитан! — тут же отозвался его помощник, который в это время командовал загрузкой провианта в трюм. Зельтран был невысок и полон; как истинный зингарец, он носил роскошные черные усы. Несмотря на полноту, двигался он с легкостью кошки.

— Построй наших бездельников на палубе и объяви перекличку! — приказал Конан. — Мы отчаливаем!

Вскоре на шкафуте собралась почти вся команда. По большей части это были смуглые зингарцы, иностранцев почти не было. Отсутствовало трое. Конан приказал юнге обойти все близлежащие притоны и во что бы то ни стало привести нарушителей на борт. Все же остальные занялись погрузкой, которая пошла куда живее, ибо руководил ею сам Конан.

Вскоре отсутствовавшие взошли на палубу; тогда же закончилась и погрузка. Галеон отдал швартовы и отвалил от пристани. Шлюп, в который сели восемь гребцов, повел галеон в открытое море. Стоило парусам наполниться ветром, как шлюп был поднят на борт.

Поймав ветер, паруса «Вастреля» надулись; галеон уверенно набирал скорость. Корабль плавно и ритмично покачивался на морских волнах; крик чаек мешался с плеском волн, скрипом снастей и шумом ветра.

Конан стоял на шканцах, угрюмо созерцая горизонт. Положив галеон на курс, заданный Конаном, и организовав вахту, Зельтран поднялся к киммерийцу.

— Итак, мой капитан, — вымолвил он, — куда лежит наш путь на этот раз?

— Тебе знаком корабль Черного Зароно? — спросил Конан.

— Вы говорите о том корыте, что отчалило еще до рассвета? Ну как же мне его не знать. Говорят, что капитан «Петреля» Зароно — искусный мореход, но подлец, каких поискать. Происхождения он благородного, но об этом люди стараются не вспоминать — уж больно много на его счету грязных дел; что до людей благородных, то те попросту сторонятся его. Вот он и стал пиратом. Скажите, капитан, вы что, поссорились с ним? С Зароно так просто не сладишь...

— Если ты прикусишь свой язык, пустомеля, я расскажу тебе все.

Конан рассказал Зельтрану о событиях прошедшей ночи — о Нинусе, карте и Зароно.

— Если я смогу нагнать его в открытом море, — продолжил киммериец, — сладко ему не придется. «Петрель» побольше «Вастреля», но и ход у него потяжелее.

— В том, что мы сможем его догнать, я нисколько не сомневаюсь, — сказал Зельтран, молодецки закрутив ус. — Что до меня, то я могу уложить шестерых одним ударом. Но послушайте меня, капитан, не лучше ли будет, если мы будем следить за ними, держась поодаль, — Зароно, сам не зная того, приведет нас к цели, верно?

Конан метнул на своего помощника взгляд, полный гнева. Но тут же сменил гнев на милость и, улыбнувшись, похлопал Зельтрана по плечу.

— Клянусь Кромом и Мананнаном, крошка, — довольно проревел киммериец, — ты не зря получаешь свое жалованье! — Конан посмотрел наверх, туда, где группа матросов застыла в ожидании команды поднять марсель. — Отставить! — закричал киммериец. — Спускайтесь вниз! — Он вновь повернулся к Зельтрану. — Мы нагоним их и без марселя, Зароно же может его заметить. Помнится, ты говорил мне о человеке с орлиным зрением — кто это?

— Риего из Хериды.

— Точно. Пусть он взберется на марс и расскажет нам о том, что увидит.

Вскоре юный зингарский матрос уже стоял на марсе, обратившись лицом на юго-восток.

— Прямо по курсу вижу галеон. Виден только марсель, когда же корабль поднимается на волне, открывается и сам корабль — он выкрашен в черный цвет.

— Это «Петрель», — удовлетворенно заметил Конан. — Так держать, рулевой! — Он повернулся к Зельтрану, продолжавшему крутить свой ус. — Днем мы будем держаться на приличном расстоянии, ночью подплывем поближе — так, чтобы были видны бортовые огни «Петреля». Если нам повезет, Зароно нас не заметит.

Конан улыбнулся, в глазах его зажглись веселые искорки. Киммериец облегченно вздохнул. Вот она, жизнь, — под тобою палуба, рядом с тобой полсотни преданных тебе проходимцев, вокруг море, а впереди — враг!

На всех парусах «Вастрель» шел по следу «Петреля» — не был поднят лишь марсель. Солнце стояло уже высоко. Средь бирюзовых волн резвились игривые дельфины.

Глава 3
ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЕЙ»

Каравелла «Королева Морей», королевское прогулочное судно, вышла из пролива, отделявшего берега Зингары от Барахских островов. Барахский архипелаг был известен своими пиратами — по большей части уроженцев Аргоса; однако на сей раз Западное море было пустынным. Позади осталась и граница, разделявшая земли Зингары и Аргоса.

Они плыли все дальше на восток, стараясь не терять из виду берега Аргоса. Следуя указаниям Хабелы, капитан Капеллес взял курс на порт, но решил не отслеживать береговую линию.

На это было две причины. Во-первых, они должны были как можно быстрее достичь берегов Шема, на которых стоял Асгалун. Во-вторых, так они не подвергали себя риску оказаться замеченными с берегов Аргоса, так же как и Барахские острова, кишевшие пиратами.

Ближе к полудню у горизонта появилось темное судно, следовавшее за ними. Через пару часов оно приблизилось достаточно близко для того, чтобы один из матросов, известный своей зоркостью, смог разглядеть его.

— Бояться нечего, моя госпожа, — сказал капитан Капеллес. — Это капер, состоящий на службе у нашего короля. По всей видимости, это «Петрель» — корабль капитана Зароно.

Хабелу, однако, это не успокоило. Казалось, от этого черного массивного галеона, что становился все ближе и ближе, исходит нечто зловещее. Впрочем, то, что этот корабль следовал тем же курсом, что и «Королева Морей», могло быть и простым совпадением.

То, что кораблем командовал Зароно, принцессе тоже не понравилось. Она была практически не знакома с этим человеком и видела его лишь во время дворцовых церемоний, однако она не единожды слышала о его зловещих деяниях. Одна из ее подруг, Эстреллада, говорила принцессе о том, что Зароно безумно влюблен в Хабелу. Тогда Хабела не придала ее словам никакого значения, ибо в кого же еще, как не в свою принцессу, могут влюбляться придворные? Разве найдется среди них хоть один, кто не желал бы стать королем?

Хабела окончательно укрепилась в своих подозрениях. Шел уже третий день плавания, и ее исчезновение наверняка было известно всем. Можно было представить, какая суматоха стоит сейчас во дворце.

Хабела поплыла на королевском корабле, пропажу которого нельзя было не заметить, и тем выдала себя с головой. Поскольку она не могла отправиться ни на север, к пустынным диким берегам страны пиктов, ни на запад, где расстилалась безбрежная океанская ширь, она могла поплыть только на юго-восток, к Аргосу, к городам-государствам Шема, к зловещему Стигийскому царству, за которым начинались земли, населенные людьми с черной кожей.

Паника, вызванная ее исчезновением, могла пробудить от долгого летаргического сна и ее отца, короля Фердруго. Король мог послать Зароно ей вослед, с тем чтобы вернуть свою дочь-беглянку домой.

Хабела пробормотала что-то невнятное и отвернулась от капитана. Какое-то время она расхаживала по палубе, затем, опершись на перила, покрытые изображениями дельфинов и тритонов, потрясающих трезубцами, стала смотреть на преследовавший их корабль. Она боялась оторвать от него взгляд, словно подпав под неведомые чары.

«Петрель» постепенно приближался, рассекая своим тупым носом морские валы. «Если он не замедлит ход, — подумала Хабела, — через полчаса он сравняется с нами и отнимет у «Королевы Морей» ветер».

Принцесса неплохо разбиралась в морском деле. В отличие от своего отца, который питал к морю отвращение и никогда не приближался к «Королеве Морей», она провела на ее борту все свое детство. Лишь в последние годы, когда она уже стала девушкой, отец запретил ей одевать матросскую одежду и лазать по такелажу.

Принцесса сперва задрожала, но тут же справилась с собой и успокоилась. Пока намерения капитана были неясны. Вряд ли этот зингарец безумен настолько, чтобы напасть на корабль самого зингарского короля.

И тут на залитую солнцем палубу легла тень. Она имела странный темно-зеленый цвет — все вокруг погрузилось в жутковатую изумрудную дымку.

Принцесса подняла голову, но не увидела над «Королевой Морей» ничего необычного — небо было совершенно ясным и не было в нем ни демонов, ни крылатых чудовищ. И все же туман, окутывавший «Королеву Морей», с каждой минутой становился гуще — он был плотен и в то же время странно неосязаем, призрачен. Лица людей побледнели, глаза наполнились ужасом.

И ужас не заставил себя ждать. Зеленоватые щупальца обвились вокруг матроса, стоявшего рядом с Хабелой, — бедняга завопил не своим голосом. Казалось, холодные щупальца глубоководного кракена свивали кольца вдоль его тела. Принцесса изумленно смотрела на его лицо, на его сведенное болью тело. И тут зеленые кольца исчезли, словно погрузившись в тело матроса. Дородный матрос словно окаменел. Его кожа покрылась странным зеленоватым налетом, позеленели и его одежды. Он стал походить на статую, вырезанную из жадеита.

Хабела в ужасе воззвала к Митре. Палубу оглашали крики людей, пытавшихся как-то воспротивиться щупальцам изумрудного тумана, свивавшимся вокруг них и заползавшим им в нутро, от чего люди обращались в камень, в неподвижные зеленые изваяния.

Липкие зеленые щупальца стали обвиваться вокруг принцессы. Леденящий ужас сковал ее члены, когда она почувствовала их холодные прикосновения. Ей казалось, что она обратилась в кусок льда. Щупальца вошли вовнутрь, и сознание принцессы помутилось, утонув в холодных беспросветных пространствах. Хабела лишилась чувств.

Зароно, капитан «Петреля», стоял на шканцах и с нескрываемым изумлением наблюдал за манипуляциями стигийского колдуна. Неподвижный, словно мумия, Менкара сидел на корточках перед устройством, собранным им за время плавания. Устройство представляло собой маленький алтарь черного дерева, на верхней плите которого был закреплен небольшой конический кристалл серого цвета. Алтарь поражал своей древностью. От резьбы, некогда покрывавшей его, сохранилось лишь несколько фрагментов, по которым, однако, можно было восстановить всю картину, изображавшую нагих людей, пытающихся скрыться от гигантского змея. У змея был всего один глаз — второй глаз опал, похоже, был давно потерян.

Менкара прошептал заклинание, и конус осветился изнутри странным призрачным светом. Вершина конуса вспыхнула пульсирующим изумрудным огнем, в свете которого голова Менкары стала казаться облезлым черепом трупа.

Изумрудное пламя разгоралось все ярче и ярче. Стигиец поднес к лицу зеркало, сделанное из неведомого черного металла и вставленное в стальную витую оправу. К изумлению Зароно, изумрудное сияние притянулось к поверхности зеркала и, отразившись от него, озарило «Королеву Морей». В ярком солнечном свете зеленый луч казался бледным — едва заметная изумрудная нить связала собой два корабля. На каравелле происходило

что-то непонятное — расстояние до нее было еще немалым, и Зароно, сколько ни вглядывался, так ничего и не увидел.

«Королева Морей» внезапно потеряла управление и тяжело закачалась на волнах, паруса ее опали. Зароно подвел свой галеон к каравелле и встал с ней борт о борт. Стигиец вышел из транса и устало прислонился к поручню. Его безмятежное лицо побледнело и осунулось, на лбу блестели капельки холодного пота.

— Я выдохся, — пробормотал Менкара. — Это заклинание забирает все силы без остатка. И все же оно не всесильно — тот, кто знает, как с ним бороться, легко уходит из-под его власти... Но, похоже, ни один из этих болванов ничего не смыслит в магии. Можешь отправляться туда — в течение часа они тебе мешать не будут.

— Выходит, они умерли?

— Нет, скорее это похоже на сон. Помоги мне добраться до каюты.

Зароно помог обессилевшему колдуну подняться на ноги и повел его к каюте, боцман шел следом, держа в руках черный алтарь с серым кристаллом.

Закрыв дверь за изнемогшим стигийцем, Зароно вытер кружевным платочком бисеринки пота, выступившие на лбу. Колдовство пугало его. Черный Зароно предпочитал иное оружие — куда милее его сердцу были звон сабель, свист стрел, грохот ядер, выпущенных из катапульты, удары бронзового тарана по борту неприятельского судна. Немало злодейств было на его совести, но все они были грехом обычным, человеческим; теперь же он связал свою жизнь с темными и, возможно, неуправляемыми силами, принадлежащими другим планам и измерениям.

— Эрнандо! — окликнул он повара. — Пару бутылок вина, да покрепче!

Так была взята и так вскоре погибла «Королева Морей».

Матросы «Петреля» перебрались на ее борт. Они быстро отыскали принцессу и отнесли ее застывшее тело на шканцы галеона. Облив основания мачт и палубу маслом,

они вернулись на свой корабль и убрали абордажные крюки и багры.

Когда расстояние между двумя кораблями стало достаточно большим, на палубу «Королевы Морей» было пущено несколько стрел с горящими наконечниками. Пламя тут же охватило каравеллу. Огонь с ревом поднимался вверх, переходя с паруса на парус. Матросы «Королевы Морей» стояли все так же неподвижно.

Галеон поднял паруса и взял курс к берегам Шема.

Стоя на марсе своего галеона, Конан с удивлением взирал на черный дым, поднимавшийся над морем; то и дело он поминал вслух имя Крома, мрачного киммерийского бога. «Вастрель» держался на приличном расстоянии от «Петреля», разглядеть его оттуда можно было, лишь поднявшись на марс, — но людям Зароно вряд ли могло прийти в голову изучать северо-западную часть горизонта.

Конан наблюдал за тем, как погибает королевский корабль Зингары. Он никак не мог взять в толк, для чего Зароно нужно было уничтожать корабль своей собственной страны. Похоже, решил киммериец, дела обстоят не столь просто, как он полагал прежде. Впрочем, Конан давно приобрел привычку не ломать себе голову зря, не узнав всего относящегося к делу.

Кем бы ни были неведомые жертвы, он отомстит и за них, когда будет сводить с Зароно свои счеты, — так решил Конан. Кто знает, быть может, судьба дарует ему такую возможность уже в ближайшие дни.

Глава 4
БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Солнце клонилось к закату. Унылый облачный покров чудесным образом преобразился, запылав всеми оттенками красного. По темным волнам, расцвеченным алыми отблесками, несся зловещий «Петрель». Вслед за ним, держась на приличном расстоянии, крался галеон Конана «Вастрель».

Капитан «Петреля» Зароно сидел развалясь в своем огромном кресле, в руке он держал серебряный кубок,

украшенный изумрудами. В каюте капитана стоял запах крепкого шемского вина. Качающиеся на цепочках лампы освещали своим неверным светом пергаментные свитки, развешенные между пиллерсами. То и дело поблескивали самоцветы на эфесах и ножнах мечей и кинжалов, висевших на стенах.

Зароно был настроен крайне мрачно, взгляд его был устремлен в никуда. Белая шелковая, отделанная кружевами рубаха была перепачкана, густые черные волосы взъерошены. Зароно был сильно пьян.

В дверь постучали. Зароно грязно выругался, но тут же пригласил незваного гостя в каюту. Гостем этим оказался Менкара, в руке он держал свернутый свиток. Чопорный стигиец смотрел на хмельного капитана с явным неодобрением.

— Поколдовать пришел? — усмехнулся Зароно. — Неужели ты не можешь оставить простого смертного, что решил немножко порадовать себя вином, неужели ты так и будешь совать свой вонючий нос в чужие дела? Скажи мне, Менкара, мне важно это знать.

Пропустив слова капитана мимо ушей, Менкара развернул на столе загадочную карту и указал тонким пальцем на непонятные значки, которые, по всей видимости, призваны были раскрыть ее секрет.

— С той самой поры, как эта карта попала нам в руки, я пытаюсь разгадать ее смысл, — сказал стигиец неожиданно живо. — Этой линией обозначено южное побережье Стигии, в этом нет сомнений. И хотя язык, на котором сделана надпись, мне неведом, некоторые из знаков показались мне удивительно знакомыми. Пока ты как последний идиот предавался тоске, я был занят их расшифровкой...

Зароно побагровел и схватился за рукоять своего меча.

Менкара жестом руки остановил его.

— Приятель, веди себя поспокойнее. То, о чем я говорю, куда значимее, чем тебе это кажется. Обучаясь магии, я изучил несколько языков. Помимо прочего, я знаю и о том, что древний валузский язык, подобно языкам древней Стигии и Ахерона, не был иероглифическим — в письме каждый знак соответствует определенному звуку. Поскольку у меня нет сомнений в том, что эти

страны суть Шем и Стигия, а эти города — Асгалун и Кеми, я могу установить значение отдельных знаков в словах, занимающих соответствующее место на карте. Прочие же надписи, как я полагаю, указывают местоположение городов, исчезнувших с лица земли за то время, какое существует эта карта. Я говорю о таких городах, как Камула или Пифон.

Эти зловещие имена заставили Зароно вздрогнуть. Хмель его тут же прошел. Он нахмурился и уставился на карту. Менкара продолжал:

— Таким образом, благодаря тому, что я знаком с древними языками и знаю, как звучат некоторые названия из числа приведенных на этой карте, я могу прочесть не только их, но и все прочие! Соответственно, мне удалось прочесть и надпись, относящуюся к этому островку, о существовании которого я, честно говоря, прежде не знал.

Менкара ткнул пальцем в маленький черный кружок. Зароно нахмурился.

— Можешь особенно не расстраиваться по этому поводу. Я и сам о нем никогда не слышал.

Стигиец продолжил свой рассказ:

— Надпись, сделанная здесь, гласит: *сайджина-кисуа*. На древнестигийском слово *сайджина* означает — «то, что не имеет имени».

Зароно протрезвел окончательно; черные глаза его беспокойно забегали.

— Безымянный остров... — прошептал он.

— Да, — прошипел Менкара и удовлетворенно кивнул. — В том, что слово кисуа переводится как «остров», мы можем быть уверены, ибо слово это фигурирует в названиях ряда островов. — Маг продемонстрировал сказанное, ткнув пальцем в несколько точек. — Я полагаю, что это название известно вам, пиратам. Безымянный остров, последняя твердыня древней Валузии, населенной полулюдьми-полузмеями.

— О Безымянном острове мне доводилось слышать только одно — на нем сокрыты сокровища, равных которым в этом мире нет.

— Это действительно так, — кивнул Менкара. — Но я думаю, и здесь ты всего не знаешь. Там действительно

полно золота, изумрудов и прочей мишуры. Но, помимо этого, там хранится и подлинное сокровище, сокровище магическое, — копия великой «Книги Скелоса».

— Вот уж что мне не нужно! Только золото — все остальное блажь!

Менкара усмехнулся:

— Прежде чем говорить, лишний раз подумай. Ты, похоже, забыл, что мы направляемся к величайшему чародею мира, который поможет нашему хозяину Вилагро подняться на трон Зингары. Разумеется, низвержение культа Митры и восстановление культа Сета придутся ему по душе. Но, боюсь, этого будет недостаточно. Если же мы одарим его столь великим магическим сокровищем, он наверняка станет покровительствовать нам. То, что столь значимый труд исчез из мира, сделало магию вдвое слабее. Считается, что сохранились лишь три копии «Книги Скелоса»: одна хранится в Тарантии, в тайнике, находящемся глубоко под землей, где-то близ Королевского книгохранилища Аквилонии; вторая находится в тайном храме, стоящем на землях Вендии; третья же — здесь. — Стигиец постучал пальцем по карте.

Зароно изумился.

— Если эта треклятая книга так драгоценна, то почему же никто не завладел той копией, что хранится на Безымянном острове?

— Потому, что до той минуты, как я увидел эту карту, ни я, ни все прочие искатели высших истин не знали, где находится этот самый Безымянный остров. Как видишь, он лежит в стороне и от известных людям островов, и от земель, населенных чернокожими. Сотни лиг отделяют остров от других земель, ни один из морских путей не проходит рядом с ним. Искать его наугад — все равно что черпать воду решетом; на подобные поиски уйдет слишком много времени — на это не хватит никаких запасов воды и провианта, которые, как, надеюсь, ты понимаешь, пополнять негде.

Помимо прочего, ты должен вспомнить и о том, что моряки — народ крайне суеверный. Они считают, что южные моря кишат чудищами и подводными рифами. Нет, люди не случайно забыли о Безымянном острове.

— Даже при попутном ветре мы смогли бы добраться туда лишь за несколько дней, — задумчиво произнес Зароно, подперев голову рукой.

— Что это меняет? Девушка уже в наших руках. Какая разница, когда мы прибудем в Кордаву — неделей раньше или неделей позже? Если мы сможем поднести Тот-Амону «Книгу Скелоса», дело можно будет считать сделанным, если же нет — всякое может случиться. К тому же я как-то не верю в то, что ты равнодушен к золоту. — Обычно бесстрастные глаза Менкары истово горели.

Зароно почесал щеку. Магия магией, но Менкара, похоже, прав — они должны сделать все возможное для того, чтобы заручиться поддержкой повелителя магов. К тому же он, Зароно, не просто разбогатеет, но и вернет себе почет и уважение сограждан.

Темные глаза зингарца загорелись решимостью. Он вскочил на ноги и, выбежав из каюты, заорал:

— Ванчо!

— Да, капитан, — отозвался помощник.

— Мы меняем курс. Полярная звезда должна остаться за нашей кормой, мы идем на юг!

— В открытое море, сэр?! — с сомнением в голосе переспросил помощник

— Тебе что — два раза надо повторять? Я же сказал — мы идем на юг!

Заскрипели блоки, зазвенели снасти, — «Петрель» поворачивал свои реи. Галеон резко менял курс.

Менкара вернулся в свою каюту и вновь принялся изучать карту. Древнее зловещее знание влекло его, как никогда прежде. Получив «Книгу Скелоса», Тот-Амон станет всемогущим. При желании великий стигийский маг сможет завладеть всем миром, об исполнении желания какого-то Вилагро можно и не говорить. Если же сыны Сета завладеют всем миром, то разве не вспомнят они о том, что обязаны этим ему, Менкаре?

Конан, неотрывно следивший за огнями «Петреля», понял, что галеон внезапно изменил свой курс — теперь он шел не на юго-восток, а прямо на юг. Киммериец не

знал ни о планах Вилагро, ни о притязаниях Менкары, ни о том, что на борту «Петреля» находилась принцесса Зингары Хабела. Ему было ведомо лишь одно — Зароно, похитивший карту у Нинуса, направлялся к Безымянному острову, с тем чтобы завладеть сокровищами. Причины, побудившие капитана «Петреля» резко изменить курс, Конана интересовали мало.

Огромный киммериец сбежал по вантам на палубу — ловкости его могли позавидовать и обезьяны.

— Зельтран!

— Слушаюсь, капитан!

— Шесть румбов направо! Не отстань от «Петреля»!

— Слушаюсь, сэр. Брасопить реи! Право руля!.. Левый борт — грузите брасы!.. Лево руля... Так, так — теперь не спешите...

Конан стоял на шканцах, размышляя о том, что ждет их впереди. Теперь, когда берег остался позади, единственным ориентиром становилась Полярная звезда, по положению которой можно было судить о том, насколько далеко на юг или на север они продвинулись. Зароно, похоже, пока уверен в избранном курсе. Если же он заблудится в бескрайних просторах океана, та же участь будет ожидать и его, Конана, галеон.

Насколько было известно Конану, пустынные воды простирались на юг до самого края света. О том же, что лежит за ними, он и не думал гадать. В древних легендах говорилось о таинственных землях, неведомых материках, загадочных народах и странных чудищах.

Кто знает, быть может, многое в этих легендах было правдой. Меньше года прошло с той поры, как «Вастрель», которым тогда командовал угрюмый Запораво, обнаружил в западных морях неведомый остров, где сложили головы и капитан, и добрая половина экипажа «Вастреля». В своей богатой приключениями жизни Конан вряд ли мог припомнить что-либо более зловещее и странное, чем Пруд Черного Владыки и козни его, Владыки, диковинных слуг. Впереди же, похоже, киммерийца ждали опасности куда большие.

Конан вздохнул, но тут же рассмеялся. Кром! Человек умирает только раз — кой толк рассуждать о том, что может случиться с ним в этой жизни? Если на пути твоем

возникнет что-то ужасное, ты оголишь клинок и встретишь опасность лицом к лицу. Заранее готовить себя к этой встрече глупо. Там, на краю света, лежит Безымянный остров — ветры судьбы несут к нему галеон.

Глава 6
НА КРАЮ СВЕТА

Галеоны шли все дальше и дальше на юг. На рассвете «Вастрель» стал сбавлять ход, чтобы отойти от «Петреля» на расстояние, позволявшее ему оставаться невидимым для противника. Вот уже пять дней минуло с той поры, как «Петрель» взял курс на юг. С наступлением ночи расстояние между галеонами уменьшалось — «Вастрель» был легче и маневреннее и потому легко нагонял галеон Зароно.

«Вастрель» горделиво рассекал своим форштевнем теплые лазурные воды. То и дело над поверхностью моря появлялись стайки летучих рыб. Море было совершенно пустынно — за все время путешествия матросы не видели ни кораблей, ни лодок.

У горизонта появились облака. «Петрель» взял вправо, и через несколько часов моряки увидели на горизонте землю.

Забравшись на полубак «Петреля», Зароно стал разглядывать неведомый остров. Остров выглядел достаточно безобидно — темно-желтые пляжи, высокие пальмы с изумрудными листьями. О том же, что находилось за пальмами, можно было только гадать.

Вскоре к Зароно присоединился и Менкара. На его узкие плечи была накинута черная ряса.

— Вот мы и приплыли, — сказал он бесстрастно.

Зароно широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Да, жрец, кажется, ты прав. Нам осталось понять, где находятся сокровища и кто их охраняет — духи, демоны или парочка драконов... Надеюсь, ты сможешь отвести от нас беды, пока мы будем выносить сокровища из гробницы, или из тайника, или еще откуда-нибудь.

Ванчо! Иди к тому заливу — там, похоже, достаточно глубоко...

Через четверть часа Зароно скомандовал:

— Бросить якорь! Убрать все паруса! Ванчо, спускай шлюпку за борт и подбери людей покрепче — мы высаживаемся на берег.

Команда засуетилась, и вскоре шлюп уже качался на волнах. Дюжина вооруженных до зубов зингарцев спустилась в лодку и заняла места на банках. Шлюпка пошла к берегу. Вскоре нос шлюпки завяз в песке у кромки прибоя. Матросы покинули лодку и потащили ее в глубь берега, подальше от набегающих пенистых волн. Боцман приказал людям рассредоточиться, и те, взяв в руки мечи и арбалеты, разошлись вдоль берега, встав лицом к пальмам. Несколько человек углубилось в заросли, но вскоре послышался крик, извещавший о том, что ничего опасного на берегу нет.

— Спускайте вторую лодку, — приказал Зароно.

В эту лодку сел сам Зароно; кроме Менкары здесь были еще восемь матросов. Ванчо остался на берегу «Петреля».

Вторая лодка достигла берега так же быстро. Зароно подозвал людей к себе. Через несколько минут он, Менкара и большая часть матросов скрылись за пальмами. Трое пиратов были оставлены на берегу для охраны шлюпок: смуглый уроженец Шема с орлиным носом, черный великан из Куша и плешивый краснолицый зингарец.

Конан с интересом наблюдал за происходящим с марса «Вастреля». Его корабль так и остался незамеченным, хотя расстояние до «Петреля» было не слишком уж велико.

Какое-то время отряд Зароно молча продирался через густые прибрежные заросли. Слышно было лишь тяжелое дыхание людей, шелест листвы, удары сабель и мечей, перерубавших спутанные лианы.

Было жарко и душно. Пот тек с пиратов рекой. Запах гниющих растений смешивался с экзотическими ароматами диковинных цветов, сиявших белым и алым среди темной зелени джунглей.

Зароно почувствовал и другой запах. Узнал он его не сразу. Волна отвращения обдала его, когда он понял природу этого запаха — так пахнут змеи. Выругавшись, он поднес к носу позолоченную шкатулку с ароматическими шариками, скатанными из лимонной цедры и корицы. Однако даже этот благоуханный аромат не смог заглушить резкого мускусного запаха. Немного поразмыслив, Зароно немало удивился этому обстоятельству. За время своих плаваний он посетил не один остров, но ни разу он не видел там змей.

Зной стал неимоверным — стволы пальм, перевитые цветущими лианами, стояли так плотно, что с моря к ним не долетало ни ветерка. Одежды Зароно потемнели от пота. Глядя на пышную зелень, окружавшую их со всех сторон, капитан обратился к Менкаре:

— Похоже, на твоем Безымянном острове, стигиец, нам ничто не угрожает, вот только запахи здешние мне не нравятся.

Менкара растерянно улыбнулся.

— Ты что, действительно ничего не замечаешь, Зароно?

Зароно пожал плечами.

— Жара здесь стоит несусветная, да пахнет премерзко — вот и все. Признаться, я ожидал встретить здесь что-нибудь эдакое, с когтями и рогами. Ни тебе духов, ни привидений. — Зароно смачно сплюнул.

Менкара посмотрел на него испытующим взглядом.

— Как вы, северяне, глупы! А тебе не кажется, что на острове слишком уж тихо?

— Хм, — задумался Зароно. — Наверное, в твоих словах есть резон...

Зингарца неожиданно бросило в дрожь. Джунгли действительно были подозрительно тихи. На таком маленьком острове вряд ли могли обитать крупные животные, но куда же могли деться птицы, ящерицы и крабы? И почему не слышно шелеста пальм? Нет, все действительно молчало, словно некто незримый, затаившись, наблюдал за ними.

Зароно выругался, но тут же взял себя в руки. Его люди были слишком заняты, для того чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Знаком приказав Менкаре

держать язык за зубами, Зароно последовал за людьми, торившими путь по непролазным джунглям. Ощущение того, что кто-то следит за ними, не покидало его ни на минуту.

К полудню пираты достигли своей цели. Это казалось им странным — только что они были окружены непроходимыми джунглями, и вот они уже на совершенно открытом месте. Джунгли обрывались разом — казалось, некая незримая граница была поставлена им пределом. Внутри этой незримой границы, имевшей очертания круга, растительности практически не было — лишь несколько чахлых кустиков засохшей травы возвышалось над песчаной равниной. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

Посреди этой мертвой пустоши возвышалось таинственное сооружение, которое, судя по всему, и было целью их похода. Сооружение это могло быть чем угодно — могильником, усыпальницей, храмом, сокровищницей. Приземистое тяжелое строение было сложено из черного матового камня, который, казалось, поглощал все падавшие на него лучи, отчего трудно было разглядеть очертания этого сооружения.

Строение походило на огромный куб, стороны которого были образованы пересечением множества плоскостей и искривленных поверхностей. О симметрии говорить не приходилось, казалось, что зодчим этого странного куба был сам хаос — здесь не было ни одного одинакового элемента, более того, все сооружение казалось случайным собранием того, что было присуще разным странам в разные эпохи.

Черный храм — если только это было храмом — стоял перед ними, то и дело меняя свои очертания в колышущемся горячем воздухе. Смертельный леденящий ужас охватил Зароно. Вид черного куба повергал в такое смятенье, что с ним не мог совладать и такой видавший виды разбойник, как Зароно. Пират застыл, пытаясь взять себя в руки, он силился понять: что же так испугало его, отчего сердце стало биться так часто и отчего так трудно дышать?

В черном храме было что-то странное. Никогда прежде Зароно не видел подобных строений. Даже населенные привидениями стигийские могильники не выглядели столь зловеще, как этот чудовищный черный куб. Строители храма создавали его по каким-то своим, отличным от земных канонов правилам, они использовали странные пропорции, достигая ведомых лишь им одним целей.

Лицо Менкары посерело — было видно, что он чрезвычайно озабочен. Жрец еле слышно забормотал:

— Так я и думал. Здесь совершалось страшное З'фаим. — Монах поежился. — Кто бы мог подумать, что это зловещее действо создаст чары, которые сохранят силу и через три тысячи лет...

— Что ты хочешь этим сказать, пес смердящий?! — Страх сделан Зароно грубым.

Стигиец перевел взгляд на капитана.

— Защитные чары, — прошептал он, — чары по-настоящему грозные. Если человек приблизится к храму, не прибегнув к чарам иного рода, своим присутствием он пробудит ту силу, что до времени спит в этом храме.

— Все понятно. Ну а теперь скажи мне: что это за чары иного рода и, главное, владеешь ли ты ими?

— Благодаренье Отцу Сету — да, я владею ими. Об обитателях Валузии полулюдях-полузмеях почти ничего не известно. И все же того, что знаю я, достаточно. Но помни, сил моих надолго не хватит.

— Чего-чего, а этого можешь не бояться, за это время мы успеем и эту черную штуковину на корабль утащить, — прорычал Зароно. — Так что можешь приступать к делу.

— Тогда я попрошу вас — тебя и матросов — вернуться в лес и не смотреть в мою сторону, — сказал Менкара.

Зароно повел пиратов обратно в чашу. Войдя в лес, они остановились, став спиной к прогалине. Менкара запел, однако ни один из пиратов не понимал этой странной песни. О том, что происходило на поляне, они могли только догадываться. Свет, проникавший сквозь листву, становился то тусклее, то ярче, — казалось, что над ними кружатся огромные тени. Голосу стигийца стали вторить другие, нечеловеческие голоса, что звучали откуда-то

сверху. Существам, которым эти голоса могли принадлежать, человеческая речь была явно чужда. Земля неожиданно сотряслась, и свет померк так, будто тяжелая туча заслонила собою солнце...

Раздался слабый голос Менкары:

— Идите!

Выйдя на прогалину, Зароно вздрогнул — стигиец явно постарел.

— Быстрее, — пробормотал Менкара. — Мои чары будут действовать недолго.

Обливаясь потом, Зароно и Менкара вошли в храм. В огромной зале, открывшейся их взорам, стоял полумрак — единственным источником света были распахнутые настежь храмовые врата.

В дальнем конце залы стоял огромный черный алтарь, над которым возвышался идол, выточенный из цельного серого камня. Идол этот походил одновременно и на человека, и на жабу; он сидел на алтаре подобно жабе, его обрюзгшее тело было покрыто бородавками.

Рот идола был полуоткрыт в безрадостной улыбке. Над двумя ноздрями-ямками был выложен полукруг, состоявший из семи круглых алмазов. Семь алмазных глаз идола слабо светились, отражая свет, проникавший в храм через врата.

Существо это показалось Зароно воплощением космического зла, он с трудом заставил себя отвести от него глаза. Перед алтарем лежало два полуистлевших кожаных мешочка. Сквозь прорехи одного из них что-то слабо мерцало — очевидно, это были драгоценные каменья. Присмотревшись, Зароно увидел, что каменья просыпались и на каменные плиты пола — они поблескивали чудесным созвездьем.

Под мешками лежала огромная книга, переплет которой был обтянут змеиной кожей; размеры змея, которому эта кожа могла принадлежать, трудно было себе представить.

Люди обменялись взглядами, исполненными торжества. Зароно осторожно поднял надорванный мешок и левой рукой крепко прижал его к груди; в правую руку он взял второй мешок. Менкара, кряхтя, поднял книгу и благо-

говейно прижал ее к себе. Глаза его засверкали. Стараясь не шуметь, они вышли из храма, едва ли не бегом пересекли прогалину и наконец присоединились к людям, с нетерпением ожидавшим их в лесу.

— Скорее на корабль! — приказал Зароно.

Отряд заспешил к берегу по свежей просеке; людям не терпелось поскорее покинуть эту цитадель древнего зла, чья тень все еще парила над островом, люди спешили к ясному свету и свежему дыханию открытого моря.

Глава 6
ОГНЕННЫЕ ГЛАЗА

Страх и чувство гнева, владевшие душой принцессы Хабелы, сменились покоем. Она не понимала ни того, почему предатель Зароно восстал против своего короля и сжег его каравеллу, ни того, зачем он пленил ее. Ушел не только страх, теперь свободны были и ее руки.

Зароно запер ее в маленькой каюте, предварительно связав ее руки шелковым шарфиком. Казалось, что тонкая полоска алого шелка для этих целей не подходит, — однако Зароно, научившийся искусству вязания узлов у бродячего вендийского фокусника, умудрился связать руки так, что самые искусные пальцы вряд ли смогли бы освободить затянутые узлы; сам же шелк, несмотря на всю свою легкость, был не менее прочен, чем сыромятная кожа. В обеденное время Зароно развязывал шарфик, но стоило принцессе покончить с трапезой, как руки ее вновь связывались. Отвечать на вопросы Хабелы Зароно отказался.

Никто даже не догадывался о том, что широкий пояс принцессы скрывал от посторонних глаз небольшой нож. В обычае знатных дам Зингары было постоянно иметь при себе клинок, с помощью которого в случае угрозы ее чести дама могла умертвить себя.

Находчивая принцесса распорядилась своей судьбой иначе. Превозмогая боль в запястьях, она умудрилась извлечь нож из тайника. Вставив рукоять ножа в паз, вырезанный под иллюминатором, она сняла ножны и,

сев к ножу спиной, принялась перерезать шелковые путы.

Сделать это оказалось не так-то просто, ибо, подходя к стене, она переставала видеть нож и потому то и дело резала себе руки. К тому времени, когда путы с ее рук спали, все они были залиты кровью. Но, как бы то ни было, руки наконец были свободны.

Хабела извлекла нож из паза и, вложив в ножны, вновь спрятала его под поясом. Окровавленными шелковыми лентами она перевязала кровоточащие запястья.

Но как же сможет она воспользоваться вновь обретенной свободой? Она знала о том, что Зароно покинул корабль, ибо слышала команды, отдававшиеся им. На корабле оставалось всего несколько человек, но что она могла сделать, если дверь каюты была заперта снаружи, а охранял ее дородный детина?

Хабела подошла к иллюминатору, за которым плескались лазурные волны; вдали виднелись песчаный пляж и зеленые опахала пальм.

К счастью для принцессы, она не была избалована настолько, насколько бывают избалованы дети знатных вельмож. То, на что она решилась, вряд ли могло прийти в голову девушкам ее возраста. Открыв оконную створку, принцесса подобрала края своего платья и заткнула их за пояс, обнажив колени. Внизу лениво колыхалось море, от иллюминатора до поверхности воды было никак не меньше четырех метров.

Хабела осторожно выбралась наружу, свесила ноги вниз и наконец разжала руки. В воду она вошла почти бесшумно. После духоты и зноя, стоявших в каюте, вода показалась ледяной. Почти тут же заныли раны на запястьях.

Хабеле нельзя было медлить. В любую минуту праздные матросы могли подойти к борту корабля и увидеть ее. Прямо над собою принцесса видела высокую корму галеона, поблескивавшую стеклами иллюминаторов, еще выше виднелись вершины мачт, тихо покачивавшиеся на фоне безмятежно-голубого неба.

У поручней не было ни души. Принцесса поняла, что держаться ей следует за кормой; если же она поплывет к носу, ее тут же заметят со шкафута.

Плыть ей пришлось долго. Хабела поплыла на спине, считая, что так ее труднее будет заметить. Помня о том, что ей следует оставаться за кормой, она поплыла вдоль берега, время от времени отдыхая, лежа на воде.

Отдалившись от «Петреля» на приличное расстояние, она перевернулась на живот и быстро поплыла к берегу.

К тому времени, когда она почувствовала под ногами песчаное дно, ее уже била крупная дрожь. Собрав остаток сил, она вышла на берег и, оставив позади узкую полоску пляжа, рухнула наземь.

Кто знает, думала принцесса, быть может, ей лучше было оставаться на корабле, ведь об острове этом она ничего не знает. В любую минуту Хабела могла вернуться к Зароно, отдав тем самым предпочтение злу более-менее знакомому. Однако поступать так было не в ее правилах. Принцесса решила препоручить свою судьбу Митре, а там — будь что будет.

Восстановив силы, она поднялась на ноги и побрела вдоль берега. Ходить босиком ей почти не доводилось, и потому каждый шаг давался с трудом. С моря дул свежий ветерок; мокрое, тяжелое платье обжигало принцессу холодом. Хабела сняла пояс и сбросила с себя одежды. Хорошенько отжав платье, она разложила его на папоротниках. С помощью ножа она оторвала от платья узкую полоску ткани и, разрезав ее пополам, обмотала ступни.

Платье быстро высохло. Одевшись и взяв в руку нож, принцесса направилась в глубь острова.

Зеленый свод сомкнулся у нее над головой. Приторный запах гниющих листьев и аромат тропических цветов щекотали ей ноздри. Шершавые стволы пальм и колючие лианы больно ранили ее, оставляя на руках и ногах длинные царапины.

Чем дальше в глубь острова шла Хабела, тем реже становились заросли. Ветерок сюда уже не долетал. Не было слышно ни звука, и эта тишина почему-то казалась принцессе зловещей. Сердце забилось чаще.

Споткнувшись о корень, принцесса упала. Она попыталась было подняться на ноги, но тут же поняла, что на

это у нее не хватит сил — тело отказывалось подчиняться. Собрав все силы, Хабела заставила себя встать и тут же увидела прямо перед собой массивную темную фигуру человека, глаза которого горели огнем. Она вскрикнула, попятилась назад и тут же вновь упала наземь. Незнакомец ринулся к ней.

Конан задумчиво смотрел вдаль. Далеко впереди, у самого острова, покачивался на волнах «Петрель», галеон Зароно. Киммериец повернулся к Зельтрану:

— На борту осталась только часть экипажа — мы можем захватить вражеский галеон и тем отрезать Зароно путь к отступлению. Что ты на это скажешь, а? — Киммериец торжественно улыбнулся, словно уже стоял на борту вражеского корабля.

Зельтран покачал головой.

— Нет, капитан, мне ваша идея не очень нравится.

— Но почему?! — недоуменно воскликнул Конан. Его варварская натура жаждала боя, атаки; долгие годы скитаний так и не приучили его к осторожности. Маленький же зингарец был осторожен, расчетлив и прозорлив, — советам его цены не было.

Живые глаза Зельтрана посмотрели на Конана в упор.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем, сколько людей Зароно оставил на галеоне. Его команда куда больше нашей.

— Клянусь Кромом, я собственноручно справился бы с половиной этих вояк! — воскликнул Конан.

Помощник принялся пощипывать скудную бороденку.

— Так-то оно так, сэр, вы действительно стоите дюжины воинов. Да вот только все остальные вряд ли станут сражаться с такой же решимостью.

— Да почему же?

— Обе команды занимаются пиратством, верно? Более того, обе команды в основном состоят из зингарцев. Так зачем же наши люди будут проливать кровь своих братьев, если у них нет на то особой причины? «Петрель» куда выше «Вастреля», и потому команда Зароно легко сможет отбить все наши атаки. Вы забываете еще об

одном немаловажном моменте — помните ту катапульту, что стоит на полубаке? И еще — насколько я помню, мы отправились в плавание, с тем чтобы завладеть сокровищами, а вовсе не для того, чтобы услаждать себя потасовками, исход которых более чем сомнителен. Я предлагаю обогнуть остров и высадиться на нем с противоположной стороны. Тогда мы сможем опередить Зароно и отыскать сокровища прежде, чем это сделают его люди. Если же они обгонят нас, мы сможем напасть на них и завладеть их добычей...

Конан вздохнул и нехотя согласился со своим помощником:

— Брасопить реи! Мы идем к северной оконечности острова! — мрачно скомандовал он.

В конце концов он был на корабле не один; под его началом были люди, о которых ему надлежало заботиться не меньше, чем о самом себе. О, как хотелось ему вновь стать вольным искателем приключений!

Через несколько часов «Вастрель» бросил якорь у восточного берега Безымянного острова. На воду были спущены две шлюпки, и вскоре люди Конана были уже на берегу.

Покачивая саблей, огромный киммериец рассматривал пустынные пляжи и вставшую за ними стену деревьев. Остров производил крайне мрачное впечатление — повсюду сверкало солнце, однако казалось, что остров погружен в тень.

Оставив на берегу двух пиратов, Конан повел свой отряд в глубь острова.

Вскоре отряд уже был на круглой прогалине. Взглядам людей открылась пустошь, кое-где поросшая жухлой травой. Стоя на опушке леса, Конан внимательно осмотрел поляну. Он не заметил никаких признаков жизни; если враг и поджидал их, то таиться он мог только в джунглях или в черном приземистом храме, стоявшем посереди прогалины.

Вид храма Конану сразу же не понравился. От этого странного черного строения исходило нечто настолько зловещее, что даже ему, Конану, стало не по себе. Он

вдруг почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Теперь он нисколько не сомневался в том, что храм этот строился не людьми, но неведомыми темными силами.

Возможно, его создали легендарные жители Валузии — полулюди-полузмеи, подумал киммериец. Странные очертания, непонятные украшения, голая земля вокруг храма — все это напомнило храм, виденный им много лет назад в стране Куш. Считалось, что строили тот храм не люди, но те, кто жил на Земле задолго до них.

Ему хотелось поскорее покинуть это страшное место, но он помнил о том, что там, в храме, находится то, ради чего он приплыл сюда. Конан обратился к своим людям:

— Спрячьтесь в лесу и смотрите в оба — в таком месте всякого можно ожидать.

Сжав в руке эфес меча, Конан стремительным шагом пересек прогалину и исчез в храме.

Из врат храма веяло могильным холодом. Конан вынул меч из ножен и осторожно вошел внутрь. Окинув взглядом идола, по-жабьи восседавшего на огромном алтаре, Конан перевел глаза на пол и на мгновенье замер.

Если сокровища здесь и были, то Зароно уже завладел ими. На пыльных полах храма ясно были видны следы двух людей. Один из людей был обут в матросские ботинки, второй — в сандалии.

«Зароно и его спутник», — подумал Конан.

Часть пола перед алтарем была свободна от пыли, здесь же поблескивало несколько камешков, оброненных Зароно.

Вслух выругавшись, Конан решил подобрать эти камешки. Кто бы мог подумать — Конан, подобно шакалу, подбирает объедки, оставленные львом Зароно! Еще раз выругавшись, киммериец уже было наклонился за камешками, но тут что-то заставило его посмотреть наверх.

Каменный идол ожил. Семь алмазных глаз его вспыхнули зеленым пламенем. Повернув голову, чудовище уставилось на Конана.

Глава 7

КАМЕННАЯ ЖАБА

— Клянусь Кромом! Он живой! — воскликнул Конан, не в силах скрыть своего изумления.

Казалось, что покрытое бородавками каменное чудище только что пробудилось ото сна, — потягиваясь, оно двигало своими пухлыми конечностями.

Не отрывая глаз от жертвы, идол подполз к переднему краю алтаря и с грохотом сверзился вниз, туда, где поблескивали оброненные Зароно изумруды.

Приземлившись на четырехпалые лапы, чудище тут же двинулось на Конана — неуклюжим оно только казалось, движения же его были на удивление проворны. Огромное, словно буйвол, чудище приближалось; горящие зеленым пламенем глаза его были на одном уровне с глазами Конана.

Киммериец было поднял меч, но тут же одумался. Судя по тяжести шагов идола, он действительно был сложен из камня, пусть камень этот и ожил. Стальной клинок не причинил бы ему никакого вреда; сражаться с этим каменным зверем было бы бессмысленно.

Поняв, что мешкать больше нельзя, Конан отскочил назад и выбежал на прогалину. Уже не таясь, он закричал:

— Бегите! Бегите к кораблю!

Крики, полные изумления и ужаса, огласили поляну, когда люди увидели, что из храма выскочила гигантская каменная жаба, преследовавшая их капитана. Повторять команду Конану не пришлось. Зашуршали листья пальм, затрещали ветви, — пираты помчались назад, к берегу. Каменное чудище ринулось за ними, ничуть не уступая людям в скорости. Конан приостановился и, завладев вниманием идола, побежал в другую сторону.

— Что я вижу? Откуда здесь эта девица? Клянусь грудью Иштар и брюхом Дагона — на этом треклятом острове не соскучишься!

Незнакомец говорил хриплым, грубым голосом; судя по произношению, он был уроженцем Аргоса. Хабела

очнулась — как ни странно, человеческий голос подействовал на нее успокаивающе. Затаив дыхание, она приняла руку высокого незнакомца и, как не силен был страх, позволила ему помочь ей подняться на ноги. Незнакомец заговорил вновь:

— Деточка, неужели я тебя испугал? Разрази меня гром, если у меня в мыслях было хоть что-то дурное. А теперь скажи мне: как ты оказалась на этом забытом богом острове?

Когда первый страх поутих, Хабела разглядела незнакомца получше — это был юный рыжеволосый гигант, одетый в видавшее виды матросское платье. Он ничуть не походил на тех головорезов, которыми командовал Зароно, — кожа его была очень светлой, ясные голубые глаза смотрели прямо, волосы и борода отливали золотом. Хабела решила, что перед ней северянин.

— Зароно, — едва выговорила принцесса, не в силах совладать с усталостью. Ее покачивало — если бы не сильная рука рыжеволосого моряка, Хабела вряд ли устояла на ногах.

— Зароно? Эта грязная свинья? Выходит, он уже девиц стал воровать? Ох и мерзавец же он! Теперь ты можешь его не бояться — клянусь рогом Хеймдаля и мечом Митры, я помогу тебе. Тебя защитят мои люди.

Из-за кустов внезапно послышался треск; северянин резко развернулся и схватился за эфес своего огромного меча. Детина, выскочивший из подлеска, сделал несколько шагов, но, заметив людей, застыл. К изумлению Хабелы, человек этот был ей знаком.

— Капитан Конан! — закричала принцесса.

Конан пригляделся получше. В нескольких шагах от него стояли дюжий рыжеволосый моряк, сжимавший в руке меч, и темноволосая девушка в изодранном платье. Девушку эту он где-то уже видел, но сейчас ему было явно не до нее.

— Бегите! — закричал Конан. — За мной гонится чудище из храма! Сейчас не до разговоров!

И тут же, словно в подтверждение его слов, из-за кустов вновь послышался треск, но на сей раз он был куда громче.

— Живее! — закричал Конан и, схватив принцессу за руку, побежал по тропке. Северянин поспешил вслед за ними. Вскоре чудище, преследовавшее их, осталось далеко позади. Когда люди остановились для того, чтобы отдышаться, Конан спросил у северянина:

— Неужели на этом проклятом острове нет ни холмов, ни скал? Каменная жаба вряд ли умеет лазать по горам.

— Клянусь Копьем Одина, капитан, чего-чего, а холмов здесь нет, — ответил раскрасневшийся и запыхавшийся юноша. — Всюду одно и то же. Северо-восточный мыс заканчивается утесом, но он нам вряд ли подходит — со стороны острова склоны у него слишком уж пологие. Туда не то что жаба, туда и младенец подняться сможет... Смотрите, этот истукан уже совсем рядом!

— Веди нас на свой утес, — приказал Конан. — Похоже, я кое-что придумал.

Северянин пожал плечами и побежал первым. Вскоре принцесса ослабла настолько, что не могла уже не то что бежать, но и идти. Конан взвалил ее себе на плечи и, не сбавляя шага, стал догонять северянина. Позади слышался треск ломающихся деревьев.

Примерно через час, когда солнце уже клонилось к горизонту, они почувствовали, что начался подъем. Вскоре стал виден и сам мыс, напоминавший нос корабля. Конан вспомнил о том, что видел этот утес с палубы «Вастреля», когда тот огибал северную оконечность острова.

Теперь девушку нес северянин. Он бежал бок о бок с киммерийцем и, похоже, ничуть не уступал ему ни в силе, ни в выносливости. Джунгли остались позади, теперь беглецы поднимались по голому склону утеса. Одолев половину пути до вершины, северянин опустил Хабелу на землю и на минуту остановился, чтобы хоть немного перевести дух. Он и Конан обернулись, пытаясь понять, насколько отстала от них каменная жаба.

Судя по треску и по тому, как неистово раскачивались вершины деревьев, каменный демон был совсем рядом.

— Именем Крома и Митры, скажи мне — в чем состоит твой план? — с трудом выговорил рыжеволосый моряк, который никак не мог отдышаться.

— К вершине! — проревел Конан и заспешил вверх по склону. Он добежал до самого края утеса и посмотрел с его вершины вниз, где ревело и ярилось среди черных остроконечных скал беспокойное море. Меж черными каменными зубьями поблескивала вода.

Хабела обернулась назад и вскрикнула — каменная жаба выбралась из джунглей и тут же, увидев тройку беглецов, стала быстро взбираться по склону.

— Теперь мы загнаны в угол, — пробормотал северянин. — Похоже, мы свое отплавали.

— Не спеши, — буркнул Конан и изложил суть своего плана.

Тем временем каменная жаба подбиралась все ближе, семь круглых глаз ее ярко сверкали в лучах заходящего солнца. Если раньше чудище ползло, то теперь оно прыгало по-жабьи. От каждого прыжка сотрясалась земля. Жаба была уже совсем близко; в предвкушении добычи рот ее осклабился.

Конан поднял с земли несколько камней.

— Пора! — закричал он.

По этой команде Хабела побежала вдоль обрыва в одну сторону, а рыжеволосый моряк — в другую. Конан же продолжал стоять на вершине утеса.

Жаба замерла и принялась водить своими круглыми зелеными глазами, выбирая жертву.

— Давай! — закричал Конан и метнул камень. Булыжник с сухим треском отскочил от жабьей головы. За первым камнем последовал второй — он угодил прямо в зеленый глаз чудища и отлетел высоко вверх. Зеленое пламя, освещавшее этот глаз изнутри, тут же погасло.

Не успел Конан метнуть третий камень, как чудище ринулось к нему. Один-единственный прыжок отделял каменную жабу от вершины утеса. Каменная жаба раскрыла свою ужасную пасть еще шире.

Как только жаба изготовилась для прыжка, Конан развернулся лицом к морю и головою вперед прыгнул с утеса. Прыжок этот был выполнен безукоризненно — тело киммерийца вошло в прохладные воды крошечной лагуны, окруженной со всех сторон щерящимися зубцами черных скал. Вынырнув, Конан посмотрел наверх.

Чудище тяжело плюхнулось на самый край утеса, в то самое место, где только что стоял Конан. Вниз сорвался град каменьев. Вершина стала обсыпаться; передние лапы жабы съезжали все ниже и ниже. Какое-то время жаба еще удерживалась на кромке обрыва, пытаясь отползти назад, но тут камни под ней рухнули, и она сорвалась вниз. Со страшным грохотом каменное тело упало к самому подножью утеса.

Конан вышел из воды и, взмахнув головой, отбросил назад мокрые волосы, лезшие в глаза. Из бока и бедра его сочилась кровь — попасть точно в центр лагуны ему все же не удалось, и он содрал кожу о подводные камни. Не обращая внимания на боль, киммериец пытался отыскать взглядом останки каменного чудища.

Камень, даже ожив, остается камнем. Жаба разбилась на сотню кусков, разлетевшихся далеко вокруг. В одном из камней Конан признал ногу чудища, в другом — голову. Прочие же камни были настолько похожи друг на друга, что казалось, они лежат здесь уже вечность.

Прыгая со скалы на скалу, Конан добрался до подножья утеса и полез наверх, выбирая себе путь поудобнее. Наконец он вновь оказался наверху, рядом со своими нежданными спутниками. Рыжеволосый моряк задумчиво смотрел вниз, на останки чудовищной жабы.

— Клянусь когтями Нергала и нутром Мардука — чисто сработано! Думаю, теперь, когда все опасности позади, настало время и познакомиться. Я — Сигурд из Ванахейма, честный моряк, оказавшийся на этом острове волею судеб.

Наш корабль разбился о прибрежные рифы, команде же моей, благодарение богу, удалось спастись. Теперь говорите — кто вы?

Конан, прищурившись, разглядывал принцессу.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он вдруг. — Неужто ты — Хабела? Дочь Фердруго?

— Да, — ответила принцесса, — и тебя я тоже знаю. Ты — капитан Конан.

Там, в лесной чаще, она уже называла его по имени, теперь же у нее не оставалось никаких сомнений в том, что перед нею именно он, капитан Конан. Только не подумайте, что в Зингаре капитаны пиратских галеонов

запросто общались с принцессами, — нет, просто Конан был фигурой слишком уж заметной. Хабелу же киммериец видел разве что во время празднеств, парадов и прочих торжественных церемоний, которые проводились в Кордаве едва ли не каждый день.

Большая часть добытого Конаном за время путешествий попадала в королевскую казну, и потому Фердруго не мог не принимать у себя бравого капитана. Длинноногий, широкоплечий, бесстрастный киммериец запомнился принцессе; да и он признал ее едва ли не сразу, несмотря на то, что одежда принцессы была изорвана, волосы растрепаны, а лицо исцарапано.

— Принцесса, бога ради, скажи мне — ты что здесь делаешь? — спросил недоумевающий Конан.

— Принцесса?! — воскликнул изумленно Сигурд. Румянец на его лице стал еще гуще; он потрясенно разглядывал полуголую девушку, с которой он был так неучтив и груб. — Клянусь бородой Имира и огнем Ваала, Ваше Высочество, знал бы, с кем имею дело, я вел бы себя совершенно иначе! Я-то, помнится, «деткой» вас назвал, а вы, оказывается, вон каких кровей будете... — Сигурд опустился перед принцессой на колено и взглянул на Конана, который, улыбаясь, следил за происходящим.

Хабела ответствовала:

— Встань, капитан Сигурд, и больше не вспоминай об этом. О каком этикете сейчас можно говорить? Лучше скажи — знаком ли ты с капитаном Конаном, вторым моим спасителем?

— Конан... Конан, — задумался Сигурд, — Конан-киммериец?

— Верно, — пробурчал Конан. — Ты что — слышал обо мне?

— Да. Многое рассказывали о тебе в Тор... — Сигурд замолчал на полуслове.

— Ты хотел сказать — в Тортаге? — спросил Конан. — Я сразу понял, что в тебе есть что-то барахское. Когда-то я тоже входил в Братство, но потом вышел из него — уж слишком сомнительными делами оно стало заниматься. Теперь я капитан «Вастреля», капера, состоящего на службе у короля Зингары. Как ты считаешь, сможем мы сойтись?

— Клянусь рыбьим хвостом Ллира и молотом Тора! Мы будем друзьями! — сказал ванир, пожимая Конану руку. — Куда труднее будет удержать от ссоры наших людей. Большинство моих людей — аргосцы, твои же люди, судя по всему, — зингарцы, они в один миг перегрызут друг другу глотки. Ни ты, ни я не принадлежим этим народам, потому и упрекать нам друг друга не в чем.

— Это верно, — согласился Конан. — Но скажи — как же вас занесло сюда?

— У южного берега этого треклятого острова мы напоролись на рифы. Нам удалось спасти почти все имущество и провиант, но капитан наш заболел и вскоре умер. Я был его помощником и потому вот уже месяц выполняю его обязанности. И все это время мы занимались одним-единственным делом — сколачивали такой плот, что мог бы доплыть до большой земли.

— Ты что-нибудь знаешь о черном храме?

— Конечно, знаю — и я, и мои люди видели его не раз. От него веет таким злом, что мы туда и близко не подходим. — Сигурд посмотрел на запад — красный диск солнца уже касался края синих вод. — Можете считать меня кем угодно, но все эти прогулки по джунглям и сражения с чудищами вызывают у меня только одно желание — желание выпить. Позвольте пригласить вас в наш лагерь — надеюсь, там найдется то, чего так страждут наши истомившиеся души, — я говорю о вине. Его осталось немного, но, думаю, сегодня мы его заслужили.

Глава 8
КОРОНА КОБРЫ

Зароно был вне себя от ярости, когда, вернувшись на борт «Петреля», он услышал о том, что Хабела исчезла. Он приказал килевать тех матросов, что несли вахту на юте и у каюты принцессы.

На следующее утро еще до рассвета почти все его люди вновь высадились на берег. Целый день команда

Зароно прочесывала остров, пытаясь отыскать принцессу, без которой планы заговорщиков теряли какой-либо смысл. Пиратам удалось обнаружить лишь несколько клочков ткани, свидетельствующих о том, что принцесса побывала на острове, однако ее самой, похоже, здесь уже не было.

Была обнаружена и стоянка людей Сигурда, но, опять-таки, стоянка была, а люди отсутствовали — барахских пиратов и след простыл.

На исходе дня сбитый с толку и злой, как никогда, Зароно вернулся на «Петрель».

— Менкара! — заорал он.

— Слушаю тебя, Зароно.

— Если твое колдовство хоть чего-то стоит, пришло время к нему прибегнуть. Покажи-ка мне, где теперь эта проклятая девчонка!

Вскоре Зароно уже сидел в своей каюте и смотрел на то, как стигиец проделывает уже знакомые ему процедуры. Угли в жаровне зашипели, и колдун запел:

— Яо, Сетеш...

Облако зеленого дыма стало уплотняться, и через несколько мгновений Зароно увидел перед собой морскую ширь. По спокойному морю тихо плыл небольшой изящный галеон. Все паруса его были подняты, но ветер был настолько слаб, что судно почти не двигалось.

— Конановский «Вастрель» попал в штиль, — сказал Зароно, когда видение померкло. — Хотел бы я знать — куда же он направляется?

Менкара развел руками.

— Для этого моего умения недостаточно. Если бы солнце стояло над горизонтом, я мог бы понять хотя бы то, в каком направлении движется галеон. Сейчас же, увы...

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что мы не сможем узнать даже этого?!

— К сожалению, я не Тот-Амон. Все, что мог, я уже сделал.

— Тогда скажи мне — видел ли ты принцессу?

— Нет. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что и она на «Вастреле», иначе мы его не увидели бы. Скорее всего, она спит в одной из кают.

— Знать бы об этом наперед, я бы вел себя с ней иначе, — проворчал Зароно. — И что же мы теперь будем делать?

— «Вастрель» мог пойти к берегам Куша, но, скорее всего, он направился назад, в Кордаву. Этот самый капитан Конан явно захочет доставить ее туда побыстрее — можно себе представить, сколько ему за это отвалит король.

— Если мы пойдем прямо на север, мы успеем перехватить их — или нет? А, Менкара?

— Думаю, что не успеем. Океан слишком велик. Помимо прочего, мы точно так же можем попасть в штиль, верно? И еще — они могут поплыть и к Шему, ведь Асгалуном правит брат короля Товарро. Мы слишком мало знаем о них. И ты, Зароно, забываешь о главной нашей цели.

— Девка и сокровища — вот и все наши цели!

— Ты забыл о великом Тот-Амоне. Если мы заручимся его поддержкой, нас уже не будет волновать то, вернется принцесса в дом отца или не вернется. Король магов управляет событиями так же легко, как кукольник управляет своими марионетками. Нам следует плыть на северо-восток, к берегам Стигии. Если при этом мы нагоним корабль Конана, будем считать, что нам повезло, если нет — расстраиваться не стоит.

Бросив якорь у берегов Стигии, Зароно отправился в глубь этой пустынной страны. Половина команды была оставлена на «Петреле», вторая половина, вооружившись до зубов, отправилась на берег вместе со своим капитаном. Караванщики заломили такую цену, что у скупого Зароно глаза на лоб полезли, — но что было делать, иначе он не смог бы попасть к Тот-Амону.

Как и большинство моряков, Зароно крайне неуютно чувствовал себя на берегу. Он казался себе беззащитным, ему постоянно чего-то не хватало. Пустыня напоминает море, как ничто другое на земле; но и она была совершенно чужда Зароно. Ему не нравилась ни мерная покачивающаяся походка своенравных верблюдов, ни сухой воздух, от которого пересыхала глотка.

Но что делать, он должен был все это терпеть. На третий день пути на горизонте появился Оазис Хаджар. Вокруг странного черного озерца недвижно стояли темные пальмы. За ними угадывались очертания сооружения, имевшего весьма внушительные размеры.

Путники осторожно приблизились к Оазису. Возглавлял процессию Менкара, ряса которого ясно указывала на его принадлежность к храму Сета.

Оазис казался совершенно мертвым. Странников никто не встречал, более того — не было слышно и птичьего пенья. На краю Оазиса путники остановились. Послушные погонщикам верблюды легли на песок. Зароно обратился к боцману:

— Следи за погонщиками. Эти псы, похоже, чем-то напуганы — как бы они от нас не удрали.

Дальше Зароно и Менкара шли уже пешком. Они обогнули мрачное черное озеро и подошли к большому строению. Озеро показалось Зароно зловещим. Его черные, словно уголь, воды поблескивали в лучах полуденного солнца. Местами поверхность озера была покрыта маслянистой радужной пленкой, постоянно менявшей свой цвет. На берегу стоял большой красноватый камень, формой своей напоминавший алтарь. Верхушка камня была покрыта бурыми пятнами. Зароно побледнел — похоже, из этого черного озера время от времени выходит тот, кому приносятся кровавые жертвы; Зароно был не робкого десятка, но от этой мысли ему стало страшно.

Озеро осталось у них за спиной. Они стояли перед входом в здание, сложенное из массивных блоков красноватого песчаника. Скорее это был не дом, но дворец, — уж слишком велико было здание. Судя по тому, как были источены ветром его стены, можно было понять, что здание это простояло уже не одну сотню лет.

Для чего воздвигалось это сооружение, сказать было невозможно. Зароно, объехавший едва ли не весь свет, никогда не видел иероглифов, подобных тем, что украшали арку над вратами. Здание выглядело донельзя просто и строго, если оно на что-то и походило, то разве что на пирамиды близ затерянного в пустыне Кеми. Жилым его назвать было невозможно, скорее оно напоминало усыпальницу.

Раскрытые врата походили на разверстую пасть угрюмого чудища, затаившегося среди песков. Ни минуты не колеблясь, Менкара шагнул внутрь и рукою начертал в воздухе таинственные знаки. К ужасу Зароно, неосязаемые линии, проведенные перстами жреца, на мгновенье вспыхнули зеленоватым призрачным пламенем.

Тишину, стоявшую в здании, не нарушал ни единый звук — здесь не было ни стражей, ни слуг. Менкара осторожно двинулся вперед, Зароно не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним.

Коридор заканчивался ведшим вниз лестничным маршем, ступени которого были истерты до такой степени, что на них почти невозможно было удержаться. Вскоре спуск закончился; миновав небольшой коридор, путники вошли в просторную залу.

Зловещий зеленоватый свет лился от ламп, поддерживаемых медными змеями. В этом неверном изумрудном свете можно было разглядеть два ряда могучих колонн, украшенных теми же знаками, что были начертаны на надвратной арке. Колоннада вела к трону, выточенному из черного блестящего камня, на котором сидел человек. Вскоре путники уже стояли перед ним.

На троне восседал смуглый широкоплечий великан, надменно смотревший на нежданных гостей. Голова его была обрита наголо. Темные глаза странно поблескивали. Он был одет в простую белую рясу, сшитую из грубой парусины. Единственным украшением этого человека было кольцо, надетое на один из пальцев правой руки, — медная змейка, трижды обвивавшая палец, кусала себя за хвост.

Строгая простота здания и отсутствие украшений на одеяниях великого мага как нельзя лучше раскрывали натуру Тот-Амона. Для этого человека мирские богатства и красоты были чем-то ничего не значащим. Он желал и искал только одного — власти над людьми.

В нескольких шагах от трона они остановились.

— Приветствую тебя, Менкара! — зычным голосом обратился к жрецу маг.

Менкара стал на колени и поклонился, коснувшись лбом темных каменных плит пола.

— По милости Отца Сета я прибыл сюда, о владыка! — еле слышно пробормотал жрец.

Тот-Амон страшил не только Зароно, жрец то же трепетал перед ним. От этой мысли пирата бросило в пот.

— Что за зингарец стоит рядом с тобой, — спросил Тот-Амон.

— Это капитан пиратского галеона Зароно, о владыка. Он прибыл сюда как посланник Вилагро, герцога Кордавского.

Холодные змеиные глаза посмотрели на Зароно в упор. Зароно показалось вдруг, что разум этого человека настолько далек от всего земного, что людская суета может разве что раздражать его.

— И что же нужно Зингаре от меня, а мне от Зингары? — вкрадчивым голосом спросил Тот-Амон.

Менкара открыл уже было рот, но тут Зароно решил, что пришло время брать дело в свои руки. Он сделал шаг вперед и опустился перед троном на колено. Достав из кармана камзола письмо Вилагро, Зароно передал его Тот-Амону. Маг положил письмо себе на колени, так и не взглянув на него.

— О величайший из магов, — начал Зароно, — я пришел сюда, с тем чтобы от лица герцога Кордавского выразить вам всяческое почтение и нижайше попросить вас о небольшой услуге, за которую герцог готов щедро расплатиться. О том же, в чем именно состоит эта услуга, вы сможете узнать из письма.

Тот-Амон так и не развернул пергаментного свитка — казалось, он уже был знаком с его содержанием. Презрительная улыбка заиграла на его губах.

— Я занимаюсь серьезной магией, — процедил маг сквозь зубы. — Золото Вилагро меня нисколько не интересует. Что же касается низвержения культа Митры и восстановления веры Отца нашего Сета, то это мне по душе.

— Это еще не все, о владыка! — сказал Менкара, доставая из-под рясы «Книгу Скелоса». — В знак серьезности намерений герцога мы просим вас принять из наших рук сей дар. — Он возложил древний манускрипт к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга, взлетев в воздух, раскрылась и мягко легла ему на колени. Маг лениво перевернул несколько страниц и вновь обратил свой взор на Менкару.

— Подарок действительно редкостный, — сказал он — Я и не думал, что существует третья копия. Впрочем, быть может, вы ограбили Аквилонское книгохранилище?

— Нет, о владыка, — ответствовал Менкара. — Нам посчастливилось найти эту книгу в западных морях, на Безымянном острове...

Менкара неожиданно замолк, почувствовав, что мрачный гигант, восседавший перед ними, внутренне напрягся. Холодное пламя заплясало в его черных змеиных глазах. От трона повеяло лютым холодом. Зароно никак не мог взять в толк, чем же они разгневали великого мага.

— Что еще взяли вы у алтаря Цатогуа, бога-жабы? — спросил Тот-Амон. Слова его были мягки и вкрадчивы, словно меч, вынимаемый из ножен.

Менкара смутился.

— Ничего, о ужасный владыка, — книгу да пару мешочков с каменьями...

— Ты говоришь о тех мешочках, что лежали на книге?

Менкара кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Тот-Амон поднялся на ноги; глаза его заблистали адским огнем. Зала озарилась ярким сиянием. Громовым голосом маг произнес:

— Вы, жалкие черви! И эти идиоты служат мне, Тот-Амону! О Сет, дай мне слуг не столь глупых! Аи кан-фог, яаа!

— О великий! О повелитель магов! Чем же мы могли тебя разгневать? — запричитал Менкара, пав ниц перед своим господином.

Могучий стигиец устремил на гостей взор, исполненный гнева. Громоподобный голос сменился змеиным шипением.

— Знайте, глупцы, что под каменным идолом было сокрыто то, что куда дороже всех земных богатств, то, в сравнении с чем «Книга Скелоса» — жалкий клочок бумаги! Я говорю о Короне Кобры!

Зароно вздрогнул. Не единожды он слышал истории об этом священном талисмане жителей Валузии, равного которому не было на всей земле, — эта корона змеиных королей некогда позволила им захватить всю Землю. Они взяли лишь книгу и каменья, главное же сокровище осталось на острове!

Глава 9
И СНОВА ВЕТЕР

Штиль, застигший «Вастрель» неподалеку от Безымянного острова, казался нескончаемым. Моряки сидели вдоль борта и от нечего делать ловили рыбу. В полукабельтове от «Вастреля» гребцы шлюпа, связанного с галеоном тросом, потели на веслах, пытаясь вывести корабль из мертвой зоны.

Конан ругался на чем свет стоит и призывал своих свирепых киммерийских богов, однако и это ему не помогало — паруса так и оставались безжизненными. Южная часть горизонта была затянута тучами, по ночам там сверкали молнии; здесь же небо было совершенно ясным, а воздух — недвижным.

Огромный киммериец уже начинал волноваться. Теперь его мог нагнать корабль Зароно, если только ему больше повезло с ветром. Впрочем, зингарец мог поплыть и совсем в ином направлении — этого тоже нельзя было исключить.

Проблем на «Вастреле» хватало и без Зароно. С одной стороны, подходил к концу запас провианта и пресной воды. С другой — на корабле кроме его команды была и команда Сигурда. Конану нравился отважный рыжебородый юноша из Ванахейма, и потому он позволил барахцам делить каюты с его собственными людьми. Он знал, что это может привести к неприятностям, и в ожиданиях своих не обманулся. Пираты Зингары и пираты Аргоса издавна соперничали друг с другом. Им приходилось сражаться слишком часто, для того чтобы хоть на время установить перемирие.

Но моряки есть моряки, и закон у них один. Конан не мог сняться с якоря, оставив на берегу таких же, как он сам, моряков, пусть поступок его и казался совершенно безрассудным. С Сигурдом они ладили, но этого, к сожалению, нельзя было сказать об их командах. Зингарцы постоянно изводили насмешками злосчастных аргосцев, пока наконец не вспыхнула драка. Тогда Конану и Сигурду удалось разнять потерявших голову морских волков, но было понятно, что вот-вот — и случится новая драка.

Штиль только подливал масла в огонь. Конан выругался и крепко сжал поручень — если бы ветер задул вновь, моряки были бы слишком заняты, для того чтобы разбираться, кто из них прав, а кто виноват.

Конану не давала покоя и другая проблема. Хабела поведала ему все, что она знала о Зароно и его спутнике — стигийском маге со змеиным взглядом. О чем-то они проговорились, что-то она подслушала, к чему-то она пришла сама. Все говорило о том, что маг и Зароно готовили заговор, направленный против короля.

Киммериец оказался перед дилеммой. Для простого пирата придворные интриги не значат ровным счетом ничего, к тому же Фердруго Зингарскому он был обязан немногим. Старый король дозволил ему командовать капером, состоящим на службе у Зингары, и пользоваться кордавской гаванью. Но скорее всего, Конану не отказал бы в этом и любой правитель Зингары. Более того, вряд ли кто-то другой запросил бы с него столь высокий процент, как это сделал король Фердруго.

Впрочем, в подобных ситуациях примитивное рыцарство, присущее киммерийцам, всегда брало верх над соображениями выгоды. Конан, этот грубый варвар, не мог бесстрастно наблюдать за тем, как отец прекрасной Хабелы слабеет и хиреет день ото дня, преследуемый коварными заговорщиками и стигийскими магами. Даже не понимая того, во что он вмешивается, Конан решил принять сторону принцессы.

Вряд ли в этом он был совершенно бескорыстен. У пирата тоже были свои амбиции. Киммериец никоим образом не желал заниматься пиратским ремеслом до конца своих дней. Если же он спасет короля и принцессу от

тенет, сплетенных предателями и заговорщиками, если он поддержит пошатнувшийся трон, разве он не вправе будет требовать вознаграждения? Разве после этого он не может стать герцогом или адмиралом?

Конан стал подумывать даже о том, чтобы связать свою жизнь с принцессой Хабелой и со временем занять место стареющего монарха. За недолгую, но бурную его жизнь множество женщин оказывало ему знаки внимания. Киммериец неизменно вел себя благородно, но никогда не подумывал о том, чтобы связать себя узами законного брака. Он не мог изменить себе — кровь его жаждала путешествий, приключений и битв; мысль же о том, что он будет привязан к семейному очагу, будет исполнять обязанности главы семьи, его просто пугала.

Ему исполнилось уже тридцать пять. И хотя прожитые годы не оставили на нем и следа, — если не считать бесчисленных шрамов, покрывавших его тело, — он понимал, что его нынешняя бурная жизнь когда-то должна кончиться. Теперь ему надлежало задуматься о будущем. Хабела была красива и мила, сильна и умна, кроме того, он, Конан, судя по всему, нравился ей. Кто знает, что ему сулит будущее...

Поморщившись, Конан покинул палубу и направился к себе в каюту. Едва он сел в кресло, как вниманием его завладел блеск алмазов. Конан улыбнулся — по крайней мере, сплавали они не зря. На столе в лучах полуденного солнца поблескивали бесчисленные каменья, украшавшие собой Корону Кобры.

После того как разбился каменный идол и путники спустились с утеса, дорога вновь привела их к черному храму. Злые чары, окутывавшие его, совершенно рассеялись. Таинственное сооружение поблескивало на солнце. Оно уже не ужасало так, как прежде, и вызывало скорее любопытство, чем страх.

Конан вновь осторожно вступил под своды храма. На том месте, где не одно столетие просидел похожий на жабу идол, зияла черная дыра. Конан заглянул в нее и заметил какое-то поблескивание. Неужели Зароно что-то оставил? Киммериец сунул в дыру руку и достал оттуда Корону Кобры.

Золотая корона была инкрустирована тысячами искрящихся алмазов. Конан понимал, что камни эти разрезаны и ограненны, хотя знал и о том, что гранить алмазы люди не могут (в те дни это искусство людям было неведомо). Ряд сужающихся к вершине колец образовывал конус, из вершины которого изогнутая золотая змейка свешивала свою голову так, что та оказывалась в межбровье того, кто надевал корону. Стоимость украшавших корону алмазов трудно было даже представить. Поход на Безымянный остров увенчался успехом.

От невеселых мыслей Конана отвлек громоподобный рев: «Клянусь грудью Фригги и фаллосом Шайтана!»

Конан заулыбался, узнав голос ванира Сигурда. В следующее мгновенье рыжебородый, раскрасневшийся от возбуждения северянин уже стоял у него в дверях. Прежде чем Сигурд успел что-то сказать, Конан понял, что же вызвало у него столь бурный восторг, — ветер вновь запел свою песнь, ветер вновь был с ними.

И что это был за ветер! Два дня и ночь ураган носил «Вастрель» по волнам, грозившим перевернуть его, два дня и ночь матросы не сходили с вахты. Нет, не случайно моряки Хайборийских стран избегали этих гибельных вод.

Когда ветер утих, «Вастрель» бросил якорь в неведомой бухточке. Где именно они находились, Конан не знал — и днем и ночью небо было затянуто непроницаемой облачной завесой; ясно было только одно — они вновь подошли к большой земле. Судя по всему, зетер унес их далеко на восток. Пышные тропические заросли подступали к самому берегу, и это значило, что луга Шема остались где-то на севере. Это могла быть и Стигия, и царство Куш, и неведомые страны, населенные чернокожими людьми.

— Что-то я никак не возьму в толк — куда это нас занесло? — ворчал помощник капитана Зельтран.

— Черт его знает, ведь он нас сюда и занес, — отвечал ему Конан. — Для нас главное — найти воду. В бочках нет ничего, кроме ила. Подбери людей, которые смогут отправиться на берег, и загрузи в шлюп бочки. Да только не мешкай!

Зельтран поспешил на главную палубу. Через несколько минут, когда люди уже сидели в лодке, Сигурд, хмуро посмотрев на берег, смачно выругался. К груди ванир пристегнул широкую кожаную перевязь.

— Что тебе так не понравилось? — спросил Конан.

Сигурд пожал плечами.

— Да это я так, приятель, просто берег этот мне не нравится — похоже, это какой-нибудь Куш.

— Ну и что из этого? Если нас относило на восток, то мы и должны были оказаться в Куше.

— Ну а если это так, то честным морякам здесь драть нечего. Этим черным демонам ничего не стоит съесть нас вместе с потрохами. Ну а чуть подальше — если верить моряцким рассказам — живет племя, состоящее из одних женщин, столь искусных в ратном деле, что против них не устоит ни один мужчина.

Конан смотрел на шлюп, быстро удалявшийся от корабля.

— Возможно, ты и прав, но без воды нам тоже не обойтись, да и провианта у нас маловато. Вот только загрузимся — и сразу пойдем на север, к Кордаве.

Глава 10
ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они заплыли, лежала в устье небольшой илистой реки — по берегам вставал лес высоких пальм, стволы которых были скрыты густым подлеском. Шлюпка вышла на мелководье, и пираты, сойдя с нее, потащили ее на берег. По берегу были выставлены лучники, остальные же, взяв пустые бочки, направились к реке. Они шли все дальше и дальше, время от времени пробуя воду на вкус, и вскоре скрылись из виду.

Конан, отправившийся на берег со второй шлюпкой, скрестив руки стоял на корме и хмуро рассматривал берег. Очертания берегов казались ему странно знакомыми, в памяти всплыло и название реки — Зикамба. Возможно, это место было знакомо ему по картам; возможно, он уже и бывал здесь в ту пору, когда они путешествовали вместе с Белит. Он заулыбался, вспомнив о том, как сражались

бок о бок он и Белит, о том, как преследовали их орды чернокожих пиратов. Белит — смуглая и томная, словно пантера, чьи глаза казались темными звездами, Белит — его первая и последняя любовь...

С внезапностью тропического урагана из подлеска выскочила банда нагих чернокожих головорезов, с телами, раскрашенными яркими красками, расцвеченными пестрыми бусами и перьями. Их набедренные повязки были сшиты из шкур диких зверей, в руках они сжимали копья с пышным опереньем.

Вскрикнув от неожиданности, Конан выхватил из ножен свою огромную саблю и закричал:

— Пираты, ко мне! За оружие! За оружие!!!

Предводителем черных воинов был рослый детина, чье тело казалось выточенной из черного мрамора скульптурой гладиатора. Чресла его были прикрыты шкурой леопарда, на щиколотках и запястьях позвякивали браслеты. Голова его была украшена султаном из павлиньих перьев, взгляд умных темных глаз исполнен царского достоинства.

Вождь тоже показался Конану удивительно знакомым. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Он отбежал от берега и присоединился к своим товарищам, изготовившимся встретить неприятеля лицом к лицу.

Внезапно вождь дикарей замер и, подняв свои длинные могучие руки, прокричал:

— Симамани, воте!

Услышав окрик вождя, чернокожие воины замерли, лишь один из них — тот, что стоял рядом с вождем, — продолжал раскручивать страшный ассегай, метя им в Конана. Но стоило руке воина пойти вперед, как вождь стремительным движением размозжил ему череп страшным ударом своего кирри. Воин упал на желтый песок

Конан приказал своим людям повременить с атакой. Какое-то время противники стояли друг против друга, держа наготове отравленные копья и луки. Конан и черный великан, тяжело дыша, стояли лицом к лицу. И тут вождь заулыбался, блеснув белоснежными зубами.

— Конан! — сказал он на гирканском языке. — Как ты мог забыть своего старого товарища?

Только теперь Конан вспомнил, где же он видел этого воина.

— Юма! Клянусь Кромом и Митрой, да это же Юма! — закричал он.

Отбросив саблю в сторону, он подбежал к вождю и заключил его в объятия. Пираты изумленно смотрели на гигантов, дружески похлопывающих друг друга по спине и пожимающих друг другу руки.

Некогда Конану привелось служить в легионе царя Илдиза Туранского, чье царство находилось далеко на востоке. Юма из Куша был в легионе таким же наемником, как и он сам. Во время похода в далекую Гирканию Юма и Конан охраняли одну из дочерей Илдиза, которая должна была обручиться с предводителем степных кочевников.

— Ты помнишь сражение в снегах Талакмаса? — спрашивал Юма. — А помнишь этого страшного маленького то ли царька, то ли божка? Кажется, его звали Джалунг Тхонгпа*.

— Конечно, помню! А помнишь, как ожил тот зеленый идол царя демонов Ямы, что был размером с лошадь? Он раздавил единственного сына Джалунга так, словно тот был клопом! — Конан радовался, как маленький ребенок. — Клянусь Кромом, хорошее это было времечко! Но ответь мне именем девяти алых царств ада, какого черта ты здесь делаешь? И как ты стал вождем этих воинов?

Юма рассмеялся:

— Где же еще, как не на Черном Берегу, должен быть черный воин? И если я родился в Куше, разве я не могу жить в Куше? Но я хочу задать тот же вопрос и тебе, Конан. С каких это пор ты стал пиратом?

Конан пожал плечами.

— Я человек, и мне надо на что-то жить. К тому же я занимаюсь не пиратством, а честным каперством и нахожусь на службе у короля Зингары. Это совсем разные вещи, как ты понимаешь. Но расскажи мне о том, что ты делал все это время. И почему же ты оставил Туран?

— Джунгли и саванны мне куда привычней, Конан, — я ведь не северянин, как ты. Мне, в конце концов, надоели постоянные простуды.

---

* См. «Город черепов».

После того как ты ушел на запад, нашим приключениям пришел конец. Я мечтал только о том, чтобы еще хоть разок увидеть пальму да переспать с чернокожей красоткой где-нибудь под кустами гибискуса. И тогда я оставил службу и отправился на юг, к черным королевствам. Теперь же я и сам — царь!

— Царь? — недоверчиво переспросил Конан. — Царь чего? Мне казалось, что здесь нет ничего, кроме банд голозадых дикарей.

Лукавая улыбка заиграла на лице Юмы.

— Ты прав, и так оно и есть, или, точнее, так все и было, пока Юма не пришел и не научил их искусству войны. — Юма повернулся к своим воинам, озадаченным тем, что их вождь говорит с чужим вождем на непонятном им языке. — Рахиси! — сказал Юма.

Негры тут же успокоились и расселись на песке. Пираты сделали то же самое, хотя и продолжали смотреть на негров с недоверием. Юма продолжил свой рассказ:

— Наше племя долгое время враждовало с соседями. Мы завоевали их земли, и тогда это соседнее племя слилось с нашим, я же стал их вождем. Затем мы смогли покорить еще два племени, и тогда я стал правителем. Теперь же я владею всем этим берегом, и владения мои простираются на пятьдесят лиг. У нас больше нет отдельных племен, мы стали народом. Сейчас я мечтаю о столице, которая смогла бы достойно представлять нас.

— Черт возьми, Юма, — поразился Конан, — похоже, у этой самой цивилизации ты смог научиться куда большему, чем я, — только подумать, как ты преуспел в этой жизни. Ну что ж, удачи тебе! Когда твои головорезы полезли из кустов, я уж было решил, что богам наскучило возиться с нами и они решили смахнуть нас с доски, чтобы начать новую партию. Мы высадились на этот берег, с тем чтобы пополнить запасы воды, а принес нас сюда ураган, которому предшествовал затяжной штиль, ну а перед этим нам привелось побывать на острове, по которому шастают духи змей и каменные статуи.

— Водою теперь ты можешь залиться, — пообещал Юма. — После того как вы погрузите на борт все необходимое, вы станете моими гостями. Я устрою такой праздник, с которого уйти вам будет непросто. У меня

только что созрело банановое вино, которого хватит даже на то, чтобы утолить вашу жажду!

Эту ночь почти вся команда Конана провела на ратановых матах деревни Кулало; аргосцы остались на борту «Вастреля». Кулало, которое по размерам своим скорее было городом, представляло собой три кольца конических хижин, сложенных из бамбука и пальмовых листьев; снаружи деревня была огорожена высокой изгородью и плотно посаженными кустами колючего кустарника.

В самом центре поселка была вырыта огромная яма, наполненная дровами. На огромных вертелах жарились туши быков, антилоп и свиней. Резные деревянные ведра были доверху наполнены сладковатым, обманчиво легким банановым вином. Ведра стремительно опустошались, но их наполняли вновь и вновь. Черные музыканты выстукивали сложные ритмы на своих огромных барабанах, звучали флейты и инструменты, отдаленно напоминавшие лиру. Юные негритянки, напрочь лишенные одежды, танцевали у костра, звеня браслетами, хлопая в ладоши и услаждая собравшихся пением. Матросы тем временем пожирали жаркое, лакомились просяными пирогами, политыми сиропом из сорго, и диковинными тропическими фруктами.

Вскоре на берег прибыли и люди Сигурда. Увиденное поразило аргосцев. Обилие еды, питья и развлечений тут же заставило их забыть о недавних сварах с зингарцами. Прелестницы, плясавшие у костра, то и дело оказывались в объятиях матросов где-нибудь за ближайшей хижиной, чтобы через какое-то время вновь появиться в круге подруг.

Конан не на шутку испугался — пираты не видели женщин уже несколько недель, и совладать с ними было невозможно. К его изумлению, черные воины царя Юмы ничуть не возражали против того, что их женщины спали с чужеземцами, напротив — похоже, они даже принимали это за известный комплимент им, мужчинам. Вздохнув с облегчением, Конан подумал, что у варварства есть и несомненные преимущества перед тем образом жизни, который принято величать цивилизованным.

Однако принцесса Хабела нашла такое поведение недостойным, о чем не замедлила сказать вслух. Она сидела между Конаном и Юмой. Вождь и капитан вели бесконечную беседу, вспоминая былые подвиги и приключения, выпавшие на их долю в далеком Туране. То и дело Конан изумленно поглядывал на Хабелу, с неприязнью взиравшую на происходящее.

Конан несколько побаивался того, что Юма в обмен на оказанное им гостеприимство может возжелать объятий Хабелы. Для уроженца Куша подобное желание было бы не просто прихотью, но, скорее, проявлением учтивости. Пока Конан ломал себе голову над тем, как же выйти из этого затруднительного положения, Юма сам разрешил все его сомнения, сказав, что понимает, чем отличаются варвары от людей цивилизованных, и гордо отказался от права обладатьХабелой.

Конан рыгнул.

— Клянусь Кромом, приятель! Вот это жизнь! Мне ни разу не удалось взглянуть на эти треклятые звезды, вот нас и занесло так далеко на юг. Такое ощущение, что мы оказались в легендарной стране амазонок.

Киммериец вновь приложился к бочонку с вином.

Юма заметно протрезвел.

— Если ты хочешь знать, то — в каком-то смысле — так оно и есть. По крайней мере воительницы из Гамбуру — их столицы — утверждают, что этот берег принадлежит им. Пока у них не хватает сил на то, чтобы доказать это оружием, — ведь между моими землями и землями амазонок живут и другие племена.

— Да? Говорят, что эти девицы здорово сражаются, — верно? Я рад, что мне не пришлось испытать этого на собственной шкуре, — сражаться с женщиной не в моих правилах. У тебя были какие-нибудь проблемы с ними?

— Немного, да и то в самом начале. Я пытаюсь научить своих ребят стрельбе, я хочу, чтобы они делали это не хуже туранцев. — Юма сокрушенно покачал головой. — Но это дело непростое. Из того, что здесь растет, луков не сделаешь, мои же красавцы отказываются ставить оперение на стрелы. Они становятся упрямыми как ослы и говорят мне, что с тех самых пор, как Дамбалла сотворил мир, стрелы делаются так-то и так-то,

а значит, они и должны так делаться. Иногда мне кажется, что легче научить зебру игре на кифаре. И все же, как бы то ни было, мои люди — лучшие лучники во всем Куше. Когда амазонки предприняли последнее свое наступление, иные из тех, что остались на поле боя, были так истыканы стрелами, что походили на дикобразов.

Конан было засмеялся, но тут же осекся и приложил ладонь к горящему лбу. Сладковатое винцо действительно было обманчиво. Смущенно извинившись, Конан пошатываясь побрел за соседнюю хижину. Пора было объявлять отбой. Он вернулся к костру и, усевшись на царские маты, взял в руки мешок, прихваченный им с собой. В мешке лежала завернутая в одеяло Корона Кобры. Он решил не оставлять ее на «Вастреле», ибо вид алмазов мог смутить и самого честного и преданного человека. Он привык гордиться своими людьми и потому старался не вводить их в соблазн.

Пожелав спокойной ночи Сиґурду, Зельтрану, Юме и чопорной принцессе, Конан побрел к хижине, отведенной специально для него. Вскоре из хижины раздался громоподобный храп.

Захмелевший Конан не заметил того угрюмого взгляда, которым проводил его один из воинов Юмы, коварный Бвату. Именно он хотел метнуть в Конана ассегай, именно ему Юма раскроил череп. Сердце Бвату терзалось обидой. Бвату был одним из лучших воинов Юмы и входил в военный совет, с ним же обошлись как с мальчишкой. Пока шел пир, Бвату, не выпивший ни капли вина, то и дело посматривал на сверток, лежавший возле Конана. Внимание, которое белый капитан уделял свертку, ясно указывало на то, что в нем находится нечто в высшей степени ценное.

Бвату запомнил и хижину, в которую вошел Конан. Пиршество все еще было в разгаре, он же, пошатываясь, словно пьяный, отошел от костра и исчез в тени. Как только Бвату скрылся от посторонних взоров, он направился одной из тенистых улочек к той самой хижине, в которой спал Конан. В призрачном лунном свете блеснул

кинжал, только что полученный Бвату от пирата, переспавшего с одной из его жен.

Далеко на севере, в стигийском Оазисе Хаджар, Тот-Амон занимался изысканиями в астральном плане в надежде обнаружить хоть какие-то следы древней реликвии народа Валузии. Менкара и Зароно спали в кельях, расположенных за стенами святая святых его дома — его лаборатории. Вскоре всесильный стигиец понял, что все старания его напрасны, — корона бесследно исчезла. Он сидел совершенно недвижно, глядя в никуда.

В огромной хрустальной сфере, возникшей словно ниоткуда перед его троном всевластья, кружили и сменяли друг друга тени. Бледное изменчивое сияние, исходившее от фигур, двигавшихся по сфере, освещало разные своды залы.

Теперь Тот-Амон знал, что тайник, находившийся под каменным идолом Цатогуа, богом-жабой, был пуст. Корону могли похитить какие-то другие мореплаватели, оказавшиеся на Безымянном острове случайно или, быть может, намеренно. С помощью магической сферы Тот-Амон осмотрел весь остров. Там не было не только Короны, но и ни единого человека. Не было здесь и Хабелы, о бегстве которой поведал ему Зароно. Исчезновение Короны и Хабелы, а также гибель каменного идола говорили о том, что в дело вмешались неведомые ему силы.

В зале стояла полнейшая тишина. По резным каменным стенам плыли тени; фигура, недвижно сидевшая на троне, тоже казалась изваянной из камня.

Глава 11
ТЕНЕТА СУДЬБЫ

Застать Конана-киммерийца врасплох было почти невозможно, однако на сей раз произошло именно это. Легкий на вкус, но крепко ударявший в голову напиток буквально свалил его с ног. Конан безмятежно спал, пока

смутное чувство опасности не заставило его проснуться. Он неспешно поднялся с ложа и тут же почувствовал, что произошло нечто непредвиденное. Он стал оглядывать хижину, так и не понимая, в чем же дело.

И тут его словно громом поразило. В тростниковой стене был сделан длинный разрез, через который можно было проникнуть внутрь хижины. От прорехи в стене веяло холодом.

Конан перевел взгляд на ложе, туда, где должен был лежать сверток. Чертыхнувшись, он выскочил из хижины и стал вглядываться в непроглядную темень, в надежде увидеть вора. Корона Кобры исчезла.

Ярость охватила его. Зарычав, словно зверь, киммериец выхватил саблю из ножен и побежал к центру деревни, извергая на ходу немыслимые проклятья.

Праздник все еще продолжался, хотя практически никто уже не держался на ногах. Гигантский костер, разведенный с вечера, уже догорал. Над кронами пальм ярко блистали звезды. Среди тех, кто все еще бодрствовал, Конан увидел Юму и Сигурда. Его крик заставил их вскочить на ноги.

Стараясь быть кратким, киммериец поведал им о происшедшем. Корона была единственной их добычей, и потому Конан был вне себя от ярости.

Вскоре о происшедшем знали уже все. Через несколько минут люди Кулало обнаружили, что один из их людей бесследно пропал.

— Бвату! Пусть же Дамбалла сожжет его черную душу! — гневно вскричал Юма, пришедший в страшный гнев от того, что его люди посмели ограбить гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заревел Конан.

Юма угрюмо кивнул и описал внешность преступника.

— Так это тот самый негодяй, которого ты едва не зашиб на берегу? — спросил Конан.

— Да, это он и есть. Тогда-то он на нас обиду и затаил.

— И как это он сообразил? — вступил в разговор Сигурд. — Что же теперь делать? Скажи-ка, царь Юма, куда он мог побежать? Клянусь кишками Ахримана и огненными когтями Шайтана, мы должны отправиться вдогонку за ним, пока этот мерзавец не ушел далеко!

— Скорее всего, он направился к землям наших врагов Матамба. — Юма показал на северо-восток.— Дальше на север он не пойдет — там он может попасть в руки гханатов, промышляющих торговлей рабами. На юго-восток идти тоже опасно — там лежит...

Выслушивать неспешные рассуждения Юмы, в то время как сказочное богатство уходит все дальше и дальше, Конан был не в силах. Он грубо перебил царя:

— Я чувствую, ты будешь рассуждать еще долго! Покажи мне тропу, что ведет в земли Матамба.

— Дорога, идущая от Восточных Ворот, разветвляется, тропа, о которой ты спрашиваешь, идет на северо-восток.

Не слушая дальнейшего, Конан побежал к своей хижине. По пути он схватил кувшин с водой и выплеснул его содержимое себе на голову. Он стал походить на морское чудище, однако вялость и головная боль тут же оставили его.

Отбросив назад гриву черных волос, Конан увидел перед собой закутавшуюся в одеяло принцессу.

— Капитан Конан! — закричала она. — Что случилось? На нас напали?

Он покачал головой.

— Нет, детка. Пока я храпел, у меня из-под носа увели золотую корону, расцвеченную тысячами алмазов. Ступай-ка ты баиньки, деточка, у меня нет времени на разговоры!

К киммерийцу подбежал запыхавшийся Сигурд.

— Послушай-ка меня, Конан! Юма сейчас поднимет самых быстрых своих воинов. Одному соваться в джунгли нельзя. Бог его знает, что там за звери, — ты уж лучше подожди Юму.

— Да идите вы все к черту! — взревел Конан и свирепо заводил глазами. — Я не стану ждать, пока след Бвату остынет; если же на моем пути и попадется какой-то зверь, что ж, тем хуже для него!

Не вступая в дальнейшие споры, Конан понесся дальше. Словно разъяренный буйвол, он пронесся мимо Восточных Ворот и вскоре исчез из виду.

— Ну и характер у киммерийцев! — выругался Сигурд. Северянин посмотрел на принцессу, пожал плечами

и пустился вслед за своим товарищем, крича на бегу: — Подожди меня! Один ты ничего не сделаешь!

В деревне поднялась страшная суматоха. Юма вместе со своими военачальниками носился по улочкам, пытаясь привести в чувство воинов.

Хабела вернулась в свою хижину и облачилась в грубое матросское платье, выданное ей Конаном, — брюки, ботинки и куртку. Стараясь держаться в тени, принцесса побежала к Восточным Воротам.

— Если этот пьяный олух думает, что вправе командовать принцессой Дома Рамиро, то он сильно ошибается! — зло бормотала Хабела.

Однако никак не уязвленное самолюбие заставило ее покинуть Кулало и в одиночку последовать вслед за Конаном — нет, на то была причина куда более серьезная. Несмотря на всю видимую грубость киммерийца, он всячески пекся о принцессе и был полон решимости защищать ее. Он пообещал доставить ее к отцу в целости и сохранности, и, похоже, этим словам можно было верить. В киммерийце Хабела была уверена куда больше, чем в его команде; кроме того, здесь кроме пиратов были и чернокожие варвары, которыми командовал Юма. С этими мыслями принцесса вошла в джунгли. Где-то вдали раздался рев леопарда.

Вот уже несколько часов Конан бежал по тропе, ведущей в земли Матамбы; Сигурд остался где-то далеко позади. Киммериец остановился, чтобы перевести дух, и стал подумывать о том, чтобы дождаться северянина. Но тут в его сознании вновь блеснула мысль о том, что, пока он медлит, коварный кушит уходит от него все дальше и дальше; гнев вновь овладел Конаном, и он с удвоенной силой понесся вперед.

Джунгли Куша были хорошо знакомы ему — лет десять тому назад он командовал воинами племени Бамула, что жило несколько севернее. Человек не столь опытный не пойдет в одиночку по джунглям, убоявшись диких зверей, живущих в них. Конану же повадки леопардов были известны, — при всем их коварстве звери эти не отличаются особенной смелостью. На людей они нападают

редко, да и то только на старых или больных, предпочитая им добычу поскромнее. Страшный шум, с которым Конан несся по извилистой тропке, был лучшей защитой от хищников.

Вне всяких сомнений, в джунглях живут не только огромные кошки, но и другие, куда более опасные звери: громадные гориллы, тяжеловесные носороги, огромные буйволы, гигантские слоны. Но все эти животные питаются травой и на человека нападают лишь тогда, когда он разгневает их или окажется на их тропе. Конану посчастливилось избежать встречи с ними.

Небо начинало светлеть. Конан остановился у родника, чтобы утолить жажду и омыть холодной водой разгоряченное тело. Вся его рубаха была изорвана колючими лианами, грудь и плечи были покрыты глубокими ссадинами, разъедаемыми потом.

Выругавшись, Конан пригладил волосы, смахнул пот со лба и ненадолго застыл, пытаясь собраться с силами. Отдых его был недолгим — киммериец заставил себя подняться и вновь пустился в погоню, чертыхаясь на каждом шагу. Не единожды ему приходилось испытывать себя на прочность, и он знал, что не найдется такого человека, которому бы он, Конан, уступал в выносливости.

Над джунглями Куша всходило солнце. Леопарды возвращались с охоты — кто голодный, кто сытый, — чтобы забыться сном и так переждать жару.

Становилось все светлее; теперь Конан видел на тропе следы голых человеческих ног, судя по всему, человек этот пробегал здесь совсем недавно. Вне всяких сомнений, это были следы Бвату. Другой человек давно бы уже лежал бездыханным, Конан же только прибавлял и прибавлял скорость — он несся вперед, словно зверь, учуявший добычу.

Прошло совсем немного времени, а Хабела уже сожалела о том, что решила пойти вслед за Конаном. Ни Конан, ни Сигурд не знали, что она идет за ними; о том же, чтобы догнать их, не могло быть и речи. Тропинка все время петляла. Хабела даже не заметила,

когда она сошла с нее, и вскоре окончательно сбилась с пути. Луна уже села, и джунгли погрузились в совершенную мглу. Кроны деревьев сходились, образовывая плотный полог, затмевавший собою звезды, и потому принцесса не знала даже того, в каком направлении она движется. Она беспомощно брела по лесу, то и дело натыкаясь на стволы деревьев, спотыкаясь о корни и борясь с густыми зарослями колючего кустарника.

Отовсюду слышались стрекотание и жужжание ночных насекомых. Хабела ужасно боялась лесных зверей и потому озиралась на каждом шагу. Время от времени из джунглей слышались тяжелые шаги и треск сучьев — от этих звуков принцессе становилось не по себе.

Ближе к рассвету дрожащая от страха и усталости девушка вышла на мшистую прогалину. Дальше идти она уже не могла. Как она могла совершить такую глупость, как она могла сойти с тропинки? Хабелу стало клонить в сон.

Она проснулась оттого, что сильные черные руки схватили ее под локти и заставили подняться на ноги. Ее окружали худые чернокожие люди в тюрбанах и изодранных накидках. Принцессе связали руки; крики ее тонули в хохоте дикарей.

Конан нисколько не сомневался в том, что он догонит Бвату, и вскоре он действительно догнал его. Однако Бвату не мог вернуть киммерийцу украденную корону. Он был мертв, и руки его были пусты.

Вор лежал на тропе, уткнувшись лицом в землю, обильно политую кровью. Тело его было изрублено в клочья. Склонившись над телом, Конан стал изучать раны. Похоже, Бвату был убит стальным клинком, а не копьем с бронзовым или кремневым наконечником, какие были в ходу в этих землях. Бронзовые лезвия легко тупятся и потому оставляют рваные раны; судя же по тому, что видел перед собой Конан, убийца Бвату орудовал клинком из превосходной стали. Черные племена Куша не знают стали и не умеют плавить железо; те немногие клинки, что оказались в этих землях, попали сюда с севера, на-

селенного народами более цивилизованными — из царства Куш, из Дарфара и Кешана.

Неужели это сделали черные амазонки? Неужели это они убили вора и похитили корону, лишив его как собственности, так и возможности отомстить подлому врагу? Конан поднялся, и в тот же миг с дерева, стоявшего рядом, ему на плечи упала тяжелая сеть. Она тут же спеленала его по рукам и ногам. Конан зарычал и, выхватив саблю, хотел уже было разрубить тонкие тенета, но те стягивались все туже и туже, не давая ему произвести замах.

Ему казалось, что он попал в тенета огромного паука; каждое его движение приводило лишь к тому, что он увязал в сети все больше и больше. Из-за кустов появились чернокожие люди в тюрбанах, что привычно натягивали веревки, оплетавшие киммерийца, похожего теперь на кокон огромной бабочки. С дерева слезло еще несколько человек; сильными точными ударами они быстро оглушили свою жертву.

Прежде чем забыться, Конан выругался, назвав себя последним идиотом. Ничего подобного с ним еще не случалось — эти дикари пленили его так легко и просто, словно он был дикой свиньей. Но сетовать уже было поздно...

Глава 12
ГОРОД АМАЗОНОК

Оазис Хаджар был погружен во тьму. О положении луны, сокрытой плотным облачным покровом, можно было судить лишь по призрачному, едва заметному пятнышку.

В тронной зале Тот-Амона стояла такая же темень. Зеленые огоньки в настенных светильниках едва теплились, мерцая подобно светлячкам. Стигийский маг сидел на своем резном троне так недвижно, что казалось, он спит. Будь рядом с ним другие люди, они заметили бы и то, что мускулистая грудь мага так же недвижна, как и все его тело. Мрачный лик казался совершенно

безжизненным и скорее походил на страшную маску. Можно было решить, что жизнь покинула тело Тот-Амона.

В действительности так оно и было. Так и не сумев отыскать Корону Кобры в астральном плане, Тот-Амон высвободил свою «Ка» из темницы плоти и поднялся в более высокий план — план акаши. В этом бесплотном и зыбком мире законы времени не действуют. Прошлое, настоящее и даже туманное будущее предстают перед магом в виде четырехмерной карты. Здесь Тот-Амон смог «увидеть» прибытие к берегам Безымянного острова «Петреля», высадку команды Конана на берег, пробуждение бога-жабы, его гибель, похищение Короны Кобры и появление Конана на Черном Берегу. Увидев все это, Тот-Амон дозволил своей «Ка» вернуться в низкие космические планы. «Ка» необходимо вернуть, прежде чем она потеряет какую-либо связь с материальным телом.

Тот-Амон вновь вошел в свое тело и почувствовал, как инертная плоть вновь наполняется жизнью. Ощущение это походило на колотье в конечностях, возникающее при восстановлении в них нормальной циркуляции крови, разница состояла лишь в том, что охвачено им было все тело. Затем:

— Зароно! Менкара! — Голос Тот-Амона прогрохотал, словно гром.

— Что? — Зароно выскочил из своей кельи, на ходу одевая камзол. — Что случилось, мой повелитель? — За ним в комнату беззвучно вошел Менкара.

— Готовьтесь к походу. Вас ждет Черный Берег. Я смог узнать, где сейчас находится Корона Кобры и ваша принцесса. Они в Кулало — главном городе племен Юмы из Куша.

— Как они могли там оказаться? — поразился Зароно.

— Они оказались там благодаря твоему старому знакомому, Конану-киммерийцу.

— Опять этот проклятый варвар! Да я его...

— Если ты найдешь его, делай с ним что хочешь. Он мне не нравится — своей страстью к приключениям он мне немало крови попортил. И все же это не главное;

главное для вас — захватить принцессу. На таком большом расстоянии управлять ее сознанием не могу даже я.

— А как же Корона?

— Корону предоставьте мне.

— Вы решили отправиться с нами, сэр?

Тот-Амон презрительно улыбнулся.

— Да, но только не во плоти. Немногие маги способны на это, да и от меня это потребует отдачи всех сил. Но, как бы то ни было, я окажусь там куда раньше вас. Ну а теперь к делу — у нас нет времени! Собирайте вещи и отправляйтесь, не дожидаясь рассвета!

Конан чувствовал себя прескверно. Голова раскалывалась и от бананового ликера Юмы, и от тех ударов, которыми его свалили с ног. Он, безоружный и беспомощный, оказался в руках у работорговцев. Подобное бывало с ним и прежде, но никогда еще он не впадал от этого в такую ярость.

Судя по положению солнца, он не приходил в себя несколько часов. Кожа на руках и ногах его была содрана, видимо тело его тащили прямо по земле. Руки Конана были скованы тяжелыми кандалами. Сквозь разметавшиеся пряди волос он стал осматриваться, обращая особое внимание на количество и расстановку стражей.

К своему изумлению, среди снедаемых печалью чернокожих пленников он заметил и Хабелу. Как ни силился Конан понять, как здесь могла оказаться принцесса, но не мог. Сигурда среди пленников не было. Хорошо это или плохо, Конан пока не знал.

Вскоре на поляне появился высокий негр в серых одеждах работорговца, он сидел верхом на тощей кобыле. Жилистый и тощий, он походил на стражей, охранявших пленников, однако резкие черты лица говорили о том, что он для них чужеземец. Конан вспомнил о том, что говорил ему Юма о гханатах, племени, занимавшемся торговлей рабами. Гханаты были кочевым народом, живущим в пустынях у южных границ Стигии. Жители Шема и стигийцы часто угоняли в рабство гханатов и

других людей, живших в Куше и Дарфаре; те же, в свою очередь, занялись тем же промыслом, избрав местом охоты экваториальные джунгли.

Наездник остановил коня и обменялся несколькими фразами с человеком, возглавлявшим отряд, пленивший Конана. Охранник повернулся к своим людям, щелкнул кнутом и приказал поднять пленников.

Пленников выстроили в колонну по двое. Кандалы каждой пары скреплялись друг с другом так, чтобы никто не пытался бежать. Огромный киммериец, возвышавшийся над другими, глядел на стражей лютым зверем. Наездник обвел взглядом колонну пленных.

— Клянусь Замби, — проворчал он и смачно сплюнул, — за это дерьмо в Гамбуру мы вряд ли много выручим!

Его помощник согласно кивнул.

— Да, владыка Мбонани. Они вырождаются год от года. Видать, скоро совсем вымрут...

В тот же миг работорговец взмахнул плетью и опустил ее на плечо Конана. Стоило хлысту коснуться его кожи, как Конан молниеносным движением скованных кандалами рук схватил его и что было сил потянул на себя.

Потеряв равновесие, работорговец свалился к ногам Конана. Изрыгая проклятия, он вскочил на ноги и схватился за рукоять острого, как бритва, гханатского кинжала, больше походившего на небольшой меч.

Не успело оружие выйти из ножен, как Конан ударил работорговца в лицо, вновь повалив того наземь. Конан резко нагнулся, свалив с ног прикованного к нему черного пленника, и взял нож в руку. На него тут же набросился другой гханата, размахивавший над головой топором. Прежде чем топор опустился, киммериец вогнал кинжал в живот разбойника, пронзив его насквозь.

Выпучив глаза, охранник рухнул на землю. Поляна внезапно пришла в движение — со всех концов ее к Конану неслись воины в тюрбанах. Совладать с ними закованный в кандалы Конан уже не мог. Пятеро схватили его за руки, а трое стали лупить его по голове тяжелыми дубинками. Конан вновь потерял сознание.

Мбонани, с трудом сдерживавший обезумевшую от страха кобылу, смотрел на происходящее с нескрываемым интересом.

— Ну и ну! — довольно заметил он. — Такие парни, как этот, на дороге не валяются. И это тоже белый. Хотел бы я знать, какого черта им здесь нужно?

— Я уже говорил вам о нем, — заговорил помощник. — Здесь есть и белая женщина, вон она где стоит — видите?

— Да, эти двое стоят всех остальных, — ответил наездник. — Береги их как зеницу ока, Зуру, не то я с тебя шкуру спущу!

Конан с трудом поднялся на ноги, лицо его превратилось в кровавую маску. Мбонани подвел коня к нему и, дождавшись, когда Конан поднимет глаза, изо всех сил хлестнул его по щеке плетью.

— Это тебе за то, что ты убил моих людей, белый человек! — прокричал Мбонани.

От удара на лице остался рубец, но киммериец при этом даже не вздрогнул. Он смотрел на предводителя работорговцев недвижным, полным ненависти взглядом. Мбонани улыбнулся по-волчьи, оскалив свои белые зубы.

— Да, ты парень что надо! — довольно сказал он. — Если ты и дальше будешь так держаться, амазонки за тебя любые деньги дадут. Ну а теперь в путь!

Позвякивая кандалами, колонна пленников вышла на тропу, ведущую к Гамбуру.

Конан шел вместе со всеми. Железо, раскалившееся на солнце, жгло ему руки, его мучала жажда и донимали комары. «Интересно, куда же исчезла Корона Кобры», — подумал было киммериец, но тут же отогнал эту мысль прочь. Когда твоей жизни что-то угрожает, сокровища отходят на задний план — это он усвоил твердо.

Он заметил, что один из подсумков Зуру странно топорщится. Глаза Конана заблестели. Этот гханата, что так пресмыкался перед Мбонани, оказывается, себе на уме.

Колонна вышла из джунглей и шла теперь по порошему разнотравьем вельду. К вечеру следующего дня на горизонте показались каменные стены Гамбуру.

Конан с интересом рассматривал город. По сравнению с блистательным Аграпуром, столицей Турана, или даже Мероэ, столицей царства Куш, Гамбуру выглядел достаточно жалко. Однако в землях, где дома возводятся из глины и соломы, а городская ограда набирается из кольев, где города скорее походят на разросшиеся деревни, а деревни и вовсе неизвестно на что, — Гамбуру казался чем-то выдающимся.

Вокруг города была сложена невысокая — в два человеческих роста — стена. Внутрь каменного кольца можно было попасть через одни из четырех ворот, каждые из которых были оснащены сторожевыми башнями с бойницами для лучников. Створки ворот были сколочены из массивных бревен.

Конан обратил внимание на кладку. Некоторые камни совсем не обрабатывались, другие же были искусно обтесаны и покрыты затейливой резьбой, правда выглядели они так, словно тесали их не одну сотню лет назад. Звеня кандалами, колонна прошествовала в город через западные врата. Дома были сложены так же странно, как и городские стены. Строения по большей части были одно- и двухэтажными, крыты они были соломой. Нижние этажи в большинстве случаев были сложены из старинного резного камня, верхние же — выглядели убого, ибо свидетельствовали о явном упадке строительного искусства. На древних камнях то и дело появлялись схожие изображения — злобно ухмыляющиеся демонические лики, — правда, камни с этими изображениями могли лежать как попало: и на боку, и вверх ногами.

В древних городах Конан бывал не раз, и потому на сей счет у него были свои идеи. Некий народ — возможно, и не люди — некогда отстроил этот город. Через несколько веков городом завладели предки нынешних его обитателей. Он стал расстраиваться и перестраиваться, при этом в дело пошли не только новые, но и старые, уже

использовавшиеся камни. Способ же их укладки новые строители пытались позаимствовать у прежних, древних каменщиков.

Из-под копыт кобылы Мбонани поднимались облака пыли — мостовых в городе не было. Колонна вышла на главную улицу Гамбуру, по обе стороны которой стояли толпы народа, с интересом разглядывавшего рабов.

Конан изумленно смотрел то в одну, то в другую сторону. Как женщины, так и мужчины этого города выглядели весьма необычно. Женщины были высоки и хорошо сложены, повадкою своей они походили на пантер; более того, на нагих их бедрах поблескивали бронзовые мечи. Головы их были украшены павлиньими перьями, на ногах и руках сверкали браслеты.

Мужчины являли собой нечто донельзя жалкое — все они были куда ниже женщин и, похоже, занимались исключительно грязной работой: уборкой улиц, переноской тяжестей и тому подобное. Конану, который был высоким даже по киммерийским меркам, они казались детьми.

Колонна миновала базар, пестревший яркими тентами, и по широкой улице вышла на главную площадь. За этим огромным открытым пространством на расстоянии полета стрелы стоял изрядно обветшавший и все же впечатляющий королевский дворец, сложенный из бурого песчаника. По обе стороны от его центральных врат стояли массивные приземистые скульптуры, выполненные из того же материала. Судя по пропорциям, статуи эти изображали не людей, но нечто совершенно иное — они обветшали настолько, что об этом можно было лишь гадать. Это могли быть и совы, и обезьяны, и неведомые доисторические чудища.

Внимание Конана привлекла странная яма, расположенная в самом центре площади. Эта достаточно неглубокая впадина имела в ширину не меньше ста футов. Края ямы были образованы рядом концентрических колец, напоминавших каменные скамьи амфитеатра. Дно ямы было посыпано песком, кое-где поблескивали оставшиеся от недавнего дождя лужи. В самом центре песчаного круга стояла небольшая группа деревьев.

Подобную арену Конану еще не доводилось видеть. Он еще не успел толком рассмотреть ее, как его вместе с остальными пленниками затолкали в загон для рабов. Здесь пленники и провели ночь.

Даже то немногое, что успел увидеть Конан, его изрядно смутило. Песок вокруг странных деревьев был усыпан костями — и не просто костями, а костями людей, — отчего место это походило на лежбище льва-людоеда.

Увиденное настолько поразило Конана, что думать о чем-то ином он уже не мог. Он слышал о том, что жители Аргоса иногда отдают преступников на съедение львам; однако там, в Мессантии, арена устроена таким образом, что хищники не могут перепрыгнуть через стену, отделяющую их от трибун, на которых находятся зрители. Здесь же все устроено совершенно иначе — льву ничего не стоит выбраться из ямы.

Чем дольше Конан думал об этом странном обстоятельстве, тем тяжелее становилось у него на душе.

Глава 13
КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Над приземистыми каменными башнями города амазонок вставало солнце. Торги не заставили себя ждать, ибо в этих тропических широтах солнце поднимается быстро. Едва солнце показалось над горизонтом, Конана, Хабелу и других пленников вывели из загона и погнали на базар. Пленников по очереди раздевали и ставили у стены, возле которой и происходили торги. Затем рабов уводили их хозяева.

Все покупатели были женщинами, ибо, как уже успел заметить Конан, в Гамбуру вся власть принадлежала им. Высокий худой Мбонани бесстрастно наблюдал за тем, как торгуется с покупателями его помощник Зуру. Женщины относились к гханатам с куда большим почтением, нежели к собственным мужчинам, — они уважали их за ту искусность, с которой те излавливали рабов.

Настал черед Хабелы. Несчастная принцесса пыталась прикрыть руками свое нагое тело. Зуру попросил присутствующих называть цену.

— Пять квиллов, — раздался голос из-за задернутых занавесок паланкина.

Зуру оглядел присутствующих и провозгласил:

— Продано!

Поскольку и торговцы, и покупатели говорили на общепринятом для южных стран жаргоне, Конан прекрасно понимал их. Его поразило то, что никто не стал повышать столь низкую цену. Квиллами назывались перья из хвоста тропических птиц, которые, казалось, были усыпаны золотой пылью. В стране амазонок деньги были чем-то неведомым. Конан нисколько не сомневался в том, что прекрасная принцесса должна была стоить много дороже. Видимо, лицо, скрывавшееся в паланкине, было настолько влиятельным, что никто попросту не осмеливался торговаться с ним или, точнее, с ней, — поправил себя Конан.

Киммериец едва держался на ногах, он был голоден и зол. Вся голова его была покрыта шишками и ссадинами. Целый день его заставляли идти под палящим солнцем; ни еды, ни питья, ни сна толком не было. Конан походил на льва, у которого разнылись зубы, — так он был взвинчен. Когда один из работорговцев дернул его за цепь, предлагая тем самым подняться на помост для всеобщего обозрения, киммериец едва не сорвался.

Еще пару лет назад Конан не стал бы думать о последствиях, он без лишних мыслей свернул бы этому человеку голову. Но со временем жизнь его от этого отучила. Разумеется, он мог убить и этого стража, и тех, кто придет к нему на помощь, но со всеми, конечно, ему было не совладать. Встречаться с непокорным рабом этим мародерам было не впервой. Оружием же они владели так искусно, что почти каждый из них мог с десяти шагов метнуть копье так, чтобы оно пролетело сквозь кольцо, образованное большим и указательным пальцами, даже не оцарапав кожи.

Конан успел бы расправиться с двумя-тремя воинами, на большее же у него попросту не хватило бы времени,

он не успел бы издать даже боевой клич. Кто же в таком случае будет заботиться о Хабеле? Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но он чувствовал себя ответственным за нее, и с этим он ничего не мог поделать. Ему не оставалось ничего другого, как только жить.

Киммериец сощурил глаза и плотно сжал губы, пытаясь сдержать себя; в висках у него стучало. Он поднялся на помост, дрожа от ярости. Стоявший неподалеку гханата решил, что дрожь эта вызвана страхом, и что-то зашептал на ухо своему товарищу, улыбаясь все шире и шире. Конан смерил его таким взглядом, что улыбка тут же слетела с его лица.

— Давай раздевайся! — скомандовал Зуру.

— Без твоей помощи я не смогу снять свои ботинки, — спокойно произнес Конан. — Мои ноги онемели. — Киммериец сел на край помоста и протянул ногу Зуру.

Зуру злобно заворчал и схватился за ботинок. Тот никак не подавался. Второй ногой Конан уперся в зад Зуру и, расслабив ту ногу, за которую его держал гханата, неожиданно толкнул его с такой силой, что тот вместе с ботинком плюхнулся в лужу.

Завопив от злости, гханата вскочил на ноги. Выхватив кнут из рук одного из стражей, он понесся на Конана, сидевшего как ни в чем не бывало на краю помоста.

— Ну, белый пес, погоди! Сейчас я до тебя доберусь! — закричал Зуру, неистово размахивавший кнутом.

Однако стоило бедняге приблизиться к Конану, как тот тут же поймал кончик кнута и, не вставая с помоста, с силой потянул кнут, а вместе с ним и Зуру, на себя.

— Ты бы, крошка, поумерил свой пыл — того и гляди, товар испортишь!

Вожак работорговцев так же спокойно наблюдал за происходящим. Едва сдерживая улыбку, он обратился к Зуру:

— Зуру, белый пес прав. Хорошим манерам его теперь будет учить новый хозяин.

Зуру, совершенно потерявший от ярости голову, не услышал даже своего господина. Издав пронзительный вопль, он выхватил из-за пояса нож. Конан поднялся на

ноги и изготовился ко встрече с противником, решив использовать в качестве оружия кандалы.

— Стойте! — раздался властный голос, принадлежавший амазонке, купившей Хабелу. Голос этот был исполнен такой силы, что замер даже совершенно ошалевший Зуру.

Блеснув перстнями, черная рука раздвинула муслиновые занавески, скрывавшие вельможную особу от глаз простолюдинов. Черная женщина сошла с паланкина на землю. Конан замер от восхищения.

Женщина эта была почти такого же роста, как и сам Конан, она вряд ли уступала ему и в силе. Она была черной, как жженая слоновая кость, а кожа ее была нежной, как шелк, и так же нежно, как шелк, отсвечивала она на солнце, ласкавшем ее упругую грудь и гладкие бедра. Украшенная драгоценными каменьями шапочка несла на себе плюмаж из страусиных перьев, выкрашенных в персиковый, розовый и изумрудный цвета. Огромные рубины поблескивали у нее в ушах; шея же ее была украшена жемчужными ожерельями. Мягко позванивали золотые браслеты на ее руках и ногах. Единственным ее одеяньем была короткая юбка, сшитая из шкуры леопарда и едва прикрывавшая ее чресла.

Нзинга, королева амазонок, не отрывала от Конана глаз. Базар затих. Губы королевы раздвинулись в томной улыбке.

— Десять квиллов за белого великана.

Иных ставок сделано не было.

Рабская участь, выпавшая на долю принцессы, была невыносима ей. Достаточно скверным было хотя бы то, что она, избалованная дочь могущественного монарха, теперь должна была исполнять все желания черной королевы. Еще больше ужасало ее то, что рабы не могли носить одежду, — этим правом обладали только свободные люди.

Она спала в комнате для прислуги; на соломенном тюфяке, кишевшем блохами. С первыми лучами солнца грубая женщина-надсмотрщик будила рабынь, и те тут же

приступали к трудам — они готовили пищу и убирали комнаты, мели дорожки и мыли полы, стирали и накрывали на стол. Конан, некогда плававший под флагом Зингары, был непременным участником всех пиров, — развалясь на плоских матах, он попивал банановое вино и лакомился пирогами с рыбой и всевозможными сладостями, что чрезвычайно раздражало Хабелу.

От ее былого уважения к доблестному киммерийцу не осталось и следа. Слово «джиголо» было ей неведомо, но она прекрасно понимала, в чем тут дело. Конан согласился принять роль первого любовника королевы и потому вызывал у Хабелы разве что презрение. «Ни один сколь-нибудь достойный мужчина, — говорила она себе, — не падет столь низко, не станет у с л а ж д а т ь себя этой позорной службой». Жизнь пока не научила принцессу тому, что в совершенстве освоил Конан, — в некоторых случаях приходится мириться с тем, что есть, ибо другого не дано.

В этом страшном городе Конан был единственным, кого она могла назвать своим другом; у нее были все основания для того, чтобы относиться к нему иначе, но иногда — в те минуты, когда их никто не видел, — Конан таинственно подмигивал ей и едва заметно кивал головой, словно пытаясь ободрить и как-то поддержать ее. Он словно хотел сказать ей: «Не печалься, девочка. Как только представится случай, мы сбежим отсюда».

Впрочем, даже Хабела не могла не согласиться с тем, что королева Нзинга была женщиной замечательной. Девушка пыталась представить себе, что же делают любовники в постели, но об этой стороне человеческой жизни она пока ничего не знала, и потому вставшие в ее сознании образы были весьма далеки от реальности. Она не понимала и того, что в спальне властвует не эта блистательная черная львица, но он — Конан-киммериец.

Подобные отношения были внове и для королевы Нзинги. Ее собственный житейский опыт и весь уклад жизни в ее королевстве приучили королеву к тому, что женщины стоят куда выше мужчин. Трон из слоновой кости неизменно принадлежал женщинам — до Нзинги страною правили сто королев. И все они относились к мужчинам с крайним презрением, используя их только как слуг или любовников и избавляясь от них, стоило тем

обессилеть или надоесть. Нзинга относилась к мужчинам точно так же.

До того как во дворце появился этот огромный киммериец, она легко управлялась с мужчинами. С Конаном же совладать было невозможно — воля его была тверда как сталь, сам же он был рослее и сильнее ее. То, что испытывала в его объятьях черная амазонка, сравнить с чем-либо было невозможно — день ото дня страсть ее разгоралась со все новой и новой силой.

Теперь она ревновала его ко всем женщинам, с которыми его могла связывать близость. Киммериец отказывался говорить с королевой на эту тему и только улыбался, выслушивая ее расспросы.

— А эта белая девка, которую гханаты привели сюда вместе с тобой? Наверное, ты и с ней спал? Она ведь такая пышная, такая мягкая! Вряд ли ты прошел бы мимо нее! Ты скорее на меня бы не посмотрел!

Глядя на то, как сверкают глаза и сотрясается тяжелая грудь черной королевы, Конан мысленно согласился с тем, что с тех пор, как ушла его первая любовь Черная Пиратша Белит, он никогда не встречал женщины более замечательной, чем эта. Он знал теперь и о том, что королева ревнует его к Хабеле, — и потому он должен был вести себя крайне осмотрительно. Если ему не удастся развеять подозрения Нзинги, принцесса непременно пострадает. Королеве ничего не стоило уничтожить того, кто — как ей казалось — хоть как-то мешал ей.

С этих пор Конан думал только о судьбе принцессы. Неосторожное слово или необдуманный поступок могли привести к беде.

Когда королева вновь завела речь о принцессе, Конан зевнул и с видимой скукой в голосе сказал:

— Хабела? Я эту девочку почти не знаю. Она из благородных, а у благородных свои понятия о чести. Только подойди я к ней, и ее бы уже не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она бы убила себя — их к этой мысли с детства приучают.

— Я тебе не верю. Ты, наверное, хочешь ее защитить!

Конан обнял Нзингу и повалил ее на мягкое ложе. Развеять ее подозрения он мог только так...

Глава 14

ПОД ПЛЕТЬЮ

Прошло еще несколько дней. И затем...

Нзинга восседала на подушках в своем серале. Вот уже два дня белая рабыня Хабела Зингарская исполняла самую тяжелую и грязную работу. Нзинга устроила так, что все это происходило на глазах у киммерийца.

Понимая, что королева внимательно наблюдает за ним, Конан старался казаться безразличным, хотя то и дело его подмывало вступиться за несчастную принцессу.

Так и не сумев добиться от киммерийца определенной реакции, черная королева решила прибегнуть к последнему средству, которое должно было открыть его истинные чувства. Она объявила о том, что устраивает пир для амазонок-офицеров — огромных, покрытых шрамами суровых женщин, в которых, на взгляд Конана, женственности было не больше, чем в боевом топоре.

Во время пира зингарская девушка должна была прислуживать и своей госпоже, и ее избраннику. Хабела стала ходить вокруг стола, разливая вино, и тут одна из амазонок подставила ей подножку.

Вскрикнув, девушка потеряла равновесие — несколько гостей оказались облитыми вином. Одна из них, дородная амазонка по имени Тута, изрыгнув проклятия, вскочила на ноги и что было сил ударила Хабелу в лицо. Девушка упала на земляной пол.

Глаза амазонки загорелись хищным огнем — вид лежащей перед ней нагой белой рабыни привел ее в ярость. В звенящей тишине она, словно пантера, метнулась к своей жертве. Грубая мускулистая рука выхватила из ножен тонкий бронзовый кинжал.

В комнате стояла полная тишина. Тута, лицо которой горело жаждой крови, склонилась над рабыней и занесла над ней смертоносный клинок.

Хабела замерла, ожидая удара. Она понимала, что спастись она может только бегством, но на это у нее уже не было сил — страх и беспросветность ее нынешней жизни лишили ее самое желания жить. Она могла лишь бес-

помощно наблюдать за происходящим. Миг — и клинок вонзится в ее грудь...

Но тут амазонка застыла — кто-то железной хваткой схватил ее за запястье и шею. Сила, с которою чудовищные руки сжимали ее, сковала ее движенья так же, как вид клинка сковал белую рабыню. Тихо звякнув, кинжал упал на землю. Легко оторвав амазонку от земли, Конан швырнул ее через всю комнату так, что та распласталась у дальней стены.

Конан прекрасно понимал, чем это может для него закончиться, и тем не менее не мог поступить иначе — расчет Нзинги оказался верным. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как убивают дочь короля Фердруго, пусть Нзинга и рассматривала его поступок как доказательство того, что белая рабыня была ее соперницей, и королевский гнев теперь должен был пасть на них обоих. Он заставил себя рассмеяться.

— Вряд ли королева Гамбуру столь расточительна, чтобы расставаться с рабами из-за нескольких капель пролитого вина! — громко сказал киммериец, пытаясь казаться веселым.

Королева Нзинга смерила его ледяным взглядом. Взмахнув рукой, она приказала Хабеле покинуть комнату. Напряжение спало. Конан вернулся на прежнее место. Кувшины с вином вновь пошли по кругу, и вскоре за столом было так же шумно, как и прежде.

Конан надеялся на то, что все самое страшное позади. То и дело он подливал вина в бокал, стараясь как-то отвлечься. Но он не мог не заметить того, что время от времени королева бросала на него взгляды, полные ненависти и презренья.

Стоило Хабеле покинуть королевские покои, как вокруг нее обвились черные руки. Не успела она вскрикнуть, как рот ее был заткнут кляпом. Тут же ей завязали глаза и накинули на голову мешок, руки завели за спину и туго стянули кожаными ремнями. Чьи-то крепкие мускулы оторвали ее от земли и понесли по извилистым коридорам и крутым лестницам в ту часть дворца, в которой она не бывала ни разу. Здесь ей развязали руки, для того чтобы тут же связать их снова — на этот раз над головой, —

их привязали к медному кольцу, висевшему на тяжелой, спускающейся с потолка цепи. Принцесса осталась одна.

Ремни туго стягивали запястья, и оттого руки ее совершенно онемели. Тело Хабелы легонько покачивалось. Теперь она молила бога об одном — чтобы Конан как-то узнал о ее бедственном положении.

Конан был так же беспомощен, как и принцесса. Он лежал на подушках возле обеденного стола. Глаза его были закрыты, голова откинута назад. Его храп походил на рокот далекого грома. Несмотря на то что выпил он не так уж много, им вдруг овладела странная усталость. Ему на ум пришла мысль о том, что Нзинга отравила его, и с этой мыслью он забылся таким крепким сном, что его не пробудило бы и землетрясение.

Взглянув на него, Нзинга приказала вынести его из комнаты. Сама же она направилась к той камере, где висела подвешенная к потолку Хабела. Чем дальше она шла, тем сильнее разгоралось в ней пламя гнева, глаза ее сверкали нетерпением и злорадством.

Королева сорвала мешок с головы Хабелы и вынула из ее рта кляп. Принцесса увидела перед собой сверкающие глаза и кровожадную улыбку королевы. Хабела завизжала, не в силах совладать со страхом.

Черная амазонка рассмеялась:

— Все белые так кричат, когда меня видят! Зря стараешься — тебе это не поможет.

Нзинга сладострастно посмотрела на нежное тело своей жертвы. На крюках, вбитых в стену, висели разнообразные орудия пыток. Королева остановилась на плетке, вырезанной из упругой кожи бегемота. Округлившимися от ужаса глазами принцесса смотрела на длинную плеть, подобно змее легшей кольцами у ног королевы. Королева вновь засмеялась:

— Губы Конана тебя не коснутся — целовать тебя будет моя плетка. И ласкать тебя будет тоже она, а не его руки!

— Что я вам сделала? За что вы меня так мучаете?

— Прежде чем встретиться со мной, Конан любил тебя! — зарычала Нзинга. — Никогда у меня не было такого мужчины. Но он обнимал и тебя, и твою белую

грудь он покрывал поцелуями! В этом я уверена, и знание это не дает мне покоя... Когда тебя не станет, вся его любовь будет принадлежать мне! Я сделаю его королем Гамбуру — этой чести вот уже тысячу лет не удостаивался ни один мужчина! — Нзинга расправила хлыст.

— Но ведь это неправда, — застонала Хабела. — Он никогда даже не касался меня!

— Ты лжешь! Когда тебя поцелует плеть, ты скажешь мне всю правду!

Нзинга взмахнула рукой, и плеть обвилась вокруг талии Хабелы. Девушка закричала, пронзенная болью. На теле ее остался алый рубец, из которого тут же проступила кровь.

Нзинга неспешно завела руку за спину, готовясь нанести следующий удар. Слышно было только хриплое дыхание принцессы.

Вновь запела плеть; истошный крик вырвался из уст девушки, когда кожаная змея обожгла ее чресла. Нзинга сладострастно наблюдала за тем, как корчится перед нею белая рабыня. Она ударила еще раз; на темном ее теле выступили капельки пота. И вновь камера огласилась истошным криком. Королева засмеялась и облизнула свои полные губы.

— Вам бы все визжать да хныкать! Никто тебя не услышит! А если и услышат, то вряд ли осмелятся помочь тебе! Я усыпила Конана, он будет спать еще несколько часов. Так что ты не надейся!

Лицо Нзинги горело дьявольской страстью. Огромная амазонка любовалась кровавыми рубцами, покрывавшими тело рабыни. Она вновь взмахнула плетью, желая излить всю свою извращенную страсть, пока эта белая рабыня не испустит последнего вздоха.

Хабела не могла и вообразить, что тело ее способно вынести такие пытки. Привыкшая к роскоши и праздности принцесса никогда еще не испытывала настоящей боли. Не только боль, но и стыд мучил ее. Единственная дочь гордого старого короля, она привыкла слушать только себя и ни перед кем не склоняла головы. Подобно тому как плоть ее терзалась ударами хлыста, душа ее страдала от унижения.

Зингарская знать обычно держала черных рабов, при
везенных с юга работорговцами Стигии и Шема; Хабел
знала, что их наказывают так же сурово и зачастую та
же несправедливо. Но никогда ей в голову не приходилс
что когда-нибудь господа могут поменяться с рабами мес
тами, — эта черная женщина обращалась с ней так, словн
принцесса была последней рабыней на какой-нибудь зин
гарской плантации.

Удар следовал за ударом. Кровавый морок встал пере
глазами Хабелы, и тут вдруг она увидела какой-то свер
кающий предмет, что лежал на маленьком стульчике, сто
явшем у стены. Это была золотая корона, инкрустиро
ванная тысячами каменьев, походившая на свернувшуюся
кольцами змею. Ну конечно! Перед ней была Корона
Кобры, которую Конан нашел в черном храме, стоявшем
посередь Безымянного острова. Она попыталась сосредо
точиться на Короне и тем облегчить страдания...

Она вспомнила о том, что Корона была похищена у
Конана в Кулало. Но когда же это было? Ей казалось,
что с той поры прошли годы. Непонятно только, как
Корона оказалась здесь. Работорговцы, пленившие ее и
Конана, должны были забрать ее у вора.

Нзинга прервала экзекуцию, для того чтобы немного
передохнуть и выпить вина. Не прошло и минуты, как
она снова взялась за плеть. Хабела приготовилась к но-
вому удару и широко открыла глаза. И тут она увидела
нечто в высшей степени странное.

За полуголой Нзингой возникло какое-то свечение.
Оно походило на блуждающие огоньки, что порой заго-
раются на пустынных, населенных духами болотах.

Светящееся пятно увеличивалось в размерах и горело
все ярче. Через несколько секунд оно приняло форму
веретена высотою в человеческий рост.

От изумления Хабела открыла рот. Нзинга, заметив,
что рабыня изумленно уставилась на что-то, находящееся
у нее за спиной, резко развернулась. В тот же миг веретено
вспыхнуло изумрудным пламенем и исчезло. На его месте
стоял человек.

Человек этот был высок и статен; лицо его было смуг-
лым и походило на бронзовую маску. Над орлиным носом
поблескивали живые темные глаза. Похоже, что недавно

он был обрит наголо, из-под коротких черных волос виднелась кожа. Человек был одет в простую белую мантию, сшитую из полотна, что оставляла открытыми его мускулистые руки.

Тот-Амон выглядел куда старше, чем в ту пору, когда Зароно и Менкара появились в его дворце. Смуглый лоб его был покрыт капельками пота — магическая процедура, позволившая ему перенестись из Оазиса Хаджар в Гамбуру, отличалась особой сложностью, она была доступна лишь избранным членам братства магов. Ментальное усилие, необходимое для такого переноса, требовало полной отдачи всех сил даже от такого великого мага, каким был Тот-Амон.

Нзингу поразило то, что незнакомец, принадлежавший к презренному племени мужчин, появился в камере пыток без объявления. Подобная наглость потрясла Нзингу, и она тут же решила казнить непрошеного гостя. Замахнувшись на него плетью, она собралась звать стражу.

Стигиец наблюдал за ней с загодочной улыбкой на устах. Стоило плети взмыть в воздух, как он простер руку в направлении королевы. Яркие изумрудные лучи вырвались из его пальцев, залив своим сиянием черное тело Нзинги Гамбурской.

Королева пронзительно закричала, скорчилась, словно от удара, и повалилась на земляной пол. Лучи тут же поблекли и исчезли.

Хабела сделала вид, что падает в обморок, — голова ее упала на грудь, и густые черные волосы прикрыли ее лицо.

Тот-Амон даже не посмотрел на нее. Он решил, что видит перед собой обычную белую рабыню, которую хозяйка решила наказать за некую провинность, и потому счел излишним интересоваться ею. Он никогда не видел Хабелу во плоти, и потому узнать ее ему было трудно — знал бы он, что перед ним находится та самая принцесса, за которой Менкара и Зароно охотились по всему Черному Берегу! Маги совершают ошибки ничуть не реже, чем самые обычные люди.

Когда Тот-Амон послал свою «Ка» в мир акаши, Конан и Хабела были еще в Кулало, а Бвату еще не похитил Корону Кобры. Будущее же представлялось достаточно

неясным, ибо вариантов развития событий было слишком много даже для его, Тот-Амона, пытливого ума.

После того как его добровольные слуги отправились на поиски принцессы, Тот-Амон решил еще раз взглянуть в магический кристалл. Ему необходимо было знать точное местонахождение Короны Кобры еще до начала магического действа, которое позволило бы ему перенестись в пространстве. Поскольку в конечной точке он мог пробыть достаточно недолго, он хотел оказаться как можно ближе к столь вожделенной им Короне.

В то же самое время Бвату выкрал Корону и был убит работорговцами. Зуру спрятал Корону и вместе с ней появился в Гамбуру, где королева Нзинга отвалила ему за нее столько квиллов, что их хватило бы ему до скончания лет. Так — к собственному изумлению — Тот-Амон обнаружил, что Корона находится не в Кулало, но в Гамбуру.

Все это время он не вспоминал ни о Конане, ни о Хабеле. Он нисколько не сомневался в том, что принцесса находится в Кулало и поныне и что Зароно и Менкара легко найдут ее. Впрочем, как бы то ни было, чары, перенесшие его в Гамбуру, не позволяли ему прихватить с собой еще одно одушевленное существо.

Что касается Конана, то маг и вовсе не принимал его всерьез — киммериец представлялся ему чем-то вроде назойливого москита. Окажись Конан на его пути, Тот-Амон раздавил бы его, словно насекомое, заниматься же его поисками сознательно магу и в голову не приходило. В его игре были куда большие ставки, чем жизнь какого-то пирата.

Сосредоточь Тот-Амон свое внимание на Хабеле, он тут же признал бы ее в белой рабыне. Но сейчас он думал только о Короне Кобры. Лицо его озарилось радостью, когда он узрел вожделенный предмет на стульчике. Перешагнув через бесчувственное тело королевы амазонок, маг приблизился к Короне. Осторожно взяв ее в руки, он поднес ее к лицу и стал рассматривать, любуясь тем, как играет на гранях бесчисленных кристаллов свет факела, нежно ощупывая плавно переходящие одно в другое змеиные кольца.

— Ну наконец! — с облегчением выдохнул маг, в глазах его заплясали алчные огоньки. — Теперь весь мир

будет у моих ног! Священный завет великого Сета будет единственным законом этого мира!

Зловеще улыбнувшись, Тот-Амон произнес тайное слово и сделал странный жест. Ярко вспыхнул изумрудный огонь, и маг тут же исчез. Свет померк, сменившись едва заметным призрачным свеченьем, но вскоре погасло и оно.

На земляном полу возле ног Хабелы лежало бездыханное тело черной королевы. Принцесса потихоньку приходила в себя. Оказалось, что она может стоять на цыпочках, при этом боль в запястьях стихала. Ремни были затянуты туго, но покрывшиеся обильным потом запястья теперь могли скользить в них. Хабела попыталась высвободить сначала одну руку, затем — другую, но у нее ничего не получалось. Прошло бесконечно много времени, прежде чем рука выскользнула из пут; освободить вторую руку было уже несложно.

Обессилевшая Хабела повалилась на пол. Руки ее так затекли, что она не могла пошевелить пальцами. Однако вскоре она почувствовала, как в руки ее вонзились тысячи раскаленных игл. Принцесса стала постанывать от боли, но тут же заставила себя замолчать — ее стоны могли разбудить черную королеву.

Вскоре руки стали слушаться ее. Хабела встала и посмотрела на простершееся у ее ног тело Нзинги. Грудь королевы то вздымалась, то опадала — казалось, что она спит.

Хабела подошла к стене, возле которой стоял кувшин с вином, поставленный сюда Нзингой. Она стала жадно пить сладковатую прохладную жидкость, и каждый глоток придавал ей сил.

Она вновь посмотрела на бесчувственное тело королевы, ища глазами кинжал. Ничего не хотелось ей так сильно, как вонзить клинок в эту роскошную грудь. Принцесса дрожала от ненависти: чувство ее было так сильно, что казалось, одно оно способно лишить жизни это чудовище.

Но тут Хабела задумалась. Во-первых, она не знала, насколько крепок сон Нзинги. Если она попытается достать кинжал из ножен, сильная и ловкая Нзинга,

проснувшись, заколет этим кинжалом ее, принцессу, или же призовет на помощь стражниц. Но даже если Нзинга и не проснется, принцесса сможет нанести ей только один удар, если же он не будет смертельным, на крик своей королевы сюда сбегутся амазонки.

Удерживало ее от убийства не только это. Рыцарский кодекс Зингары, который она впитала с молоком матери, запрещал убивать спящего неприятеля. Разумеется, зингарцы нарушали свой кодекс чести не реже, чем выходцы из других народов, но Хабела тем не менее старалась всегда следовать ему, тем более что она принадлежала к королевскому роду. Если бы попытка убить королеву не была связана с опасностью для ее собственной жизни, принцесса могла бы поддаться чувству и преступить закон, но вот сейчас...

Быстрыми шагами принцесса подошла к шторе, скрывавшей выход из камеры. Собравшись с духом, она ступила в обступавшую ее со всех сторон тьму.

Факелы, освещавшие камеру, догорали. Их красноватый свет освещал пустое кольцо, подвешенное к потолку, окровавленный хлыст и раскинувшееся на полу грузное черное тело.

Глава 15
ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Стоило Хабеле покинуть камеру пыток, как она в растерянности остановилась. В этой части дворца она никогда не бывала и потому не имела ни малейшего представления, куда же ей следует двигаться, — менее всего она хотела вновь оказаться в руках королевы.

Глядя на пустой, вымощенный камнем коридор, принцесса решила, что она, скорее всего, оказалась в подземном лабиринте, который, по слухам, находился прямо под дворцом королевы амазонок. По всей видимости, вход в эту часть замка усиленно охранялся, и потому принцесса в любую минуту могла наткнуться на стражниц. Выбрав путь, который вроде бы вел вверх, она зашагала по нему скорым шагом.

В подземелье было тихо: где-то далеко капала вода, время от времени под ногами раздавался едва слышный шорох — это разбегались мыши. Кое-где на стенах были развешены бронзовые светильники, наполнявшие коридор мерцающим желтоватым светом. Светильники эти находились так далеко друг от друга, что подолгу приходилось идти едва ли не в полной темноте. На этих темных переходах принцессу то и дело встречали красные бусинки мышиных глаз, удивленно взиравших на нее.

В этой зловещей тишине и темени принцесса казалась себе белесым привидением; ей было страшно — нервы ее были напряжены до предела. Хабеле казалось, что незримые глаза постоянно следят за нею; как она ни старалась, это неприятное ощущение не покидало ее ни на минуту.

Коридор то искривлялся, то раздваивался, то резко уходил в сторону. Какое-то время принцесса пыталась осознанно выбирать тот или иной путь, но вскоре она поняла, что уже давно бредет наугад. Разумеется, назад она пока могла вернуться, но встретиться с Нзингой вновь было превыше ее сил. Оставалось одно — идти вперед наудачу, моля Митру о том, чтобы он вывел ее под открытое небо.

Проплутав какое-то время, Хабела вышла к подземным застенкам. По обеим сторонам прохода виднелись медные решетки, за которыми можно было разглядеть пленников. Некоторые из них рыдали, некоторые постанывали, но по большей части они не издавали ни звука.

Девушка заглянула в несколько камер. Увиденное подействовало на нее так сильно, что дальше она шла, глядя в землю, и старалась не смотреть по сторонам. Иные пленники исхудали настолько, что стали походить на живые скелеты. Иные смотрели на нее горящими безумными глазами. Грязные их тела были покрыты бесчисленными язвами. Тела умерших обгладывали крысы, жившие здесь во множестве.

Свернув за угол, Хабела замерла от изумления — она стояла перед камерой, в которую был заключен Конан-киммериец. Тело его лежало на ворохе сена. «Одно из двух, — подумала Хабела, — либо я схожу с ума, либо это действительно он, пират-великан».

Да, это действительно был киммериец. Он лежал так тихо, что казался мертвым. Однако, присмотревшись, принцесса увидела, как вздымается его грудь. Похоже, Конан находился в глубоком забытьи.

Хабела тихо позвала его по имени, но в ответ услышала только храп. Она дернула на себя решетчатую дверь — та была заперта.

Что же ей теперь делать? В любой момент сюда могут нагрянуть стражницы Нзинги, которые тут же заметят ее. Хабела вспомнила, как этот отважный пират спас ее там, на Безымянном острове, и решила попытать счастья еще раз.

Она вновь назвала его по имени. И тут взгляд ее упал на глиняный кувшин, стоявший у стены. В кувшине была вода, предназначавшаяся, судя по всему, для заключенных.

Хабела приподняла кувшин и подтащила его к камере киммерийца. К счастью, Конан лежал так, что голова его находилась прямо возле решетки.

Зингарская принцесса могла вылить содержимое кувшина прямо на лицо спящего киммерийца, что она не замедлила сделать. Конан стал кашлять и, наконец, чертыхнулся. Он застонал и сел, глядя по сторонам ничего не понимающим взглядом.

— Клянусь ледяными адами Имира, — начал было он, но тут заметил бледное испуганное лицо нагой зингарской принцессы. Конан тут же пришел в себя. — Ты? Во имя Крома, скажи мне: что происходит? — Изумленно посмотрев по сторонам, Конан продолжил: — Как это меня угораздило попасть в этот ад? Где мы? Что происходит? Моя голова раскалывается так, словно все демоны Преисподней пинают ее ногами...

Девушка кратко поведала киммерийцу о всех ее злоключениях. Конан внимательно слушал ее, потирая рукой подбородок и недовольно щурясь.

— Стало быть, Нзинга отравила меня? Как же я об этом не подумал, разрази гром ее черное ревнивое сердце! Она хотела, чтобы я спал все то время, пока она будет разбираться с тобой. Видно, она решила, что королевские покои меня вряд ли смогут удержать, — подземелье, оно как-то надежней... — Киммериец ткнул пальцем в сено, на котором он только что лежал, и засмеялся: — По здеш-

ним меркам это роскошь. Похоже, Нзинга решила так: с тобой она расправится, ну а я останусь с ней в прежней роли, — отсюда и эта трогательная забота.

— Что же нам теперь делать, капитан Конан? — спросила принцесса, едва не плача. Запас ее храбрости уже подходил к концу.

— Что делать? — Конан что-то проворчал себе под нос и сплюнул. — Пора мне отсюда выходить. Отойди-ка от двери.

— Что ты говоришь? У меня ведь нет ключа!

— К черту ключи! — проревел киммериец, схватившись своими ручищами за один из прутьев решетки. — Эти прутья сделаны из мягкого металла, да и лет им немало. За то время, что они здесь простояли, они прогнили наполовину. Так что ключи мне ни к чему. Отойди от решетки!

Уперевшись ногой в решетку, Конан напрягся и потянул на себя прут, изъеденный временем. Страшная сила, дремавшая до времени в его плечах, спине и руках, наконец нашла себе применение. Дыхание его стало хриплым; лицо потемнело. Капельки пота, выступившие у него на лбу, засверкали в свете факелов. Мускулы киммерийца казались отлитыми из бронзы.

Хабела глубоко вздохнула и прикусила губу.

Прут со скрипом вышел из паза дверной рамы и изогнулся. Киммериец потянул его на себя с удвоенной силой, и тут же со страшным треском прут лопнул — звук этот походил на щелчок огромного кнута.

Конан швырнул его в ворох сена и, прислонившись к стене, перевел дух. Он протиснулся боком через образовавшийся пролом и оказался в тюремном коридоре.

Хабела смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ну и силища у тебя! — едва выговорила она.

Конан принялся массировать руки.

— К счастью, такое мне не каждый день приходится делать, — сказал он с усмешкой. Посмотрев в глубь коридора, киммериец недоуменно спросил: — И куда же нам теперь идти? Где здесь выход? Слушай, а кто это тебя так отхлестал? Неужели Нзинга?

Хабела кивнула и стала рассказывать о том, что произошло после того, как она вышла из гостиной. Глаза Конана наполнились блеском.

— Странная история, — сказал он, — и самое странное в ней — появление стигийского мага; в том, что это был именно маг, я нисколько не сомневаюсь. Колдунов этих мне доводилось встречать и прежде. Хотелось бы знать, кто же именно завладел Короной Кобры. Ты уверена, что это был не Менкара? Тот монах, что таскался повсюду вместе с Зароно?

Хабела покачала головой.

— Нет. Пока я была на «Петреле», я видела его не раз. Менкара невысок и худ, говорит же он словно нехотя. Этот же человек выглядел совсем иначе, хотя, похоже, они оба принадлежат к одному народу, — он был высок и статен, в облике же его чувствовалось что-то очень властное.

Конан делал вид, что внимательно слушает принцессу, сам же в это время разглядывал коридор. Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Если им и суждено покинуть город амазонок, то сделать это они могут только сейчас, когда королева Нзинга лишена чувств. Сколь долгим будет ее сон, вызванный чарами стигийца, киммериец не знал.

Извилистый ход вел вниз. Конан снял со стены тяжелый факел и довольно хмыкнул — теперь у него было хоть какое-то оружие. Факел представлял собой здоровенную дубину, к верхнему концу которой был прикреплен кусок промасленной тряпки. Желтоватое пламя нещадно чадило. Кстати говоря, следить за состоянием факелов и вовремя менять на них тряпки было обязанностью Хабелы.

Тоннель неожиданно пошел в сторону. Конан и принцесса повернули за угол и — оказались лицом к лицу с отрядом стражниц. Воительницы эти были одна другой больше, на скуластых некрасивых их лицах поблескивали узенькие глазки. Они были одеты в кожаные юбки и нагрудники, на которых были закреплены бронзовые пластины. В руках амазонки держали копья и короткие бронзовые мечи.

— Поймать их! — раздался хриплый голос Нзинги, стоявшей за спинами амазонок. Красивое лицо королевы исказилось гримасой гнева. Конан холодно улыбнулся — он должен был сражаться, иного выхода у него попросту не было.

Конан был выходцем из Киммерии и потому считался варваром. Южане казались ему изнеженными и ненадежными. Но и у него, варвара, были свои понятия о чести, и потому менее всего ему хотелось сражаться с женщинами, не говоря уже о том, чтобы убивать их. Теперь он должен был забыть об этом.

Не дожидаясь атаки амазонок, он метнулся вперед, размахивая горящим факелом. В одно мгновение он уложил двух стражниц, проломив им черепа. Огромная амазонка зарычала и хотела было нанести ему удар мечом, но он ткнул ей в лицо горящим факелом. Волосы ее вспыхнули, и она, завизжав, стала кататься по полу. Он выхватил ассегай из рук воительницы, метившей ему в живот, и отшвырнул его к стене. Стремительный, словно пантера, он вновь занес факел над головой, но тут же замер.

Проскользнув мимо сражающихся, Нзинга подбежала к принцессе и, схватив ее своей огромной черной ручищей, приставила ей к горлу остро заточенный кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сучка захлебнется собственной кровью! — ледяным голосом приказала королева.

Конан ругнулся, поняв, что Нзинга вновь провела его. Факел упал на каменные плиты.

Амазонки тут же окружили киммерийца. Толстой веревкой они связали ему руки так, что Конан не мог и пошевелить ими. Похоже, лить из металла кандалы в стране амазонок еще не умели, решетки же, виденные Конаном в подземелье, скорее всего были поставлены прежними обитателями города.

— Дело сделано, королева, — пробасила огромная стражница. — Почему бы его прямо здесь и не заколоть?

Нзинга оценивающе посмотрела на сверкающий потом торс Конана.

— Нет, — наконец сказала она. — Этому предателю уготована иная судьба. Тот, кто пренебрег моей любовью, не сможет устоять перед моей ненавистью. Отведите их в загон для рабов, там они пробудут до рассвета. Утром мы отдадим их деревьям к у л а м т у!

Конану показалось, что, услышав это непонятное слово, амазонки вздрогнули. Он никак не мог взять в толк — чем же могут быть страшны деревья?

Глава 16

АЛЧНОЕ ДЕРЕВО

Конан, прищурившись, посмотрел на солнце, поднимавшееся за далеким лесом. Он стал с интересом осматриваться вокруг.

Его и зингарскую принцессу привели на центральную площадь Гамбуру. С одной стороны площади возвышался древний дворец, у ворот которого стояли две источенные временем загадочные скульптуры. Конан лежал в широкой яме, находившейся в самом центре площади. Дно ямы было песчаным. Оказавшись в Гамбуру, Конан тут же подметил сходство этой ямы с ареной, виденной им в аргосской Мессантии. Правда, там, в Мессантии, арена была оснащена воротами, через которые на нее выходили гладиаторы и дикие звери, здесь же никаких ворот не было.

Странным казалось и то, что в самом центре арены растут деревья. По всей видимости, это и были к у л а м т у, о которых говорила Нзинга. Внимательно посмотрев на ближайшее дерево, киммериец понял, что ничего подобного он в своей жизни еще не видел, хотя дерево это отдаленно напоминало банан. Ствол его был губчатым и казался мягким; он походил на колонну, заканчивавшуюся на вершине круглой сырой дырой, напоминавшей рот. Под этой дырой располагались кругом огромные, в рост человека, листья — длинные, широкие и толстые. Наружная поверхность листьев была покрыта толстым, в палец толщиной, волосом.

Каменные трибуны медленно заполнялись празднично одетыми амазонками — их бедра были прикрыты леопардовыми шкурами, на головах покачивались перья, шеи были украшены пестрыми варварскими ожерельями. Среди пришедших было много знатных персон, знакомых Конану по пирам, устраивавшимся Нзингой.

Конан решил испытать свои путы на прочность. Мышцы на его руках вздулись от напряжения. Веревки ему не поддавались, хотя и были сплетены из растительных волокон. Связаны были и его лодыжки. Ну и дела, — подумал киммериец, в свое время ему доводилось рвать

цепи, а тут он не может справиться с какой-то жалкой веревкой! Связавшие его стражницы, похоже, хорошо знали свое дело.

Трибуны заполнились. По команде Нзинги, сидевшей в окружении вельмож, стражницы подтащили тела Конана и Хабелы поближе к деревьям. Амазонки поспешно отступили назад, оставив беспомощных людей на песке.

Сидевшие на трибунах амазонки чему-то радовались, весело визжали и то и дело показывали пальцами на что-то находящееся над головами пленников.

Хабела завопила. В тот же миг Конан почувствовал, как нечто коснулось его ноги. Он приподнял голову и изумленно воскликнул:

— Кром!

Один из гигантских листьев дерева куламту пригнулся к земле и теперь медленно обвивался вокруг его лодыжки.

Хабела завопила вновь — вокруг ее тела обвивались листы другого дерева.

Конан сжал зубы. Эта часть Куша была неизвестна ему. Правда, в ту пору, когда он и Белит пиратствовали на Черном Берегу, он не раз слышал о страшных деревьях-людоедах, которые растут в глуби континента. Киммериец относился к этим рассказам как к нелепым россказням, порожденным варварскими суевериями.

Конан побледнел — теперь ему было понятно, почему вокруг деревьев разбросаны человеческие кости. Ворсистые огромные листья обовьются вокруг его тела, поднимут его вверх и сбросят его в смрадную дыру. Это дьявольское дерево проглотит его целиком. Едкие соки, выделяемые волокнами ствола, растворят его плоть, костяк же дерево изрыгнет назад.

Теперь вокруг него обвивалось уже три листа; киммериец попытался откатиться в сторону, но не тут-то было — листья крепко держали его. Они стали поднимать его вверх. Каждое прикосновение ворсинок отзывалось в его теле жгучей болью — листья жалили его, словно шершни. Отвращение и ужас, овладевшие Конаном, придали ему сил.

Трибуны неистовствовали. И тут Конан услышал слабый звук — это лопнуло одно из волокон веревки. Тут же лопнуло еще несколько волокон.

Конан сообразил, что едкую жидкость выделяет не только ствол, — она питала собой и листья. Конан напрягся изо всех сил и вскоре смог высвободить руку. Отодрав лист от лица, он принялся рвать волокна, стягивавшие его вторую руку, и вскоре уже лежал на песке. Тело его было покрыто зудящими красными пятнами.

На трибунах раздался вой, из чего Конан заключил, что подобного прежде не случалось. Судя по всему, обычно амазонки приносили в жертву своим деревьям-людоедам людей, измученных пытками и длительным заключением в подземных застенках. Такие великаны, как он, деревьям были явно не по зубам. Отодрав последний, цеплявшийся за него лист, Конан решил воздать амазонкам сполна.

Хабела, спеленутая, словно мумия, толстыми листьями, была уже над стволом. Подпрыгнув, Конан схватился за листья, тащившие ее вверх. Его веса листья уже не выдержали. Часть листьев оторвалась от ствола, другие разорвались пополам, выпустив из своих хищных объятий несчастную принцессу. Конан вновь стоял на горячем песке, держа девушку в руках. Он тут же сорвал с ее тела обрывки листьев, корчившиеся, словно от боли. Все тело принцессы было усеяно такими же, как у него, красными пятнами. Конан легко разорвал связывавшие принцессу путы, что были наполовину разъедены соком куламту.

Амазонки заволновались. Несколько стражниц спрыгнули на арену и понеслись к белым пленникам. Сорвав остатки зеленой пленки с лица Хабелы, Конан приготовился ко встрече с этими врагами рода человеческого.

Амазонки, однако, не спешили приближаться к нему. Остановившись в нескольких метрах от киммерийца, они принялись всячески угрожать ему, потрясая при этом своим оружием. Неожиданно Конан понял, что они боятся не нагого безоружного человека, но деревьев, стоящих у него за спиной. Похоже, эти адские прожорливые деревья представлялись амазонкам всесильными, как боги. И тут ему в голову пришла замечательная идея.

Повернувшись назад, он уперся плечом в дерево, только что собиравшееся полакомиться им. Дерево корчилось и раскачивало своей изуродованной кроной, совершенно

забыв о Конане. Пористый его ствол казался достаточно хрупким.

Надавив на ствол, Конан услышал слабый скрип и почувствовал, что дерево подается вперед. Собравшись с силами, он приложился к стволу еще раз, и дерево, неожиданно для него, упало наземь — в песке оно удерживалось лишь несколькими белыми усиками, служившими этому дереву каннибалу корнями.

На трибунах раздавались крики, полные негодования. Конан взял ствол так, словно тот был тараном. В длину он имел футов десять, в толщину — не меньше фута. Несмотря на внушительные размеры, ствол был на удивление легким.

С бревном наперевес Конан пошел в атаку. Амазонки стали с визгом разбегаться. Киммериец довольно усмехнулся. Стражницы ужасно боялись своего священного дерева и старались держаться от него подальше. Взмахнув бревном, Конан уложил сразу двух амазонок. Остальные побежали к трибунам.

На пленников тут же посыпался целый дождь дротиков.

Одно из копий вонзилось в бревно рядом с его рукой. Несколько изогнутых метательных ножей просвистели у него над головой.

— Хабела! — приказал Конан, — хватай копье и иди за мной!

Они устремились к трибунам — Конан впереди, принцесса за ним. Стоило киммерийцу взмахнуть исходящим едким соком бревном, как кольцо амазонок распалось. Выскочив из ямы, пленники побежали к улочке, ведущей к Западным Воротам.

Конан полагал, что по крайней мере половина воинства Гамбуру набросится на беглецов, стоит только им выйти из ямы. Но происходило что-то совсем иное. В воздухе мелькли огненные стрелы, крыши многих домов уже были объяты пламенем. На площади в лужах крови лежало с дюжину трупов амазонок, пронзенных копьями. Воздух оглашался неистовыми грозными криками. На город амазонок кто-то напал.

Он увидел, как на площади появилось целое воинство чернокожих мужчин. Двигаясь стройными рядами, они разили направо и налево мечущихся амазонок.

Среди лучников Конан заметил своего старого приятеля Юму и выкрикнул его имя. Увидев его, Юма заулыбался и что-то скомандовал своим воинам. Ряд воинов расступился, пропустив зингарскую принцессу и Конана, и тут же сомкнулся вновь. Конан отбросил бревно в сторону. Тут же отряд стал отступать к улочке, ведшей к воротам.

Конан захохотал и дружески огрел Юму.

— А я-то думаю, кто это еще на мою голову свалился! Ничего не скажешь — ты поспел вовремя!

Юма засмеялся и выдернул стрелу, пущенную амазонкой, из своего щита, обтянутого кожей носорога.

— Думаю, ты и без меня смог бы с ними справиться!

Пока отряд пробивался к Западным Воротам, Юма рассказал о том, как его людям в конце концов удалось найти след работорговцев, что вел в Гамбуру. Тогда же, собрав всех своих воинов, Юма и пошел в поход на столицу амазонок.

— Я боялся, что тебя уже нет в живых, — закончил свой рассказ черный царь. — Я совсем забыл о том, что подобные приключения для тебя стали делом привычным и побороть всех амазонок разом тебе ничего не стоит.

Приблизившись к воротам, Конан заметил голубоглазого рыжебородого Сигурда, возглавлявшего отряд пиратов, прикрывавших черных воинов с тыла. Северяне поприветствовали друг друга криками — для разговоров время еще не настало.

Выйдя из ворот города, которым правила Нзинга, Конан с облегчением вздохнул. Да, королева была женщиной незаурядной и страстной, но роль любовника монаршей особы явно не устраивала Конана. К тому же она могла и устать от его объятий — и тогда его кости белели бы рядом с костями его предшественников.

— Теперь я понял, что значит стрелять по-турански, — сказал Конан, обратившись к Юме. Амазонки вышли было из ворот, но люди Юмы сомкнули свои ряды и осыпали их таким градом стрел, что те тут же скрылись за стенами города.

Вскоре отряд въехал под полог леса. Лишь теперь Конан и Сигурд смогли обнять друг друга. Взглянув на Хабелу, Сигурд встал перед ней на колено.

— Принцесса, — сказал он изумленно, — клянусь грудью Иштар и огненным брюхом Молоха, вам надо что-нибудь одеть на себя! Что о вас подумает ваш батюшка? Возьмите хотя бы это!

Ванир снял с себя рубаху и накинул ее на плечи принцессе. Та надела ее, высоко закатав рукава. Сигурд был рослым малым, рубаха его доходила Хабеле до колен.

— Благодарю вас, Сигурд! — ответствовала принцесса. — Вы конечно же правы. Я столько времени провела среди нагих людей, что даже привыкла к собственной наготе.

— Ну и куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но я-то этими самыми джунглями сыт по горло. Если тебя не съедят заживо москиты и пиявки, то, что от тебя останется, с удовольствием доедят львы.

— Мы возвращаемся в Кулало, — ответил Конан, — и сразу же отправляемся на борт «Вастреля». Если наши люди уплыли, не дожидаясь нас, я все равно разыщу их и спущу с них шкуру!

— Но ведь сначала нам нужно отпраздновать победу! — возмутился Юма. — Теперь, когда мои люди превзошли амазонок Гамбуру, они полны решимости сразиться с ними снова и захватить все их земли! Самое время пить вино...

Конан покачал головой.

— Благодарю тебя, но боюсь, дружище, у нас нет на это времени. Нам пора возвращаться в Зингару. Против отца принцессы Хабелы короля Фердруго готовится какой-то заговор — и потому, чем быстрее мы окажемся в Кордаве, тем лучше. Похоже, в заговоре этом участвует добрая половина стигийских магов, так что праздновать победу еще рано. Сначала нам надо победить.

Глава 17
ГИБЕЛЬ «ВАСТРЕЛЯ»

Путь из Гамбуру в столицу царя Юмы Кулало и далее, к устью реки Зикамба, в котором и был оставлен «Вастрель», занял не один день. Хабела слишком ослабла

для того, чтобы идти пешком. Черные воины соорудили для нее бамбуковые носилки, и потому путешествие для нее было необременительным.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка бананового вина и гигантский кусок жареного мяса восстановили его силы сполна. Как и прежде, Конан был куда сильнее и выносливее всех тех, с кем ему доводилось встречаться. Особой гордости от этого он не испытывал, считая это качество то ли доставшимся ему от предков, то ли ниспосланным ему богами, — и в том и в другом случае он был здесь ни при чем.

Солнце уже заходило, когда они вышли на поросший пальмами берег Зикамбы. К тому времени, когда они достигли ее устья, на небосклоне уже появилась луна. В дельте реки вода была грязной — морские волны поднимали с речного дна тучи ила. Пираты вышли к морю и — замерли, потрясенные увиденным.

Сигурд ахнул и разразился градом проклятий. Конан молчал, однако лицо его тут же потемнело от гнева.

«Вастрель» лежал на мелководье, на палубах его играли волны. Вместо мачт торчали головешки, огонь изрядно подпортил и палубу. На берегу, у края леса, виднелось с десяток холмиков земли, которая не успела даже просохнуть.

Все это говорило о том, что недавно здесь произошел бой, в котором «Вастрель» потерпел поражение.

Звук шагов отряда Конана и Юмы пробудил караульных. Послышались крики и топот. Вспыхнувшие факелы осветили небольшой отряд матросов, державших свои сабли наголо. Конан приказал своим спутникам стоять на месте, сам же поспешил вперед.

Это были его люди, но выглядели они так жалко, что их трудно было узнать. У большинства руки и ноги были перебинтованы, некоторые опирались на костыли. Его помощник Зельтран поспешил вперед. Он держал саблю в левой руке, правая рука была перевязана.

— Капитан! — воскликнул он. — А мы уж и не чаяли вас увидеть! Джунгли вас словно заглотили!

— Как видишь, Зельтран, я жив, — спокойно ответил Конан. — Но скажи мне — что здесь произошло? Я понимаю, что на вас напали, но кто мог это сделать?

Зельтран печально кивнул. Только теперь Конан заметил, как осунулось лицо помощника.

— Это сделал грязный пес Зароно! — заговорил Зельтран хриплым голосом. — Три дня тому назад «Петрель» застал нас врасплох...

— Врасплох? — зарычал Конан. — Что это означает? Вы что — не выставили дозорных?

Зельтран чертыхнулся.

— Как же не выставили... Даже если бы все мы стояли в дозоре, ни один из нас не смог бы заметить его! Нас окутал такой туманище, какого я отродясь не видел! Смотреть сквозь него — все равно что смотреть сквозь каменную стену!

— Что верно, то верно, капитан! — поддержал помощника матрос. — Капитан Конан, тут без волшебства не обошлось! Это все магия, провались я на этом самом месте!

— И вы хотите сказать, что «Петрель» смог подойти к вам в таком тумане?! — повысил голос Конан.

Зельтран кивнул.

— Да, сэр. Именно так все и произошло. Сначала мы услышали скрип оттого, что наши галеоны сошлись бортами, и в тот же миг головорезы Зароно появились на нашей палубе. Мы сражались — боги тому свидетели, — вы и сами видите наши раны; но неприятель превосходил нас числом, к тому же появление его было для нас совершенной неожиданностью. В конце концов они оттеснили нас за борт. Я пытался прикрыть своих ребят.

— Послушайте, капитан, — вмешался в разговор матрос, — клянусь вам, он сражался за троих!

— Но тут что-то случилось с моей головой, — продолжал Зельтран. — Когда я пришел в себя, я уже был привязан к мачте, а вокруг скалили зубы эти псы. Потом появился сам Черный Зароно — кружевная рубашка и все такое прочее, — ну а рядом с ним был жрец Менкара — змея змеей.

«Так-так, дружище, — обратился ко мне Зароно, — а где же твой хозяин, этот увалень Конан?»

«Он ушел на берег», — ответил я ему.

Зароно дал мне пощечину и сказал: «Я и сам это вижу, скотина. Куда именно он пошел?»

«Понятия не имею, сэр, — отвечал я ему, понимая, что бесить его не стоит. — Где-то там живут его друзья — к ним он и пошел».

«А была ли с ним эта зингарская девка?» — спросил Зароно.

«Кажется, она ушла вместе с ним», — ответил я.

«Ну а теперь говори — в какую сторону они пошли? Говори же, ну!» — настаивал на своем Зароно.

Я сделал вид, что не имею ни малейшего понятия о том, где живет царь Юма, и тогда они стали жечь мою правую руку раскаленными угольями. Я как-нибудь покажу вам эти раны, капитан, — пусть только они немножко подзаживут. Тогда Зароно и стигийский жрец отошли в сторону и стали о чем-то шептаться. Жрец вытащил на палубу какую-то странную штуковину, сел перед ней и стал что-то такое бормотать, пока от этой самой штуковины не пошел свет. Он сказал Зароно: «Я вижу, как черные воины несут ее на носилках по лесной тропе. Воинов там много. Большего я сказать не могу.»

От этих слов Зароно пришел в страшную ярость. Для того чтобы хоть как-то излить свой гнев, он стал бить меня по лицу. «Скажи мне на милость, — закричал он, обращаясь к Менкаре, — как я буду искать ее в этих проклятых джунглях, какими силами я буду воевать с этими варварами? С тем же успехом я мог бы запрыгнуть на луну!»

Посовещавшись, Зароно и Менкара решили уничтожить «Вастрель» и тут же отправиться в Кордаву. По пути они должны были зайти в Стигию, где их ожидал сообщник Имя его — если я правильно все услышал — Тот-Амон.

— Тот-Амон? — удивился Конан. — О нем мне уже доводилось слышать. Насколько я знаю, это враг опасный. Но продолжай. Похоже, эти псы от тебя особенно не таились.

— Что вы, капитан! Разве они думали, что я останусь жив. Зароно приказал своим людям спуститься на шлюпку и проломить борт нашего галеона ниже ватерлинии.

Другим он приказал облить мачты маслом и поджечь корабль.

— Кажется, к одной из мачт был привязан и ты?

— Совершенно верно, сэр. Если быть точным, меня привязали к грот-мачте. Разумеется, я нисколько не хотел быть поджаренным заживо, поэтому, стоило людям Заро-но покинуть наш корабль и оттолкнуть «Петрель» от его борта, я помолился Митре, Иштар и Асуре, я помянул всех богов, о которых мне доводилось слышать. Просил же я у них только одно — как-то спасти меня. И что вы думаете, капитан, — стоило «Петрелю» скрыться в тумане, как пошел дождь! «Вастрель» стал тонуть, пока не сел на дно. Я стал крутиться, как уж, и в конце концов освободил руки — они совсем не знают, что такое настоящие морские узлы. Когда наконец я освободился, я принялся тушить огонь, и в этом мне здорово помогал дождь. И все же я не смог спасти ни мачты, ни такелаж. Вот и вся моя история.

Конан проворчал:

— Если бы он был поумнее, он не стал бы одновременно поджигать и топить корабль. Либо одно, либо другое. — Он похлопал помощника по плечу, и тот скорчился от боли в руке. — Я знаю, что и ты, и ребята вели себя достойно. Теперь же нам надо понять, сколько времени потребуется для того, чтобы привести «Вестрель» в порядок.

Лицо Зельтрана приняло скорбное выражение.

— Боюсь, капитан, что работы займут у нас несколько месяцев. У нас нет ни дока, ни настоящих корабелов — поди-ка сыщи их в джунглях!

Юма выступил вперед.

— Мои люди помогут вам в ремонте корабля, — сказал он. — Если работать вместе, мы сделаем эту работу куда быстрее.

— Возможно, ты и прав, Юма. Спасибо тебе за это, — сказал киммериец. — Но разве твои люди что-нибудь смыслят в корабельном деле?

— Ничего они в этом не смыслят — мои люди привыкли жить на суше. Но нас много, и силы нам не занимать. Плотников же мы найдем столько, сколько нужно. Если ваши люди покажут им, что

нужно делать, они не уйдут отсюда, пока не закончат работу.

— Прекрасно! — сказал Конан. Повысив голос, он обратился к приунывшим матросам: — Ребята, мы проиграли эту битву, но война еще не закончена! Черный Зароно, одолевший вас с помощью колдовства, спешит к берегам Зингары, в надежде свергнуть нашего господина, старого короля Фердруго! Люди царя Юмы помогут нам исправить корабль. Мы вновь пойдем под парусами на нашем старом добром «Вастреле», мы отомстим этому подлецу и сорвем его коварные замыслы! Что ты сказал?

— Мы потеряли много людей, — печально ответил боцман, кивком головы указав на ряд могил.

— Ты забываешь о том, что вместе с нами плывут аргосцы Сигурда! Если мы сколотим одну команду и забудем обо всех прежних обидах, люди нам не понадобятся. Люди, что вы скажете мне на это? Только отвечайте честно!

Моряки согласно заревели; в свете луны заблистали поднятые сабли.

Никогда еще Конан не видел, чтобы люди работали так дружно. Зацепив тросами обрубки мачт, они выправили корабль. Они вытащили из заполненного водой трюма все инструменты. Из стволов поваленных деревьев они напилили досок и ими залатали прореху в борту. Они выкачали из трюма воду, и «Вастрель» вновь легко закачался на волнах.

Вскоре на корабле появились новые мачты и рангоуты, сделанные из тесаного дерева. В столице Юмы женщины ткали новые паруса, мужчины же разводили огромные костры из смолистых дров и собирали вытекавший из-под них деготь. Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Мальчишки из племени Юмы освещали стапель самодельными факелами.

И вот настал день отплытия. Пираты едва держались на ногах от усталости и неимоверного количества выпи-

того, но «Вастрель» уже готов был поймать своими парусами утренний бриз.

Всю ночь люди Юмы, выстроившиеся в длинную цепочку, грузили на борт провиант: бочки с водой и просяной мукой, корзины с фруктами, копченую свиную грудинку, горы батата и других овощей. С таким запасом провизии пираты могли смело отправляться и на край света.

Едва стало светать, Конан стал прощаться с Юмой. Некогда они воевали бок о бок в легионах туранского царя Илдиза, преодолевали крутые перевалы Талакмаса, боролись с узкоглазыми низкорослыми всадниками, чьи одежды были сшиты из блестящей кожи, сражались с каменным идолом, напавшим на них в затерянной среди снегов долине Меру. Теперь судьба свела их в знойных джунглях Куша.

Они молча пожали друг другу руки, растерянно улыбаясь и стараясь не смотреть друг другу в глаза. И тот и другой понимали, что в этой жизни они, скорее всего, больше не свидятся.

«Вастрель» поднял паруса. Парусина тотчас же натянулась так, что снасти зазвенели. Черные воины стояли на берегу вместе со своими женами и голыми детьми. «Вастрель» вышел в открытое море и взял курс на Зингару.

Глава 18
КОРОЛЕВСТВО В ОПАСНОСТИ

Солнце уже заходило, когда Конан завел «Вастрель» в гавань Кордавы. Все небо было затянуто облаками.

Немногие заметили этот изящный галеон, когда он бесшумно вошел в гавань и тихо уткнулся носом в дальний причал. Конан решил войти в город как можно незаметнее, ибо не знал ни того, кто сейчас царствует в Зингаре, ни того, сколь давно прибыли в город Зароно и Тот-Амон. В том, что они опередили его, киммериец нисколько не сомневался. Зельтран коснулся его руки и указал на один из причалов.

— Это — «Петрель», — прошептал помощник. — Капитан, может, стоит поджечь его, пока здесь никого нет?

Конан заулыбался:

— Что-то ты сегодня больно горяч, Зельтран, не мешало бы взять себя в руки. Ты ведь не любишь спешить, верно? В нашей игре ставки куда как серьезнее. Скорее всего, наши приятели находятся не здесь, они плетут свои тенета где-нибудь в королевском дворце.

Принцесса нетерпеливо схватила Конана за руку.

— Капитан Конан, почему мы не идем во дворец? Ваши люди могут и подождать. Надо предупредить моего отца, что эти предатели Вилагро и Зароно могут...

— Да замолчите вы! — вновь усмехнулся Конан. — Не надо так спешить, девонька, неужели жизнь тебя этому еще не научила? Вполне возможно, что предатель-герцог и колдун Тот-Амон уже захватили власть, и тогда мы попадем в их паутину, словно глупые мухи. Нет, я хочу поступить иначе.

— Иначе? Как же именно? — не унималась принцесса.

Конан мрачно улыбнулся:

— Сначала мы отправимся в то место, где я чувствую себя в безопасности, — я говорю о «Девяти Обнаженных Мечах».

— «Девяти Обнаженных Мечах?» — недоуменно переспросила принцесса.

— О местечках такого рода знатные господа и не слыхивали; но поверь мне, девонька, это как раз то, что нам нужно. Зельтран, я возьму с собой десять человек. Приготовь плащи и фонари, да не забудь об оружии!

Улицы были пустынны; казалось, что они идут по некрополю. Сигурд, суеверный, как и все моряки, то и дело вздрагивал и начинал озираться по сторонам, не выпуская из рук эфеса своей сабли.

— Дело ясное — или все они умерли, или их кто-то проклял, — бормотал он, вглядываясь во тьму. Конан попросил его попридержать язык.

Одни только кордавские кошки видели этот небольшой отряд, бесшумно проследовавший к двери таверны «Девять Обнаженных Мечей». Стоило им войти внутрь, как в прихожую выскочил хозяин таверны Сабрал, на ходу вытиравший о халат руки.

— Я очень сожалею, но сегодня ночью наше заведение закрыто, — забормотал хозяин — в согласии с правительственным указом сегодня все таверны города работали только до захода солнца. Соответственно, я попрошу вас...

Конан снял шляпу, сбросил плащ на пол и испытующе посмотрел на хозяина.

— Что это с тобой, приятель? — спросил он тихим голосом.

— Ах, да я же вас просто не узнал! Разумеется, разумеется — для капитана Конана двери моей таверны всегда открыты! Заходите, ребята, — черт с ним, с законом! Пока я зажгу свечи и найду для вас что-нибудь покрепче, пройдет какое-то время, — но вы не волнуйтесь — все будет так, как вы захотите.

— Странный указ — почему это питейные заведения должны быть закрыты именно этой ночью? — спросил Конан, встав так, чтобы видна была дверь.

Полный держатель таверны пожал плечами:

— Наверное, кроме Митры, об этом никто не знает, капитан. Указ этот был подписан вчера вечером... Похоже, здесь начинает происходить что-то странное, знаете ли, что-то такое... Вначале в Кордаве появился капитан Зароно, плававший неведомо где. Вместе с ним приплыли и какие-то стигийцы. Этот самый Зароно тут же направился во дворец короля Фердруго, так, словно этот дворец принадлежит ему. И заметьте — ни один стражник не сказал ему ни слова, — людей короля словно околдовали. Ну а потом начались эти новые указы, — и городские ворота теперь на ночь закрываются, и остальное все изменилось... Герцог Вилагро стал начальником охраны и тут же издал указ о введении в городе военного положения. Странные вещи, капитан, здесь происходят! Ох, странные! Как бы беды какой не случилось!

— Удивительно! — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — не понял Конан.

— Неужели не понятно? Клянусь глазом Дагды и пальцем Орванделя! Твой приятель Сабрал говорит тебе о том, что город заперт на замок, а мы вошли в городскую гавань совершенно спокойно! Почему это Вилагро не заставил своих головорезов охранять и пристань?

— Похоже, они считают, что «Вастрель» и поныне находится в устье Зикамбы, — ответил Конан.

— Что верно, то верно! — обрадованно сказал Сигурд. — Как-то я об этом не подумал. Зароно никогда не поверит, что мы смогли починить корабль так быстро — ему-то и в голову не придет, что люди Юмы могли помочь нам.

Конан кивнул:

— Правильно говоришь, рыжая борода. Если все кончится хорошо, король Фердруго окажется в долгу у черного воина, о котором он никогда не слышал и которого он никогда не увидит!

— Раньше к черным я относился иначе, — сказал Сигурд. — Они казались мне суеверными примитивными варварами. Но твой друг Юма открыл мне глаза. Наверное, в каждом народе есть свои герои и в каждом — свои подлецы.

Однако не время было вести праздные разговоры. Конан принялся расспрашивать Сабрала о том, что же происходит в городе, и тот смог прояснить для него многое. Вилагро пока не занял трон, но теперь это могло произойти в любой момент. Верные королю гарнизоны были посланы на охрану далеких границ. Офицеров же, преданных Фердруго, либо высылали за границу, либо смещали с должности; иным из них были предъявлены сфабрикованные обвинения, на основании которых они были посажены в тюрьму. Вечером этого дня ворота дворца были наглухо заперты. Ключниками теперь были люди Вилагро. Во дворце должна была состояться какая-то церемония, но что это за церемония, Сабрал не знал.

— Я думаю, речь идет об отречении от престола, — сказал Конан, меряя комнату шагами. — Мы должны по-

пасть во дворец. Но как это сделать? Вилагро и Зароно заперли все его двери. Тот-Амон наверняка держит Фердруго под контролем. Чары могут развеяться, если король увидит свою дочь... Тогда-то мы и займемся предателями. Где этот проклятый Нинус? Он давно должен быть здесь...

Сигурд нахмурил брови. С час тому назад Конан осведомился у Сабрала о здоровье своего товарища, ставшего монашком. Хозяин таверны ответил, что Нинус давно поправился и вновь вернулся в монастырь при храме. Тогда Конан послал за ним одного из своих матросов.

— Кто такой этот Нинус? — поинтересовался Сигурд.

Конан передернул плечами.

— Я знаю его еще с тех времен, когда мы промышляли воровством в Заморе. Он вернулся в родную Зингару, когда краснокаменная Замора показалась ему слишком уж неспокойным местом. Здесь он встретился со сладкоречивым миссионером из храма Митры, который смог убедить Нинуса в том, что монахи могут жить припеваючи, играя на страхах и суевериях законопослушных горожан и скучающих домохозяек. Нинус всегда был себе на уме — так случилось и на сей раз, — он вдруг возьми и действительно стань монахом! Если и существует тайный ход, ведущий в королевский дворец, то о нем наверняка будет знать Нинус. Лучше, чем он, вора не было, перед ним и Таурус Нимедийский, которого люди называли королем воров, кажется мальчишкой. Он всегда знал все ходы-выходы...

Торжественный звук колокола резанул Конана по сердцу. Хабела замерла и крепко сжала его руку.

— Это звонят в храме всех богов! — воскликнула она. — Конан, мы опоздали!

Киммериец посмотрел на ее внезапно побледневшее лицо.

— Что это означает? Говори же, ну!

— Звон этих колоколов возвещает о начале аудиенции! Мы опоздали — она уже началась!

Конан и Сигурд обменялись взглядами и бросились к окну, из которого был виден стоявший на вершине холма дворец.

В тронной зале горели огни. Хабела была права — аудиенция уже началась.

Глава 19
КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

То, что происходило в тронной зале короля Фердруго, больше всего напоминало спектакль. За изумрудными стеклами ее высоких окон то и дело сверкали молнии, наполнявшие залу мертвенным серо-голубым светом.

Она была огромна. Покатые стены и кольцо мощных тяжеловесных гранитных колонн, отделанных полированным мрамором, поддерживали свод, паривший где-то в вышине. Эта зала была величайшим чудом королевства Фердруго.

Огромные, в руку толщиной свечи горели в массивных золотых светильниках. Их свет и вспышки молний отражались отполированными до зеркального блеска щитами и шлемами стражей, стоявших у стен залы.

На сей раз воинов было куда больше, чем обычно. Это обстоятельство смущало и настораживало придворных вельмож, созванных во дворец королевским глашатаем. Им было приказано собраться в тронной зале, дабы монарх смог обратиться к ним с важной речью.

Ливреи стражников тоже вызывали подозрение. Лишь немногие были одеты в форму Тронного Легиона, призванного охранять Его Величество, все же прочие носили одеяния цветов дома Вилагро, герцога Кордавского.

В центре залы на возвышении, сложенном из зеленого с темными прожилками малахита, стоял трон, вырезанный из розового мрамора. Это был трон династии Рамиро, и сидел на нем сам Фердруго Третий.

Собравшейся в зале знати в последнее время почти не доводилось видеть своего монарха. Люди изумленно смотрели на короля, ибо он состарился так, словно со времени их последней встречи прошли многие годы. Тело

его усохло, щеки ввалились, члены ослабли. Глубокие тени легли на его лицо, глаза же утратили прежний блеск. В свете молний немощный старец походил на скелет.

На голове, что казалась слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, поблескивала древняя корона основателя династии короля-героя Рамиро. Верхнее кольцо этой безыскусной золотой короны было покрыто вырезами, делавшими его похожим на верх крепостной стены с зубцами и амбразурами.

Своими восковыми ссохшимися руками король развернул огромный свиток, скрепленный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом Фердруго стал зачитывать сей странный документ. Вначале шла привычно долгая преамбула, перечислялись всевозможные титулы и звания, звучали тяжеловесные фразы, лишенные какого бы то ни было смысла, но имевшие значение юридическое. Присутствующие стали нервничать — ничего хорошего подобное начало не предвещало.

У возвышения, на котором был установлен трон, стояло двое. Одним из этих людей был герцог Вилагро. В отсутствие принца Товарро, родного брата короля, герцог был вторым лицом в государстве. По выражению его лица можно было сказать, что он с нетерпением чего-то ждет.

Рядом с Вилагро стоял человек, не знакомый ни одному из присутствующих. Голова этого высокого широкоплечего человека была обрита наголо, кожа его была смуглой, а лицо — хищным. Судя по всему, он был уроженцем Стигии. Тело его было покрыто тяжелой длинной мантией, доходящей до пола.

На его выбритую голову был одет странный убор — корона, сделанная в форме золотой змеи, свившейся кольцами вокруг головы; на странной этой короне сверкали тысячи граненых камней. Люди закачали головами и стали перешептываться, говоря исключительно о короне и граненых алмазах, — если это действительно алмазы, то короне этой цены нет. Стоило незнакомцу шевельнуться, как бриллианты тут же начинали сверкать всеми цветами радуги, отражая свет факелов и свечей.

Темнолицый человек казался ушедшим в себя — он едва ли видел стоявших перед ним людей и вряд ли слышал то, что говорилось королем. Казалось, что стигиец сосредоточил все свое внимание и все свои силы на чем-то никому не ведомом.

За спиной герцога Вилагро угадывались темные фигуры злокозненного пирата Зароно и жреца храма Сета Менкары, о котором людям было известно лишь одно — так же как Зароно, он был приспешником герцога.

Фердруго продолжал чтение, теперь документ уже близился к концу. И тут собравшиеся замерли от изумления, ибо вот что они услышали:

— «...настоящим Мы, Фердруго Зингарский, оставляем трон в пользу Нашей дочери и наследницы Принцессы Хабелы и тем самым в пользу помолвленного с нею в ее отсутствие великого принца Тот-Амона Стигийского! Да здравствуют Король и Королева! Да здравствуют Хабела и Тот-Амон — новые правители древней зингарской земли!»

У гостей от изумления раскрылись рты. Но более всех был ошарашен Вилагро, герцог Кордавский.

Он выпучил глаза на старого короля Фердруго; лицо герцога стала заливать мертвенная бледность, губы затряслись, силясь что-то произнесть.

Гул голосов был прерван хриплым возгласом короля:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец встал напротив трона и опустился на колено. Сняв с головы Корону Кобры, он бережно положил ее на малахитовую ступень.

Фердруго поднялся с трона и снял древнюю корону короля-героя Рамиро. Трясущимися руками он возложил ее на обритую голову Тот-Амона.

Только теперь Вилагро смог оценить все коварство своего союзника; рука его непроизвольно схватилась за резную рукоять кинжала, висевшего у него на поясе. Он хотел уже было вонзить кинжал в спину великого мага, но тут взгляд его упал на Корону Кобры, лежавшую подле Тот-Амона. Он знал о ее чудесных свойствах. Вернувшись в Кордаву, Зароно рассказал ему о ней:

— Из того, что говорил мне Менкара, и из того, что я видел собственными глазами во время нашего

плавания, Ваша Милость, я понял следующее. Корона позволяет своему носителю управлять сознанием других людей. Менкара, маг средней руки, может управлять только одним человеком. Тот-Амон, величайший из магов, способен владеть сознанием нескольких людей. Тот же, кто наденет Корону, сможет управлять тысячами — для этого достаточно знать, как это делается. Он сможет послать на верную смерть полк неугодных ему солдат. Может приказать змее или льву убить своего врага.

Никто не может противостоять воле надевшего Корону Кобры. Ее хозяина нельзя застать врасплох или обмануть, ибо ему ведомы мысли всех. Приблизиться же к нему сможет лишь тот, кому это будет приказано. Смертные, подобные вам и мне, мой господин, часто страдают от того, что их приказы выполняются скверно, — вспомните, как улизнула от нас принцесса. Однако великий Тот-Амон может не опасаться неудач, ему достаточно приказать, и приказ его тут же будет в точности выполнен, пусть даже его слуге для этого придется пожертвовать жизнью.

И вот уже старый Фердруго возлагает древнюю зингарскую корону на лысый череп этого подлого стигийца. Впрочем, для этого Тот-Амону пришлось снять Корону Кобры... Герцог Вилагро решил действовать.

С поразительной для его лет быстротой герцог взбежал на малахитовый помост. Ничего не подозревавший Тот-Амон обернулся, когда Корона Кобры была уже на голове у герцога.

Герцог двинулся вперед и тут же услышал сдавленное проклятье — по голосу он узнал Менкару. Вилагро резко обернулся и увидел, что маг несется на него с кинжалом в руке.

Стоило Вилагро надеть Корону Кобры на свою голову, как сознание его наполнилось массой необычных ощущений. Ему казалось, что он слышит мысли всех людей, смотревших на него из залы; мысли эти сливались в неумолчный нечленораздельный гул. Вилагро не был магом и потому не мог от них отвлечься.

Менкара был уже совсем близко. Отчаянным усилием герцог сосредоточил на нем свое внимание и, выставив

вперед руку, представил, что Менкара летит со ступеней вниз, словно кто-то могучий нанес ему сокрушительный удар.

Менкара замер, так и не поднявшись на ступени. Он вдруг отшатнулся и выронил кинжал из рук.

За спиной Вилагро раздался львиный рев, на сей раз голос принадлежал Тот-Амону:

— Пес! За это ты поплатишься жизнью! — закричал стигиец, коверкая слова зингарского языка.

— Умри же сам! — воскликнул Вилагро и простер руку к Тот-Амону.

Однако великого мага не могла одолеть даже Корона Кобры, ибо нынешний ее владелец не умел правильно пользоваться ею и был лишен должной сосредоточенности. На мгновенье противники замерли, пытаясь сразить волей один другого. Даже надев Корону, Вилагро вряд ли мог соперничать с великим Тот-Амоном. Слегка покачиваясь от напряжения, они смотрели друг другу в глаза.

Люди, стоявшие внизу, изумленно следили за происходящим. Среди них было немало смелых воинов, готовых с оружием в руках отстоять правое дело, но в этой сумятице никто уже не понимал, что же именно здесь происходит. Король дошел до полного идиотизма, герцог известен своей беспринципностью, страшный чужеземец и вовсе никому не ведом, — кто здесь прав и кто здесь виноват?

Вилагро услышал бормотание Менкары — тот читал заклинание. Он почувствовал, что его силы слабнут. Тот-Амон грозно надвигался на него...

И тут зала наполнилась шумом. С балкона спускался целый отряд оборванных моряков, возглавляемый бронзоволицым гигантом с гривой нечесаных черных волос и горящим взором. В руке гигант сжимал огромную саблю.

Зароно изумленно воскликнул:

— Конан! Тысяча чертей — откуда только он взялся?!

Желтолицый пират побледнел, ошеломленный появлением огромного варвара. Но тут же глаза его гневно засверкали, а лицо приняло решительное выражение. Он вынул из ножен рапиру.

Внезапное вторжение привлекло и внимание Тот-Амона. Будь на его голове не древняя зингарская корона, а Корона Кобры, он почувствовал бы приближение Конана заранее, но мистический убор давно уже был не у него.

Покосившись на нежданных гостей, Вилагро вновь устремил свой взор на Тот-Амона. Он понимал, что стигиец — враг куда более опасный. Если он, впервые надев корону, может противостоять самому Тот-Амону, то уж с Конаном-то он легко справится. Если же он отвлечется на Конана сейчас, стигиец раздавит его, словно жука.

Конан замахал руками, прося внимания.

— Слушайте, властители Зингары! — проревел он. — Изменив вашему монарху, эти люди заколдовали его! — Смуглая ручища указала на недвижно стоявшего стигийца. — Это не принц Стигии, но настоящее исчадие ада! Это колдун, пришедший из нечестивой Стигии, с тем чтобы присвоить себе древний трон Зингары. Земля еще не рождала большего злодея, чем Тот-Амон! Околдовав короля, он лишил его разума — король не понимает того, что он делает, он лишь выполняет то, чего требует от него этот негодяй!

Собравшиеся заволновались — одни тут же поверили Конану, другие были полны сомнений. Какой-то толстяк закричал:

— А разве не безумие то, что происходит сейчас? Орда пиратов врывается во дворец во время священной церемонии, а их вожак начинает нести какой-то бред! Стражники, арестуйте этих мошенников!

Шум в зале усилился. Стараясь перекричать толпу, Конан заорал что было сил:

— Глупцы, посмотрите на своего короля, и вы убедитесь в правдивости моих слов!

Побледневший Фердруго в растерянности стоял у трона.

— Господа, господа, что здесь происходит? — бормотал он, глядя в лица собравшимся. Неожиданно для самого себя он обнаружил в своей руке свиток. — Что это? Неужели я это читал? Ведь это какая-то бессмыслица...

Стало понятно, что король Фердруго не узнает указа только что зачитанного им. Тот-Амон, вынужденный от влечься на Вилагро, выпустил из-под своего контрол сознание короля. И тут же магу пришлось вновь обратит все свое внимание на герцога.

Стоило Тот-Амону обернуться к Конану, как Вилагро собрав всю свою волю, тысячекратно усиленную Короно Кобры, устремил на него полный ненависти взгляд. Тот Амон зашатался и не упал только потому, что успел схва титься за спинку трона. Зингарская корона, что была явно мала ему, слетев с его головы, со звоном покатилась по ступеням.

Овладев собой, маг нанес Вилагро такой мысленный удар, что тот едва смог устоять на ногах.

— Идиот, отдай мне Корону Кобры! — закричал Тот-Амон.

— Ни за что! — завизжал в ответ Вилагро.

Герцог почувствовал, что теперь ему противостои куда большая сила. Он чувствовал, что Тот-Амону помогает его верный слуга Менкара. Вилагро стал стремительно терять силы — еще немного, и он должен был погибнуть.

Он перевел взгляд туда, где стоял Конан. Казалось, что сейчас, не выдержав напряжения, рухнут дворцовые своды. В этот миг решалась судьба целого народа — когда одного слова, жеста или взгляда было достаточно для того, чтобы решить исход событий тем или иным образом.

И тут слово это прозвучало. Рядом с Конаном появилась фигурка девушки, черные как смоль волосы которой сбегали на плечи шелковистым водопадом. Глаза девушки блистали. Несмотря на то что одета она была в грубое матросское платье, в ней нельзя было не узнать принцессу Зингары.

— Принцесса! — воскликнул барон.

— Что? Хабела? — стал озираться по сторонам Фердруго. Да, теперь уже никто не сомневался в том, что это была именно она. Хабела заговорила:

— Граждане Зингары, капитан Конан сказал правду! Этот коварный стигиец смог околдовать моего отца. Конан спас меня, и мы тут же поспешили в Кор-

даву, чтобы не дать ему взойти на трон! Стража, взять его!

Капитан королевской гвардии выхватил саблю из ножен и приказал воинам следовать за ним. Конан и девять его матросов сбежали с балконной лестницы; в их руках поблескивали клинки. Хабела и жрец храма Митры Нинус оставались наверху. Маленький монашек упал на колени и стал молиться:

— О бог Митра, о Владыка Света! Будь с нами в этот час, когда угрожает нам темная сила Сета! Во имя божественной Сраоши и того, чье имя заповедано, помоги нам, Зурван, Владыка Вечности! Запылай же святым своим пламенем, дабы повергнуть Древнего Змея с трона его!

То ли Тот-Амон стал уставать, то ли Вилагро научился пользоваться Короной Кобры, то ли Митра действительно решил помочь людям, — но Тот-Амон вдруг побледнел и сгорбился. Он сделал шаг назад. Вилагро уже был готов издать победный крик.

Но не успел он и рта открыть, как Тот-Амон прибег к последнему своему средству. Маг выбросил руку вперед, и зала озарилась изумрудным сиянием. Из указательного пальца мага выходил тонкий зеленый луч.

Корона Кобры засверкала изумрудными огнями, золото же ее неожиданно заалело.

Вилагро издал пронзительный крик. Схватившись за голову, он отступил назад — казалось, он хочет сбросить с себя Корону. В воздухе запахло паленым.

И тут же зала озарилась ослепительным голубым сиянием, словно одна из гневливых молний заглянула в ее высокие окна. Одно из оконных стекол разлетелось вдребезги. Люди, полуослепленные яркой вспышкой и оглушенные последовавшим за ней громовым раскатом, увидели, как ослепительная голубая молния, словно космическая плеть, поразила герцога Кордавского.

Вилагро упал лицом вниз. Корона Кобры слетела с его головы и покатилась по мраморному полу. Волосы на голове герцога сгорели, обнажив обожженный скальп с черной полоской на том месте, где Корона касалась головы.

Так бесславно закончил свою жизнь герцог, возжаждавший трона и короны, так он был погублен своими неуемными желаниями.

Глава 20

АЛАЯ КРОВЬ И ХЛАДНАЯ СТАЛЬ

На мгновенье все замерли. Тот-Амон пришел в себя первым.

— Менкара! Зароно! — закричал он. — Ко мне! — Как только жрец Сета и пират, сжимавший в руках рапиру, приблизились к магу, тот приказал им: — Срочно собирайте людей — и наших, и слуг Вилагро. Бейтесь до последнего! За исход боя вы отвечаете головой! Пока Конан на стороне короля, мы можем надеяться только на силу!

— А как же колдовство? — прорычал Зароно. — Разве вы не можете смести всех наших врагов одним взмахом руки?

— Я сделаю все, что в моих силах, но и у магии есть свои пределы. К оружию!

— Вы правы, — согласился Зароно и тут же повернулся на каблуках лицом к зале. — Люди! — закричал он. — Герцог мертв, но стигийский принц на нашей стороне! Если мы поможем ему взойти на трон, мы будем править этой страной вместе с ним! Ко мне, люди!

— Ко мне, честные люди Зингары! — тут же проревел Конан. — Мы обязаны защитить короля и принцессу и спасти Зингару от стигийского дьявола!

Люди разделились на два лагеря. Большая часть сторонников Вилагро приняла сторону Зароно, дворяне же встали рядом с Конаном и его матросами. Трусливые и колеблющиеся немедленно покинули залу.

Большинство приняло сторону Зароно. Почти все воины, охранявшие дворец и залу, были людьми Вилагро. Они превосходили противника не только числом, но и своим оружием.

— Вы в меньшинстве! — прокричал Тот-Амон с помоста. — Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Конан грубо послал к черту и Тот-Амона, и его предложение.

— Да здравствует Тот-Амон, правитель Зингары! — закричал Зароно, напав на одного из воинов, принявших сторону Конана.

Засверкали мечи. Противники сошлись, наполнив залу звоном клинков и криком. То здесь, то там падали люди, сраженные неприятелем. Алая кровь заливала мрамор, отовсюду слышались предсмертные хрипы и стоны.

Конан бесстрашно улыбался; белоснежные зубы сверкали на его смуглом лице. Настало время действовать. Жизнь научила его известной осторожности и осмотрительности, но в такие минуты он, словно мальчишка, забывал обо всем — он был все тем же неистовым варваром, для которого сраженья были единственной усладой. Таких же боев, как этот, он уже и не помнил.

Он набросился на одного из людей Зароно. Сбив его с ног, он ударил его в живот пяткой, одновременно сбив с ног другого противника и поразив клинком третьего, спешившего на подмогу.

Несмотря на свой огромный рост, киммериец двигался стремительно и легко, словно пантера, скашивая неприятеля налево и направо. Низкорослые зингарцы казались рядом с ним детьми. От ударов его огромной сабли ломались их мечи; Конан рубил врага, как капусту.

Повсюду шел бой, повсюду лилась кровь.

Зингарцы были прекрасными фехтовальщиками, превратившими фехтование в подлинное искусство. Однако Конан, пусть он и рос среди варваров, так освоил за долгие годы беспрестанных сражений воинские искусства, что равных ему здесь не было. Помимо прочего, он провел не один месяц в школе фехтования, где давал свои уроки великий мастер Валерио, слава о котором шла по всему миру.

Молодые дворяне, ставшие на сторону Вилагро, поначалу относились к Конану как к неуклюжему увальню. Каково же было их изумление, когда они увидели перед собой превосходного фехтовальщика! Несмотря на то что клинок его был так тяжел, а рост так велик, он легко отражал все их атаки, разгадывая самые хитроумные уловки и отвечая приемом на прием. Киммериец разил врага за врагом, продвигаясь все дальше и дальше вперед.

И тут он увидел перед собой высокого человека в черном вельветовом камзоле. Это был Черный Зароно.

Зароно не был трусом, напротив — выдержке и отваге его многие могли позавидовать. Да, он привык

действовать исподтишка, но вызвано это было никак не его трусостью, а скорее его беспринципностью и расчетливостью. Он всегда думал только о цели, оправдывая ею любые средства. Решение сразиться с Конаном казалось безрассудством, но уж слишком велика была ненависть Зароно, которому Конан представлялся источником всех его бед — как былых, так и нынешних. Он мечтал о мести с тех самых пор, как они подрались в таверне. Тогда Конан огрел его так, что голова у Зароно едва не слетела с плеч.

Зароно понимал, что ждать за это какой-то благодарности от Тот-Амона не приходится. Если Тот-Амон действительно станет королем, то все посты в государстве тут же отойдут стигийцам, жрецам храма Сета. Впрочем, может статься, Тот-Амон и назначит его на какую-нибудь должность и уж во всяком случае не станет казнить его; если же верх одержат сторонники прежней династии, то его, Зароно, вне всяких сомнений ждет плаха.

Рапира Зароно скрестилась с саблей Конана. Зароно сделал стремительный выпад, но киммериец отразил этот удар и тут же нанес ответный, целя Зароно в голову. Зингарец ушел в сторону, и сабля со звоном ударила по его рапире.

Повсюду кипела битва. Повсюду валялись трупы, отчего тронная зала стала походить на бойню. Численное преимущество сторонников Зароно уже начинало сказываться. Противника удалось разделить на две группы: первую группу теснили к лестнице, с которой появился Конан, вторую, тесным кругом обступившую короля, — к дальнему углу залы.

Конан и Зароно продолжали свой поединок. Теперь зингарцу уже казалось, что он погорячился, решив сразиться со своим заклятым врагом. В искусстве фехтования он нисколько не уступал Конану, но тот явно превосходил его и в силе, и в выносливости. Зингарец стал потихоньку сдавать, однако отступать он и не думал. Либо он убьет этого варвара, либо сам погибнет в бою.

Тот-Амон невозмутимо сошел с помоста. Обходя сражающихся воинов, он неспешно направился по залитым кровью плитам к Короне Кобры, что так и лежала на полу залы. Воины Конана легко могли поразить его, но

они даже не пытались сделать этого. Казалось, что они не видят мага.

На самом деле они видели его ясно, однако маг волевым усилием смог внушить им, что его, Тот-Амона, они трогать не должны. Это внушение требовало от него такой сосредоточенности, что он и не пытался как-то воздействовать на Конана. Для того чтобы совершать нечто большее, он нуждался как в покое, так и в своем магическом приборе. Изумрудный луч им был уже использован, вновь воспользоваться им он мог только через несколько часов.

Тот-Амон спокойно перешагнул через тело Менкары, сраженного случайным ударом чьей-то руки. Стигиец нагнулся и поднял Корону с пола. Она все еще была горячей, но он держал ее так, словно не чувствовал боли. Маг принялся осматривать ее и вдруг, негромко выругавшись, отбросил ее в сторону так, словно она была никчемной безделушкой.

В тот же миг из-за стен дворца послышались какие-то крики. Уже через минуту в зале появилась вся команда Конана, возглавляемая Зельтраном и Сигурдом. Матросы были вооружены пиками и саблями. Дождавшись Нинуса и отправившись вместе с ним во дворец, Конан послал Сигурда на корабль за подмогой. Матросы должны были незаметно покинуть галеон и проникнуть во дворец тем же тайным ходом, по которому в него пробрался Конан.

Битва стала принимать совсем иной оборот. Отряд людей, верных королю, пошел в наступление. Ряды мятежников дрогнули, не устояв перед натиском противника. Хлынувшая назад толпа растащила Конана и Зароно в разные стороны.

Полный решимости продолжать поединок, Зароно принялся расталкивать своих людей, но тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он хотел было сбросить ее, но тут неожиданно понял, что это — рука Тот-Амона.

— Настало время подсчитывать потери, — угрюмо произнес стигиец. — Короны больше нет — она сгорела...

— Отпустите меня! — неожиданно зло закричал Зароно. — Мы еще можем победить, и я еще не прикончил этого борова!

— Богам угодно, чтобы в этом бою победил Конан.

— Откуда вы это знаете?

Тот-Амон пожал плечами.

— Я знаю не только это. Я ухожу; если хочешь — идем вместе.

Стигиец отвернулся и направился к выходу. Зароно как зачарованный шел вслед за ним.

— Стой! — послышался крик Конана. — Эй вы, псы, так легко уйти вам не удастся!

Неистово размахивая своей страшной саблей, Конан стал пробиваться к двери.

Тот-Амон удивленно поднял брови.

— Варвар, ты начинаешь утомлять меня! — Средним пальцем левой руки, на который было надето массивное медное кольцо в форме змеи, кусающей себя за хвост, стигиец указал на гобелен, висевший меж двумя узкими окнами. — Н'гхокх-гха нафаяк фтангуг! Вгох ньекх!

Гобелен внезапно ожил. Он заволновался, изогнулся и с треском оторвался от стены. Словно огромная летучая мышь, он полетел над головами сражающихся воинов. На миг зависнув над головой Конана, гобелен камнем упал на него, укрыв его с головы до ног.

— Иди быстрее, если хочешь сохранить голову! — приказал Тот-Амон Зароно.

На то, чтобы выбраться из-под гобелена, у Конана ушло всего несколько секунд, но к этому времени в зале уже не было ни Тот-Амона, ни Зароно. Их сторонники, покинутые своими предводителями, бросили оружие, сдаваясь на милость победителей.

Держа саблю над головой, Конан выбежал из двери и понесся к парадной лестнице. Он выбежал из дворца и услышал далекий стук копыт, что становился все тише и тише...

Утренний ветерок весело посвистывал в снастях. Поймав ветер, паруса «Вастреля» загудели, и он наконец вышел в открытое море.

На шканцах стоял постриженный и гладко выбритый киммериец, с головы до пят одетый во все новое — от шляпы с пером до блестящих ботинок. Конан довольно вздохнул. Хватит с него и заклинаний, и магов, — надоело сражаться с тенями! Все, что ему нужно, — креп-

кий корабль, надежная команда, меч на боку да цель впереди!

— Приятель, клянусь грудью Иштар и срамным удом Нергала, я уж было решил, что ты совсем сумасшедший! — проревел Сигурд-ванир под самым его ухом.

— Это почему же? Из-за того, что я отверг предложение Хабелы? — заулыбался Конан.

Рыжебородый северянин кивнул.

— Она ведь такая красивая, такая пышная, она нарожала бы тебе крепких сыновей. Мало того, при желании ты мог бы получить и трон Зингары. После всех этих треволнений король Фердруго вряд ли долго протянет, корона и королевство туг же перейдут к его дочери!

— Нет уж — спасибо. Однажды я уже был наложником королевы. Нзинга была женщиной взрослой и страстной, Хабела же еще сущий ребенок — в голове у нее невесть что. К тому же Фердруго может протянуть куда дольше, чем ты думаешь. Теперь, когда никто его не дурачит, он выглядит лет на десять моложе — ты только вспомни, как он приосанился! Как только Фердруго пришел в себя, он тут же объявил недействительным этот безумный указ, в котором Хабела называет супругом Тот-Амона, — так что, как видишь, и мозги у него еще варят.

Что касается Хабелы, то она мне нравилась. Я ее даже любил по-отцовски. Говоря между нами, я принял бы ее предложение, если бы только не то будущее, которое оно сулит.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока мои раны заживали, я имел честь обедать с королем и принцессой. За это время Хабела мне все уши прожужжала о том, что я должен буду делать. Изменить речь, изменить платье, изменить манеры и все такое прочее. Короче говоря, я должен был стать идеально воспитанным и благонравным зингарцем, который с надушенным платочком в руке и со слезами на глазах смотрит на то, как крутятся балерины из королевской труппы.

Может быть, я и глупее придворного философа Годриго, но я точно знаю — чего я хочу и чего не хочу. Нет, Сигурд, если Крому будет так угодно, когда-нибудь я и окажусь на троне. Но это будет не свадебный подарок — ты понимаешь?

И еще — Фердруго был уж слишком щедр. Он отдал мне Корону Кобры, которую я тут же снес к златокузнецу Хулио. Ты никогда не задумывался — почему это у нас на корабле все новое: и такелаж, и одежда, и прочее? Мне нет еще и сорока, а я уже стал богатеем! Нет, Сигурд, не по мне все это!

Спасать королей не наше дело — ты уж поверь мне, — у нас и без того забот по горло — кто же станет грабить всех этих купцов из Аргоса и Шема? Оставь ты в покое эту полоумную принцессу — пора бы нам и делом заняться! Идем, взглянем на карту! — Конан повысил голос: — Зельтран! Мы ждем тебя у меня в каюте!

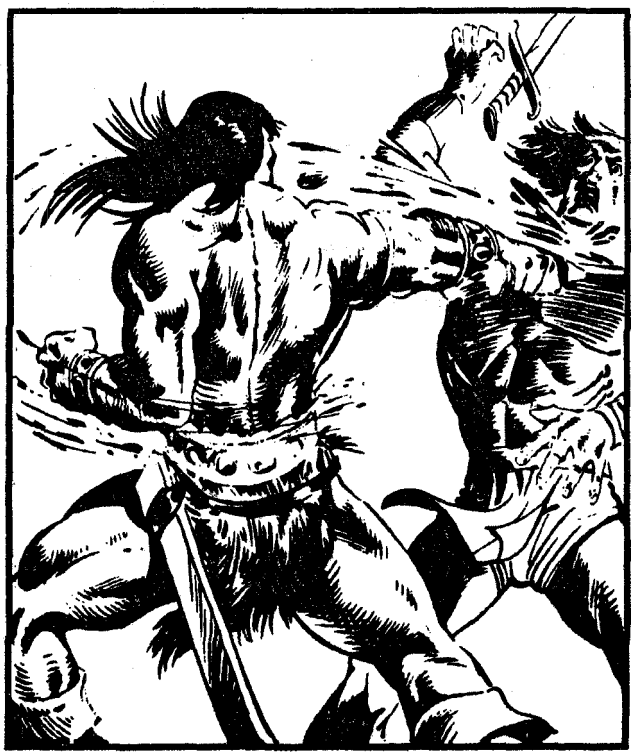
Конан сошел со шканцев. Рыжебородый гигант изумленно посмотрел ему вслед и, всплеснув руками, поспешил за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Ллира и молотом Тора! — проворчал он. — С этими киммерийцами спорить невозможно!

Снасти поскрипывали, над галеоном крича парили чайки. «Вастрель» на всех парусах шел на юг, навстречу новым приключениям.

Тени ужаса

РОМАН

1. КРАСНЫЕ ТЕНИ

Из тайных бездн в чреве земном
Забытым, древним, страшным сном
На крыльях тени в мир скользят.
Как кровь, как жгущий душу Ад.

Видения Эпимитреуса

Король Конан восседал на троне для судебных разбирательств в Зале Правосудия, расположенном в одном из покоев его дворца в Тарантии — столице королевства Аквилонии. За разноцветными витражами окон, над зелеными садами, усыпанными яркими благоухающими цветами, изгибался свод голубого неба. Дальше, за садами, ввысь устремились квадратные башни из белого камня, проникающие небесную синеву купола, отсвечивающие зеленоватой медью, силуэты домов, храмов, дворцов, крыши которых были покрыты красной черепицей. В ту древнюю хайборийскую эпоху это действительно был самый величественный город Западного мира.

За садами виднелись старательно выметенные улицы Тарантии, запруженные потоками движущихся людей: мужчины и женщины, пешком, на спинах лошадей, мулов, ослов, в носилках и на колесницах, в повозках, запряженных четверками быков, и на телегах. Речные суденышки, словно тучи водяных насекомых, облепили берега реки Коротас. За два десятилетия твердого, но терпимого правления Конана Великого Аквилония превратилась не только в самую могущественную, но и в самую цветущую страну из когда-либо существовавших в этом предрассветном мире.

В то время как король вершил свое правосудие, в колонном зале, поодаль друг от друга, стояли группы

богато разряженной знати; придворные в шелковых одеяниях, толстые купцы в кафтанах строгого покроя, шею каждого из которых украшала серебряная цепь со знаком своей гильдии на медальоне. Судебный список включал несколько чрезвычайно важных дел, и поэтому сейчас здесь собралась большая часть знатных жителей Аквилонии. Среди них был юный Гонзальвио, сын князя Пуантенского, вместе со своим отцом, старым Троцеро, стройным и элегантным, одетым, как обычно, в алый бархат; золотой леопард — символ его провинции — был рельефно выткан серебряной нитью на его тунике. Здесь присутствовали также граф Монато из Кафен, барон Гильом из Имируса и аскетического вида старец с белоснежной бородой — широко образованный и мудрый Декситей, Верховный Жрец Митры.

Суровые воины, облаченные в черные кольчуги королевских легионов, зловеще застыли у сводчатых дверей и у портика; солнечный свет вспыхивал на их шлемах с драконьими крылами и поблескивал на наконечниках копий. Все взгляды были устремлены на центральный помост, где над толпой смутно нависли два трона, и на толстого торговца, усыпанного драгоценными камнями, беспокойно переминавшегося с ноги на ногу. А в это время его адвокат в серебристо-черной, будто припорошенной дорожной пылью мантии держал оправдательную речь перед бо́льшим из тронов.

С его высоты на трепещущего ответчика грозно взирал Конан. В душе он чувствовал глубокое отвращение к этим утомительным, многословным, запутанным делам о налогах, с их ложью, так похожей на правду, с их сложными математическими расчетами, от которых раскалывалась голова. Как бы ему хотелось запустить короной в толстую рожу этого жадного глупца, стоящего перед ним, ринуться прочь из зала, ударить ногами по крутым бокам могучего жеребца и умчаться на весь день на охоту в Северные леса. «Чума забери эти королевские обязанности», — думал он. Они высасывают последние капли животворной влаги из человеческого тела, превращая мужчину во вздорного старого крючкотвора, в жилах которого не хватит горячей крови даже на взмах меча. После двадцати утомительных лет под тяжестью короны,

прежде чем неумолимая, всепобеждающая секира времени подкосит его, человек просто обязан отбросить все почести и титулы и умчаться к туманным горизонтам последнего приключения, в путь, отмеченный запекшимися кровавыми следами.

Конан украдкой бросил взгляд на соседний трон, где сидел принц Конн, его сын, наследник Аквилонии. Парню было уже двадцать лет — вполне достаточно, чтобы занять престол самого могущественного королевства Запада. С легкой улыбкой, игравшей на суровой складке рта, старый король изучал отсвет скучающей мятежной неприязни на лице молодого Конна. Вне сомнений, парень тоже мечтал сбросить с себя эти сковывающие парадные одежды и умчаться на весь день на охоту или, может быть, окунуться с головой в ночной разгул в одной из прибрежных пивных. Конан усмехнулся, вспомнив многочисленные попойки своей собственной горячей молодости.

Действительно, принц Конн был копией отца в его юные годы. Те же нахмуренные черные брови над пронзительными, глубоко посаженными голубыми глазами, то же смуглое угловатое лицо, обрамленное черной гривой жестких, ровно подрезанных прямых волос, та же мощная комплекция молотобойца, с широкими плечами, покатой грудью и буграми массивных мускулов, которых не могли скрыть шелка и бархат; те же длинные стальные ноги. Едва достигший совершеннолетия, сын Конана был на голову выше большинства присутствующих в зале, уступая лишь своему могучему повелителю, величайшему из воинов, когда-либо переступавших порог этого мира.

Что же касается самого Конана, то время еще не могло сломить этого неукротимого борца. Действительно, шестьдесят с лишним лет жизни уже вплели серебряные нити в густую черную шевелюру и в седеющую, коротко подстриженную жесткую бородку, закрывавшую его суровые губы и железные скулы. Он несколько высох, став похожим на усталого серого волка Северных степей. Холодная рука времени уже вырезала глубокие морщины над угрюмыми бровями и на изрытом шрамами лице. Но по его мощной фигуре все еще перекатывались волны неистребимых жизненных сил и жгучее пламя едва

сдерживаемого гнева таилось в глубине глаз. Парализующая хватка времени еще не сумела сковать титаническую силу его могучих, словно железные клещи, рук, переплетенных узлами тугих мышц и упругих сухожилий.

Он восседал на серебряном троне, как на широкогрудом жеребце среди усеянного телами бескрайнего поля сражения. Могучая рука крепко сжимала серебристо-черный жезл правосудия, словно утыканную шипами боевую булаву, которая в любой момент могла взмыть вверх, чтобы тут же обрушиться на теснящуюся внизу толпу. Богатые одежды, усыпанные драгоценными камнями, украшенные золотыми цепями и медальонами, облегали его усохшую мощную фигуру, напоминая воинские доспехи. Куда бы он ни вошел: в полную ли веселья пиршественную залу, в пыльную ли тишину библиотеки, пронизанную призрачными отзвуками древности, в обитую ли шелками спальню, этот угрюмый варвар из придавленных низкими облаками пустынь северной Киммерии приносил с собой грозную, безжалостную атмосферу поля брани. И это был не просто отпечаток прошлых лет, даже теперь, когда причуды Судьбы, усмешка богов или, может быть, его собственная несгибаемая воля вырвали этого чернобрового дикаря из ряда безымянных искателей приключений, чтобы поднять его в сверкающую высь — обитель сильных мира сего, сделав его повелителем могущественного королевства Западного мира. Конан помнил ту ночь почти полвека назад, когда, одетый в лохмотья юнец с безумным взглядом, он прокладывал себе дорогу, вырываясь из хайборийского загона для рабов, вращая обрывком цепи, чтобы потом безоружным пуститься в долгий путь, который лишь немногих избранных приводит к могуществу и славе. В стычках и битвах неукротимый киммериец прошел полмира навстречу своей судьбе, прорубив багряную тропу сквозь десяток королевств, от грохочущих пляжей Западного Океана до туманных долин сказочного Кхитая.

Грабитель, пират, наемник, искатель приключений, предводитель варварских племен, главнокомандующий

королевских войск, он отваживался на многое и был знаком со всеми опасностями и чудесами, какие только мог предложить ему этот мир. Своим могучим мечом непобедимый киммериец повергал в прах демонов, драконов и кровожадных чудовищ Древней Тьмы. Тысячи врагов познали жалящий укус его вихрем носящегося клинка — воины, покрытые с ног до головы бронзовой броней, злобные колдуны, воинственные вожди бешеных варварских народов, высокомерные короли. Даже бессмертные боги иногда вынуждены были избегать гнева его сокрушительного меча.

Но приключению, начавшемуся здесь, в Королевском Зале Правосудия в Тараксии этим теплым весенним днем, по прошествии девяти тысяч лет со времени падения Атлантиды и за семь тысячелетий до расцвета Египта и Шумерского царства, суждено было стать самым странным и фантастическим из всех многочисленных испытаний, которыми и так была насыщена его славная и полная смертельной опасности жизнь.

Это произошло совершенно неожиданно.

Еще мгновение назад Конан сердито разглядывал торговца и его речистого жестикулирующего защитника, но в следующий миг озадаченный взгляд киммерийца скользнул по залу к месту, где элегантная фигура его старого верного друга, князя Троцеро из Пуантена, вдруг зашаталась на отполированном до зеркального блеска полу.

— Нет, нет! Во имя всех алых демонов Ада!

В хриплом голосе старого придворного прорезались нотки ужаса и отчаяния, оборвавшие витиеватую речь адвоката. Изумленные лица обратились к его закачавшейся на одеревеневших ногах фигуре. Брови поползли вверх. Возможно ли, чтобы старый князь Пуантенский явился в Зал Правосудия пьяным?

Одного взгляда на онемевшее от страха, белое лицо Троцеро было достаточно, чтобы отбросить эту мысль. Крупные капли холодного пота поблескивали в его бескровных чертах, а мертвенно-бледные губы шевелились будто в немой агонии. Вокруг остекленевших глаз придворного выступили черные круги.

— Троцеро! — рявкнул Конан. — Тебе плохо? Что случилось, дружище?

Король чуть привстал, в то время как его ближайший друг и вернейший из соратников шатался на отполированных мраморных плитах с вытянутыми вперед руками, словно желая отстранить невидимого врага. В зале воцарилась тишина. Рослый сын Троцеро бросился от трона, протянув одну руку, чтобы поддержать своего господина. Старый воин стоял в самом центре зала, не в силах сдвинуться с места; ноги его дрожали.

— Нет, я сказал! Я не могу — ты не посмеешь! О Иштар и Митра! Мит... — Его голос сорвался в зловещий вопль.

И тогда Ужас нанес свой удар.

С крестового сводчатого потолка, из углов просторного зала вылетели крылатые тени — бледные и прозрачные, как обрывки дымчатой ткани, призрачно-красные Тени Ужаса.

В мгновение ока они опутали дрожащую фигуру старого пуантенца. Сквозь красноватую пелену находящиеся в зале могли видеть его белые неподвижные черты лица, застывшие в гримасе странного мучения. Будто стая призрачных летучих мышей-вампиров облепила неосторожного путника с ног до головы.

В течение бесконечно долгого, словно бы остановившегося мгновения Красные Тени закутывали жертву в свои бледно-розовые покрывала. Вскоре они исчезли вместе с ней.

Своей неподвижностью зал напоминал застывшую в красках картину. Печать растерянности лежала на лицах присутствующих. Старый князь Пуантенский, который уже четверть века стоял возле трона Конана и сражался за него, вдруг растворился в воздухе.

— Отец! О боги... — Голос молодого Гонзальвио оборвался в звенящей тишине.

— Во имя железного сердца Крома! — прогремел Конан. — Черная магия при моем собственном дворе? Я сниму голову с того, кто сотворил это! Эй, стража! Проклятье, что вытаращились, олухи, — трубите тревогу!

Яростный рев Конана вдребезги разбил хрупкую тишину. Женщины, пронзительно вскрикнув, падали в обморок. Мужчины ругались, терли глаза и снова ошарашенно устремляли невидящий взгляд на то место, где только что стоял один из величайших пэров Аквилонии. Над всей этой суматохой поднялся визгливый бронзовый зов военных рожков. Грохотали барабаны, и мрачные воины из легиона Черных Драконов Конана, с мечами в руках, расталкивали сгрудившуюся в замешательстве толпу. Они пробивали себе дорогу к висящему над помостом знамени Аквилонии, с вышитым на нем львом, вставая на защиту его и правителей, восседавших под его пологом. Но мечи не могли отыскать там ни притаившегося убийцы, ни шпиона, — то есть ничего доступного глазам.

На помосте, среди закованных в доспехи воинов, король Конан рыскал по залу горящим немигающим взором. Сейчас он был похож на грозного льва среди саванны. Глубокая боль пронзила его загадочное сердце, и острое чувство потери хлынуло в душу. Троцеро Пуантенский был первым, кто поддержал Конана, когда тот возглавил бунт против короля-выродка Нумедидеса. Престарелый граф предпринял далекое путешествие к берегам страны пиктов, чтобы вернуть назад бывшего главнокомандующего аквилонскими армиями, которому пришлось бежать от наемных убийц, посланных завистливым Нумедидесом.

Вскоре Конан выступил из Зингары во главе опытных и храбрых воинов. Постоянно пополняя ряды своими сторонниками, он, подобно кровавому мечу, рассек всю Аквилонию от дальних провинций до ворот увенчанной башнями Тарантии, откуда шагнул на ступени королевского трона. И там он собственными руками задушил развращенного Нумедидеса и водрузил корону на свою черноволосую голову. В глубине души Конан горячо оплакивал потерю своего самого старого верного друга, ставшего первой жертвой Ужаса...

Оставшиеся две недели этого месяца Ужас атаковал снова и снова, пока семь тысяч жителей Аквилонии — пэров и поденщиков, графинь и куртизанок, баронов и бродяг, священников и крестьян — не исчезли в роковых объятиях Красных Теней.

II. ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ ГОЛАМАЙРЫ

Пока ленивые года тянулись словно корабли,
И фениксы покой моей гробницы стерегли,
В бездонных пропастях уныния мрачного я спал,
Но пробил час, и я от сна восстал!

Конан спал один под неусыпной охраной в одном из просторных покоев своего дворца. В сумеречной вышине неясно маячил позолоченный купол потолка. И хотя последние три дня он не смыкал глаз ни на минуту, отчаянно пытаясь совладать с мистической напастью, поразившей его королевство, сон Конана скорее напоминал беспокойную дремоту, часто посещаемую какими-то видениями. В течение длинных дней и ночей, полных горького бессилия, он держал бесконечный совет. Конан искал ответа у мудрейших людей королевства — седовласых старцев и образованнейших ученых мужей. Он просил священнослужителей Митры, Иштар и Азуры молиться о заступничестве богов. Он слушал рассказы шпионов и изучал донесения тайных агентов. Он пытался прибегнуть к чарам и ворожбе служителей тайных культов — все напрасно.

Теперь изнеможение подточило силы даже его несгибаемой железной ярости. Старый, поджарый волк, охваченный беспокойной наркотической дремотой, Конан растянулся в тяжелой кольчуге на шелковых покрывалах подложив под руку свой широкий меч.

Конану казалось, что он слышит далекий голос. Отдающийся эхом призыв прозвучал достаточно громко, чтобы заставить его насторожиться, но столь туманно и неясно, что он никак не мог проникнуть в смысл фразы, жутким шепотом растекающейся по его комнате.

Конан вскочил с постели и, осмотрев свои голые руки и ноги, понял, что это было сновидение. Король обернулся и увидел свое собственное тело, погруженное в глубокую дремоту. Кольчуга мерно вздымалась на широкой груди, поблескивая в серебряном лунном свете, проникавшем сквозь высокие узкие окна.

Снова раздался далекий бормочущий зов, в котором звенели властность и непринужденность. Поразительно, что потом Конан так и не смог ясно представить себе, как из пронизанной лунным светом темноты комнаты он дви-

нулся вперед, разбивая преграды пространства и времени, пока вьющаяся вихрем серая, как его поседевшая борода, дымка не сомкнулась вокруг него, скрыв все остальное из виду. И даже после этого он все перемещался вперед каким-то непостижимым способом, так не похожим на движение в оставшемся позади материальном мире, — вперед, сквозь серую тьму, застилающую глаза подобно липким объятиям ночного тумана.

Из этой зыбкой дымки снова и снова доносился тот настойчивый голос, который извлек его дух из громады плоти и увлекал его в этот мир прозрачной темноты и феерического мичмана. Постепенно звуки голоса, раздающегося вновь и вновь, стали яснее «Конан из Киммерии! Конан-Аквилонец! Конан-Островитянин!»

Теперь Конан слышал голос совсем отчетливо, но последняя фраза озадачила его: что значит имя «Конан-Островитянин»? Никогда, за все долгие годы скитаний, это прозвище не было связано с его именем.

Наконец он дошел до места, где почувствовал твердую почву под ногами. И в этом странном сновидении ему почудилось, что серый туман рассеялся. Тусклый неземной свет пробивался сквозь голубоватые пары. Теперь он находился в колоссальных размеров зале, чьи темные стены и величественный сводчатый потолок казались вырезанными из черной, как могильная тьма, плоти самой Древней Ночи. Слабое мистическое свечение как будто исходило от самих камней, и он мог смутно различить гигантские ниши, возносящиеся от пола до сводчатого потолка.

Каждый квадратный дюйм черных стен был покрыт изумительной резьбой, изображавшей пышные процессии крошечных фигур, — бесконечная стремительная панорама, заполненная миллионами сталкивающихся и сражающихся людей. Приблизившись, он поразился необычности их одежд и оружия, будто принадлежащих далеким эпохам и другим мирам. Словно чьи-то титанические усилия превратили холодные камни в великолепные гобелены, в которых с высоты птичьего полета отразилась история всего человечества, начиная от забытых дней до Катаклизма, когда Атлантида и Лемурия, Валусия и Грондор боролись за мировое господство; и даже раньше, когда сгорбленные косматые предки людей неуклюже пробирались

сквозь джунгли и чернокрылая Ка, Птица Сотворения Мира, впервые вылетела с загадочного Востока, чтобы запустить ход Времени.

Над сражающимися рядами древних королей и героев неясно вырисовывались и другие фигуры — безобразные, нескладные и ужасные. Конану казалось, что в глубине своей души он имел представление об этих существах — древних Безымянных Тварях, господствовавших над заполненной звездами вселенной за биллионы эонов до рождения Голамайры — Первого из Людей.

Теперь Конан знал, что он шел через сновидения, где время остановилось, и что дух его был захвачен древней Силой, которая стерегла племя людей. Исходящим из самого нутра звериным чутьем, столь естественным для его варварской души, он постигал, что нога смертного еще не касалась этой мертвой пыли, покрывавшей черный пол задолго до начала счета времени. Это существовало всегда, и он сознавал это. И даже более того, ему казалось, что однажды, много лет назад, он стоял на этом самом месте и проходил вниз, в разверстую черную глотку этой гигантской пещеры, охваченный таким же странным магическим сном.

Бесконечное число лет прошло с того далекого дня, но что такое эфемерные поколения смертных людей для него, вечно спящего под черными сводами лежащей вне времени Голамайры, Горы Вечности?

Конан вступил на широкую винтовую лестницу, которая уносила крутые ступени из черного камня на немыслимую высоту. Уступы стен были здесь украшены загадочными символами какого-то тайного письма, настолько древнего и в то же самое время смутно знакомого, что пробудили в нем неясные воспоминания. Рожденные воспоминания восходили к опыту далеких предков, еще во многом похожих на первых человеко-зверей, неуклюже ковыляющих сквозь Времена Рассвета. И вспыхивающие в этом туманном вихре неясные проблески, в которых оживали видения Старших Времен, вызвали мурашки на его голом теле. Он поспешно отвел глаза от загадочных иероглифов. Поднимаясь по ступеням этой колоссальной лестницы, Конан видел, что всякий раз ставит ступню на слепо шарящую в темноте голову змеи с омерзительно-

тонкой чешуйчатой шеей. Извивающиеся кольца змеи были высечены в камне и вызывали образы тех ненавистных кошмарных форм, которые называли Сетом. Старый Змий, бессмертный, злобный Демон Тьмы. Этим символическим приемом неизвестные зодчие хотели знаменовать, что путник каждым своим шагом попирает слепые силы зла и хаоса.

Конан медленно двигался вверх по бесконечной спирали лестницы. Наконец он увидел и саму гробницу, высеченную из сверкающего массивного кристалла, название которого Конану не было известно. Если это был бриллиант, а кристалл действительно был похож на него, то ценность камня, из которого была сделана гробница, была просто немыслимой. В холодном кристалле мириадами звезд сверкали беспокойные лучи мерцающего света.

По обе стороны погруженного в сон склепа в мрачном безмолвии застыли огромные зловещие фигуры фениксов с железными клювами и когтями. Их широкие крылья раскинулись над бриллиантовой усыпальницей, укрывая зубцами каменных перьев обитателя склепа. Из непроглядной темноты гробницы стали возникать очертания титанической фигуры, окруженной сверкающим ореолом лучей чистейшего света. Завороженный, онемевший Конан не мог оторвать глаз от величественного, обрамленного седой бородой лица.

— Говори, о смертный! — трубно прозвучал глубокий голос. — Знаешь ли ты, кто говорит с тобой?

— Да, — с трудом произнес Конан, — во имя Крома и Митры и всех Богов Света, ты — пророк Эпимитреус, чья плоть превратилась в призрачную пыль пятнадцать тысяч лет назад!

— Верно, о Конан. Много лет прошло с тех пор, как я призвал твой спящий дух, чтобы он предстал передо мною здесь, в черном сердце Голамайры. За протекшие с того дня годы мой немеркнущий взгляд неотступно следовал за тобой по всем извилистым дорогам, через все битвы в разных уголках земли. И ты всегда выбирал правильный путь. Все было сделано так, как того хотели Бессмертные, поставившие меня охранителем людей. Но сейчас тьма нависла над Западными землями — тень, рассеять которую не в силах ни единый смертный, кроме тебя.

Конан вздрогнул от неожиданности этих слов и хотел заговорить, но высохшая рука старца поднялась вверх, приказывая молчать.

— Слушай внимательно, о Конан! В былые времена Боги Жизни дали мне власть и мудрость, недоступную другим людям, чтобы я мог вести войну против исчадия самого Ада, злобного Змия, старого Сета, с которым я уже боролся и убил его, но тогда же и сам нашел свою смерть. Ты знаешь это.

Об этом рассказывается в старинных книгах и поется в песнях, проговорил Конан.

— Да, это было так. — Голова, окутанная сверкающими лучами, едва заметно склонилась. — Ты знаешь, о сын человека, что еще при рождении вечные Боги предопределили тебе великие свершения и бессмертную славу. Через множество смертельных опасностей проходил твой путь, и много темных и злых сил, человеческих и потусторонних, были повержены в прах твоим мечом. И Боги были довольны.

Конан ничего не отвечал на эту похвалу. Его угрюмое лицо было бесстрастным. Воцарилось молчание, и затем снова раздался глубокий, звенящий в ушах голос Эпимитреуса.

— Еще одно, последнее дело ожидает тебя, о киммериец, прежде чем ты сможешь удалиться на заслуженный покой. Этот подвиг был предсказан твоему духу еще до начала отсчета Времени. Одна последняя и Величайшая победа ждет тебя, но за нее придется заплатить горькой ценой.

— Что это за предназначение и какова та цена? — потребовал ответа Конан.

— Ты должен спасти Западный мир от Ужаса, который уже сейчас медленно наступает на твои зеленые владения. Над землями людей нависло страшное проклятие. Это рок более чудовищный, чем может постичь твой ум. Это Ужас, который внезапно обрушивает вниз свои чары, порабощает души людей и рвет в куски их несчастные тела. Ужас, который должен был рассыпаться в пыль десять тысяч лет назад.

Сверкающий взгляд пророка изучающе застыл на суровом лице киммерийца.

— Но, чтобы совершить это, тебе придется передать трон и королевскую корону твоему сыну и в одиночку устремиться вперед к туманным горизонтам самых отдаленных границ Западного Океана. Ни один человек не отваживался проникнуть туда с того самого времени, когда по воле рока Атлантида погрузилась в сверкающие волны. *Именно этой ночью ты должен оставить* корону и грамоту об отречении от престола — все, чем ты доселе был связан, и тайно отправиться за пределы твоего королевства, чтобы никогда более не увидеть его. Путь в неведомые края долог и тяжек. Множество смертельных опасностей отделяет тебя от конечной цели, опасностей, от которых даже Боги не смогут оградить тебя. Но ты единственный из людей, кто может пройти по этой тропе, имея хоть какой-то шанс на победу. Да, все эти великие испытания и великая слава предназначены тебе одному, потому что лишь немногим смертным суждено участвовать в судьбе этого мира.

Сквозь облако света старец улыбнулся стоящему внизу королю.

— Только один подарок могу я тебе дать. Пронеси его сквозь все невзгоды, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более я не могу открыть тебе. Твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности.

Комочек искрящегося света, подобно облаку звездной пыли, выплыл из протянутой ладони пророка. Что-то холодно звякнуло у самых ног Конана. Не отрывая глаз от пророка, он нагнулся и поднял талисман.

— Еще одно лишь слово, — произнес Эпимитреус, — короли-чародеи из забытой Атлантиды использовали Знак Черного Кракена. Этот символ иногда еще может возникнуть вновь. Остерегайся его!

— Теперь иди, сын Крома, — продолжал мудрец. — Смертному нельзя слишком долго оставаться в царстве теней, даже если его дух и был призван мною. Возвращайся, о Конан, в свою оболочку из плоти, и благословение бессмертных Богов пребудет с тобой, дабы рассеять мрак предстоящего тебе пути на краю гибели. Никогда более не окажешься ты перед лицом Эпимитреуса — ни в этом, ни в других бесчисленных грядущих мирах, через

которые пройдет твоя душа, вновь возродившаяся для борьбы и свершений. Прощай!

Задыхаясь, словно после жестокого удара, Конан внезапно проснулся. Он обнаружил, что лежит на шелковой постели в своей серебрящейся сталью кольчуге. Липкий пот обильно струился по его телу. Несомненно, это был только сон! Наркотическое действие вина и его собственные заботы слились в одном устрашающем видении.

Но вдруг его взгляд упал на какую-то вещицу, крепко зажатую во вспотевшей ладони. Это был огромный сверкающий бриллиант — талисман, выточенный в виде птицы феникса. И Конан понял, что это было нечто большее, чем просто сон.

Спустя три часа, во время летнего шторма, когда пронизывающий насквозь ливень захлестывал могучие башни дворца Тарантии и молнии скручивали их в фантастические фигуры, потайная дверь во внешней стене, которой редко пользовались, неслышно открылась. Гигант, закутанный в черный плащ, из-под которого поблескивала железная кольчуга, тихо вышел из темного проема. Его лицо было наполовину скрыто огромной черной шляпой с опущенными полями. За ним показалась другая высокая фигура, за которой шел на поводу горячий жеребец. Они остановились; и первый мужчина стал внимательно осматривать подпругу и проверять длину стремян.

— Черт побери! — глухо прозвучал голос молодого принца Конна. — Это несправедливо! Если кто-нибудь и имеет право следовать за тобой, так это я!

Конан мрачно тряхнул головой, и с полей его шляпы поспешно сорвались капельки дождя.

— Кром знает, сынок, что если бы я мог взять кого-то, то я выбрал бы тебя. Но теперь мы уже не те двое беззаботных искателей приключений и не можем подчиняться своим прихотям. Человеку никогда не достичь власти и славы, если у него нет чувства ответственности. Мне потребовались годы, чтобы хорошо выучить этот урок, но иногда он мне кажется слишком тяжелым. Я ухожу, возможно, навстречу смерти, а ты должен остаться здесь, чтобы править этой землей и творить на ней правосудие, как подскажет тебе разум. Такова воля богов. Полностью не доверяйся никому. Надежнее всего ты можешь поло-

житься на тех людей, которым я сам оказал доверие. Знай, однако, что девять десятых всех похвал — ложь, ибо королевский титул притягивает к себе лесть, как падаль привлекает мух. Суди о человеке не столько по словам, сколько по делам. Никогда не наказывай принесшего дурную весть и не хмурься грозно на того, кто высказывает неприятное для тебя суждение. Иначе люди не осмелятся говорить правду своему королю. Прощай!

Железная ладонь отца крепко стиснула руку сына, и они на мгновение сдавили друг друга в объятиях. Одним прыжком Конан взлетел в седло, пока Конн держал жеребца за поводья, другой рукой придерживая стремя. На мгновение человек в плаще обернулся, окинул тускло вспыхивающие золотом башни Тарантии, звездной столицы Западного мира, и сердце его забилось быстрее. Словно силясь убежать от нахлынувших чувств, Конан пришпорил коня и помчался сквозь хлещущие струи дождя на юг, по дороге, вырываемой из темноты вспышками молний, на Аргос, к морю. Так могучий воин, с которым никто на земле не мог сравниться силой, пустился в последнее и самое удивительное из всех своих приключений.

III. «КУБОК И ТРЕЗУБЕЙ»

Троны рушатся, кружится пепел, и страны
готовы пасть.
Содрогается мрак, разевая бездонную
жадную пасть,
Лишь один скачет смело вперед, но туманны
на Запад пути.
Он дорогу к своей безымянной судьбе
безнадежно стремится найти...
Путешествие Амры

Шторм разразился около полуночи. Молнии огненными бичами гнали плотно сбитые громады черных облаков вдоль линии западного горизонта. Но еще раньше поднялся ветер, завывая, словно стая голодных волков, и помчал вперед упругие простыни дождя.

Маленькая гостиница «Кубок и Трезубец» на берегу моря, недалеко от бухты Мессантии в Аргосе, была полна

света, тепла и веселья. Яростное пламя ревело в каменном сердце камина, наполняя длинную комнату с низким потолком отблесками оранжевого света и потоками ласкающего тепла. На грубых деревянных скамейках перед длинными столами сидели, развалившись, моряки, рыбаки и случайные путники, которых внезапно застигла буря. Одни жадно глотали горький аргосский эль, а те, кто мог себе это позволить, и более деликатную жидкость — густое зингаранское вино. Здоровенный теленок медленно вращался над ревущим пламенем на потрескивающем от жара вертеле, и пряный запах жареного мяса наполнял воздух.

Неожиданно дубовая дверь, подхваченная неистовым порывом ветра, с треском распахнулась. Мужчины повернули головы и с удивлением уставились на гигантскую фигуру, смутно маячившую в дверном проеме. С головы до ног ее окутывал черный плащ, по которому сбегали тонкие струйки дождя, собираясь на полу в темные лужи.

Незнакомец вошел внутрь, с силой захлопнув за собой дверь, и люди в таверне увидели бронзовое, обветренное лицо с посеребренной сединой бородкой, частично скрытое черной широкополой дорожной шляпой, из-под которой на них блеснул опасный взгляд голубых глаз. Человек снял свой тяжелый плащ, и потоки воды схлынули по его складкам.

Толстый, с багровым лицом и слипшимися жирными черными волосами, вечно потеющий владелец гостиницы тяжело заспешил к незнакомцу, чтобы выяснить, что тот будет заказывать. Он слегка кланялся на ходу и вытирал мясистые руки о кожаный фартук, из-под которого выпирал внушительный живот.

— Подогретый крепкий эль, — глухо проронил пожилой мужчина с огненным взглядом, устраиваясь на скамье у самого огня, — и окорок жареного теленка, запах которого я чувствую, если только он уже готов. Живо, приятель! Я промок до костей, замерз, как собака, и зверски проголодался!

Пока владелец гостиницы, пыхтя, бегал, чтобы побыстрее услужить незнакомцу, здоровый рыжеватый аргосец, сильно подогретый вином, подтолкнул локтем това-

рища и поднялся со своего места около очага. Это был плотный верзила, с толстой мускулистой шеей и широкими покатыми плечами борца. В глуповатых поросячьих глазках поблескивала животная хитрость и врожденная тупость. Он стоял, слегка раскачиваясь, и с наглой усмешкой смотрел на пожилого мужчину. Взгляд его скользнул по седой гриве волос и покрытому рубцами лицу незнакомца.

Конан тем временем расправлял плащ, чтобы уловить побольше тепла от огня, и не обращал на аргосца никакого внимания.

— Что это у нас здесь, ребята, а? — басом прохрипел краснолицый.

— Кажется, это зингаранский пират, Страбо, — отозвался один из его дружков.

Страбо еще раз осмотрел путника с ног до головы.

— Дряхловат для пирата, парни, — насмешливо проговорил он. — Вы посмотрите на этого старого пса, непонятно по какому праву нагло раэвалившегося на лучшем месте в «Кубке и Трезубце». Эй, седобородый! Оттащи свои мослы в сторону и дай честным аргосцам немного погреться!

Конан метнул в него сверкающий взгляд. Если бы Страбо не опустошил столько кружек и не задирался так открыто, возможно, этот скрытый в глазах огонь проник бы даже в его окостеневшие мозги.

Ведь это был один из тех предгрозовых взглядов, который говорил о том, что Конан с трудом сдерживает закипающий гнев. Юношеский задор мелькнул в налитых кровью глазах аргосца, и его поросячье лицо вспыхнуло.

— Тебе говорю, папаша! — прорычал он и пнул Конана в голень. Звук удара во внезапно наступившей тишине прозвучал необычно громко.

Это был местный силач, громила и забияка. Рыбаки, в предвкушении забавы, подталкивали друг друга локтями, ожидая, когда Страбо выведет этого старикана из себя.

В дальнем углу таверны в молчании сидела чем-то напоминающая кошку фигура. Человек закутался в толстый черный плащ, а его капюшон был низко надвинут

на глаза. Зрачки его сузились. Он весь подался вперед, наблюдая ссору со странным интересом. Движение Конана напоминало стремительный бросок взбешенного тигра. Только что сидел он, сгорбившись над своим плащом, от которого с шипением поднимался пар, но уже в следующий миг он превратился в вихрь смерти, который обрушился на аргосца. Его огромная чугунная рука тисками сжала бедро противника, а другая смертельной хваткой сдавила шею здоровяка.

Затем произошло невероятное. Конан одним движением оторвал тяжелого Страбо от пола и швырнул его через всю комнату. Тело аргосца врезалось в деревянную стену с такой силой, что дом вздрогнул от удара, и с глухим стуком рухнуло на дощатый пол. Бедняга неподвижно лежал на полу, тяжело дыша и не в силах прийти в себя от изумления. Один из зрителей ошарашенно пробормотал:

— Чтоб такой старикашка. Это невоз...

Страбо, лицо которого было ярче кумачовой ткани, вскочил на ноги. Изрыгая бессвязные проклятия, он ринулся через комнату, растопырив свои громадные ручищи.

Конан шагнул вперед, встречая противника. Словно железный шар, его левая рука врезалась в выпяченный живот громилы. Воздух со свистом вылетел изо рта Страбо. Его лицо посерело и покрылось пятнами. Он переломился пополам, и тогда правая рука Конана сочно припечаталась к физиономии аргосца, отчего тот вздрогнул всем телом. От удара его голова откинулась назад и все тело слегка оторвалось от пола. Когда аргосец грудой мяса рухнул вниз, Конан пинком всадил его в огонь. Угли брызнули по сторонам, и сажа взметнулась вверх, окутав камин черным облаком. С воплями дружки Страбо бросились к огню, чтобы вытащить жертву из камина — почерневшую, обессиленную, в пятнах жира. Они хлопали верзилу по бледным щекам, но голова его при каждом ударе только вяло болталась из стороны в сторону. Кровь сочилась из его смятого в лепешку носа и рассеченных губ, текла вниз к подбородку и исчезала в складках шеи. Конан не обращал на них ни малейшего внимания, а товарищи Страбо, бормоча проклятия, та-

щили своего приятеля в соседнюю комнату, чтобы вернуть его к жизни.

Напряженная тишина рассеялась над хором восхищенных поздравлений и комплиментов силе Конана. Многие из присутствующих уже давно надеялись, что кто-нибудь в конце концов уймет этого не дающего никому прохода хулигана. Конан ответил хмурой кривой улыбкой и занялся подогретым терпким элем, который ему уже подали. Едва успел он сделать первый большой глоток из дымящейся фляжки, как оглушительный рев привлек его внимание.

— Во имя молота Тора и огней Баала! Лишь один смертный во всех тридцати королевствах мог так швырнуть этого жирного хвастуна! Нет, не может быть?!

Как нос корабля разрезает волны, так сквозь расступающуюся толпу к Конану пробирался человек огромного роста со слегка посеребренной сединой рыжеватой бородкой. В великолепном алом кафтане, расшитом золотом, неуклюже раскачиваясь на ходу, он походил на здоровенного красного медведя. На лысой голове незнакомца небрежно сидела шляпа с пером, а в мочках ушей болтались золотые серьги. Тройной шелковый пояс, весь в сверкающих искрах драгоценных камней, поддерживал его массивный живот. За пояс был заткнут усыпанный самоцветами кинжал и дубина с железным наконечником, которой легко можно было раздробить череп быка. Его широкую грудь пересекала перевязь с золотыми застежками, на которой висела тяжелая абордажная сабля, а на толстых ногах красовались сапоги из тонкой кордавской кожи.

Конан поймал взгляд его острых светлых глаз, поблескивающих из-под ржавых густых бровей на потном красном лице, и обнажавшую ряд белых зубов широкую улыбку, от которой огненная бородка незнакомца ощетинилась. Его голос поднялся до радостного крика:

— Сигурд из Ванахейма, это ты, старый толстый морж! Во имя огненных кубков Ада, Сигурд Рыжебородый! — прорычал он, поднимаясь, чтобы заключить дюжего моряка в свои объятия.

— Амра — Красный Лев! — прохрипел Сигурд.

— Тише, придержи язык, старый бочонок с китовым жиром, — остановил его Конан. — У меня есть причина пока не раскрываться.

— Ох, — сказал Сигурд и продолжал уже тише: — Во имя сердца Бадба и когтей Нергала, сгори мои внутренности на медленном огне, если нутро старого моряка не обдало теплом, когда я протер глаза от изумления, увидев тебя!

Они крепко сжали друг друга в объятиях, словно два рассерженных медведя, и затем, отстранившись, обменялись дружескими тумаками. Для менее крепкого человека одного такого удара было бы достаточно, чтобы распластаться на полу.

— Сигурд, во имя Крома! Сядь и выпей со мной ты, обросший ракушками старый кит! — ревел Конан.

Его приятель, тяжело дыша, обрушился на скамью напротив киммерийца. Он сбросил свою украшенную пером шляпу и с глубоким вздохом облегчения вытянул толстые ноги.

— Хозяин! — прогремел Конан. — Еще одну кружку, и где это проклятое жаркое?

— Во имя золотого меча Митры и многомильного копья Водана, ты ничуть не изменился за эти тридцать лет! — сказал рыжебородый ванир, когда они сдвинули кубки. Он отер щетинистый подбородок красным рукавом и громко рыгнул.

— Разве? Ты, верно, лжешь, старый мошенник! — усмехнулся Конан. — Тридцать лет назад, когда я награждал человека таким ударом, я ломал ему челюсть, а иногда и шею. — Он вздохнул. — Но, старина, время всех нас загонит в конце концов в свою ловушку. Ты тоже изменился, Сигурд, бочонок жира. Ты был тоньше топреи, когда мы виделись в последний раз. Помнишь, как мы попали в мертвый штиль недалеко от Безымянного острова, и не осталось ни крошки жратвы, кроме крыс в трюме и нескольких вонючих рыбешек, которых нам удалось выудить из грязной лужи Мананна.

— Да, да, — горько хмыкнул его собеседник, рукавом смахнув с глаз чувствительные слезы.

— Ох, черти сотри мою утробу, конечно, ты изменился, старый Лев! Тогда в твоей черной шевелюре еще

не было седины... Да, да, в те далекие дни мы оба были молоды и в нас кипела жизнь. Но чтоб я пошел на дно! Я вроде слышал от одного человека из Братства, что ты правил каким-то из царств в глубине континента? Коринфия или Бритуния? Я не помню каким. Но, во имя челюстей Молоха и зеленых усов Лира, мне необычайно приятно снова видеть тебя после стольких лет!

Над кружкой подогретого эля и громадным куском горячего мяса два давних товарища обменивались историями о своих похождениях. Много лет назад, когда Конан был членом Красного Братства Барахских островов, лежащих к юго-западу от берегов Зингары, он и рыжебородый ванир были закадычными друзьями. Тропинки их судеб разминулись уже давно, но снова встретить своего старого друга, еще раз обменяться дружескими возгласами и воспоминаниями перед ревущим и пышущим жаром очагом, за сытной едой и обильной выпивкой — все это для одинокой души киммерийца словно фляжка забористого вина. Конан уже приближался к концу своего рассказа.

— И когда я проснулся и понял, что это был не сон, — говорил он тихим хриплым голосом, — я быстро намарал рескрипт об отречении от престола в пользу моего сына, который будет править именем Крома как Конан Второй. Ничто не удерживало меня более в Тарантии. После двадцати лет правления во рту оскомина от всего этого законотворчества и разбора тяжб. Давным-давно я разбил в прах все замыслы королей соседних государств вступить со мной в войну. Со времени падения Черных там больше не было настоящих битв, и человек мог сойти с ума от этих тягучих лет мира и изобилия, наступивших поколение спустя после кровавой бойни.

Мгновение Конан был погружен в раздумья. В его глазах мерцали огненные отсветы, будто картины прошлого вновь пробегали перед его мысленным взором.

— Да, конечно, — вздохнул он, — Аквилония далеко и утопает в зелени, я старался быть королем, достойным ее. Но мои старые друзья уже ушли из жизни: старый Публий, канцлер, из одного золотого делавший три;

Троцеро, который помог мне взойти на трон; генерал Паллантид, безошибочно предвидевший все замыслы неприятеля еще до того, как они приходили в голову самому врагу. Все исчезли, ушли из этой жизни. А с того момента, как умерла моя возлюбленная Зенобия, оставив мне новорожденную дочь, даже воздух Тарантии стал тяжек и душен для меня!

Он подозрительно усмехнулся и опрокинул себе в глотку изрядную порцию эля.

— Все было в порядке, пока сын был молод. С каким удовольствием я учил его владеть луком, мечом и копьем, скакать на лошади и управлять колесницей. Но сын уже вырос и должен самостоятельно идти по жизненной тропе, над которой не висит мрачная тень седобородого ворчливого старого медведя. Мне не нужен Эпимитреус, чтобы постичь эту простую истину. Это время я оставил себе для последнего приключения. О Кром, одна мысль о смерти в своей постели в окружении перешептывающихся медиков и суетящихся придворных всегда наводила на меня ужас. Лишь об одном молил я богов — послать мне последнее сражение, где Конану суждено будет бороться и погибнуть.

— Ох, верно, верно, — согласился рыжебородый гигант со свистящим вздохом, качая головой так, что отблески пламени искрами пробегали по золотым серьгам в его ушах. — Со мной приключилось почти то же самое, хотя рука Судьбы никогда не дарила мне ни короны, ни королевства. Я бросил торговлю много лет назад. Я был купцом и плавал между Мессантией и Кордавой. Можешь ли ты представить себе старого рыжебородого Сигурда, грозу Барахии, в роли купца?

Его живот затрясся от смеха.

— Эх, но это было еще не самое плохое. Как и ты, Лев, я тоже пустил корни на суше с одной красоткой — прекрасной девушкой, хотя в жилах ее текла не одна капля пиктской крови. Да, мы нарожали приличный выводок визгливых крепышей, и теперь парни ничуть не уступают мне ростом. Моя жена давно умерла. Эх, Фриса, да благословят боги твое отважное сердце! А желторотые птенцы подросли и дальше процветают сами по

себе. А что делать старику, который еще не собирается умирать?

Хо! Я продал все до нитки, когда женился мой последний сын. Теперь я возвращаюсь к красному ревущему Тортажу, чтобы еще раз ощутить вкус жизни, прежде чем наступит нескончаемая ночь. А как ты, Лев? Отправляйся со мной, дружище, на палубы пиратских кораблей, и пусть Сет заберет себе эти призрачные пророчества и мутные роковые тени! Мы разграбили черную крепость Кеми в Стигии! И чтоб я утонул, как сундук, или нас продырявят копьем и мы погибнем, как герои древних саг, или мы загребем больше золота и драгоценностей, чем Траникос, Зароно и Стромбани, вместе взятые! А? Что скажешь, приятель?

Внезапно между собеседниками легла черная тень. Конан поднял глаза, одной рукой нащупывая рукоять меча, в то время как закутанный в черный плащ незнакомец, который наблюдал за ними из дальнего угла комнаты, не торопясь усаживался за их стол.

— Вы ищете корабль, джентльмены? — спросил он мурлыкающим голосом.

Северянин громко и подозрительно хмыкнул, но похожий на кошку незнакомец, чье лицо все еще было закрыто капюшоном, положил на стол обе руки — в них не было оружия.

— До меня совершенно случайно донеслось несколько слов из вашего разговора, — вкрадчиво сказал навязчивый неизвестный. — Молю вас простить это вторжение, но если вы уделите мне несколько мгновений, то, мне кажется, мы сумеем обсудить одно выгодное для всех нас дело.

Сигурд с сомнением смерил его взглядом, но с любопытством хмыкнул. Конан вонзил в человека испытующий взгляд немигающих глаз.

— Говори же, — проворчал он, — что у тебя?

Незнакомец вежливо кивнул.

— Если я правильно понял из того немногого, что случайно услышал, то, по-моему, вы оба старые моряки и обсуждали сейчас, где бы достать корабль, чтобы снова заняться своим делом где-нибудь на Пиратских островах? Нет, не бойтесь, — он успокаивающе поднял руку, — я

не шпионю для властей. Но, может быть, я смогу оплатить вам покупку вполне приличного корабля.

Проворно, словно змея, длинная рука незнакомца исчезла в складках плаща и появилась с полной пригоршней сверкающих камней, которые рассыпались между собеседниками по столу, покрытому отпечатками мокрых кружек.

Мерцая в красноватых отсветах пламени очага, на столе лежал богатый княжеский выкуп — сапфиры, синие, как воды южного моря; изумруды, похожие на вспыхивающие в темноте кошачьи глаза; топазы и цирконы, желтые, словно кожа китайца, и красные, словно только что пролитая кровь, рубины.

Конан, на которого эта картина не произвела ни малейшего впечатления, неотрывно буравил незнакомца испытующим взором.

— Прежде всего, — мрачно проговорил он, — я хочу, во имя Крома, знать, кто ты такой. Проклятье! Я не принимаю никаких подарков от человека, который прячет свое лицо даже здесь, в аргосской таверне, где на каждой улице стоит охранник короля Ариостро и город настолько безопасен, что девка в соку может без опаски прогуливаться по всему порту!

Вкрадчивым голосом, с чуть заметной улыбкой, незнакомец ответил:

— Спасибо на добром слове, моряк! У меня есть веские причины скрывать здесь свое лицо, потому что народ Аргоса слишком хорошо меня знает.

— Прекрасно, твое имя?! — потребовал Конан, и в голосе его послышался рокот каменного обвала. — Или я запущу тебя сквозь комнату, как я это сделал с тем толстозадым задирой!

— Охотно, если вы почувствуете себя от этого непринужденнее, — засмеялся его собеседник. Слегка приподнявшись, он мягко проговорил: — Знай, моряк, что я — Ариостро, король Аргоса!

Конан даже хрюкнул от изумления. Незнакомец стянул со своей руки одну из перчаток и протянул голую кисть. Пламя заиграло на древнем перстне аргосских правителей, украшенном огромным бриллиантом с искусно вырезанной на нем королевской печатью.

IV. АЛЫЙ ТОРТАЖ

Волны рвутся на бе́рега черный остов,
Сотрясая сам небосвод, —
Но какое нам дело, пусть шторм — рев богов,
Пусть он хлещет в окно и ломает засов,
А наш парус летит на восход.
Одиноко и жалобно чайка кричит,
Как душа, что взята волной.
Что за дело — пусть хладное море бурлит,
Темный эль иль вино кровь лихую бодрит.
И не скоро окрасится море вечерней зарей!

Песня барахских пиратов

Тортаж бросил вызов самим звездам. Расположенный в низине, обрамленной обрывистыми утесами, пиратский порт сверкал огнями. Песня раскатистыми звуками глухим эхом отдавалась в скалах, — там обитало Красное Братство. Огромные, вооруженные до зубов галеоны и призрачные каравеллы терлись о стены каменных причалов и деревянных пирсов или болтались на якорях в гавани. В каждой пивной, винной лавке, таверне или публичном доме шла бешеная торговля. Добрая половина вольных пиратов Восточного Океана нетвердым шагом важно прогуливалась по булыжным переулочкам Красного Тортажа с туго набитыми золотом кошельками, раздувшимися от вина и эля животами и с сердцами, в которых вспыхивали и разгорались вожделение и варварская жестокость. Раскачивались и пронзительно скрипели на свежем ветру вывески винных лавок, расписанные гербовыми знаками: черепами, факелами, перекрещенными кривыми саблями, драконами, грифонами, головами в коронах и другими украшениями. Пенящийся прибой с рокотом разбивался о подножие скал, на которых тускло играли блики бегущего вниз, к городу, звездного света. Соленые брызги фонтанами взрывались у причалов, и воющий ветер разносил соль и теплую водяную пыль по кривым улочкам, которые, словно старые шрамы, извивались между низких домов с плоскими крышами. Их стены покрывала размытая дождями известка, их окна были забраны железными решетками. Листья пальм со свистом хлестали темноту, и кроны деревьев метались на фоне танцующих в вышине звезд.

Пожалуй, уже более двух тысяч лет этот маленький городок, незаметно притаившийся среди отвесных утесов, был столицей пиратской империи. Он темной тучей висел над морями между Дебрями Пиктов и Кушем. Здесь не было законов, кроме простой и жестокой хартии Братства. Остальное заменяли кулак, нож, меч и опытность бойца.

В эту ночь в пиратском городе бушевало буйное веселье и не смолкали песни. На улицах то и дело вспыхивали поединки из-за каких-то пустяков, а часто и просто от пьяного задора. Изрыгающих проклятья противников тут же с хриплыми криками обступали группы мужчин. Внутри этого орущего в животном возбуждении круга шла борьба не на жизнь, а на смерть из-за одного случайного толчка, ничтожнейшего оскорбления или за ласки виляющей бедрами девки с пунцовыми губами. Да, это была памятная ночь. Все корабли стояли на якоре, и их трюмы были до отказа набиты сокровищами — добычей с торговых кораблей в южных морях. И к тому же вернулся Амра-Лев!

За тридцать лет это грозное имя не исчезло в забытьи. Напротив, прошедшие годы только добавили нового блеска его необычайным приключениям во времена Белит, шемитской женщины-пирата, Красного Ортха и сурового Запораво из Зингары. Конан появился здесь в те далекие дни, когда Аквилонией правили Вилер, а потом Нумедидес. Сначала он плавал как компаньон Белит среди вечно алчущей крови команды черных корсаров, затем, по прошествии некоторого времени, он сам стал вольным барахским пиратом и предводителем зингаранских морских разбойников. За несколько лет как на чужих судах, так и на своих кораблях — вельботе «Тигрица», каравелле «Красный Лев» и караке «Беспризорник» — он избороздил все моря и всегда возвращался обремененный грузом сокровищ.

В то время Амре, как называли его одни, или Конану, как звали его другие, не было равных среди капитанов Братства. Но потом он исчез где-то в незнакомых землях в глубине суши. В открытом море о нем никто больше ничего не слышал. Из лежащих вдали от морских берегов королевств доходили сказки и легенды о непобедимом короле-воине, которого называли Конаном, но очень немногие из его старых товарищей, даже среди тех, кто знал

Конана именно под этим именем, отождествляли бывшего киммерийского пирата с грозным монархом далекой сухопутной державы. Так Амра стал живым мифом увядающего прошлого.

Но теперь он стоял среди них, словно скала возвышаясь над толпой в мечущемся оранжевом свете факелов, и соленый морской ветер рвал седую гриву его волос и отсвечивающую сталью бородку. Отблески факелов плясали и вспыхивали искрами на железной рубашке-кольчуге, плотно облегавшей массивный торс и мускулистые руки. Широкий черный плащ распластался по ветру за его могучими плечами, напоминая огромные крылья какой-то гигантской хищной птицы.

Конан стоял на возвышении, каменной скамье в самом центре главной площади города-порта, и его голос глухо гудел, подобно трубе, перекрывая рокот толпы. Звуки этого голоса наполняли их не знающие закона сердца эхом величайших подвигов и легендарных битв далекого прошлого и обещали неслыханные свершения в грядущем. Ведь Амра-Лев возник из призрачного тумана легенд, чтобы набрать команду для какого-то загадочного и рискованного предприятия в Западном море. На памяти людей ни один корабль не отваживался отправиться в эти пустынные пространства вод, где один лишь ветер носится над пенистыми валами. Кто, кроме Амры, осмелился бы пуститься в такое фантастическое приключение? Старые морские волки стояли, вытаращив глаза от изумления. Слова Конана одурманивали моряков своей дикой, безрассудной притягательностью. Дух героических свершений исходил от самой фигуры Конана, и он воспламенял их души, как огонь охватывает сухой хворост. Он обещал им золото и драгоценности, славу, богатство и громкое имя после великих приключений в неизвестности, среди неисхоженных морей, забытых островов и неведомых народов. Они должны были отправиться попытать счастья в безбрежных просторах безымянных морей и возникнуть оттуда вновь уже не бродягами без совести и закона, а чуть ли не мифическими искателями приключений, героями, подвиги которых растопят женские сердца и завоюют им бессмертную славу в песнях и сказаниях последующих поколений.

И там, на якоре, уже стоит корабль Амры — крепкий, могучий галеон «Красный Лев» — имя, которое когда-то носила его каравелла.

Конан не поведал им всей истории. Он ничего не сказал о короле Ариостро из Аргоса, на чьи сокровища они купили это мощное судно. И незачем было отпугивать их сказками о Красных Тенях и сверхъестественном появлении Эпимитреуса, пророка, умершего в незапамятные времена.

Незадолго до того, как Ужас унес в своих объятиях тысячи подданных Конана, это чудовищное проклятие обрушилось и на жителей Аргоса. Придворные маги и ясновидцы Ариостро пророчили его предзнаменование по звездам. Они поведали королю, что в полузабытых фолиантах магических знаний, которых уже давно никто не касался, сказано о Красных Тенях, прилетающих за своими жертвами из каких-то неведомых земель за Западным Океаном. Умный и проницательный король Аргоса стал посылать в Западные моря корабль за кораблем, но ни один из них не вернулся назад и не принес ключа к разгадке этой тайны. В конце концов даже в командах военных кораблей начинались волнения при одном лишь намеке на рискованное плавание на неизведанный Запад. Но Красные Тени все атаковали и убивали людей, и все королевство висело на краю пропасти, и уже невдалеке маячило пламя мятежа.

Тогда король Ариостро стал скрытно отправляться один в небезопасные прогулки по улицам Мессантии в поисках бесшабашных моряков, которых он смог бы убедить пуститься в это приключение. И вот, предприняв последнюю, уже, казалось, совершенно безнадежную попытку, он неожиданно наткнулся на тех, кого искал. Конана из Киммерии он почти тотчас узнал, хотя тот и старался быть крайне осторожным, чтобы не выдать себя, и Сигурда Рыжебородого, грубоватого, открытого, благодушного морского бродягу из далекого Ванахейма. На королевские драгоценные камни друзья купили мощный галеон и теперь пришли в порт, чтобы набрать команду необузданных сорвиголов из числа барахских пиратов.

Кое-кого из толпы Конан знавал с тех времен своего пиратского прошлого, и он смело взывал к ним. Его взгляд упал на гигантскую мрачную фигуру человека, выходца

из джунглей юга, из далекого Куша. Конан выбросил руку по направлению к огромному кушиту, чьи голые руки тускло отсвечивали в оранжевых всплесках пламени факелов, словно полированное черное дерево, а в плотной массе жестких курчавых черных волос мелькала серебряными молниями седина.

— Ты знаешь меня, Ясунга! — прогремел голос Конана. — Ты был еще парнишкой, когда много, много лет назад я скитался вдоль Черного Берега вместе с твоей отчаянной госпожой Белит. Что сделаешь ты? Присоединишься ли ты ко мне в этом рискованном деле?

Ясунга поднял вверх свои длинные черные руки с радостным возгласом.

— Да, Амра! Амра! — закричал он, опьяненный воспоминаниями прошлого.

— Назад ты, черная собака! — с холодной звериной злобой прорычал какой-то голос, и гибкая, словно змея, фигура, от которой веяло самой смертью, неожиданно возникнув перед чернокожим, оттеснила его в самую гущу толпы. Человек повернулся и окинул Конана холодным жалящим взглядом.

Конан посмотрел вниз на незнакомца, и глаза его начали медленно сужаться по мере того, как пристальный взгляд киммерийца скользил по вытянутому болезненно-желтому лицу с черными штрихами бровей и тонкими губами, по стройному жилистому торсу, облаченному в черный бархат с отполированными стальными пластинками на груди, покрытыми золотой гравировкой. Бриллианты сверкали в мочке уха и на запястье. Из пенного кружева манжета виднелась сильная рука, нежно поигрывавшая эфесом длинной и натруженной рапиры, которой можно было как рассечь, так и проткнуть противника насквозь.

Спокойным голосом, слегка шипящим акцентом выдавая свое зингарское происхождение, человек, одетый в черное, обратился к толпе:

— Назад, в свои конуры, собаки! Что развесили уши на дикие бредни этого старого дурака! Он возник неизвестно откуда, чтобы соблазнить вас безумными обещаниями и безрассудными призывами броситься неизвестно куда! Может статься, что это именно тот Амра, о чьих подвигах мы наслышаны, а может, и нет. Да и какая

разница? Амра он или нет, но этот лживый старый волк проник сюда, чтобы разрушить Братство. Какое нам дело до приключений и славы? Мы деловые люди, добывающие себе пропитание в море, и пусть он катится ко всем чертям со своими безумными героическими мечтаниями!

Он свирепо, с вызовом посмотрел на Конана:

— И не пытайся увлечь бредовыми замыслами моего шкипера Ясунгу, старый пес! Я научил его понимать законы движения солнца и звезд, и, во имя Митры, он останется со мной — Черным Альваро с «Зингарского Ястреба»! Так что подымай якоря и уводи свой прогнивший карак назад, в тот порт мечты, из которого ты притащился сюда!

Альваро развернулся вполоборота и отступил на шаг от глухо переговаривающейся толпы. Но тут громоподобный взрыв смеха Конана заставил его замереть в злобном напряжении. Слова Конана гулкими ударами падали вниз:

— Старый седой пес, не так ли, ты — смазливый, жалкий, щеголеватый щенок от грязной безродной кордавской потаскухи. Я был хозяином всего побережья, когда тебя еще рвало от тощего прокисшего молока твоей матери. Я выбрасывал на улицы Тортажа половину всех сокровищ дюжины городов, пока тебя, ребенка, еще ласкали на задворках зингарского публичного дома. Если твои кишки слишком тонки для отважного предприятия, то ползи назад в свою протухшую конуру. Здесь есть другие, у которых в одном мизинце больше мужества, чем во всем твоем желтопузом теле. Я говорю с ними, а не с тобой. И хотя я стар, но еще знаю пару трюков, которые буду рад тебе показать, если ты того захочешь!

С проклятиями Черный Альваро взвился смерчем, и его рапира со свистом вылетела из ножен, сверкая в неровном свете факелов, словно огненная игла. Толпа с гиканьем образовала круг.

Конан отбросил в сторону трепетавший на ветру черный плащ и потянул свой тяжелый и широкий аквилонский меч. Но еще до того, как клинок вышел из ножен и киммериец сделал шаг вниз со скамьи, на которой стоял, Альваро с грацией танцора сделал стремительный выпад. Стальная игла со свистом пронзила воздух, целясь в незащищенное лицо Конана, но тот отвел лезвие одним пинком тяжелого сапога и упруго соскочил со скамьи. Его

меч с резким металлическим воем вылетел из потертых кожаных ножен и колоколом зазвенел, столкнувшись с зингаранским клинком. Стальная музыка звучала в тишине, и два противника кружили на месте, бросались вперед, быстро отступали, секли, парировали, делали неожиданные выпады. Неровные тени от факелов причудливо скользили по стенам близлежащих домов.

Люди вокруг затаили дыхание в нетерпеливом ожидании исхода схватки, так как рапира Альваро с «Ястреба» почиталась одной из самых смертоносных на островах, а Амра, поседевший с годами, был теперь неизвестным противником. Они сравнивали его играющую гору мышц и могучие руки с гибкой скользящей грацией зингарца и заключали пари, ставя на обоих бойцов бешеные суммы.

Альваро скоро обнаружил, что у его поющего острия нет никаких шансов пробиться сквозь надежную защиту Конана. Огромный меч, созданный для того, чтобы крошить железные доспехи, казался неудачным выбором для фехтовального поединка с легким клинком. Он должен был быть медлителен и неповоротлив. Но в мозолистых руках Конана он летал, как дирижерская палочка. К тому же суровая ухмылка, застывшая на устах неистового киммерийца, говорила о том, что он совсем не устал, оружие ничуть не отягощает его руки, которая легко носилась в воздухе и в то же время была тверда, как стальной брусок.

Пот выступил на лбу Альваро, смочив разметавшиеся пряди его черных, слегка вьющихся волос. Капельки пота блестели у тонких губ и скатывались вниз по впалым щекам. Он знал, что если случится их клинкам встретиться в полную силу, то его рапира разлетится в куски.

Но киммериец даже не пытался обрушить на противника всю тяжесть своего длинного меча. Вместо этого Конан с невероятной легкостью создавал вокруг себя сверкающую стену поющей в воздухе стали, в которой вспыхивающее острие зингарца никак не могло найти себе лазейку для атаки. Время от времени кривая улыбка Конана становилась шире, и он разражался глубоким громоподобным смехом. Он играл с опытным, но уже уставшим противником, и Альваро неожиданно обдало холодом при мысли, что в любой момент киммериец может выбить его рапиру из рук и рассечь его пополам.

Казалось, толпа потеряла дар речи и, затаив дыхание, не отрывала зачарованных глаз от звенящей игры тускло мерцающей стали. Постепенно в их сознание проникла та же самая мысль. Ясунга, огромный кушит, который знал Амру уже давно, первый начал выкрикивать его имя, и скоро сотни глоток подхватили его, так что тяжело дышащему, обливающемуся потом Альваро стало казаться, что вся площадь дрожит от оглушительного грома голосов:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

Пульсирующий рев все нарастал и нарастал, пока не загудел, подобно мерному грохоту морского прибоя. Гнетущий ритм заставил затрепетать даже стальные нервы зингарца. Одна рука Альваро скрылась за спиной в складках короткого плаща из черного бархата. Там, продетый в кольцо, таился волнистый шемитский кинжал, специально припасенный для подобных случаев. Нож легко скользнул меж пальцев зингарца так, что рукоятка легла на ладонь, а волнистое лезвие слилось с рукой. Альваро улучил мгновение и отскочил на несколько шагов. Он стоял растрепанный, тяжело дыша. Сверкающий меч Конана застыл в вышине.

— С тебя довольно, черная зингаранская свинья? — прорычал старый волк.

Кортик молнией вспыхнул в свете факелов, устремляясь сквозь мрак к незащищенному горлу Конана. Безо всякой видимой поспешности левая рука гиганта взмыла вверх, и Конан поймал кинжал за рукоятку, выдернув его из воздуха в том положении, в каком он и летел. Эта поразительная ловкость вырвала из толпы вопль восхищения. Они слышали, что горцы из легендарных восточных земель играли в смертельные игры, ловя в воздухе летящие ножи, но никогда не видели этого собственными глазами. Никто не знал, что Конан провел долгие годы в иссушенных зноем степях Гиркании и на берегах и островах моря Вилайет, среди величественных Химелийских гор. Он был предводителем кочевых племен, пиратом на этом море в глубине континента и безжалостным воином. Там он овладел искусством пользоваться смертоносным гирканийским луком, подвижной зуагирской кривой саблей, ильбарским ножом, способным рассечь человека на части, и многими другими видами восточного оружия.

Изумление и ужас отразились в глазах Альваро. Казалось, даже воздух душит его. Резким движением он разорвал кружевной воротник над кирасой и застыл на месте в нерешительности, не зная, что делать дальше. Напряжение росло, словно тетива натягиваемого лука.

Затем Конан одним броском возвратил нож зингарцу. Клинок сверкнул в неподвижном воздухе и глубоко вошел в неприкрытое горло Альваро. Мгновение тот покачивался на нетвердых ногах, его лицо стало бледным, как полотно, и кровь тонкой струйкой потекла вниз по тускло отсвечивающей кирасе. Затем он рухнул, лязгнув доспехами о булыжник мостовой.

Конан подбросил вверх свой огромный меч, поймал его на лету и задвинул в ножны. Толпа зашлась в громоподобном крике:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

V. ЧЕРНЫЙ КРАКЕН

Кракен не сгинул, он, древний, встает
В первородной бурлящей грязи.
Из глубин погруженной в забвенье земли
Под серым драконовым морем.

Видения Эпимитреуса

Прошло уже три дня с тех пор, как «Красный Лев» покинул Барахские острова. Ранним утром, на заре третьего дня, команда Конана заметила в море зеленое судно. Раздетый до пояса, с тяжелым палашом у бедра, Конан стоял на юте, глубоко вдыхая свежий морской ветер. Его шевелюра и борода стали жесткими от соленых брызг. Золотое пламя восходящего солнца слегка окрасило небо на востоке и подожгло края тонких слоистых облаков. Резкий северо-восточный пассат пел в снастях галеона и гудел в широких тугих парусах.

— Хо, Амра! Поднялся с рассветом, а? — раздался звучный голос.

Конан повернулся и увидел Сигурда, который стоял около релинга и весь так и светился от довольства. Ветер трепал его огненную мохнатую бороду и обжигал красные,

как спелые яблоки, щеки, которые от этого горели еще ярче. Ветер рвал полы его алого плаща, когда-то украшавшего плечи какого-то надменного зингарского адмирала, и казалось, что под тканью перекатываются упругие морские валы.

Конан усмехнулся при виде наряда этого грубовато-добродушного старого северянина. Золотое шитье, украшающее его плащ кружевными причудливыми узорами, уже потускнело и истерлось, и несколько фигурных пуговиц из слоновой кости, видимо, потерялись на массивном животе Сигурда, перетянутом пестрыми лентами ярких, не гармонирующих цветов. На поясе, как обычно, ощетинившемся полудюжиной кинжалов, висели тяжелая дубинка и абордажная сабля с зазубренным лезвием. Под широким плащом ванира была надета белая блуза в дырах и заплатах, заляпанная пятнами от вина и соуса. Она была расстегнута на груди, и между ее отворотами топорщился мех густых рыжих волос, уже кое-где отливающих серебром. Ярко-алая головная повязка была обмотана вокруг его лысой головы, и в каждом ухе болталось по золотой серьге.

— Ха! Во имя рога Хеймдаля и вуали Танит, утро ну прямо для самих богов, а, Лев? — произнес он. — Снова выйти в море с командой бродяг и головорезов, готовых по первому же зову наполнить кровью все девять морей, снова почувствовать крепкую палубу под ногами — это как доброе вино для моих ссохшихся от жажды внутренностей.

— Да, — проронил Конан. — Это действительно прочный корабль, доставшийся нам в обмен на драгоценные камни короля Аргоса, и даже в былые годы мне не доводилось иметь более преданной команды морских бродяг.

Он бросил быстрый взгляд вниз на шкафут, где его матросы скребли палубу и занимались другой нелегкой морской работой. Легенды, освещавшие зловещим светом имя Амры-Льва, собрали в его экипаж бесстрашных, рожденных в морских просторах разбойников, жаждущих разделить с ним славу и добычу в опасном путешествии на туманный Запад. Это было пестрое сборище загорелых, голых по пояс людей. От них исходил терпкий

запах дегтя и кислого вина, — но это были еще самые сливки Барахского Братства.

Больше всего там было аргосцев — среднего роста, крепко сложенных, с каштановыми или золотисто-желтыми волосами. Рядом с ними трудились зингарцы — чернобровые, с оливковым цветом кожи. Здесь были люди из Офира и Кофа, а также несколько смуглых шемитов с орлиными носами и иссиня-черными бородами и такими же шапками волос, и даже один или два огромных бронзовых стигийца с ястребиными лицами. Был здесь и коренастый с редкой шевелюрой запорожец Яков — кормчий, и черный гигант из тропических джунглей Куша — штурман Ясунга, на глянцевой коже которого тускло отсвечивало солнце, и могучий загорелый человек с буйно вьющейся черной бородой — Горан Сингх из Вендии, земли, лежащей так далеко на востоке и столь малоизвестной, что большинство западных народов считало ее мифической страной. Но белые, бронзовые, черные — все они были очень опытными моряками.

Сигурд с любопытством смотрел на Конана своими умными голубыми глазами.

— Ну, каковы твои планы, кэп? Красивые слова и звучные обещания сверкающих сокровищ и сказочно богатой добычи... но что же мы все-таки ищем в Западном Океане? Что заставило ринуться нас сюда? Пока мы не видели ничего, кроме пары китов.

Конан пожал плечами.

— Кром знает это, не я! Но я слышал, что люди говорили о потерянных континентах и сказочных островах, лежащих далеко, там, где заходит солнце. Из намеков, которые сорвались с уст тени Эпимитреуса, а также следуя советам своры сладкоречивых звездочетов короля Ариостро, я думаю, что нам следует просто держать курс на запад и внимательно следить за тем, не появится ли что-либо необычное и странное. Забери меня дьявол, северянин, но я ручаюсь, что мы скоро найдем тот гнойник, откуда расползается Ужас! Этот привкус морских просторов возбуждает во мне жажду действий, так и подмывает сделать хоть что-нибудь. Мирная жизнь прекрасна, но...

Легко, словно пушинку, Конан выдернул свой палаш из ножен и со свистом, слышным сквозь шум ветра, рассек воздух. Рыжебородый расхохотался низким грудным смехом, от которого его живот заколыхался. Он хитро приподнял мохнатую бровь и окинул взором горячего киммерийца.

— Хо-хо, кэп! — рассмеялся он. — Так вот откуда дует ветер? Ты все тот же хитрый серый мошенник, которого я знаю уже столько лет. Когда мы расправимся с призрачными врагами, как мы и обещали, неужели мы не позволим себе немного заняться честным грабежом? В гавани Мессантии на якоре стояло много жирных купеческих кораблей, и разве не здорово было бы выгрузить сокровища с аргосских кораблей при помощи того самого судна, которым снабдил нас их король?

Конан цинично усмехнулся и хлопнул Сигурда по плечу.

— А ты все тот же вор, старый морж! Нет, это мне не по душе.

— Только не говори мне, что за все эти годы ты стал честным человеком!

Конан раскатисто захохотал:

— Только не я! Но когда человек побыл королем, это портит его вкус и он перестает заниматься мелкопробным воровством. Кроме того, с Ариостро у меня никогда не было неприятностей, почему же я буду доставлять их ему сейчас? Да и у Конна будет еще достаточно проблем с защитой своих границ от соседей, и не хватало еще мне вызывать их возмущение своими выходками.

— Тогда ты что же, собираешься направить наш курс на Стигию, как я, собственно, и собирался сделать, когда мы встретились в Мессантии? Это кровавая и нелегкая добыча, но с этой командой мы запросто могли бы...

Конан покачал головой.

— Нет, даже не это. В конце концов я уже не раз был капитаном пиратского судна, и к тому же мне чертовски везло. Зачем снова карабкаться на ту же лестницу?

— Ну, пусть так, — нетерпеливо перебил Сигурд, — но что же, во имя всего пламени Ада, ты хочешь сказать? Брось это, приятель!

Конан вскинул длинную руку, и его узловатый палец проткнул воздух.

— Дальше на запад, дружище, там есть что-то такое, чего мы совсем не знаем. Красные Тени лишь часть этого. В старинных манускриптах есть какие-то намеки, которые, может быть, тоже связаны с этой историей. — Смех заклокотал в груди Конана. — Тебе бы и в голову не пришло увидеть во мне книжника, а?

— Куда легче было бы поверить, что одна из прелестных маленьких танцовщиц Ариостро занимается морским разбоем.

— Ну а я между тем могу разобрать несколько различных видов письмен, а в королевской библиотеке Тарантии я нашел легенды про катаклизм, когда океан девять тысяч лет назад поглотил Атлантиду. В этих историях рассказывалось, что тысячи атлантов спаслись бегством на материк, Турию, как они обычно называли его. И в Железной Книге Скелоса тоже сказано: «...иные бежали с тонущей Атлантиды на запад, и, как говорят, там они тоже достигли неизвестного континента, напротив Турийских земель, который ограничивает Западный Океан с другой стороны. Но что сталось с этими отщепенцами, я не знаю. Так как после гибели Атлантиды океан, где нет проторенных дорог, стал слишком широк, и суда тех времен не могли поддерживать постоянные торговые сношения между этими землями — той, которую мы знаем, и неведомой землей на западе». Вот и все, но это, может быть, очень тесно связано с нашей нынешней миссией!

— Ну и что из того? — произнес Сигурд. — Мне тоже доводилось слышать подобные байки.

— Тогда, если впереди у нас лежит земля могущественных чародеев, она также будет и землей благоденствия и великих правителей, которая уже вполне созрела дня того, чтобы предприимчивые бродяги, такие как мы с тобой, немного потрясли ее. Зачем зря болтаться по морю за сокровищами с нескольких суденышек, когда немного удачи и несколько распоротых животов — и мы захватим целую империю?

Сигурд вздохнул и потер глаза тыльной стороной ладоней своих волосатых рук.

— Эх, Амра, я мог бы догадаться, что в твоей изобретательной башке зародился план, более безумный и дикий, чем мог бы даже присниться обычному человеку. И пускай они там скормят нас драконам, но, клянусь всеми богами, я поплыву с тобой даже до того места, где садится само солнце!

Он оборвал свои излияния и подозрительно посмотрел на палящее светило. Внезапно его лицо побагровело от гнева, и Сигурд неуклюже бросился к ближайшему из четырех кормчих, одноглазому шемитскому головорезу, несшему свою вахту у руля.

— Стой ты, носатый пес! Ты что, ослеп или в стельку пьян? — заревел он, ударом кулака оттолкнув изумленного моряка в сторону. Старый пират схватил румпель своей мозолистой лапой. — Мы отклонились на полрумба от курса, который ты, Амра, задал прошлой ночью! Проклятье, чтоб они сгнили, эти ленивые свиньи! Накипь Барахская! Клянусь кишками Арима и грудями Иштар! — Он яростно покосился на солнце и привычным уверенным движением налег на румпель, который описал плавную дугу. «Красный Лев» слегка накренился, отвечая на команду, словно хорошо натренированный конь.

В это время сверху раздался протяжный гулкий возглас:

— Парус, хо!

Конан упруго подпрыгнул к релингу, и его возбужденный взгляд принялся рыскать вдоль серого, в дымке, горизонта. Однако паруса не заметил.

— В каком направлении? — прогудел он в сложенные лодочкой ладони.

Со смотровой площадки на топе передней мачты тут же донесся ответ:

— Впереди, полтора румба по левому борту.

— Я ее вижу! — Старый северянин, пыхтя, словно страдающий одышкой морж, снова был рядом. Он уже успел пихнуть одноглазого матроса назад к румпелю. — Вот она! И, клянусь всеми богами, эта посудина похожа на галеру!

Конан рукой заслонился от солнца и взглянул по направлению указующего перста Сигурда. Там, в зяб-

кой утренней дымке, неясно вырисовывались хрупкие очертания двух голых мачт. Когда пологие волны зыби нехотя поднимали «Красного Льва», люди на юте могли на мгновение различить длинный, низко сидящий в воде корпус галеры, который нес на себе призрачную оснастку.

— Во имя злых пропастей Ада и стигийских идолопоклонников Сета, — пророкотал голос Конана, — какого дьявола сюда занесло эту галеру? Вряд ли где-нибудь поблизости есть земля. Ни один шкипер в здравом рассудке не станет заплывать так далеко в Западный Океан на подобной посудине. Если волны хляби не поглотят ее, то команда все равно скоро погибнет от недостатка пищи и пресной воды, да там и места на всех не найдется, чтобы лечь.

Теперь галера подошла ближе, и они могли различить вкрадчивые линии ее низкого корпуса цвета зеленоватой морской воды. Белая пена взрывалась по ее деревянным бортам, и Конан увидел блестки солнечного света, вспыхивающие на капельках воды, которые скатывались с лопастей двойного ряда длинных весел. Это была двухрядная весельная галера с высоким, мягко изогнутым носом, на котором была вырезана фигура из латуни, напоминающая голову дракона. Под этой искусно выточенной головой, на уровне воды устрашающе ощетинился длинными шипами бронзовый таран. Казалось, что судно, как ножом, разрезает им набегающие волны. Бронза уже покрылась зеленоватым налетом, и на ней обильно произрастали ракушки.

— Хм, это чертовски странно, Амра! — недовольно проворчал Сигурд. — Она не несет никакого флага. Да, впрочем, ты ведь говорил, что мы отправились сюда искать подозрительные вещи.

Конан пожал плечами.

— Что нарисовано на ее носу?

Сигурд стал внимательно всматриваться в странное судно.

— Похоже на черное облако с красной сердцевиной. Или, может, это черная морская звезда?

Глаза Конана сверкнули, когда он взглянул в сторону зеленой галеры.

— Что ж, судя по двойному ряду весел и этому бронзовому тарану на носу, это явно военное, а не торговое судно. Не будем трогать его, оно может здорово нас потрепать, но не даст никакой добычи...

Все же ему казалось довольно странным появление такого корабля в этих пустынных водах. А вдруг это то самое, что они ищут? Тряхнув головой, Конан отбросил назад свои густые волосы и крикнул впередсмотрящему на верхушке мачты:

— О-хо, там! Можешь разглядеть знак на ее носу?

— Да, капитан. Это черная штука, похоже — осьминог с кучей щупалец вокруг красного глаза.

Голос Конана оглушительно загремел:

— У штурвала! Два румба к левому борту, держите курс прямо на галеру. Всех наверх! Приготовить мечи, пики и оборонительные щиты! Разойдитесь по бортам, да получше выставить паруса. Гляди в оба! Лучники — на палубах вместе со своим снаряжением! Ясунга! Собери оборонительную команду. Пошевеливайтесь, мокрые швабры! Вот она, битва, ради которой вы гнили здесь!

Сигурд в замешательстве покосился на него:

— Во имя Митры, что это значит?

— Это знак Черного Кракена, ты, рыжий ванахеймский пес! Это что-нибудь говорит тебе? Прополощи свои мозги! — прорычал Конан.

Сигурд пересек вслед за Конаном ют и замер на месте, когда киммериец остановился, чтобы дать возможность юнге зашнуровать его рубашку-кольчугу и надеть ему на голову шлем. Брови северянина буграми сошлись на переносице от напряженного размышления. Затем складки на его лбу разгладились, но лицо побледнело.

— Ты имеешь в виду, — медленно произнес он, — эту старую сказку об эмблеме короля-чародея из Атлантиды?

— Да, именно его. А теперь надевай свою кирасу, пока они не размазали твои жирные кишки по всей палубе.

— О, боги моря! — проговорил Сигурд, медленно отходя в сторону. — Кракен — повелитель атлантов... Все это должно было утонуть девять тысяч лет тому назад... Кром, Бадб и Иштар! Возможно ли это?

Хотя галера явно не была торговым судном, полным сокровищ, она повернула назад и помчалась, подгоняемая

утренним бризом, прочь от «Красного Льва». На обеих ее мачтах внезапно распустились остроконечные треугольные паруса, которые тут же наполнились свежим попутным ветром. «Красный Лев» преследовал галеру по пятам, вспарывая грудью пенный след от ее кормы.

Конан вскарабкался по снастям повыше. Одной одетой в броню рукой он крепко держался за канат, а другой заслонял от солнца свои глаза, напряженно вглядываясь вперед.

— Странно, чертовски странно! — бормотал он. — Все весла в движении, но пусть меня назовут проклятым стигийцем, если я вижу на скамьях хоть одного гребца. На ней, похоже, нет и воинов, никого на палубе и юте, и ни одной пары рук наверху, чтобы следить за парусами.

Он спустился вниз на палубу, где Сигурд и Ясунга стояли в ожидании его указаний.

— В самом деле, чертовски странно, Амра, — сказал старый северянин. — Ты только посмотри на обводы ее корпуса! В жизни не видал корабля, подобного этому!

— Зеленое судно Ада, — пробормотал Ясунга густым мелодичным басом. — Корабль призраков, Амра!

— Заткнитесь! — рявкнул Конан. — Адский это корабль или земной, но он улепетывает от нас, словно на его борту императрица Кхитая со всеми своими сокровищами. Посмотрите лучше, как резво его корма бороздит океанскую зыбь!

Он повысил голос:

— Мило! Поднимай топсель! И если у тебя концы заклинит в блоках, я сдеру с тебя шкуру!

Он снова обратился к Сигурду и Ясунге:

— Она летит быстро со своими веслами и парусами, но у нас есть возможность настигнуть ее, если пошире распахнуть наши паруса. Откуда бы она ни была, эта галера пытается уйти от нас!

— Но у нее нет охраны, — проворчал Сигурд. — Дьявольски подозрительно! Где это видано, чтобы королевская галера или корабль с сокровищами шатались по морям без сопровождения?

Команда уже заняла свои места. На полубаке лучники пробовали, хорошо ли натянута тетива, и осматривали

стрелы в колчанах, чтобы удостовериться, что древко ни одной из них не покривилось. На шканцах люди стояли наготове у канатов, в то время как абордажная команда столпилась у релингов. Они завязывали шнуры шлемов, проверяли завязки кирас и кожаных солдатских безрукавок, подтачивая о влажные камни и без того острые абордажные сабли.

— Клянусь Кромом! — гремел Конан. — Мы узнаем, что за драгоценности везет эта галера, и почему она бежит, едва завидев нас, словно перепуганная девка!

Люди, в которых уже зажглось возбуждение преследователей, ответили радостными возгласами. Сигурд, облаченный в кожаную рубаху, обшитую от подбородка до поясницы бронзовыми пластинками, с пыхтением взобрался по деревянному трапу на ют. Конан хлопнул его по плечу.

— Кром и Митра, старый морской конь! Вкус битвы переполняет мое сердце и быстрее гонит кровь по жилам, как у старого боевого коня, почуявшего кровь!

Северянин раздвинул губы в широкой улыбке и издал крик радости, который гиппогриф мог бы воспринять как зов страсти во время брачного сезона, окажись он случайно поблизости.

— Ха, прекрасно, Лев! — воскликнул Сигурд. — Все непременно должно было скоро проясниться... и вот, пожалуйста! Чувствую костным мозгом, что там мы поимеем такие сокровища, каких никогда еще не видели.

— Неужели? — расхохотался Конан. — Так возьмем же их!

Когда ветер загудел во всех парусах, какие только имелись на галеоне, судно рванулось вперед, вслед за своей жертвой. Широкие попутные волны зыби неспешно подкатывались сзади и слегка покачивали корпус корабля, медленно поднимаясь и спадая в клочьях шипящей пены. Тупой нос галеона выбрасывал из-под себя двойную вспененную зеленоватую струю, и вода яростно бурлила в кильватере. И все время впереди него, расталкивая пологую волну, неслась на веслах под парусами загадочная зеленая галера. Ее треугольные паруса почти касались друг друга, словно кожаные крылья какого-то летающего ящера из далекого прошлого.

VI. МАГИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

С неизвестного Запада призраком легким галера летит,
На изящном носу Черный Кракен державно стоит.
Смертоносно упругие снасти поют и скрипят,
Тайны Ада и Тьмы судна мрачно трюмы таят.

Путешествие Амры

Солнце висело уже высоко на чистом голубом небосводе, когда «Красный Лев» соприкоснулся с таинственной зеленой галерой, на носу которой красовался знак Черного Кракена из Атлантиды. Все утро галера мчалась впереди них, ветер туго наполнял ее высокие черные треугольные паруса, и весла мерно поднимались и опускались, как будто невидимые гребцы не ведали усталости. Но фут за футом могучий галеон сокращал расстояние между ними.

В стальном рогатом шлеме и в сплетенной из железных колец рубашке-кольчуге, под которой находилась подлатная куртка из мягкой кожи, Конан в нетерпении расхаживал по палубе, проверяя оружие и доспехи абордажного отряда. Затем он взобрался назад, на ют, где, широко расставив ноги, стоял Сигурд, наблюдая за каждым движением галеры. Время от времени старый пират отдавал отрывистые команды моряку, который крепко держал в своих мускулистых загорелых руках спаренный румпель.

— Она уже оставила свои попытки оторваться и меняет курс, — хрипло заметил Сигурд.

Как будто признав бесполезность бегства, галера стала разворачиваться и сбавлять ход, в то время как «Красный Лев» быстро приближался. Теперь они были почти что на расстоянии выстрела из лука. Конан бросил быстрый взгляд на полубак, где за примитивным укрытием из кусков прочной ткани, переброшенных через релинг, застыли лучники Якова, которые в любой момент по команде готовы были выпустить тучу стрел.

— Странно, Амра, — опять проворчал северянин, — на палубе по-прежнему ни души.

— Чертовски странно, — согласился Конан. — По крайней мере, они должны были собрать отряд, чтобы не

дать нам взять их на абордаж. Они что же, попрятались, словно мыши, или, может, на борту нет никого, кроме гребцов и кормчих?

— Мы уже совсем близко, — произнес Сигурд.

Конан обратился лицом к носу судна, где наготове стояли лучники, и скомандовал громовым голосом:

— Стрелу!

— Есть, капитан, — отозвался Яков.

Глава стрелков похлопал одного из лучников по плечу, тот натянул тетиву так, что его правая рука коснулась мочки уха, и с резким звенящим хлопком отпустил ее. Стрела описала дугу над черной поверхностью воды между судами и, не долетев шагов десяти, упала в море. На короткое мгновение на галеоне воцарилось молчание, только слышны были протяжные вздохи ветра и злобное шипение воды, когда корабль переваливался с волны на волну.

— Стрелу!

На этот раз острие стрелы глубоко вошло в обшивку галеры, покрытую зеленой эмалью.

— В пределах досягаемости! — возбужденно громыхнул Сигурд.

— Слушай команду! Дать залп! — проревел Конан.

— Есть! — Яков выстроил своих стрелков в линию; через мгновение все луки одновременно распрямились и со свистящим звуком, похожим на шелест стремительных крыльев, стрелы стаей скользнули над сокращающимся водным пространством и градом просыпались на убегающее судно, причем большинство из них попало в щели деревянных щитов на релингах галеры.

Конан прищурившись наблюдал за ее веслами. Обычно подобный залп стрел выводил из строя по крайней мере нескольких гребцов, нарушая согласованную работу весел, пока раненые люди не заменялись другими или их весла не втягивались внутрь. Однако весла по обеим сторонам галеры продолжали так же размеренно механически подниматься и опускаться.

— Должно быть, там есть вторая палуба, — свирепо проворчал Конан.

— По-моему, она поворачивает, чтобы взять нас на таран, — заметил Сигурд.

— Верно. Держите курс все время точно на нее. Если мы столкнемся нос в нос, мы подомнем ее под себя и сломаем ее передний брус.

Ванир проревел команду рулевому и палубным матросам. Румпели описали дугу и замерли на новом курсе, круче к ветру. Паруса встрепенулись, чтобы тут же снова поймать боковой ветер, и «Красный Лев» плавно развернулся к левому борту, держа теперь противника точно по носу галеры. Невидимые руки ловко убрали паруса и принайтовили их к реям. Галера продолжала делать плавный поворот, и какое-то мгновение корабли мчались прямо друг на друга. С юта Конан прекрасно видел всю палубу галеры. Там не было ни души.

Затем, словно потеряв мужество при виде массивного носового бруса «Красного Льва», летящего на нее в клочьях пены, галера так резко легла на левый борт, что ее корма осела вниз и судно встало на дыбы. Их разделяло не более пятидесяти шагов, и Конан мог ясно различить странную черную эмблему, украшавшую нос парусника. Она напоминала круглое облако густых черных испарений. Казалось, что из-под жгутоподобных щупалец осьминога вырываются клубы серого тумана, а огненно-красный глаз, неотрывно глядящий из самого центра черной массы, сверкал яростно и кровожадно.

На палубе так никто и не показался. Может, эта зеленая галера была кораблем призраков, на котором не было места смертным.

— Ни впередсмотрящего на мачте! Ни одной пары рук на палубе! Нет даже кормчего у румпеля! — рокотал Сигурд. — Клянусь Бадбом и Митрой, мне это не нравится, совсем не нравится.

— Яков! — закричал Конан. — Пусть твои парни целят в отверстия для весел!

Хлопнули тугие тетивы луков, и в воздухе вновь зашипели стрелы. Многие воткнулись в дерево около весельных проемов, но значительно больше стрел — ведь расстояние было совсем небольшим — исчезло из виду в черных отверстиях в бортах. Однако, вопреки ожиданию, моряки не услышали ни единого крика боли, ни одно весло не ударилось со стуком о другое. Второй залп, как и первый, не принес никакого результата.

Галера по-прежнему свободно бежала по волнам, и ее треугольные паруса были развернуты по ветру. «Красный Лев» повернул вслед за ней, опять пускаясь в погоню.

— Подожгите стрелы, Яков! — ревел Конан. — Клянусь Кромом, я вырву наконец какие-нибудь проблески жизни из этой твари с черными парусами.

В течение нескольких мгновений на полубаке царило торопливое движение. Из камбуза принесли факелы, тряпки погружали в масло и обматывали вокруг наконечников стрел. И скоро град горящих стрел, оставляя в небе клубы черного дыма, со свистом пролетел над мантилетами и глухо застучал о пустую зеленую палубу галеры. Вскоре множество факелов задымилось в разных местах судна, и свежий пассат легко подхватил струи густого смолистого дыма.

— Ха! — прогремел Конан. — А вот и результат! Посмотри-ка, Сигурд!

На богато украшенном юте зеленой галеры возникла высокая тощая фигура. Человек по своему виду совсем не походил на обычного моряка. Ниспадающее складками вниз хлопковое одеяние не могло скрыть худобы его тела, а на узкие плечи был накинут фантастический плащ из пышных ярко-зеленых перьев. Его бритая болезненно-желтого цвета голова была обвязана куском материи, а в аскетически-худом удлиненном лице жизни было не больше, чем в отлитой из латуни маске. Он неподвижно стоял на пышно разукрашенной задней палубе и был похож скорее на священнослужителя или колдуна, чем на моряка. Ядовитый острый взгляд черных глаз старца неотрывно следил за «Красным Львом».

Конан и его команда успели заметить, как человек внезапно протянул вперед свою костлявую руку, застывшую в странном движении. Как только он сделал это, все черные смоляные факелы на палубе галеры внезапно погасли. Последние кольца дыма закружились и растаяли в воздухе.

— Магия! — яростно прогудел Сигурд, стальным капканом сжав плечо Конана.

— Яков! — заревел Конан. — Утыкай перьями этого пса!

Но прежде чем приказ мог быть исполнен, высокая, облаченная в плащ из перьев фигура выхватила из складок своей одежды маленькую фляжку и, размахнувшись, бросила ее за борт в зеленоватую бурлящую морскую воду. Как только фляжка ударилась о крутую волну, поверхность моря взорвалась языками ослепительного пламени. Между двумя судами внезапно выросла стена клокочущего огня. Люди на галеоне вскрикнули, пораженные. Они застыли в изумлении. Ужас и суеверный страх были написаны на лицах пиратов. Храбрости у них хватало, чтобы открыто встретить острую сталь и свистящие стрелы, когда был шанс захватить добычу, но кто может сражаться с колдовскими чарами?

— Магия! — повторил Сигурд. — Во имя сердца Арина и львов Тамуза, ты видел это, Амра? Этот косоглазый старикашка создал стену огня за меньшее время, чем нужно человеку, чтобы сплюнуть!

Внимательно наблюдая сквозь суженные щели глаз за неестественными языками пламени, Конан заметил, что огонь не распространяется по воде, как должно было бы произойти в случае, если бы во фляжке было какое-нибудь горючее масло. Он не двигался с места, образуя сплошную огненную стену, которая почти полностью скрывала галеру противника и возносилась так высоко, что угрожала поджечь грот «Красного Льва».

— Девять румбов к левому борту! — раздалась протяжная команда Конана. — Посмотрим, удастся ли нам обойти его, — добавил он Сигурду.

— Клянусь кишками Шайтана и бородой Имира, огонь следует за нами! — закричал тот, стиснув релинг так, что костяшки его пальцев побелели.

И это было действительно так. Как только «Красный Лев» повернул на правый борт круче к ветру, стена пламени сдвинулась, как будто для того чтобы все время держаться между галеоном и убегающей галерой. Конан заслонил ладонью глаза и посмотрел на паруса своего судна, которым угрожала опасность. Однако они не только не загорелись, но на них даже не было видно ни малейших следов, причиненных бушующим пламенем. Да и черный масленый дым лишь чуть-чуть запачкал сажей белую парусину. Конан разразился смехом.

— Хо, моряки! — прогремел он. — Курс по ветру, и не обращайте внимания на огонь! Развернуть паруса по ветру!

— Амра! — сказал пораженный Сигурд. — Что? Во имя всех чертей...

Конан криво усмехнулся сквозь ощетинившуюся бороду:

— Смотри, старый морж, и учись.

Корпус «Красного Льва» разрезал горящую стену, как будто ее не было и в помине. Команда корабля даже не ощутила тепла от этого странного пламени. Когда они уже были по другую сторону, в мгновение ока колдовское препятствие исчезло, словно задутая ветром свеча. Моряки пораскрывали рты от изумления.

— Всего лишь мираж, обман зрения! — раздался зычный голос Конана. — Теперь готовьтесь к абордажу, псы, и мы поглядим, как понравится холодная сталь этому черному колдуну в перьях.

Нос «Красного Льва» постепенно приближался к корме галеры, и теперь люди на галеоне могли различить бритый череп и суровые, рубленые, словно у застывшей маски, черты лица чародея, который в ярости делал какие-то странные движения руками. Затем он поднял обе руки, и его яркий плащ распустился на ветру, подобно сверкающим зубчато-острым крыльям легендарной птицы феникс.

— Хаи, Хстли! Шауатепак йа-ксингоф! — пронзительно прокричал он.

И тогда появились Красные Тени. Они возникли из синевы ясного неба со всех сторон бескрайнего горизонта, внезапно, как в тот трагический день в королевском дворце Конана. Тени окутали одного из рулевых, который пронзительно закричал от ужаса и в мгновение ока исчез вместе с призраками. «Красный Лев» слегка накренился, в то время как матрос у второго румпеля, оставшись без помощи товарища, прилагал отчаянные усилия, чтобы удержать судно на курсе.

Это уже был не обман зрения. Конану показалось, колдун рассмеялся отвратительным кудахтающим смехом и затем опять простер руки, чтобы снова вызвать Ужас.

Но на этот раз его глаза были устремлены прямо на киммерийца.

VII. ПРИЗРАЧНОЕ ВОИНСТВО

Галера дьявола окружена стеной огня
Тех адских бездн, откуда поднялась она,
Но Лев, сорвав заклятия беду,
Добудет то, что создано в Аду.

Путешествие Амры

Старый Сигурд, увидев это, все понял мгновенно и тут же отдал короткий резкий приказ Якову на полубаке:

— Насади-ка на вертел этого дьявола в перьях!

Упруго зазвенели тетивы луков, и стрелы стремительно, словно молнии, скользнули над зеленой водой к высокой, разукрашенной золотом палубе, где стоял чародей. Его руки были подняты вверх, чтобы снова вызвать Ужас. Когда злобно поющие наконечники стрел были уже близко, он прервал свое заклинание, чтобы сделать легкий жест раскрытой ладонью. Первая стрела каким-то непонятным образом отклонилась от своей цели и воткнулась в палубу, не причинив ему ни малейшего вреда. Точно так же были отведены вторая и третья, но затем сразу несколько острых наконечников просвистели, нацелившись на колдуна; их, по-видимому, было слишком много, чтобы он смог рассеять стрелы в разные стороны своими дьявольскими чарами. Одна из них глубоко вонзилась в перья, покрывавшие его правую руку. Его желтоватое лицо внезапно побелело от боли, колдун сделал невольный шаг назад, прижимая раненую руку к костлявой груди. Он бросил на барахтев злобный испепеляющий взгляд и исчез.

Пираты отшатнулись в ужасе. Сигурд хмыкнул и потер свой мясистый нос.

— Что мы можем сделать против этого проклятого порождения дьявола, Амра? Не дать ли нам стрекача, пока эти тени не утащили всех остальных?

Конан наградил его свирепым взглядом:

— У тебя что, выдуло последние мозги, старый морж? Корабль Дьявола — вот что мы искали! Именно здесь плодится это отродье — Красные Тени!

— Но холодная сталь — плохая защита против подобных чар.

— А ты разве не видел, как один из парней Якова проткнул стрелой руку того верховного дьявола? — прорычал

Конан, двинув Сигурда кулаком в плечо. — Изувеченной рукой ему больше не удастся вызвать эту нечисть. Пришло время настоящего сражения.

Он сделал широкий шаг вперед, к переборкам:

— Рулевой, взять два румба к левому борту! Приготовить абордажные крючья! Ничего не предпринимать до столкновения! Полная готовность на борту!

Нос «Красного Льва» уже поравнялся с кормой галеры и легко скользил вверх на волне. Мгновение — и массивный передний брус галеона с оглушительным треском обрушился на ее изумрудный борт, сокрушая дерево обшивки и словно спички ломая крепкие весла. Абордажные кошки дружным свистом вспороли воздух, чтобы намертво вцепиться в деревянные части корабля противника, и загорелые руки туго выбрали привязанные к ним канаты. Другие моряки надежно поймали баграми бортовые поручни галеры.

— На абордаж! — оглушительно крикнул Конан, прыгая вниз через ступеньки, чтобы присоединиться к толпе вооруженных людей. Они уже переваливали на палубу галеры через крепко притянутые друг к другу борта двух судов с ножами в зубах, с зажатыми в руках мечами, пиками, топорами. По большей части пираты были облачены в некое подобие доспехов, в данном случае представлявших собой ржавую рубашку-кольчугу или кожаную солдатскую куртку, обшитую медными или бронзовыми пластинами. Несколько самых безрассудных и свирепых были раздеты по пояс. Шлемы замысловатых форм украшали их взъерошенные головы.

Сапоги Конана с треском проломили непрочные оборонительные щиты галеры, и он тяжело упал на одну из скамеек для гребцов между палубой и бортовой обшивкой. Скамьи, достаточно широкие, чтобы два человека могли работать одним веслом, были утоплены в узкую палубу на половину человеческого роста. Если бы эти скамьи были заняты людьми, то головы гребцов как раз чуть возвышались бы над палубой. И хотя веслами не двигала ни одна живая душа, они продолжали бесцельно вращаться в уключинах.

Волосы Конана зашевелились от суеверного страха дикаря, страха, которого даже долгие годы цивилизованной

жизни не смогли полностью вытеснить из его души. Он поспешно выкарабкался с гребной палубы наверх. Едва Конан, свирепо оглядываясь в поисках врага, появился на главной палубе, как оказавшийся рядом черный гигант Ясунга вдруг крепко сжал его руку, указывая на разукрашенный ют:

— Амра, смотри! Тот дьявол в перьях!

Старец с похожим на череп лицом вновь появился наверху. Теперь, вместо великолепного плаща из перьев, на нем была длинная кольчуга из неизвестного розового металла, который ослепительно вспыхивал на солнце. Голову его украшал фантастический шлем, напоминающий птичью голову. В руке он держал длинный зазубренный меч из какого-то сверкающего кристаллического вещества. За все время своих многочисленных скитаний Конан никогда не встречал ничего подобного. К правой руке старца был пристегнут зазубренный книзу щит, матово-зеленый, с чеканной эмблемой Кракена, точь-в-точь, как и на носу галеры.

Конан повернулся, чтобы встретить черного чародея лицом к лицу. Как только он сделал это, старик клекочущим голосом произнес фразу на том же неизвестном языке, на котором он вызывал Красные Тени. Из толпы пиратов вырвался возглас изумления, их ноги словно приросли к палубе. Там, где только что стоял один вооруженный колдун, теперь были десятки воинов, совершенно одинаковых от мельчайшей черточки лица до последней складки платья.

— Атакуйте их! — взревел Конан и, словно распрямившаяся пружина, взлетел вверх по трапу на ют, вращая своим могучим палашом. Мечи и щиты магической армии встретили его широкий клинок металлическим звоном. У Конана словно свалился камень с души, когда он обнаружил, что его враги — обычные люди из плоти и крови. Высокие, худощавые, мускулистые, они неплохо сражались. Конан бился в самой гуще. Неистовый, словно бешеный волк, он отбивал в сторону их оружие и в грохоте стали крушил защиту противника. За его спиной яростно орущая стая пиратов уже карабкалась наверх и набрасывалась на врагов так, что было слышно, как сталь глухо сшибалась со сталью,

словно в какой-то адской кузнице молоты непрерывно били по наковальне.

Изрыгая проклятья, киммериец рубил наотмашь и пронзал насквозь фигуры с длинными носами и ледяным неподвижным взглядом. Они на мгновение вставали перед ним и тут же падали, рассеченные, в крови. Одна фигура пошатнулась и отступила назад, половина лица была снесена взмахом меча из-за спины. Другая — отступила, схватившись за обрубок руки. Третья рухнула за борт. Ее птичий шлем был снесен вместе с верхней частью черепа вплоть до зубов. А они все подходили, и Конан бился и крушил без отдыха, в безумной слепой ярости дикого зверя, каким в глубине своего сердца он оставался всегда. Он, должно быть, убил восьмерых или девятерых, когда внезапно обнаружил, что находится в кольце воинов с ястребиными лицами в птичьих шлемах. Его клинок был теперь зазубрен словно пила и по самую рукоять омочен кровью. Кольчуга была порвана во многих местах, следы от ударов на его могучих плечах и неглубокие порезы, нанесенные странными пилозубыми мечами, слабо кровоточили. Неистово работая мечом, который он крепко сжимал обеими руками, рыча, словно волк, Конан сдерживал натиск кольца стали вокруг себя. Десятый по счету воин упал, пронзенный насквозь. Ручным браслетом Конан ловко отвел в сторону несколько угрожающе направленных клинков. Он до предела наполнил свои легкие иссушающе-горячим воздухом. Сердце тяжело билось в груди, словно пиктский барабан, кровь бешено стучала в висках, и ноги нервно подрагивали от напряжения. Но несмотря на это, смертоносная сталь, подобно молнии, сверкала в руках киммерийца, и люди падали перед ним один за другим.

Глаза Конана уже начала застилать пелена, и ряды его жестоких, не знающих усталости врагов закружились в призрачной дымке. Теперь он ясно ощутил всю тяжесть своих шестидесяти с лишним лет. В глубине души Конан проклинал судьбу и богов за то, что у него нет уже той способности без устали выдерживать бешеную пляску стали, как в годы недюжинной юности. Но одновременно он благодарил тех же богов за то, что они предоставили ему возможность погибнуть так, как он всегда мечтал, — лицом к лицу с неприятелем и с мечом в руках.

И все же непостижимым образом киммерийцу удалось разорвать вражеское кольцо, и он оказался напротив одного-единственного воина, который стоял в заднем конце верхней палубы, четко вырисовываясь на фоне синего моря и неба. В мгновение ока Конан навис над ним. Длинное лезвие меча с глухим металлическим звоном рассекло розовую кольчугу и пронзило самое сердце врага. Внезапно все кончилось. Тяжело дыша и пошатываясь, Конан резко повернулся, чтобы встретить остальных противников, но обнаружил лишь голую палубу, на которой, вытаращив глаза, стояли его утомленные люди. Призрачная армия исчезла. Словно ветер внезапно унес в небытие всех этих воинов с ястребиными носами, пропали даже тела убитых. Конан покачнулся и оперся о борт. Нет, одно тело все же осталось на палубе — того последнего воина, которого он пронзил мечом. Охваченный внезапным подозрением, старый киммериец неловко переступил через него и отбросил в сторону зеленый щит. Правая рука мертвеца была перевязана бинтом. С облегчением Конан несколько раз глубоко вдохнул свежий морской воздух. Его громоподобный смех оборвал приглушенный ропот сбитых с толку пиратов.

— Они были копиями вот этого пса, — сказал он, хлопнув плашмя широким клинком по останкам у его ног. — Они действительно существовали, но лишь до тех пор, пока этот был здесь и мог вдохнуть в них жизнь. Когда же он умер, они исчезли, как мыльные пузыри! Теперь перенесите раненых на палубу! Горан Сингх, собери команду и обыщи переднюю палубу. Да поживее! В галере течь, и скоро она уйдет под воду. Если на борту есть какие-нибудь сокровища, то лучше поторопиться забрать их. Сигурд, Ясунга, идите за мной!

Конан, спотыкаясь, спустился вниз по лестнице и одним ударом распахнул дверь каюты под палубой юта. Он полагал, что там должна была находиться комната капитана-чародея. Конан чувствовал, что измучен до мозга костей бешеной схваткой, его ноги дрожали, а лицо осунулось от усталости несколько больше, чем ему хотелось бы обнаружить перед своими людьми. Шестьдесят с лишним лет свинцовыми доспехами висели на руках и ногах; Сейчас лишь живительный глоток крепкого вина наполнил бы его постаревшее сердце новыми силами.

В каюте стоял мистический полумрак. Стены были завешаны пурпурными коврами необычной раскраски, на которых гримасничали и искоса пялились отвратительные морды злобных демонов. На низком табурете странной формы стоял хрустальный графин с темной жидкостью. Конан, шатаясь, сделал несколько шагов с целью осушить содержимое бутылки. По вкусу напиток напоминал вино, но был куда крепче любого вина, которое киммерийцу доводилось когда-либо пробовать. Конан почувствовал, как живительное тепло распространяется по его телу и наполняет новыми силами крутые бугры утомленных мышц. И вдруг кровь застыла в его жилах. Там, около шелковых занавесок, медленно проплыла фигура человека, только что убитого его собственной рукой! Это был тот самый старик: розовая кольчуга пришельца была рассечена около сердца как раз в том месте, куда Конан послал свой роковой клинок, и из глубокой раны все еще стекала струйка густеющей крови. Не обращая ни малейшего внимания на оцепеневшего киммерийца, призрачная фигура сдернула со стены одно из покрывал, за которым оказалась тайная ниша, где хранилась серебряная шкатулка. Конан наблюдал, как полупрозрачная фигура колдуна бережно взяла шкатулку и сделала шаг по направлению к окошку у противоположной стены каюты. Оконный проем своей формой напоминал ограненный бриллиант. В открытых ставнях шумело и пенилось голубовато-зеленое море и виднелась часть корпуса «Красного Льва». Призрак уже собирался шагнуть наружу, прямо в бьющиеся о корпус галеры волны, как Конан с грохотом ринулся через каюту, пытаясь схватить зыбкую фигуру и таинственный сундучок, который та хотела унести с собой в глубины синих морских вод.

— Что ты делаешь, Амра? — вскричал за его спиной Сигурд. Ванир и кушит только что ввалились в каюту вслед за Конаном.

Окровавленная рука Конана обхватила колдуна, но легко прошла сквозь худое тело, как будто оно было соткано из тумана. Однако цепкие пальцы киммерийца дотянулись до серебряной шкатулки и крепко ухватились за ее край. Шкатулка, по крайней мере, была твердой, и Конан выхватил ее из немощных рук призрака. Тень колдуна откинулась назад и выпала из открытого окна каюты,

но во время падения она повернулась к Конану и метнула в него короткий, полный смертельной ярости взгляд. Затем призрак исчез в волнах.

Конан махнул рукой по направлению к окну. Он крепко сжимал шкатулку и пытался собраться с мыслями, чтобы ответить на вопросы, которыми Сигурд и Ясунга буквально засыпали его. Они не могли видеть дух колдуна, но зато воочию наблюдали, как из тайного алькова шкатулка поднялась в воздух и стремительно понеслась к окну безо всякой видимой поддержки. Они были свидетелями того, как Конан огромным прыжком бросился вслед за ней и схватил вещицу.

Прежде чем Конан смог удовлетворить их шумное любопытство, снаружи раздался тяжелый топот бегущих ног, и Горан Сингх прокричал в дверь каюты:

— Капитан! Полубак и трюмы пусты! Нет даже намека на добычу. Посудина быстро оседает вниз. Палуба уже затоплена! Нам надо выбираться назад, на «Красного Льва»!

Конан пристально взглянул на серебряную шкатулку. Это была единственная ценная вещь на всей галере, сокровище, из-за которого магический корабль пытался спастись бегством от пиратов. Это было то, что так берег черный колдун, ради чего он сражался и умер...

VIII. ШКАТУЛКА ИЗ АТЛАНТИДЫ

Там мертвое солнце садится в кровь,
Бросая в тучи мрачный луч.
И в дымке древних сказок остров вновь
Встает, и море лижет холод темных круч.
Видения Эпимитреуса

С крепко зажатой под мышкой серебряной коробочкой Конан перемахнул через стянутые вплотную борта двух судов, и его широкий меч в кожаном чехле с глухим лязгом стукнулся о деревянную обшивку. Сигурд и загорелый венд Горан Сингх последовали за ним. Его люди выдергивали абордажные крючья из деревянного настила галеры и кольцами сворачивали привязанные к ним веревки.

— Отваливаем! — прогремел Конан. — Йар! Гроты назад! Вынести стаксели на правый борт!

Со скрипом и скрежетом, кроша притершуюся древесину, два корабля нехотя разомкнули свои объятия. Скоро они разошлись на расстояние полета дротика, и между ними пролегла полоса зеленоватой бурлящей воды. Галера, трюмы которой наполнились водой через полученную пробоину, сильно осела вниз, и волны, клокоча и пенясь, перекатывались через ее палубу. Над поверхностью моря упрямо возвышались только мачты и приподнятые вверх ют и полубак. Рядом с ними плясали на волнах корабельные обломки. Не имея такого тяжелого плотного груза, который утянул бы ее на дно, полузатонувшая галера в течение многих месяцев могла носиться по волнам, представляя собой угрозу другим кораблям в этих дальних, пустынных водах, пока не была бы выброшена на берег или не разломалась бы пополам.

— Вынести вперед грот! — скомандовал Конан. — Убрать марселя и бизань! Выставить паруса! Курс два румба к правому борту по ветру!

Порывистый ветер наполнил грот и стаксели «Красного Льва», и, словно горячий жеребец, галеон рванулся вперед, повинуясь рукам человека. Ныряя носом в волны, он пустился бороздить невидимые морские дороги, оставив позади останки затопленной галеры.

Сигурд смотрел через плечо Конана назад, за корму, пока галера не исчезла из виду среди мерно вздымающихся морских валов. Обычно бодрый старый северянин был бледен и замкнут, как и все на галеоне. Что-то в этом изящном зеленом корпусе наводило на мысль о том, что там, в галере, по-прежнему таился загадочный сверхъестественный Ужас. Словно ледяным ветерком веяло от раскрытого склепа. Ясунга зябко вздрагивал плечами и бормотал молитвы на своем кушитском диалекте. Сигурд украдкой осенял себя магическими знаками, рисуя слева на груди ногтем большого пальца молот Тора.

Скоро даже хрупкие мачты галеры исчезли из виду. Над головой простиралось чистое голубое небо, уже слегка порозовевшее на востоке, где кроваво-красное солнце медленно тонуло в угрожающей чернильной массе густых испарений. Конан содрогнулся и, повернувшись к Сигур-

ду, хлопнул его по плечу, тем самым выводя последнего из оцепенения.

— Пошли в каюту, Рыжебородый, там мы сможем отметить нашу битву. К тому же нам надо осмотреть добычу. Ясунга, принимай командование на палубе!

Внутри каюты в очаге потрескивал огонь и от нагретой воды шел пар. Конан опрокинул на свое обнаженное до пояса тело чан с водой и смыл засохшую кровь и пот сражения. Он вздрогнул, когда вода внезапно обожгла его свежие порезы и царапины. Киммериец обтерся теплым полотенцем, набросил на плечи рубаху и с шумным вздохом облегчения стащил сапоги. Затем он развалился у стола около Сигурда, который сидел, опустив ноги в ведро с горячей водой. Северянин подтолкнул к Конану фляжку с вином, и тот охотно приложился к горлышку. Волны тепла от очага наполняли его блаженством, от вина внутри тоже приятно разливалась теплота, и в нем проснулась способность шутить: лениво и добродушно.

— Налей-ка мне еще, — Конан подвинул Сигурду пустую флягу. — Этот налет по крайней мере разогрел кровь наших людей. Правда, жаль, там не нашлось настоящей добычи, за исключением этой проклятой серебряной коробки!

Шкатулка лежала на середине стола, и Конан задумчиво водил заскоруэлым пальцем по ее граням. Коробочка по форме напоминала кирпич и немногим превосходила его по размеру. Она была отделана серебром, хотя, может, это и не серебро вовсе. В неровных красноватых отблесках пламени металл слабо отливал тускло-красным цветом, и при прикосновении к нему чувствовалось, что в нем не хватает прохладной маслянистой гладкости серебра.

Сигурд тоже озадаченно разглядывал вещицу и водил своей волосатой рукой по таинственным пиктограммам, рельефно выбитым на стенках шкатулки. Затем он раскрыл рот, чтобы произнести какое-то слово, но в это самое мгновение оно уже вырвалось у Конана:

— Орихалк!

Легендарный волшебный металл потерянной Атлантиды был, по сказаниям, похож на серебро по плотности и весу, но имел слегка медный оттенок. Возможно ли, чтобы эта шкатулка оказалась реликтом с потерянного

континента? Конан всегда неустанно внимал рассказам о древних королях-героях времен расцвета Атлантиды — могучем Калле Валусском, повелителе Пурпурного Трона; ужасном Каа-Язоте и его Железных Легионах; Белом Императоре, изгнанном из Города Золотых Ворот коварством черных магов, которые посадили на его трон короля-колдуна Теватату. Эта история и саги нараспев рассказывались у племенных костров его древней родной земли. Они помогали коротать долгие и суровые киммерийские зимние вечера. Рассказы о минувших свершениях заронили в его душу тоску по путешествиям и приключениям, что в конце концов провело его по половине дорог этого мира. Он нежно поглаживал странную коробочку, и глаза Конана теплели от пробегавших перед его мысленным взором неясных, туманных картин славных подвигов прошлого.

Сигурд, в бесхитростной душе которого находилось значительно меньше места романтике, потряс серебристым ящичком:

— Как ты думаешь, что там внутри?

— Что-то очень ценное, клянусь Кромом! — рассмеялся Конан. — Это все, что было на галере. Ради сохранения этой вещицы она и улепетывала от нас. Давай-ка попробуем вскрыть.

Замочная скважина была хорошо видна, но сам ключ, без сомнения, потонул в глубинах бескрайнего моря. Впрочем, крышка держалась на петлях, и ее можно было попытаться взломать. Конан порылся в своем морском сундучке. Затем положил коробку набок и приставил острие большой бронзовой иглы к основанию шарнирной оси одной из верхних петель. Он осторожно ударил по тупому концу иглы свинцовым шариком, которым заканчивалась рукоять тяжелого клинка. Конан усмехнулся и взглянул на Сигурда.

— Я выучился этим трюкам, когда был еще вором в Заморе. Дай вспомнить... О Митра! Уже лет сорок минуло... Но с того времени у меня не было случая воспользоваться этим умением!

Скоро обе оси были выбиты из петель — и открытая шкатулка беззащитно лежала на столе. Внутри находился маленький свиток, перевязанный парой ленточек из пурпурной ткани.

— Сокровища? — огорченно простонал Сигурд. — Клянусь рогами Шайтана и толстым брюхом Молоха! Никогда еще два благородных грабителя не были так бессовестно обмануты! Взять на абордаж эту мерзкую галеру, проливать кровь, биться со скрежетом зубовным в самой Преисподней против половины всех демонов... Ради чего? Ради этого проклятого куска бумаги?!!

Он сплюнул в сердцах. Но Конан, напряженно рассматривавший свиток, сердито пробормотал:

— Не отчаивайся так скоро, Рыжебородый! Это не просто клочок бумаги. Ну да, пусть Кром разорвет меня на части, если я не прав, но это, может быть, и вправду ценная вещь, как и полагал тот черный колдун с дьявольским лицом. Посмотри сюда!

Сигурд наклонился вперед, чтобы взглянуть на свиток, который Конан уже развязал и разгладил на столе. Во-первых, это был не папирус, а какой-то жесткий хрустящий пергамент, который мог бы быть сделан из выдубленной кожи крылатого дракона — одного из тех, что, согласно сагам, использовали древние атланты. Во-вторых, совершенно очевидно, свиток представлял собой карту, на которой были тщательно нанесены контуры незнакомых морей и всех земель неведомого Западного мира.

— Эта линия на востоке напоминает очертания берегов нашего континента, — задумчиво произнес Конан. — Видишь, здесь гавань Мессантии, а вот этот выступ, что загибается на восток, — вероятно, побережье от Зингары до Шема...

— Смотри, дружище, ведь эти разбросанные в беспорядке точки — это Барахские острова. Клянусь Лиром и Махнаном! — пробормотал Сигурд. Затем сердитые складки смяли его лоб. — Боги, ты посмотри, как далеко простирается море на запад! — Заскорузлый указательный палец северянина скользнул на запад от знакомых берегов.

— Посмотри сюда! — сказал Конан, показывая на берег неизвестного континента у западного края карты и на цепочку из семи больших островов, лежащих к юго-востоку от этих земель. Хотя Конан довольно слабо разбирался в географии, он сразу обратил внимание, что в этих частях карта была выписана с кропотливой тщательностью и в мельчайших деталях. На ней были изображены берега,

гавани, рифы, мели, направления ветров и течений, что свидетельствовало о хорошем знании художником земель и морей этого района.

Кулак Конана с грохотом опустился на деревянный стол.

— О Кром! Теперь я понимаю. Ты уловил, в чем секрет, Рыжебородый?

Сигурд пожал плечами. Конан постучал по пергаменту своим длинным узловатым пальцем:

— Зеленый корабль пришел с этих островов и достиг нашего берега. Одному Крому известно, что ему было нужно, разве что он хотел выпустить Красные Тени на наши города с какой-то непонятной целью, о которой мы пока можем только догадываться. Но, как ты думаешь, что же было таким ценным на этом корабле? Почему он вынужден был бежать от нашего галеона, как от чумы? Карта, показывающая путь к дому!

Сигурд озадаченно моргнул.

— Пожалуй, ты попал в самое яблочко, Амра. Но тогда что это за проклятые острова?

— Антилия!

Сигурд хрюкнул от удивления и поскреб челюсть своей волосатой лапой.

— Что ж, пусть зажарят мои внутренности, я слышал эту сказку, но никогда вполне не верил в нее. Эта, что ли, история о том, что, когда Атлантида погрузилась в соленые воды моря, группа священников-мудрецов убежала в неизведанные земли к западу и создала там государство — продолжение Золотой Империи?

Слышал я россказни о стенах Семи Городов Атлантиды, сделанных из золотых кирпичей, об улицах, мощенных серебряными плитами, священных пирамидах из орихалка и о таких крупных драгоценных камнях, которыми можно было оглушить кита. И эти сокровища просто лежали на пляжах и ждали, когда их подберут... Боги и дьяволы! Ты что, думаешь, в этом есть хоть толика правды?

Конан пожал плечами.

— Одному Крому известно. Я слышал подобные истории о Вендии и Кхитае, но когда я добрался до этих мест, то понял, что эти рассказы здорово преувеличены. Единственный путь узнать правду — это отправиться туда. Карта покажет нам дорогу!

IX. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕИЗВЕСТНОМУ МОРЮ

Наш парус туг, звенит канат.
Нос рассекает стаи туч,
Сулит нам золотой фрегат
Звезды далекой желтый луч.
Морская песня барахских пиратов

И вот так случилось, что «Красный Лев» отправился в раздираемые штормами, населенные чудовищами бескрайние пустыни Западного Океана, в самое невероятное из когда-либо предпринимавшихся путешествий. Единственными путеводными вехами для людей здесь были солнце днем и звезды ночью, так как в хайборийскую эпоху — время между погружением в море Атлантиды и расцветом Шумерского и Египетского царств — моряки не знали еще тайны магнитной стрелки компаса. И все же, следуя карте, найденной в шкатулке из орихалка, они все глубже и глубже уплывали в неизвестность.

Некоторые упорно не хотели пускаться в это фантастическое приключение, пока Конан не привел два убедительных довода в пользу такого рискованного предприятия. Во-первых, они отправлялись в плавание ради приключений, славы и добычи и, без сомнения, в изобилии найдут все это на Семи Островах легендарной Антилии, среди древних развалин последних городов атлантов. Во-вторых, он обещал самолично выбросить любого брюзгу за борт на поживу кракенам. Подобные увещевания оказались на удивление убедительными.

И все же, чем дальше они уплывали от знакомых берегов, тем сильнее рос среди команды какой-то суеверный ужас. Матросы вспоминали старые сказки, где говорилось, что мир кончается сразу за линией горизонта. Там земля образует огромный крутой уступ, с которого бесконечным потоком низвергаются воды океана. Они летят все дальше и дальше вниз, чтобы в конце с оглушительным грохотом обрушиться на самые основы неподвижной Вечности. По этим сказкам корабли, уплывшие за видимую линию горизонта, вскоре захватывались могучим, неумолимым течением, которое выносило беспомощную, вопящую от ужаса команду прямо к уступу на границе мира.

Конан резко обрывал подобные разговоры, с треском сталкивая пару голов друг с другом и доказывая с неумолимой логикой, что с каждой лигой их продвижения к западу горизонт явственно отступает на то же расстояние.

И они плыли далее, с парусами, наполненными ровным свежим северо-восточным пассатом. Впереди лежал неизвестный мир, вокруг же, насколько хватало глаз, простирались таинственные водные пустыни, где под вспененной ветром поверхностью моря их могли подстерегать ужасные обитатели океанских глубин. Конана мало страшили морские чудовища. Он встречался лицом к лицу с воинами, древними колдунами, отвратительными монстрами, демонами и даже с богами. И в конечном итоге все они оказывались уязвимыми для острой стали. Но из предосторожности он все же заставил корабельного плотника смастерить катапульту и слепить смолистые жирные шары из черного дегтя, в нутро каждого из которых было налито масло для светильников и вставлены просмоленные фитили из старого тряпья.

День следовал за днем, лениво протекая над бескрайними просторами пустынных вод, и это длительное безделье становилось для Конана невыносимым. Он уже страстно желал яростной, пусть даже безнадежной борьбы, которая хоть как-то нарушила бы бесконечное однообразие плавания. Но, увы, если в море и обитали таинственные чудовища, они предпочитали держаться на расстоянии от «Красного Льва». Чтобы не дать своим кровожадным разбойникам превратиться в корабельный балласт и выйти из-под контроля от долгого безделья, он все время заставлял их заниматься надраиванием палубы или оперять новые стрелы, дабы возместить потери за время короткой битвы с зеленой галерой, или заставлял их потеть над множеством других явно надуманных заданий. Как сказано в одной старой хайборийской пословице: «Нергал всегда найдет работу ленивым рукам».

Временами старый киммериец ловил себя на том, что размышляет о событиях, происходящих сейчас в далекой Аквилонии. Он думал о своем крепком характером сыне и спрашивал себя, по силам ли молодому бычку оказалась тяжесть его короны. Он думал о своих старых друзьях при дворе и о том, что лишь немногие из них еще живы.

Конан вспоминал также королевский дворец в Тарантии, где он провел столько счастливых лет со своей женой Зенобией, уже тоже уснувшей вечным сном. Она была рабыней в Немедии, но он сделал ее единодержавной королевой над всеми зелеными холмами и золотистыми нивами солнечной Аквилонии. Пока она была жива, Конан все время был рядом, кроме нескольких далеких и необходимых путешествий, и он всегда был предан ей всей душой, — не такой уж малый подвиг для грубого, пышущего здоровьем воина киммерийских кровей.

После ее смерти во время родов Конан опять вернулся к старым привычкам тех дней, когда он еще был королем-холостяком, и снова обзавелся гаремом стройных наложниц. Сделать это приобретение не составило никакого труда. Своеобразное, крайне жесткое понимание мужской чести всю жизнь вызывало в нем стремление заставить женщину подчиняться его объятиям. С другой стороны, всегда хватало желающих и даже жаждущих смириться с такой судьбой. Но больше у него не было ни свадеб, ни жен. Ни одной женщине не довелось занять места Зенобии.

Теперь, когда она умерла, Конан часто ловил себя на том, что думает о ней, особенно когда погружался в мрачные раздумья, что, вообще говоря, было ему не свойственно. Пока Зенобия была жива, он отдавал ей всего себя, считая это само собой разумеющимся. Как истинный дикарь, он мало задумывался над проявлением своих чувств. Теперь же Конан часто сожалел о невысказанных словах и о тех мелких услугах, которые он мог бы оказать ей, но так и не сделал этого.

Конан часто заставал себя в размышлениях о старых временах и старых друзьях. Лица из далекого прошлого вереницей проносились в его голове: Белит, похожая на пантеру, жаркая королева пиратов Черного побережья, его первая страстная любовь... Таурас из Немедии, толстый старый ворюга, вместе с которым он сумел ограбить легендарную Башню Слона... Загадочный стигийский черный чародей Тот-Амон, чья дорога так часто пересекалась с его собственной, вплоть до их последнего фатального столкновения... Верный, вечно скалящий зубы в усмешке Джуба — черный гигант из Куша, вместе с которым ему удалось победить человека из потерянной долины Меру

на далеком Востоке... Граф Троцеро Пуантенский; хитрый банкир Публий; благородные солдаты Просперо и Паллантид — все они протянули ему руку помощи и дружбы, когда зависть аквилонского короля Нумедидеса вынудила Конана отправиться в изгнание. Они же стали ему опорой, когда Конан поднял бунт против монарха-дегенерата...

Лица его друзей, любовниц, товарищей и врагов далекого прошлого, на которые он никогда раньше в этой жизни не оглядывался, толпой окружали сурового киммерийца. Воспоминания забытых дней снова наполняли его со все возрастающей яркостью и остротой; именно теперь, когда отчаянные, незабываемые свершения его беспечной юности уже давно умчались в прошлое и Долгая Ночь быстро подступала к нему. «Что ж, — думал он, — годы наваливаются на любого человека, если только ему удалось достаточно пожить. И, клянусь Кромом, Конан еще увидит свой последний медленно меркнущий закат на заваленном окровавленными телами поле, прежде чем настанет последний миг его жизни!»

— Земля, хо!

Глубоко погруженный в меланхолические размышления, Конан стоял на юте, угрюмо облокотившись на релинг, и наблюдал, как утреннее солнце всплывало из океана и взбиралось вверх по грудам облаков на востоке. Этот крик привел его в себя, и кровь снова упруго запульсировала в жилах.

— В каком направлении? — прогремел его голос.

— Три румба по правому борту, капитан! — отозвался впередсмотрящий с топа главной мачты.

Конан ловко вскарабкался по вантам до середины гротмачты, и его горящий ястребиный взгляд заскользил по линии горизонта. Впереди, по носу «Красного Льва», запад все еще тонул во мраке, но справа по курсу под низкими лохмотьями облаков, там, где море смыкалось с небом, виднелась более плотная черная полоска. Земля. Внизу на полубаке пираты сгрудились у релингов, указывая пальцами на темную линию, и, когда черная гряда холмов, ловя сквозь утреннюю дымку предрассветные блики, четче вырисовывалась вдали, с полубака доносились радостные возгласы. Как только Конан спустился на палубу юта, к нему, грохоча сапогами о палубу, подбежал Сигурд.

— Что это, дружище? — спросил ванир. — Антилия, наконец? Во имя солнечного диска Шамаха и серебряного месяца Диметры! Наконец-то пришло время действий! Золото и добыча для всех с приправой из горячей крови, клянусь всеми богами!

Конан хмуро усмехнулся:

— Да уж. Ничего, кроме моря и неба. Два полнолуния на борту этой посудины показались мне двумя столетиями. Но теперь путешествие окончено!

В это время из смотровой корзины раздался громкий испуганный крик:

— Дракон справа по борту, у носа! Плывет прямо на нас!

Дракон! При этом слове Конан почувствовал холодок внутри. Затем он застыл, напряженно вглядываясь вперед по правому борту.

С неизвестного Запада пришел он: крылья растопырены, величественно изогнута шея, сверкающая золотым пламенем в блекло-радужном утреннем свете. Его могучая грудь рассекала пологую маслянистую зыбь, глаза горели белыми огнями, и клубы черного дыма вырывались из огнедышащих ноздрей. Он мчался по волнам от туманной груды островов прямо на них — титаническая крылатая змея, одетая в доспехи тускло отсвечивающей чешуи, с глазами, подобными сосудам с огнем.

X. ОГОНЬ ДРАКОНА

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забытые империи влачат существование,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

— Все наверх, с оружием! — оглушительный, словно глас рока, раздался рев Конана.

Громкий голос капитана стряхнул с людей состояние оцепенения, когда с широко открытыми от ужаса глазами вся команда галеона наблюдала приближение чудовища.

— Лучники! На полубак! Яков, подашь сигнал, когда он приблизится на полет стрелы! Мило, займешься со

своими людьми катапультой! Целься четыре румба по правому борту. На руле, два румба к левому борту! Сигурд, ставь бизань! Возможно, нам придется выписывать вокруг него кренделя, как подвыпившему кохийскому крестьянину. Макро, мой шлем и доспехи на ют!

Люди забегали оживленно, исполняя приказания. Брякало оружие. Временами кто-нибудь нагибался за упавшим на палубу мечом или копьем. Наверху, впереди, дюжий боцман и его команда кряхтели и потели, поднимая и разворачивая в исходное положение тяжелое вооружение. Другие матросы подносили из трюмов вымазанные дегтем ядра и складывали их неподалеку.

Возмущенный резким поворотом рулей, «Красный Лев» встал на дыбы и сделал мягкий разворот к левому борту, так что чудовище оказалось на одной линии с катапультой. Механизм не вращался вокруг оси, и его можно было нацеливать на врага, лишь разворачивая весь корабль.

Сверкающие глаза чудовища надвигались все ближе и ближе, и казалось, что его шея вытягивается вверх. Как только дракон приблизился на расстояние полета стрелы, лучники отряда Якова послали шквал стрел, которые, описав плавные дуги над разделяющим их пространством воды, частью упруго впились в чешуйчатую шкуру, частью скользнули по золотой чешуе в сторону. Казалось, однако, чудовище не почувствовало уколов шипящих наконечников. Когтистые пальцы, которыми оканчивались его длинные тонкие передние птичьи лапы, даже не вздрогнули. Изогнутая лебединая шея не свилась кольцами от боли, и оскал остался прежним. Золотая маска неумолимо приближалась. Все так же ярко сверкали глаза, озлобленная пасть щетинилась несколькими рядами зубов.

Солнце, доселе скрывавшееся за облаками на востоке, теперь выбралось на чистое пространство и осветило картину во всем ее величии. И тогда Конан воскликнул:

— Оно не живое, парни! Это корабль, машина. Приготовить катапульту!

Внезапный всплеск солнечного света открыл Конану истинное положение вещей. «Дракон» на самом деле был галерой, подобной той, которую они потопили посреди открытого океана, но нос ее был сконструирован так, что

спереди судно напоминало чудовище. «Крыльями» же служили два высоких узких треугольных паруса, укрепленных на бамбуковых реях, как это делалось на кораблях Кхитая. Паруса были подняты на паре мачт на шканцах, стоящих совсем рядом друг с другом, а не так, как на большинстве парусных судов — одна на носу, другая на корме. Сейчас их черные полотнища были добраны и выставлены точно по корме, потому что галера гребла прямо против ветра. И хотя паруса никак не помогали кораблю двигаться вперед, трепещущие на ветру, они усиливали сходство с крылатым морским чудищем.

Второй залп стрел градом застучал по носу судна-дракона, опять не причинив ему никакого вреда. Конан видел, что «передние лапы» служили хватательными устройствами, которые поддерживались толстыми канатами в висячем положении перед форштевнем. Когда судно подойдет достаточно близко, канаты ослабнут и два бруса с силой упадут вниз, при этом «когти» глубоко войдут в деревянную обшивку «Красного Льва» и надежно захватят его.

— Мило! — рявкнул Конан. — Снаряд!

Боцман сделал знак рулевому и немного развернул галеон к правому борту, так что метательная планка его машины точно нацелилась на врага. С резким пружинящим звуком катапульта распрямилась. Первый шар из дегтя, оставляя клубящийся след черного дыма, описал в воздухе плавную дугу, отскочил от шеи монстра и упал в море. Теперь до галеры оставалось расстояние не более броска копья. Изогнутая грудь дракона раскрылась. Широко распахнулись створки дверей, и деревянный абордажный настил сам вышел вперед из раскрывшегося проема. Внутри судна, у дальнего конца настила, выстроилась абордажная команда в каких-то фантастических доспехах. Громко затрещал храповик катапульты — это команда яростно налегла на лебедки, вновь готовя орудие к бою. Затем раздался звенящий хлопок, и второй смолящий дымом шар пролетел над водой прямо в проем, где собрался абордажный отряд. Там взлетели вверх клубы дыма и мертвенно-бледная вспышка света на мгновение осветила внутренности судна. Ряды воинов смешались, и по настилу пронеслось лихорадочное движение. Нескольких человек при этом столкнули в море, и тяжелые доспехи быстро

увлекли их ко дну. Из корпуса корабля-дракона в сотне мест начали вырываться струи дыма. Казалось, огонь распространяется почти с неестественной скоростью. Конан слышал издали слабые крики попавших в ловушку людей. Сквозь открытый проем впереди была видна часть трюма галеры. Создавалось впечатление, что все попытки бороться с огнем безнадежны. Скоро оранжевые языки стали вырываться из шеи «дракона», затем пламя подобралось к нижним краям парусов и заревом взмыло вверх.

— Амра! — завопил Сигурд. — Еще один по левому борту.

Конан, крепко ругнувшись, резко повернулся. С противоположной стороны прямо на них шел второй корабль-дракон. Ветер мел этому судну в борт, и паруса-крылья помогали веслам, так что оно летело куда быстрее, чем первое.

— Мило! — закричал Конан. — Поверни свою машину к левому борту!

Пока на шканцах у катапульты отряд, обливаясь потом, принялся перетаскивать свой механизм к противоположному борту, второй корабль-дракон быстро сокращал расстояние. Конан последними словами проклинал свою глупость. Он позволил себе увлечься зрелищем пожара на уже выведенном из строя первом корабле и не заметил приближения второго, и только громкий рев Сигурда отрезвил его.

— Яков! — загремел он. — Не стрелять, пока не откроют!

Однако на этот раз корабль-дракон не спешил открывать двери для абордажной команды. Вместо этого он издал шипящий свист, словно разом вскипели сотни котлов. Открытая пасть фигуры на носу галеры выплеснула струю жидкого пламени, которое образовало сверкающую арку над сужающейся полоской воды между кораблями. Пламя ударило в борт и палубу «Красного Льва». В один миг вся палуба была усеяна капельками горящей жидкости, которые разбегались во все стороны. Пираты в панике ринулись прочь от релингов, кто-то уже отчаянно колотил по дымящимся пятнам на одежде. От огненной жидкости валил густой черный дым, запахло горящим маслом. Конан тут же догадался, что это было природное черное

масло, подобное тому, что выступает из земли в пустынях Иранистана и Турана.

Но у него не было времени объяснять все это своим людям. Шипение повторилось, и новая струя жидкого пламени ударила в стаксель, который в мгновение ока вспыхнул, словно факел. Отряд у катапульты и лучники с воплями ужаса рассыпались по палубе. Над их головами ярко пылал парус, осыпая палубу дождем горящих обрывков ткани.

— Руль к правому борту до упора! — бешено проревел Конан. — Поставить паруса по ветру и закрепить на правом борту!

Он прекрасно понимал, что следующий поток пламени может лишить их грота и тогда «Красный Лев» станет беспомощным, как старая неповоротливая посудина.

Но было уже слишком поздно. Шипение раздалось еще раз, и стремительная огненная струя обрушилась на грот, который тут же исчез в пучине вьющегося, ревущего пламени. «Красный Лев», движущая сила парусов которого, за исключением небольшой бизани, была уничтожена в огне, резко замедлил ход и теперь неуклюже переваливался на волнах. Крючковатые тяжелые брусы галеры с треском обрушились вниз, и когти глубоко впились в палубные доски галеона. Двери раскрылись, выехал настил, и вторая абордажная команда ринулась вперед, на борт «Красного Льва».

У людей с галеры была смуглая кожа, узкие прорези глаз, выпирающие скулы и орлиные носы. На головах красовались птичьи шлемы, как у колдуна с зеленой галеры, а на кожаные солдатские куртки были надеты странные стекловидные доспехи. Столь же необычным было и их вооружение: прозрачные мечи с зазубренными пилообразными краями, крючковатые копья и стеклянные шарики в пращах. Было еще и другое оружие, но у Конана не хватило времени разглядеть его.

Лучники Якова должны были бы встретить высаживающийся на борт «Красного Льва» отряд смертоносным дождем стрел, но они были растеряны и напуганы не меньше других пиратов. Конан бушевал и сыпал проклятиями, но его люди все же так и не построились в оборонительные ряды, а в панике метались по нижней палубе.

В сторону нападающих просвистело несколько стрел, но они не причинили особого вреда. Наконечники разлетались на кусочки или проскальзывали по хрупким с виду стеклянным доспехам. Лишь несколько человек из экипажа собрались кучкой у края абордажного помоста, который опирался на релинги «Красного Льва».

Одним прыжком Конан слетел вниз по трапу со своим тяжелым палашом в руке и ринулся на помощь защищающимся. Теперь он видел, что люди с галеры имели странное боевое снаряжение: тонкие трубочки выходили из их ноздрей, закрытых стеклянными шлемами, к контейнеру на спине. Это, решил Конан, наверное, что-то вроде дыхательного аппарата. Но зачем?

Ответ не заставил себя ждать. Едва Конан достиг шканцев, как первая группа атакующих приостановилась, чтобы раскрутить пращи и осыпать его людей градом стеклянных шаров, каждый размером с яблоко. Они взрывались с мелодичным звуком и разлетались сотнями сверкающих осколков. Там, где разрывался шар, возникало облако бледного пара, которое медленно поднималось вверх.

Все больше и больше шаров со стеклянным звоном лопалось на палубе «Красного Льва», и ветер не успевал уносить прочь дым от все новых и новых нехитрых снарядов. Конан видел, как его рассеянные по палубе бойцы оседали вниз и один за другим тяжело падали на доски без сознания. Они падали один за другим, и скоро лишь несколько человек еще оставались на ногах.

Теперь палуба напоминала место жестокой бойни, разве что люди лежали спокойно, словно спали, по-видимому, они были невредимы. Тогда абордажный отряд темной волной прокатился по деревянному настилу вниз, на окутанную серым дымом палубу галеона, на которую кое-где еще падали горящие обрывки веревок и парусины. С оглушительным боевым кличем Конан врезался в толпу нападающих. Широкий меч ткал вокруг киммерийца полотно мерцающей стали. Прозрачно-кристаллические доспехи раскалывались под ударами тяжелого клинка, который разрубал стекло, кожу нагрудников, мясо и кости. Отрубленные конечности разлетались в стороны, вопли вырывались из-под стеклянных шлемов.

Конан прорвался сквозь неплотные ряды первой группы нападающих, оставив позади себя бездыханно лежащими на палубе трех врагов. Но новые воины спрыгнули с абордажного настила, пытаясь окружить его и снова завладеть инициативой. Он прорубил сквозь их ряды дорогу к ренингу, где, с защищенной спиной, ему удалось урвать короткую передышку.

В дальнем конце палубы Конан увидел Сигурда, который обменивался могучими звенящими ударами сразу с двумя противниками. Еще двое лежали у его ног. Вдруг, хотя не было видно, чтобы его кто-нибудь зацепил, северянин выронил свою длинную саблю и осел на палубу так же, как это произошло со всеми остальными членами команды.

Конан почувствовал сладковатый запах, и окружающий мир медленно поплыл перед глазами. Атакующие отступили от него и образовали полукруг, так что киммериец оказался прижатым к поручням релинга. Несколько секунд он стоял лицом к лицу со своими противниками. Его губы, окаймленные серой бородой, раздвинулись в беззвучном рычании. Над головами передних нападающих пролетело еще несколько стеклянных шаров, разлетевшихся на кусочки совсем близко.

Конан не стал дожидаться, пока пары поднимутся и свалят его с ног. С хриплым сдавленным рычанием он ринулся на обступивших его полукругом врагов. Меч в мозолистых руках Конана вихрем пронесся над головой, подобно крылу ветряной мельницы.

Два антильца упали, один — с рассеченной головой, другой — со смятой грудной клеткой. Теперь Конан смог прорваться сквозь ряды врагов и снова оказался на свободном пространстве.

Он знал, что не сможет один биться со всей командой вражеского корабля. И даже если он сведет счеты еще с несколькими противниками, рано или поздно они все равно окружат и убьют его. Накопленная за долгие годы жизни усталость уже отягощала его руки и ноги и замедляла движения. Дыхание с трудом вырывалось из груди. Дым и струящиеся клубы белого пара, которого киммериец успел наглотаться, вызывали у него удушливый кашель. Теперь уже вся команда галеона лежала на палубе, но лишь

немногие были сражены причудливыми мечами врагов, большинство же пало, наглотавшись ядовитых паров.

Другой на месте Конана, вероятно, застыл бы в нерешительности, не зная, что делать дальше. Было очевидно, что корабль потерян. Палуба кишела воинами корабля-дракона. Паруса и оснастка исчезли в пламени и дыму. В это самое время передняя рея, которую уже не поддерживали сгоревшие дотла канаты и парус, с грохотом рухнула на палубу полубака. По сторонам густо дымились огоньки обрывков горящей парусины, веревок и обломков рангоута. От первого корабля-дракона, который они подожгли, на поверхности моря осталось лишь несколько пляшущих на волнах обугленных обломков.

Конан понимал, что не сможет принести пользу своим людям, если позволит убить себя или сдастся в плен. В то же время оставался шанс спасти команду, если ему удастся убежать. Решительность — наследство далекого варварского прошлого — определила дальнейшие действия Конана. Она же не дала ему возможности хоть немного обдумать и взвесить другие варианты. С последним приливом сил он огромными прыжками взлетел вверх по трапу на ют. Один из двух рулевых на счетверенных рулях корабля исчез, а другой лежал мертвым. Над его телом стоял противник с кровавым зазубренным клинком. Конан рванулся к нему и одним ударом разнес на кусочки кристаллическое лезвие меча. Повинуясь могучему взмаху длинных рук киммерийца, его широкий меч как бумагу прошил броню из стеклянных пластин, и воин безмолвно осел вниз.

Конан бросил окровавленный меч, сорвал с головы рогатый шлем и запустил его далеко в море. Никаких трофеев врагам! Он нагнулся и снял с мертвеца стеклянный птичий шлем, а вместе с ним и дыхательный аппарат. В то время, когда антильцы загрохотали сапогами по верхним ступенькам трапа, Конан успел уже закрепить аппарат на голове и на спине.

Враги бросились на него с яростными криками. Конан подхватил меч как раз вовремя, чтобы парировать выпад копьем с острым извилистым наконечником. Одним могучим ударом сплеча он смял шлем наступавшего на него врага, а заодно и череп воина. Не дожидаясь, пока к нему приблизится следующий, киммериец подскочил к релингу,

перемахнул через борт и исчез в пенистых гребнях голубоватых волн. Увлекаемый вниз весом своей кольчуги из толстых стальных колец, он камнем пошел ко дну.

Утреннее солнце теперь сияло высоко в небесах и уже рассеяло последние остатки предрассветной дымки. Облака разбегались в стороны и таяли под его горячими золотыми лучами. Разбившись на пары, воины абордажного отряда поднимали бесчувственные тела членов экипажа «Красного Льва» и переносили их по настилу внутрь своего корабля. Другие пытались погасить множество крошечных огоньков, рассыпанных по палубе галеона. Они сбивали огонь ударами плащей и заливали морской водой из ведер, которые тут же поднимались на веревках.

В конце концов люди с корабля-дракона оставили небольшую команду на борту захваченного галеона и вернулись на свое судно. Затрещали деревянные блоки, и абордажный настил заполз обратно в проем, похожие на когтистые лапы брусы поднялись вверх, и двери на груди дракона закрылись. Заработали весла, паруса упруго натянулись под сильным ветром, и галера попятилась назад. Когда между судном и галеоном оказалась достаточно большая полоса чистой воды, галера совершила умелый маневр, пройдя вдоль самого носа «Красного Льва» и почти коснувшись его кормой. Вскоре с натужным скрипом канатов, с парусами, натянутыми до отказа свежим попутным ветром, корабль-дракон двинулся туда, откуда пришел, волоча за собой на буксире «Красного Льва».

XI. ЧУДИЩА МОРСКИХ ГЛУБИН

...Престрашным щупальцем и клювом
Оно вступило в бой со Львом...

Путешествие Амры

Конан вошел в воду с сильным всплеском, и зеленые волны тут же сомкнулись над его головой. Отягощенный массивной кольчугой из толстых стальных звеньев, которая защищала его тело до пояса, и увлекаемый тяжестью меча, он камнем пошел ко дну.

Морская вода была холодна. Утреннее солнце совсем недолго сияло в небе, и его тепло не успело еще проникнуть глубже тонкого слоя воды. Терпкий привкус соленой воды и прохлада подействовали на Конана отрезвляюще. Соль огнем обожгла порезы и ссадины на его теле, волна леденящего холода прокатилась по его утомленному телу, вызвав прилив новых сил в ноющих мышцах.

Медленно, словно во сне, падал он сквозь туманный мир бледно-нефритовой воды. Совсем рядом замаячил темный корпус «Красного Льва», и Конан смог различить ракушки на его киле. Бросив взгляд вверх, старый воин увидел над собой оба судна — овальные темные планеты в тускло поблескивающем зеленовато-серебристым светом небе. Фантастическое зрелище...

Когда Конан врезался в волнующуюся поверхность моря, первым его побуждением было замолотить по воде руками и поплыть. Но он быстро обнаружил, что особая конструкция дыхательного аппарата в кристаллическом шлеме каким-то непонятным образом позволяла ему дышать под водой. Более того, совсем неглубоко под ногами Конан смог смутно различить темное морское дно. В этом месте у островов Антилии морское ложе мягко поднималось вверх, и Конану предстояло не уйти в безжизненные черные глубины, куда еще не проникал луч света, а опуститься лишь на несколько саженей до дна, откуда ему открывался путь до берега. Поэтому он просто позволил себе плавно опускаться вниз, преодолевая инстинктивное желание плыть. Он только немного шевелил ногами — ровно столько, сколько было нужно, чтобы держаться все время в вертикальном положении.

С дыханием дело обстояло несколько иначе. Стенки шлема опускались вниз, плотно прилегая к груди и спине, подобно хорошо пригнанному седлу. Две стеклянные трубки от шлема проходили под мышками и заканчивались какой-то похожей на продолговатый бочонок штуковиной за спиной, между лопаток. Одна трубка входила в шлем на уровне ноздрей, другая — на уровне рта. Надев шлем, Конан довольно быстро освоился с этим хитроумным агрегатом. Выпустив воздух из легких, он увидел, как вверх устремилась суетливая вереница серебристых пузырьков. К непривычному способу дыхания пришлось немного при-

выкнуть, но когда Конан мягко приземлился на дно на все четыре конечности, он уже успел овладеть этим искусством.

Дно было покрыто слоем тонкой взвеси, которая взвилась легкими темными вихрями, когда он, загребая песок, сначала встал на четвереньки, а потом поднялся на ноги. От всплесков и водоворотов облака медленно оседающих частичек вода вокруг него стала серо-зеленой. Конан нашел, что через кристаллический материал шлема видно вполне неплохо, хотя уже в нескольких ярдах очертания предметов расплывались и исчезали в мутной воде. И все-таки вокруг было довольно светло, и он мог достаточно ясно различать близкие предметы. Далее же песчаные дюны терялись в тусклом ровном изумрудном свете.

Сориентироваться было относительно легко, надо было только следовать плавно поднимающемуся уклону морского дна, который должен был вывести его к берегу моря. Поэтому Конан побрел именно в этом направлении, упорно переставляя вязнущие в мягком песке ноги и покачиваясь из стороны в сторону, так как его массивное боевое снаряжение и дыхательный аппарат сместили центр тяжести вверх. Несмотря на вес кольчуги, Конан чувствовал непривычную легкость своего тела, но каждым дюймом кожи он отчетливо ощущал огромное равномерное давление водной толщи, что сильно затрудняло дыхание. И все же, несмотря на все сложности, он упрямо передвигался вперед, делая тяжелые и неуклюжие преувеличенно-медленные шаги, каждый раз чуть отрываясь от морского дна.

Пологие песчаные холмы были покрыты удивительно сочной растительностью. Конан продирался сквозь зачарованный лес загадочных растений, чьи длинные шелковистые стебли колебались, подобно поблескивающим разноцветным лентам. Маленькие, ярких расцветок рыбки стремительно сновали вокруг. Они напоминали фантастических птиц и то отливали золотом, то вспыхивали пурпурными, изумрудно-зелеными и лазурными цветами. Вокруг поднимались ветвистые, похожие на окаменевшие деревья причудливые нагромождения розовых и белых кораллов.

Внезапно коралловые заросли отступили, и Конан оказался среди громоздящихся друг на друге и плавно

уходящих вверх скал, которые казались руинами какого-то доисторического города великанов. Камни были сплошь облеплены морскими организмами, одни из которых напоминали цветы, другие — звезды, третьи угрожающе щетинились многочисленными шипами. Некоторые существа двигались на жестких ломаных суставах ног, шевеля глазами, растущими на стебельках, иные высовывали наружу целые букеты напоминающих перья отростков.

Конан подтягивался на руках и пробирался вверх с одного этажа нависших глыб на другой. Внезапно он почувствовал, как что-то острое глубоко взрезало его палец, и безмолвно выругался. Наконец киммериец добрался до ровной поверхности плато и остановился на вершине, чтобы немного передохнуть.

Солнце, должно быть, уже поднялось выше, а может, это он успел подняться довольно близко к поверхности, потому что мутно-зеленый полумрак глубин сменился прозрачным, греющим душу желтовато-изумрудным светом. При этом более ясном освещении Конан почувствовал в себе силы преодолеть еще один крутой склон, который должен был вывести его к самой поверхности. Среди разноцветных скал наверху зияла раскрытая черная пасть морского грота. Конан начал подъем, при этом то и дело настороженно поглядывая на пещеру. Он решил обойти ее стороной, так как опыт скитаний на суше подсказывал ему, что такие места часто бывают обитаемы — и в них живут отвратительные кровожадные твари. Он был почти уверен, что и в чернильных глубинах этого подводного грота поселились существа, ничуть не похожие на маленьких безобидных ярких рыбок.

Конан уже продвигался вдоль края пещеры, когда он скорее почувствовал, чем увидел, как в кромешной тьме грота возникло волнообразное движение. Тускло светящееся пятно, величиной с большую миску, появилось из колышущегося мрака. Затем другое пятно возникло рядом с первым, и что-то ощупью заскользило по дну, направляясь прямо к нему. Оно было похоже на толстый корабельный канат или, скорее, на покрытый черной гладкой маслянистой корой древесный ствол, который каким-то образом приобрел гибкость и способность двигаться. Конец щу-

пальца извивался и был размером с кончик огромного кнута, в то время как у входа в пещеру его диаметр достигал величины матерого, толстого дерева. Ищущий жгут приближался. Отвратительно извиваясь, он то изгибался вниз, то снова отрывался от морского дна. Конан заметил его плоскую подошву с двумя рядами присосок, от самых маленьких, размером с подушечку большого пальца на ленточном конце, и далее вдоль щупальца — величиной с лошадиное копыто. Теперь тонкий конец оказался совсем рядом. Он приподнялся над дном и испытующе-осторожно дотронулся до сапога Конана, словно пробуя, что это за странное создание и съедобно ли оно.

— Кром! — У Конана перехватило дыхание, когда он распознал в этом жгуте одно из щупалец существа из семейства кракенов. Он отпрыгнул сквозь упругую толщу воды назад и выхватил меч из ножен.

На суше подобный прыжок отбросил бы его на несколько футов, но в воде все было иначе. Конан обнаружил, что неуклюже заваливается вниз на песчаное дно, поворачиваясь при этом вокруг своей оси. Из-за резкого движения вода проникла под стеклянный шлем и зажурчала, заливая уши. Свободной рукой киммериец ударил по воде, чтобы снова обрести равновесие.

Щупальце отступило. Затем стремительное, как атакующая змея, оно лишь на мгновение застыло, приподняв вверх тонкий конец, чтобы через секунду метнуться вперед и обвить бедро Конана. Могучим ударом сплеча Конан рассек воду. Но сопротивление жидкости рассеяло большую часть его силы, и клинок чуть повернулся в руках киммерийца, так что удар пришелся вскользь и меч, неглубоко порезав щупальце, пружинисто отскочил назад.

Стальное кольцо на бедре Конана сжималось, и вскоре нога начала неметь. Его легкие напряженно работали, с усилием преодолевая огромное давление толщи воды. Конан снова нанес удар, но этим он лишь дал воде еще одну возможность вобрать в себя его силу.

Казалось, что под тугой хваткой уже начинает трещать кость. С холодком ужаса Конан внезапно почувствовал всю неумолимую силу этого сдавившего его кольца. С безнадежной очевидностью Конан понял, что, если ему не удастся вырваться из тисков морского чудовища, щупальце

утащит его внутрь пещеры. Там, среди раскинутых веером конечностей, окружающих мягкую сердцевину, острый, загнутый, как у попугая, клюв и снующий шершавый язык уже в нетерпении предвкушают трапезу.

Гигантский кракен еще не проснулся окончательно. Он лениво, с медлительным любопытством играл со своей жертвой, похоже, еще не чувствуя сильного голода. Но вот Конан увидел другое щупальце, возникшее из мрака пещеры, а за ним еще одно.

Конан развернул клинок лезвием вниз и с усилием надавил на рукоять. Острие меча мягко проткнуло толстую шкуру чуть выше кольца, сдавливавшего его ногу. Лезвие медленно утопало в резиновом мясе, пока не прошло насквозь и его сверкающее острие не показалось с другой стороны. Слава богам! Он был вооружен прямым остроконечным мечом, а не изогнутой и тупоносой абордажной саблей или ятаганом. Если бы он имел что-нибудь подобное, то легендарный Конан из Киммерии, скорее всего, здесь и нашел бы свой конец.

Казалось, толстокожий медлительный кракен почувствовал сильную боль в своей пронзенной конечности. Конан начал пилить щупальце, медленно двигая лезвие вверх-вниз. Он, похоже, задел нерв, потому что обмотавшееся вокруг его ноги щупальце внезапно ослабло и конвульсивно задергалось, взбивая песок и воду, закрутив его в водовороте вверх ногами.

Когда Конан снова опустился на песчаную поверхность, к нему уже подползало, слепо шаря по дну, другое щупальце, словно огромная черная змея, с крохотной раскачивающейся головкой. Оно, извиваясь, прошло мимо него, и Конан весь подобрался, направив острие своего меча вниз и целясь в конечность, пытаясь пригвоздить ее ко дну морскому. Гибкий конец с присосками качнулся в сторону, и тогда лезвие настигло его. Раненой змеей щупальце скользнуло назад в пещеру.

Теперь вода вокруг Конана заходила могучими валами, и гигантский осьминог, окончательно разбуженный болью от нанесенных ему ран, начал вытаскивать вздымающуюся громаду своего тела из отверстия пещеры. Конан невольно застыл в благоговейном восхищении, пораженный гигантскими размерами и мощью животного. Учитывая длину

восьми извивающихся конечностей, размеры чудовища были поистине исполинскими. Сначала показались передние щупальца, длинные, как мачты «Красного Льва», и достигавшие у основания толщины стволов столетних деревьев. Уверенно выброшенные вперед, они намертво присосались к обломкам одной из скал и вытащили за собой все чудовище. Клюв был сейчас скрыт под шевелящейся массой конечностей.

Вслед за щупальцами возникла голова с двумя мисками глаз, посаженными почти вплотную друг к другу у передних конечностей. В глазах темнели узкие щели кошачьих зрачков, только у кракена эти щели были горизонтальными, а не вертикальными, как у кошки. Конан никогда не встречал более бесчувственного, застывшего взгляда, чем взгляд этих холодных немигающих глаз.

За головой показалось разжиревшее, похожее на раздувшийся мешок тело. Огромное, оно было больше, чем самый вместительный чан для вина в погребах короля Ариостро. Волны сменяющих друг друга цветов непрерывно пробегали по этой испещренной пятнами массе: белые, темно-розовые, красновато-коричневые, каштановые и черные.

Конан застыл на месте, соображая, что ему делать. Он не осмеливался ринуться назад по крутому откосу, так как знал, что будет двигаться медленно, скованными движениями, да к тому же ему придется повернуться спиной к разъяренному чудовищу. Конан догадывался, что, пока он будет стоять неподвижно, кракен не сможет ясно различить его среди нагромождения глыб. Но если он пошевелится, то движение немедленно привлечет внимание осьминога. В то же время Конан не мог оставаться на прежнем месте, так как чудовище сейчас направлялось как раз в эту сторону. Осьминог изгибался и волочил студенистую массу своего тела по дну, и одно из его гибких щупалец неминуемо должно было вскоре наткнуться на Конана.

Выбрав простейший путь бегства, Конан упруго прыгнул вверх, чтобы оказаться над кракеном. Он надеялся запутать его и достигнуть верхнего склона над пещерой прежде, чем чудовище почувствует перемещение.

Но Конан забыл, что теперь он ясно вырисовывался черным движущимся предметом на фоне снующей

легкими тенями ряби серебристой поверхности, пронизанной солнечным светом. Он еще парил над животным, когда две шарящих конечности взметнулись вверх и с сокрушительной мощью затянули свои узлы вокруг тела Конана: один — вокруг пояса, другой — вокруг левой ноги. Он стал совершенно беспомощен в беспощадных тисках этой могучей хватки. Не пройдет и нескольких мгновений, как щупальца увлекут его вниз к щелкающему клюву...

Снова воткнул Конан острие своего меча в толстую упругую плоть обвившегося вокруг него шупальца, пронзая его насквозь. Но чудовище не особо было чувствительно к боли. Оно обладало поразительной живучестью. Надо было искромсать половину всех его шупалец, чтобы осьминог обессилел. Тогда кракен просто покинул бы поле боя, чтобы дать время своим поврежденным конечностям отрасти. Конан чувствовал, как перекатывались его мощные мышцы в тисках осьминога, и не мог сопротивляться безжалостной силе, которая тянула его вниз, к пасти-клюву.

Вдруг словно черная молния стремительно вонзилась в одно из удерживавших Конана щупалец и легко разорвала его. Темная продолговатая фигура пронеслась сквозь подводные сумерки, подобно огромному метательному снаряду. Одним срезом тройного ряда зубов был отсечен кусок кракена в фут длиной. Тиски у пояса Конана разжались, и раненая конечность быстро умчалась вниз ко дну, извиваясь в воде, как разорванный надвое червяк.

Новым действующим лицом на этой сцене оказалась колоссальных размеров акула, веретенообразное тело которой превышало тридцать футов в длину. Темная, сланцево-серая сверху, со сливочно-белым брюхом, она слегка изогнулась после первого броска. Один только миг акула неподвижно парила в зеленоватой воде, а затем, выгнув свой податливый хребет, она описала короткую дугу и штопором ринулась в новую атаку. Ее маленькие желтоватые глазки, остекленевшие от вечного неутолимого голода, встретились с глазами Конана.

Теперь лишь одно щупальце, обвитое петлей вокруг ноги, удерживало киммерийца. Необходимость придала

необычайную силу его рукам. Взмах меча — и острое лезвие рассекло узкий конец щупальца. Конан был свободен.

Не останавливаясь, чтобы вложить меч в ножны, Конан неистово заработал руками и ногами, изо всех сил стараясь, насколько это возможно, отклониться от траектории броска акулы, подобного метеору. Громоздкий меч в руке затруднял движение и тянул его направо и вниз, так что он описал и воде широкий полукруг. Этого было как раз довольно, чтобы уйти с дороги бешено мчащейся вперед акулы, чьи треугольные плавники лезвиями вспарывали тускло-зеленую воду.

Она пронеслась совсем рядом, и усеянная рядами зубов челюсть глухо щелкнула, вобрав в себя одну морскую воду. Минуя Конана, акула прошла так близко, что он мог четко различить каждую чешуйку, которые в обилии покрывали ее белое брюхо шершавой корой. Потоком воды киммерийца отшвырнуло в сторону легко, как соломинку.

Акула резко развернулась и опять на мгновение повисла в воде, и Конан знал, что на этот раз ему уже не увернуться. Когда акула, волнообразно изгибая туловище, снова набрала скорость, направляясь к нему сквозь толщу воды, вверх взвились три черных щупальца. Они миновали киммерийца и петлями охватили громоздкое, как бочонок, тело огромной акулы, оказавшейся в ловушке. Конечности кракена извивались, как рассерженные змеи, которых потревожили в их гнезде. Акула судорожно изогнулась и яростно щелкнула челюстями. Еще одно щупальце было разорвано надвое, и его поврежденный конец, корчась, пошел вниз к песчаному дну.

Но новые щупальца толстыми канатами обмотались вокруг тела хищницы. Конан, зажав меч зубами, стал резво загребать руками, как веслами, поспешно удаляясь с поля битвы. Однако он видел все, что произошло следом за этим. Осьминог выбросил вверх пять из восьми своих ужасных щупалец, включая поврежденные, и опутал ими переднюю часть тела акулы, закрыв жабры и глаза хищницы. И как ни изворачивалась, как ни щелкала наугад ослепленная акула усеянной острыми зубами пастью, она не могла достать своими стальными челюстями до резинового тела противника.

Тем временем осьминог уже прочно закрепился на скалах, используя присоски на оставшихся трех щупальцах, обезопасив себя от мощных рывков бьющейся акулы. Песок на поле битвы смерчем поднимался вверх и временами мутной дымкой покрывал эту область подводного мира. Затем кромешная темнота окутала место кровавого действа и чернильное пятно, выброшенное осьминогом, клубами черного тумана расползлось по всем направлениям.

Конан благодарил судьбу за такой поворот событий. Ни у занятого сражением кракена, ни у гигантской акулы не было времени, чтобы заняться им. Он воспользовался этой удачей и, вложив наконец меч в ножны, поплыл прочь от места разыгравшегося под водой конфликта. Через некоторое время все исчезло позади в смутных сумерках глубин, и можно было лишь неясно различить облако более густого черного цвета среди равномерно-тусклой серости подводного мира. Он никогда так и не узнал, победил ли осьминог, задушив и разорвав на части акулу, или чернильное пятно означало, что акула начала одерживать верх и осьминог пытался таким образом скрыть свое отступление.

Конан спустился на дно в нескольких сотнях футов от места, где он чуть не стал жертвой кракена, собираясь продолжить свой путь пешком. Он не оглядывался назад. Впереди, вверх по склону, дно все ближе поднималось к поверхности Западного Океана, и вода окрашивалась новыми, светлыми красками. Конан упрямо брел вперед, решительно отказываясь обращать внимание на давление, затрудняющее дыхание, и на ноющую боль в ногах. Он с усилием переставлял отяжелевшие, разбухшие сапоги, с трудом преодолевая сопротивление воды. Еще предстояло пройти едва ли не целую милю, а может, и больше, и он жаждал всем своим существом снова оказаться на чистом свежем воздухе.

Медленно Конан прокладывал себе путь сквозь мутную пелену подводного света. Он казался сверхъестественной, фантастической фигурой, увенчанной поблескивающим кристаллическим шлемом, божеством, возникшим из глубин какой-то таинственной феерии.

XII. ПОТЕРЯННЫЙ ГОРОД

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забытые империи влачат существованье,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

Конан с трудом подтянулся на руках и сквозь набегающую на берег пенистую волну вылез на камень, который служил нижней ступенью огромной лестницы. Лестница уходила вверх, к Морским Воротам, в этот час уже закрывшимся на ночь. На мокрую площадку, куда он выполз на четвереньках, легла тень зубчатой высокой стены, выходившей к самому морю. Золотистое солнце скрылось за ее остроконечными пиками и медленно катилось вниз.

Изнемогая от усталости, Конан стянул с головы прозрачный шлем с дыхательными трубками и цистерной, в которой запас воздуха подходил к концу, и положил аппарат на камень рядом. Затем он стащил сапоги и устало вылил из них воду. Некоторое время он сидел сгорбившись, бросая настороженные взгляды по сторонам и тяжело дыша. Трехмильное путешествие по дну мелкого, кишащего акулами моря, а затем еще миля вдоль берега к городу не прошли даром для старого воина.

Когда после полудня Конан увидел эти зубчатые башни, он скользнул обратно в воду. Почти полностью погрузившись в море, он ждал, пока маленькое суденышко не пришвартовалось к берегу на ночную стоянку. Моряки цепью проследовали в ворота, и их створки закрылись. Только тогда Конан осмелился приблизиться к городу.

Разбросанные вдоль длинных каменных стенок-причалов к северу и к югу от ворот, на якорях стояли несколько судов побольше. Другие покачивались на рейде в бухте, но на палубах кораблей не обнаруживалось никаких признаков жизни. Их команды, должно быть, спустились вниз на вечерний отдых или сошли на берег. Эти антильцы, подумал Конан, очень беспечны или настолько уверены в собственной силе, что никогда не выставляют часовых на стенах и кораблях. Среди антильских судов

на боку лежал полузатонувший подкопченный огнем корпус «Красного Льва».

Но не только смертельная усталость после напряжения этого дня одолевала Конана, он к тому же был страшно голоден. Конан устало сидел на нижней ступеньке лестницы под постепенно темнеющим беззвездным небом, напряженно обдумывая, что ему делать дальше. Как бы там ни было, ему следовало как можно дольше держаться невдалеке от города, пока какой-нибудь часовой не наткнется на него.

Самое лучшее, думал Конан, было бы проникнуть внутрь города. Это, конечно, поставило бы его в крайне опасное положение, тем более что у него не было никакой надежды пройти незамеченным: рост, цвет кожи, черты лица тут же выдали бы его даже в самой плотной толпе маленьких коричневых антильцев.

К тому же возникала проблема с языком. Там, в знакомом ему мире, у Конана всегда было наготове несколько фраз на дюжине различных языков, хотя в его произношении всегда проскальзывал грубоватый киммерийский акцент. Но речь антильцев должна была отдаленно напоминать язык атлантов, давно забытый по ту сторону океана. Да и в течение девяти тысячелетий он, по-видимому, изменился настолько, что утратил сходство с любым известным Конану наречием.

Но не мог же он вечно лежать здесь, у края воды. Возможно, этот сумеречный час, когда люди заняты вечерней трапезой, был самым подходящим моментом, чтобы проникнуть в город, и судьба вряд ли предоставит ему другой случай.

Конан поднялся и бегло ощупал рукой камень стены, уходившей вверх на сорок футов. Она была сложена из огромных, хорошо обтесанных глыб, изъеденных солью моря и столетий. Известковый раствор между блоками размяк и крошился в руках, оставляя отверстия между краями камней, в которые можно было просунуть пальцы рук и ног.

В годы юности Конан, ни на секунду не задумываясь, вскарабкался бы на такую стену. Для дикаря-киммерийца взобраться на такой утес было обычным делом. Но в течение многих лет у него не было случая совершить

подобное восхождение, его хватка утратила былую силу, а движения уже не были так уверенны, как раньше. Конан весь собрался, ударом ноги сбросил шлем и дыхательный аппарат в воду и заткнул сапоги за пояс. Некоторое время он боролся с соблазном оставить здесь и рубашку-кольчугу, но в конце концов решил, что сбросить кольчугу перед лицом смертельной опасности, только ради того чтобы освободиться от раздражающего лишнего веса, — поступок незрелого юнца, но не опытного старого воина. Затем, кроша известку и зарываясь пальцами рук и ног в трещины между ровными краями глыб, он начал карабкаться вверх. Медленно, словно огромная бесхвостая ящерица, он полз по поверхности стены. Не раз Конан чувствовал, как пальцы руки или ноги соскальзывали, и почти покорялся неизбежности падения, после которого у него не осталось бы ни единой целой кости. Но стальная хватка сильных пальцев каждый раз помогала ему удержаться на поверхности стены. Вскоре Конан с трудом протиснулся в одну из амбразур крепости и тяжело свалился на широкий плоский карниз.

С другой ее стороны, обращенной внутрь города, тянулся низкий каменный поребрик без зубцов. Конан скользнул на животе к внутреннему краю стены и осторожно взглянул вниз. Перед ним широко раскинулся город во всем своем величии.

У самой стены, в гаснущих красноватых отсветах заходящего солнца, жались хижины и скромные лачуги рыбаков. Из утлых хибарок вверх поднимался дым от костров, на которых готовили ужин. Люди развешивали на жерди сети на просушку. Время от времени голый коричневый ребенок пробегал куда-то по вечерним поручениям. Далее лежали мощенные булыжником улицы, вдоль которых тянулись вереницы каменных домов, больших и маленьких.

Город располагался на склоне горы, плавно спускавшейся к морю. С того места, где напряженно притаился Конан, были видны многочисленные улицы и площади, которые поднимались пологими ярусами к самой вершине. Здания побольше были построены в странном монолитном стиле. Толстые приземистые колонны поддерживали тяжелые перемычки стрельчатых каменных арок. Гладкие

массивные стены покрывали алебастр и штукатурка, чисто выбеленная или выкрашенная в ярко-красные, вызывающие канареечно-желтые, изумрудно-зеленые или сверкающие голубые цвета. Этот стиль навевал отдаленные воспоминания о погруженном во тьму Шеме или о таинственных, обнесенных стенами городах — то населенных, то разрушенных, — которые много лет назад ему доводилось встречать в пустынях и джунглях далекого Юга. Тем не менее город поразил Конана своей необычностью. Странная архитектура зданий ставила его чувства в тупик, словно все это было создано по законам чуждой Конану эстетики.

Еще дальше, вверх по склону, гордо возвышались величественные строения, возможно, дворцы, богатые особняки или храмы. Их крыши были покрыты красной черепицей или зеленой медью, а по бокам выросли приземистые пятиугольные башенки с пирамидальными вершинами. Конан видел впечатляющие пилоны, устремившиеся в небо обелиски и просторные арки ворот. Вдоль широких улиц стояли высеченные из камня фигуры фантастических монстров.

Стены, карнизы, дверные проемы, архитравы и капители колонн были украшены злобными мордами с выпученными глазами. Существа с клювами попугаев, крыльями или множеством ног и рук, словно возникшие из древних мифов и легенд, сгрудились на низких, высеченных на камне барельефах над воротами и на стенах. Конану показалось, что он различает колонки каких-то странных иероглифов. Составленное из маленьких квадратиков с диковинными ликами и другими причудливыми фигурами, это письмо было совершенно незнакомо ему.

В центре города, посреди просторной, ровно вымощенной булыжником площади вверх устремились плоские грани пирамиды титанических размеров. Она была сделана из чередующихся блоков базальта и песчаника. На самой ее вершине лениво поднимались серые клубы дыма, и Конан с трудом мог различить очертания плоской поверхности алтаря. Каменные ступени, охраняемые статуями чудовищ, исполинскими маршами взбегали по поверхности пирамиды. Казалось, что все это сооружение окружала зловещая, тревожная аура, пронизанная ужасом и угро-

зой, словно каждый камень излучал смятенные чувства тысяч людей, которых принесли здесь в жертву. Конан не мог оторвать взгляда от этого проклятого строения. Он чувствовал, как его кожа покрывается мурашками и глубоко в груди рождается сдавленный рык.

По быстро погружающимся во мрак улицам, где колыхались темно-пурпурные вечерние тени, торопливо двигались редкие пешеходы. Несколько нищих устроилось на ночлег у входных дверей домов. Временами то здесь, то там зевающий раб с заспанным лицом пробегал куда-то по поручениям хозяина.

Конан подождал, пока и эти редкие пешеходы не скрылись из виду. Затем снял кольчугу, увязал ее вместе с мечом в узел и сбросил сверток вниз. Через несколько секунд до него донесся глухой звук падения. Звук засвидетельствовал, что здесь стена значительно ниже, чем снаружи. Затем Конан легко перебросил свое тело через парапет и стал спускаться тем же способом, каким поднимался по противоположной стороне. На полпути вниз рука его соскользнула, и Конан с силой оттолкнулся от шершавых камней стены. Он пролетел футов пятнадцать и упал на дерн, приземлившись на корточки. Несколько ошеломленный падением, он, однако, не ушибся.

Конан торопливо огляделся, но нигде не обнаружил ни малейших признаков того, что его заметили. Он быстро натянул рубашку-кольчугу, сапоги и пристегнул меч. Единственным его оружием был меч и кинжал с широким лезвием, засунутый в ножны в прорезь на поясе, — не так уж много, чтобы беззаботно бродить по враждебному городу. Но если положиться на удачу, отвагу и осторожность, которые полвека сопутствовали ему в, казалось бы, совсем безнадежных приключениях, возможно, у него был шанс победить и в этой битве. Он никогда не просил богов ни о чем другом; об этом Конан просил их и теперь.

Бронзовой тенью скользнул он между лачуг и пересек первую улицу, укрывшись в сумерках пересекавшей ее сводчатой галереи. Ни одна живая душа не видела киммерийца, когда он быстро продвигался вперед от колонны к воротам, от дверного косяка к пилону. В дневное время

улицы, наверное, были заполнены пестрой разноголосой толпой, но теперь они были пустынны.

Конан неслышно, словно призрак, пробирался сквозь замерший город безвкусно-ярких красок и массивных глыб, покрытых штукатуркой. Он старался выбирать темные аллеи и извилистые переулки, тщательно избегая широких улиц или наклонных парадных спусков, которые соединяли один уровень с другим. Конан пытался понять, где находятся Сигурд и другие пираты из его экипажа, если они, конечно, еще живы. Возможно, их заточили где-нибудь около антильского рынка для рабов. В этом странном, незнакомом, враждебном городе, где никто не говорил на понятном ему языке, у Конана было мало надежды найти и освободить товарищей, и все же он намеревался попробовать использовать и этот ничтожный шанс. Даже в бесшабашные годы его юности, когда он делал первые шаги на своей кровавой дороге жизни, Конана всегда выделяла среди сверстников горячая приверженность чувству долга перед своими соратниками.

Конечно, у одного человека не было ни одного шанса одолеть город с двадцатью-тридцатью тысячами жителей. Но этот простой математический расчет становился немного утешительнее, если бы за его спиной встали шестьдесят закаленных в сражениях бойцов. В самом деле, у шестидесяти с лишним людей было куда больше надежды одержать верх, защищаясь в каком-нибудь узком проходе, чем у одного, даже если этим человеком был Конан из Киммерии.

Однако прежде всего Конану нужно было найти безопасное пристанище, где он мог бы скрыться от посторонних взглядов. Но где в городе, полном таинственных врагов, мог он найти себе союзника? Ему оставалось рассчитывать лишь на милость своих варварских богов. Конан крался вдоль узкой улицы, очерченной ровными линиями тесных и грязных домишек, как вдруг до него донеслось свистящее шипение. Он оглянулся в поисках источника звука. Рука невольно нащупала рукоять меча. Шипение повторилось, но уже с разных сторон. Несколько женщин с тускло-серыми в ночных сумерках лицами появилось в проемах дверей, знаками приглашая его войти.

Внезапная догадка осенила Конана. Он понял, что забрел на улицу Проституток. Конан наугад выбрал дверь и шагнул внутрь. У него не было времени получше рассмотреть этих женщин, чтобы выбрать посимпатичнее.

Проститутка утащила его в свою комнату. Крошечное помещение было слабо освещено связанными вместе пучками тростника, которые плавали в жире, наполнявшем прикрепленное к стене ведерко. Ее быстрое лопотание показалось Конану стремительным потоком странных бессвязных звуков, но протянутая ладонью вверх рука была достаточно красноречива.

Конан достал из-за пояса небольшой кошель, вытащил оттуда серебряную монету и положил ее на протянутую ладонь. Женщина поднесла монету ближе к огню и, пронзительно вскрикнув от радости, бросилась к Конану. Она была в простом хлопковом платье, толстая и непривлекательная.

— Полегче, милая! — глухо пророкотал он. — На эту монету можно питаться несколько дней, не правда ли?

Женщина, перебирая пальцами бороду и волосы Конана, заговорила снова. Теперь в ее голосе явственно слышались нотки разочарования. Конан догадался, что она имела в виду.

— Итак, ты думаешь, что я слишком стар для этих игр, а? — произнес он с усмешкой. — Ну, это мы посмотрим позже. А теперь, во имя Крома, дай мне что-нибудь поесть, я чертовски голоден!

Знаками ему удалось наконец добиться, чтобы до нее дошел смысл его слов. Часом позже он уже сидел за столом, который женщина собрала для него. Ее звали Катлахос. Она вышла и вскоре вернулась с корзиной, полной провизии, которую она вскоре приготовила на своем маленьком очаге. Женщина не поскупилась. Конан с жадностью вытащил из корзины источающую странный аромат жареную птицу. Проститутка отступила назад, ожидая, когда он закончит, чтобы потом поесть самой.

— А это что за штука? — с полным ртом спросил Конан.

Он держал в руках какой-то цилиндрический овощ в фут длиною, на котором росли ряды золотистых косточек или зерен.

— Как, дьявол вас побери, вы это едите?

Наконец женщина поняла, что он хочет, чтобы она назвала предмет.

— Махиз, — произнесла она.

— Махиз, а? Ну хорошо, а теперь покажи, как его едят. Давай же, садись и ешь, иначе я проглочу все, что здесь есть, и не оставлю тебе ни крошки.

В конце концов она поняла, чего он хочет. Вслед за женщиной он сгрыз ряды зерен с початка махиза. За едой Конан спрашивал названия и других съестных припасов. К концу трапезы он уже мог обменяться с Катлахос парой простых фраз.

Конан запил остатки пищи флягой фруктового сока, настоянного на незнакомых травах. Он рыгнул и взглянул на Катлахос, которая, улыбаясь, в притворной застенчивости опустила глаза. Затем она многозначительно взглянула на кровать в конце комнаты.

Конан усмехнулся.

— Что ж, я действительно не так молод, как был когда-то, и немного утомился за день путешествия по океанскому дну, сражений с людьми, акулами и кракенами. Но все же можно попробовать.

Он поднялся, потянулся, грубовато сгреб Катлахос и понес ее к ложу.

Прошло несколько дней, и Конан собрался покинуть домик Катлахос. Она, плача, повисла у него на руке, и ему пришлось осторожно применить силу, чтобы освободиться. Теперь Конан был одет в хлопковый плащ и короткую юбку простого антильца. Катлахос добыла для него это одеяние и обучила его зачаткам антильского языка. Конан знал теперь, что находится в Птаукане, последнем из оставшихся на земле городов атлантов. Свою старую одежду и боевое снаряжение он связал в узел, который перекинул на ремне через плечо.

Конан все еще не отваживался показываться на улице днем, так как его рост, цвет кожи и непривычные черты лица в любое время суток, кроме разве что самых глубоких сумерек, сразу сделали бы его предметом всеобщего внимания. Но теперь у него было хоть какое-то представление о плане города и о необходимой для достижения своих целей маскировке.

Вечер постепенно сменялся ночной темнотой, и Конан уже отчаялся найти то, что искал. Под конец он осторожно вступил в сгустившуюся черноту узкого переулка, который вел к просторной площади, и тут заметил в противоположном его конце огромную фигуру, плотно закутанную в красочный плащ из перьев. Незнакомец неспешно повернулся и направился прямо к нему.

Внутри у Конана все похолодело, но секундой позже он уже, словно лев, загнанный в угол, бросился на неизвестного. Прежде чем какой-нибудь звук успел вылететь из уст человека, Конан оглушил его своим молотоподобным кулаком. Он быстро втащил обмякшую фигуру в ближайшую дверь. На теле Конана выступила холодная испарина, и только теперь он вполне осознал всю степень грозившей ему опасности. Одного крика этого закутанного в зеленую мантию гиганта было бы достаточно, чтобы предприятие Конана завершилось в этом темном переулке.

Он оглядел свою жертву с головы до ног. Если предположить, что закованные в стекловидные доспехи воины с корабля-дракона представляли из себя средний экземпляр антильца, то для жителей островов этот парень изрядно вымахал. Однако вскоре Конан заметил, что на нем были сапоги на высоких подставках с семидюймовыми подошвами. Возможно, это было сделано с целью произвести впечатление на легковерных. По одеянию в этом человеке можно было предположить священника или мага: выбритая макушка, многочисленные кольца-талисманы на руках, цепочки с печатями, амулетами, крошечными фигурками идолов были в изобилии нанизаны на сухую костлявую шею. Конан внимательно осмотрел его руки. Да, он, должно быть, все же был священнослужителем. Никакой иной вид человеческой деятельности не оставляет рук такими мягкими, не ведающими мозолей.

Одет антилец был очень странно. Под платьем из перьев его длинное коричневое тело было почти голым, за исключением разве что узкой, в складку, юбки.

Толстые золотые браслеты, покрытые сложным кружевом загадочных символов, обхватывали его пояс, запястья и щиколотки. Его одеяние — такого Конану никогда прежде не доводилось видеть — включало и капюшон. Платье было соткано из грубой шерсти, украшенной

сверху перьями, чьи яркие краски были различимы даже при этом ничтожном освещении. Острые кончики перьев насквозь протыкали грубые стежки шерстяной ткани, и каждый из них был зафиксирован специальным узелком. Подкладка из тонкого, тщательно сотканного алого материала, похожего на шелк, ограждала тощее тело от царапающего прикосновения колючей верхней материи.

Внезапно Конана осенила мысль, что, если он напялит на себя это одеяние, только без сапог на подставках, он окажется лишь немногим выше чародея-священника. Действительно, с прикрытыми одеждой руками и лицом, спрятанным за поднятым капюшоном, он, возможно, сможет свободно разгуливать по городу, не привлекая внимания. Однако даже капюшон был не в состоянии полностью закрыть нестриженую седую шевелюру и бороду, которые так разительно контрастировали с гладким лицом и бритым черепом священника.

Конан, не долго думая, решил эту проблему. Он оторвал длинный кусок шелковистой красной ткани и обмотал его вокруг головы и нижней части лица, так что видны были одни только глаза. С трудом натянул он на себя рубашку-кольчугу и сапоги и повесил меч у бедра. Затем он облачился в тяжелое, жаркое, колючее одеяние из перьев и надвинул капюшон как можно ниже на глаза.

У Конана не было возможности оценить эффективность этой маскировки, но было ясно, что при случайно брошенном взгляде его фигура не вызовет подозрений. И все же голубые глаза и красная повязка вокруг подбородка могли привлечь внимание. Однако он решительно отмел прочь эти опасения. Ему доводилось бывать в различных городах, и жизненный опыт подсказывал, что священник или маг редко смешивается с толпой простых людей, которые к тому же сами обычно рады избежать подобной встречи.

Собрав все свое мужество, Конан сделал несколько шагов вперед и оказался на площади, освещенной луной и укрепленными на стенах домов факелами-ведрами. И тут же его маскировка подверглась первому испытанию. Толстопузый владелец лавчонки, едва начавший собирать выставленные для ночной торговли товары, был первым, с кем Конану довелось столкнуться. Маленький корич-

невый человечек укладывал в многочисленные деревянные ящички свои узорчатые изделия из меди, нефрита, серебра и золота, а также коллекцию головных уборов, украшенных перьями. Когда Конан показался на площади в своем птичьем одеянии, владелец лавки искоса метнул испуганный взгляд на его высокую фигуру. Затем он согнулся пополам в поклоне, выхватил висящий на заплывшей жиром груди нефритовый амулет, подобострастно поцеловал его и замер, не разгибая спины, в этой услужливой рабской позе, пока Конан величественно не прошествовал мимо.

Итак, первое испытание пройдено! Похоже, маленькие люди Антилии страшно боялись и благоговейно почитали своих колдунов-священников. Так что Конан при разумной доле осторожности и некоторой удаче мог ходить, почти не опасаясь, что его кто-нибудь окликнет.

В течение долгих часов исследовал Конан широкие дороги и извилистые переулки Птаукана, не привлекая к себе особого интереса. Появление священника в подобных одеждах из перьев на вымощенных булыжником улицах среди высоких зданий потерянного города атлантов было, очевидно, обычным делом. Позже, когда улицы совсем обезлюдели, он нашел пустую ветхую лачугу, где и проспал до рассвета, а затем он снова отправился на поиски.

В бледном свете утра Конан видел десятки других высоких фигур в одеяниях из перьев, неспешно вышагивающих на толстых подошвах сандалий-ходуль. Они появлялись то тут, то там, высокомерно шествуя сквозь копошившуюся толпу и никогда не снисходили до ничтожнейшего знака внимания в ответ на униженные приветствия встречных людей. Создавалось впечатление, что священники-мудрецы древней Атлантиды являлись также и подлинными правителями этого города.

Видно было, что все население города подчинялось им беспрекословно и полностью. Антильцы казались Конану людьми вялыми, униженно-покорными, с остекленевшими, ничего не выражающими глазами и испуганными лицами. Со страхом, мелькавшим в их косых взглядах, они спешили поскорее убраться с дороги, по которой шествовала высокая, укутанная в перья фигура священника, чьим

неприятно-высокомерным и властным манерам киммериец изо всех сил старался подражать.

Птаукан, как обнаружил Конан, представлял собой серию плоских наклонных ступеней-уровней, крутые лестницы соединяли сбегающие вниз параллельные улицы. Сам город был плодом мощной технической мысли, отмеченной сложной и богатой культурой с древними традициями и давно сложившимися архитектурными канонами. Искусство резьбы по камню, процветавшее у антильцев, не имело себе равных в том далеком мире, где жил Конан. Даже самые современные города известных ему государств не могли сравниться с массивными очертаниями величественных храмов и с кропотливо обработанными мельчайшими деталями барельефов. Фантастический зиккурат на центральной площади, увенчанный великолепным храмом, не уступал по размерам пирамидам Стигии и вызывал в памяти зловещие контуры некоторых мрачных культовых храмов Шема. Он, должно быть, возводился тысячами рабов многие века. Площадь ограничивали убегающие вдаль ряды скамей, они поднимались вверх, ступенька за ступенькой вокруг пирамиды, и могли бы вместить тысячи зрителей.

Конан держался подальше от этой площади с пирамидой, так как, судя по всему, это было священное место. К тому же там он вполне мог столкнуться с множеством жрецов в таких же, как у него, одеяниях, которых, вероятно, не особо смутит его появление и которые могут заговорить с ним. По той же причине он старался тщательно избегать всякой фигуры в плаще из перьев на улицах города. Впрочем, они, казалось, были кастой не слишком общительной. Отстраненные, неприступные, погруженные в какие-то собственные, никому не ведомые размышления, они редко останавливались даже для того, чтобы заговорить друг с другом. Конан провел много времени, слоняясь неподалеку от кучек различных людей, чтобы услышать какой-нибудь обрывок разговора на их необычном языке. Звуки были гортанными, свистящими и сливались в длинные словосочетания. Теперь Конан уже понимал многие слова и некоторые фразы, но большое, быстро произнесенное предложение тут же ставило его в тупик. И все же он понял, что правила их грамматики

совершенно отличны от грамматического строя всех известных ему языков, хотя несколько слов, выученных с помощью Катлахос, очень слабо, но все же напоминали его родное киммерийское наречие.

Конану пришла в голову мысль, что атланты, создавшие свою цивилизацию после падения Валусии, заимствовав значительную часть ее культуры, отчасти были предками и его народа. В почти забытую теперь эпоху до Катаклизма племена и кланы древней Киммерии воевали и вступали в смешанные браки с атлантами, которые колонизировали берега Таурии. Многие киммерийские общины, воспринявшие зачатки цивилизации в результате длительного общения с колонистами, часто служили наемниками в их войсках во время событий последних веков существования Атлантиды, вплоть до погружения острова-континента в пучины морские. За столетия постоянного общения с атлантами киммерийские варвары столкнулись со множеством новых, более сложных понятий или часто использовали слова своих извечных противников. В этом, наверное, и была причина слабого сходства, сохранившегося по обе стороны Западного Океана между некоторыми словами для обозначения подобных предметов. Однако этого сходства было недостаточно, чтобы пришелец с другого берега Великого Моря без изрядной доли старания и навыка смог уловить смысл речей антильцев.

Из различных случайных слов и фраз, которые Конан мог уловить, он понял, что этим утром в Птаукане имелись две основные темы для разговоров и сплетен. Одной было сражение между кораблем-драконом Морской Охраны и вражеским кораблем из неведомых земель, другой же темой было богохульственное нападение на одного из жрецов, который был с невероятной наглостью ограблен и лишен своей священной одежды из перьев. Конан старался не пропустить ни одного слова о местонахождении его экипажа и злоключениях, выпавших на их долю. Но если кто-нибудь из беседовавших и знал ответ на эти вопросы, то старался помалкивать по этому поводу.

Конан слонялся вдоль многочисленных лавчонок и прилавков одного из огромнейших восточных базаров, пока наконец ему не подвернулся случай, которого он

уже давно с нетерпением ждал. Маленький человечек с бегающим взглядом узких глаз, в рваной антильской юбке, с нарочитой небрежностью замешкался возле обитой медью коробки, в которой торговец хранил свои изделия из металла: свинцовые бруски, кольца из меди и серебра, позолоченные перья для письма. Конан бросил взгляд в сторону лавки как раз в тот момент, когда маленький человечек со скоростью и проворством жалящей змеи запустил голую тощую руку в эту коробку. Мгновение — и она отпрянула, схватив два позолоченных пера.

Торговец ничего не видел, так как был поглощен многословными изъяснениями с неким знатным покупателем, который небрежно склонился с паланкина и нехотя возражал по поводу слишком высокой цены за красивую шкурку какого-то крупного, похожего на кошку, зверя. На скрытых от посторонних глаз губах Конана мелькнула радостная усмешка, когда он увидел, что золотые перья исчезли в складках юбки и вор, никем не замеченный, скользнул прочь.

Человечек быстро и осторожно пробирался сквозь толпу к воротам рынка. Конан молча следовал за ним, пока они не достигли пустого переулка. Здесь одним мягким прыжком он настиг маленького антильца, который пискнул, словно испуганная мышь, когда тяжелая рука Конана сильно сжала его щуплое плечо. Конан легко парировал удар тонкого, словно иголка, кинжала из обсидиана, который неожиданно вылетел из прозрачного утреннего воздуха, нацеленный рукой человечка. Он схватил антильца за запястье и все крепче сжимал его руку, пока узкое лезвие со звоном не выпало на грязные булыжники мостовой.

Маленький вор со страхом и любопытством поднял глаза на гиганта в капюшоне и мантии из перьев, и тогда Конан прохрипел на ломаном антильском языке:

— Веди меня к королю воров, или я сломаю тебе руку!

Наконец-то ему подфартила кость в этой опасной игре. Как и во всех городах, в великом Птаукане должен был быть свой подпольный преступный мир. А если человек находится не в ладах с правителями, он всегда может рассчитывать на хороший прием в вездесущей гильдии воров!

XIII. ВОРЫ ПТАУКАНА

Из мрака отдаленных измерений
Являются исчадья Зла,
Однако распахнувший эти двери
Сам погибает, если Жизнь ушла.
Видения Эпимитреуса

Конан следовал за своим пленником по извилистым улочкам в самые затхлые районы старого города. Здесь, среди осыпающихся стен и покосившихся дверей, селились бездомные бродяги и грязные нищие. Неряшливые накрашенные проститутки по пояс высовывались из окон, чтобы отбить у соперниц случайного прохожего.

Только когда они проникли в эти трущобы, Конан начал сознавать, насколько древним был этот город. Здесь каменные ступени и съезды, вытоптанные ногами бесчисленных поколений, были изношены и седлообразно выгибались к середине. Стены из прочного камня были гладко отполированы прикосновениями миллионов плеч. За долгие годы ветра и дожди разрушили большую часть кладки, превратив дома в массивы рассыпающихся развалин. Давно покинутые и населенные одними отбросами общества, многие строения частично рухнули. В этой древнейшей части города часто целые кварталы лежали грудами пыльных обломков. Меж развороченных булыжников мостовой прорезалась чахлая трава, а тощие деревья раскинули костлявые ветки среди неразберихи заброшенных и буйно заросших садов и двориков. Но если для местных обитателей появление облаченного в платье из перьев священника-колдуна на этих потрепанных временем улицах и было необычным, то ни один из них ничем не выразил своего удивления. Когда, увлекаемый словно на буксире маленьким вором с острыми, как у ласки, чертами лица, Конан проходил мимо, кто-нибудь лишь изредка поднимал на него светящийся вялым любопытством взгляд. Похоже, в этой части Птаукана вошло в обычай никогда не обращать внимания на действия окружающих, что, по-видимому, являлось здесь первым законом выживания. Без сомнения, это был квартал воров, где буйно процветало беззаконие.

Только когда они приблизились к самому сердцу воровских владений, Конан понял, что все это время за его

передвижением внимательно следили. Они проходили по кривому, как вендская сабля, переулку между опасно покосившимися и осыпающимися стенами, когда впереди появились две дюжие фигуры, вооруженные увесистыми дубинками, и сзади тут же возникла другая пара здоровенных типов. Эти люди, по антильским меркам, были как на подбор стройны и сильны и почти полностью наги, за исключением каких-то грязных передников из латаной кожи. Остановив на Конане холодный мрачный взгляд темных глаз, они неторопливо приближались с обеих сторон к месту, где стоял вместе со своим пленником киммериец.

Конан отпустил плечо вора и положил ладонь на рукоять меча, скрытого под одеждой. Маленький человечек отскочил на шаг, повернулся и осыпал его градом ругательств, выплевывая слова слишком быстро, чтобы Конан мог разобрать их смысл.

— Он загреб меня после того, как я вытащил немного золотого песка из ящика хатупеновой лавки, — закричал маленький вор. — Я понятия не имею, какого дьявола ему здесь нужно, но...

— Расслабься, Итзра, — прорычал один из громил. — Мы сейчас узнаем, что ему нужно.

И, быстро приблизившись к незнакомцу, он поднял свою обитую медными пластинами дубинку.

Конан рассмеялся и ловко отбросил назад одеяние из перьев. Его широкий меч со свистом вылетел из ножен. Громилы остановились, как будто внезапно наскочили на невидимую стену. Однако Конану показалось, что они сделали это не только из простого страха.

— Властелины Ада! Железо! Или я ослеп! — сдавленно выдохнул один из них.

Другой пробормотал какое-то ругательство и внимательнее посмотрел на Конана, с удивлением пробежав глазами по его рослой фигуре и странному лицу с небритой бородой и гривой седых волос, где выделялись горящие скрытой угрозой голубые глаза.

— Боги смерти, кто он? — Парень глухо выругался. — В Антилии еще никогда не видели такого человека!

Повернувшись спиной к стене и покачивая из стороны в сторону острием поднятого клинка, чтобы держать под угрозой всех пятерых молодчиков, Конан хрипло произнес:

— Тот, кто украл платье у его владельца, дружок, и кто не шпионит для правителей, если ты об этом подумал! — В его голосе глухо зарокотали камни. — И более того, это тот, кто желает увидеть твоего предводителя по делу, выгодному для нас обоих. И я увижу его, захочешь ты этого или нет!

Конан держал меч так, чтобы солнечный свет бликами ходил по его лезвию. Четыре охранника и воришка отступили, поглядывая на него со все возрастающей тревогой. Как это ни странно, но казалось, что его искрящийся на солнце меч вызывал больший интерес, чем он сам. Конан догадался, что по какой-то причине, возможно, из-за отсутствия руды на этом архипелаге, здесь практически не знали железных изделий, хотя легендарные рассказы о железе и стали из древней Атлантиды сохранились, бережно пронесенные сквозь многие поколения.

— А теперь, — хрипло проговорил он, — вы поведете меня к своему главарю или предпочтете сразиться?

Они оказались людьми сообразительными.

Главой местного преступного мира был необычайно толстый человек по имени Метемфок. Его лицо представляло собой сплошную массу выпирающей во все стороны разросшейся салом плоти, в которой холодно, как отполированный обсидиан, блестели черные глаза. Круглое коричневое лицо глубоко прорезала щель узкогубого рта. Нос казался нашлепкой, утопающей в жирных щеках.

Лабиринт заброшенных подвалов под рухнувшими останками домов в конце загаженного переулка служил ему штаб-квартирой. Заляпанную грязными пятнами штукатурку стен скрывали великолепные ковры со странным рисунком, а на цементном полу были со вкусом разбросаны вытканные циновки и дубленые шкуры всевозможных хищников. Серебряные кадила наполняли воздух ароматом фимиама. Сдержанная роскошь убранства комнаты Метемфока и блеск золота представляли собой разительный контраст с убожеством наружного фасада его жилища.

Метемфок, закутанный в великолепную парчу, словно жирная жаба, возлежал в уютном гнездышке из подушек и лениво слушал рассказ Конана. Его лицо было

бесстрастным, черные глаза холодно поблескивали, ни одного слова не сорвалось с его уст, пока Конан не закончил свои объяснения. Затем в воздухе нависла тишина. В течение гнетуще долгого мгновения Метемфок окинул Конана с ног до головы изучающим взглядом, уделяя почти столько же внимания мечу, который лежал на коленях киммерийца, сколько и державшему его человеку. Наконец со вздохом Метемфок потер короткими толстыми пальцами свою жирную челюсть, и искорки заиграли на усыпанных драгоценными камнями золотых кольцах, великолепных украшениях, достойных королевской сокровищницы. Он гортанно рассмеялся и приказал подать вина и мяса. Гнетущая пауза закончилась.

— Клянусь всеми покровителями воров, большой человек! — хихикнул он. — Старый Метемфок за всю свою несчастную долгую жизнь еще никогда не слышал подобной истории, а потому это должно быть правдой! С этой варварской шевелюрой, непривлекательной шерстью на подбородке и с этими честными небесно-голубыми глазами — да, гм, еще такой акцент, что эти старые усталые уши могли с трудом разобрать твою речь, — все это не оставляет толстому старикану другого выбора, как только поверить, что ты действительно свалился на нашу голову прямиком из неведомых восточных земель. Неудивительно, что наши высокочтимые хозяева, священное жречество — хо! — постоянно твердили нам, что там бушуют лишь безбрежные просторы вод и нет ни клочка земли.

Они дружески сдвинули кубки. Конан жадно опрокинул в пересохшее горло сладковатое терпкое вино. Ему никогда раньше не доводилось пробовать ничего похожего. Вне сомнения, подумал он, это напиток не из сока винограда, а приготовлен из каких-то незнакомых местных фруктов.

Он чувствовал себя спокойно, как дома. Простой инстинкт помог ему и этому похожему на жабу главарю воров быстро понять друг друга. И хотя они родились за тысячи лиг друг от друга, среди разных, столь непохожих одна на другую культур, их сердцам был близок международный язык вольного беззакония.

Пока они пили, слуги принесли еду, разместив ее на низеньком столике между ними. Конан с голодным ожес-

точением принялся за трапезу. Кроме обычной антильской еды, к которой он уже привык, здесь были десятки различных видов орехов и ягод. Пиршество завершило блюдо со странным громадным колючим фруктом, на верхушке которого лохматился густой пучок мечевидных листьев. Метемфок разрезал его на кольцеобразные желто-зеленые ломтики. Сначала вкус плода показался Конану необычным, но, проглотив несколько кусков, он нашел его вполне съедобным. В промежутках между усиленным пережевыванием пищи они вели бессвязную беседу.

— Да, я знаю о том странном корабле, полном варваров-пришельцев, который несколько дней тому назад захватила наша Морская Охрана, — говорил Метемфок. — И это тоже была одна из причин, по которой мне хотелось поверить в твою историю.

— Мои люди еще живы? И если да, то где они? — хрипло выдохнул Конан.

— Они пока живы или, точнее, еще были живы прошлой ночью. Их держат в подземной тюрьме под Передней Богов — той цитаделью, что стоит на краю площади Великой Пирамиды.

Конан отметил про себя, что хитрый королек антильского дна, кажется, не прочь дать ему все интересующие его сведения, причем делает это достаточно искренне. Но в то же время было хорошо видно, как его холодный изворотливый ум ищет возможности обратить действия собеседника себе на пользу. Метемфок даже не затруднялся скрывать этого от Конана, который мог отчетливо уловить мысли, мелькающие за напускной бесстрастностью его расплывшегося лица.

— Что их ждет?

— Их держат для принесения в жертву в храме на вершине Великой Пирамиды.

— Что? — Конан сделал резкое движение, пролив немного вина из своего кубка.

— Ну, да. Их отдадут в жертву богу-демону Хотли, согласно ритуалу, который сохранился еще со времен древней Атлантиды.

Волосы на затылке Конана зашевелились, когда Метемфок с невозмутимой важностью объяснял ему обычаи местного святого братства. До падения Атлантиды жрецы

Хотли представляли собой влиятельную группировку, с отвратительными обрядами поклонения своему демону-богу, обрядами жуткими и кровавыми. Когда Высокие Боги разрушили Атлантиду за грехи, жрецы Хотли и их рабы унеслись с тонущей суши на могучих крылатых кораблях, поднятых в воздух таинственной силой, которую называют врил.

Конану приходилось слышать неясные истории о небесных кораблях атлантов. Он понимал, что по прошествии столетий корабли износились, запас двигательных сил истощился, а секрет их изготовления был утрачен за годы варварства и кровопролитных войн, которые последовали за Катаклизмом. И поэтому в Хайборийскую эпоху уже не существовало ни одного такого судна.

— Жрецы Хотли, — продолжал Метемфок, — отправились на юго-запад от проклятого континента. Они приземлились на малоизвестной цепи островов, которую назвали Антилией. Их владения включали в себя семь больших островов в Западном Океане, между Атлантидой и огромным континентом, иногда называемом Маиапан, еще дальше к западу. Когда атланты приземлились, они обнаружили, что острова уже имеют хозяев — маленьких, коричневых, узкоглазых дикарей, которые очень походили на людей из Маиапана. Они легко одержали победу над местными племенами и превратили жителей островов в таких же рабов, какими были их привезенные с собой слуги. За тысячелетия после Катаклизма атланты и коренные жители Антилии смешались, и сегодня на островах обитает единая раса. После завоевания Антилии и строительства Великого Птаукана жрецы бога Хотли под руководством Иерарха Священных Мистерий Хотли, чин которого переходил по наследству, правили островами железной рукой, невзирая на крайне редкие взрывы недовольства и бунты своих подданных. Иерархи держали людей в повиновении, уверяя их, что все земли, и даже Маиапан, утонули вместе с Атлантидой. Они внушали своему народу, что мир представляет собой лишь безбрежное пространство вспененных вод, которое простирается по всем направлениям от Антилии вплоть до границы этого мира, там, где бесконечное море встречается с небом и звезды зарождаются в его белой пене.

— Ты веришь этому? — спросил Конан.

Метемфок неприятно хихикнул:

— Если жрец спросит меня, то я, конечно, скажу: да. Большинство людей верит или, по крайней мере, не имеет достаточного мужества, чтобы задаваться вопросами о правильности учения их господ. Но, между нами, некоторые из нас знают, что Маиапан по-прежнему стоит на месте, а теперь твой приход показал, что существуют земли и по другую сторону Великого моря.

— Зачем же жрецы внушают вам эту ложь?

— Это помогает им держать народ в повиновении. Если люди верят, что нет других земель, куда можно было бы сбежать от жестокого правления жрецов Хотли, они теряют надежду скрыться от своих правителей.

— Расскажи мне об этом демоне-боге и его обрядах.

Метемфок объяснил, что Хотли, или Царь Ужаса, был демоном-богом Древней Ночи. Он являлся своим поклонникам в виде крутящегося облака непроницаемо черного мрака — вихря абсолютно ледяного холода, подобного дуновению ветра из черных межзвездных бездн. Он пьет живые души тех, кого убивают на его высоких пирамидальных алтарях. Именно для поддержания непрочной связи Иерарха Мистерий с миром Демона Тьмы, пребывающего в черных глубинах неизвестного мира за пределами вселенной, служили бесчисленные жертвы, которых бросали в эту неведомую тьму.

Спокойно рассказывал толстый главарь воров о том, как тысячи голых пленников поднимались на вершину черно-алого зиккурата, достигающего самого неба, — Конан мельком видел его среди самых верхних этажей города, — и там приносились в жертву. На алтарях Абсолютной Ночи священники-колдуны разрывали груди еще живых жертв, вырезали их сердца ножами из вулканического стекла и поднимали их жизненную силу вверх к бешено вертящемуся облаку вампирического мрака, которое медленно сгущалось над пирамидой и висело там часами, питаясь живыми человеческими душами. Тела убитых сбрасывали вниз, в шахту какого-то неизвестного колодца или подземного туннеля.

В горле Конана рождалось глухое рычание и глаза вспыхивали опасными огнями во время этого рассказа.

Сама идея принесения человеческих жертв не особенно его взволновала. За свою долгую жизнь он видел слишком много пролитой крови, да и подобная практика еще кое-где существовала в ту дикую Хайборийскую эпоху и в его собственном мире. Но чтобы его друзья и соратники были отданы Тьме в таком мерзком варварском ритуале — это уже совсем другое дело!

Конан шумно хлебнул терпкого вина и спросил:

— А что такое Красные Тени?

И тогда он узнал, что постоянные жертвоприношения так сократили население Антилии, что колдунам-священникам пришлось совершать далекие путешествия, чтобы поставлять необходимое количество пленников для утоления кровавой жажды Черного Хотли. Сначала они опустошали берега Маиапана. Когда же прибрежные жители той дикой, редконаселенной земли покинули эти нажитые места, скрывшись в своих непроходимых лесах, жрецы начали поиски в других направлениях.

— Красные Тени, как вы их называете, — говорил Метемфок, — слуги-духи самого Властелина Тьмы. Но до сегодняшнего дня я не знал, что Иерарх (чтоб ему вновь родиться дождевым червем!) начал нападать на неизведанные земли на востоке. Черный Хотли, должно быть, сильно проголодался! У нас человеческие жертвы стали столь многочисленны в последнее время, что, как ты сам видел, опустошили город почти наполовину. Целые площади и улицы обезлюдели. Тысячи жителей убежали в горы или на соседние острова, но власть жрецов простирается и на эти земли. Они там вылавливают беглецов по одному. Для этого были созданы и Сторожа Моря, которые захватили твое судно. Они наблюдают за бухтами, чтобы перехватить любого, кто, усомнившись в словах жрецов, попытается сбежать в некую сказочную землю за ревущим морем.

Жилистые кисти рук Конана сжимались и разжимались, как будто в его мозолистых ладонях находилось горло врага.

— Теперь я понимаю, что такое Красные Тени, — глухо прорычал он. — Опыт столкновений с черной магией в моем мире всегда показывал, что если черная сила извне однажды находит точку опоры в мире людей, то она требует все большего и большего числа жертв, чтобы

поддерживать там свое существование. Демоны Древнего Мрака — не знаю, как выразить это на вашем языке, — они отрицательны. Это не нечто, это меньше, чем ничто. Потоки жизненных сил поглощаются ими, чтобы наполнить пустоту их искусственного существования. Но вакуум никогда не может быть наполнен и требует отдавать ему все новые и новые жизни, чтобы поддерживать иллюзию своей реальности и могущества. Ты понимаешь меня?

— Да, понимаю, — ответил Метемфок. — Продолжай.

— Что ж, приятель, знаешь ли ты, что, не встречая сопротивления, слуги Черного Хотли превратят в пустыню все земли этого мира, и со временем в нем не останется ни единого человека? Более того, они возьмутся и за высшие формы животной жизни, оставив в мире лишь рыб и червей. Именно об этом хотела предупредить меня тень Эпимитреуса — об этой смертельно опасной, извращенной форме поклонения богам, которая вместе с Атлантидой должна была навеки уйти под воду девять тысячелетий назад.

— Из того, что сказал дух вашего мудреца, — произнес Метемфок, — похоже, следует, что боги выбрали тебя, чтобы встать между миром живых людей и царством Теней Зла. Судя по всему, ты один способен повлиять на исход дела и подтолкнуть чашу весов, чтобы жизнь в этом мире перевесила смерть.

— Да... — пробормотал Конан. — Но как?

XIV. ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

В эбене темноты мерцают
Кроваво-красные глаза
И острые клыки сверкают,
Когда за труп идет грызня.

Путешествие Амры

Конан пробирался вниз по темному туннелю. Со сводчатых изгибов потолка свисали окаменевшие глянцевые занавеси сталактитов. Иногда то с одного, то с другого округлого конца срывалась звонкая капля известковой воды. Пол пещеры был покрыт коркой грязной накипи,

влажной от известкового раствора, капающего с минеральных наростов на потолке. То тут, то там возвышались остекленевшие глыбы. Тянулись к потолку толстые колонны сталагмитов.

В холодном, пропитанном влагой воздухе носились странные неприятные запахи. Легкий чуть кисловатый ветерок мягко веял в лицо Конану. Ориентируясь по нему, киммериец шаг за шагом пробирался по черному лабиринту, который простирался на многие мили под древними улицами Птаукана.

Старый Метемфок, глава воровского мира Птаукана, решительно заявил Конану, что одному-единственному вооруженному человеку невозможно тайно проникнуть сквозь три эшелона охраны в цитадель, куда брошены барахские товарищи Конана в ожидании Дня Жертвоприношения. Этот день должен был наступить через две ночи. Бесчисленная стража, ворота и двери, замки и засовы отделяют свежий воздух улиц города от сокровенного сердца крепости жрецов.

Однако пытливый ум Конана не так легко поддавался соблазну отказаться от своих планов. После бесконечных расспросов господин и покровитель всех воров рассказал ему о древнем лабиринте пещер и туннелей под землей. Никто не знал, как они образовались. Но сам город был когда-то построен на огромной известняковой скале, и, возможно, за долгие годы эти ходы пробили подземные потоки.

Воры хорошо знали самые верхние этажи системы туннелей и часто ими пользовались. Но даже они остерегались забираться глубже, потому что о безмолвных глубинах лабиринта ходили всякие сказочные истории, от которых волосы вставали дыбом: о загадочных перешептываниях и странных вскриках, о скользящем шорохе шагов. Говорили, что люди, которые осмеливались проникнуть глубже, с пронзительным воплем исчезали навсегда.

Уступая неутомимому потоку вопросов Конана, Метемфок неохотно признался, что, вполне возможно, глубокие туннели соединяются с подземными темницами Передней Богов. И все же он настоятельно советовал Конану попытаться найти более подходящий путь в запретную крепость. Но киммериец упорно отказывался внимать его благоразумным предостережениям.

В конце концов Метемфок понял, что Конан непреклонен в своей решимости воспользоваться нижними туннелями для освобождения своих товарищей. Тогда с глубоким вздохом толстый главарь воров приказал созвать своих ближайших соратников на совещание. Они долго рылись в пыльных пергаментах архивов воровской гильдии.

Древние карты ходов лабиринта еще сохранились. Конан напряженно рассматривал их, фиксируя в памяти все изгибы и повороты системы пещер и отличительные знаки, по которым он мог бы найти дорогу.

И вот Конан здесь. Спотыкаясь и скользя, он пробирался сквозь плотную темноту нижних туннелей. В одной руке он держал фонарь, который вручил ему предводитель воров. Эта вещица — прекрасный пример технического мастерства антильцев — представляла собой маленькую бронзовую лампу с цилиндрическим бачком для масла и небольшой ручкой. Из тонкой трубки высовывался шипящий фитиль, и пламя отражалось от выгнутой бронзовой пластинки, покрытой серебром. От длительного употребления и полировки серебро кое-где стерлось, и под ним проглядывала тусклая медная поверхность. Конан был рад и этому маленькому старому светильнику. Метемфок сказал, что он будет гореть в течение нескольких часов, пока не кончится масло.

То здесь, то там среди разветвляющихся туннелей на мокром камне ярко отсвечивали белые знаки, оставленные ворами, пытавшимися освоить подземелье. Там, где ничего не было видно, необычное расположение камней давало понять, что это поверхностный ориентир; например, сложенные кучей куски известняка, напоминавшие гигантского паука.

Конан настойчиво двигался вперед, хотя ему не особо по душе был этот холодный влажный ветерок, сквозивший из неведомых темных глубин. Он медленно шел по черному туннелю, и в его голове помимо воли возникали странные картины, вызванные носящимися во тьме таинственными звуками, которые то выли, отдаваясь эхом, то вкрадчиво шептались в окружающей его темноте. Время от времени он слышал приглушенный всхлипывающий плач, который изредка поднимался до истерически звенящего крика душераздирающей агонии и затем, вновь

затихая, превращался в едва слышные рыдания, похожие на шум ветра в далеких соснах.

Временами Конану казалось, что он различает крадущуюся поступь легких шагов за спиной в черной дыре бокового прохода или в непроглядном мраке, обступившем его. Временами свистящий шепот или холодный всплеск издевающегося смеха поднимали в его варварской душе древний страх перед сверхъестественными силами — страх, который тут же подминала под себя его железная воля.

Вскоре до его взвинченного до предела слуха долетел мягкий шорох скользящего по камням тела, словно какой-то гигантский червь или слизняк, извиваясь, полз по шершавому каменному полу. Даже у Конана, этого старого, воспетого в морских балладах воина, по телу невольно прошла дрожь отвращения, когда он представил себе, что за существа могли поселиться в этих лишенных солнечного света глубинах, под забытым городом Времен Зари Цивилизации.

Все эти рыдания и завывания, — упрямо повторял он себе, — просто шум ветра в искусственном лесу известняковых наростов. Смех — это журчание подземных вод, искаженное гулким эхом многочисленных туннелей. Звуки ползущих тел вполне могут быть вызваны медленным оседанием растрескавшихся пород старых пещер. Но суеверный страх неумолимо закрадывался в его сердце и распалял воображение.

Внезапно его охватил озноб. Конану показалось, что за ним пристально следят невидимые глаза. По его подсчетам, он бродил по подземным пещерам уже больше двух часов. Конан скользил и петлял, среди мокрых камней, спотыкался о выступы, перепрыгивал через ямы и глубокие трещины, преграждавшие дорогу, ударялся головой о низкие наросты свода, протискивался на животе сквозь узкие проходы, карабкался вверх и вниз по крутым склонам. Временами он невольно вспугивал колонии летучих мышей, которые пучками свисали вниз головой с потолка, и те со злобным писком шуршали крыльями и уносились во мрак. В его голову постоянно закрадывалась мысль, насколько еще хватит топлива в этом тусклом светильнике. Конану казалось, что огонь в лампе уже ослабел, и фитилек то

разгорался, то затухал, как будто масло поступало неравномерно и запасы его уже подходили к концу. А сейчас, вдобавок ко всему, чуткое восприятие варвара, лишь немного притупившееся и утратившее свою остроту за годы городской жизни, явственно подсказывало, что за ним пристально наблюдают невидимые глаза.

Конан замедлил шаг и теперь продвигался вперед тихо и осторожно. Он напрягал зрение, вглядываясь в черные отверстия в стенах соседних пещер в поисках скрытых там шпионов антильских жрецов, но нигде не замечал следов присутствия человека. И все же натренированные в диких просторах чувства подсказывали киммерийцу, что невидимые глаза не оставляют его ни на минуту. Конан задумался, не обладают ли, в самом деле, жрецы магическими кристаллическими шарами, унаследованными от их предков с Атлантиды, вроде тех, что ему доводилось видеть в хайборийских землях. С помощью такого шара посвященный в тайну чародей мог видеть то, что происходило вдалеке от его глаз. Может быть, как раз в этот момент холодные антильские глаза следят за каждым его движением?

Мороз пробежал по коже Конана, и он, вслушиваясь, задержал дыхание. Где-то далеко позади послышался металлический лязг, как будто открывались ворота. Но, может, это только показалось ему?

Однако шум сзади нарастал. Пот выступил на теле Конана, ибо он уже явственно различал писк и шорох множества снующих конечностей. Словно невидимый наблюдатель выпустил на него орду маленьких отвратительных созданий, чтобы гнать его сквозь подземный мир и в конце концов разорвать на клочки тысячами когтей и зубов.

Звуки неотвратимо приближались и становились все отчетливее. Конан пробормотал имя Крома в короткой полумолитве, полупроклятии. Теперь он верил, что эти туннели действительно перегорожены невидимыми решетками и некий внимательный страж заметил его осторожное приближение и спустил скользкую стаю каких-то тварей, желая разом покончить с ним.

Конан качнул фонарь, чтобы осветить главный туннель позади себя. Свет услужливо вырвал из мрака тысячи пар маленьких глазок у самой земли. Когда передний край неудержимого живого потока вырвался на освещенное

место, Конан от изумления чуть не выронил светильник. Его преследователями были крысы. Но какие крысы!

За годы скитаний он привык к маленьким серым крысам хайборийских земель, проворным черным крысам Вендии, большим и неуклюжим коричневым крысам Гиркании. Но эти животные превосходили всех известных грызунов его мира так же, как крыса превосходит мышь. Они были размером с большую кошку или маленькую собаку, и в каждой было не меньше нескольких фунтов веса. Крысы были огромные и к тому же отощавшие, вероятно, от долгого воздержания в пище. Белые острые зубы щелкали в нетерпеливой жажде вкусить человеческой крови и мяса.

Конан резко повернулся и ринулся вперед. Его тяжелые сапоги грохотали в такт отдающемуся в висках пульсу. Огромный меч был плохой защитой против такой жадной до крови орды. Величайший боец того времени за считанные секунды был бы погребен под бешеным валом пищавших, лязгавших зубами грызунов. И потому Конан несся вперед, как не бегал еще никогда в жизни, — даже в тот незабываемый день почти пятьдесят лет назад, когда он вырвался из рабского барака в Гиперборее, пробив себе дорогу к свободе куском разорванной цепи, и потом мчался всю ночь сквозь дождь и снег, преследуемый по пятам стаей изголодавшихся волков.

Каждый глоток воздуха сухим огнем обжигал его легкие, будто он втягивал в себя раскаленные пары из горнила. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, механически двигавшиеся ноги налились свинцом. Мускулы ныли, словно дьяволы втыкали в голени множество тонких раскаленных иголок. Но он, пошатываясь, стиснув зубы, все же несся вперед. От быстрого бега встречный воздух грозил совсем погасить маленький огонек фонаря.

За спиной Конана крысы стремительно шуршали по камням, перескакивали друг через друга, неслись вприпрыжку, не отставая от него ни на шаг. Время от времени одно из бегущих впереди животных наступало на соседа и раздавался резкий писк, за которым следовал обмен укусами. Но остальная масса продолжала преследование, почти не задерживаясь из-за этих коротких стычек.

Вскоре глаза Конана уловили что-то вроде слабого отблеска впереди, и ропот журчащей воды подсказал ему,

что он приближается к реке. Уже совсем близко он разглядел стремительно несущийся поток черных вод. На мгновение в голове промелькнула мысль, что река, может быть, достаточно узка, чтобы ее можно было одолеть прыжком, и тогда бы между Конаном и стаей преследователей образовалась надежная естественная преграда. Однако он тут же обнаружил, что по крайней мере в этом месте поток достигал не менее двадцати футов в ширину — слишком большое расстояние для одного прыжка. В годы своей буйной юности, не измотанный долгим бегом и не отягощенный оружием и доспехами, Конан легко одолел бы и такую преграду. Но сейчас...

Широко расставив ноги, киммериец обернулся лицом к орде покрытых шерстью безжалостных врагов. Его грудь шумно вздымалась и натруженные легкие всасывали холодный сырой воздух, в котором распространялось отвратительное крысиное зловоние. После стремительной гонки по подземным ходам в ушах еще отдавался гулкий стук сердца и кровь бешено мчалась по жилам. Кровь еще билась в ушах, притупляя слух, но Конан уже вытащил свой широкий меч для последнего сражения.

Ничто живое не могло выдержать бой с этой ордой грызунов, возбужденных запахом плоти и крови. Всю жизнь Конан молил богов дать ему хотя бы один только шанс на победу, но сейчас не было смысла просить даже об этом. Если даже ему суждено умереть всего через несколько секунд, он все же полнокровно проживет эти мгновения и погибнет, сражаясь. Несмотря на свои годы, Конан все еще находился в великолепной форме и мог сломать хребет человеку вдвое моложе его. И если ни одному смертному не удастся стать свидетелем последней схватки Конана из Киммерии, то по крайней мере всевидящие боги насладятся этим зрелищем, если, конечно, они иногда обращают свои взоры вниз и наблюдают за людьми, как утверждают эти лживые жрецы.

Конан стоял на выдвинутом над подземной рекой выступе скалы формы почти треугольной. Опора под ногами напоминала миниатюрный полуостров или мыс. И хотя его преследователи не имели возможности напасть на него сбоку или со спины, они все же могли атаковать широким фронтом.

Гигантские черно-серые крысы грязным, смрадным потоком хлынули из туннеля. В оранжевом свете лампы их глаза вспыхивали красными искорками, словно кровавые звезды адской вселенной. Писк, глухое скрипение и щелканье зубов заглушали ропот текущей воды, а скрежет когтей по камням казался шорохом сухих мертвых листьев, влекомых по земле порывами осеннего ветра.

Конан быстро нагнулся, чтобы отодвинуть маленький светильник назад, за ногу, и крепко сжал обеими руками меч. Голос киммерийца взвился ввысь в мерной и гулкой боевой песне его варварского народа. Мгновение — и крысы набросились на него.

Как только первое животное оказалось в пределах досягаемости, свистящий взмах меча рассек его пополам, отбросив ошметки плоти назад, на головы собратьев. Затем в течение нескольких долгих минут тяжелый меч разрезал воздух, словно лопасти ветряной мельницы, разя направо и налево и чертя в воздухе смертоносные девятиугольные фигуры. Но каждый взмах отточенного острия лишь успевал очистить землю перед Конаном. И после каждого взмаха одна-две крысы взлетали в воздух, иногда целиком, иногда — одни только головы, туловища, конечности и внутренности. Кровь забрызгала руки и ноги Конана. Время от времени он неточно рассчитывал усилия и кончик меча скрипел о камни пола и выбивал бледные искры.

Однако стая рвалась вперед, задние животные толкали бегущих впереди, которые тут же становились добычей вихрем носящегося клинка. Ненадолго давление нападающих слегка ослабло, так как часть крыс развернулась, чтобы полакомиться останками своих мертвых и искалеченных собратьев. А Конан между тем взмах за взмахом все посылал тела убитых животных в воздух. Его меч уже был наполовину в крови, и камни под ногами стали скользкими и липкими. С каждым ударом клинка красные брызги разлетались в разные стороны.

Крысы снова усилили атаку, и, несмотря на производимое в их рядах опустошение, Конан не мог сдержать их натиска. Несколько крыс вонзили свои острые, как бритва, зубы в толстую кожу его сапога. Конан яростно взмахнул ногой и ударил сапогом в землю, давя сгрудившихся поблизости, но их место тут же заняли другие.

Одна крыса забралась вверх по сапогу Конана и прокусила острыми зубами штанину у колена, оставив на коже неглубокий порез. Секущий удар меча разбросал по сторонам вращающиеся в воздухе половинки животного. Другие уже добрались до его пояса и груди, но все попытки крыс растерзать свою жертву наталкивались на упругую сталь рубашки-кольчуги. Неожиданно какая-то крыса в отчаянном прыжке вцепилась в грудь Конана, устремляясь к его горлу. Конан сбросил ее как раз в тот момент, когда усатая морда уже коснулась его кожи. Свободной рукой он хватал тех тварей, что успели облепить его тело, и швырял их о стены или в реку позади себя.

Но крысы одолевали. Кучами падали они, громоздились вокруг, а сам воин утопал сапогами в зыбкой трясине скользких от крови шкур и внутренностей. И хотя сапоги и кольчуга пока еще защищали его от укусов и Конан получил лишь несколько незначительных ран, но колени его уже кровоточили, и из руки, которой он хватал взбирающихся на него грызунов, в нескольких местах обильно текла кровь.

На мгновение крысы отпрянули. Тяжело дыша, Конан быстро оглянулся уже почти без надежды. И тут он заметил то, что должен был бы увидеть раньше, если бы преследователи не были так близко. На расстоянии полета стрелы от места, где он сейчас стоял, через несущиеся вниз черные воды перекинулся естественный каменный мост. Конан тотчас же понял, что если достигнет этой узкой арки, то крысы смогут атаковать его лишь по две или по три одновременно. В таком узком переходе ему удастся долго сдерживать все это необъятное полчище.

Мысль послужила сигналом к действию. Он ощутил мощный прилив сил и рванулся к мосту, продираясь сквозь бурлящую закручивающуюся водоворотами массу крыс, и при каждом прыжке под его подошвами хрустели кости грызунов. Крысы прыгали на него, карабкались по ногам и кусали, и кровь уже обильно струилась по его бедрам, и широкие штаны обвисли лохмотьями. Но этот всплеск энергии позволил Конану достичь моста прежде, чем грызуны сумели свалить его.

Хватая воздух открытым ртом, он шагнул на каменную арку и занял позицию посреди прохода в фут шириной,

там, где мост сужался. Конан пожалел, что в спешке у него не было времени прихватить с собой и маленький светильник, но запасы масла все равно уже должны были подходить к концу. Издалека фонарик еще заливал сцену битвы слабым мерцающим светом.

Крысам потребовалось всего несколько мгновений, чтобы снова настигнуть его, но этой паузы было достаточно, чтобы немного отдышаться и прочистить мозги. В затрудненном дыхании, ноющих мышцах и стучавшем молотом сердце ощущалась тяжесть прошедших лет.

Крысы снова подходили. Передние животные достигли подъема моста. Конан приготовилея встретить их согнувшись, с мечом в обеих руках. Когда крысы были уже совсем близко, он стал мерно работать палашом: направо-налево, направо-налево. При каждом взмахе несколько вертящихся в воздухе тел слетало с узкого моста. Они умирали десятками и сотнями. Иные падали в бегущий черный поток, который тут же подхватывал тела животных. Маленькие головки поплавками всплывали из воды, кружились, пытаясь сориентироваться, и затем плыли против течения до ближайшего берега, пока не исчезали в темноте.

Никогда за все годы многочисленных войн и кровопролитных сражений его меч не уносил так много жизней. Если бы это были не крысы, а люди, то над этой подземной рекой, сопротивляясь их натиску, Конан истребил бы целую нацию. Он работал без устали, как машина...

Но тут огромная черная крыса — видимо, вожак — отделилась от визжащей стаи и прыгнула к его горлу. У Конана было чувство, что все это происходит где-то далеко в прошлом. Его руки онемели и налились свинцом, а расставленные ноги, казалось, превратились в холодные железные колонны. Левой рукой он ухватил этот мерзкий комок шерсти и плоти, вцепившийся острыми когтями в звенья кольчуги и рвавшийся к сонной артерии. Но силы покидали Конана, и казалось, он уже не может оторвать от себя это отвратительное существо, хотя ясно чувствовал, как острые бритвы зубов оцарапали кожу за его бородой.

Тут же другая крыса вцепилась в носок его сапога. Конан пнул ее ногой, промахнулся и, покачнувшись, отступил назад, преследуемый ордой кровожадных грызу-

нов. Когда он тяжело отпрыгнул, чтобы удержать равновесие, раздался зловещий треск и весь центральный блок, на котором стоял киммериец, с оглушительным всплеском внезапно рухнул от сотрясения и непосильного веса в стремительный поток.

Конан обнаружил, что находится в воде и железная кольчуга быстро увлекает его ко дну. Гигантская крыса, угрожавшая разорвать ему горло, куда-то исчезла, но теперь, после смертельной битвы на суше, Конану грозила опасность захлебнуться в подземной реке.

Он оттолкнулся ногами от неровного дна и, вынырнув на поверхность, успел набрать полные легкие воздуха, прежде чем вес доспехов снова увлек его вниз. Быстрое течение бросало и било его о неровности дна, закручивало и переворачивало в водоворотах. Еще раз он с большим трудом хватил глоток воздуха. Конан был великолепным пловцом, но судьба распорядилась так, что кольчуга, которую он пронес сквозь это смертельное испытание, защитившая его торс от тысяч укусов, сейчас тянула его на дно, навстречу гибели.

Снова удалось ему достичь поверхности воды. Еще раз он до отказа наполнил легкие воздухом, и снова тяжесть доспехов неумолимо увлекла его вниз. Сознание ускользало от Конана, он словно проваливался в глубокую дремоту без сновидений.

XV. ТЕМНИЦА ОТЧАЯНИЯ

В бою напрасном Лев повержен был,
И Ад к его команде подступил...
Путешествие Амры

Сигурд из Ванахейма очнулся от приступа подступающей рвоты. Когда под действием наркотических паров, выпущенных людьми с антильского корабля-дракона, старый крепкий ванир, как и все остальные члены команды «Красного Льва», потерял сознание, он уже не ожидал снова увидеть дневной свет. Но смерть выпустила павшего воина из черных когтистых лап. Еще не пришло время встретить Сигурду свою погибель.

И вот ошеломленный, сбитый с толку старый пират очнулся от бьющего в ноздри терпкого пахучего дыма. Он обнаружил, что находится во вместительном трюме антильского судна среди своих барахских товарищей по плаванию, которые тоже начинали приходить в себя. Их окружали бронзовокожие суровые воины низкого роста в странных стеклянных доспехах.

По мере того как его мозги начинали шевелиться, Сигурд стал оценивать обстановку. Он внимательно осмотрел внутреннюю часть корабля-дракона и обнаружил, что на самом деле материал, из которого было построено судно, был вовсе не золотом, корабль был только обшит тонкими пластинками этого металла. Под его ногами находились прочные деревянные доски, твердостью походившие на дубовые, только цветом темнее. Взгляд всюду наталкивался лишь на деревянные шпангоуты и доски обшивки. Приглушенные удары волн, бьющихся об изогнутый нос корабля, достигли его слуха, и тут Сигурд окончательно понял, что произошло.

Он внимательно вгляделся в лица своих товарищей; они были разбиты в кровь, а кое-кому достались и глубокие раны. Но похоже, почти все были здесь, живые, что уже было отрадно, пусть даже они и в плену у антильцев.

Острая боль внезапно пронзила сердце старого морского разбойника. Его беспокойный взгляд с тревогой вновь начал шарить по лицам людей его команды, — но где же Конан? Знакомого изрезанного шрамами лица и серо-стальной гривы волос нигде не было видно.

Сердце Сигурда упало, его румяное лицо помрачнело, и черная туча скорби окутала его. Сигурд прекрасно знал железную отвагу старого киммерийца. За всю долгую жизнь Конана лишь немногие могли похвастаться, что им удалось взять его в плен. Всегда готовый яростно отстаивать свою свободу, старый седой волк скорее всего предпочел пасть, сражаясь, чем сдаться на милость этим маленьким, похожим на куклы человечкам. И если Конан действительно был убит, то теперь на бычью шею и плечи Сигурда ложилась громадная ответственность за всю команду.

— Мужайтесь, друзья! — пророкотал он. — Хоть мы уже не свободные люди, но всё еще живы. А пока мы

дышим, едят меня рыбы, у нас всегда есть шанс пробить себе дорогу к свободе!

Горан Сингх бросил на него мрачный взгляд больших темных глаз.

— А где наш господин Амра, а, Сигурд? Почему его нет среди нас? — угрюмо потребовал ответа венд.

Сигурд медленно покачал своей рыжей седеющей бородой.

— Клянусь хвостом Шайтана и звездой Нергала, дружище, я не знаю. Может статься, что он в другой части этой проклятой галеры.

Венд молча кивнул, но мрачно склонил голову в тюрбане, избегая смотреть Сигурду в глаза. Он знал не хуже ванира, что Конана вряд ли стали бы держать отдельно от остальных. Скорее всего, могучий киммериец погиб, пронзенный стеклянным антильским мечом, и уже отошел в холодные залы вечно блуждающих призрачных теней.

Они долго плыли к гавани Птаукана, почти час, наверное, из-за дополнительного веса полусотни здоровенных пиратов в трюме. Когда их наконец вывели в тяжелых стеклянных цепях из обшитого золотыми пластинками корабля-дракона, Сигурд замигал от неожиданно яркого солнечного света. Со смешанным чувством удивления и любопытства он поглядывал на открывшуюся панораму древнего города: изглоданные непогодой камни, кричащие цвета зданий, которые ярус за ярусом поднимались вверх по склону горы.

Ни разу в жизни Сигурду из Ванахейма не доводилось видеть такой странной столицы. Каждое здание в городе было покрыто странными фризами богов с головами чудовищ и людей с головами животных, с монолитными и массивными воротами из прочного камня и диковинно изукрашенных колонн, устремившихся в ясное утреннее небо. Надо всей этой картиной нависала огромная, угрожающая, окрашенная в черные и красные цвета пирамида, тень которой мрачно и уныло легла на город. На вершине ее клубы черного дыма лениво поднимались в воздух, отчего это сооружение походило на какой-то рукотворный вулкан. Однако пиратам удалось выхватить взглядом лишь отдельные детали древнего

города атлантов. Охрана быстрым шагом вела их по мощеным улицам вверх по великолепному тракту с яруса на ярус. Далее без остановки они прошли сквозь бронзовые ворота серой крепости, расположенной рядом с огромной пирамидой у самого края площади. Тяжелые ворота с лязгом захлопнулись за спиной, и на несколько мучительно долгих дней последний клочок голубого неба и порыв свежего ветра исчезли для пленников за железными створками. Охрана погнала их вниз по бесконечным каменным ступеням лестницы, спиралью уходившей во внутренность горы, на склоне которой и был построен Птаукан. Когда колени, ноющие от нескончаемого спуска, казалось, готовы были уже сломаться под тяжестью тела, они наконец достигли огромных размеров зала, выдолбленного в камне. Здесь с них сняли кандалы. Люди безучастно стояли под пристальными взглядами охранников, нацеливших в грудь пленникам свои стеклянные пики.

Затем их заковали в кандалы, прикрепленные к длинной прозрачной цепи, сбегавшей вдоль стены сквозь замурованные в нее кольца из того же материала. И хотя люди имели некоторую свободу передвижения, достаточную, чтобы ходить или лежать, практически все они были заключены на небольшом пятачке около стены площадью в несколько футов.

Затем стража вышла из камеры и заключенные остались одни.

Толстые каменные колонны, поддерживающие крышу этого огромного зала, вздымались словно стволы гигантских деревьев. Создавалось впечатление, что их выдолбили в твердой скале, осваивая это подземелье, и оставили стоять здесь навечно, чтобы удерживать тяжелые своды.

Высоко над их головами на каменном потолке были прикреплены пластинки тускло светящегося металла. Древнее забытое знание атлантов, а может, и колдовство вызывало исходившее от этих пластинок мягкое лучистое свечение, которое разливалось по огромной комнате бледным желтоватым светом. Сигурда на мгновение посетила мысль, что, может быть, эти пластины были сделаны из странного метала атлантов, орихалка, о котором ходило столько слухов, но у него было много

других, более насущных дел, чтобы тратить время на обдумывание этой догадки.

Пленников кормили один раз в день. Ведра жирного едва теплого варева из мяса или рыбы выплескивались в длинный грязный каменный желоб, сбегавший вдоль стены. В этом пойле в изобилии плавали комки стылого жира, перемешанного с какой-то другой бурдой. Но скоро голод переборол брезгливость, и команда «Красного Льва» уже с нетерпением ждала часа кормежки. Сигурду пришлось использовать весь свой авторитет, чтобы удерживать людей от драк за эти мерзкие помои.

Заточенные в сырой камере, не имея возможности наблюдать за ходом небесных светил, пираты вскоре совсем потеряли счет времени. Сколько часов или, может, дней они жили здесь? Пленники затевали бесконечные споры по этому поводу, пока Сигурд не рявкнул на них:

— Заткнитесь вы все! Вы доведете меня по бешенства своим базаром. Можно не сомневаться, что они кормят нас в одно и то же время и каждый день. Значит, каждая кормежка — это одни сутки. Ясунга, ты будешь следить за временем. Найди место на стене и делай там отметку каждый раз после того, как они принесут сюда эти помои.

— Но Сигурд, — жалобным голосом вмешался маленький офириец, — мы же не знаем, сколько дней уже прошло. Кто говорит, что четыре, кто — пять, а кому-то кажется, что все шесть или семь. Как мы узнаем...

Он резко осекся, так как ванир, поднеся огромный кулак к самому его носу, так что туго натянутая цепь жалобно зазвенела, проревел:

— Заткнись, Ариман, — чтоб тебя разорвало, или я обмотаю цепью твою тощую шею и буду затягивать ее, пока не отвалится твоя башка, такая крохотная, что на ней и двум вшам не разойтись! Каждый может прибавлять столько дней к подсчету Ясунги, сколько считает нужным, и это, черт возьми, не имеет никакого значения! А если кто-нибудь еще заикнется об этом, то я размажу его череп по стене, как тухлое яйцо!

— Ах, яйца! — мечтательно произнес Артанес с Заморы, здоровенный бык, пират с солидным брюхом,

известный среди товарищей своим аппетитом. — Что бы я только не отдал сейчас за пару дюжин свежих куриных яиц...

Питаясь одними помоями, они быстро ослабели. Их необработанные открытые раны начали гноиться и опухать; пленники стали болеть. Двое уже умерли: буйный шемит, которому проломили череп во время битвы, умер в агонии, крича и сражаясь с невидимыми врагами. Другой — флегматичный чернокожий выходец из влажных, полных ядовитых испарений джунглей южного Куша, язык которого был отрезан стигийскими работорговцами еще до его побега на Барахские острова, — горел в лихорадке. Оба тела были унесены закованными в прозрачные доспехи антильскими стражами, верно, в какое-то тайное хранилище.

С помощью штурмана Ясунги, корабельного боцмана Мило и начальника отряда лучников Якова Сигурд изо всех сил старался поддержать в команде присутствие духа. Это было непросто, потому что команда представляла собой пестрое сборище бродяг, подверженных припадкам неприязни, вспышкам ненависти, суеверным страхам и странным фантазиям, внезапным приступам уныния, разочарования или драчливости. А Сигурду, хотя он и был могучим пиратом, одно имя которого вызывало уважение среди Красного Братства, все же явно не хватало той ауры удачи и силы, которой было окутано имя Амры-Льва.

Северянин нашел, что лучшим способом избежать безнадежного уныния и сохранить в пленниках интерес к жизни было всячески побуждать этих морских бродяг рассказывать о своих прошлых подвигах. Они проводили долгие часы в рассказах и спорах, шаг за шагом восстанавливая события минувших битв, осад и набегов, в которых они когда-то участвовали.

Снова и снова вспоминали они о деяниях Конана, или Амры-Льва, — под этим именем знало его большинство пиратов. Они рассказывали и пересказывали вновь, как, желая добиться благосклонности Белит, его первой большой любви, Конан вместе с ней разграбил Черное Побережье и отважился проникнуть далеко в глубь материка по неизвестным рекам в джунгли Юга, где в полуразрушен-

ном каменном городе женщину-пирата настиг страшный, неумолимый рок. Они рассказывали, как, десять месяцев спустя, Амра возник из небытия, чтобы вновь ступить на палубу барахского пиратского корабля, и как, еще позже, он неожиданно стал капитаном корабля зингаранских морских разбойников. Снова, уже в который раз, они вспоминали о фантастической карьере их предводителя, героя, прошедшего сквозь тысячи смертельных опасностей и победившего в тысячах различных битв, от простых поединков до сотрясавших всю землю кровавых сражений.

Но в конце концов даже Сигурд начал падать духом. Темное сырое подземелье с его молчаливыми каменными стенами, мутная пелена бледного света, которая тяготила и растворяла в себе человеческую волю, а также скрытая угроза и ожидание своей неизвестной судьбы — все это создавало столь гнетущее настроение и источало такую безнадежность, что могло сломить самую яркую и стойкую душу.

Несколько раз Сигурд, с помощью самых сильных людей команды, пытался разорвать сковывающие их цепи. Звенья были сделаны из материала, внешне похожего на хрупкое стекло, но ему никогда не доводилось видеть металла столь прочного, как это прозрачное вещество. Оно было жестким и твердым, как бронза. Никакие усилия, рывки, удары камнями и ногами, попытки изогнуть или растянуть его не привели к желаемому результату, если не считать легких царапин и выщербин на гладкой радужной поверхности.

Нет, похоже, бегство было им не по силам. Они могли лишь надеяться, что судьба сама прервет эту унылую череду дней. И в конце концов это произошло.

Металлический лязг копий и щитов мгновенно стряхнул с Сигурда чуткую беспокойную дремоту. Он медленно поднялся с соломы и увидел, как комната начала наполняться маленькими воинами с плоскими лицами, которые поднимали копьями его сонных товарищей и связывали им руки сзади.

— Что это, капитан? — пробормотал Горан Сингх.

Сигурд покачал головой, и его нечесаная рыжая седеющая борода заходила из стороны в сторону.

— Лишь Крому и Митре известно, дружище! — проворчал он.

Затем он повысил голос, чтобы его слышали все:

— Выше голову, парни! Мужайтесь и покажите этим коричневым собакам, что мы мужчины, хотя нас и держали в этой конуре среди нечистот, словно зверей. И если нас ведут под нож палача, то, во имя зеленой бороды Ллира и красного сердца Нергала, мы покажем этим вонючим свиньям, как умирают мужчины, не так ли, парни? Вы останетесь со старым Сигурдом до конца?

Среди пиратов его призыв вызвал хриплый гул приветствий и яростные крики:

— Да, Рыжебородый!

— Прекрасно, парни! А может статься, это будет всего лишь рабский рынок, а? Я думаю, что с удачливостью Братства такие крепкие ребята, как мы, будут приобретены высокородными дамами для особых услуг в их будуарах!

Он натянуто подмигнул.

Его люди ответили дружным свистом и непристойными жестами. Сигурд криво усмехнулся, — все это было лишь притворство, он уже догадывался о том ужасном конце, который ждал их на этих проклятых островах на краю света.

Сигурд был прав. Ослепленные непривычно ярким солнечным светом, пираты, ошарашенно хлопая глазами, оглядывались по сторонам, пораженные открывшимся зрелищем. В вышине, словно сапфировый купол в таинственной обители богов, висел небосвод. Солнце стояло почти прямо над головой, обливая горячими струями тела, озябшие во мраке смрадной сырой темницы. Пленники с наслаждением пили свежий морской бриз, прилетавший из бухты, зная, что, возможно, им уже никогда более не придется в этом мире наполнить легкие чистым соленым воздухом.

Они вышли из ворот хмурой серой цитадели, которую называли Передней Богов, и повернули на площадь с величественной черно-красной пирамидой. Огромное сооружение уносило свои плоские грани высоко вверх, и его вершина грозно маячила в вышине над головами десятков тысяч антильцев, скопившихся на площади.

Сигурд, шедший первым, оглянулся назад на своих товарищей. Жалкое зрелище они представляли собой: оде-

тые в лохмотья, грязные, с длинными волосами и всклокоченными бородами. Сквозь дыры изорванного платья были видны костлявые ребра отощавших от скудной нездоровой пищи людей.

Ровные ряды солдат тянулись от Передней Богов до подножия пирамиды, очищая для них узкую дорожку на запруженной толпой площади. Охрана, подталкивая пиратов наконечниками копий, провела пленников по этому живому проходу и пристроила их в хвост цепочки голых антильцев.

Часть жрецов в одеяниях из перьев, возвышаясь над толпой на своих высоких подставках-каблуках, назойливо суетилась, другие стояли рядом у самого основания пирамиды. В их руках развевались странные флажки и знамена.

Теперь зловещие очертания пирамиды вырисовывались над самой головой пленников — на фоне голубого неба. Кнуты со свистом рассекали воздух и хлестко ложились на едва прикрытые лохмотьями плечи пиратов, когда солдаты направляли их колонну в хвост цепочки антильцев. Молчаливо, медленно и беспрекословно вереницы маленьких коричневых людей с трудом поднимались вверх по крутым ступенькам, уходившим к самой вершине зиккурата.

Сигурд откинул голову и внимательно всматривался суженными, слезящимися от яркого полуденного солнца глазами в то, что происходило на вершине пирамиды, маячившей где-то высоко в сверкающем субтропическом небе. Он смог различить огромный алтарь из черного камня. Рядом высился трон, на котором восседала облаченная в платье из разноцветных перьев фигура.

Один за другим молчаливые антильцы, подгоняемые суровыми солдатами, подходили, низко склонив головы, к храму на вершине. Сигурд мог видеть, как жрецы в звериных масках и платьях из перьев схватили человека за руки, сняли оковы и растянули жертву на каменной поверхности алтаря. Затем вперед вышла другая фигура, в еще более фантастическом костюме из перьев и драгоценных камней, хотя трудно было издалека как следует рассмотреть ее. Жрец вытянул вперед тощую коричневую руку и приложил к голой груди антильца

какой-то таинственный символ. От нестерпимого блеска солнца на глазах Сигурда внезапно выступили слезы, и он опустил голову, чтобы вытереть их. Когда он снова взглянул вверх, то увидел, что рука верховного жреца поднялась и что-то сверкнуло в его кулаке — это был прозрачный, как стекло, нож. Нож описал стремительную дугу. Распростертый на каменном алтаре человек конвульсивно дернулся. На мгновение жрец склонился над жертвой, работая ножом и что-то нащупывая свободной рукой.

Затем тощая, обагренная кровью коричневая рука поднялась снова, вознося над головой к яркому небу красный комок, с которого вниз падали алые капли крови, — то было сердце жертвы, вырезанное из еще живого тела.

Толпа внизу испустила единый вздох. Жрецы запели низкими голосами торжественную песню-заклинание. Эта медленная гипнотическая песня, которая напоминала Сигурду глухой рокот моря, покачивала священнослужителей из стороны в сторону. Жертвенный огонь у самого алтаря выбросил вверх густые клубы черного дыма, когда сердце жертвы упало туда вслед за многими другими, кучами лежавшими на горящих углях. Тело человека тут же уволокли куда-то перемазанные кровью жрецы, и следующая покорная жертва была подведена к алтарю. Потрясенный этим зрелищем, Сигурд спрашивал себя, сколько времени уже продолжался этот страшный ритуал.

Охрана заставляла цепочку людей медленно, ступенька за ступенькой двигаться вверх. Пираты за спиной Сигурда, как и он, не проронили ни звука; они словно онемели, придавленные тяжестью ужаса, висевшего над вершиной пирамиды. Старый морской разбойник не чувствовал ничего, кроме ледяной пустоты внутри, как будто время остановило свой бег и вся вселенная сжалась до размеров его тела. Еще несколько минут — и все будет кончено, завершится их длительное путешествие, легенда будет досказана до конца. Да и какое все это имело значение? Разве любая человеческая жизнь не лишена смысла так же, как и его собственная жизнь? И все же...

Вдруг волны ярости и возмущения захлестнули Сигурда, его упрямое старое сердце гулко забилось в негодовании. Все его существо восстало против безропотного подчинения судьбе. Разве он ничуть не лучше этих недоразвитых островитян? Во имя Молота Тора, нет! Смерть не страшила его. Она была его старым корабельным товарищем. Чем же был тогда этот порыв внезапного бунта, который перевернул все в его душе? Гордость! Да, во имя Бадба и Морригана, это была именно она, самая настоящая гордость!

Сигурд глухо рассмеялся. Ближайшие к нему пираты из этой медленно движущейся вверх вереницы людей подняли на него глаза, на их лицах было написано непонимание и удивление. Да, это дьявольски неподходящий способ для старого ванира встретить свою смерть!

XVI. В ЛОГОВЕ ДРАКОНА

Заслышав шорох роговых пластин,
Лев узнает, что здесь он не один...
Путешествие Амры

Сначала Конану показалось, что он уже умер и что бурное море жизни смыло его окоченевшее тело и выбросило на лишенные света берега потустороннего мира. Некоторое время он лежал без движения, моргая, чтобы сбросить с ресниц капельки воды, застилавшие ему глаза. Затем понемногу его чувства начали просыпаться, и Конан понял, что каким-то образом он уцелел.

Это было почти невероятно, но все же он был жив. Его мертвое тело, ушедшее ко дну под тяжестью кольчуги, уже давно должно было бы перекатываться и биться о выступы неровного ложа стремительного потока.

Конан приподнялся на локте и с изумлением огляделся. Он лежал во вместительном подземном гроте; и, как ни странно, здесь не царил непроницаемый мрак. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел тысячи маленьких пятнышек на потолке и на дальних стенах пещеры, от которых исходило слабое зеленоватое свечение. В его голове промелькнула мысль, что, может быть, он лежит

на чистом воздухе, а зеленые светлячки — это звезды на черном небе; но Конан тут же сообразил, что звезды не могут быть такими одинаково яркими и так правильно расположенными.

Конан лежал на мокром, скрипящем под его телом песке, на берегу той самой подземной реки. Черный поток врывался в пещеру из-под сводов низкого и темного тунеля, отверстие которого он смутно видел за бурлящими струями несущейся воды. Русло делало крутой поворот и отбрасывало стремительное течение налево, где река снова исчезала в другом зияющем в стене отверстии. Должно быть, на этом изгибе течение выбросило почти безжизненное тело на берег, а последние, еще теплящиеся искорки сознания заставили его проползти еще несколько футов вверх по склону — как раз столько, сколько было необходимо, чтобы выбраться из холодных объятий черного потока. Затем сознание погасло, и он провалился в абсолютную темноту.

Конан с трудом поднялся на четвереньки и сел на камни. Внимательно, насколько это было возможно в бледно-зеленоватом свечении, исходящем от стен, он осмотрел себя с ног до головы. Похоже, кости остались целы, но все тело было усеяно ушибами и неглубокими порезами — следами зубов гигантских крыс или каменистого дна реки. Его штаны висели лохмотьями, сапоги были разрезаны на носках и у щиколоток острыми зубами грызунов, так что из дыр торчали израненные пальцы ног. К счастью, холодная вода подземной реки промыла его раны.

На железных кольцах рубашки-кольчуги уже образовался тонкий налет ржавчины, и тяжелое снаряжение слабо поскрипывало при каждом движении. Кинжал все еще торчал у него за поясом, однако меч был потерян при падении в реку.

Киммериец с трудом поднялся на ноги, пошатываясь и постепенно приходя в себя. Каждый мускул его мощного тела болел и ныл. Сражение с крысиной ордой подточило даже его стальную выносливость, которая выходила за пределы человеческих возможностей. Он находился в смутном, полуобморочном состоянии. Чувства его притупились, и внутри рождалось ощущение собственной нереальности и неуязвимости. Затем изможден-

ный Конан впал в тревожную дремоту. Без сомнения, он проспал целый день и всю ночь, а может быть, еще дольше.

Когда наконец Конан вновь осторожно потянулся, колющая боль в мускулах дала понять, что кровообращение начало восстанавливаться. В то же время он ощутил прилив новых сил, и по его истерзанному телу опять пробежали токи жизни. Конан прошелся несколько раз взад-вперед по изгибу берега. Его конечности постепенно снова начинали обретать гибкость. Он швырнул в сторону ножны своего широкого меча; слишком легкие, чтобы пригодиться в качестве оружия, они бы только мешали ему.

В конце концов Конан понял, что страшно голоден и хочет пить. Он утолил жажду холодной водой подземной реки, но голод утолить было нечем. Если бы он только увлек вместе с собой одну из тех гигантских крыс...

Внезапно что-то призрачно промелькнувшее под водой привлекло его внимание. Рядом он заметил еще одно слабое колебание воды и обнаружил, что в реке водится рыба. Конан нашел выступ скалы, который мог бы служить ему удобной платформой, и в напряжении замер на камне, наблюдая за снующими под водой рыбами с терпеливостью опытного охотника.

Прошло некоторое время. Неожиданно длинная рука Конана вспорола черную поверхность реки и вновь появилась с извивающейся рыбой, которую он крепко держал пальцами за жабры. Он распластал рыбу на скале, соскреб кинжалом чешую и с наслаждением впился зубами в жесткое белое мясо. Когда трапеза была закончена, Конан смыл кровь и прилипшие чешуйки с рук и лица, после чего почувствовал в себе силы заняться обследованием пещеры.

Прежде всего он направился к ближайшей стене подземного грота. Конан двигался медленно и осторожно, всматриваясь в тонущие во мраке неровности пещеры, чтобы случайно не провалиться в какую-нибудь канаву или колодец и не упасть в нижние этажи лабиринта тунелей. И хотя освещение было достаточно тусклым, долгие часы, проведенные в темноте, сделали его глаза очень чувствительными к малейшим проблескам света.

Наконец Конан добрался до места, где пещера плавной дугой выгибалась вверх, сливаясь с потолком. Его изучающий взгляд скользнул по одному из ближайших зеленоватых огоньков, слабо поблескивающих на каменной стене. Казалось, что свечение исходит от какого-то продолговатого предмета, размером и формой напоминавшего палец ребенка. Осторожно, не дотрагиваясь до неизвестного предмета незащищенной рукой, он вытащил кинжал и проткнул один из зеленых огоньков, отчего тот судорожно изогнулся, упал со стены и прокатился у самых ног Конана. При более внимательном рассмотрении киммериец обнаружил, что светящимся «пальцем» была какая-то гусеница или личинка. Сотни и тысячи этих созданий усеивали потолок и стены.

Он удовлетворенно хмыкнул. Мгновенно тысячи ближайших к нему светящихся червеобразных существ погасли, оставив на стене широкую полосу непроницаемого мрака. Конан замер на месте, выжидая, и скоро маленькие зеленоватые светлячки снова начали испускать сначала совсем слабое, а потом все усиливающееся сияние, пока опять не достигли прежней устойчивой яркости. Очевидно, внезапный звук испугал этих светящихся червяков, и они погасили свои фонари.

Свет был очень кстати, но теперь Конан ясно осознавал, что он, вероятно, сильно отклонился от намеченного маршрута. Убегая от крыс, он выбирал наиболее удобную для продвижения дорогу и опрометчиво сбился с пути, который так тщательно пытался запечатлеть в своей памяти, просиживая над картами в покоях короля воров Метемфока. Не было никакой надежды найти потерянную нить прежней дороги. Даже если бы Конану удалось каким-то образом подняться вверх по течению реки, он мог вновь встретиться там с дикой стаей гигантских крыс, которые, верно, рыскали сейчас где-нибудь неподалеку. А теперь у него не было даже меча для защиты от этих кровожадных грызунов.

Конан вновь принялся исследовать просторную пещеру. То здесь, то там поднимались титанических размеров сталагмиты, которые почти касались свисающих сверху сталактитов, а иногда соединялись с ними, образуя необъятных размеров столбы. Они напоминали Конану ко-

лонны древних храмов, построенных для поклонения сумрачным богам подземного мира. В сравнении с огромными размерами этих каменных образований даже его гигантская фигура казалась карликовой.

Теперь, когда голод уже не донимал его так сильно, Конан принялся подыскивать себе оружие более эффективное, чем обычный кинжал. И хотя это было надежное оружие весьма внушительных размеров, Конан чувствовал, что ему необходимо что-нибудь подлиннее. Ведь даже среди вездесущих воров Птаукана никто не знал, каких еще безымянных обитателей подземного мира доведется встретить киммерийцу во время странствий сквозь эти мрачные туннели.

Сталагмиты, попадавшиеся ему на пути, имели округлую форму, с тупыми концами и совсем не подходили Конану, которому нужно было что-нибудь поизящнее, наподобие копья. Наконец он нашел то, что искал. Подняв известняковую глыбу весом не меньше двадцати фунтов, Конан размахнулся и с силой ударил рукоятью кинжала по заостренному стволу сравнительно тонкого сталактита. Известковый нарост надломился, и Конан отбросил свое орудие, чтобы поймать падающий сталактит. При гулком звуке удара каменной дубины об пол в пещере воцарилась кромешная темнота, но вскоре светящиеся гусеницы снова достигли прежней яркости и вокруг разлился их бледный зеленоватый свет.

Конан взвесил в руке свое новое оружие. Это было четырехфутовое каменное древко, с одного конца толщиной с запястье руки, а с другого — сужающееся до тонкого острия. И хотя оно не обладало остротой копья, во все еще могучих руках Конана это каменное образование служило серьезным оружием, которым он мог проткнуть врага. Или же, схватив сталактит за тонкий конец, Конан мог орудовать им, как дубиной, хотя прочность материала, из которого состояло это новое орудие, вызывала у него серьезные опасения. Его также можно было бросать, как дротик, на короткое расстояние.

Вооруженный таким образом, Конан почувствовал новый прилив уверенности и теперь готов был противостоять даже безымянным ужасным существам этого погруженного в вечную тьму мира. Осторожно он снова принялся

исследовать огромный грот, пытаясь двигаться в том направлении, где сгущающийся мрак свидетельствовал, что пещера простирается в эту сторону глубже всего.

По мере продвижения вперед стены грота начали сужаться и потолок опустился ниже. Светящихся червей стало меньше, и в почти непроницаемой темноте Конан вынужден был удвоить осторожность. Теперь он двигался очень медленно, тщательно ощупывая дорогу впереди обломком сталактита, чтобы не попасть в какой-нибудь провал. Опасное положение. Один неудачный шаг — и он, не успев даже осознать происшедшего, соскользнет в один из глубоких каменных колодцев.

Оступившись, Конан врезался головой в сталагмит примерно с него ростом. Непрочная каменная колонна треснула и с громким стуком рухнула на пол. Звук ее падения глухим вибрирующим эхом разнесся по туннелю. Тотчас же все светящиеся черви вокруг погасли, оставив Конана в практически непроницаемой тьме.

— Чтоб Ариман сожрал эти проклятые пещеры! — прорычал он. Однако несмотря на кромешный мрак, Конан продолжил свой путь в том же направлении, нащупывая дорогу ногой и острием сталактита.

Вдруг каменное орудие киммерийца коснулось впереди чего-то живого, и Конан почувствовал, как оно зашевелилось. Сердце мгновенно захлестнул холод, он застыл, напряженно вслушиваясь и вглядываясь во мрак в надежде, что невидимое существо первым выдаст свое происхождение.

Из мрака перед его глазами раздалось громкое короткое шипение, похожее на шипение змеи, усиленное в десятки раз. Смрад, исходящий от неведомого пресмыкающегося, ударил ему в ноздри. Конан должен был бы почувствовать этот запах раньше, но из-за чуть заметного ветерка, который вяло дул ему в спину, он не смог уловить этого терпкого зловония, пока не наткнулся на его источник.

Пот выступил на лбу киммерийца. Может быть, он вышел на змеиное гнездо? Как всякий северный варвар, он терпеть не мог змей, в изобилии водившихся лишь в непроходимых джунглях юга. Несколько раз Конану все же довелось сталкиваться с подобными тварями, которые, впрочем, во много раз превосходили все обычные виды.

Это были чудовища не менее пятидесяти футов длиной, с головами величиной с лошадиную.

Конан попытался отступить незамеченным и сделал шаг назад. До его слуха донеслось странное шуршание, будто где-то впереди по каменному бугристому полу тянули какой-то тяжелый мешок. Он затаил дыхание, чтобы даже малейший звук не выдал его присутствия.

В это время светящиеся гусеницы на стенах снова начали испускать свое бледное сияние. Когда в туннеле стало чуть светлее, Конан увидел, как впереди, на уровне его головы, возник холодный кружок зеленоватого света величиной с тарелку. Это был огромный глаз. Затем он качнулся в сторону, и Конан увидел второй, такой же. Постепенно бледное свечение достигло своей обычной яркости, и Конан понял, что столкнулся с драконом. Эта рептилия отдаленно напоминала одну из крупных ящериц, которых он видел в Птаукане на прилавках лавчонок мясного ряда. Однако этот экземпляр достигал пятидесяти футов. Пасть чудовища была слегка приоткрыта, обнажая тускло поблескивающие в темноте белые сабли страшных клыков. Между ними, там, где массивные челюсти тупо закруглялись, выскочил раздвоенный, как у змеи, язык, который быстро засновал из стороны в сторону, пробуя воздух и, видимо, пытаясь уловить запах пришельца.

Конан резко бросился в зеленоватый мрак боковой пещеры, пытаясь обойти огромного ящера. Дракон оторвал свое скользкое чешуйчатое тело от скалы, на которой спал, и рванулся за ним. Его короткие кривые ноги двигались неуклюже, словно закрепленные на шарнирах. И тем не менее животное покрывало разделяющее их расстояние с ужасающей скоростью.

Пытаясь обойти дракона, Конан обнаружил, что несется по направлению к какому-то боковому ответвлению туннеля. Здесь было меньше светящихся червей, и Конану пришлось несколько сбавить темп, но зато далеко впереди замаячил яркий свет. Это было вовсе не то изумрудно-зеленоватое тусклое свечение, что излучали странные существа на стенах и сводах. Пятно имело оттенок обычного дневного света.

За спиной он явственно слышал громкий стальной стук когтей и зловещее шуршание чешуи. Конан подумал, что

на открытом пространстве он, конечно, смог бы убежать от этой твари, но здесь ему приходилось посматривать себе под ноги, чтобы не зацепиться на ходу. Если он споткнется, то вряд ли успеет подняться, и страшные челюсти чудовища неотвратимо сомкнутся на его теле.

Туннель начал расширяться и вывел к просторному залу. Восковой свет стал здесь немного ярче и исходил откуда-то сверху. Здесь было уже достаточно светло, и Конан сразу разглядел еще двух драконов — справа и слева от себя. Один из них мирно дремал, в то время как другой заканчивал свою трапезу. Одного короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, чем он лакомился, — из приоткрытой пасти ящера торчали две человеческих ноги.

Когда Конан рванулся вперед, пытаясь проскочить между чудовищами, спящий дракон приоткрыл глаза. У другого животного судорожно дернулось горло, проталкивая человеческие ноги в глотку. Если бы оба ящера не были так поглощены своими делами, им не составило бы труда сделать резкий выпад своей закованной в чешую головой и поймать киммерийца, когда тот проносился мимо.

Как бы там ни было, преследующее его чудовище, громко стуча когтями о каменный пол, ворвалось в пещеру и издало звучный, утробный вопль, больше походивший на отрыжку. Вскоре все три ящера уже мчались за Конаном. Один из них, из пасти которого торчали ноги, яростно слизывал на бегу, явно желая освободить место для новой жертвы.

Пещера, куда попал Конан, была чем-то вроде передней, примыкавшей к другому залу еще больших размеров. Четыре стены уходили высоко вверх, в одной из них виднелись бронзовые створки огромных ворот, подобных тем, что Конан видел у основания гигантской ступенчатой пирамиды на главной площади города.

В каменной стене напротив дверей высечены углубления, а в них вбиты колышки, образующие что-то вроде ступенек. Эта каменная лестница начиналась у самого пола и уходила на тридцать футов вверх. Над ней располагалась маленькая платформа, за которой зияло открытое отверстие туннеля. Конану показалось, что на

платформе прогуливается взад и вперед вооруженный антилец, но у него не было времени внимательнее рассмотреть фигуру человека наверху.

Основное внимание киммерийца было сосредоточено на шести грифельно-серых драконах, которые скопились в центре пещеры. Среди них были и почти детеныши длиной не более шести футов, и жутко древние чудовища, превышающие шестьдесят футов в длину. Гигантские ящеры присели на задние лапы, вытянув головы и образуя круг как раз под отверстием глубокого колодца. Каждой чешуйкой своих морд они устремились вверх, к квадратному оконцу, сквозь которое с трудом проникали лучи солнечного света. Казалось, что животные заняты каким-то таинственным древним ритуалом поклонения своему далекому предку, прародителю всех драконов. Зубчатые гребни, как килевые плоскости судна, сбегали по их спинам от головы до кончика чешуйчатого хвоста.

Теперь легкие Конана всасывали затхлое зловоние, источаемое телами рептилий. Его нога соскользнула с гладкой поверхности полузарытого в перемешанный с отбросами песок яйца ящеров. Размерами такое яйцо превосходило даже яйца страусов из Куша. Вокруг в изобилии были разбросаны какие-то белые обломки — непереваренные кости людей. Справа валялся череп, чуть дальше лежала челюсть, рядом с ней — раздробленные кости таза.

Когда Конан влетел в эту огромную пещеру, преследуемый по пятам тремя драконами, шесть ящеров, застывших в напряженном ожидании в центре комнаты, опустили головы и уставились на человека огромными, как крупные изумруды, зелеными глазами. Когда в неповоротливые мозги рептилий наконец проникла мысль, что в пещере появилось еще мясо, они повернулись и неспешно затрусили к киммерийцу; и при каждом размашистом шаге было слышно, как их когти глухо стучат по полу, а огромные, покачивающиеся при ходьбе из стороны в сторону хвосты с шумом рассекают воздух. Неожиданно справа от Конана показалось разверстое отверстие еще одного туннеля. Он рванулся туда, но когда уже почти достиг цели, зеленый отсвет двух пар глаз в глубине прохода и шуршание чешуи остановили его. Конан понял, что еще два дракона, привлеченных шумом, направлялись к главной пещере, чтобы

выяснить, в чем дело. И вряд ли удалось бы ему проскользнуть между ящерами в таком узком туннеле.

Тогда он бросился к бронзовым дверям. Но на воротах не было ни щеколды, ни рукояти — ничего, за что можно было бы ухватиться, и они не поддавались его отчаянным толчкам. Теперь ящеры толпой устремились к нему. Конан обнаружил, что находится в центре полукруга, образованного животными. Пот обильно струился по его лбу и застилал глаза.

Эти твари были похуже крыс. Те, по крайней мере, были теплокровными животными, дальними родственниками человека, как утверждали некоторые философы. Но эти огромные, медлительные древние рептилии стояли на противоположной по отношению к человеку ветви эволюции. Это были скользкие монстры, возникшие из первородной грязи, монстры, сохранившиеся со времен юности мира. Тогда землю сотрясала поступь еще более могучих существ, появившихся на свет за миллионы лет до того, как первый человек научился стоять на ногах и начал бороться за господствующее положение в мире природных стихий.

Они приближались, словно ожившие отвратительные кошмары из полных ужаса адских глубин.

XVII. ДЕНЬ КРОВИ И ОГНЯ

Фонтаном алым брызжет кровь и тьма
Пьет жизнь из чаш кровавых рук,
Но Он торопит верных слуг и черный
Нож взлетает вновь.

Видения Эпимитреуса

В слепящем блеске полуденного солнца молчаливая вереница людей медленно продвигалась к могучей пирамиде из черных и красных глыб. От огнедышащего зноя по лицу и спине Сигурда обильно струился пот.

Никогда ему в голову не приходила мысль, что его жизнь может оборваться среди подобного варварском величия. Он представлял свою гибель другой — на горящей палубе корабля, скользкой от крови, или во время налета

на прибрежный город на булыжнике одного из безымянных переулков морского порта, когда сумеречное небо залито красным заревом горящих храмов. Это могло бы произойти в каком-нибудь безнадежном поединке с нахальным и ловким морским разбойником на кровавых улицах ревущего Тортажа. Холодный поцелуй мерцающего лезвия, стальной клинок, пронзающий его грудь, и оскалившееся в усмешке смуглое бородатое лицо, проплывшее в красной пелене, которая уже застилает глаза, — он не раз видел такую смерть со стороны; она была ему понятна и знакома.

Сигурд окинул взглядом раскаленную на солнце площадь. Со всех четырех сторон пирамиду окружали прямые ряды каменных скамеек. На них, одетые в нарядные платья, расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями и перьями, расположились тысячи состоятельных жителей из высших сословий Антильского государства. Простые жители Птаукана, на которых были в основном набедренные повязки, толпились на площади, между скамей и у основания зиккурата. Антильцы стояли или сидели в напряженном молчании, поглощенные мрачным спектаклем, который разыгрывался на вершине пирамиды.

У самого ее основания монотонно покачивались в такт музыке длинные ряды жрецов Птаукана. Их голоса поднимались вверх и катились неспешными волнами в бесконечной заунывной песне, перемежаемой мерным стуком огромных барабанов, обтянутых человеческой кожей, звуки эти гулко отдавались в ушах ударами могучего сердца. Сами барабаны были расположены в нише на одном из выступов пирамиды. Покрытые белой известкой, вертикальные стены этого углубления были расписаны яркими образами странных богов и демонов этой экзотической земли.

Сигурд взглянул наверх. Высоко над головами в лазурном свете неба четко вырисовывались контуры черного трона. Иерарх, закутанный в платье, обшитое ярко отсвечивающими изумрудно-зелеными перьями, восседал на этом массивном кресле, расположенном с краю платформы на вершине пирамиды, и, протянув к небу голые коричневые руки, делал какие-то странные жесты.

Украшенный драгоценными камнями высокий трон слепо поблескивал на солнце и отливал перламутром.

На площадке перед ним зловеще светилась черная полированная поверхность алтаря. Небольшой храм на вершине пирамиды был обращен лицом к Иерарху, от которого его отделял залитый кровью алтарь. Вокруг него без устали работали жрец и его два помощника. На жреце — главном исполнителе обряда жертвоприношения — была лишь набедренная повязка и сандалии. Его лицо и грудь скрывал какой-то фантастический убор из перьев и золотых ожерелий. Желтые кольца и амулеты расщепляли лучи солнечного света на тысячи искрящихся лучиков, которые окутывали голову жреца призрачным облаком сверкающего света.

В это время к алтарю приблизилась женщина-рабыня, которой предстояло пройти древний антильский ритуал. Помощники жреца грубо схватили ее за голые коричневые руки и прижали спиной к алтарю. Обсидиановый нож сверкнул на солнце и опустился вниз. Мгновение — и жрец поднял зажатое в кулаке сердце, сочившееся кровью.

Челюсть Сигурда отвисла от изумления, так как даже в его ни во что не верящих глазах что-то начало материализовываться из прозрачного воздуха.

Солнечный свет потускнел, не в силах пробиться сквозь сгущающееся облако мрака в вышине. Леденящим холодом дохнуло от легшей на площадь тени. Воздух окоченел, словно пронизанный вечной стужей межзвездных пространств. Над зиккуратом медленно возникали очертания Демона Тьмы.

Сигурд слышал, как за его спиной пираты бормотали молитвы, хотя его команда отнюдь не отличалась особым благочестием.

Над пирамидой Облако Мрака уплотнялось и затвердевало. Казалось, сама тьма начала обретать форму и вес, как будто черная тень обращается в реально существующий предмет. Из облака задул все усиливающийся холодный зловонный ветер. Создавалось впечатление, что черная туча превращается в некое бесформенное морское существо. От туманного центра бахромой лениво ниспадали призрачные складки, словно сотканные из серых теней. Внутри облака все бурлило и бешено вращалось, и Сигурду

показалось, что таким и должен был быть легендарный Мальстрем, который, по преданиям, находился где-то у северных арктических берегов его родного Ванахейма.

Завороженно смотрел Сигурд на это странное явление. Оно притягивало к себе его взгляд с гипнотической силой — так холодные глаза змеи лишают воли находящуюся вблизи птицу.

С неприятным холодком ужаса старый морской разбойник понял, что этот сгусток мрака питается жизненной силой людей, приносимых в жертву на алтаре. Каким-то образом оно может пить их жизни, которые выходят из их тел под залитым кровью ножом жреца. Он видел, как верховный жрец питал облако тьмы, поднимая к его дымчатым складкам одно за другим человеческие сердца.

Тогда до Сигурда наконец дошел смысл загадочного символа древних атлантов. Их эмблема — Черный Кракен, которую непосвященный ум принимал за огромного осьминога, на самом деле изображала пульсирующую и медленно растущую тучу Черного Ужаса. Сигурд вспомнил знак Черного Кракена, украшавший нос зеленой антильской галеры, которую они потопили по дороге к этим проклятым островам. Черный Кракен — это был Хотли, Демон Тьмы, как говорилось в древних мифах!

Сигурд скривил губы в жесткой усмешке, но мужество постепенно покидало его. Если бы он раньше угадал зловещий смысл, скрытый за символом атлантов, то никогда бы столь безрассудно не отправился в это стремительное путешествие, что в конце концов привело его к сочащемуся кровью алтарю с нависшим над ним облаком вампирического мрака из иного, ледяного мира.

Шаг за шагом вереница людей в молчании продвигалась вверх. Крутая каменная лестница, которая вела к вершине зиккурата, все приближалась. Над головой висел пульсирующий сгусток мрака. Он постепенно увеличивался в размерах, и темнота внутри облака сгущалась.

Как ни странно, ни один из предназначенных в жертву людей не пытался сбежать. Они стояли в затылок друг другу со склоненными головами. Иные завороженно уставились вверх, время от времени поднимаясь на одну ступеньку. Казалось, они находились в каком-то наркотическом трансе.

Конечно, любой порыв к освобождению не мог увенчаться успехом. Пленники были закованы в прочнейшие прозрачные цепи, которые соединяли их связанные сзади руки с кольцом на шее; вдоль пути выстроились настороженные воины в стеклянных доспехах с острыми прозрачными пиками и мечами. Словно в полусне, люди покорно поднимались к месту кровавой резни.

Возможно, их воля была подчинена темной силе, исходящей из зловещей массы наверху, или она была поглощена монотонным ритмом песни плавно раскачивающихся в такт жрецов, которые тоже в экстазе смотрели вверх на своего демона-бога. Как бы там ни было, ни один из пленников не пытался избежать смерти от кровавого жертвенного ножа, что без устали поднимался и опускался под сенью зловещей черной массы наверху.

Одно за другим помощники-жрецы оттаскивали тела от каменного алтаря. Кровь заливала грудь жертвы, руки бессильно волочились сзади. Затем мертвое тело сбрасывалось в черное отверстие шахты на вершине пирамиды. И тут же новая жертва выталкивалась к алтарю. Сигурд видел, как четыре жреца держали человека за руки и за ноги, в то время как пятый снимал с него оковы. Тут же старший жрец склонился над ним. Вскоре нож взлетел в воздух и стремительно ринулся вниз; фонтаном брызнула кровь; жрец поднял на раскрытой ладони сердце жертвы, преподнося новый дар Черному Хотли. Еще одно обмякшее тело было сброшено в дыру колодца у алтаря.

Сигурд медленно двигался вверх по лестнице. Он не жалел, что идет первым. С того самого момента, как Конан погиб, вся ответственность за экипаж «Красного Льва» легла на него, и теперь ему предстояло подать пример сурового мужества остальным.

В конце концов дошла очередь и по него. Бешеный черный вихрь был угрожающе близко. Сигурд ясно ощущал исходящие от него холодные токи. Где-то в глубине души он чувствовал испытующий взгляд его невидимого глаза, жаждущего всосать в себя самые основы его человеческой сущности.

Жрецы в масках возникли прямо перед ним. Их голые до пояса жилистые коричневые тела были обильно забрызганы кровью. Когтистые, как у хищной птицы, лапы вонзились в его руки и ноги, когда они волочили тяжелое тело Сигурда по мокрой поверхности холодного камня. Остекленевшие глаза жрецов казались пустыми глазницами мертвецов.

Лежа на спине и бессмысленно уставясь в пульсирующий мрак наверху, Сигурд слышал, как его наручники и обруч на шее были разомкнуты. Стальные когти сжались на его запястьях и у щиколоток. Теперь над ним появился и приносивший жертвы жрец. Его лицо было скрыто за чеканной дьявольской маской, усыпанной массой изумрудных перьев. Длинная, залитая кровью рука опустилась вниз и острым когтем сделала отметку на волосатой груди Сигурда. Затем в небе возникла вторая рука, сжимавшая рукоятку ножа из черного стеклянистого материала. Вот она уже описала крутую дугу на фоне непроглядно-черной массы. Нож пошел вниз...

Вдруг рука жреца остановилась в воздухе. Сигурд, который непроизвольно затаил дыхание в ожидании смерти, шумно выдохнул.

Фигура жреца каменным изваянием вырисовывалась на фоне неба. Его покрытая перьями маска резко повернулась в сторону, в этом своем движении чем-то напоминая голову удивленного и насторожившегося ястреба, Странные звуки дошли до ушей Сигурда. Они исходили откуда-то снизу, похожие на отдаленный гулкий звон огромного колокола, бьющего победную песнь неумолимого рока. Восседающий на троне Иерарх прекратил свои заклинания и громко спросил что-то у стоявших внизу жрецов.

Затем послышался громкий шелест, как будто все антильцы разом выдохнули. И следом — взрыв пронзительных криков.

Залитый кровью жрец с ножом подался вперед и с изумлением уставился вниз. Что-то происходило на площади у подножия пирамиды. Затем Сигурд услышал глубокий звучный рев, похожий на брачный зов крокодила-самца на одной из речек у берегов Куша, только куда более протяжный и громкий.

Четыре державших Сигурда жреца отпустили его и тоже ошарашенно уставились на площадь, где шум все усиливался. Они хватали друг друга за руки, указывая вниз пальцами и вскрикивая от возбуждения. Как только на вершине пирамиды произошло замешательство, пираты вышли из состояния транса, в котором они находились все это время. Было ли это пробуждение вызвано внезапным прекращением несущегося снизу монотонного гимна, или это произошло из-за того, что Иерарх прекратил свои заклинания, или даже просто потому, что они отвлеклись от поглощающего волю неотрывного созерцания черной тучи наверху, — никто не мог этого сказать. Но как бы там ни было, гипнотические чары, парализовавшие их сознание, внезапно расточились.

Сигурд стремительно скатился с жертвенного алтаря. Ясунга, сверкнув белыми зубами на черном лице, размахнулся, и его стеклянные тяжелые наручники с ужасающей силой врезались в голову жреца с ножом в дьявольской маске, все внимание которого было поглощено событиями на площади. Тот волчком закружился на месте и рухнул без сознания на каменный пол. Кровь его смешалась с кровью жертв.

Тем временем Сигурд, соображавший в тот момент как никогда в жизни быстро, бросился к жрецу, который держал ключи от оков. Волосатые руки северянина сжали его тощую шею. Облаченная в перья фигура повалилась на пол; железные пальцы Сигурда вонзились в глотку жреца, разрывая горло.

XVIII. ВРАТА РОКА

Свой страшный алый плод возносит он, где мрак
Сгустился в вихрь ледяной.
Пред погруженною в какой-то странный сон
Благоговейно замершей толпой.

Видения Эпимитреуса

Прыгнув вперед, Конан взмахнул своей тяжелой дубиной с отчаянным мужеством загнанного в угол волка. Каменное орудие с глухим звуком врезалось в чешуйчатую

морду ближайшей огромной рептилии. С громким треском сталактит разломился пополам, и тяжелый звук падения эхом отозвался в огромной пещере.

Свирепо зашипев, дракон попятился назад, пряча клыки и рассекая воздух своим длинным гибким хвостом. За все столетия, прожитые им в подземных пещерах Птаукана, еще никогда его жертва так себя не вела. У дракона не было опыта встреч с еще живой и сопротивляющейся добычей, и выпад Конана изумил и озадачил ящера не меньше, чем рассердил животное.

Теперь оружие Конана сильно уменьшилось в размерах, превратившись в двухфутовый известняковый шип. И все же, думал он, его остроты хватит, чтобы пронзить один из этих огромных зеленых глаз, которые, моргая, уставились на него из постепенно сжимающегося полукруга чешуйчатых голов. Нет, он не думал, что это спасет его, потому что у подобных созданий даже осознание собственной смерти занимает достаточно длительное время.

Но по крайней мере пусть драконы знают, что он погиб, сражаясь. Две огромные ящерицы подступили ближе — они были уже почти в пределах досягаемости, и Конан подготовился к последнему сражению, выставив шип вперед, словно кинжал. Еще мгновение — и он набросится на ближайшее чудовище...

Неожиданно напряжение несколько разрядилось. Из отверстия в потолке, откуда на пол падал столб бледного света, что-то темное пролетело вниз и с приглушенным хлопком упало посредине пещеры. Это было обнаженное тело человека с ужасной рваной раной на груди.

Дракон, которого Конан огрел своей каменной дубиной, хрюкнул, резко повернулся и неуклюже затрусил к распростертому телу. Такая привычная безобидная пища была ему больше по вкусу, чем двуногий кусок мяса, так больно стукнувший его по носу. Как только первый дракон повернул назад, второй, а затем и третий инстинктивно бросились следом, к кружку света на каменном полу.

Ящер, первым добравшийся до мертвого тела, словно ковшом, подцепил своими широкими челюстями верхнюю часть тела человека, поскребывая массивной мордой по полу и вращая головой, чтобы захватить кусок побольше. Но едва он поднял добычу, как другой дракон намертво

вцепился в свисавшие из пасти ноги мертвеца. Некоторое время обе рептилии перетягивали добычу друг у друга, злобно рыча и мотая головами из стороны в сторону, остальные же сгрудились вокруг, пытаясь тоже урвать кусок своими страшными зубами.

Вскоре тело с неприятным звуком разорвалось пополам. Два дракона, успевшие первыми схватить добычу, попятились назад, а остальные бросились поднимать с пола выпавшие внутренности, толкаясь и спеша обогнать друг друга.

Внезапное озарение открыло Конану тайну многих вещей, которые до того момента оставались для него загадкой. Прежде всего он недоумевал, где такие огромные хищники могли найти себе пропитание в этом лабиринте пещер. Летучие мыши и светящиеся черви явно не могли прокормить их, но постоянный приток жертв отвратительного местного ритуала должен был не только поддержать их существование, но и, видимо, давал ящерам возможность пребывать в настоящей роскоши по их драконьим понятиям. И Катлахос, и глава воров Метемфок описывали ему массовые жертвоприношения богу Хотли и говорили, что тела сбрасывают куда-то. Эта догадка объясняла тот факт, что, вбежав в пещеру, он обнаружил здесь полдюжины драконов, столпившихся с красноречиво поднятыми мордами вокруг желтоватого пятна над сводами.

Затем Конан понял также, что произошло с ним самим. Круг его скитаний по подземному миру почти замкнулся. Он предполагал выбраться из тайного лабиринта где-нибудь под Передней Богов. Это хмурое серое сооружение стояло на площади священной пирамиды, и там держали всех рабов и пленников, которых собирались принести в жертву. Где-то там должна была находиться и его команда.

Битва с крысами увела его далеко в сторону от намеченного маршрута, а после падения в подземную реку он еще дальше уклонился от избранного пути. Но, по прихоти судьбы или по воле богов, черный поток, описав широкую петлю, вынес его как раз на то место, которого он собирался достичь.

Упавшее тело — Конан в этом не сомневался — было очередной жертвой страшного антильского обряда. Шахта, в которую было сброшено тело, наверное, выходила

к самой вершине пирамиды. Значит, рассудил Конан, он должен находиться прямо под ней или, в худшем случае, под окружающей это сооружение площадью.

Все это пронеслось в мозгу Конана в течение трех пульсирующих мгновений. Как только чудовища затрусили прочь от него, киммериец стремительно скользнул вдоль стены пещеры к уходящей вертикально вверх лестнице. Кончалась лестница у самой платформы, где бродил охранник. Впрочем, антилец уже не ходил бессмысленно взад и вперед по площадке, а в крайнем изумлении указывал в сторону Конана пальцем и выкрикивал невнятные вопросы.

Конан находился уже у самой лестницы, однако охранник наверху был вооружен, и потому не так легко было забраться на платформу, минуя его острый меч. Но, оглянувшись назад, Конан увидел, что один из драконов, которому в общей свалке не досталось куска мяса, снова задумчиво повернулся к нему и тонкий раздвоенный язык чудовища выскочил между зубов, пробуя воздух. Конан тут же понял, что его шансы в сражении с вооруженным антильцем куда выше, чем в борьбе со стаей этих гигантских ящериц. С ловкостью обезьяны, спасающейся от голодного льва, киммериец взобрался вверх по лестнице, и, когда первая рептилия достигла ее первых ступенек, Конан был уже в двадцати футах над ней — далеко вне пределов досягаемости животного.

Но теперь надо было как-то справиться с охранником. Он вытащил кинжал из ножен за спиной, зажал лезвие в зубах, и только тогда, уже осторожнее, снова полез наверх.

Вскоре Конан оказался почти что лицом к лицу с охранником. Антилец слегка присел весь подался вперед; его прозрачный меч был угрожающе поднят. На коричневом загорелом лице стража было написано величайшее изумление, и он что-то невнятно бормотал себе под нос.

Держась за колышек на таком расстоянии, где острый меч стражника не мог достать до него, Конан быстро обвил ногой один из клиньев-ступенек, чтобы иметь точку опоры, и сжал в ладони кинжал, который он до того все время держал в зубах. Зажмурив левый глаз и тщательно прицеливаясь, он медленно отвел руку назад... Повинуясь стремительному броску, кинжал

молнией сверкнул в воздухе и вонзился в горло антильца почти по самую рукоятку.

С булькающим звуком охранник отшатнулся назад; упавший на пол меч приглушенно зазвенел. Человек воздел руки, словно в судорожной попытке освободиться от рокового ножа. Затем качнулся вперед и рухнул с платформы вниз головой. Конану пришлось прижаться к стене и оттолкнуть падающее тело, чтобы оно не сорвало его с этого подобия лестницы. Тело антильца глухо ударилось о каменный пол пещеры. Внизу раздался рваный треск челюстей дракона, захлопнувшихся на теле, и глухая возня ящеров у подножия лестницы возвестила о начале пиршества.

Тяжело дыша, Конан подтянулся и выбрался на платформу. Он уселся на самом краю, и его ноги в тяжелых сапогах слегка подрагивали от напряжения. В течение последнего часа жизнь Конана постоянно висела на волоске; никогда ранее за время всех своих полных опасностей приключений он не был так близок к гибели.

Несколько драконов еще стояли внизу у лестницы, с надеждой поглядывая на него. Постепенно, один за другим, они отвалили прочь. Те животные, что еще не успели наполнить свои утробы последними двумя жертвами, снова образовали круг у светлого пятна в центре пещеры. Вскоре еще одно тело пролетело и гулко шлепнулось на пол. Около тела тут же возникла свалка, и в мгновение ока оно было разорвано и поглощено оголодавшей компанией ящеров.

Едва справившись с дыханием, Конан встал и огляделся. С противоположной стороны площадки в глубокий полумрак уходили ступени длинного туннеля. Вход был закрыт бронзовой решеткой, но когда Конан дотронулся до нее, зарешеченная дверь легко открылась. За этими воротами находилось довольно просторное помещение, выдолбленное в стене, значительную часть которого занимало огромное бронзовое колесо. Стержни проходили сквозь его массивное бронзовое кольцо, образуя подобие рукояток. Оно напоминало рулевое колесо, которое Конан видел несколько раз на зингарских галеонах, только увеличенное в сотни раз. На поверхности этого гигантского штурвала лежал толстый слой какого-то воскового вещества

медного цвета. Похоже было, что им не пользовались уже в течение многих столетий.

Конан нахмурил брови в напряженном раздумье. Его озадаченный взгляд скользнул по огромным бронзовым воротам у противоположного конца пещеры. Почему кажется, что эти двери играют в драконьей пещере важнейшую роль? Чтобы водрузить их здесь, мастеровым Птаукана, наверное, пришлось проделать гигантскую работу. Вполне вероятно, что за ними находится проход, ведущий во внешний мир. Однако единственная польза от всего этого сооружения — это возможность выпустить орду драконов на горожан. Только зачем это нужно было Иерарху?

Неожиданно Конана осенила на диво простая мысль. Ну, конечно же, драконов держали здесь с двойной целью. Они не только уничтожали останки тех несчастных, которых приносили в жертву, но были и последним секретным оружием жрецов, на случай, если жестоко угнетаемое население Птаукана поднимется в могучем бунте против своих господ.

Тогда как открываются эти ворота? Взгляд Конана все время возвращался к древнему бронзовому колесу в боковом гроте.

Должно быть, там, на площади, жертвоприношение Черному Хотли уже в самом разгаре. Площадь, конечно, забита народом. И если люди занимают места у пирамиды согласно своему сословному положению, то ближе всего к драконьим воротам должно находиться святое жречество. В мозгу Конана мгновенно родился замечательный план...

Конан забрался в боковой грот за открытой дверью из бронзовых прутьев. Огромное колесо возвышалось теперь перед ним. Он сделал глубокий вдох и пристроил свои широкие плечи к одной из рукоятей. Словно морской вал прокатился по его могучим мышцам, передавая всю силу бронзовому колесу. Металл тяжко застонал под мощным давлением. От огромного напряжения сапоги Конана со скрипом слегка проскальзывали по каменному полу.

Киммериец встряхнулся, еще несколько раз глубоко вдохнул сыроватый пещерный воздух и сделал новую

попытку. Где-то с другой стороны пещеры стиснутый непосильным давлением металл механизма резко взвизгнул и жалобно заскрипел. Осевшая за долгие годы и спрессовавшаяся пыль и мелкие частички ржавой накипи падали вниз. Наконец с пронзительным скрипом металл немного поддался усилиям, дремавший эоны лет механизм вновь пришел в движение. Колесо повернулось на палец, затем еще на столько же.

Конан снова надавил на него, сжимая спицы с такой яростью, что, казалось, побелевшие у костяшек пальцы сейчас, как в воске, утонут в бронзе. Он давил на колесо, пока кровь молотом не забила в ушах и бешено не зашумела в висках. Колесо слегка качнулось и повернулось на несколько дюймов. Где-то внутри стены гулко прозвучал удар огромного противовеса.

Между створками бронзовых дверей появилась щель, и на пол легла полоса света.

Еще одно мощное усилие — и внезапно колесо пошло легче, оно стало медленно поворачиваться.

Откуда-то сбоку раздалось стальное рычание и скрежет машины, простоявшей здесь в неподвижности множество веков.

Щель между дверьми расширилась. С натужным лязгом сдвинутый с места механизм сам привел колесо в движение, и оно завращалось, наращивая обороты. Подвешенные на пронзительно скрипящих шарнирах двери уже распахнулись довольно широко. Драконы, которые в беспокойстве озирались по сторонам и неловко топтались по пещере, после того как непривычные звуки достигли их ушей, как по команде повернулись к медленно открывающемуся проходу.

За проемом дверей вверх уходил крутой подъем, который затем резко поворачивал в сторону и скрывался из вида. Оттуда проникал яркий солнечный свет — настоящий желтоватый дневной свет, из чего Конан заключил, что в верхней части этого крутого съезда одновременно открылась еще одна пара дверей. Они должны были располагаться у подножия пирамиды или в одном из зданий, окружавших площадь.

Когда Конан, хватая воздух открытым ртом, в изнеможении опустился около вращающегося колеса, драко-

ны, испуская восторженные вопли, затрусили в открывшиеся двери. Их когти заскребли по камням, и вскоре они исчезли из виду. Из темных туннелей появились и другие ящеры, очнувшиеся от долгой дремоты, и поспешили сюда, привлеченные скрипом механизма и счастливым ревом своих собратьев. Они присоединялись к процессии, серой рекой хлынувшей вверх по склону, пока более сорока этих тварей не скрылось за его поворотом на пути в верхний мир. Вскоре с площади донеслись отдаленные, слабые крики ужаса.

Все еще тяжело дыша, Конан лежал на полу у самых нижних спиц бронзового колеса, ожидая, когда его сердце успокоится и перестанет так гулко биться в груди. На его устах играла жестокая усмешка.

XIX. БРИЛЛИАНТОВЫЙ ТАЛИСМАН

Творение страшное домировых эпох, спускалась Тьма
Людскою кровью вожделенье утолить.
И оборвалась светлой Атлантиды нить, пав в прах
Под грозной поступью веков.

Видения Эпимитреуса

Когда Конан сдвинул с места бронзовое колесо, с наружной стороны пирамиды, в покрытой яркой известкой вертикальной стене одной из граней пирамиды, появилась трещина. Куски штукатурки пыльным дождем посыпались на булыжник площади, падая у самых ног бьющих в барабаны и заунывно поющих жрецов. Раздался пронзительный скрип и стон металла. Бронзовые двери, скрытые слоем известки, стали медленно распахиваться наружу, точно так же как и их двойники в пещере драконов.

Песня затихла, и воцарилась тишина; жрецы в недоумении и страхе отступили от раскрывающихся створок. Они непонимающе глядели друг на друга, в воздухе носились не находящие ответа вопросы. За их спинами в толпе антильцев возникло нервное движение. Люди, от беднейших ремесленников, которые толпились на площади, до знатных горожан, восседавших на длинных

ступенях каменных скамей, вставали на цыпочки, пытаясь лучше рассмотреть, что происходит, и озадаченно переговаривались.

На вершине пирамиды приносивший жертвы жрец остановился посреди ритуала, как раз в тот момент, когда он собирался рассечь грудь здоровому рыжебородому головорезу из чужих земель. Он сделал шаг к краю верхней площадки пирамиды и, наклонившись, выкрикнул какой-то вопрос, потонувший во все возрастающей сутолоке на площади.

Из темного проема за раскрытыми дверями раздалось мощное шипение, и на солнечный свет выкарабкалось первое чудовище — пятьдесят футов сланцево-серого грифеля, — быстро и неуклюже ковыляющее на кривых мускулистых ногах; широко растопыренные когти металлом скребли по камням. Достигнув вершины спуска в пещеру, дракон остановился. Он поднял голову и повернул ее: сначала направо, потом налево, охватывая окружающий мир бездумным взглядом огромных зеленых глаз. Зрачки монстра от непривычного солнечного света превратились в узкие щели; из его длинной крокодильей пасти на ярд выскочил ярко-розовый раздвоенный язык.

С воплями ужаса ряды жрецов у подножия пирамиды рассыпались. Священнослужители Черного Хотли отчаянно пробивались сквозь толпу простых антильцев, которые в страхе и изумлении тоже отхлынули от ворот. В возникшей панике женщину и мужчину сбили с ног, и они тут же были затоптаны бегущей толпой.

Один из жрецов неосторожно наступил на полу своего одеяния из перьев и упал. Не успел он подняться, как челюсти дракона с глухим хлопком сомкнулись на его теле. Ящер поднял голову. Затем он несколько раз откинул ее назад, заглатывая добычу, отчего эластичная кожа на его горле то раздувалась, то опадала. С каждым рывком головы рептилии тело жреца проскальзывало все дальше в огромную пасть, пока из нее не остались торчать только ступни ног с сандалиями на толстой подошве. Дракон еще раз мотнул головой, сглатывая добычу, и вскоре его жертва полностью исчезла из виду. Было видно, как горло чудовища вздулось и опало, когда проглоченное тело проскользнуло в его желудок.

Тем временем появились другие ящеры; их пасти были открыты, оттуда доносилось победное рычание, тонкие языки сновали меж страшных зубов. Казалось, этой процессии не будет конца. Гигантские рептилии, царапая когтями по булыжнику площади, с разбегу врезались в толпу дико вопящих антильцев. Многие были раздавлены когтистыми лапами чудовищ, другие падали, случайно оказавшись на пути огромных, покрытых острой, жесткой чешуей хвостов. Кровь лужами растекалась по площади, и вязкие алые ручейки стекали в водосточные канавы по краям. То здесь, то там один из драконов останавливался и поднимал голову, чтобы протолкнуть в глотку очередную жертву, а затем снова пускался в преследование.

Тем временем у самой вершины черно-алой пирамиды распахнулась маленькая боковая дверь. Конан вышел из проема, держа в руке антильский меч из черного стекла, которым был вооружен охранник из драконовой комнаты. Соленый морской ветер подхватил его волосы и затрепетал в густой черно-стальной гриве. Конан расправил плечи и с наслаждением вдохнул свежий воздух, от которого он уже успел отвыкнуть за долгие часы скитаний по насыщенным болезненными запахами туннелям подземного мира.

После того как Конан открыл ворота и выпустил стаю драконов на жителей Птаукана, он поднялся вверх по каменной лестнице, которая начиналась у платформы над драконьей пещерой и наклонно уходила куда-то в глубь стены. Местами от нее отходили горизонтальные боковые проходы, но Конан, здраво рассудив, что жертвоприношение должно было происходить на самой вершине пирамиды и, следовательно, самый крутой путь приведет его ближе всего к цели, продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не появился из той потайной двери верхних этажей гигантского зиккурата.

Мгновение киммериец стоял неподвижно, уставившись вниз, с жесткой усмешкой наблюдая панику и опустошение на площади. Несколько драконов уже достигло каменных скамеек, где располагались знать и высшее жречество. Они, опасно накреняясь и неуклюже

пошатываясь, носились вверх и вниз по рядам скамей, преследуя и хватая мощными челюстями вопивших от ужаса беглецов в ярких одеждах из перьев.

С высоты верхнего этажа пирамиды Конан мог видеть и прилегающие к площади улицы. Теперь они были заполнены обезумевшей от страха толпой бегущих людей. Они устремлялись в первые попавшиеся двери домов и тут же захлопывали их перед самым носом отставших. Другие не останавливались до самых городских ворот и за ними рассыпались по близлежащим рощам и полям.

Конан задрал голову вверх и посмотрел на вершину зиккурата. Там высился зловещий храм Хотли, и около него две группы людей сцепились в смертельной схватке. Цвет кожи мелькавших рук и голов подсказал Конану, что там сражались с охраной и жрецами члены его экипажа.

Внимание киммерийца привлекла высокая тощая фигура, которая стояла невдалеке от него на одной из площадок лестницы, ведущей к вершине пирамиды. Это был сам старый Иерарх; его легко можно было распознать по необычайному великолепию покрытых перьями одежд, вышитых золотым орнаментом, с которых местами уже свисали лохмотья. Его головной убор из перьев куда-то исчез, и струйка крови сочилась у виска. Наклонившись вперед, он неистово жестикулировал высохшими коричневыми руками и выкрикивал какие-то команды воинам и жрецам, в замешательстве скопившимся на площади внизу.

У основания пирамиды, как раз под Иерархом, один из драконов поднял голову и взглянул на верховного жреца, пробуя языком воздух. Затем чудовище начало карабкаться вверх по лестнице.

Жестокая улыбка вновь пробежала по заросшему бородой лицу Конана. Засунув прозрачный меч за пояс, он в несколько прыжков достиг следующего уровня, где грани пирамиды поднимались вверх ступенями высотой около ярда. Конан мягко и осторожно пробрался по этим ступеням к площадке, где стоял Иерарх, и оказался у него за спиной. Неслышно он шагнул вниз; его могучие руки легли на худую спину верховного жреца, и с нечелове-

ческой силой Конан бросил в воздух это тощее тело в одеждах из перьев.

Как выпущенный из пращи снаряд, тело Иерарха описало в воздухе плавную дугу и ударилось о камни лестницы чуть пониже. Он покатился вниз по ступеням в кружащемся вихре ярко-зеленых перьев, среди которых мелькали коричневые руки и ноги, пока не оказался у самого носа чудовища, медленно поднимавшегося снизу. С громким лязгом зубов огромные челюсти захлопнулись на теле дряхлого правителя Антилии.

Похожая на череп голова первого жреца несколько раз судорожно дернулась, его руки беспомощно колотили по челюстям чудовища. Но вскоре один из клыков ящера дошел до какого-то жизненного центра, и тело первосвященника обмякло. Его пронзительный вопль оборвался; руки вяло повисли. Присев на задние лапы у самого основания пирамиды, дракон с видимым наслаждением принялся заглатывать добычу.

Наверху Ясунга, как булавой, вращал своими цепями, отражая натиск противников, и по его черному телу обильно струился пот. Другой пират бросился на жреца, и они покатились по полу, изо всех сил вцепившись друг другу в горло. Боцман Мило зацепил стеклянной цепью алебарду одного из солдат и боролся, пытаясь вырвать оружие, в то время как его противник старался повернуть алебарду так, чтобы освободиться от крепкой хватки чужеземца. Замориец Артанс сражался сразу с двумя антильцами пикой, захваченной у кого-то в рукопашной схватке. Сигурд яростно возился с замками на кандалах нескольких пиратов, в то время как еще человек пять кольцом окружили его, отбивая попытки нескольких солдат и жрецов вновь завладеть ключами. Многие антильцы уже бросились бежать с вершины пирамиды, но некоторые еще боролись со своими бывшими пленниками.

С глубоким, гулким воинственным криком Конан взлетел вверх по лестнице и врезался в самую гущу сражения. Одетый в железную рубашку-кольчугу, он с легкостью справился с тремя невысокими коричневыми антильцами, вставшими у него на пути. Голова одного из них, словно отброшенный ногой мяч, отскочила от тела и, упав на ступени лестницы, покатилась вниз.

Еще один солдат сложился пополам, ловя выпадающие внутренности. Следующий с воплем схватился за обрубок руки.

Антильцы попятились назад от Конана, их широко раскрытые глаза были полны суеверного ужаса. Киммериец стремительно наносил удар за ударом, постоянно меняя положение и не давая противникам возможности ответить точным ударом меча. Клинок порхал в его руках из стороны в сторону; словно острое, как бритва, крыло. И хотя он уже не был так ловок, как пару десятков лет назад, антильцам никогда не доводилось видеть более смертоносных атак.

— Демон! Это демон! — кричали они, в страхе пятясь назад.

Скоро уже между окровавленным стеклянным мечом Конана и группой людей вокруг Сигурда не оставалось никого. Северянин поднял глаза.

— Амра! — заревел Сигурд. — Во имя Крома, Митры и всех богов, — мы думали, что ты погиб!

— Пока еще нет, Рыжебородый! Я еще должен кое-кому выпустить кишки!

Конан хлопнул здоровенного ванира по плечу:

— Ну а что происходит здесь?

— Пытаюсь разомкнуть эти чертовы оковы, но это занимает дьявольски много времени. Может, у тебя получится быстрее, пока они снова не набросились на нас?

— Ключи — это слишком медленно, — хрипло прорычал Конан. — Посмотрим, сможет ли стекло разрубить стекло. Растяни-ка эту цепь на том каменном алтаре.

Стекло, из которого сделаны цепи и меч, думал он, в общем-то один и тот же материал. Но как и сталь обычного меча лучше закалена и прочнее обычной цепи, так и стекло антильского оружия должно быть крепче этих стеклянных оков. Ведь если цепь должна лишь удерживать пленника, меч специально создан для того, чтобы рассекать. Что ж, он испытает его прочность.

Конан занес меч над алтарем, и острие клинка сверкнуло на полуденном солнце над его стальной поседевшей головой. Лезвие со свистом рассекло воздух и с оглушительным треском обрушилось на гладкую поверхность алтаря, неся в себе всю силу могучих рук киммерийца. Одно

из звеньев лежащей на камне цепи раскололось пополам, не выдержав мощного удара, и осколки стекла, словно тысячи искрящихся бриллиантов, брызнули в стороны из-под лезвия меча.

— Теперь следующий! — крикнул Конан.

Он разрубал одну цепь за другой, пока все пираты, на которых еще были цепи, не оказались свободными. Почувствовав, что у них развязаны руки, эти бывалые головорезы тут же заозирались в поисках оружия. Оно валялось повсюду, и, завладев мечом или копьем, пираты бросались с криком на помощь сражающимся товарищам. Увидев, что дело принимает крайне дурной оборот, оставшиеся на пирамиде жрецы и солдаты побросали свои пики и мечи и с отчаянными криками пустились наутек.

Конан взглянул вниз. Выпущенные на свободу чудовища оказались довольно эффективным средством, так как полностью отвлекли на себя внимание антильских солдат на площади, которые не могли вмешаться в ход битвы на вершине пирамиды, что и дало Конану возможность, рассеяв небольшой отряд наверху, освободить своих товарищей.

Теперь площадь была почти пуста. То здесь, то там драконы с громким топотом когтистых лап неспешно пробегали по ее булыжникам, преследуя улепетывающих людей. Те солдаты, что не были захвачены массовым бегством, стояли сбившись в плотные группы, ощетинясь опущенными горизонтально копьями, чтобы сдержать чудовищ. Между солдатами сновали жрецы, отдавая приказы и взывая к мужеству воинов.

Драконы по большей части также покинули площадь. Они были сыты, некоторые даже переели, и теперь в них горело одно желание — найти тихое место, чтобы погрузиться в сонное оцепенение и переварить обильную трапезу. Некоторые из них заковыляли вслед убегающей толпе и, выйдя за пределы города, исчезли среди полей, где колосились какие-то злаки, и среди зеленых антильских садов. Другие животные пробрались вниз к бухте через Морские Ворота, скользнули в воду и, извиваясь, словно змеи, поплыли вдоль берега. Скоро последняя пара драконов покинула площадь, и даже внимательный взгляд Конана не смог обнаружить ни одного ящера поблизости.

Теперь жрецы стали спешно выстраивать воинов в боевом порядке. Некоторые указывали на вершину зиккурата и громкими воплями призывали остальных атаковать пиратов. Вскоре несколько сотен маленьких коричневых воинов уже построились в плотные отряды и со всех сторон густой цепочкой окружили пирамиду. Солдаты, пошатываясь под тяжестью груза, вынесли на площадь полные корзины антильских стеклянных шаров с усыпляющим газом.

Глаза Конана сузились, когда он мрачно пытался оценить их весьма непростое положение. Теперь, когда драконы уже не сражались на стороне пиратов, он нисколько не сомневался, что хорошо обученные хозяева Птаукана покажут свое боевое искусство с самой лучшей стороны. Возможно, этой площади придется увидеть его смерть и гибель его товарищей. Что ж, по крайней мере, их великолепное последнее сражение развлечет всевидящих богов.

— Мы сможем сломить их, Лев? — пророкотал Сигурд. Он хлопнул себя по голой груди и угрожающе взвесил в руке здоровую кристаллическую саблю. — Клянусь кишками Нергала и грудями Иштар, я просто изнываю от желания сразиться с этими маленькими коричневыми тварями! После стольких дней в их вонючей конуре, которую они называют подземной тюрьмой, после этих холодных помоев, я, пока еще жив, с радостью раскрою пару голов и выпущу немного кишок. Одно твое слово, дружище; мы все готовы!

Конан кивнул, его глаза горели, как угли. Он уже готов был поднять меч и повести своих корсаров в последнюю стремительную атаку вниз по ступеням лестницы пирамиды, чтобы прорваться сквозь сверкающие ряды воинов или пасть, напоровшись на их стеклянные копья...

Но тут на него упала угрожающая тень. Он взглянул вверх, на висящую там бешено вращающуюся тучу кромешного мрака — Демона из Чуждой Вселенной.

Кром! Как мог он забыть об этой зловещей тьме из межзвездных просторов? Кровопролитный ритуал, вызывавший ее сюда из каких-то безобразных реалий, где она обитала, придал ей форму и наполнил ее сущностью этого материального мира. Даже внезапное прекращение цере-

монии хотя и ослабило, но все же не рассеяло реальности этого извечного мрака и не разрушило могучих чар, вызвавших его в мир людей.

Оно висело, размышляя, над всей этой сценой кровавой сутолоки, с холодной злобой наблюдая смерть сотен антильцев и освобождение жертв, предназначенных для сверхъестественного страшного пиршества. Теперь нечеловеческий разум привел мрак в действие. Оно висело, слабо пульсируя над головами пиратов, и из его черного бешеным вихрем крутящегося центра протянулись щупальца парализующих разум сил, зондируя почву снизу.

Конану казалось, что ледяные невидимые пальцы пронзают самые потаенные части его мозга, блуждая в лабиринтах его воспоминаний, как морской корсар рыщет в поисках добычи по одному из храмов захваченного города. Он чувствовал властное прикосновение чьих-то чуждых мыслей, проникавших в самые затаенные места его души. Вся его непокорная человеческая сущность восставала против этого сминающего волю вторжения.

Это была самая странная из битв в его жизни, в которой он боролся против парализующих мозг щупалец мрака. Здесь, в таинственной сфере мыслей, один лишь разум мог сражаться с враждебным разумом. Ни одни доспехи из толстых пластин каленой стали, ни один щит из обитого железом дуба, даже его выдубленная морским ветром кожа не могли противостоять этим проникающим в самый мозг щупальцам. Ни клинок, ни самая могучая рука не могли отразить их удара.

Конан почувствовал, как эти ищущие пальцы ощупывают и умерщвляют его мозговые центры, отчего по всему телу разливается леденящее оцепенение. Постепенно сила уходила из него, и скоро он уже едва стоял на ногах.

Но Конан продолжал бороться, упрямо цепляясь за жизнь и сознание со всем мрачным железным упорством своего полудикого существа. Никогда еще Конану не приходилось подобным образом использовать свой разум в битве. И все же он еще сохранял сознание, подхлестывая свой мозг в борьбе с коварными скользкими путами чуждого человеку рассудка, который стремился оборвать нить его жизни. Конан чувствовал, как его ум бьется со скользкими щупальцами другой воли, которую называли Хотли,

и как он пытается вырваться из цепких объятий этого чужеродного сознания.

Со смертоносной быстротой холодный неземной разум мягко перешел к другому способу атаки. Его щупальца атаковали физически значимые центры, управляющие сознанием человека, и начали высасывать из них жизненную энергию. На глаза Конана легла серая пелена, сознание затуманилось, и очертания предметов стали расплываться. Белые, покрытые известкой колонны небольшого храма на вершине пирамиды приобрели неприятный желтый оттенок, тысячи незримых колокольчиков звенели в ушах. Он чувствовал, что проваливается в бездонный колодец холодного мрака...

Но Конан еще боролся, пытаясь заслонить свой разум от этой Тьмы, которая вытягивала из него капля за каплей жизненные силы.

В ревущем водовороте поглощенного неравной борьбой рассудка смутный шепот воспоминания поднялся на поверхность из глубины его сознания. Перед глазами проплыло то мгновение, когда его бесплотный дух стоял в черном сердце Галомайры и величественный призрак мудрого Эпимитреуса говорил с ним. Снова в его ушах раздался голос древнего философа, голос, который шептал:

«Лишь один подарок могу я дать тебе. Пронеси его сквозь все испытания, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более не могу я открыть. Пусть твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности».

Уже окруженный туманом, Конан вспомнил об этом холодно поблескивающем предмете, который оказался в его руке после пробуждения от пророческого сна в тиши королевской спальни. С того самого момента этот драгоценный талисман на серебряной цепочке покоился на его груди, и он прошел вместе с киммерийцем сквозь всю цепь его удивительных приключений.

Сила уже ушла из его больших рук, но внутри него еще сохранилась та неугасимая жажда жизни, благодаря

которой Конан смог пройти сквозь такое количество смертельных опасностей, коими была до предела насыщена его долгая, полная бурных свершений жизнь. Теперь, перед лицом опасности, самой страшной из всех, какие только существовали на земле, он призвал на помощь этот загадочный дар.

Его тяжелая онемевшая рука потянулась к горлу, вытащила из-под кольчуги вырезанного из неведомого кристалла феникса и одним резким движением сорвала талисман, обрывая цепочку.

Черные тиски сжимали его мозг. Он выронил талисман, и, словно сквозь сон, до ушей Конана дошел слабый стеклянный звон падения фигурки о камень.

Собрав последние остатки сознания, когда его рассудок уже кружился, уходя в бешено вращающуюся пустоту, Конан с силой опустил каблук своего тяжелого сапога на лежащую на камнях фигурку и раздавил ее в пыль. Затем его словно втолкнуло и непроницаемую черноту.

XX. БОГИ СВЕТА И ТЬМЫ

И если с Кракеном придется бой принять,
Что прилетел на пир кровавый свой,
Ты должен как скала стоять.
И феникс совладает с Тьмой!

Видения Эпимитреуса

Откуда-то издалека, сквозь погруженные в непроглядную ночную темноту ущелья вечного холода и мрака, донесся слабый далекий голос, звавший его...

Сознание постепенно возвращалось к Конану, и ощущения окружающего мира снова проникли в его тело. Он почувствовал, как грубые мозолистые руки крепко схватили его под мышки, и услышал скрипение песка под своими тяжелыми волочившимися по камню сапогами. Конан жадно глотнул воздух, задохнулся и открыл изумленные глаза. Над его головой возвышалась неуклюжая сопящая громада Сигурда Рыжебородого и увенчанная тюрбаном здоровенная фигура Горана Сингха, которые поддерживали его с обеих сторон.

— Оставьте меня, во имя Крома, — прохрипел он. — Я могу идти сам.

Пираты остановились и помогли ему встать.

— По крайней мере, мне так кажется, — глухо проворчал Конан, чувствуя, что ноги бессильно подгибаются под тяжестью его тела. Он покачнулся и рухнул бы вперед, на ступени одной из граней пирамиды, если бы стоящие рядом товарищи не поддержали своего вернувшегося почти с того света главаря.

Они усадили Конана на одну из ступенек каменной лестницы на склоне пирамиды. Тысячи крохотных иголок пронизывали его тело — кровь снова весело бежала по жилам. Он огляделся, постепенно вновь обретая способность ясно соображать и восстанавливая в памяти происшедшее.

Странная угрожающая тишина царила вокруг. Пираты уже протащили своего предводителя полпути вниз по лестнице, ведущей к площади. Там в боевом порядке выстроились ряды многочисленной охраны. Но невысокие коричневые воины в поблескивающих на солнце стеклянных доспехах не обращали на пиратов ни малейшего внимания. Их взгляды, полные благоговейного трепета, переходящего в ужас, были прикованы к чему-то наверху. Повернув голову и взглянув туда через плечо, Конан почувствовал, как леденящий холодок пробежал по его спине. Высоко, над самым храмом на вершине черно-алой пирамиды, какая-то странная сила росла, пульсируя и мерцая серебряными искрами.

— Оно возникло из той драгоценной фигурки, которую ты раздавил ногой, — напряженно пробормотал Сигурд, искоса бросая вверх мрачные взгляды. — Одному Митре известно, что происходит там наверху, но, похоже, мы все слышали странный внутренний голос, велевший нам уходить отсюда и как можно быстрее. Чтоб мне утонуть, но эта дьявольская магия и черное колдовство могут вконец сбить с толку любого бывалого рубаку!

Конан коротко усмехнулся. Там, в вышине, похожие на бриллиантовую пыль искорки слабого света поднимались из раскрошенных остатков талисмана, словно увлекаемые могучими порывами ветра, они быстро взлетали

ввысь и там скручивались упругими смерчами. Черная туча кровавого Хотли еще висела над каменным алтарем. Его темные дымчатые образования, похожие на щупальца, в беспокойстве шевелились и напряженно вытягивались и отдергивались назад, как будто в предчувствии приближения смертельного врага.

Закрученные в вихре пылинки света все поднимались вверх и разгорались, превращаясь в несущуюся в воздухе ослепительную галактику сверкающего света. Вьющиеся конечности обхватывали темную массу Хотли и разрывали этот мрак. Так миллионы разгорающихся звезд рассеивают ночную тьму.

Конан вздрогнул, как будто по его волосам пронесся ледяной порыв ветра из межзвездных пространств. Светящееся облако начало обретать форму, оно растягивалось в вышину, сжимаясь вокруг Хотли в цепком объятии множеством сверкающих щупалец. Митра — каким-то непонятным ему самому образом Конан узнал, что свет был именно этим божеством, — заговорил. Гром, словно от тысяч могучих бурь, каменным обвалом прокатился по площади. Земля задрожала. Пирамида поплыла под ногами пиратов, обрушивая вниз дождь обломков лепных фигур. С оглушительным грохотом огромный кусок площади осел вниз и исчез из виду, унося с собой сотни пронзительно вопящих маленьких коричневых солдат. Вверх взметнулось удушливое непроницаемое облако известковой пыли. Конан понял, что это, должно быть, обрушились своды драконьей пещеры.

— Скорее прочь отсюда! — проревел он.

Киммериец вскочил на еще плохо слушающиеся ноги и, пошатываясь и спотыкаясь, стал быстро спускаться вниз. Вслед за ним покатился темный вал завывающих пиратов. Те, что уже имели оружие, бежали впереди. Но у подножия пирамиды уже никого не было. Еще минуту назад стройные ряды антильских воинов рассеялись, как мираж. Побросав оружие, коричневокожие солдаты что есть мочи бежали к городским воротам, срывая и разбрасывая по пути свои кристаллические шлемы, кольчуги и панцири, которые затрудняли движение. Скоро спины последних из них скрылись за поворотами узких улиц.

— Хватайте оружие и быстро к гавани! — закричал Конан.

Высоко вверху Боги Света и Тьмы сплелись в невидимой схватке. Огненные взрывы молний били из вращающегося образования, которое обрело форму и вспыхивало сейчас миллионами звезд света, вокруг которого извивались, то смыкаясь, то отступая, щупальца черного дыма.

Земля качалась под ногами. С другой стороны площади огромные серые очертания Передней Богов заколебались в висящей в воздухе пыли, по стенам мрачного строения побежали трещины, осыпая вниз дождь раскрошенных кирпичей, и затем все здание рухнуло лавиной мелкого щебня, подняв тучу удушливой пыли. Как гигантское дерево, подрубленное дровосеком, одна из высоких остроконечных башен у площади наклонилась и, покачнувшись, с оглушительным грохотом обрушилась на черные булыжники мостовой, так что земля под ногами пиратов подпрыгнула.

Конан рысью бежал впереди своих людей по улицам Птаукана, не обратив никакого внимания на нескольких антильских воинов, встретившихся им на пути. Антильцы, охваченные безумным страхом, были поглощены отчаянными усилиями как-то спасти свою жизнь и даже не повернули головы в сторону убегающих пленников.

— Сюда! — проревел Конан. — Скорее к гавани, пока весь этот проклятый город не рухнул на нас!

За их спиной полуденные тени легли на площадь Пирамиды. То здесь, то там бриллиантами вспыхивали огоньки, куда ярче, чем уже клонящееся к закату солнце. Звуки сверхъестественной битвы громыхали, с треском разрывали небо, отдавались гулкими барабанами и отдаленным ревом. Под режущими лучами нестерпимого света черное облако, казалось, всасывало свою туманную массу в себя. Оно сжималось, рассеивалось и наконец исчезло. Небывалое напряжение космических сил, сплавлявшее их в единый бешеный вихрь, спало. Когда черные силы погибли, весь город затрясся, как будто был воздвигнут на поверхности барабана, по которому били невидимой дубиной. Еще несколько зданий с грохотом рухнуло вниз.

Площадь Пирамиды исчезла. На одно мгновение над этим местом вспыхнул ослепительный огненный смерч, во много раз ярче солнца, затем он исчез, и в небе раздался чудовищный грохот, от которого все оставшиеся в городе люди на время оглохли.

Гигантский столб густого черного дыма поднялся над разрушенным городом. Над ним разрослась клубящаяся грибовидная шапка. Звездное сияние Бога Света некоторое время еще играло над ней, как драгоценная корона. Скоро искрящийся свет погас, и это зловещее темное образование начало рассеиваться, смешиваясь с серым облаком пыли, висящим над городом. То здесь, то там сквозь серую пелену смутно виднелись уходящие вверх клубы черного дыма от горящих домов.

Понемногу в Птаукане снова начали появляться первые признаки жизни. Люди группами и по одному тянулись из окружавших город зеленых равнин, но там их ждали неожиданные известия.

Бóльшая часть жрецов или погибла под обломками разрушенных храмов, или сбежала из города. В течение прошедшей ночи и следующего дня после катастрофы лишь один человек во всем Птаукане остался во главе сколь-нибудь мощной организации. Это был король воров — Метемфок.

Пока город был почти безлюден, скованные железной дисциплиной отряды Метемфока захватили уцелевшие большие здания и склады оружия. Те немногие жрецы, которых им удалось обнаружить, были убиты. Двери подземных темниц открылись, и на свободу вышли не только приговоренные к смерти члены Метемфоковой банды, но и сотни простых антильцев, которых под тем или иным предлогом заточили туда, чтобы принести в жертву Хотли. Многие из них присоединились к Метемфоку, хотя большинство осталось в стороне, опасаясь гнева жрецов или своих богов или просто предпочитая подождать, пока не выяснится, кто оказался сильнее.

Сбежавшие из города жрецы собрали небольшие отряды еще преданных им воинов и попытались пробиться назад в свою столицу, но теперь хорошо вооруженные

молодчики Конана напали на них с тыла и легко обратили антильцев в бегство.

Так что вскоре под руководством толстого хитреца Метемфока жители Птаукана принялись за грандиозное и нелегкое занятие по восстановлению разрушенного города. Предводитель воров вряд ли мог стать идеальным правителем, но все же трудно было представить себе, что его правление могло бы оказаться тяжелее железной руки жрецов, много веков державших страну в постоянном страхе. Так что в этот последний уединенный уголок, дальний отголосок великой цивилизации древней Атлантиды, приходило недолгое время мира и спокойствия.

И, возможно, в неких неизвестных реалиях за звездным небом духи старых богов, которые господствовали над небесами Атлантиды в древние времена и которые в конце концов отвернулись от людей, воспринявших культ Черного Хотли, и ввергли остров в морскую пучину, под многомильную толщу зеленоватых вод Великого Моря, — возможно, умершие боги видели это и улыбались, и с оставшимися у них силами они благославляли людей.

Кром! Как хорошо было вновь ощутить прочные доски палубы под ногами, даже если она и была такой чертовски странной палубой, как эта! После падения Птаукана Конан в течение месяца предавался еде и пьяным пирушкам. Измотанный донельзя кровопролитными схватками в подземном мире туннелей под Птауканом, а затем и в самом городе, он проспал весь день и две ночи. Но в течение всех последующих дней, которые он провел в праздности и безделии, зевая над чашей вина вместе со своими товарищами по плаванию, съедая и выпивая за троих, былая сила постепенно возвращалась к нему.

И вот теперь, когда встающее на востоке, но еще невидимое солнце окрасило небо и полосы облаков в золотистые и розовые цвета, он бродил взад и вперед по позолоченным доскам палубы антильского корабля-дракона и пил полной грудью чистый и холодный морской бриз, который взбивал и клочьями уносил туман с зеленой поверхности Западного Моря. В его душе играло чувство глубокого удовлетворения. Ха! Он был стар, не так ли? Самое время забраться под покрывало и дать возможность

бормочущим под нос лекарям безболезненно проводить его в другой мир.

Конан фыркнул. Он все еще был в состоянии провести с женщиной Катлахос ночь, которая оставила бы ту обессиленной, но счастливой. Старая, непреодолимая тяга к необычайным путешествиям и приключениям еще наполняла его грудь. В его высохшем крепком теле еще бурлило достаточно жизненных сил, по меньшей мере — для одного-двух приключений!

Конан ударил по позолоченному релингу своей твердой сильной рукой, как человек похлопывает по боку крепкого жеребца. Одно последнее приключение...

Он огляделся. Когда Конан во главе серой от пыли шайки пиратов вырвался из рушащегося за их спиной города, безошибочный взгляд старого морского разбойника сразу определил лучший корабль в гавани Птаукана. Он повел их на борт одного из самых совершенных и боевых кораблей, какие ему только доводилось видеть. Несколько месяцев назад, когда возник из серой утренней дымки, словно чудовище времен юности земли, «Красный Лев» превратился в плавучий сундук под его мощным натиском. Конан усмехнулся и подумал о том, какое любопытство вызвало бы грозное судно атлантов на Барахских островах.

Правда, приобретение этого судна, которое он назвал «Крылатым Драконом», не обошлось без трудностей. Пиратам, враждебным ко всяким новшествам, как и все моряки, очень не нравилась странная оснастка корабля. Почему бы, говорили они, не вытащить на пляж корпус «Красного Льва» и не привести его снова в порядок? Но после короткого обследования Конан обнаружил, что галеон вряд ли удастся восстановить без помощи одной из верфей по другую сторону океана. Корпус судна был прожжен в нескольких местах насквозь, мачты, паруса и снаряжение сгорели, и их можно было восстановить, лишь приложив огромные усилия. Куда практичнее было очистить его трюмы от оружия и разной прочей оснастки и перенести все это на борт «Крылатого Дракона».

Однако потребовалось много дней, чтобы команда наконец полностью освоила экзотическое судно, сделав заодно кое-какие изменения в его конструкции, которые

показались Конану необходимыми. Более того, «Крылатый Дракон» был галерой, а потому для него нужен был экипаж числом побольше. К счастью, среди антильцев нашлось достаточно искателей приключений, из которых и была набрана команда гребцов.

Сигурд Рыжебородый тяжело взобрался по трапу на ют, чертыхаясь и сплевывая.

— Ха, Лев! — хрипло воскликнул он. — Как спалось?

— Спал как мертвец.

Сигурд подернул широкими плечами и бросил взгляд назад, где утренняя дымка скрывала семь островов Антилии.

— Мертвецы остались там, позади, много их, — проговорил он. — Клянусь зеленой бородой Ллира и рыбьим хвостом Дагона, я просто восхищен тем, как ловко ты вышиб ворота нашей тюрьмы!

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Конан.

— Нет, ничего! Но человек, который, как ты, вытащил своих товарищей из самого пекла, заслуживает уважения, — особенно если для этого ему пришлось оставить полгорода в развалинах.

Конан коротко рассмеялся.

— Конечно! Я бы с удовольствием разрушил и вторую половину, лишь бы иметь такого старого моржа, как ты, рядом с собой.

Сигурд вздохнул:

— Хорошо тебе говорить, Амра. А я уже не так проворен, как в былые времена.

Он взглянул на горные пики Антилии, поднимавшиеся из молочной дымки.

— Мы могли бы прийти на помощь Метемфоку, позволив ему нанять нас в свою безжалостную армию.

Конан усмехнулся и покачал головой:

— Мы, бывшие короли, становимся дьявольски гордыми и не идем на службу к другому человеку, там, где можем справиться сами.

Солнце уже поднялось выше, окрасив небо в ярко-голубые прозрачные тона. Белые чайки с пронзительными криками кружили над мачтами «Крылатого Дракона», и голубые волны мягко бились во вновь просмоленный и выкрашенный пузатый корпус судна. Конан снова глубоко

вдохнул морской ветер. Рядом с ним Сигурд украдкой бросил взгляд на разгорающийся в небе день и затем посмотрел на стальную бородку и изрезанный шрамами профиль своего закадычного товарища.

— Что же теперь, Лев? — поинтересовался он. — Назад на Барах, или пойдем грабить берега Стигии и Шема?

Конан покачал головой:

— Такой корабль не создан для того, чтобы одолевать просторы океана. Со всеми нашими гребцами, которых нужно кормить и поить, мы никогда не сможем сделать этого.

— Но смогла же та зеленая галера, повстречавшаяся нам в океане.

— Да, но я не колдун, чтобы призвать себе на службу экипаж бесплотных духов вместо гребцов.

Конан погрузился в тяжкие раздумья. Метемфок о многом рассказал ему. Старый вор утверждал, что еще дальше к западу, у самого края мира, лежит огромный неизведанный континент — Маиапан, как его звали атланты и их антильские потомки. Они совершали набеги на дальние берега в поисках золота, изумрудов и залежей меди; за краснокожими рабами и забавными птицами с пышным оперением; за похожими на тигров огромными дикими кошками, чьи красивые золотистые и рыже-коричневые шкуры были местами усыпаны черными пятнышками. Там также существовали варварские государства, основанные выходцами из Атлантиды и Антилии, и культы Гигантской Змеи и Саблезубого Тигра вели жестокое состязание, купаясь в крови человеческих жертвоприношений и отвратительных ритуалов.

Совсем новый мир, думал он, мир непроходимых джунглей и бескрайних равнин, величественных горных хребтов и спрятанных в ущельях озер, где могучие реки извиваются, словно потоки расплавленного серебра, исчезая в изумрудных чащобах джунглей, — мир, где неизвестные народы поклоняются странным, внушающим ужас богам...

«Сколько еще неведомых приключений может скрываться в глубинах далекого Майапана?» — думал Конан. Метемфок называл его «Кукулькан», но было ли это какое-то новое прозвище на антильском языке, или

дословный перевод «Конан-киммериец», или еще что-то в этом роде, Конан так никогда и не узнал. Если он попадет в этот новый мир, где люди никогда не видели бородатых людей с оружием из стали и стекла, — что ж, может, он завоюет еще одну обширную империю, где ему будут поклоняться как богу, и принесет зачатки цивилизации из старого в новый мир. Быть может, тогда он станет легендарным героем, имя которого будут повторять еще сотни поколений спустя...

— Одному Крому известно! — глухо проговорил он. — Давай-ка забросим что-нибудь в глотку, тогда и обсудим это дело. Клянусь всеми богами, спасение мира от гибели прибавляет человеку аппетита!

Они спустились вниз. Через несколько часов огромный корабль, который позже народы Майапана будут называть «Куэтзалкоатл», что означает на их непривычном для наших ушей языке «Пернатый Змей», — поднял якорь. Судно взяло курс на юг, а затем, обогнув Антильские острова, отправилось далее на неведомый Запад.

Но что произошло далее, обрывающаяся здесь старинная летопись не сообщает.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

ПОЕДИНОК В ГРОБНИЦЕ *(пер. Е.Хаецкой)* 7
ГОРОД ЧЕРЕПОВ *(пер. Е.Хаецкой)* 21
НОЧНЫЕ ТЕНИ ЗАМБУЛЫ *(пер. Е.Кравцовой)* . . 52
ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ *(пер. Е.Кравцовой)* 91
КИНЖАЛЫ ДЖЕЗМА *(пер. Е.Кравцовой)* 124
ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КОЛДУНЬЯ *(пер. А.Чеха)* . . 222
ЧЕРНЫЙ СФИНКС НЕПТХУ *(пер. А.Чеха)* 252
АЛАЯ ЛУНА ЗИМБАБВЕ *(пер. А.Чеха)* 286
ТЕНИ КАМЕННОГО ЧЕРЕПА *(пер. А.Чеха)* 315

КОРОНА КОБРЫ. Роман *(пер. А.Чеха)* 337

ТЕНИ УЖАСА. Роман *(пер. С.Иванова)* 469

Литературно-художественное издание

Леон Спрэг де Камп
Лин Картер
КОРОНА КОБРЫ

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Нина Богачева
Маргарита Ахметова

Верстка
Владимира Титова

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать с оригинал-макета 13.09.96.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».
Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 33,6.
Изд. № 134. Заказ № 68.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

Читатели откроют для себя писателя, имя которого овеяно множеством легенд. Это знаменитый американский фантаст **ДЖОН ДЖЕЙКС**.

В рамках серии «Сага о Бессмертных Героях» выходят в свет романы Джона Джейкса под общим названием «**БРЭК-ВАРВАР**». Летопись о приключениях отважного варвара множество раз переиздавалась на Западе — и вот наконец-то переведена на русский язык.

Джейкс создал свой неповторимый, удивительный мир, населил его самыми загадочными племенами и народами. И самое главное – автор создал великолепного Героя. Сказание о странствиях и подвигах могучего Брэка – это один из лучших образцов героического фэнтези. Это подлинный подарок тем, кто не привык скучать над книжными страницами, кто жаждет стать участником головокружительных приключений, испытать свою волю и ощутить вкус настоящей борьбы.

Не пропустите двухтомник Джона Джейкса «БРЭК-ВАРВАР»!

ТАКОГО ГЕРОЯ ВАМ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА!

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

КЕЙН

Создатель всемирно известного сериала о Кейне-Меченосце – американский фантаст Карл Эдвард Вагнер, признанный ученик Роберта Говарда, автор блестящего романа о Конане «Дорога Королей».

Изгнанный безжалостными властителями воин-колдун Кейн — скорее сторонний наблюдатель, чем активный участник необычайных событий, происходящих в мире, где правит черная магия.

Но стоит только подуть Ветру Ночи, как бессмертный воин, обнажив свой сверкающий клинок, бросается в битву против сил Зла. Ужасные оборотни, безымянные чудовища Хаоса, незнающие жалости убийцы... никто не может противостоять Кейну Меченосцу.

Читайте первые два тома «Сказания о Кейне»:

Том 1. «Ветер Ночи»
Том 2. «Ангел Смерти»

АСГАРД
ВАНАХЕЙМ
ГИПЕРБОРЕЯ
Тундры
Степи
Пустыни
МОРЕ ЗАПАДА
ДЕБРИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БРИТУНИЯ
НЕМЕДИЯ
ЗИНГАРА
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КИТАЙ
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
Халога
Гаппаран
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Тарантия
Шамар
Ианта
Аренджун
Корпашские горы
остров Железных Идолов
Кордава
Акнт
Агрепур
Самарра
Шангара
Замбула
Хорезм
Кутхемес
Эрук
Асгалун
Мессентия
Барахские острова
Птейон
Кеми
Лунсур
Сухмет
Алкмеон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
остров Сиптах
Черный остров
р. Стикс
р. Заркеба
Красная пустыня
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
С
З
В
Ю

Леону Спрэгу де Кампу и Лину Картеру первыми посчастливилось ознакомиться с архивом Великого Мастера — Роберта Ирвина Говарда. Писатели нашли в себе мужество продолжить Сагу о Конане и создать множество замечательных рассказов, повестей и романов о приключениях киммерийца. Они сумели, сохранив уникальное звучание говардовской прозы, восстановить черновики Мастера. Как многогранен образ могучего воителя из Киммерии! Насколько талантливо передали авторы сложную и противоречивую натуру неутомимого на подвиги и авантюры киммерийца. Спрэг де Камп и Картер положили начало триумфальному шествию Конана по страницам десятков и сотен изданий. Наша книга — дань уважения двум непревзойденным фантастам, их безудержной фантазии и преданности величайшему герою всех времен

БЛАГОРОДНОМУ ВАРВАРУ КОНАНУ

4 600202 000110

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.